

У(М)-Тур V
К 41
ББК 63.3(5) ВЕЛ
К41

Перевод с английского
М. ПАЛЬНИКОВА

Оформление
В. ОСИПЯНА

8 2 5 7 4 6 2.1.1

К41 Кинросс Лорд
Расцвет и упадок Османской империи/Пер. с англ.
М. Пальникова. — М.: КРОН-ПРЕСС, 1999. — 696 с. — Серия
«Экспресс».

ISBN 5-232-00732-7

Эта фундаментальная работа, освещающая 600-летнюю историю Османского государства, начиная с 1300 года и вплоть до возникновения Турецкой Республики, вышла в Нью-Йорке в 1977 году и принесла автору, английскому писателю, журналисту и историку, Лорду Кинроссу заслуженный успех.

Книга, написанная в доступной научно-популярной форме, воссоздает наиболее полную, яркую и захватывающую картину турецкой истории.

В России «Расцвет и упадок Османской империи» издается впервые. Столь подробного и основательного исследования по истории Турции в отечественной литературе до сих пор еще не было.

© 1977, Lord Kinross
© Перевод, М. Пальников, 1998
© КРОН-ПРЕСС, 1999

52Р(03)—99

ЦГП Б. им. Е. А. Некрасова
Отдел абонемента и обслуживания
Сектор

Предисловие к русскому изданию

Лорд Кинросс (Патрик Бальфур) — автор предлагаемой читателю книги, известный английский писатель и журналист, занимавшийся вопросами турецкой истории. Большую популярность принесла ему вышедшая в 1964 году книга об Ататюрке, основателе Турецкой Республики. В рецензии, опубликованной газетой «Таймс», эта работа была справедливо оценена как «наиболее значительное и полное исследование об Ататюрке на английском языке».

В следующей книге Кинросса объектом его внимания стала 600-летняя история Османской империи. Ее рассмотрение должно было, по замыслу автора, показать значимость исторического наследия для Турции XX века и закономерность появления в турецком обществе таких выдающихся политиков и государственных деятелей, как Мустафа Кемаль Ататюрк. Иначе говоря, проблемы современного Турецкого государства подтолкнули автора обратиться к событиям прошлых лет, к последовательному рассмотрению истории турецкого народа, к выяснению его национального характера, к осмыслению сложных взаимоотношений турок с соседними народами.

В отличие от предшествующей работы, основанной на широком круге источников, в том числе материалов президентского архива в Анкаре, нынешняя книга написана в жанре научно-популярного повествования. Несмотря на увлеченность автора турецкими сюжетами, его вряд ли можно считать профессиональным историком-османистом. Ни уровень его лингвистических познаний в старотурецком языке, ни опыт самостоятельных изысканий по тем или иным проблемам османской истории не давали ему возможности выстроить задуманную работу как оригинальное историческое исследование. Да и собственно английская османистика только начинала развиваться в те годы, когда Лорд Кинросс уже приступил к написанию своего труда.

Целью автора было воссоздание более полной картины турецкой истории на основе уже существующей западной историографии. Он, несомненно, учитывал традиционно высокий интерес британской читающей публики к истории Ближнего и Среднего Востока.

Поэтому книга должна была в доступной и увлекательной форме донести до широкой аудитории основные итоги научных изысканий, начатых трудом преподавателя американского Роберт-колледжа в Стамбуле Герберта А. Гиббонса, изданным в 1916 году¹. С того времени не иссякал поток исторических публикаций, касавшихся разных сторон жизни турецкого общества в прошлом и настоящем. Повышенное внимание западных исследователей к Турции объяснялось отчасти самобытностью политического курса страны в 20—30-е годы, когда она выступала в качестве бесспорного лидера стран Ближневосточного региона, отчасти — решительным переходом от однопартийного режима к многопартийному в период после Второй мировой войны, отчасти — явно проамериканской ориентацией Турции как члена НАТО с начала 50-х годов и многим другим.

Не прекращались и научные дискуссии вокруг исторического опыта Турции. Они особенно оживились после публикации в 1935 году серии лекций ведущего турецкого исследователя М.Ф. Кёпрюлю² и монографии австрийского тюрколога Пауля Виттека в 1938 году³. В идейно-политической обстановке первых десятилетий XX века были весьма популярны на Западе идеи Г. Гиббонса о том, что расширение османской власти шло не столько за счет притока тюркских кочевников с Востока, сколько за счет обращения в ислам византийских греков, и потому силой, создавшей османскую державу, должны считаться не азиаты, а европейские элементы. Однако в республиканской Турции, где турецкий национализм обрел господствующее звучание, они были отвергнуты. Предложенная М.Ф. Кёпрюлю собственная теория происхождения Османского государства была не только критическим ответом Гиббонсу, но и легла в основу национальной школы турецкой историографии. Слабой стороной работы американского автора Кёпрюлю считал пренебрежительное отношение к ранним османским хроникам. Между тем обращение к сведениям, которые в них содержатся, позволило турецкому историку утверждать, что Османское государство было в основе своей тюркским образованием, оно было создано тюрками, и почти все элементы османской политической культуры могут быть объяснены тюрко-мусульманским наследием Центральной Азии, а также Ближнего и Среднего Востока.

П. Виттек по многим аспектам своей концепции выступал как критик Кёпрюлю. В частности, он не принял идеи об этническом

¹ См.: Gibbons H.A. The Foundation of the Ottoman Empire. Oxford, 1916.

² См.: Köprülü M.F. Les origines de l'Empire Ottoman. Paris, 1935. Имеется русский перевод: Кёпрюлю М.Ф. Происхождение Османской империи (пер. А. М. Шамсутдинова). М., 1939.

³ См.: Wittek P. The Rise of the Ottoman Empire. London, 1938.

единстве населения раннего Османского государства. По его мнению, энергия первых османских завоевателей определялась их приверженностью к идее газавата («священной войны»). Виттек призывал различать условия в центре Анатолии и на ее окраинах. Если в центре преобладала персидская дворцовая культура, а тамошнее оседлое население предпочитало мирные отношения с Византией, то в пограничных с Византией областях ведущая роль принадлежаланомадам, воинам, авантюристам и страстно проповедникам ислама — дервишам. Они были движимы поисками новых земель для пастбищ, добычи, славы и выполнением религиозного долга. Идеи Виттека, лишенные националистической окраски, которая была свойственна трудам Кёпрюлю, особенно его тезис о газавате, делавший упор на религиозную мотивацию, завоевали в последующие годы широкое признание. Их влияние нетрудно заметить и в книге Кинросса.

Однако еще более отчетливо прослеживается в этом обширном сочинении воздействие тех работ западных историков, которые появились после Второй мировой войны. Они предложили новое видение турецкой истории на основе концепции «модернизации». Важнейшим ее постулатом выступало утверждение о неизбежности и благотворности развития восточных обществ по пути, пройденному странами Запада. Обращение к западным ценностям и институтам рассматривалось как единственная возможность преодоления отсталости, экономического застоя и религиозного консерватизма. Соответственно, все усилия Запада, направленные на насильственную трансформацию («вестернизацию») стран Востока, рассматривались как объективно прогрессивный процесс.

Вслед за выдающимся английским историком А. Тойнби, обосновавшим в своих трудах скорую победу западной цивилизации, специалисты по Турции уделяли особое внимание социальным и культурным основам модернизации. В османской истории они особо выделяли время вестернизаторских реформ в XIX веке, получившее название периода Танзимата. В данном случае процесс модернизации, как подчеркивалось в их работах, начался с ограниченного замысла реформирования армии на европейский лад. Однако вскоре стало ясно, что перемены не ограничиваются столь частной задачей. Вначале инициаторы танзиматских преобразований имели слабое представление о западной цивилизации, хотя и были убеждены, что восприятие западного опыта даст единственную возможность для преодоления продолжавшейся стагнации и распада Османской империи. Они избрали путь постепенной трансформации правовых, политических и экономических устоев осmano-исламского социального организма. Подобные перемены означали подрыв традиционных коллективистских основ османского общества и выявление в нем

автономных групп и самостоятельных личностей. Одновременно менялись духовные ценности, они обретали более индивидуалистские и материалистические основания. Тем самым, по мнению сторонников данной парадигмы, были заложены предпосылки для последующего ускоренного преобразования турецкого общества на основе западной модели.

Подобные взгляды близки и Кинроссу. Не случайно так подробно описан в книге период правления Махмуда II (1808—1839), который выступал вдохновителем танзиматских преобразований. Автор провозглашает его «великим реформатором», поскольку целью усилий Махмуда II было превращение Османской империи в «современное либеральное государство, построенное на конституционных принципах Запада». Осуждая деспотизм другого османского правителя Абдул-Хамида II (1876—1909) и его негативное отношение к либеральным порядкам, Кинросс вместе с тем находит в деятельности этого султана и положительные моменты. Он подчеркивает, что, даже отворачиваясь от западных держав, Абдул-Хамид II все же «по-прежнему продолжал заимствовать опыт Запада» и добивался «воплощения в конкретных практических формах долго не реализовавшихся идеалов танзимата». Соответственно и Ататюрк, создавая Турецкую Республику, строил ее на тех же принципах «либерализма и конституционных перемен, которые были порождены танзиматом».

Свою работу Кинросс закончил и опубликовал в конце 70-х годов. Было бы некорректно упрекать его за то, что он не учел в ней исследований историков, появившихся в 70—80-х годах и поставивших под сомнение многие из тех положений, которые считались общепризнанными в историографии Турции. В частности, авторы «новой волны» подвергли резкой критике концепцию Виттска и особенно его идее о роли газавата. По их мнению, эта идея предполагает господство в Османском княжестве нормативного ислама и соответствующую изолированность от «несверных». На самом деле раннее османское общество было открытым, ибо его членов отличала приверженность к неортодоксальным течениям в исламе, веротерпимость и готовность к соглашению с христианскими соседями. Соответственно, и деятельность османских завоевателей должна была определяться не религиозной мотивацией, но иными соображениями, в том числе стремлением к владычеству и потребностью в грабежах.

Не менее решительно были настроены леворадикальные критики концепции «модернизации». В противовес ей они выдвинули теорию «периферийного капитализма», которая должна была объяснить особенности эволюции Османской империи в XVI—XX веках. По их замыслу, новый подход позволяет вывести османскую историю за

узкие рамки представлений о «больном человеке Европы» и сосредоточиться на переменных в сферах материального производства и обмена и в социальной структуре и общественной жизни. Ключевую роль в этом подходе играет идея о том, что современный мир представляет собой единую мировую общественно-экономическую систему, состоящую из развитых капиталистических стран Запада (ставших центром системы) и стран Азии, Африки и Латинской Америки (образовавших ее периферию). Отношения центра и периферии в ней характеризуются тем, что основные законы способа производства, господствующего в центре, определяют и развитие периферии. Таким образом, вовлечение стран Востока, в том числе и Османской империи, в эту систему, происходившее на протяжении XVI—XIX веков, означало, что их дальнейшее самостоятельное развитие блокировано Западом и под его влиянием они переходят на путь «периферийного капитализма».

Конечно, все указанные новые веяния отражают состояние поиска в академической науке. Что же касается взглядов и вкусов широкой общественности, то они всегда отличались определенным консерватизмом и критическим восприятием всевозможных новаций. Данное обстоятельство следует учитывать и при оценке книги Кинросса. Она была рассчитана на широкую, преимущественно англоязычную аудиторию и должна была учитывать не только ее интерес к событиям на Ближнем и Среднем Востоке, но и уровень знаний и, что не менее важно, те стереотипы восприятия этих событий, которые присущи будущим покупателям этого издания.

Важно отметить, что книга была положительно оценена английской прессой. Многочисленные и весьма благожелательные отзывы рецензентов свидетельствуют о том, что идеи автора не разошлись со взглядами его читателей. Последнее обстоятельство имело, видимо, важное значение при выборе этой книги для российской аудитории. Ее публикация на русском языке получила двойную значимость. Во-первых, столь подробного и увлекательного рассказа по истории Османской империи нет до сих пор в отечественной литературе. Во-вторых, российский читатель на основании данного издания может судить о том, что «средний англичанин» знает о Турции, как он представляет себе ее историю и как им осмысливается связь прошлого Турции с ее настоящим.

Прежде всего бросается в глаза, что изложение османской истории дается на основе традиционной схемы «возвышение — упадок». Первые три главы повествуют о том, как быстро и успешно создавалась держава турецких султанов, четыре последующие раздела книги посвящены «постоянным судорогам упадка», который, «несмотря на периоды передышек и проблесков временного восстановления, был необратим». Столь же традиционные объяснения

происходившего. «Успехи нового государства определяются в первую очередь кипучей энергией первых десяти «великих султанов». Последующие двадцать пять правителей империи были «людьми иного масштаба», не имеющими достаточных знаний для управления страной. Другая причина быстрого взлета Османского государства состояла в обращении к старым имперским традициям, которые позволяли осуществлять «правление с помощью завоеванных в пользу завоевателя». Соответственно, и упадок империи вытекал из отказа от использования этих традиций или неверного их понимания, что вело к ослаблению центральной власти и падению султанского авторитета.

Познакомившись с сочинением Лорда Кипресса, российский читатель, несомненно, обратит внимание на то, что жители туманного Альбиона любят, когда история рассказывает по-старому: о царях-салтанах, о мудрых и глупых министрах-визирях, о верных и неверных женах и т.п. И хотя сами английские историки давно отошли от подобного принципа изложения, в популярной литературе он по-прежнему широко применяется.

Не останется незамеченной и другая особенность авторского замысла, учитывавшего представления своих читателей о роли Великобритании на мировой арене. Поэтому Лондон в книге выступает как единственный союзник и мудрый советник султанского правительства (Высокой Порты) в трудные для Османской империи годы. Вряд ли за этим сознательное искажение истины. Такова традиция, восходящая к публикациям британской прессы XIX века, того времени, когда Англия была и «мастерской мира», и «царицей морей», и не без оснований претендовала на ведущую роль в мировой политике. Из этих публикаций заимствован и рассказ о «блесте Дибича» в ходе русско-турецкой войны 1828—1829 годов, утверждение о том, что на исходе другой войны, 1877—1878 годов, русские не вошли в Константинополь лишь из-за решительной позиции, занятой Англией, и странно для нынешнего уровня знаний заявление о «последовательно благожелательном отношении и поддержке со стороны Британии» турецкого султана в момент захвата англичанами Египта в 1881 году. Сегодня роль Англии изменилась, а традиционное представление о ней, как мы видим, сохраняется.

Жанром повествования можно объяснить и довольно частые преувеличения и неточности. Их вряд ли заметит обычный читатель, но для профессионального историка они видны с первого взгляда. Особенно автор склонен идеализировать «великих султанов». Так, вслед за османскими придворными панегиристами-шахнамеджи он повторяет, что султан Сулейман Кануни (1520—1566) «был предан делу справедливости, чести и порядка», лишь огромные просторы империи не позволяли султану непосредственно советоваться со

своими подданными, но, тем не менее, он много делал «для особой выгоды своих христианских подданных». Неудивительно, что свод султанских установлений (канун-наме) для Египта, созданный при Сулеймане, напоминает Кинроссу конституцию. Чтобы утверждать, будто бы успехи Барбароссы и его сподвижников в Северной Африке обеспечивали превращение Средиземного моря в османское озеро, автору пришлось «забыть» о существовании Испании, Франции и итальянских государств, не говоря уже о неудачной попытке захвата турками острова Мальты.

Еще менее сдержан писатель в оценках роли султанов-реформаторов — Селима III (1789—1807) и Махмуда II. Он пишет о «непоколебимой уверенности» первого из них в деле «радикального реформирования империи» в «новом духе секуляризма». Между тем реформаторские замыслы Селима III были весьма ограничены и отнюдь далеки от радикальных. Он никогда не покидал на позиции мусульманского духовенства. В работах современных туркологов, особенно в монографии А.Ф. Миллера, хорошо показана его непоследовательность в осуществлении своих планов, завершившаяся отказом от задуманного из-за угрозы ялыгдарского бунта¹.

Столь же преувеличены похвалы в адрес Махмуда II. Осуществлявшиеся в его правление преобразования означали, по мнению Кинросса, «ничуть не меньшее, чем трансформация Турции из средневековой империи... в современное конституционное государство». Далее отмечается, что еще одной целью политики Махмуда II было отделение религиозной власти от гражданской и что реформаторская деятельность султана основывалась на «подлинно конституционных принципах демократии». С этими заключениями никак нельзя согласиться.

Если исходить из материалов, которыми располагают историки, можно с уверенностью говорить, что преобразования, начатые по инициативе Махмуда II, состояли в обретении эффективных рычагов управления — реформирования армии, новой структуры государственного аппарата, бюрократии, обученной по-европейски². Тем самым он добивался утверждения режима абсолютной власти в империи. Это признает и сам Кинросс, указывая, что Махмуд II стремился к восстановлению за султаном права на ту высшую власть, «выражением которой была воля падишаха». В принципе высшая власть может выступать либо как воля падишаха, либо как конституционная

¹ См.: Миллер А.Ф. Мустафа паша Байрактар. Османская империя в начале XIX в. М.; Л., 1947.

² См. об этом: Петросян И.Е., Петросян Ю.А. Османская империя. Реформы и реформаторы. М., 1993; Димитров С. Султан Махмуд II и край на енигере. София, 1993.

норма, выражающая интересы всего общества. Поскольку Махмуд II делал все возможное для восстановления своей абсолютной власти монарха, вряд ли он мог одновременно выступать в качестве демократа-конституционалиста или покровителя таковых. Равным образом трудно понять, какие дивиденды могло принести ему отделение религиозной власти от гражданской. Ведь обе ветви власти соединились в его персоне султана-халифа, повышая его авторитет и престиж в глазах подданных.

Иные страницы книги невольно заставляют вспомнить о журналистском прошлом Лорда Кинросса. Опыт журналиста, несомненно, помог организовать обширный фактический материал и сделать его изложение более занимательным. Но временами он его и подводит. Так, в первой главе, объясняя происхождение султанской печати-тутры, автор пишет, что в основу рисунка лег отпечаток пальца Мурада I (1362—1389). Здесь журналистская доверчивость к сведениям, почерпнутым из каких-то старых книг, сыграла с ним злую шутку. На самом деле тутра существовала еще у Сельджукидов Малой Азии и ее рисунок был воспроизведен в печати Мурада.

Еще пример. Пытаясь объяснить поражение турецко-татарского войска под Астраханью в 1568 году и под Хотинном — в 1621 году, Кинросс использует широко употребляемый в западной литературе тезис о суровых природных условиях в Восточной Европе. В первом случае причиной неудачи объявляется «суровая зима», во втором — «раннее наступление зимы». Доверчивый англичанин, может быть, и поверит автору, но русский читатель — никогда. Ведь осада Астрахани была снята в конце сентября, а под Хотинном военные действия закончились на исходе августа.

Не продолжая перечень отдельных неточностей, хотелось бы отослать читателей к примечаниям, которые должны уточнить сведения об отдельных исторических личностях, событиях и институтах, упоминаемых в тексте.

Отдельного комментария заслуживают три темы, довольно подробно излагаемые в книге и представляющие особый интерес для российской аудитории: о роли турецкого компонента в жизни османского общества, о значении исламских институтов в судьбах Османской империи и об истории русско-турецких отношений.

Ученые четко различают значение слов «тюрки» и «турки». Первым обозначаются все народы, говорящие на языках тюркской группы алтайской языковой семьи. Вторым называются представители турецкой нации. Однако, знакомясь с работами иностранных туркологов, русский читатель нередко испытывает сложности с интерпретацией текста, поскольку в западной литературе (как и в турецкой) и те и другие этносы именуются одним словом — *turc/türk*. Далеко не всегда из контекста можно понять, о ком идет речь. Эту

трудность пришлось испытать и при переводе данной работы на русский язык.

Сложность ее разрешения вытекает из недостаточной разработанности этнической истории турок. До сих пор идут споры о том, как шел процесс складывания турецкой народности и когда он завершился. В настоящее время существуют две концепции этногенеза турок. Согласно одной из них, предложенной еще в прошлом веке венгерским ученым и путешественником А. Вамбери и принятой большинством турецких ученых, турки представляют собой прямых потомков тех тюркских кочевников, которые еще в VI веке создали в Восточной Азии знаменитый Тюркский каганат. Позже, в ходе постепенной миграции, они достигли Малой Азии, где и осели, подчинив себе и ассимилировав в своей среде местное население.

Более глубоко разработанной представляется другая теория, сформулированная еще в начале XX века Н.А. Аристовым и ныне разделяемая отечественными специалистами. Ее сторонники считают, что турки являются этническим сплавом пришлых тюркоязычных племен (огузов, туркмен и др.) и местных малоазийских, а позже и части балканских жителей (греков, армян, курдов, лавов, грузин, славян и др.).

Известный этнограф Д.Е. Еремеев, посвятивший этой проблеме специальное исследование, полагает, что оказавшиеся в Малой Азии тюрки-кочевники при переходе на оседлость заимствовали у местного населения очень много навыков хозяйства и черт культуры (особенно материальной). Фактически они были ассимилированы местным населением в отношении хозяйственно-культурного типа. Однако турецкий язык в процессе этногенеза оказался победителем, хотя и испытал сильное влияние местных языков. Это произошло потому, что тюрки уже в XII—XIV веках составляли наиболее многочисленную и политически господствующую общность¹.

Автор считает, что турецкая народность со своей территорией, языком, известной экономической и культурной общностью сложилась в конце XV — первой половине XVI века, т.е. в то время, когда Османское государство (султанат) превратилось в мировую империю. Работы последних лет показывают, что отмеченный процесс происходил несколько раньше — в эпоху распада государства Сельджукидов и образования на его территории целого ряда тюркских княжеств-бейликов (конец XIII — первая половина XV века). Одним из таких княжеств был Османский бейлик, ставший затем основой мощной державы, управляемой представителями османской династии.

¹ См.: Еремеев Д.Е. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической культуры). М., 1971.

В ходе обширных завоеваний второй половины XV — первой половины XVI века османское общество превратилось, как это и отмечается Кинроссом, в сложный конгломерат народов, разных по уровню социально-экономического развития и по этнорелигиозной принадлежности. При этом турецкие завоеватели оказались в меньшинстве по сравнению с завоеванными народами. Более того, в рядах османской правящей элиты турок существенно потеснили так называемые «государевы рабы» (капыкулу), набиравшиеся из детей немусульман, которых затем обращали в ислам. Потому они называли себя «османлы», т.е. османцами, стремясь подчеркнуть свою принадлежность к султанскому окружению. Само же слово «турок» со временем обрело несколько презрительный оттенок и стало означать необразованных людей из простонародья. К тому же вплоть до конца XIX века основным критерием для определения места человека в социальной иерархии выступала религиозная, а не этническая принадлежность. Поэтому трудно согласиться с заключением Кинросса о том, что Османская империя была по сути своей турецким государством.

Тогдашние жители христианской Европы отождествляли всех султанских подданных, в первую очередь мусульман, с турками. Однако это не так. Даже среди мусульманского населения империи были не только турки, но и арабы, курды, албанцы, боснийцы, не говоря уже об обращенных в ислам посредством «кровавого налога» — децимире — греках, армянах, болгарях, сербах, грузинах. Вплоть до конца XIX века, когда в среде турок начинает пробуждаться чувство национального самосознания, достаточно трудно определить реальную значимость турецкого компонента в жизни османского общества.

Другое определение, данное Кинроссом Османской империи, — «исламское». В постоянной оппозиции мусульманского духовенства реформам он видит причину замедленного и не всегда удачного осуществления курса на «вестернизацию» османского общества. Это представление также нуждается в уточнении.

Конечно, политическая власть в государстве принадлежала мусульманам, и мусульманские институты определяли не только духовную, но и все другие стороны жизни. Более того, вплоть до распада империи ее правители претендовали на роль лидеров мусульманского Востока в его противостоянии христианскому Западу. Не случайно державы-победительницы в Первой мировой войне 1914—1918 годов заняли столь жесткую позицию в отношении судьбы Османской империи.

И все же она не была в прямом смысле исламским, т.е. теократическим государством. Такая трактовка является своеобразной данью традиционным представлениям, сложившимся на Западе.

На самом деле для османской политической системы в том виде, в каком она сложилась к XIV веку, была характерна взаимосвязь, но не слияние светской и духовной власти. Стройная военно-бюрократическая система управления во главе с султаном (падишахом) существовала с сословием улемов, выступавших в качестве носителей идеалов теократии. Обычное для мусульманского мира стремление к объединению двух сил в единой системе «царства и веры» (дип-и девлет) выражалось в том, что султан провозглашался «тенью Бога на земле», а улемы включались в состав государственного аппарата. Иными словами, сопряжение двух ветвей власти предполагало фактическое преобладание первой над второй.

Бытующие до сих пор у европийцев представления о турецком султане как о «верховном халифе мусульманского закона» и о теократическом характере Османского государства утвердились на рубеже XVI—XIX веков, когда в официальных документах Высокой Порты стала употребляться новая титулатура «султана-халифа». Она отражала претензии османских правителей на духовное верховенство в мусульманском мире. Еще больше содействовала этому деятельность султана Абдул-Хамида II, всячески поддерживавшего идеи панисламизма.

Неверно представлять османских улемов во главе с шейхуль-исламом в качестве основной оппозиционной силы, «противящейся любому радикальным переменам». Автор явно не учитывает конформизм многих представителей мусульманского духовенства, продиктованный интересами личной выгоды, соображениями карьеры, желанием возможно дольше удержаться на доходных и престижных постах. Более того, часть из них, исходя из своего понимания интересов государства, поддерживала реформы Селима III и Махмуда II. Негативное отношение других отражало взгляды консервативного большинства османского общества, выступавшего против «гяурских» заимствований. Среди противников реформ преобладали представители низшего духовенства, тесно связанного с религиозными братствами, которые придерживались различных толкований нестородоксального ислама.

В подобных условиях вряд ли можно предполагать какую-то общность взглядов по вопросу о судьбе Османской империи в среде мусульманского духовенства. Убедительным доказательством резких идейных расхождений может служить ваххабитское движение, начатое в середине XVIII века Мухаммадом Абу аль-Ваххабом (1703—1792) под лозунгом борьбы за возвращение к изначальной чистоте ислама и принявшее четко выраженную антиосманскую направленность. И если автор пишет о том, что ислам не знал представительного правления, то он излагает точку зрения лишь одной группы улемов — стамбульских традиционалистов. С ней явно были не

согласны и ваххабиты, стремившиеся восстановить порядки ранней мусульманской общины, — уммы и «новые османы». Представитель последних — писатель Намык Кемаль (1848—1888), выступая за конституционное устройство страны, одновременно ратовал за усиление влияния ислама.

Большое место в произведении занимают русско-турецкие отношения. Их освещение типично для англоязычной литературы, в которой рассматривается роль России в мировой истории. В книге Кипросса они подаются достаточно односторонне, с упором на военное противостояние. Показательно название 5-й главы — «Соперничество русских». К тому же наличие ряда необоснованных и неверных утверждений замстно искажает смысл происходившего.

С самого начала автор подчеркивает экспансионистскую сущность политики Москвы, что стало очевидным уже при Иване Грозном. Широкие завоевания на Западе и Востоке, призванные покорить едва ли не весь мир, определяли внешнеполитический курс Петра I. Его личность Кипросс оценивает особенно высоко. Однако попытка писателя сравнить Петра Великого с Мехмедом Фатихом с трудом поддается объяснению, равно как и характеристика петровской России как «единой национальной державы», похожей на другие страны христианской Европы. Как многонациональное соединение, включавшее разноязыкие этносы, исповедывавшие различные религии, Российская империя скорее была схожа с Османской державой, чем с многоэтническими государствами Западной Европы. Для Кипросса Россия со времен Петра I и до Брестского мира 1918 года оставалась самым грозным соперником своего южного соседа. Конечной целью «русского империализма» было включение основной части европейских владений турок в царскую империю. Действительно, Россия довольно часто конфликтовала с Высокой Портой. Историей насчитано одиннадцать войн — начиная с борьбы за украинские земли в 1676—1681 годах и до сражений в годы Первой мировой войны. Однако в общей сложности это военное соперничество заняло чуть более 50 лет в пятивековом периоде русско-турецких отношений. Остальные четыре с половиной столетия были заполнены различными формами официальных и неофициальных контактов подданных российских царей и турецких султанов, чему способствовало учреждение постоянных дипломатических представительств, расширение торгового обмена, увеличивавшийся наплыв путешественников и паломников. В XIX веке заметно возросло количество родственных связей из-за миграции отдельных групп населения из Османской империи в Россию (греки, болгары, армяне) и из России в турецкие владения (крымские татары, абхазы, чеченцы и др.). Постепенно вся совокупность различных форм общения обрела относительную самостоятельность и стала существо-

вать независимо от характера и направленности межгосударственных связей.

Наиболее значимой и долгосрочной формой взаимного узнавания можно считать торговые связи между Россией и Османской империей. Изучение их истории показывает, что они существовали задолго до первых дипломатических контактов представителей Москвы и Стамбула. Кинросс ошибается, когда пишет, что с 1492 года русским купцам было разрешено свободно торговать на территории империи. Во-первых, торговые посадки в Османское государство практиковались русскими на всем протяжении XV века. Еще инок Троице-Сергиева монастыря Зосима в своем «Ксеноном», написанном около 1422 года, отметил, что вместе с ним из Киева выехали купцы на Буг, Днестр, в Валахию, к Черному морю. Во-вторых, суть событий 1492 г. совершенно иная. Из переписки крымского хана Менгли-Гирея и великого князя московского Ивана III мы узнаем, что как раз в этом году турецкие власти в Кафе и Азове попытались ограничить торговые операции русских купцов, произвольно завышая размеры таможенных сборов и конфискуя имущество лиц, умерших во время торговых поездок. В ответ Москва приостановила операции своих торговых людей в этих городах, чем был нанесен немалый урон султанской казне. Через крымского хана до Ивана III было доведено и беспокойство султана, что позволило Москве и Стамбулу вступить в непосредственный контакт, завершением которого стало направление первого русского посла в Стамбул в 1496 году. В грамоте турецкого султана Баязида II, переданной послу, содержалась, в частности, просьба отпускать купцов в его земли. Тем самым был разрешен конфликт, начавшийся в 1492 году.

Развитие официальных и неофициальных форм общения, казалось, должно было способствовать более объективному подходу и более взвешенной политике, однако эволюция русско-турецких отношений шла весьма драматично и противоречиво, особенно в XVIII—XIX веках. На эти два столетия приходится восемь затяжных войн. В условиях, когда почти каждое новое поколение в той или иной степени принимало участие в очередных баталиях, появлялись широкие возможности для насаждения в сознании русских и турок представления о другой стороне как об «исконных и заклятых врагах».

В основе противоборства лежали не столько территориальные претензии, сколько стремление каждой из сторон утвердить свою ведущую роль в судьбах православного христианства или мусульманского мира. Вместе с тем обострение внутривосточной ситуации из-за неудачного осуществления ряда реформ в обеих империях подталкивало их правящие круги на поиск внешнего врага, борьба с которым позволяла снять зревшее в обществе недовольство.

Сколько значим стереотип врага в условиях пробуждения национального духа, можно судить по эволюции концепции тюркизма, отражавшей становление идей национализма в среде тюркоязычных народов. Ее принципы распространяются практически одновременно (на рубеже XIX—XX веков) в кругах тюркской интеллигенции в России и среди турецких литераторов и общественных деятелей в Османской империи. По мере роста национального самосознания турок в среде сторонников тюркизма произошло заметное размежевание. Одни из них (в том числе Мустафа Кемаль Ататюрк) стали выступать за создание национального государства, другие — за объединение всех тюркоязычных народов в рамках общего «тюркского мира» под эгидой турецких султанов.

Утверждение идей пантюркизма можно рассматривать и как своеобразный ответ на усилия российских панславистов, крайне обеспокоенных падением влияния России на международной арене во второй половине XIX века. Воспользовавшись приходом к власти Николая II в 1896 году, они добились возвращения к планам раздела Османской империи и захвата проливов, которые были отставлены после Крымской войны 1853—1856 годов.

Еще больше осложнились русско-турецкие отношения в связи с появлением в конце XIX века армянского вопроса. В книге Кипресса он освещается весьма поверхностно, хотя и эмоционально, в чем нетрудно увидеть влияние публикаций английской прессы того времени. Между тем политические и общественные деятели Западной Европы, России и Османской империи расходились в понимании этого вопроса. Для европейских дипломатов он представлялся одним из поздних вариантов Восточного вопроса. Для турецких политиков он выступал как аспект внутренней политики, чреватой угрозой вмешательства великих держав и дальнейшего ограничения суверенитета империи. Лидеры армянских политических организаций, действовавших на территории султанской Турции и за ее пределами, воспринимали ситуацию иначе. Для них речь шла о сохранении национальной самостоятельности в условиях реализации доктрины «османизма» и панисламизма. Тот же армянский вопрос по-другому ставился армянскими деятелями в России уже в силу того факта, что часть армянских земель с начала XIX века входила в состав Российской Империи. Столь же различными были и решения, предлагавшиеся членами армянских политических организаций, деятелями армянской церкви и представителями армянского истеблишмента в Стамбуле, вошедшего в состав правящей верхушки.

Трагедия армянского народа заключалась в том, что не было мирного решения проблем его национальной самостоятельности в рамках Османской империи. Нереальность подобных надежд определялась не только разным пониманием существа армянского вопроса

и разобщенностью армянских национальных сил, но также необоснованностью веры в помощь и вмешательство великих держав. К сожалению, об этом в книге ничего не сказано.

Не сказано также и о том, что даже ограниченная поддержка Россией некоторых требований армянской общественности усилила в Османской империи антирусскую кампанию, рисовавшую «московского врага», который пытается превратить державу турецких султанов в «русского вассала». Эти негативные чувства и представления еще более окрепли к началу Первой мировой войны, в ходе которой турецкие политические лидеры предпочли блокироваться с основным противником России — кайзеровской Германией.

События военных лет привели к почти одновременному распаду обеих империй и образованию на их развалинах новых государств — Советской России и Турецкой Республики. Тем самым были обеспечены условия для нового поворота в русско-турецких отношениях. Но эта тема уже выходит за рамки рассматриваемого произведения.

Завершая рассказ о книге Кинросса, хотелось бы высказать надежду, что критические замечания к ее тексту не очень утомили российского читателя. Может быть, они принесут какую-то пользу и помогут лучше понять ход истории Турции. В заключение отметим, что предпринятая издательством «КРОН-ПРЕСС» публикация заслуживает особого внимания нашей общественности. Ведь до сих пор те, кто интересуется современной западной историографией Турции, могли судить об этом лишь по критическим обзорам отечественных специалистов. Теперь они получают возможность составить собственное представление и определить, сколь правы были строгие рецензенты.

М.С. Мейер

Table 1. Mean values of the dependent variables for the three groups of subjects. The values are means $\pm$ SD

Variable	Control group	Low-dose group	High-dose group
Age (years)	22.5 $\pm$ 1.2	22.5 $\pm$ 1.2	22.5 $\pm$ 1.2
Height (cm)	176.5 $\pm$ 5.5	176.5 $\pm$ 5.5	176.5 $\pm$ 5.5
Weight (kg)	72.5 $\pm$ 10.5	72.5 $\pm$ 10.5	72.5 $\pm$ 10.5
Pre-exercise heart rate (b min ⁻¹)	72.5 $\pm$ 8.5	72.5 $\pm$ 8.5	72.5 $\pm$ 8.5
Pre-exercise blood pressure (mmHg)	115.5 $\pm$ 10.5	115.5 $\pm$ 10.5	115.5 $\pm$ 10.5
Pre-exercise stroke volume (L min ⁻¹)	5.5 $\pm$ 0.5	5.5 $\pm$ 0.5	5.5 $\pm$ 0.5
Pre-exercise cardiac output (L min ⁻¹)	3.5 $\pm$ 0.5	3.5 $\pm$ 0.5	3.5 $\pm$ 0.5
Pre-exercise oxygen consumption (L min ⁻¹)	2.5 $\pm$ 0.5	2.5 $\pm$ 0.5	2.5 $\pm$ 0.5
Pre-exercise oxygen delivery (L min ⁻¹)	1.5 $\pm$ 0.5	1.5 $\pm$ 0.5	1.5 $\pm$ 0.5
Pre-exercise oxygen extraction (L min ⁻¹)	1.0 $\pm$ 0.5	1.0 $\pm$ 0.5	1.0 $\pm$ 0.5
Pre-exercise oxygen extraction ratio	0.40 $\pm$ 0.05	0.40 $\pm$ 0.05	0.40 $\pm$ 0.05

Control group: 10 subjects; low-dose group: 10 subjects; high-dose group: 10 subjects. Values are means $\pm$ SD.

the high-dose group. The mean values of the dependent variables for the three groups of subjects are shown in Table 1. The values are means $\pm$ SD.

The mean values of the dependent variables for the three groups of subjects are shown in Table 1. The values are means $\pm$ SD. The mean values of the dependent variables for the three groups of subjects are shown in Table 1. The values are means $\pm$ SD. The mean values of the dependent variables for the three groups of subjects are shown in Table 1. The values are means $\pm$ SD.

The mean values of the dependent variables for the three groups of subjects are shown in Table 1. The values are means $\pm$ SD. The mean values of the dependent variables for the three groups of subjects are shown in Table 1. The values are means $\pm$ SD.

The mean values of the dependent variables for the three groups of subjects are shown in Table 1. The values are means $\pm$ SD. The mean values of the dependent variables for the three groups of subjects are shown in Table 1. The values are means $\pm$ SD.

The mean values of the dependent variables for the three groups of subjects are shown in Table 1. The values are means $\pm$ SD. The mean values of the dependent variables for the three groups of subjects are shown in Table 1. The values are means $\pm$ SD.

The mean values of the dependent variables for the three groups of subjects are shown in Table 1. The values are means $\pm$ SD. The mean values of the dependent variables for the three groups of subjects are shown in Table 1. The values are means $\pm$ SD.

The mean values of the dependent variables for the three groups of subjects are shown in Table 1. The values are means $\pm$ SD. The mean values of the dependent variables for the three groups of subjects are shown in Table 1. The values are means $\pm$ SD.

The mean values of the dependent variables for the three groups of subjects are shown in Table 1. The values are means $\pm$ SD. The mean values of the dependent variables for the three groups of subjects are shown in Table 1. The values are means $\pm$ SD.

The mean values of the dependent variables for the three groups of subjects are shown in Table 1. The values are means $\pm$ SD. The mean values of the dependent variables for the three groups of subjects are shown in Table 1. The values are means $\pm$ SD.

The mean values of the dependent variables for the three groups of subjects are shown in Table 1. The values are means $\pm$ SD. The mean values of the dependent variables for the three groups of subjects are shown in Table 1. The values are means $\pm$ SD.

The mean values of the dependent variables for the three groups of subjects are shown in Table 1. The values are means $\pm$ SD. The mean values of the dependent variables for the three groups of subjects are shown in Table 1. The values are means $\pm$ SD.

Пролог

В западном направлении, вдоль открытых евразийских степей, от границ Китая через Туркестан и дальше, на протяжении долгих веков прокатывались волны кочевых народов. Пастушеские, скотоводческие общины, живущие в шатрах, наездники и погонщики верблюдов, обеспечивавшие разведение и прокорм отар и стад, в свою очередь предназначенных кормить и одевать их, они последовательно перемещались от пастбища к пастбищу в зависимости от времени года, продвигаясь все дальше и дальше в поисках более богатых угодий или же стремясь уйти от подпиравших их сзади бесчисленных кочевников, иногда обменивая свои продукты животноводства на продукты городских жителей и земледельцев, значительно реже переходя к оседлому образу жизни в оазисах, имеющих воду. Вынужденные ради поддержания своей скотоводческой экономики круглый год восвать с силами природы, эти кочевники-степняки в рамках широких объединений родственных племенных союзов развили свои особые виды деятельности, ремесла, общественные институты и обычаи.

Среди них широкое распространение получил энергичный и сильный народ, ставший известным под именем турок. Для китайцев и других народов они были ту-кюэ, или ту-гю, воинственное племя, взявшее свое имя (так утверждают) от названия хома в местах их обитания, своими очертаниями напоминавшего шлем. Отождествляемые на ранней стадии с гуннами, турки были близки по происхождению к монголам и к народам, которые позже стали известны как финны и венгры.

В VI веке до нашей эры они поработили другой родственный им народ, чтобы установить свое господство над территорией, ставшей известной как Монголия. Оттуда они распространились по обширному участку степи в северном, южном и западном направлениях, чтобы основать империю кочевников — крупнейшую из всех известных до той поры. Теряя единство по мере расселения, они тем не менее сохраняли отчетливые родовые и языковые признаки. Их чувство общности было настолько сильным, что в своем языческом,

шаманском почитании Земли, Воздуха, Огня и Воды они и к этим силам природы обращались как к турецким. Довольно быстро выйдя из состояния примитивного пастушеского варварства, турки создали, в рамках патриархального кланового общества свою собственную цивилизацию, которая была чем-то большим, чем просто старейшины племен и вассальные племена под их властью.

В начале VIII века племена, которые ушли на запад, — обобщенно известные как огузы — проводником которых был легендарный серый волк, а предводителями в основном вожди из клана Сельджуков, достигли Самарканда, в Трансоксиане, чтобы установить свое господство над западной частью Центральной Азии. Одновременно другая расселявшаяся народность — арабы из Исламского Халифата — распространилась из Аравии на север и восток, чтобы покорить империю персов. Сила турок уступила силе арабов. Но торговые и культурные связи между двумя народами сохранились. Ко взаимной выгоде торговля велась вдоль караванных путей дополняющими друг друга продуктами растениеводства и животноводства. Более того, начиная с IX века турки начали отказываться от своих языческих верований и принимать ислам.

Арабы быстро разглядели боевые качества этого тюркского народа. Помимо стойкости, внутренней дисциплинированности, дара предвидения кочевой образ жизни выработал в них боевой дух, привычку постоянно находиться в движении, мастерство в верховой езде и необычайную ловкость в стрельбе из лука сидя в седле. Поэтому армии халифата Аббасидов стали вербовать турок в свои ряды, причем турки, обращенные в мусульманство и получившие статус старших рабов, могли свободно рассчитывать на повышение. В итоге к концу IX века большинство военных должностей и многие политические посты в арабской империи были заняты турками-мусульманами. По мере того как империя в XI веке окончательно пришла в упадок, династия турок-сельджуков заполнила вакуум своей собственной империей, исламским государством, опиравшимся на традиции халифата Аббасидов и вобравшим в себя другие тюрко-мусульманские образования, и, с луком и стрелой в качестве подходящего символа власти, распространила свое господство на Персию, Месопотамию и Сирию. Так народ кочевников-степняков перешел к жизни в неподвижном окружении.

В отличие от других известных в истории кочевых народов — гуннов, монголов, эфемерных аваров — турки-сельджуки оказались способными — в смысле устойчивости и продуктивности — ответить на вызов оседлой жизни.

Приспосабливая свои собственные традиции и институты к требованиям оседлой цивилизации, они проявили себя как строители империи, обладавшие конструктивным чувством государственного

управления, внося свой позитивный вклад в историю, по мере того как старый мусульманский мир совершал переход к новому этапу социального и экономического, религиозного и интеллектуального прогресса. Эти пастухи и воины степей стали жителями городов — чиновниками, купцами, промышленниками, ремесленниками, владельцами земли и земледельцами, строителями дорог, караван-сараев, мечетей, школ и больниц. Они стали культивировать и поощрять развитие научных школ — философии и других наук, литературы и искусства, в чем до них подали пример персы и арабы.

Тем не менее вне этой оседлой, централизованной жизни государства сельджуков сохранялось значительное и по существу автономное население турок, которое по-прежнему кочевало по нагорьям. Находясь в союзе с другими скотоводческими племенами, часть которых оставалась язычниками, они включали особенно воинственные группы, которые первоначально были оплотом вооруженных сил сельджуков. Теперь они разоряли заселенные провинции и беспокоили центральное правительство своими неконтролируемыми грабительскими действиями. Образуя по существу общество, обособленное от общества, объединенного государством, со своей собственной культурой и диссидентскими взглядами, они стали обобщенно известными как туркмены (туркоманы) — определение, применимое в строгом смысле только к их мусульманским элементам.

Доминирующими среди этих слоев населения были гази, святые «воины веры», продукт более раннего народного движения. Набиравшиеся из разношерстной толпы добровольцев, зачастую бродяг, беглых людей, недовольных и безработных лиц, ищущих средства к существованию, они имели своей задачей борьбу с «неверными», а их побудительным мотивом были грабежи. Они традиционно участвовали в походах, совершая набеги за пределы мусульманского мира. В XI веке они стали действовать на западе, в Малой Азии, на подвижных границах между империями сельджуков и Византии. Здесь им противостояли группы греческих воинов-акритов — жителей пограничных местностей, также занимавшихся набегами и столь похожих на турок в своих традициях ведения войны и изоляции от любой центральной власти, что их зачастую нельзя было рассматривать иначе, как братьев по оружию. Прочие разнообразные тюркские элементы в поисках новых пастбищ также устремлялись к этим границам и присоединялись к гази в рейдах через границы в то время, когда способность Византии к их защите стала ослабевать.

Искать войны с христианской Византией, нейтралитет которой обеспечивал их сирийский фланг, совершенно не входило в политику сельджукских султанов, склонявшихся к завоеванию лежавшей к югу

мусульманской империи. Тем не менее — и это стало свершившимся фактом — они оказались втянутыми в нее в значительной степени из-за объединения сил воинственных гази и мародерских отрядов тюрок. Правительство сельджуков было вынуждено считаться с этим и, где возможно, стремилось обратить в свою пользу. Султан сельджуков Тогрул таким образом повернул «святых воинов» от разграбления своих мусульманских провинций в направлении последовательных кампаний против христианского государства Армении, диссидентской пограничной провинции Византии. Здесь их успех в сражениях дополнялся многочисленными набегами со все нараставшей жестокостью; они проникали из Восточной в Центральную Анатолию и даже настолько далеко, что достигали берегов Эгейского моря.

Византийский император Роман IV Диоген почувствовал себя обязанным прибегнуть к возмездию в ответ на подобные вторжения в пределы его приходившего в упадок государства. В попытке восстановить контроль над Арменией он предпринял против турок поход с разношерстной армией, состоявшей в значительной мере из иностранных наемников. Результатом стало поражение императора и его пленение в 1071 году сельджукским султаном Али Арсланом («Бесстрашным Львом») в исторической битве на границе при Манцикерте. Это было сражение, которое навсегда осталось в памяти греков как «ужасный день», историческое столкновение между двумя империями и двумя верами, которое раз и навсегда открыло туркам дорогу в Малую Азию.

На будущее битва при Манцикерте несла серьезные признаки более поздних территориальных завоеваний. Пока же, однако, битва не повлекла за собой резкого изменения ситуации, существовавшей на завоеванных землях. Ибо это была победа, к которой стремились и которую одержали скорее воинственные мусульманские нерегулярные войска, чем регулярные войска государства сельджуков. Ее непосредственным реальным результатом стало распространение из восточной части Малой Азии на ее центральную часть смешанной приграничной цивилизации гази. Тюркские кочевники теперь потоком двинулись на новые земли, не имея помехи в виде границы.

Их путь был совместным путем жизни и культуры, общим для завоевателей и поработенных, включая азиатийцев и армян, которые не рассматривали турок как совершенных чужаков. «В реальности это был лишь византийский глинец, который исчез, — пишет Пауль Виттек, — с тем, чтобы позднее быть замененным исламским. Местный субстрат выжил». И само государство сельджуков, все еще смотревшее в сторону мусульманского мира, не торопилось всерьез присоединять завоеванную часть Византии. После освобождения плененного императора его правители довольствовались формальной

оккупацией захваченных районов под руководством некоего сельджуковского правителя по имени Сулейман. Тем временем, ближе к концу XI века, в Малую Азию был совершен первый крестовый поход, обусловивший появление между мусульманами и христианами подвижной границы.

Только после середины XII века сельджуки отвернулись от старого мусульманского мира, чтобы построить в Малой Азии по мусульманскому образцу и на прочной основе упорядоченное княжество со своей собственной династической линией султанов, управлявших Центральной Анатолией из своей столицы в городе Конья (Иконий). Их династия стала известна другим мусульманским державам как Румский султанат. По-арабски они были «Цезарями Рима», что предполагало наследование этого остатка Римской империи. Сами византийские христиане после битвы при Мириокефалоне, век спустя после Манцикерта, продолжали править в Западной Анатолии за согласованной границей, или «пограничной зоной», поддерживая мирные отношения с консолидированным государством сельджуков. Так, сельджуки Рума, опираясь в исламском мире на престиж своего императорского происхождения от Великих Сельджукидов Персии, развились в сильное, процветающее государство, достигшее своего зенита в первой половине XIII века.

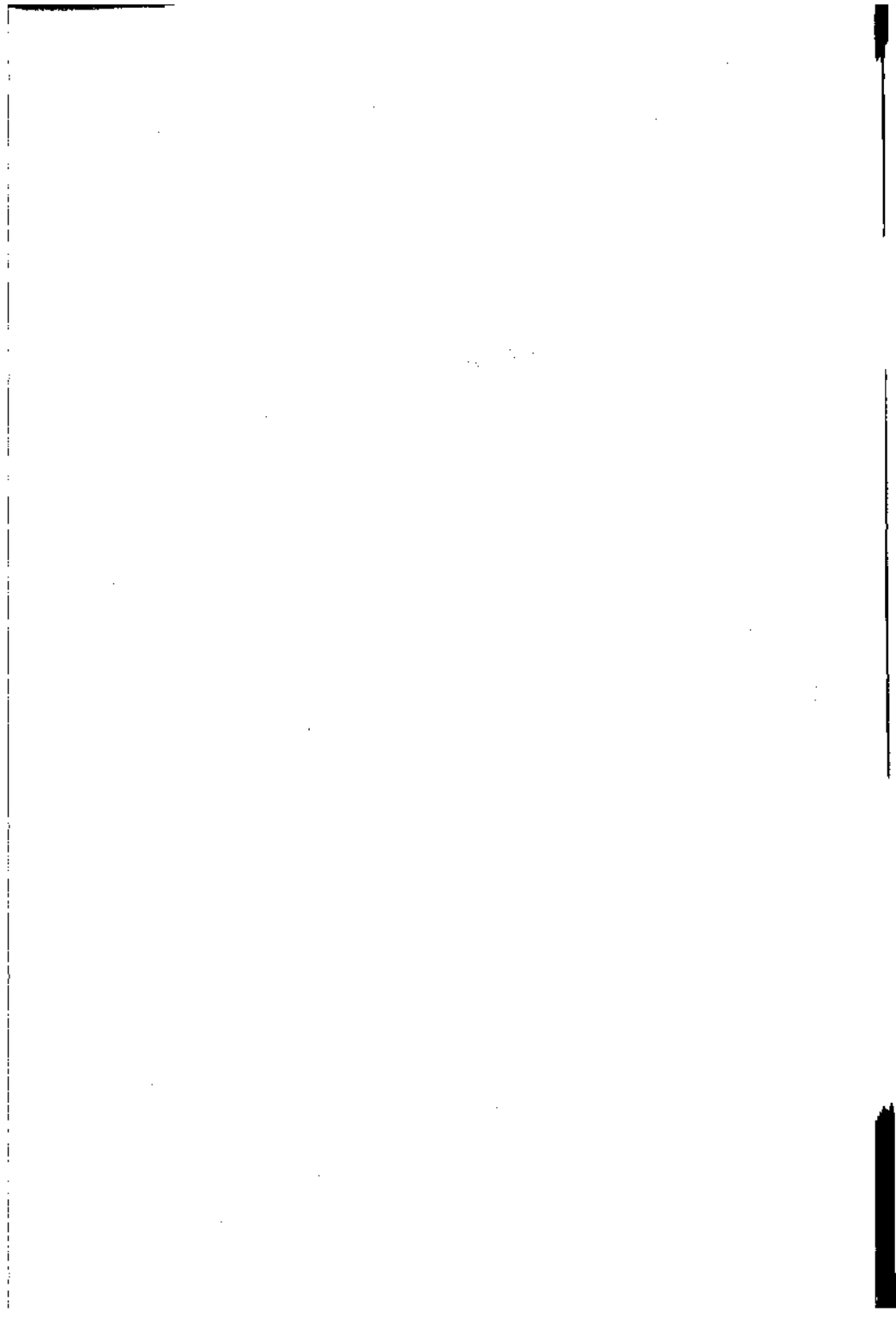
Этому государству, однако, не была суждена долгая жизнь, ибо на него обрушилось новое и еще более взрывоопасное нашествие кочевников — родственных им монголов. Они растекались по евразийским степям, как когда-то сами турки, проникая в северном направлении в Россию, и восточном направлении — в Китай и пересекая Азию в западном направлении, со всех сторон охватывая мусульманский мир. Монгольское вторжение было предпринято Чингиз-ханом в начале XIII века и теперь продолжалось с максимальным размахом его преемниками. Турецкие кочевники бежали перед ними до тех пор, пока новые орды тюрков и отряды воинов веры не рассеялись по Малой Азии, создавая в государстве Конийских Сельджукидов напряженную обстановку. По пятам в свирепом, стремительном натиске шли армии монголов. В 1243 году они наголову разбили до тех пор не встречавшуюся им сельджуцкую армию, хотя и усиленную вспомогательными частями византийцев и профессиональных наемников у Кесе-дага, между Сивасом и Эрзиндапом, и продолжали захватывать по своему выбору как можно больше земель и городов. Весь ход истории Малой Азии был изменен буквально за один день. Власть сельджуков Рума, как Великих Сельджукидов Персии, больше не существовала. Султаны Коньи превратились в вассалов монгольского протектората, которым в то время правил Хулагу. Власть монголов как таковая, подобно власти других кочевых народов над оседлым обществом, оказалась

эфемерной, продержавшись в Малой Азии на протяжении жизни всего одного поколения. Но власть, которая унаследована монголами, больше не была властью сельджуков.

В этот отрезок времени жизнь в большей части Малой Азии вновь вернулась к образу жизни старой пограничной цивилизации, независимой от любой центральной власти. Воины, жившие ранее в пограничных областях, вновь стали ими, совершая набеги и даже захватывая без помех города, расположенные вдоль пограничной зоны Византии. Вскоре они получили подкрепление не только в лице туркоманских племен, как это бывало и раньше, но и групп беженцев из бывшего сельджукского государства и особенно со стороны «святых людей», шейхов и дервишей неортодоксального мусульманского вероисповедания, хлынувших в Малую Азию из Туркестана и Персии и вновь подогретых энтузиазм в войне против «неверных».

Власть принадлежала теперь этим самым гази. Используя преимущества, связанные с ослаблением оборонительных рубежей Византии, подвижные, как и прежде, не только фанатизмом, но и потребностью в новых землях и военной добыче, не встречая сколь-нибудь заметного сопротивления со стороны своих «братьев-врагов» акритов, оставшихся без поддержки со стороны расколотого и ненадежного греческого правительства, они потоком хлынули, почти не встречая сопротивления, в Западную Малую Азию, большая часть провинций которой к 1300 году была Византией практически утрачена. Борясь за эти провинции между собой, вожди племен превратились в правителей примерно десяти заселенных гази княжеств (бейликов). Одно из них — княжество Османа — волею судеб должно было вырасти в великую мировую державу, Османскую империю. Она заполнила пустоту, образовавшуюся в результате упадка и распада Византийской империи, и должна была сосуществовать вместе с этой династией на протяжении шести с лишним веков.

Часть I
ЗАРЯ ИМПЕРИИ

История возникновения Османской династии окутана легендой. По традиции, ее основатель, по имени Эртогул, был вождем небольшого племени, который, по мере того как мигрировал по Малой Азии с отрядом всадников в количестве примерно четырехсот человек, оказался на поле боя между двумя группировками неизвестных ему соперников. Посоветовавшись со своими людьми, он по-рыцарски принял сторону проигрывавших, тем самым изменив соотношение сил и обеспечив им победу. Ими оказались войска сельджукского султана Алаеддина* из Коньи, сражавшиеся с отрядом монголов. Алаеддин вознаградил Эртогула земельным наделом — феодем вблизи Эскишехира, включавшим земли для летнего и зимнего проживания в Сегюте, к западу от Анатолийского плато. Этот участок был позднее расширен в обмен на поддержку султана во время неудачно складывавшейся для последнего, но ставшей победоносной битвы — на этот раз против греков. Эта легенда предназначалась для того, чтобы утвердить легитимную связь османов с правящей династией, позже подтвержденную награждением сына Эртогула, Османа, знаками суверенности в виде стяга и барабана.

Далее подобные легенды, характерные для династической мифологии средневековых и даже библейских хроник, обращаются к вещам снам Эртогула и его сына Османа. Утверждается, что Осман однажды провел ночь в доме благочестивого мусульманина. Перед тем как Осман лег спать, хозяин дома принес в комнату книгу. Спросив, как называется эта книга, Осман получил ответ: «Это Коран; слово Божие, реченное миру его пророком Мухаммедом». Осман начал читать книгу и продолжал стоя читать всю ночь. Он уснул ближе к утру, в час, согласно мусульманским верованиям, наиболее благоприятный для пророческих мечтаний. И действительно, во время сна ему явился ангел, произнесший слова: «Поскольку прочел ты мое вечное слово со столь большим почтением, детей твоих и детей твоих детей будут чтить из поколения в поколение».

* Здесь и далее сноски, отмеченные звездочкой, см. *Примечания*.

Последующая мечта касалась девушки по имени Малхатун (Малхун), которую Осман хотел бы взять в жены. Она была дочерью мусульманского кади (судьи) в близлежащей деревне, шейха Эдебали, который два года тому назад отказался дать свое согласие на брак. Во сне Осман получает новое откровение: из груди шейха, лежавшего бок о бок с ним, вышла луна. Когда она стала полной, она вошла в его собственную грудь. Затем из его чресел стало расти дерево, которое по мере роста стало накрывать весь мир сенью своих зеленых и красивых ветвей. Под деревом Осман узрел четыре горных хребта — Кавказ, Атлас, Тавр и Балканы. От их подножий брали свое начало четыре реки — Тигр, Ефрат, Нил и Дунай. На полях зрел богатый урожай, горы были покрыты густыми лесами. В долинах виднелись города, украшенные куполами, пирамидами, обелисками, колоннами и башнями, все увенчанное полумесяцами. Отовсюду были слышны призывы к молитве, смешивающиеся с пением соловьев и криком попугаев, сидящих среди густо переплетенных благоуханных ветвей.

Внезапно листья на ветвях стали вытягиваться, превращаясь в лезвия мечей. Поднялся ветер, направляя их в сторону города Константинополя, который, «располагаясь на стыке двух морей и двух континентов, представлялся бриллиантом, вставленным в оправу из двух сапфиров и двух изумрудов, и, таким образом, выглядел как драгоценный камень кольца, охватывавшего весь мир». Осман уже был готов надеть кольцо на палец, когда вдруг проснулся. Он пересказал свое сновидение Эдебали, который истолковал его как знак Божий и после этого отдал свою дочь в жены Осману, предсказывая власть и славу их потомству. Церемония бракосочетания была проведена с соблюдением строжайших требований ритуала истинной веры святым дервишем, для которого Осман позже построил монастырь, пожертвовав ему богатые земли и деревни.

Первая из этих двух легенд предполагает, что Осман и его народ еще не были мусульманами во время их расселения в районе Эскишехира. Первая волна турецких переселенцев, вступившая в Малую Азию начиная с XI века и дальше, в качестве тех, кто шел впереди или вслед за армиями сельджуков, состояла по большей части из обращенных в ислам в результате их предшествующего общения с арабо-мусульманским миром. Но уже следующая волна, в XIII веке, состояла по преимуществу из язычников, и, похоже, именно к этой волне принадлежали османы. Большинство их пришло не в качестве поселенцев, а как беженцы, теснимые в западном направлении вторжением языческих монгольских орд. Многие из них осели на землях Восточной Малой Азии,

чтобы, пожалуй, вернуться домой, когда уйдут монголы. Однако другие, более воинственные, устремились вперед, на земли сельджуков.

В их числе были османы, которые подобным образом подпали под покровительство султана Алаеддина. Он подарил им земли в беспокойных приграничных районах, где они могли бы поддерживать порядок на местах или же сражаться с византийскими греками за новые владения, но в собственную армию не включил. По всей вероятности, это был именно тот период, когда последователи Эртогула и Османа были обращены в ислам, который вдохнул в османский народ — и без того одаренный достоинствами и боевыми качествами кочевников — новый боевой дух защиты.

Народ, который видел себя не просто турками — понятие, ассоциировавшееся с жителями Туркестана в целом, — но османлы, последователями Османа, он, тем не менее, едва ли обладал в эти начальные дни качествами, особо отличающими его от тюркских соседей. Их государство было просто одним из десяти государств-наследников, которые остались от империи сельджуков и монгольского протектората, и одновременно одним из самых небольших. Своей последующей имперской судьбой османы обязаны географической случайности: стратегически важному положению в северо-западном углу Малой Азии, непосредственно на азиатских границах Византийской империи в момент ее упадка, более того, возможности легко достичь моря и лежащих за ним земель Балканского полуострова.

Среди воинов пограничных областей османы проявили уникальность в том, что оказались способными воплотить плоды своих военных завоеваний в эффективный политический механизм. Осман был администратором в той же мере, в какой он был воином, к тому же ему очень помогала поддержка со стороны его тестя Эдебали, служившего визирем. Осман был мудрым, терпеливым правителем, которого искренне уважали окружающие и готовые преданно служить ему за его незаурядные способности руководителя. Осману, конечно же, было присуще естественное чувство превосходства, но он никогда не стремился самоутвердиться с помощью власти. Его уважали не только равные ему по положению, но и те, кто превосходил Османа своими способностями, потому что он никогда не считал зазорным прислушаться к мнению более умного. Осман был человеком, по выражению Г.А.Гиббонса, «достаточно великим, чтобы использовать знающих людей». Его приверженцы добросовестно помогали заложить для этого небольшого растущего государства такие основы, которые гарантировали бы его дальнейшее надежное существование. Между тем в качестве бесв с полуавтономным статусом они возглавляли свои собственные армии и

управляя собственными завоеванными территориями, всегда координируя свою деятельность и подчиняясь распоряжениям своего вожды.

Горя истинным духом религиозного энтузиазма, Осман сам привнес в свое княжество простую веру и рвение ранних мусульман, которых воодушевляла его великий предшественник и тезка халиф Осман. В их традициях он ставил справедливость выше власти и богатства, в то же время управляя государством, как и его преемники, на основе неделимой, личной верховной власти. Османы первых поколений были, таким образом, свободны от династических распри со стороны других сельджуцких княжеств. Начиная жизнь заново в иной обстановке, они смогли проявить и упорство, и волю, и терпимость; они приобрели практический, конструктивный опыт, чтобы приспособить себя к социальным и экономическим условиям страны, которой они управляли.

Османы развили свои собственные ресурсы и привлекли ресурсы — интеллектуальные и теологические, производственные и торговые, — имевшиеся в более урбанизированном окружении соседних территорий, а с течением времени — из еще более отдаленных государств. Более всего другого они заимствовали административные и другие знания самих греков, тщательно изучая их методы управления в этом последнем азиатском анклав умиравшей Византийской империи. Ибо османы, в отличие от того образа исламского мира, каким он воспринимался за границей, начиная со времен первых арабских завоеваний обращались со своими врагами в духе, свободном от религиозного фанатизма. Они жили больше в греческом, чем в турецком окружении. Владельцы соседствовавших с Османом деревень и замков были христианами, с которыми он часто поддерживал дружественные отношения. В числе его ближайших компаньонов были греческие семьи Михалоглы и Марковоглы, сыновей Михаила и Маркоса, когда-то бывших врагов, а затем преданных друзей и сторонников Османа. В результате дружбы с ним они приняли мусульманскую веру.

На территории османов не было всеобщей исламизации христиан, менее всего — в принудительном порядке. Христиане становились мусульманами по собственному выбору, в ответ на собственные побуждения и преследуя собственные интересы. По мере разрушения центральной власти в Константинополе, люди все больше чувствовали себя забытыми своими правителями и, действуя в духе реализма, предпочитали относительный порядок и безопасность османского правления наряду с большей свободой выбора для мусульман и освобождением от обременительных налогов. В духовном плане, с падением авторитета православной церкви, эти азиатские греки откликнулись на стимулы новой веры. В социальном плане они не слишком отличались от своих пограничных

соседей-османов происхождением и образом жизни. Будучи гражданами или нет, они легко приспосабливались к образу жизни османов. Смешанные браки между греками и турками стали обычным делом, что способствовало зарождению и развитию нового смешанного общества.

Вскоре стало очевидным, что османские турки не были больше простыми кочевниками, а превратились в оседлых жителей гористого северо-западного угла Малой Азии. Они менялись вместе со временем, в пределах, отведенных для них их собственной пограничной цивилизацией, основывавшейся на разнообразии народной культуры. Составленная из элементов азиатского и европейского происхождения, мусульманства и христианства, турок и тюрок, кочевников и оседлых жителей, она была прагматичной в своем мировоззрении и свободной от более ортодоксальных культурных и социальных ограничителей феодальных турецких княжеств, лежавших к востоку. Возникшее общество стало прототипом общества, призванного наследовать Византии, и трансформировать это наследство. Именно так империя турок-сельджуков заполнила вакуум, оставленный империей арабов. Именно так в свое время Византия наследовала Риму.

Сам Осман не торопился расширять унаследованное им владение за счет соседей. Медленно, но верно осуществляемый, его план заключался в том, чтобы ждать и наблюдать, жить и учиться, прокладывать свой путь на территорию Византии только постепенно. Три укрепленных города господствовали над этими уцелевшими землями Византии в Азии. К югу, на склонах горы Олимп, лежала Бурса, властвовавшая над богатой Бифинской равниной; в центре, в верхней части озера, располагалась Никея, фактическая столица этого края; к северу, в верхней точке протяженного залива, — порт Никомедия, контролировавший морской путь в Константинополь и сухопутный путь к Черному морю. Все они находились в пределах дневного перехода от столицы османов. Но сначала не был атакован ни один из них. За шестьдесят лет sporadических крестьянских междоусобиц, начиная со времени правления Эртогрула, османы продвинулись всего лишь на шестьдесят миль от города Эскишехира — «старого города» до «нового города» — Енишехира. Его захват блокировал сообщение между Никеей и Бурсой.

Однако Осман, зная о прочности крепостных укреплений в этом столь жизненно важном для Константинополя районе и об относительной слабости собственной армии, продолжал ждать своего часа. Тем временем численность его войска постепенно увеличивалась, пока из отряда в четыреста воинов при Эртогруле оно не выросло, по слухам, до четырех тысяч человек. Источниками дальнейшего пополнения его рядов служили искавшие занятия из-за статичных

границ соседних государств войны, и даже сами акриты, греческие войны пограничной полосы, часть которых была склонна поменять сторону, побуждаемая к подобному поступку тем, что Константинополь бросил их на произвол судьбы, изымая доходы и притесняя.

Только после двенадцати лет с момента его прихода к власти, в первый год четырнадцатого столетия, вступил Осман в прямой конфликт с императорскими войсками Византии под Коюнхисаром (греческим Бафеоном). Греки, стремившиеся предупредить набег османов на расположенную перед Никомедией плодородную долину, были легко разбиты решительной и импульсивной кавалерийской атакой, расстроившей их боевые порядки. Это поражение императорских войск, нанесенное им каким-то малоизвестным тюркским вождем, озадачило Византию, которой пришлось теперь рассматривать государство Османа как фактор, с которым необходимо считаться. Осману это принесло славу и, как никогда раньше, святые воины начали стекаться под его знамена со всей Анатолии, гордые тем, что будут известны как османы. Его княжество отныне прочно встало на ноги.

Однако Осман не предпринял попытки развить свой успех, поведя атаку на саму Никомедию, и его войска ограничились опустошением окрестностей города. Минуло семь лет, прежде чем он почувствовал себя достаточно сильным, чтобы атаковать крепости Акхисара, господствовавшие над рекой Сакарья (греческая Сангариус), стекавшей в долину позади Никомедии. Он захватил их, тем самым открыв османам путь к морю. Османы впервые появились на берегах Босфора, постепенно покоря гавани и крепости на прибрежной черноморской полосе полуострова к востоку от Босфора, и в конце концов проникли в Мраморное море, захватив остров Калолимины. Тем самым Осман блокировал морской путь из Бурсы и еще один из Никомедии в Константинополь, изолировав два города один от другого. После этого Бурса неоднократно подвергалась нападению с равнинной стороны и в конце концов пала в 1326 году, уже тогда, когда Осман лежал при смерти.

После семилетней осады, во время которой даже пригороды попали в руки врага, греческий гарнизон был настолько деморализован отсутствием поддержки со стороны Константинополя — совершенно обесиленного династической борьбой между враждующими императорами, — что командующий гарнизоном Эвренос вместе с другими влиятельными греками сдал город и обратился в мусульманскую веру. Здесь, на плодородных склонах горы Олимп, османы основали свою первую в истории империи столицу, постепенно превращая ее наряду с украшением города нетленными образцами архитектуры в цивилизованный центр науки и искусства. В дальнейшем, после утверждения династии в Европе, Бурса перестала

быть столицей, но навсегда вошла в историю Османской империи как священный город. Но, что важнее всего, Бурса с ее школами теологии, исламского права и традиций развилась в важнейший центр просвещения, то есть в центр улемы — высшего мусульманского духовенства. Дополняя независимый и часто неортодоксальный воинствующий дух гази, сословие улемов олицетворяло традиционные принципы старого ислама и на протяжении веков оказывало преобладающее влияние — либо направляющее, либо ограничивающее — на государство османов.

Осман был похоронен здесь, в Бурсе, на склоне горы, в усыпальнице, обращенной через море, в сторону Константинополя. Вместе с могилами его наследников она стала центром паломничества мусульман. Эпитафия на его могиле была облечена в форму молитвы, которую на протяжении веков, опоясавшись обоюдоострым мечом Османа, должны были произносить все вступавшие на османский трон наследники: «Будь столь же добродетелен, как Осман!». Он действительно был добродетельным человеком, в духе традиций раннего мусульманства, наставлявшим, находясь на смертном одре, своего сына «поощрять справедливость и тем самым украшать землю. Порадуй мою отстающую душу блистательной чередой побед... Своими руками распространяй религию... Возводи ученость и достоинство, чтобы был утвержден Божественный закон».

Историческая роль Османа заключалась в деятельности племенного вождя, сплотившего вокруг себя народ. Его сын Орхан преобразовал народ в государство; его внук Мурад I превратил государство в империю. Их достижения как политиков были по достоинству оценены одним османским поэтом XIX века, сказавшим: «Мы из племени вырастили подчинявшую себе мир державу».

Созданием своего государства и империи османы были во многом обязаны традициям и социальным институтам гази, тем бойцам за веру, кому они были искренне преданы. Традиции гази уходили своими корнями в жизнь общины, основанную на моральных принципах, с корпорациями, или братствами, подчинявшимися своду исламских правил добродетельного поведения. Исходя главным образом из религиозных целей, они включали абстрактные концепции с сильным влиянием неортодоксального мистицизма, которые в результате принимали конкретную и практическую форму. В городах ранние мусульмане приспосабливались к тому, чтобы охватить цеха купцов и ремесленников. В пограничных местностях и деревнях они становились боевыми братствами, подобно ахи, или братьями по оружию, движимыми воинственным и по существу почти фанатичным энтузиазмом в отношении как религии, так и войны. Проникнутые духом рыцарства, они напоминали популярные рыцарские ордена, налагая друг на друга и принимая на себя взаимные

обязательства во время встреч в местах, напоминавших те, в которых собирались мистические братства Ислама в пражские времена.

Путешественник Ибн Баттута, живший в XIV веке, пишет об этих братствах: «Нигде в мире нельзя встретить кого-либо, сравнимого с ними в их внимательности, заботливости в отношении незнакомцев, в их пылкой готовности покормить вас и исполнить ваши желания, отвести руку тирана, убить агентов полиции и тех негодяев, которые якшаются с ними. Ахи, на их местном языке, это тот, кого собравшиеся вместе товарищи по роду занятий вместе с другими неженатыми мужчинами и теми, кто дал обет безбрачия, выбирают своим руководителем».

По приглашению сапожника в ветхих одеждах с войлочной шапочкой на голове Ибн Баттута посетил приют, выстроенный «примерно двумястами мужчинами разного рода занятий» для того, чтобы принимать путешественников и других гостей, расходуя при этом на общую цель все, что они зарабатывали в течение дня. Это было «изящное здание, украшенное прекрасными румскими ковриками, с большим количеством светильников из иракского стекла. Стоя рядами, в зале находилась группа молодых людей в длинных мантиях и обуви... Их головы были прикрыты белыми перстяными шапочками с прикрепленными к ним кусками материи длиной в локоть... Когда мы заняли свои места среди них, они внесли большой торжественный обед с фруктами и сладостями, после которого они начали петь и танцевать. Все в них наполняло нас восхищением, и мы были поражены их щедростью и врожденным благородством».

В Бурсе Ибн Баттута был принят султаном Орханом, «который является величайшим правителем среди всех правителей туркмен и самым богатым по размерам сокровищ, земель и вооруженных сил. Одних крепостей у него около ста, и большую часть времени он снова и снова объезжает их... Говорят, что он никогда не останавливался ни в одном городе хотя бы на месяц. Он также непрерывно сражается с неверными и держит их в осаде».

Орхан* был младшим из двух сыновей Османа, которого Осман называл своим преемником, учитывая его недоожинные военные способности. По контрасту его старший сын Алаеддин, был человеком с жилкой ученого, увлеченный законом и религией. Легенда гласит, что он отказался от предложения своего младшего брата разделить наследство, по поводу чего Орхан заметил: «Поскольку, мой брат, ты не берешь стада и отары, я предлагаю тебе быть пастухом моего народа. Будь моим визирем». В этой должности он, вплоть до своей смерти семь лет спустя, занимался вопросами управления государством, организации армии и разработкой нового законодательства**.

Орхан, избрав своей столицей Бурсу, получил титулы «Султан, сын Султана Гази, Гази сын Гази, средоточие веры всей Вселенной». Здесь он впервые отчеканил серебряную османскую монету, заменившую деньги сельджуков, с надписью: «Да продлит Бог дни империи Орхана, сына Османа». Задачей Орхана было завершить дело отца: объединить в государство смешанное население, которое Осман собрал вокруг себя; «округлить» им завоеванное и расширить его владения; сплотить воедино всех их жителей и тем самым сделать из государства новый центр могущества османов. Более красивый и цивилизованный в своих манерах, более величественный в своей стати, чем отец, Орхан был столь же прост в своих вкусах, как и в проявлениях характера. Но характеру он не был ни фанатиком, ни переломным или жестоким человеком. Обладая более широким, чем Осман, кругозором и будучи более энергичным в действиях, будь то война или государственное строительство, Орхан добивался целей благодаря своей неистощимой энергии, абсолютной целеустремленности и — сверх всего — редкой способности разбираться как в тонкостях управления, так в искусстве дипломатии.

Прежде всего предстояло захватить два города — Никею и Никомедию, находившиеся за высокими оборонительными стенами и представлявшие из себя крепости, которые трудно было взять штурмом. Бурса пала из-за отсутствия поддержки со стороны Константинополя. Когда же Орхан решил напасть на Никею — которая сама век тому назад, в период латинской оккупации Константинополя, была столицей империи, — император Андроник III считал своим долгом прийти городу на помощь. Но, раненный в битве с османами при Пелекагоне (нынешний Маньяс) в 1329 году, он поспешно бежал с поля боя обратно в Константинополь, бросив большую часть своей армии, остатки которой бежали вслед за ним. Гарнизон Никеи был вынужден сдаться. Подобным образом поступил и гарнизон Никомедии восемь лет спустя.

Все три города пали главным образом по экономическим причинам. Чтобы процветать, они нуждались в доступе к окружающей сельской местности. Когда она попала в руки османов — не как простых налетчиков, а как оседлых жителей — в постоянную оккупацию, не оспариваемую из Константинополя, брошенные на произвол судьбы горожане не имели особого выбора, кроме как доверить свою судьбу врагу. Немногие из них воспользовались возможностью уехать в Константинополь в соответствии с согласованными условиями сдачи в плен. Они предпочли остаться там, где жили, продолжая заниматься своими делами — торговлей и ремеслами, играя свою роль в новом мире, складывавшемся теперь вокруг них вместо старого. К концу правления Орхана население его государства увеличилось, как утверждалось, почти до полумил-

лиона человек — поразительное отличие от легендарных четырех сотен всадников Эртогрула.

При всей терпимости в отношении христиан по своей сути это было мусульманское государство, проверка на национальность в котором сводилась к религии. При всем их мирном сосуществовании различие между мусульманами и христианами должно было, безусловно, сохраняться. В самой своей основе оно проявлялось в подходе к вопросу о земле и ее распределении. Только мусульмане были обязаны нести воинскую службу, и в силу этого только они имели право владения землей. Земля распределялась в качестве награды за службу и служила источником набора в армию в форме военных наделов, освобождаемых от налогообложения. Христиане были освобождены от военной службы и, следовательно, не имели возможности извлекать выгоду из подобных прав на землю. Вместо этого они платили налог с каждой головы на поддержку армии. В сельских районах это обстоятельство отводило им статус подчиненных по отношению к обладавшим землей мусульманам. Поэтому христиане стремились жить и работать в городах и поселках, где такого рода ущемления в гражданских правах уравнивались экономическими преимуществами. Но, добровольно приняв ислам, христианин автоматически становился османом, о его происхождении скоро забывалось, он получал освобождение от налогообложения, право иметь землю, возможности для продвижения и получения доли от доходов правящей мусульманской элиты. Именно этим на данной стадии османской истории в Азии объяснялось растущее число обращенных в ислам.

Будучи феодальной по своей сути, эта система землевладения, основанная на военных наделах, существенно отличалась от феодальной системы Европы тем, что земельные участки были небольшими и, что особенно важно, редко становились наследственными. Ибо вся земля была собственностью государства. Поэтому на данной стадии во владениях османов не существовало условий для возникновения земельной знати, подобной той, которая преобладала по всей Европе. Султаны сохраняли за собой право на абсолютное владение землей, которую они завоевали. Более того, поскольку они продолжали завоевания, росло количество земельных участков, становившихся доступными в качестве награды, для все большего числа солдат. В рамках этой системы Орхан, следуя совету, исходившему от его брата Алаеддина, организовал регулярную армию под командованием сусрена, профессиональную военную силу, находившуюся на военном положении, подобной которой в Европе не могли создать на протяжении последующих двух веков.

Армия его отца, Османа, состояла только из нерегулярных пиратских отрядов, добровольцев-кавалеристов, называвшихся акынд-

жи. Рекрутируемые по деревням под возгласы «каждый, кто хочет воевать», они должны были быть готовы с оружием к определенной дате. Они были опытными наездниками, скакавшими сплошной массой, «как стена». Орхан, набирая своих воинов среди обладателей военных наделов, преобразовал это войско в авангард кавалеристов-разведчиков, роль которых заключалась в том, чтобы изучить местность перед намечаемой атакой. Таким образом, их преданность гарантировалась самыми богатыми земельными наделами. В поддержку им давались проводники, так называемые чавуши, и регулярные корпуса кавалерии, сипахи, получавшие денежное содержание.

Орхан набирал также нерегулярную пехоту, именовавшуюся азабы — войско, которое можно было не щадить и место которого было на линии атаки, а задача — вызвать на себя первый залп противника. За ними противник, нередко к своему крайнему удивлению, наталкивался на более грозную линию вооруженных копьями, вымощенных войск. Взятые из корпусов солдаты, которые получали жалованье и назывались оджаками капы кулу, были вооруженной силой, хорошо обученной приемам совместного ведения боя под началом командиров, которых они знали и уважали. В отличие от преобладавших в то время наемников они были едины в своей преданности суверену, считая его дело своим собственным и целиком доверяя ему соблюдение своих интересов в смысле продвижения по службе и других наград за службу. В принципе они постоянно находились «у двери султанского шатра», подчиняясь абсолютной власти правителя, служа ему лично, под началом командира, которому поручено действовать от имени султана. Сила этих новых регулярных османских войск заключалась в абсолютной сплоченности и их постоянной готовности сражаться.

Османь всегда были начеку, их нельзя было застать врасплох. Армия была оснащена первоклассной службой разведки, хорошо информированной относительно того, когда и где может появиться неприятель, дополняемой безукоризненной работой проводников для сопровождения войск по нужному пути. Путешественник Бертран де Ла Брокьер так отзывался об османских войсках: «Они могут внезапно трогаться с места, и сотня солдат-христиан произведет больше шума, чем десять тысяч османов. При первых ударах барабана они немедленно начинают маршировать, никогда не сбиваясь с шага, никогда не останавливаясь, пока не последует приказа. Легко вооруженные, они способны за одну ночь проделать путь, на который у их христианских соперников уйдет три дня».

Таковы были военные таланты выносливого, упорного и дисциплинированного народа, веками вырабатывавшего в себе привычки кочевников к скорости и мобильности; таковы были — также с точки зрения организации и тактики — принципы усовершенство-

ванного инструмента ведения войны, предназначенного превратить государство османов в империю. Это был народ, инстинктивно движимый унаследованным импульсом кочевников все время идти вперед, по сознательно намеченному в западном направлении пути, в поиске новых пастбищ. С тех пор как они были обращены в ислам, этот поиск вообще стал святым делом и еще сильнее подогревался их религиозным долгом *гази*, согласно священному закону обязанных разыскивать и бороться с «неверным» в Мире Войны, или Дар-аль-Харб: совершать набеги и захватывать его земли, захватывать его имущество, убивать или брать в плен его людей и подчинять их общины власти мусульман. Теперь этот поиск к тому же приводился в движение общественной и экономической потребностями в экспансии из-за давления перенаселения в результате непрерывного притока в приграничные местности новых поселенцев: будь то земляки-кочевники, мусульмане неортодоксальных взглядов или искатели приключений из княжеств Центральной Анатолии. Теперь, придя из степей Центральной Азии, эти турки должны были рискнуть пересечь незнакомую и негостеприимную стихию — море. К середине XIV века их войска были готовы к высадке в Европе.

Вступление турок в Европу не было каким-то внезапным вторжением, подобным монгольскому походу через Азию. Скорее, это был процесс постепенной инфильтрации, роковое следствие упадка и падения Византийской империи. Этому процессу сопутствовало отсутствие, скорее по религиозным, чем по политическим причинам, единства среди христианских государств — Запад был против Востока, католики против православных, римляне против греков. Подобное состояние достигло своей кульминации в начале XIII в., выразившись в вероломном нападении латинских рыцарей — участников четвертого крестового похода — не на мусульман в Святой Земле, как первоначально намечалось, а на своих же братьев по вере — греков, христиан Константинополя. После захвата и разграбления города в 1204 году они основали Латинскую империю на большей части остававшейся у Византии европейской территории. Благодаря в значительной степени отсутствию единства между группировками ее собственных христиан, Латинская империя на деле оказалась эфемерным образованием, существование которого длилось чуть больше половины века, в то время как греки продолжали сохранять свою власть над сохранившейся у них азиатской территорией, опираясь на Никею. В 1261 году греки могли вновь вернуть себе Константинополь.

Но удар, нанесенный их империи, в конечном счете оказался роковым. Византии удалось просуществовать еще два столетия, но это был как бы некий призрак ее прошлого. Идущая из глубины веков слава мировой державы и центра цивилизации окончательно померкла.

Никогда больше не смогла Византия восстановить свои прежние силу и безопасность. Территория была опустошена. Болгария, Сербия, Македония утрачены одна за другой. Константинополь наполовину разрушен, лишившись своих богатств и большей части населения. Торговая империя с Востоком сместилась в другие районы. То, что сохранилось от Византии на западе, перешло в руки венецианцев и генуэзцев. Религиозная вражда с латинскими странами и папством

подыхала сильнее, чем когда-либо. Изнутри империю подтачивали административная дезинтеграция, социальная реформация и финансовая несостоятельность.

В этот критический период истории Византии так и не появилась сильная династия правителей, которая смогла бы связать воедино еще сохраняющиеся элементы империи и вдохнуть в них новую жизнь. Напротив, после возвращения Константинополя правление первого императора из династии Палеологов было отмечено — за исключением, пожалуй, лишь мира искусства, — не ренессансом, а длительным периодом дальнейшего заката империи. Последствием отхода не святой войны христиан с христианами стало отсутствие единства внутри императорского дома, расколотого в ущерб себе и наличие династии, втянутой в периодически возобновляющуюся войну, в которой сын сражался против отца, внук — против деда, узурпатор — против законного суверена. Этот раскол неизбежно играл на руку туркам, единым в своей священной войне за дело Ислама. В контексте этой войны они едва ли должны были вернуться в Европу. Но ситуация складывалась так, что они в Европе все-таки оказались.

Первоначально они выполняли здесь свою традиционную роль наемников, аналогичную той, которую сыграли в арабской империи халифата Аббасидов тремя веками раньше. Первые наемники пришли из колонии тюрок, обосновавшихся в Добрудже, на западном побережье Черного моря, после восхождения на императорский трон первого из Палеологов, Михаила VIII, бежавшего из-под оккупации латинян и жившего в качестве изгнанника при дворе сельджуков. Эти тюрки пришли на помощь свергнутому с трона султану сельджуков Иззеддину*, который в свою очередь нашел убежище в Константинополе. После угрожающей демонстрации против императора они добились освобождения султана из-под стражи и вместе с ним отправились в Крым. Но его сын и отряд его стражи остались в Константинополе, приняли христианство и составили костяк корпуса турецкой милиции, вскоре пополнившего свои ряды и обеспечившего желанное подкрепление императорской армии.

В начале XIV века император Андроник II схожим образом призвал к себе на помощь крупное войско наемников — христиан из Каталонской Великой Компании⁴⁴ под командованием не признававшего никаких законов солдата удачи Роже де Флора. Когда каталонцы учинили в Константинополе беспорядки, он переправил их в Малую Азию. Здесь они успешно сражались против турок, но забирали себе всю военную добычу за счет греков, с которыми они в конце концов вступили в открытый конфликт, основав в Галлиполи европейскую штаб-квартиру и стремясь превратить ее в собственное государство. Когда Роже де Флор был опрометчиво убит в

императорском дворце, каталонцы в ярости обрушились на греков и пригласили своих прежних врагов — турок из Малой Азии — помочь им в борьбе против империи, которую они приняли защищать.

Таким образом, именно каталонцы — первые, кто несет ответственность за появление турок в Европе, — сражались против греков и как часть организованной силы. Когда каталонцы наконец ушли в Фессалию, они оставили позади себя, во Фракии и Македонии, большое войско турок, совершавших нападения на пути сообщения и сеявших общий беспорядок. Их лидер Халил* достиг договоренности о выводе войска в обмен на охранную грамоту для переправы через Босфор. Но когда греки в нарушение договоренности попытались лишить турок их трофеев, Халил вызвал подкрепление из Азии, нанес поражение и вынудил спасаться бегством юного императора Михаила IX и с презрительной насмешкой принял головной убор императора. Император смог избавиться от этих турок, только призвав на помощь войска сербов.

Начиная с этого времени на протяжении всего XIV века острова и побережья европейской части Византии подвергались череде пиратских рейдов турок из различных княжеств Малой Азии. Только вражда между ними предотвращала согласованное вторжение в то время, когда число турок, сражавшихся на стороне греков, равнялось числу турок, сражавшихся против них. Среди них были татары с северных берегов Черного моря, схожие расовыми корнями и традициями, волнами накатывавшиеся через южнорусские степи в Крым и дальше на запад, вплоть до Венгрии. Тем временем турецкие пираты из княжества Айдын в Малой Азии грабили население островов в Эгейском море, провоцировали «крестовый поход» войск римского папы, захвативших город Смирну (Измир)**.

Собственно османы не принимали в этих враждебных действиях никакого участия, прозорливо рассчитав, что тем самым они только ослабляют своих враждующих соседей и соплеменников — турок. Хотя к 1330 году османы фактически оккупировали берега Босфора прямо напротив Константинополя, оставаясь верными своей терпеливой, бдительной политике, они не пересекали его воды в сторону Европы еще на протяжении семи лет.

Потом они сделали это по приглашению великого доместика и узурпатора Иоанна Кантакузина, способного и амбициозного лидера, провозгласившего себя императором в противовес законному наследнику — императору Иоанну Палеологу и попросившего турок поддержать его в последовавшей за этим гражданской войне. Теперь в обмен на военную помощь Кантакузин предложил в жены Орхану свою дочь Феодору. Предложение было немедленно принято. В 1345 году около шести тысяч османских войск переправились в Европу. Здесь они помогли узурпировавшему власть императору

отбить у Иоанна Палеолога прибрежные города Черного моря, опустошить Фракию, осадить Константинополь и вымотную подошли к Адрианополю (ныне Эдирне).

На следующий год свадьба византийской принцессы и султана османов была отпразднована на европейских берегах с соответствующей помпой и церемониями. Орхан, ставший лагерем напротив, в Скутари, направил флот из тринадцати турецких судов и эскорт кавалерии, чтобы увезти свою невесту из величественно декорированного коврами павильона, воздвигнутого в ставке императора в Силиврии. Здесь, как воспроизводит это «унижение пурпура» Гиббон, «Феодора взошла на трон, который был окружен занавесками из шелка и золота; стоял строй войск с оружием; только один император был верхом. По сигналу занавеси были внезапно убраны, чтобы показать невесту, или жертву, окруженную коленопреклоненными свнухами и свадебными факсами; звуки флейт и труб возвестили начало радостного события; и ее показное счастье было темой свадебной песни, которую исполнили лучшие из поэтов, которых только породил этот век. Без церковного обряда Феодора была отдана своему господину варварского происхождения; но было оговорено, что она должна сохранить свою веру в гареме Бурсы; и ее отец превозносил ее милосердие и преданность в этой двусмысленной ситуации».

Она действительно смогла быть полезной своим братьям и сестрам по вере, содействуя выкупу и освобождению многочисленных рабов и пленников — христиан.

За этим matrimonialным и военным союзом с османами последовали после выезда Кантакузина в 1347 году в Константинополь брак его другой дочери, Елены, с юным Иоанном Палеологом и их признание, с обеих сторон, в качестве императоров-соправителей. Так турки-османы основательно укоренились в Европе, но не как враги, а как союзники и родственники императоров Византии с султаном, приходившимся одному из императоров зятем, другому императору — свояком, а также зятем царю соседней Болгарии.

Это не удержало Орхана от принятия к рассмотрению конкурирующего предложения об аналогичном союзе от враждебного Византии Стефана Душана, который расширил свое государство Сербию в «империю», присвоив себе титул «господина почти всей Римской империи» и который был даже провозглашен венецианцами «Императором Константинополя». Не сумев, тем не менее, заручиться поддержкой венецианцев в нападении на Константинополь, Стефан вместо этого стал искать поддержки со стороны Орхана, предложив соединение сербской и османской армий для совместной кампании против города. Чтобы скрыть союз, он предложил свою дочь в жены сыну Орхана. Орхан направил к Стефану послов, чтобы принять

предложение. Однако этот план был нарушен Кантакузином, который перехватил послов, убив одних, взяв под стражу других и присвоив себе предназначавшиеся сербскому «императору» дары. И ни Стефан, ни Орхан, чьи цели были настолько схожи, что их легко можно было бы согласовать, больше переговоров не возобновляли. В конечном счете Стефан в 1355 году попытался атаковать Константинополь в одиночку, силами восьмидесяти тысяч человек. Но он скончался на второй день похода, и его «Сербская империя» умерла вместе с ним.

Тем временем, в 1350 году, Кантакузин призвал себе на помощь еще двадцать тысяч османской кавалерии, чтобы обезопасить от Душана Салоники, выбив его войска из окружающих приморских городов Македонии. Салоники были спасены, хотя турки не заняли ни одного из этих городов, довольствуясь тем, что с согласия своего султана они вернутся в Малую Азию хорошо нагруженными военными трофеями. Двумя годами позже Орхан оказал помощь генуэзцам в войне против их традиционного торгового соперника — венецианцев и по ходу войны против самого Кантакузина. В 1352 году, когда венецианцы вместе с болгарами открыто выступили на стороне его соперника Иоанна Палолога, Кантакузин вновь призвал двадцать тысяч турок, ограбив церкви Константинополя, чтобы оплатить их услуги, и обещая вознаградить Орхана крепостью во фракийском Херсонесе. Он таким образом выручил Адрианополь, обезопасил свое положение во Фракии и в большей части Македонии и провозгласил своего сына Матфея соимператором.

В 1353 году Сулейман-паша, сын Орхана, пересек Геллеспонт с войском османов, чтобы вступить во владение крепостью, обещанной Орхану и носившей название Цимпе, на полуострове между Галлиполи и Эгейским морем. Вскоре после того как он прибыл туда, землетрясение разрушило часть галлиполийских стен. Сулейман быстро овладел и этой крепостью. После восстановления стен крепости он привез сюда из Азии первую группу османов-колонистов. Подобные колонии стали быстро возникать одна за другой. Османы селились на землях бежавших владельцев-христиан, под началом своих мусульманских беев, которые были военными товарищами Орхана, считавшими его не столько своим господином, сколько объединяющей их силой и вдохновляющим примером. Их большие личные армии должны были обеспечить ему прочные основы нового османского государства в Европе. Местным же жителям-грекам оставалось одно — добровольно подчиниться, за что им гарантировалась безопасность.

Так начиналась оккупация, продвигающаяся в западном направлении и навязывающая землям Византии новый образ жизни. Позади быстро движущегося авангарда, распространявшегося далеко вперед

и в стороны с целью блокирования дорог, уничтожения урожаев и создания обстановки общего экономического хаоса, основная армия османов основывала все новые поселения анатолийских турок вдоль важнейших направлений движения войск и по долинам четырех рек, ведущих к Дунаю. Но на первых порах армия не проникала в горные районы, где нашла прибежище значительная часть местного населения. В этом неустоявшемся балканском обществе оккупанты столкнулись со сравнительно слабым сопротивлением. Братства дервишей основывали приюты, которые должны были служить ядром новых турецких деревень. Мусульманские беи на контролируемых ими землях устанавливали с крестьянами-христианами новые отношения, которые сводились к форме социальной революции. Они вытеснили иерархический класс землевладельцев, неважно, греческого или латинского происхождения, который до этого подавлял и эксплуатировал свое феодальное крестьянство. Вместо этого османы установили более свободную и непрямую форму контроля, беря с крестьян налоги ограниченных размеров и отменив действовавший ранее принцип присвоения неоплаченного труда. Ибо по османскому праву крестьяне сами не только были землевладельцами, но и ответственными посредниками между крестьянством и султаном, который владел всей землей, независимо от того, была ли она завоеванной или приобретенной как-либо еще.

Таким образом, в данный период социальной и политической фрагментации византийской империи османы заметили децентрализацию сильной системой централизованного государственного контроля. Поскольку оккупация продолжалась, местные христианские землевладельцы в землях, граничащих с захваченными османами территориями, стали признавать власть султана, в качестве его вассалов выплачивая ему небольшую ежегодную дань как знак подчинения исламскому государству. С самого начала Османское государство избрало в отношении христиан лояльную политику, тем самым гарантируя, что крестьянство не присоединится к своим феодальным ленд-лордам в сопротивлении вражеской оккупации, а в действительности поощряя крестьян бунтовать против них. Балканский крестьянин вскоре пришел к пониманию того, что осуществленное мусульманским захватчиком завоевание повлекло за собой его освобождение от феодальной власти христиан, многообразные вымогательства и злоупотребления которой становились все более тяжелыми с расширением монастырских земель. Теперь же османизация давала крестьянству ранее невиданные выгоды. Как писал один французский путешественник более позднего времени, «страна в безопасности, и нет сообщений о бандитах или разбойниках с большой дороги» — это больше, чем можно было бы сказать в то время о других государствах в христианском мире.

На этой начальной стадии османы контролировали большую часть Галлиполийского полуострова и европейское побережье Мраморного моря, вплоть до мыса всего в нескольких милях от Константинополя. Кантакузин, положение которого в результате становилось все более ненадежным, упрекал Орхана в несоблюдении договоренностей и предлагал выкупить Цимпе за десять тысяч дукатов. Орхан, понимая, что он мог бы вновь захватить эту крепость, когда бы он этого ни пожелал, отдал крепость в обмен на выкуп. Но он твердо отказался уступить Галлиполис, стены которого, как он настаивал, пали перед ним не благодаря силе его оружия, но по воле Аллаха. Орхан отклонил дальнейшие переговоры. Османские турки, которым помог Божий промысел, пришли, чтобы остаться.

Кантакузин был полностью дискредитирован. За рубежом христианские страны Балкан — Сербия и Болгария — отказали ему в просьбе поддержать империю. Таким, как резко, но справедливо ответил царь Болгарии, был заслуженный итог его нечестивого союза с турками. Пусть византийцы сами одолеют шторм. «Если турки выступят против нас, — добавил он, — мы будем знать, как защитить себя». Жители Константинополя поднялись против Иоанна Кантакузина, забаррикадировали его во дворце и призвали Иоанна Палеолога. Публично осужденный и обвиненный в желании сдать город османам, он не видел иного выхода, кроме отречения от престола и ухода в монастырь в Мистре, около Спарты. Там, под именем Иоасафа, Кантакузин провел оставшиеся тридцать лет жизни, написав выдающуюся историю своего времени.

Сулейман-паша все больше расширял свои завоевания и практику создания поселений колонистов, захватив Димотику и отрезав Константинополь от Адрианополя путем оккупации Чорлу. Это заселение почти не встретило серьезного сопротивления со стороны местных жителей — греков или со стороны войск императора Иоанна Палеолога, который на поверку оказался столь же зависим от благосклонности османов, как и Иоанн Кантакузин. И действительно, его ждало жестокое унижение. Когда в 1357 году его племянник Халил, сын Орхана и Феодоры, был взят в плен пиратами, султан потребовал от императора, чтобы тот отправился в Фокею и освободил его. Таким образом, пока силы османов продвигались вперед во Фракии, император осаждал Фокею. По возвращении в Константинополь Иоанн Палеолог получил приказ Орхана лично продолжить руководить осадой и предпринял еще одну попытку сделать это, но натолкнулся на отказ собственного флота. Он умолял Орхана освободить его от выполнения задачи, которая оказалась свыше его сил.

Орхан, став суверенном императором Византии, упорствовал в своем требовании. В 1359 году Иоанн V отправился к нему в Скутари —

вассал, надеющийся разжалобить своего сюзерена. Султан продиктовал императору мирный договор, по которому тот соглашался уплатить половину выкупа за его сына и фактически принял статус-кво во Фракии. По освобождении Халила император должен был отдать ему в жены свою десятилетнюю дочь. Император вернулся, по велению Орхана, в Фокею, выплатил большой выкуп и доставил Халила в Никею, где отпраздновали его обручение с христианской принцессой, сопровождавшееся соответствующими мусульманскими праздниками. Подобно тому, как Иоанн Кантакузин привел османов в Европу в качестве солдат, так и его соперник Иоанн Палеолог согласился на их дальнейшее пребывание в качестве поселенцев. Орхан умер в 1359 году*. Его старший сын, Сулейман, погиб годом раньше, упав с лошади во время соколиной охоты на Галлиполийском полуострове. Его младший сын наследовал Орхану под именем Мурада I. Орхан, этот второй по счету из трех османских «отдоя-основателей», добился поставленных целей в меньшей мере за счет воинского мастерства и в большей — за счет своего дара дипломата. После завершения преобразования своего государства он вступил в Европу, имея за спиной современную армию, но не используя ее силу напрямую, а лишь косвенно, в качестве аргумента в переговорах. Столкнувшись со слабым сопротивлением, он действовал без излишней горячности, с образцовой терпеливостью и прирожденным искусством мастера манипуляции и интриги. Таковы были фундаментальные основы Османской империи, воздвигнутой в Европе. Наступило время расширить сферу ее завоеваний, развернуть османскую армию как наступательную силу в целях покорения остатков Византийской империи и балканских христианских государств. Такой была задача для сорокалетнего Мурада I, султана, которому судьбой было предназначено превзойти двух своих предшественников и в качестве военного лидера, и в качестве государственного деятеля, не имевшего себе равных в свое время. Благодаря Мураду Запад должен был теперь пасть перед Востоком, подобно тому как Восток пал перед Западом во времена господства греков и римлян.

Орхан был первопроходцем Османской империи в Европе. Мураду I предстояло стать ее первым великим султаном. Он правил на протяжении жизни целого поколения, во второй половине XIV века. Как воин, сам проявляющий неослабное рвение в военном деле и вдохновляющий других своим энергичным руководством, он расширил территории османов до дальних пределов Балканского полуострова, закрепляя завоевания, которые должны были оставаться в руках османов, на протяжении пяти веков. Как человек, обладающий кругозором и политической дальновидностью, он заложил на будущее основы модели грандиозного, действительно государственного по своим подходам управления. Эта его деятельность объединила и вдохнула новую жизнь в остатки Византийской империи, заложив вакуум, который в данный момент истории не могла заполнить ни одна другая держава. Он стал провозвестником новой османской цивилизации, уникальной в смысле объединения самых разнообразных элементов расы, религии и языка.

Более того, этот век османской экспансии в Восточной Европе совпал со временем упадка на Западе. С окончательной потерей Иерусалима в середине XIII века и вторжением монголов в Малую Азию феодальный христианский мир уже никогда больше не смог продвинуть свои границы на Восток. Порыв крестоносцев обернулся против них самих, поскольку христиане-латиняне ссорились и воевали друг с другом. Один за другим разорялись банковские дома Италии, наладившие прибыльную торговлю с Востоком и финансировавшие крестоносцев. Финансовый и экономический спад привел ко всеобщему и продолжительному социальному кризису. Европейское общество, негибкое и лишенное жизнеспособности, достигло нижней точки в своем упадке. Крестьянские восстания против землевладельцев, как феодальных, так и монастырских, восстания ремесленников против торговцев стали обыденными явлениями.

Бубонная чума, Черная Смерть, занесенная с Востока, опустошила Средиземноморье и всю Западную Европу. Открытие новых миров повернуло энергию европейской молодежи в западном направлении,

через Атлантику. Таким был этот критический период средних веков, кризис, который пошел только на пользу новой империи турок-османов, вступившей в эпоху расцвета.

Наступление Мурада в Европе, подготовленное еще до его восшествия на престол и руководимое компетентными военачальниками, было немедленно развязано в 1360 году и быстро завершилось в своей первой стадии. В течение пятнадцати месяцев турки установили эффективный контроль над Фракией, включая ее основные крепости и равнину, простиравшуюся до подножий гор Балканского хребта. Резня в Чорду местного гарнизона и обезглавливание его командира были использованы как средство запугивания турками населения Балкан. Свои ворота открыл перед ними Адрианополь, вскоре ставший столицей Османской империи вместо Бурсы. Далее турки двинулись на запад, обходя Константинополь. Иоанн Палеолог, ныне бледная тень прежнего императора, подписал договор, который обязывал его отказаться от каких-либо попыток восполнить потери, понесенные во Фракии, или от любой поддержки сербов и болгар в их сопротивлении продвижению турок. Более того, он был обязан поддерживать османов против их турецких соперников в Малой Азии. Спустя десять лет Палеолог стал не более чем простым вассалом Мурада, признав его своим сюзереном и перейдя на службу в турецкую армию.

По мере того как турки проникали все дальше в Европу — в Болгарию, Македонию, Сербию, а вскоре и в Венгрию, оплот римско-католической церкви, — христианские державы под покровительством папы Урбана V предприняли ряд безуспешных попыток объединиться друг с другом и с греками в защите христианского мира. В 1363 году войско сербов и, впервые, венгров без поддержки греков переправилось через реку Марица в направлении Адрианополя только для того, чтобы быть внезапно атакованным турками и «пойманным, как дикие звери в их логове» (по словам турецкого историка Саадеддина) в момент, когда оно отсыпалось после ночного празднества по случаю беспрепятственной переправы через водную преграду. Затем оно было сброшено обратно в реку, «подобно языкам пламени, бегущим впереди ветра», и поголовно истреблено.

Дальнейшие попытки организации «крестовых походов» такого рода были сильно осложнены конфликтом между римско-католической и греческой церквями, сущность которого отражена в письме Петрарки папе Урбану: «Осмамы являются просто врагами, но схизматики-греки еще хуже, чем враги». Император Иоанн Палеолог мог найти союзников, только обещая подчинить греческую церковь католической. Он сделал это во время секретного визита в Венгрию. На обратном пути Иоанн был заточен болгарами в крепость. Это спровоцировало вмешательство Амедео Савойского,

который предпринял в 1366 году новый крестовый поход католиков. Он отбил у турок Галлиполи, но вместо того, чтобы остаться здесь и продолжить борьбу, отправился к Черному морю, чтобы воевать против болгарских христиан. Освободив императора, он потребовал, как уже до него сделали венгры, подчинения Палолога римско-католической церкви. Встретившись на этот раз с отказом, Амедео направил оружие против греков.

Император подчинился и в 1369 году отправился в Рим, где отрекся от «заблуждений» православной церкви и обмен на обещания помощи со стороны властителей западного католического христианского мира в борьбе против турок. Но никакой помощи не пришло, а по пути домой он был задержан в Венеции за долги. Когда его старший сын Андроник отказался дать деньги на выкуп, это сделал его младший брат Михаил. Но подчинение Иоанна Риму было абсолютно неприемлемо в Константинополе. Отсюда после его освобождения его подчинение Мураду в качестве вассала.

Османлы имели возможность извлечь все, что угодно, из этой несправедливости балканских христиан к римско-католической церкви, как и из их взаимной политической неприязни. Балканские христиане официально признали православную церковь в ущерб католической. Это означало, что каждая народность, будь то греки или славяне, сербы или болгары, была готова предпочесть господство османов господству со стороны своих соседей — и прежде всего господству со стороны венгров. Такой духовный настрой, сочетаясь с деморализацией, вызванной на Балканах Черной Смертью, облегчал главную задачу, которая стояла перед Мурадом как государственным деятелем. Завоеватели-османлы были сравнительно малочисленны. Теперь здесь, в Европе, им противостояли массы населения, значительно более многочисленные, чем в любой из покоренных стран Азии, и более разнообразные и сложные по своему национальному, религиозному, политическому характеру. Как можно осуществить их ассимиляцию? Такова была проблема Мурада, требовавшая проявления искусства государственного управления в широком диапазоне, по мере того как одна успешная военная кампания сменяла другую.

Христианское население Балкан, мало что или совсем ничего не зная об исламе, едва ли подходило для ассимиляции путем добровольного его принятия, как это было с христианами в Азии. Не мог стоять и вопрос об истреблении этого населения завоевателями, и не только из-за отсутствия достаточного числа мусульман-колонистов, чтобы заменить его. В равной мере Мураду, все еще продолжавшему вести свои войны, не хватало свободных воинских резервов, способных держать местное население в подчинении с помощью полицейского контроля. Это исключало всеобщую политику принудительного обращения в ислам, которая в любом случае могла бы

только спровоцировать и еще больше усилить любую угрозу со стороны христиан. В результате Мурад предпочел проводить в отношении местных христиан в вассальных балканских странах политику определенной терпимости. Он использовал в войнах тысячи воинов христианского происхождения, нередко под командованием их собственных князей и правителей. В качестве платы за службу им гарантировались освобождение от налогов и право пользования выделенными государственными землями и получаемым с них доходом.

Тем не менее проблема ассимиляции решалась в значительной мере с помощью политики обращения в рабство в различных формах, подобной той, которую турки сами испытали на себе на ранних этапах своей истории. Процесс обращения в рабство применялся к военнопленным и жителям захваченных территорий. Закон давал солдату-осману абсолютное право владения захваченными людьми, если они не соглашались открыто признать и исповедовать ислам. Он мог держать таких людей для работ по дому или для сельскохозяйственных работ. Он мог продать их на открытом рынке при условии соблюдения права государства на одну пятую рыночной стоимости всех захваченных в плен. Для греков рабство было невыносимым унижением. Императоры Византии продвинулись далеко вперед в деле освобождения рабов. Турецкий закон, таким образом, в определенной степени ускорял обращение в ислам среди христиан, которые предпочитали смену религии утрате своей свободы.

Но система сохраняла гибкость. Многие греки имели возможность купить свободу без обращения. Подобное могло бы произойти в городе, павшем в результате нападения, иногда в соответствии с оговоренными условиями капитуляции, и нередко наступающие армии Мурада предпочитали денежный выкуп обузе в виде рабов. В сельских районах угроза попасть в рабство была меньшей. Можно было легко укрыться в горах, а в условиях наступления было мало времени на преследование. Отдельные земли оставались в руках их (хотя и захваченных) владельцев в обмен на фиксированный налог. На других землях, завоеванных у противника, новые османские собственники нуждались в мужчинах для обработки их поместий, и среди этих людей многие так и оставались необращенными в ислам.

С другой стороны, женщины, будь то вдовы воинов или молодые дочери греков, сербов и болгар, в основном обращались в рабынь и становились женами и наложницами завоевателей, которые фактически не везли за собой своих собственных женщин. Конечным результатом этого было развитие османской расы, сильной и богатой своим смешением множества кровей. Восточная кровь — татар, монгол, черкесов, грузин, персов и арабов, — которая уже текла в жилах турок, смешивалась теперь с кровью балканских и других

европейских народов за пределами Балкан, чтобы создать в пределах одного века цивилизацию столь же космополитичную, что и цивилизации греков, римлян и византийцев.

Наконец, в дополнение к этой общей системе крепостничества, освобождение от которой могло быть получено посредством добровольного обращения в ислам или каким-то иным путем, Мурад набирал в свою армию из числа христиан особую, отборную пехоту, которая должна была служить лично султану. Это был корпус янычар, ени чери, или «новые войска». Введенные Орханом в качестве личной охраны, янычары были теперь преобразованы Мурадом в милицию*, предназначенную главным образом для поддержания порядка и защиты завоеванных им территорий христиан в Европе. Основанное на практике принудительного обращения в ислам, это военное формирование комплектовалось в каждом захваченном районе по одному принципу. Привилегия освобождения от воинской обязанности, получаемая путем уплаты подушной подати, не распространяется на мальчиков-христиан определенного возраста. Османские власти могли выбирать из них подходящих рекрутов, которых забирали из семей и воспитывали в мусульманской вере. Функция этих рекрутов заключалась в служении султану: они лично зависели от него и оплачивались им по шкале более высокой, чем в других войсках. Специально отбираемые по силе характера, физическим данным и уму, воспитываемые в духе непреклонности, высокودисциплинированные и приученные к любого рода невзгодам, воины были, подобно монахам, лишены права жениться, владеть собственностью, заниматься каким-либо другим делом. Их жизни были посвящены воинской службе под руководством султана.

Они воспитывались на отличавшихся определенной широтой взглядов неортодоксальных мусульманских заповедях дервишского ордена Бекташи, благоговейным патроном которого был Орхан, построивший для ордена монастыри с монашескими кельями в Бурсе. Их шейх, Хаджи Бекташ**, благословил новые войска и вручил им их штандарт, украшенный полумесяцем и обоюдоострым мечом Османа. Накрыв рукавом своих одежд голову первого солдата, он дал войску имя и предсказал его будущее: «Его лик будет ярким и сияющим, его рука — сильной, его меч — острым, его стрела будет бить точно в цель. Он будет побеждать в каждой битве и никогда не вернется иначе, как с триумфом». Следуя этому благословению, к белой войлочной шапке янычар, своими очертаниями напоминавшей головной убор воителей пограничных областей — ахи, крепился хвост, изображавший рукав дервиша — шейха, и она была украшена деревянной ложкой вместо помпона. Знаком отличия войска, символизирующим уровень жизни, более высокий, чем у других войск, были горшок и ложка; офицерские звания были

позаимствованы из лексикона полевой кухни — начиная с Первого раздатчика супа и до Первого повара и Первого водноноса. Свидетельством предметом полка был котел, вокруг которого янычары собирались, чтобы не просто поест, а держать общий совет.

Народы Европы вполне могли быть возмущены бесчеловечностью турок с Востока, подобным образом наложивших на христиан налог кровью, порабоковавших юных пленников, отрывавших их от родителей, силою навязывавших чуждую религию и диктовавших жизненный путь, который им отныне предстояло пройти. Но следует сделать скидку на нормы воинственного века, когда борьба с врагами безоговорочно воспринималась как составная часть жизни. В этот век христиане сами были столь же не гуманны в отношении к другим, будь то христиан или иноверец. Более того, Балканы того времени — запутанный театр военных действий, на котором солдаты-христиане постоянно воевали на стороне турок. Ни разу мусульманские армии Мурада не оказывались без поддержки со стороны войск «неверных», сознательно сражавшихся под руководством командиров-христиан против других христиан. Своей численностью такие контингенты намного превосходили янычар, число которых, хотя и возросло за несколько веков в несколько раз, все равно составляло сравнительно небольшую часть турецких вооруженных сил. Во времена Мурада их было немногим более одной тысячи человек. Несомненно, с течением времени угроза вербовки сокращала их ряды, побуждая крестьянство скорее принимать ислам, чем жертвовать крепкими, здоровыми сыновьями, нужными для работы на земле.

Будучи призванными, эти юноши получали такие преимущества, как высокая степень физической подготовки и технического мастерства, образование, разумный баланс между дисциплиной в казармах и отдыхом в лагерях, надежда на пожизненную карьеру. Здесь был развит сословный дух, основывавшийся на гордости собственным полком. Янычары, таким образом, начинали жизнь, имея достаточно большие преимущества. По мере того как проходили века османской истории, они получали даже больше, чем их справедливая доля власти.

Эта система военного рабства шокировала христианский мир. Но она была достаточно давно известна и распространена в исламском мире, особенно среди турок. Они на самом деле извлекали из нее пользу в период собственного порабощения на ранних стадиях своей истории. Во времена халифата Аббасидов тюрок похищали, брали в качестве дани или покупали как рабов в немусульманских степях Центральной Азии, воспитывали как обращенных мусульман, а затем в Багдаде обучали их солдатскому ремеслу или же готовили из них чиновников. «Постановка рабов этого вида, — отмечает Клод Каэн, —

статус которых был, естественно, намного выше по сравнению с домашними рабами, принадлежавшими частным лицам, похоже, никогда не представлялась затруднительной, и само турецкое население, среди которого она осуществлялась, относилось к ней спокойно. Рабство не возбуждало в ком-либо таких чувств, какие оно стало вызывать позже». Тюрки, подобным образом превращенные в рабов, нередко имели возможность подняться, благодаря системе поощрений, до высоких военных и чиновничьих постов.

В наследовавшем халифату государстве Саманидов власть турок, занимавших подобные посты, показала себя сильным фактором сохранения династии, но турки в конце концов ее свергли, чтобы заменить собственной династией рабского происхождения. Схожие династии, основанные тюрками рабского происхождения, а именно Тулунидов и, позднее, Мамлюков, изначально рабов Саладина и Айюбидов, правили в Египте. Последнюю они просто отодвинули в сторону, чтобы образовать свою собственную династию, аналогичным образом основанную на рабстве, которое продолжало сохраняться при османском режиме.

Османь с ними столкнулись при Мураде I с вызовом, на который они теперь давали ответ. В этом случае, по словам А. Тойнби, имело место «географическое перенесение естественной общины из ее естественного степного окружения, в котором она находилась в состоянии схватки с физической средой, во враждебное окружение, в котором она обнаружила себя свободной от физического давления засушливости, но взамен этого столкнулась с новой проблемой осуществления господства над враждебными общинами человеческих существ».

Другие кочевые сообщества, вставшие перед той же самой проблемой, просто попытались «трансформировать себя из пастухов овец в пастухов людей».

Но в этом они, как правило, проваливались. Господство аваров над славянами длилось всего лишь пятьдесят лет; западные гунны правили венграми не дольше срока жизни самого Атиллы. Все сменявшие друг друга империи монголов просуществовали также недолго. Ошибочность этого принципа правления со стороны кочевников заключалась в том, что «человеческий скот», оставаясь работать на собственных землях, в результате продолжал быть по-прежнему экономически продуктивным и вскоре начинал объединяться для того, чтобы изгнать или же ассимилировать своих «пастухов». Ибо те, в этом оседлом окружении, подтверждали, что являются просто бесполезными паразитами, как это и было на самом деле, «трутнями, эксплуатирующими рабочих пчел». Отсюда последовательно быстрый подъем, столь же быстрое угасание и падение большинства империй кочевников.

Османь должны были доказать, что представляют собой уникальное в истории исключение из этого правила. Они выработали практику «подбора и обучения людей — сторожевых псов, чтобы поддерживать порядок среди человеческого стада падишаха и держать его человеческих соседей в страхе». Этими вспомогательными устройствами в образе человека и были рабы-христиане. Султан Мурад открыл со своими янычарами дорогу институту управления Османской империей, основанному на рабстве и, отсюда, на верности султану, который вскоре распространился на гражданскую сферу, чтобы вобрать в себя все ответвления государственной службы. С этого времени подданные империи христианского происхождения должны были управляться людьми, которые по своему происхождению также почти полностью были христианами. Отсюда берет начало длинная череда мусульманских правителей, избравших христианского посредника в качестве средства отправления власти над своими подданными, будь то мусульмане или христиане.

Тем временем небольшой компактный корпус янычар — регулярной пехоты, напоминавшей преторианскую гвардию римлян, не имевшей аналогов в армиях христианских государств того времени, — играл активную роль в продолжавшейся на Балканах кампании Мурада и его военачальников, а также в последующем заселении захваченных земель, на которых селились мужчины, сражавшиеся, как сухо выражается Гиббон, «с усердием новообращенных против собственных односельчан-идолопоклонников».

Покорение Фракии открыло армиям османов путь в Болгарию, а отсюда — в Македонию. После необходимого для ассимиляции интервала Мурад вторгся в Болгарию. Он воспользовался тем, что страна после смерти царя была поделена между тремя соперничавшими братьями-наследниками. Этот раздел между старшим, князем Шишманом, и двумя его младшими братьями был настолько категорическим, что на протяжении жизни целого поколения страна была известна как «три Болгарии». К выгоде Мурада, случилось новое потрясение, вызванное вторжением в Западную Болгарию венгров, — «крестовый поход» против христиан, который получил благословение папы и результатом которого было насильственное обращение францисканскими миссионерами из православной в католическую веру около двухсот тысяч болгар. Гонения на православных были таковы, что многие из них приветствовали завоевание страны мусульманами как восстановление их права на свою веру.

На протяжении трех лет, начиная с 1366 года и далее, османь смогли овладеть всей долиной реки Марица и тем самым аннексировать большую часть Южной Болгарии. Шишман, следуя примеру

Каракуллуки, или «носящие черную форму», в данном случае подносики продовольствия для янычар.

Иоанна Палеолога, стал вассалом Мурада. Его дочь присоединилась к гарему султана с обещанием, что она не будет обращена в мусульманскую веру. С помощью войск султана он изгнал венгров, но не смог овладеть — на что надеялся — частью территории, которая принадлежала его младшим братьям. В 1371 году с помощью сербов он повернул оружие против турок, начавших продвижение в западном направлении, но потерпел решительное поражение под Самаковым, бежал в горы и оставил туркам открытыми перевалы, ведущие в обширную долину, лежащую перед Софией.

Мурад, однако, не торопился овладеть Софией. Верный, как и подобает человеку, который занимается не набегам, а строительством империи, своему принципу не торопиться между стремительными, хорошо спланированными кампаниями, он предпочел сначала обезопасить свой левый фланг от сербов. Он оккупировал долины Струмы и Вардара и дал команду на вторжение в Македонию вплоть до реки Вардар.

Македонию и Сербию, даже сильнее, чем Болгарию, раздирали внутренние противоречия. Смерть Стефана Душана в то время, когда он собирался двинуться на Константинополь в 1355 году, и наследование престола сыном, которого в народе презрительно называли неджаки, «тряпкой», ввергли его бывшую «империю» в состояние анархии и гражданской войны. История повторилась, когда в 1371 году сербская армия еще раз промаршировала в сторону реки Марица. Здесь, как и раньше, она потерпела от османов полное поражение под Черноменом, и трое из ее князей утонули или были убиты.

Итак, Восточная Македония была теперь завоевана столь же быстро, как и Фракия десятью годами раньше. Ее города Драма и Серес были колонизированы турками, а церкви переделаны под мечети. Города и деревни вокруг и в долине Струмы признали господство османов, тогда как в менее обжитых районах сербы правили в качестве их вассалов. В 1372 году армии турок достигли реки Вардар и форсировали ее. Они отуречивали население восточной части долины, а в северной низвели до положения вассала князя Лазара, который был избран, чтобы править в качестве наследника королей Сербии, но теперь признавался таковым лишь немногими своими людьми. Таков был конец Македонской империи Стефана Душана. После этой успешной кампании Мурад выдержал десятилетнюю паузу, считая преждевременным предпринимать вторжение в Венгрию, и сосредоточил свое внимание на операциях в Анатолии. Но он был обязан вернуться в Европу, когда его ненавистный сын Савджи вступил в нечестивый союз с Андроником, старшим сыном императора Иоанна, который был опозорен и вытеснен своим братом Мануилом, ныне соимператором отца. Савджи и Андроник подняли во Фракии восстание, каждый против своего отца. Осажденные в Димотике, они вскоре были вынуждены сдаться и столкнуться лицом к лицу с жестоким возмездием Мурада. После того как греческие повстанцы были привязаны друг к другу и сброшены с городских стен в воды Марицы, Мурад выколол своему сыну глаза, а затем обезглавил его. Он приказал отцам молодых турок, участвовавших в восстании, последовать его примеру, ослепив и казнив своих собственных сыновей, и все выполняли этот приказ, кроме двоих, которых самих казнили вместо их детей. Мурад настаивал, чтобы император также ослепил своих собственных сына и внука, что и было сделано с помощью кипящего уксуса, но неудачно, так что у них зрение восстановилось. Их выздоровление в принципе отвечало интересам Мурада, который опасался соперничества со стороны собственного сына, но стремился оставить в живых Андроника и его отца-императора и тем самым служить целям османов в отношении Константинополя.

Вскоре после этого настала очередь Мануила, младшего сына императора, запитать свою репутацию. В качестве губернатора Салоники он оказался вовлеченным в заговор с целью сбросить власть Мурада в Сересе. Когда заговор провалился и османы осадили Салоники, он бежал в Константинополь. Здесь его отец, опасаясь Мурада, отказался принять его. Он был выпущен, таким образом, просить у Мурада прощения в Бурсе. Султан милостиво простил Мануила и восстановил его на императорском троне вместе с его отцом.

В свою очередь брат Мануила, Андроник, бежал из башни, в которую заточил его отец. Он осадил Константинополь и вошел в город в союзе с генуэзскими и османскими войсками и короновал себя императором Андроником IV, сначала отправив в ту же самую башню своих отца и брата Мануила. Три года спустя они бежали через Босфор, чтобы вместе предстать перед султаном в качестве просителей. Мурад, теперь уже уверенно ведущий свою игру в манипулировании обеими партиями в их византийской династической борьбе, настаивал, чтобы Андроник был прощен и получил пост губернатора Салоники наряду с другими городами. Но он восстановил Иоанна и Мануила на императорском троне в обмен на большую ежегодную дань, обещание поставить значительный воинский контингент византийских солдат для службы в османской армии и уступку османам Филадельфии — последнего крупного города Византии в Азии. Когда филадельфийцы выразили протест, Иоанн и Мануил в рядах турецкой армии стали сражаться за то, чтобы навязать этим единоверцам-христианам мусульманское иго. Такой была последняя степень деградации, до которой опустился император Византии, — он мог продолжать править только благодаря милости и расположению турецкого султана.

Мураду нужны были еще три города для полного укрепления своих позиций на Балканах: София — чтобы распространить собственную власть на Северную Болгарию вплоть до Дуная; Ниш — в качестве ключа к Сербии; Монастир — чтобы установить господство османов над территориями к западу от Вардара, до тех пор подвергавшимися только набегам. В течение шести лет с момента возвращения Мурада после кампаний в Азии его военачальники достигли всех этих целей. Монастир вместе с Прилепом, к северу от него, стали пограничной крепостью Османской империи в 1380 году. Хотя войска османов еще не предпринимали попыток завоевания прилегающих земель Албании и Эпира, они вошли туда по приглашению местных властителей, искавших защиты от своих собственных врагов.

Чтобы двинуться дальше в Сербию, необходимо было оккупировать софийскую равнину. Она расположена в самой сердцевине

Балкан, там, где сходятся вместе три горных хребта, господствующие над долинами трех главных рек, текущих соответственно на север и на юг — к Дунаю и к Средиземному морю. Сама София, расположенная на реке Искыр, которая, образуя дугу, течет к Дунаю, пала без сопротивления в 1385 году, оставшись без командира гарнизона, преданного, когда он находился вне города, а затем задушенного молодым турецким беглецом, который ранее стал его доверенным сокольным. Дорога на сербский город Ниш, на Мораве, была теперь свободна. Ниш пал после борьбы на следующий год, и его правитель, Лазарь, был вынужден уплатить османам дань и выделить янинский контингент в их армию.

В Европе Мурад в качестве хозяина шести ключевых балканских городов теперь контролировал четыре пятых бывшей римской дороги из Константинополя в Белград и участок дороги от Белграда к Салоникам. Практически, кроме однодневного перехода, весь путь по дороге от Востора до Адриатики проходил по территории османов. Теперь, включая отрезок, идущий через Малую Азию от Ангоры к Босфору, общее время на поездку от восточных до западных границ Османской империи составляло сорок два дня. Во время восшествия Мурада на престол двадцать семь лет тому назад на поездку между границами требовалось всего три дня.

Еще в 1335 году* Мурад получил подтверждение своего статуса наследника Византийской империи с берегов Адриатики, когда Республика Рагуза сделала ему предложение подписать торговый договор. Это был первый из многих договоров, которые заключались между Османской империей и другими державами в последующие века. В обмен на значительную ежегодную дань жители этой республики получили право торговать в империи и плавать в открытом море без помех со стороны османов. Договор был скреплен Мурадом, который не умел писать, отпечатком большого пальца. Таково было происхождение тутра, которое в каллиграфической форме сохранялось при каждом последующем султани в качестве официальной печати османской династии.

Двадцатью годами позже и Венеция и Генуя подписали договора с императором Византии, намереваясь защитить его от любых врагов, но исключая «Морат Бея и его турок». Генуэзцы дополнили этот договор официальным договором о дружбе с «великолепным и могущественным повелителем повелителей Моратибеом». Это, однако, не помешало им год спустя присоединиться к наступательному союзу «против этого турка, сына нечестивости и зла, врага Святого Креста, Морат Бея и его секты, которые пытаются столь ужасно атаковать «христианскую расу».

Мурад вел войну на двух сменяющих друг друга фронтах, одним — в Европе и другом — в Азии. За продвижением на одном

регулярно следовало продвижение на другом, с тем чтобы избежать опасности ведения войны одновременно на обоих фронтах. В Азии он хотел расширить и обезопасить свое родовое владение за счет владений других турецких князей, находящихся во внутренних районах страны. Это была задача, решение которой облегчалось по мере того, как разрастающиеся приграничные владения гази набирали силу и престиж. После захвата Ангоры, в центре Анатолии, на второй год правления Мурад сконцентрировал свои силы главным образом в Европе. Он расчетливо рассудил, что только с людскими ресурсами и деньгами Балкан и их ассимилированным христианским элементом у него за спиной он сможет быть уверенным в ассимиляции Малой Азии; более того, он прекрасно осознавал, что угроза со стороны стоящего перед ним христианского мира между тем остается большей, чем любая угроза со стороны мусульманских элементов у него в тылу. Но в данной обстановке перспектива любой кампании на Балканах практически сводилась к минимуму. Южные славяне были в ссоре с венграми; в Сербии царила анархия; в Болгарии не хватало лидеров; Византию раздирали на части династические распри. Кроме того, армия Мурада постоянно пополнялась за счет воинских контингентов, выделять которые в распоряжение султана были обязаны попавшие в вассальскую от него зависимость христианские князья. В результате покорения им Македонии вслед за Фракией и Южной Болгарией Мурад почувствовал себя в достаточной безопасности, чтобы перебросить силы из Европы в Азию.

В действительности он смог достичь своих предварительных целей в Малой Азии без военных действий. Большая часть эмирата Гермияна, соседствующего с владениями османов, вместе со стратегически важным городом Кютахьей, была гарантирована ему женитьбой в Бурсе его сына Баязида на дочери эмира, за которую в виде приданого отдавался крупный участок земли. Церемония бракосочетания отличалась великолелием, чуждым традициям более простых османских предков Мурада, но очень похожим на традиции византийского двора. Следующую территорию Мурад приобрел в Хамиде, между Гермияном и государством Караман, купив ее у тамошнего эмира, который боялся оккупации Кютахьи османами, угрожавшей его безопасности. За территорию Теке, находящуюся к югу от него, Мураду пришлось воевать. Но он ограничился захватом нагорий вокруг озерной части региона, оставив местному эмиру южные долины и низменности между Тавром и Средиземным морем.

Подопило время, когда Мурад решил заняться более крупным и более прочным государством Караман, с которым теперь имелась общая граница. Он собрал в Кютахье армию, левое крыло которой,

под командованием его сына Байазида, было составлено из греческих, сербских и болгарских войск, предоставленных в распоряжение турок, согласно договору, императором Иоанном и правительствами соответствующих стран. Битва произошла в 1387 году на широкой равнине перед Коньей. Она никому не дала перевеса, каждая из сторон заявляла о своей победе. Город Конья устоял. Мурад не приобрел ни территории, ни трофеев, ни обещания выплатить дань или оказать военную помощь — всего лишь примирение с эмиром Карамана в форме смиренного целования им руки. Победоносный в сражениях с христианами Балкан, Мурад, таким образом, встретил равного себе соперника в лице могущественного мусульманского властителя и не смог расширить еще дальше свои владения в Азии.

Косвенным образом эта битва втянула его в другую крупную кампанию на Балканах. Чтобы избежать проявлений антагонизма со стороны мусульман Малой Азии, Мурад приказал своим войскам воздерживаться от грабежей и насилий. Этот приказ привел в ярость его сербский контингент, считавший, что, согласно правилам войны, трофей есть то, что полагается солдатам за их службу. Часть из них поэтому не подчинилась приказу и была на месте предана смерти. Остальные вернулись в Сербию, все еще кипя от возмущения по поводу того, как с ними обошлись. Это дало Лазарю, князю Сербии, возможность усилить сопротивление сербов вторжению османов, которое после захвата Ниша теперь угрожало остальной части Верхней Сербии и Боснии. Лазарь создал Общесербский союз, заручившись поддержкой князя Боснии, власть которого простиралась до берегов Адриатики. Ответом османов было форсирование Вардара и вторжение в Боснию. Уступая в численности, они потерпели поражение под Пличником, потеряв четыре пятых своей армии. Этот перерыв в цепи побед османов явился причиной небывалого подъема воинского духа у балканских славян. Сербы, боснийцы, албанцы, болгары, валахи и венгры из приграничных провинций — все, как никогда раньше, сплотились вокруг Лазаря в своей решимости изгнать турок из Европы.

Мурад в это время оставался в Малой Азии, не проявляя ненужной спешки с отмщением за поражение, нанесенное ему под Пличником. Он предпочел выждать, чтобы не только восполнить свои потери, но и посмотреть, как долго его враги после этого первого эмоционального всплеска решимости и надежды смогут сохранить свое единство. По опыту прошлых лет и своего острого политического чутья он хорошо знал, что солидарность среди этих славянских народов часто была эфемерной.

Таким образом, прежде чем вновь повернуть оружие против сербов, Мурад в 1388 году возобновил кампанию по полному завоеванию Болгарии. Князь Шишман уже в начале войны ушел

в крепость на Дунае и запросил мира. После принятия условий Мурада он передумал и решился на последнее, отчаянное сопротивление. Но он недооценил силу османов, которые вскоре нанесли ему поражение и взяли в плен. В результате османы утвердили свое господство в Северной и Центральной Болгарии вплоть до Дуная, заняв несколько крепостей на стратегических участках берега реки, чтобы контролировать перевалы через Балканские горы. Хотя князь Шишман остался вассалом султана, он едва ли находился в достаточно сильной позиции, чтобы помочь своим братьям-славянам в создании нового большого союза.

Раздславились таким образом с Болгарией, Мурад, которому было уже семьдесят лет, лично повел свою могучую армию на заключительную кампанию против сербов. К нему присоединились войска болгар и двух сербских перебежчиков с перспективной поддержки от трстьего. Рснующая битва за судьбу независимой Сербии произошла на пустынной холмистой равнине «черных дроздов» под Косово — в точке, где сходились границы Сербии, Боснии, Албании и Герцеговины. Уступая в численности, армия турок превосходила ее своей верой в успех и моральными качествами. Мурад был настолько уверен в победе, что приказал, заглядывая далеко вперед, чтобы в ходе сражения не пострадали ни один замок, город или деревня этого региона. Волея за обладание богатой страной, не в интересах столь дальновидного и мудрого политика было уничтожать ее ресурсы или без надобности ожесточать против себя население этой страны.

У сербов, напротив, не было никакой уверенности в победе в основном из-за недоверия друг другу и подозрений относительно возможного предательства в собственных рядах. В обращении к войскам в канун битвы князь Лазарь, которому всегда не хватало авторитета и которому теперь не хватало уверенности, открыто обвинил в измене своего зятя Милоша Обилича. Сам Мурад высказал лишь опасения, как бы ветер, дующий со стороны врагов, не засыпал пылью глаза османов.

Как гласит летопись, всю ночь он молил небеса о защите и оказании ему чести умереть за истинную веру мученической смертью, ибо только она заслуживает блаженства.

На следующее утро ветер стих. Армия османов развернулась для битвы в привычном порядке: в центре располагался султан с инычарами и кавалерийской гвардией; на правом фланге его старший сын Баязид, командовавший европейскими войсками (поскольку битва была в Европе); слева — его младший сын Якуб, командовавший визитскими частями. Османы атаквали авангардом в две тысячи стрелков из лука. Сербы ответили атакой, которая прорвала их левый фланг. Баязид с правого фланга пришел на выручку, нанеся

массированный контрудар, доблестно сражаясь и лично поражая своих врагов массивной железной булавой. Исход дела оставался неясным, осмапы все еще оборонялись, когда другой зять Лазаря, Вук Бранкович — существует версия, что по вероломному предварительномуговору с Мурадом, — ушел с поля боя со своими двенадцатью тысячами воинов. Его дезертирство настолько ослабило сербов, что они сломали свои ряды и побежали.

Мурад оказался прав в своей оценке отсутствия единства среди славян во время битвы. Но его обращенная ко Всемогущему вечерняя молитва подтвердилась буквально во всем. Сам он пал на поле битвы. История этой трагедии была противоречиво изложена различными источниками в нескольких версиях. Наиболее правдоподобной представляется история, согласно которой убийство было совершено во время или после битвы Милошем Обиличем. Терзаемый голословными обвинениями в измене со стороны своего тестя Лазаря накануне вечером, он исполнился решимости доказать свою верность. Он притворился, что переходит на сторону турок. Оказавшись в их рядах, Милош Обилич потребовал, чтобы его согласно его рангу принял Мурад. Когда аудиенция была разрешена, Милош в притворном смиреннии встал перед султаном на колени, а затем вонзил ему в грудь кинжал, «сделав это дважды», как подсчитали позже, причем «кинжал пронзил его насквозь». Не сумев бежать, он был растерзан солдатами султана. После покушения Мурад еще некоторое время оставался в живых и успел отдать приказ о введении в бой резерва, что принесло османам решающий успех. Последним приказом Мурада перед смертью был приказ «привести Лазаря и приговорить его к казни».

Таким в момент победы в исторической битве, от которой побежденные уже не смогли оправиться, был внезапный конец этого первого великого султана Османской империи. За время правления Мурад I возвысил государство своих предков до уровня империи, которой было суждено стать мощной мировой державой. Как султана в глазах истории его затмили два еще более могущественных суверена: Мехмед Завоеватель и Сулейман Законодатель. Но они осуществляли дальнейшее строительство и расширение на его достижениях, на том, что он посредством завоеваний и последующего управления обширными территориями заложил.

Мурад был не просто воином. Он преуспел в военном искусстве, стал мудрым стратегом, беспощадным — по сути жестоким — в бою, уверенным в своих военачальниках, которым он был всегда готов передать право командовать армией. Но его сила в неменьшей мере заключалась и в искусстве поддерживать мир. Он был правителем выдающегося политического ума. Как только битва была выиграна, он сразу же заботился о том, чтобы жизнь на завоеванных

христианских территориях продолжалась под исламом с минимальными социальными и экономическими срывами. Ни одна из сложившихся османских традиций управления точно не соответствовала системе управления этих европейских земель. Должны были возникнуть новые системы административного управления, находившиеся в прагматическом соотношении с условиями времени, места и обычая; и это было сделано при Мураде, который доверял своим чиновникам не меньше, чем своим командирам, на достаточно компетентной и разумно сбалансированной основе.

В оценке характера своих подданных и врагов, будь то грек или славянин, Мурад проявлял удивительную психологическую интуицию. Пятый мусульманин, каковым он был в своих верованиях, он тем не менее управлял «неверными» христианами своей новой империи с терпимостью, поразительной в своей контрастности отношению со стороны их собственных единоверцев-христиан, принадлежащих к римско-католической церкви. Он никогда не санкционировал преследований христиан и, за исключением янычар, не предпринимал никаких насильственных обращений в ислам. Патриарх православной церкви лично свидетельствовал в письме папе римскому в 1385 году о том, что султан оставил его церкви полную свободу действий.

Разумно и в то же время твердо Мурад I сеял семена многонационального, поликонфессионального и многоязычного общества, которое должно было эффективно функционировать под управлением его преемников в предстоящие века. Этот процесс создал на больших пространствах «Паке Оттоманикум», который со временем заслужит сравнение с «Паке Романикум» более ранних веков. По своей сути составленная из разных частей Османская империя должна была в действительности стать, благодаря своей эклектической политике, истинным преемником Римской империи. Ибо она позаимствовала римскую традицию предоставления иностранцам гражданства, натурализовала их по собственным образцам и поощряла использовать свои возможности как к собственной выгоде, так и к выгоде империи. Она предоставляла подданным султана христианского происхождения на равных с мусульманами от рождения возможность достигать высших официальных постов в государстве. Это была практика, схожая с той, которая, с точки зрения профессора Гойшби, «позволила римлянам первыми создать империю, а затем вновь и вновь оживать ее». В оценке достоинств этой практики он заходит настолько далеко, что утверждает, что османы «были способны построить империю, которая действительно была пятым возрождением Римской империи на Ближнем и Среднем Востоке» и которая смогла просуществовать в этом качестве вплоть до первой четверти XX века.

После убийства Мурада его старший сын прямо на поле битвы под Косово был немедленно провозглашен его преемником как Баязид I. В ответ на нажим со стороны государственного совета, опасавшегося конфликта по поводу наследования, первым актом Баязида в качестве султана, совершенным над мертвым телом отца, был приказ умертвить путем удушения с помощью пинурка его младшего брата. Это был Якуб, его товарищ по командованию войсками во время битвы, отличившийся на поле боя и завоевавший популярность в войсках. Баязид, таким образом, ввел в практику братоубийство на имперском уровне, которое весьма основательно укоренилось в истории османской династии. Оно основывалось на аргументе, что убийство предпочтительнее подстрекательства к мятежу, что весьма часто практиковали братья какого-либо султана, и оправдывалось текстом из Корана: «Столь же часто, сколько они возвращаются к подстрекательству, они должны быть сметены с лица земли на том же самом месте; и если они не отходят от тебя, и предлагают тебе мир, и удерживают свои руки от борьбы с тобой, возьми их и убей их, где бы ты ни обнаружил их».

В следующем веке указом его потомка, Мехмеда II Завоевателя, перед этим задушившим в ванной своего брата-инфанта, этой бесчеловечной традиции была придана сила закона. До этого момента лидеры османов проявляли гибкость в том, что касалось законов наследования. С этих пор и впредь в начале каждого нового правления они должны были следовать этой дикой практике, подобным бесчеловечным способом охраняя принципы своей безраздельной власти — и, таким образом, в самом деле помогая гарантировать на протяжении веков непрерывное выживание своей династии.

Вскоре стало очевидным, что Баязид обладал немногими из добродетелей своего отца. Горюпливый и импульсивный от природы, он был непредсказуем как государственный деятель, нарушавший образцы более осмотрительного поведения своих предшественников. С другой стороны, он был удачным и способным военачальником, с

иностранным чувством боя. За быстроту перемещений его армий в Европе и Азии и с одного континента на другой его прозвали Иылдырым, иначе «Молния», или «Удар Молнии», — подходящее определение, как выражается Гиббон, для «бешеной энергии его души и скорости его разрушительного марша».

В Европе, отомстив за смерть своего отца массовой резней, в которой была уничтожена большая часть сербской знати из находившейся на Косовом поле, он быстро пришел к соглашению с сыном князя Лазаря, Стефаном Вуковичем, наследовавшим своему отцу. Баязид заключил со Стефаном дружественный союз, который должен был сохранять свое действие на протяжении всего срока его правления. Сербия не включалась в состав Османской империи, сохраняя статус автономного вассального государства. Стефану в обмен на уплату ежегодной дани, выделяемой из доходов от сербских серебряных рудников, были сохранены все привилегии его отца; он женился на сестре Деспину замуж за Баязида; он взялся командовать контингентом войск турецкой армии и поставлять сербские войска, когда бы и где бы Баязид ни потребовал их — причины их прежнего недовольства были теперь сняты путем установления равной доли в трофеях. Тем временем были основаны поселения мусульман на части захваченных у Сербии территорий. Это было, таким образом, прощено — хотя никогда, согласно сербской легенде, не было забыто.

Вместе Баязид обратил свое внимание на Малую Азию. Здесь его терпеливые планы завоеваний могли обернуться его гибелью и поставить под угрозу будущее всей его империи. На начальных стадиях он имел успех. Он сделал своим вассалом эмира Айдына и нанес поражение в сражении эмирам Сарухана и Ментеше, тем самым утвердив присутствие османов на Эгейском море, где до них докатывались другие тюркские племена, и впервые достигнув Средиземного моря. Так постепенно Османская империя начинает претендовать на звание морской державы. Тем временем, потерпев неудачу в попытке вырвать Смирну из рук крестоносцев рыцарского ордена Госпитальеров, османы заявили о своем появлении на море, опустошив остров Хиос, совершая набеги на побережье Аттики и пытаясь организовать торговую блокаду других островов в Эгейском море. Но как мореплаватели они пока еще не шли ни в какое сравнение с флотами итальянских торговых городов Венеции и Генуи.

Потом, извлекая выгоду из поддержки со стороны вассалов-христиан, включая Мануила Палеолога, будущего императора Византии, — который лично пришел в лагерь османов, чтобы служить султану, — Баязид осуществил вторжение в Караман и осадил Конью, как до него это делал его отец. После двух кампаний — с нарушением караманцами мирного урегулирования в промежутке

Султан Баязид I (1389—1402), по прозвищу Молниеносный, имевший также титул гази, или борца за истинную веру, который присваивался тем, кто расширял владения ислама путем новых завоеваний неисламских территорий.

С картины в галерее портретов султанов во дворце Топкапы, Стамбул.

между ними, сопровождавшегося стремительной переброской подкреплений из Европы, — Караман потерял поражение в битве при Акчае и был оккупирован османами. За этим шагом последовала оккупация Кайсерии и Сиваса, расположенных в прилегающем эмирате, и эмирата Кастамону на севере, что дало им доступ к порту Синоп на Черном море. Баязид мог наконец-то похвастаться, что стал хозяином большей части Анатолии.

Однако это господство было поверхностным. Нередко оно оставалось не более чем царапину на поверхности завоеванных им земель. Мурад с помощью далеко идущей политики ассимиляции привел под власть османов обширные районы христианской Европы. Баязид не предпринял систематических попыток ассимиляции по следам своих молниеносных завоеваний в Азии. На деле он осуществил лишь оккупацию османами обширных районов Анатолии. Но, за некоторыми исключениями, они не находились в истинном смысле под управлением османов. Населявшие эти районы народы по большей части добивались возвращения из ссылки своих собственных прежних правителей. Баязид, привычно размещавшийся со своим двором в Европе, не решил ни одной из проблем, которые повлекли за собой эти завоевания. Между кампаниями он предпочитал предаваться чувственным наслаждениям, ничем не ограниченному обжорству и пьянству и не отказывая себе в различных формах извращения с женщинами и мальчиками из своего гарема. Двор Баязида, прославившийся своей роскошью, вполне мог соперничать с роскошью византийского двора в период расцвета. При всех этих excessах Баязид отличался глубокой религиозностью. Он соорудил для себя небольшую келью на крыше своей мечети в Бурсе и на долгое время погружался в состояние мистического уединения, затем беседовал с богословами из своего исламского окружения.

Вскоре после побед, одержанных им в Малой Азии, которую он передал в руки губернаторов, Баязид вернулся в Европу. Здесь ему необходимо было решать вопрос, связанный с Венгрией, король которой, Сигизмунд, стал его главным врагом. Действуя в провокационном духе, Баязид уже инициировал набеги на Венгрию и за ее пределы, где турок стали рассматривать как страшную угрозу Центральной Европе. Участники одного из набегов переправились через Дунай и вступили в первое сражение османов на венгерской земле, приобретя союзника в лице воинственной Валахии, стремившейся освободиться от власти венгров. Сигизмунд, понимая всю реальность угрозы, исходившей от турок, направил Баязиду послание, апеллируя на вмешательство последнего в Болгарии, находившейся под венгерским покровительством. Баязид высокомерно отказался отвечать, лишь обратив внимание королевского посла на оружие, висевшее у его шатре.

Отвстом Сигизмунда было вторжение в Болгарию. Он овладел крепостью Никополь на Дунае, но был вынужден оставить ее, когда против него выступило большое войско турок. Когда Мурад нанес поражение правителю Болгарии Шишману, то он разрешил Болгарии сохранить определенную автономию в качестве вассального государства. Но теперь Баязид, не доверяя Шишману как союзнику в случае продолжения вторжения венгров, направил армию против Болгарии и, казнив Шишмана, присоединил всю страну к Османской империи. Подобно Фракии и Македонии, Болгария впредь должна была стать составной частью империи и вместе с Валахией в качестве вассального государства создать на Дунае сильный заслон против Венгрии. Ликвидируя подобные местные династии, Баязид сделал большой шаг в направлении создания на Балканах централизованной имперской власти. В выпавшем из этого процесса османизации и до определенной степени исламизации Болгария утратила не только свою независимость, но и свою автокефальную православную церковь, живой символ болгар как народа. Прежде частично латинизированная, в основном она находилась под властью священников греческой православной церкви, которых нередко было труднее выносить, чем мусульманских пашей.

Баязид между тем готовился к тому, чтобы повернуть свои силы против Константинополя. В 1391 году скончался император Иоанн V Палеолог. Его преемник, Мануил, как послушный вассал султана был низведен до предельной степени унижения, фактически доведен до полутолодного существования, удостоившись должности чуть-чуть более высокой, чем презренный камердинер при дворе своего господина. Теперь он бежал в Константинополь, где обеспечил себе обладание императорским тронном. Его покойный отец начал восстанавливать стены города и сносить церкви, чтобы перестроить заново, искусно замаскировав их орнаментом, фортификационные башни, которые закрывали с флангов вход в бухту Золотой Рог. Услышав об этом, Баязид приказал снести башни, угрожая, что в противном случае Мануил будет ослеплен. Последним актом императора Иоанна, перед тем как он умер, было подчинение приказаниям султана.

Мануил, став престолонаследником, столкнулся теперь с ультиматумом Баязида, требовавшим не только продления вассальной зависимости и более крупной дани, но и учреждения в Константинополе должности кади, или судьи, для нужд мусульманского населения. Вскоре это требование было подкреплено приходом под стены Константинополя турецкой армии, безжалостно убивавшей на своем пути или обращавшей в рабство тех греков из Южной Фракии, которые еще продолжали оставаться христианами. Так началась первая осада Константинополя.

Город был плотно окружен в течение семи месяцев. Затем Баязид снял осаду, но на еще более жестких условиях, чем раньше.

Император Мануил был вынужден согласиться с учреждением в пределах городских стен исламского суда и выделением мусульманским поселенцам одного из кварталов города. Половина порта Галата на противоположном берегу Золотого Рога была отдана под размещение турецкого гарнизона численностью в шесть тысяч человек. Помимо еще более возросшей дани османы потребовали платить церковную десятину с виноградников и участков для выращивания овощей, расположенных за городскими стенами. С этого времени призывы к молитве, звучащие с минаретов двух мусульманских мечетей, стали слышны по всему городу, который османы стали теперь именовать Стамбул — искаженное греческое *is tin poli*, «к городу».

Баязид продолжал блокировать город со стороны суши. Двумя годами позже Баязид вновь напал на город при поддержке османских войск со стороны молодого Иоанна Палеолога, племянника Мануила, который претендовал на то, чтобы стать законным наследником трона. Но атака была отбита. В 1395 году Баязид предписал в качестве «наследника Цезаря» провести в Сересе суд, на который он вызвал среди других своих вассалов императора, его брата и племянника и приказал умертвить всю семью Палеологов. Приговор был отменен благодаря великому визирю Али-паше, который отложил исполнение приговора и предложил султану компромисс, заключившийся в том, чтобы отрубить руки и выколоть глаза нескольким византийским сановникам. Мануил II, таким образом, продолжал править, проявляя себя достаточно умелым правителем.

В это время на Баязида надвинулась новая угроза со стороны короля венгров Сигизмунда. Раздраженный набегами османов и угрозами, исходившими от их крепостей на Дунае, он начал добиваться от западных христианских держав поддержки идеи организации нового крестового похода, чтобы пойти «против турок к их ущербу и разорению». В годы своего правления Мурад всегда был крайне осторожен между кампаниями, чтобы избежать ненужного провоцирования христианского мира, силу которого он оценивал по достоинству. Баязид же в своей политике по отношению к христианам был менее осмотрителен. Слишком гордый от природы, он надменно объявил итальянским послам в начале своего правления, что после завоевания Венгрии он совершит поход на Рим и накормит своего скакуна овсом на алтаре собора Святого Петра. С той поры, принимая позу самого главного защитника ислама, он продолжал открыто похваляться своими агрессивными намерениями в отношении христианства.

Подобные угрозы только подтолкнули Сигизмунда попытаться организовать крестовый поход. Он встретился с пожеланиями успеха, но не со сколько-нибудь реальной поддержкой со стороны папы.

Венецианцы были также уклончивы, не веря в то, что сила венгров превосходит силу османов; генуэзцы всего лишь конкурировали с венецианцами за торговые льготы со стороны Баязида, в то время как и Неаполь и Милан поддерживали с османами дружественные контакты. Таким образом, чтобы найти желающих участвовать в кампании «по изгнанию турок из Европы», Сигизмунд был вынужден направить своих эмиссаров во Францию, ко двору страдавшего приступами сумасшествия короля Карла VI. Дядя короля, герцог Бургундский, заявил о готовности, хотя и по своим личным мотивам, поддержать смелое предприятие, обещая Сигизмунду вооруженный отряд рыцарей и наемников под командованием своего юного сына графа Неверского.

Призыв Сигизмунда нашел широкий отклик в феодальной Европе в тот благоприятный момент, когда закончилась столетняя война и в Священной Римской империи так или иначе установился мир. Под его знамена встали не только отряд французов, но и знатные рыцари из Англии, Шотландии, Фландрии, Ломбардии, Савойи, всех частей Германии наряду с авантюристами из Польши, Богемии, Италии и Испании. В последний раз в истории славки европейского рыцарства собрались вместе для участия в крестовом походе в своем порыве, столь же светском, сколь и религиозном, целью которого было остановить молниеносное продвижение Баязида и раз и навсегда изгнать турок с Балкан. Так «интернациональная» армия, составленная из собственных войск Сигизмунда, контингентов рыцарей с их эскортом и отрядом наемников численностью в несколько сотен тысяч человек, собралась в Буде в начале лета 1396 года. Это была крупнейшая армия христиан, которая когда-либо противостояла «неверным». К тому же она имела дополнительную поддержку со стороны флота, находившегося в Черном море, в устье Дуная, укомплектованного госпитальерами, венецианцами и генуэзцами, который поажке должен был подняться вверх по реке.

Начиная с мая месяца Сигизмунд ожидал вторжения Баязида в Венгрию из-за Дуная. Когда оно не состоялось и его разведчики не смогли обнаружить признаков врага, Сигизмунд выбрал оборонительную стратегию, рассчитанную на то, чтобы заманить турок в Венгрию и там атаковать их. Однако рыцари мечтали о большом и славном наступлении. Когда вторжение не состоялось, они поверили в своем невиданном незнании географии, что Баязид (которого они в любом случае путали с Амуратом, или Мурадом) рекрутировал войска «в Каире и Вавилонии», сосредоточивая их в Александрии и Дамаске, а также получил в свое распоряжение «под командованием и духовным наставничеством халифа Багдада и Малой Азии» армию «сарацинов и неверных», которая включала людей из Татарии, Персии, Мидии, Сирии, Александрии и из многих

других земель неверных». Если он не пришел, тогда они, как им мечталось, сами пройдут через владения турок вплоть до империи персов, «завоюют Сирию и Святую Землю» и, по словам Фруассара, «вырвут Иерусалим из рук султана и их врагов». Баязид между тем не пришел потому, что был занят осадой Константинополя.

Крестоносцы тем временем решили, что им «нет резона стоять без дела; они должны совершить ряд боевых подвигов, поскольку именно в этом заключается цель их пребывания здесь». Итак, они отправились вниз по долине Дуная, достигнув Орсовы, вблизи Железных Ворот, и переправились через реку, на что ушло восемь дней. Не встречая сопротивления, венгры рассеялись по территории Сербии, двигаясь вверх по долине Моравы, где они обнаружили прекрасные вина, «налитые в бурдюки турками, которым по закону, под страхом смертной казни, запрещено пить их; вместо этого они продавали их христианам». Они захватили Нипп с «великим избиением мужчин, женщин и детей. Христиане не щадили никого».

В Болгарии ворота Видина, первой крепости на Дунае, были открыты перед ними начальником гарнизона — христианином, и турецкий гарнизон был вырван. Следуя далее вниз по реке, крестоносцы атаковали следующую крепость, Ряхово. В этом месте большой турецкий гарнизон, оказавшись лицом к лицу со всей христианской армией, сдался, и основная масса населения, включая многих болгарских христиан, была предана мечу. Войска христиан соединились в общий лагерь перед ключевой крепостью Никополя, где все еще не было никаких признаков вторжения турецкой армии. Но непредусмотрительные войска с Запада не привезли с собой осадных машин, так как Сигизмунд подготовился только к оборонительной войне. Не обладая необходимой техникой, они сидели под стенами, надеясь голодом принудить город к сдаче.

Западные рыцари в отсутствие противника для схватки рассматривали всю операцию скорее в духе пикника, наслаждаясь женским обществом, винами и предметами роскоши, захваченными из дома, увлекаясь азартными играми и потойками, перестав с присущим им высокомерием верить в то, что турки вообще когда-либо смогут быть для них опасным противником. Тем солдатам, которые осмеливались думать иначе, отрезали уши в наказание за пораженческие настроения. Между различными контингентами, среди которых валахи и трансильванцы не относились к числу надежных, стали тем временем возникать ссоры.

Никаких признаков появления Баязида не было еще шестнадцать дней. Но вот он внезапно, с привычной для него быстротой передвижения, появился под стенами города там, где дважды до этого уже одерживал победы, — с армией, как сообщали Сигизмунду, состоявшей примерно из двухсот тысяч человек. Сигизмунд знал

своего врага, знал, что с турецкой армией — прекрасно обученной, со строгой дисциплиной и более подвижной, чем армия крестоносцев, — нельзя шутить. Он настаивал на необходимости иметь тщательно согласованный план действий. Предварительная разведка была проведена опытным французским рыцарем де Курси, который наткнулся на подразделение турецкого авангарда в горном ущелье и нанес ему поражение, набросившись на врага с криками: «Дева Мария на стороне де Курси!». Этот успех вызвал всего лишь зависть других французских рыцарей, которые обвиняли его в тщеславии. Сигизмунд пытался внушить им, что необходимо сохранять оборонительные порядки, дать пешим солдатам — венграм и валахам — возможность сдержать первую атаку, в то время как кавалерия и наемники рыцарей образуют вторую линию — или для атаки, или для обороны. Это предложение привело французских пехальцев в ярость, они посчитали, что венгерский король пытается присвоить себе «славу дня и честь». Первая битва должна была быть их битвой.

Граф д'Элю при поддержке других отказался подчиниться Сигизмунду и крикнул своему знаменосцу: «Знамя вперед, во имя Господа Бога и Святого Георгия, ибо они увидят сегодня, какой я славный рыцарь». И «под знаменем Божьей Матери» они бездумно ринулись в битву, уверенные в том, что разобьют презренных нечестивцев. «Рыцари Франции, — пишет Фруассар, — были великолепно вооружены... Но... когда они двинулись вперед на турок, их было не более семисот человек. Подумайте о безрассудстве и о печали, заключенной в нем! Если бы они только подождали короля Венгрии, у которого было по меньшей мере шестнадцать тысяч человек, они могли бы совершить великие подвиги, но гордыня стала причиной их гибели».

Начав атаку от подножия холма, крестоносцы застали врасплох и перебили сторожевую охрану Баязида. Рассеяв его кавалерию, они спешились и продолжили атаку в пешем строю против его пехоты, замедлив шаг, когда они проходили частокол, защищавший позиции пехоты, и вновь ускорив атаку, которая разметала и эти войска. Мечи рыцарей были обогреты кровью. День, как они убежденно верили, был за ними. И тогда, достигнув вершины холма, крестоносцы вышли на главные силы султана численностью в шестьдесят тысяч человек, основательно усиленные сербами, которые стояли в боевых порядках, готовые к бою, на противоположном склоне холма. Верный своей обычной тактике, с которой Сигизмунд был знаком, Баязид поставил в первые ряды сражающихся своих необученных новобранцев, которых было не жалко потерять, но силы противника при этом истощались. Затем «всадники Баязида, его пехота и колесницы двинулись на них в боевом построении, похожем на полумесяц».

Спешившиеся рыцари, пригибаемые к земле своими тяжелыми доспехами, стали беззащитными перед атакой. Они были разбиты наголову. Их лошади прискакали обратно в лагерь без наездников. Цвет европейского рыцарства был перебит и остался лежать на поле под Никополем или же оказался в руках турок в качестве пленных.

По традиции того времени рыцари все еще оставались по существу солдатами-любителями, сражавшимися по старинке в романтическом духе. У них не было профессионального мастерства в ведении боя, которое совершенствовалось из века в век. Они не имели ничего напоминавшего военное искусство турок с их превосходной дисциплиной, выучкой, опытом и тактикой и, сверх всего, мобильностью легковооруженных сил и всадников-стрелков из лука. Это были уроки, которые Сигизмунд вместе со своими венирами уже начали проходить на практике. Он пошел вместе со своим войском вслед за крестоносцами, чтобы поддержать их, но он знал, что раз его советом пренебрегли, значит, битва будет проиграна. «Если бы они только поверили мне, — сказал он, — у нас было в избытке сил, чтобы сразиться с врагом». А как он гордился перед битвой: «Если бы небо обрушилось на нашу армию, у нас хватило бы копий, чтобы подпереть его».

Сигизмунду удалось спастись, и он сумел добраться до своих судов на Дунае вместе с Великим Магистром ордена рыцарей-госпитальеров, в то время как оставшиеся в живых солдаты его армии вместе с уцелевшими рыцарями бегали перед османами. Некоторые из них достигли судов, по тысячи других вынесли жестокие тяготы, совершив переход через Карпаты. На следующий день Баязид, осматривая поле битвы и оценивая свои потери, приказал истребить пленных, избавив от смерти только графа Неверского, его советников и ряд богато одетых рыцарей в надежде получить за них солидный выкуп. Пленников заставили встать за спиной султана, чтобы те видели, как обезглавливали стоящих на коленях, связанных друг с другом их товарищей по оружию.

«Число людей, убитых сегодня, — гласит запись, — оценивается в десять тысяч человек». Вот так последний из крестовых походов закончился катастрофическим поражением от мусульман в самом сердце христианской Европы. Султан, удовлетворенный своей победой, не был склонен развивать успех. В полнейшем презрении прощальной речи он пригласил рыцарей вернуться и рискнуть еще раз сразиться с его войском. Пока же он понел свою армию для вторжения в Грецию, где захватил важные опорные пункты в Фессалии и женился еще на одной христианской невесте, дочери Елены Каптакюзин. Он оставил своих военачальников для продолжения вторжения в Морю, где мусульманские колонии заселились турками из Анатолии. Но Афины оставались в руках христиан.

Хотя теперь византийское наследство было наверняка в его руках, Баязид не стал тут же пытаться овладеть им, немедленно перейдя от осады к штурму Константинополя. Его сдерживало отсутствие достаточных морских сил в тот момент, когда после поражения под Никополем две морские республики — Венеция и Генуя — были резко настроены против него. После открытого конфликта с генуэзцами в Галате он попытался в 1399 году войти в город с отрядом численностью десять тысяч человек, но отступил, лишь только появился небольшой отряд судов под командованием французского маршала Бусико, единственного из оставшихся в живых под Никополем, кто принял вызов султана встретиться на поле боя. Он осуществил две последовательные экспедиции в поддержку генуэзцев и венецианцев, которые выходили на судах навстречу ему, и вступил в первое зарегистрированное морское сражение с османами, нанеся поражение флоту Баязида в Дарданеллах и преследуя его галеры вплоть до азиатских берегов Босфора. Прежде чем повернуть назад, он оставил в городе французский гарнизон и утвердил, в качестве соимператора Мануила, ненавидимого последним племянника узурпатора Иоанна.

Сам Мануил совершил вместе с маршалом путешествие в Европу в качестве просителя — тени императора, ищущего дополнительной помощи со стороны западных христиан. Принятый с соответствующими императорскому сану почестями в Италии, Франции и Англии, он делая надежды, но вернулся с пустыми руками. Больше не будет крестовых походов, о которых имело бы смысл упоминать. Тем временем столица империи Мануила, блокада которой продолжалась уже шесть лет, была близка к голодной смерти. Ее жители на веревках спускались со стен и сдавались в плен османам. Имперская казна была пуста, и сдача города была уже близкой. Везде — здесь, в Морее, в Албании, в Адриатике — Баязид был готов нанести свой смертельный удар Византийской империи.

В самый последний момент, весной 1402 года, его планы разрушились страшной угрозой с Востока. Все военные действия были приостановлены; все войска, имевшиеся в наличии на Балканском полуострове, неважно какие — мусульманские или христианские — были срочно переброшены в Малую Азию в последнюю минуту. Константинополь и остатки его империи получили отсрочку. Новый, потрясавший весь свет, завоеватель шел на Запад, во многом похожий на Чингиз-хана с его монгольскими ордami, лавой прокатившимися по евразийским степям почти два века тому назад. Это был его потомок Тамерлан, известный также как Тимур Татариш*.

Когда татары* впервые открыли для себя железо и даже не самый сильный из них оказался способным согнуть его так же, как они могли гнуть другие металлы, они предположили, что оно должно содержать под своей поверхностью какую-то особую, неизвестную субстанцию. Они называли ее Тимур, что означало что-то наполненное или чем-то набитое. Стало обычаем присваивать это имя их великим вождям, тем самым признавая наличие у них каких-то сверхъестественных сил. Среди них Тимур Татарин значился как самый могучий из всех воинов, потому что он не стремился ни к чему иному, кроме завоевания всего мира, утверждая, что «если на небесах есть только один Бог, то и на Земле должен быть только один правитель».

Рожденный в небольшом татарском племени, вождем которого он стал уже в юности и поэтому правил районом, расположенным между Самаркандом и гористыми границами Хиндустана, он был наделен необычной храбростью, неукротимой энергией, уникальным даром руководителя и военным талантом высшего порядка. Создав мощную армию, Тимур скакал во главе ее в череде ослепительных побед, чтобы стать повелителем трех империй — Персии, Татарии (вместе с Туркестаном) и Индии. За одну свою жизнь Тимур истребил девять династий, чтобы управлять из Самарканда как владыке большей частью Азии во имя ислама.

Власть Тимура была абсолютной. Он правил без министров. Мускулистого телосложения, с широкими плечами, массивной головой и выдающимся высоким лбом, с лицом, прикрытым густой бородой, смуглой кожей и очень живым выражением глаз, он с раннего возраста был седым. Он хромотал, то ли из-за врожденного паралича, то ли вследствие несчастного случая или же полученной в бою раны — утверждали, что стрела попала ему в ступню. Поэтому его звали Тимур Хромой (Тимурленк) — и действительно, временами недомогание становилось настолько сильным, что,

как это случилось во время наступления его армий на Багдад, он был не в состоянии сидеть на лошади, и слуги несли его в паланкине.

Неразговорчивый, рьяный приверженец своей веры, строгий в своих представлениях о справедливости, он был мастером расчета и планирования. Часами, нередко в одиночестве и по ночам, Тимур проводил время за громадной шахматной доской. Он передвигал фигуры, выработывая стратегию замысловатых кампаний, «которые он неизменно выигрывал в борьбе с любым оппонентом». В его неизменно победоносной армии количество лошадей исчислялось шестизначной цифрой. За войском следовали стада не только верблюдов, но и слонов, животных, оказавшихся не только полезными в бою, но и использовавшихся как тягловая сила при строительстве его легендарной новой столицы — Самарканда. Из этой новой столицы — в конце XIV века — Тимур правил империей, которая простиралась на восток до Великой китайской стены, на север — до российских степей, на юг — до реки Ганг и Персидского залива, на западе включала Персию, Армению и до верховий Тигра и Евфрата — и следовательно, до границ Малой Азии. Дальше простиралась лишь другая великая мусульманская империя, империя османов, чьи завоевания при Мураде и Баязиде совпали по времени с завоеваниями Тимура. Теперь интересы двух победоносных соперничающих императоров, Тимура и Баязида, татарина и османа, должны были столкнуться на этой границе, в районе, где (каким виделось различие в их характерах Гиббону) «Тимур проявлял истерпение равного, а Баязид был неосведомлен о превосходстве».

Здесь обозначился критический момент истории, когда интересы каждого из них, в их соответствующих сферах, вызвали к молчаливому *modus vivendi*. Вызывает сомнения наличие у Тимура каких-либо планов в отношении территории его османских соседей. Как солдат, он отдавал должное военной мощи турок. Как создатель империи, стремящийся приумножить свои владения, он все еще имел другие области для завоеваний; его дорога на юг — в Сирию, Святую Землю, Месопотамию и в Египет — была открыта. Схожим образом Баязиду больше всего нужно было завершить завоевания на Балканах захватом Константинополя, который наверняка в скором времени попадет в его руки. Тимур видел, в чем заключаются интересы каждого из них в отдельности; Баязид этого не видел. Преисполненный гордости и иллюзий непобедимости после десяти лет побед без единого поражения, Баязид недооценивал силы своего соперника и действовал таким образом, что провоцировал Тимура выступить против него.

Баязид, оккупировав, но в то же самое время не сумев ассимилировать столь значительную часть Анатолии, оставил у себя за спиной в качестве изгнанников из завоеванных им владений неспавдающих его бывших правителей, стремившихся вернуть себе свои земли из-под власти османов и начать снова править своими прежними подданными, все еще сохранявшими им верность. Многие из них жили в изгнании при дворе Тимура. Тимур, однако, не связывал себя с их положением или же с действиями султана до тех пор, пока турки не захватили Сивас. Прояви Баязид тогда осторожность, он понял бы, что этот укрепленный город может служить ему оборонительным аванпостом. Вместо этого в 1399 году Баязид предпочел использовать его в качестве опорного пункта для осуществления наступления далеко на восток, вплоть до верховий Евфрата, под командованием сына Сулеймана. Там войска османов вскоре нарушили границы территории находившегося под протекторатом Тимура тюркского правителя Кара Юсуфа*, который попал в их руки.

Впервые гнев Тимура обратился против Баязида, и он письменно обратился к нему (снова находившемуся в Европе), требуя вернуть пленника. Гиббон цитирует письмо, приведенное у персидского историка Шерифеддина: «В чем причина твоего высокомерия и безразсудства? — спрашивал Тимур султана. — Ты провел несколько сражений в лесах Анатолии: ничтожные трофеи». Продолжая в качестве одного из главных защитников ислама, обращающегося к другому его не менее верному защитнику, он, тем не менее, доводит до сведения: «Ты одержал несколько побед над христианами в Европе; твой меч был благословлен апостолом Бога; и твое следование заповеди Корана в войне против неверных есть единственное отражение, которое удерживает нас от разрушения твоей страны, передней линии и оплота мусульманского мира». В завершение Тимур убеждает султана: «Вовремя прояви мудрость; подумай; раскайся и предотврати удар грома нашего возмездия, которое все еще висит над твоей головой. Ты не больше чем муравей, зачем ты дразнишь слонов? Увы, они растопчут тебя своими ногами».

Баязид предпочел отнестись к этому и последующему посланиям с презрением: «Твои армии бесчисленны, пусть так; но что такое стрелы твоих стремительных татар против ятаганов и боевых топоров моих непоколебимых и непобедимых янычар? Я буду охранять князей, которые искали моего покровительства. Ищи их в моих латрах. — Он закончил послание оскорблением, более интимным по своему характеру: — Если побегу от твоего оружия, пусть мои жены будут трижды отрешены от моего ложа; но если у тебя не хватает мужества встретиться со мной на поле битвы, может

быть, ты снова примешь своих жен после того, как они трижды окажутся в объятиях чужестранца».

Послания Тимура Баязиду, каким бы ни было их содержание, были дипломатическими по форме, следуя принятому обращению между двумя равными по положению людьми, ставящими свои имена одно рядом с другим. Теперь же Баязид намеренно отбросил всякую дипломатию, вписывая свое имя большими золотыми буквами, а имя Тимура под ним мелкими черными буквами. На это столь явно рассчитанное двойное оскорбление, одновременно личное и дипломатическое, мог быть только один ответ.

Тимур немедленно занял поле напротив Сиваса. Сулейман, который располагал только небольшим отрядом конников, направил своему отцу, в этот момент находившемуся в Фессалии, просьбу выслать подкрепление, но не получил ответа. Тогда он предпринял смелую вылазку, но обнаружив, что его силы сильно уступают в численности, ушел из города. Тимуру потребовалось восемнадцать дней, чтобы подорвать укрепления города и осуществить его захват, после чего он заживо похоронил в крепостных рвах несколько тысяч наиболее стойких его защитников, которыми были армянские христиане. Затем, вместо того чтобы продолжать движение в глубь Малой Азии, он совершил поход к югу, последовательно захватив Алеппо, Дамаск и Багдад, который разрушил до основания, соорудив на месте города пирамиды из отрезанных голов его защитников. Вплоть до осени 1401 года Тимур не возвращался к границам Малой Азии. Здесь он остановился на зимний период и стал решать, возобновлять или не возобновлять свою атаку на Османскую империю.

За это время Баязид ничего не сделал для того, чтобы надлежащим образом встретить любую такую угрозу. Потеря Сиваса была первым серьезным ударом, обрушившимся на него после ряда легких побед над мелкими князьями как в Европе, так и в Азии, унижительным результатом первой схватки с действительно грозным противником. Первые встретив равного себе, Баязид казался парализованным, ошеломленным поражением, медлительным в реакции на кризис, с которым он теперь столкнулся. Несомненно, его физическое состояние и умственные возможности были подорваны усиливавшейся тягой к пьянству и разгульной жизни. Тимур, отсутствовавший более года после захвата Сиваса в связи с кампанией, которую он вел в Сирии и Месопотамии, оставил свой выдвинутый в Армению штаб широко открытым как раз для такого нападения, какое принесло Баязиду имя Удар Молнии. Но гром не гремел, и молнии больше не сверкали. Баязид, не обнаруживая ничего из своей обычной быстроты решения или действия, не нанес Тимуру удара возмездия, не

попытался умиротворить его. Где была теперь та решимость, то военное и дипломатическое искусство, которые принесли ему победу в Европе?

Летом 1402 года Тимур принял окончательное решение пойти походом на Баязида. Теперь союза с ним против османов искали генуэзцы и другие страны христианской Европы. После захвата Сирии он больше не чувствовал себя склонным поддерживать солидарность с другими силами ислама. Поэтому он двинул свою победоносную армию на запад, к Сивасу. Только теперь, почти два года спустя после первоначальной потери города, Балзид заставил себя отказаться от осады Константинополя и перебросить основную часть своей армии в Азию. В ужасную жару середины лета, по вызанному солнцем, безводному Анатолийскому плато он пошел из Бурсы походом к крепости Ангора, расположенной в самом сердце страны.

Это была закаленная, высокодисциплинированная армия, равная мужеством и военным мастерством Тимуру и его татарам из Центральной Азии. Но теперь армия Баязида не была, как в прошлом, абсолютно единой или действительно абсолютно всем довольной. Четверть ее солдат составляли собственно татары, следовательно, солдаты сомнительной преданности. Все войны были измучены изнуряющей жарой и длительными переходами, а Баязид не давал им времени отдохнуть или восстановить свои силы. Другим источником недовольства среди рядовых был отказ открыть казну, в результате чего выплата жалованья воинам задерживалась.

Тем временем полководцы султана выразили несогласие с его планом кампании. Столкнувшись с противником, значительно превосходящим армию султана в живой силе, они убеждали его, что в соответствии с традиционной военной тактикой османов Баязид должен сначала занять оборону, т.е. позицию, позволяющую сделать собственный выбор. Вместо того чтобы идти против Тимура в наступательный бой, ему следовало бы на несколько дней укрыться в горах, дав войскам отдохнуть и вынудив Тимура искать армию султана в изнуряющей жары на плато. Но Баязид с упрямством, исключавшим всякое здравое суждение и самоконтроль, нетерпеливо хотел лобового столкновения. В результате его армия шла на восток по дороге на Сивас, заняв передовую позицию в излучине реки Галис, откуда при появлении Тимура должен был начаться бой.

Прошло несколько дней, и разведчики Баязида не обнаружили никаких следов татар. Наконец, пришла весть, что Тимур обошел турок стороной, окружил турецкие войска и шел на них с тыла. Из Сиваса, избегая неудобной холмистой местности, лежащей к западу, он

направился к югу по долине реки Кайсери, по дороге убирая для своих войск урожай зерна. Затем он повернул к северу, к точке, определяемой стенами Ангоры, и турки оказались теперь к востоку от него. В это время Баязид, явно бравирюя перед лицом врага, быстроту которого он сравнивал с быстротой ползущей змеи, с презрением отверг все меры предосторожности, посплав свои войска на большую охоту ради развлечения.

Окружающая местность была практически безводной, и воины тысячами умирали от жажды и переутомления. Между тем Тимур, проведя рекогносцировку вокруг Ангоры, вышел на прежний, ныне брошенный базовый лагерь Баязида. Здесь, разграбив оставленное имущество и заняв оставленные турками шатры, армия татар устроила свой штаб, сначала перегородив плотиной и отведя на свои нужды воду речки, текшей к Ангоре. Тимур также приказал разрушить и отравить родник на пути турок, шедших сейчас с востока в погоне за ним. Здесь он подготовился к тому, чтобы дать бой. Вот теперь оказалось, что Баязид с уставшей и измученной жаждой армией за его плечами вынужден был встретиться с врагом, укрепившимся перед его собственным городом Ангорой, на той самой позиции, на которой следовало бы стоять ему самому и встречать врага. Сражение завязалось на обширной равнине, расставшейся сразу от городских стен, на поле боя, уже известном в истории.

Левым флангом армий Баязида, составленным из анатолийских частей, известных своей лояльностью, командовал его старший сын Сулейман; аррьергардом — его следующий и самый любимый сын Мехмед; правый фланг, составленный из сербов и других лояльных европейских контингентов, возглавил его шурин серб Стефан Лазаревич. Сам Баязид занял позицию в центре, с янычарами, расположившимися вокруг него. Но, составляя план построения войск, он, ослепленный собственной гордыней, допустил последнюю, решающую ошибку. Следуя привычному тактическому принципу использования менее опытных воинов, принимающих на себя первый удар вражеской атаки, Баязид поставил кавалерию своих анатолийских татар в первую линию. Битва едва началась, когда те дезертировали и перешли к Тимуру, что вполне можно было предвидеть в отношении войск, мобилизованных для того, чтобы сражаться против собственных братьев по крови. Султан, таким образом, в мгновение ока потерял одну четвертую всех своих сил.

Теперь Баязид мог атаковать только левым флангом. Чтобы выполнить приказ, Сулейман бросил в кавалерийскую атаку своих анатолийских конников. Они мужественно сражались против града стрел и нефтяных языков «греческого огня». Но воины Сулеймана не смогли прорвать ряды татар и в конце концов в беспорядке

отступили, потеряв примерно пятнадцать тысяч человек. После этого армия Тимура перешла в наступление, его кавалерия преследовала турок по правую от него сторону, пока и преследуемые, и преследователи не скрылись из глаз. После ожесточенного сопротивления, когда сербы сражались «как львы», за что Тимур воздал им должное, его армия прорвала левый фланг. И наконец, по сходящимся направлениям обрушилась на центр турецкой позиции, где находился султан лишь со своими янычарами и оставшейся частью цехоты.

Лишенного маневренности Баязида медленно, шаг за шагом, оттесняли на вершину небольшого холма. Здесь он продолжал биться вместе со своей личной гвардией и остатками его разбежавшихся войск еще несколько часов, вплоть до наступления темноты. Теперь, когда все было потеряно, Баязида поддерживало только его упрямое мужество. «Удар Молнии, — писал турецкий историк, — продолжал держать в руках свой тяжелый боевой топор. Подобно тому как голодный волк расшвыривает стадо овец, он разбрасывал врагов. Каждый удар его грозного топора наносился так, что второго удара уже не требовалось». Таким, все еще отчаянно сражающимся, его обнаружили воины Тимура, ворнувшиеся на основное поле боя после окружения и полного разгрома турецких войск. Сев на скакуна, Баязид предпринял последнюю попытку скрыться с другой стороны холма, пробившись сквозь ряды татарских лучников, но его настигли, стащили с лошади, связали, а затем привели в шатер Тимура, который спокойно играл в шахматы со своим сыном.

Баязид держался с достоинством в присутствии своего победителя, который сначала воздал ему почести как суверену, но затем стал унижать его как пленника. Во время перехода по Анатолии Баязида несли в паланкине с решеткой, похожем на клетку, подвергая таким образом султана осмеянию со стороны татарских воинов и его прежних подданных-азиатов. Легенд о том, как Тимур обращался с Баязидом, было множество: что по ночам его держали в цепях; что он служил Тимуру подставкой под ноги; что, завладев гаремом Баязида, Тимур унижал его жену — сербку Деспину, заставляя ее обнаженной прислуживать за столом, за которым сидели ее прежний господин и его покоритель. Страдания надломили дух Баязида и в конце концов его разум. Через восемь месяцев он скончался от апоплексического удара, но существует версия, что он покончил жизнь самоубийством.

Баязид был побежден, потому что преждевременно и не имея соответствующих ресурсов встал на путь расширения империи в мусульманском мире, стремясь следовать тем распространяющимся на весь мир завоевательским тенденциям ислама, столь дорогого бого-

словам священного города Бурсы. Таким образом, Баязид на свою погибель вступил в конфликт с мировой империей Тимура, который в то время желал всего лишь мирного сосуществования с османским государством гази.

Тимур без промедления опустошил Малую Азию. Его татарские орды без труда взяли Бурсу, увезли с собой молодых женщин, устроили в мечетях конюшни, разграбили и сожгли почти весь город, но не смогли взять в плен сына Баязида, Сулеймана, которому удалось скрыться, на скаку прорвавшись через ворота города, и беспрепятственно достичь Европы. Затем Тимур повел войска на Смирну, последний оплот христиан, и город был взят всего за две недели. Пленных рыцарей-госпитальеров Тимур привел к галерам, а затем морем отправил к Родосу, обезглавив тех немногих, кто не смог разместиться на галерах, и сложив их головы в привычную пирамиду. Это была в традициях гази демонстрация против «неверных», рассчитанная на то, чтобы завоевать одобрение мусульманского мира.

Из Ангоры войска Тимура продолжали преследовать уцелевшие остатки турецкой армии, бскавшие десятками тысяч по плато или по склонам гор в сторону Дарданелл. Здесь генуэзцы и венецианцы, которые раньше с готовностью переправляли их в Азию, ныне с той же готовностью переправляли их обратно в Европу, вызвав у Тимура приступ бешенства подобным проявлением «плохой веры». Они предпочли врага, которого они знали, врагу, который был еще не известен. Это было показателем того, насколько османы за два поколения сумели укорениться на Балканах. В Анатолии Тимур направлял друг на друга остальных четырех сыновей Баязида, оставшихся в его руках в качестве вассалов, поддерживая в каждом из них надежду на признание в качестве наследника Османской империи. Тимур облек Сулеймана полномочиями вассала татар на территориях османов в Европе. Теперь, когда судьба Османской империи была в его власти, Тимур благосклонно отнесся к контакту со стороны европейских держав. Но когда император Византии предложил признать его суверенитет и выплатить ему следующую из этого признания дань, Тимур ответил приказом подготовить флот для переправы своих солдат через пролив в Европу. Это породило панисламское предположение, что армия Тимура намерена осадить Константинополь. Но у него не было планов ни против Европы, ни против Анатолии, где он, учитывая традиции гази, вернул местным князьям отнятые у них земли. В данном случае Тимур рассматривал свою кампанию не более как очередной набег. Как создателя империи, его интересовал Восток. Вскоре после смерти Баязида в 1403 году он уехал из Малой Азии в Самарканд, чтобы больше не вернуться. Он готовился покорить Китай, но умер по дороге туда,

на два года позже Баязида, заболев лихорадкой, осложненной общей усталостью и (по словам Гиббона) «попротетивым употреблением ледяной воды». Его татарские орды ушли, оставив после себя полный хаос.

Это сокрушительное поражение османов в Анатолии повлекло за собой распад еще недолго существовавшей Османской империи, так же, как в свое время под ударами вторжения монголов в Малой Азии распалось государство сельджуков. Потянулось десятилетие безвременья, иногда почти перераставшее в анархию, поскольку конфликтующие внутренние силы боролись одна против другой за власть. Стала очевидной опасность, что в ходе этой борьбы центральная власть может попасть в руки провинциальных беев, как это уже случилось в других мусульманских государствах. Четыре сына Баязида боролись за имперский трон, к ним позднее присоединился пятый претендент. Претензии каждого поддерживались его собственной группой сторонников из числа местных династий, озабоченных своими привилегиями. Император Византии поощрял кандидата, наиболее способного удовлетворить его собственные интересы, а вассальные христианские государства Балкан предпринимали попытку вернуть себе хотя бы некоторые из ранее принадлежавших им земель. Территория распадающейся империи разделилась на две части — между Европой, с одной стороны, где старший сын Сулейман правил из Адрианополя, и Анатолией — с другой, которой из Бурсы управлял младший сын Мехмед. Каждый боролся за расширение своего господства за счет другого, ведя периодически возобновлявшуюся гражданскую войну, к которой подключались два других сына, Иса и Муса. После того как Муса убил Сулеймана, он в свою очередь был подавлен Мехмедом, которого император призвал прийти на помощь через Босфор и который, таким образом, вышел окончательным победителем.

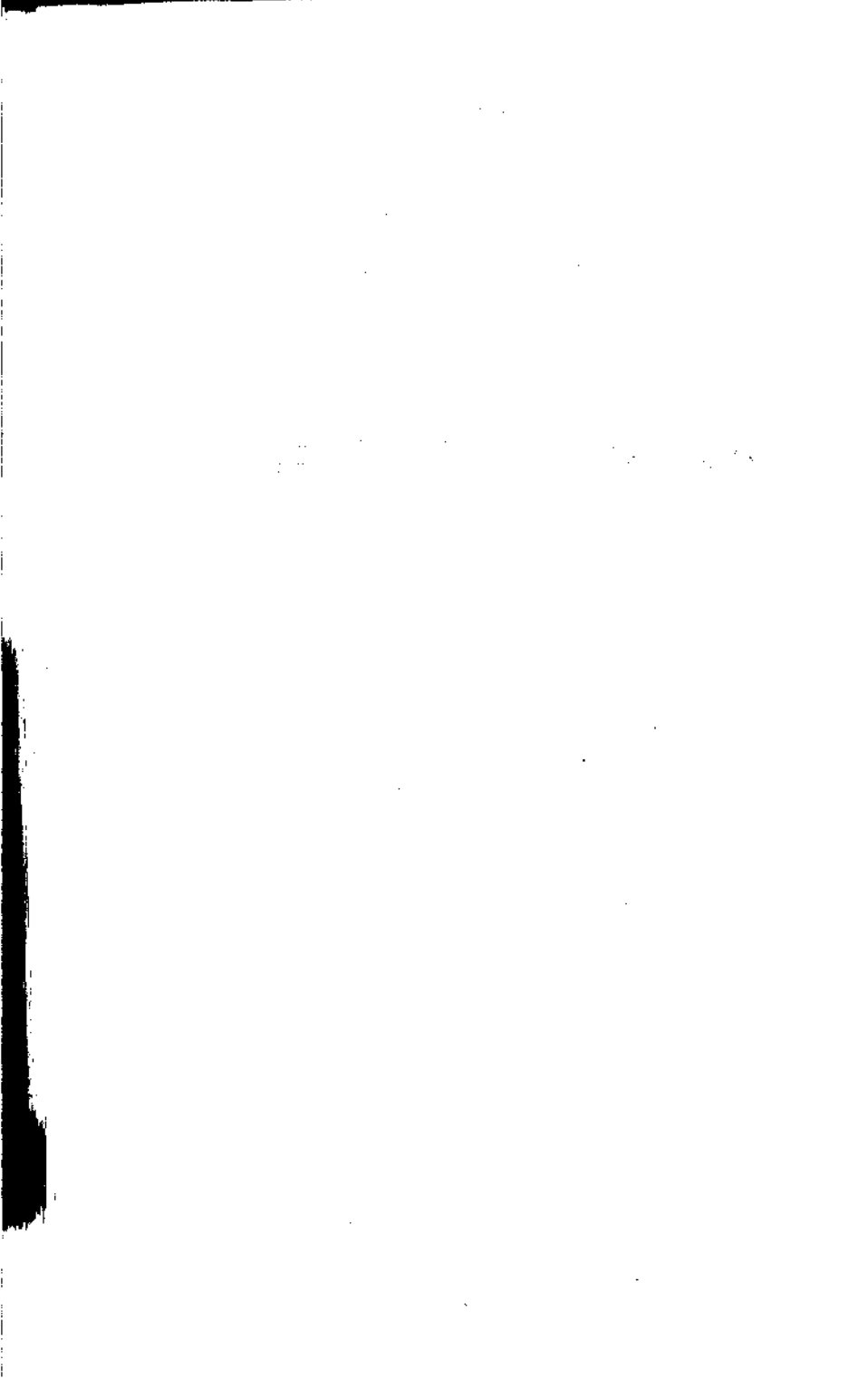
В 1413 году Мехмед был возведен на трон как султан Мехмед I. Он располагал поддержкой двух могущественных сил: анатолийских беев, которых его отец, Баязид, настроил против себя и власть которых восстановил Тимур; и янычар, в первый раз в османской истории оказавших влияние на внутренние дела, чтобы поддержать Мехмеда I как «наиболее справедливого и наиболее добродетельного из османских принцев». Итак, после периода беспорядков и подрывающей единство децентрализации наиболее сильные элементы одержали верх. Центральная власть была еще раз установлена, и Османское государство обрело единство в лице Мехмеда I.

Благодаря его качествам дальновидного государственного деятеля, в течение длившегося всего лишь восемь лет правления Османская империя была поставлена на прочную основу, вернувшись к прежним

единству и мощи, в момент, когда ее исчезновение казалось неизбежным. Византийская империя в этот период неумолимо подходила к полному упадку, династия же Османов, больше не разрываема внутренними противоречиями, доказала свою способность к восстановлению и выживанию с появлением новых правителей крупного масштаба. Приближалось время правления величайшего из османских завоевателей, Мехмеда II.

Часть II
НОВАЯ ВИЗАНТИЯ

Мехмед Завоеватель, которому судьбой было предназначено в конце концов захватить Константинополь, был внуком Мехмеда I и сыном Мурада II. Его отец, Мурад, будучи просвещенным правителем, сумел завоевать привязанность и уважение османского народа за свои честь и справедливость, искренность и простоту, искреннюю заботу о народном благосостоянии. Он правил государством тридцать лет и по сути своей был мирным человеком. Но ему приходилось воевать, угрозы войны постоянно довлели над ним. Мурад искал мира для своей страны, чтобы она смогла наконец обрести внутренний порядок и стабильность после десятилетия дезинтеграции, конец которой положил его отец. Он искал мира и ради себя самого, страстно желая покоя, чтобы наслаждаться удовольствиями, исходящими не от одних только чувств, но и от ума и духа. Стремясь реализовать эту сторону своей натуры, он дважды отказывался от трона в пользу своего юного сына. Но каждый раз его обязывали вернуться.

С самого начала правления Мурада его поиски мира были сорваны врагами и в Европе, и в Азии, провоцируя султана на действия и пробуждая в нем наследственные инстинкты воина. В то же самое время всякий раз, когда это было возможно, Мурад прилагал все усилия, чтобы сберечь своих собственных солдат и быть честным со своими врагами в переговорах и соблюдении достигнутых договоренностей.

Сначала с помощью янычар и при поддержке улемов ему удалось подавить междоусобное восстание одного из претендентов на султанат, который еще во время правления его отца сбежал к византийскому императору. Затем Мурад взялся за осаду Константинополя, впервые применив для обстрела городских стен артиллерийские орудия, а также передвижные башни, из которых их можно было штурмовать. Однако греки героически защищали город, воодушевленные чудесным явлением Святой Девы Марии, и Мурад из-за изменения обстановки в Азии был вынужден снять осаду, которая не возобновлялась вплоть до восхождения на престол его собственного

Султан Мехмед II (1444—1481), Завоеватель.

сына. Тем временем, после смерти Мануила, Мурад подписал новый договор с его наследником, Иоанном VIII, о том, что османы не будут претендовать на Константинополь, но при этом низвел Византийскую империю на следующую ступень подчинения: за ней оставалась лишь небольшая территория, непосредственно примыкающая к стенам города. В это время Мурад был вынужден бросить свои силы в Анатолию, где другой мятежник, его собственный младший брат по имени Мустафа, решил больше не подчиняться ему и где все вассальные князья подняли мятеж. Несмотря на то что за Мустафой стояли войска Карамана, он был стремительно разбит и повешен. Восстание Мустафы было делом рук «Великого Карамана», мятежного вассала, захотевшего оспорить власть у «Великого Турка». Еще дважды Караман пытался добиться своего, но дважды терпел поражение, причем каждый раз Мурад гарантировал ему договор, по которому Караман сохранял свой вассальный статус и не включался в состав империи. Тем временем он подчинил своему контролю остальные эмираты Западной Анатолии.

В Европе османам теперь противостояли две державы — Венгрия и Венеция, оспаривавшие у них право владеть осколками Византийской империи. Венгры мечтали о папславянской империи, которая включала бы Константинополь, венецианцы стремились окончательно закрепить свое господство на море. Мурад был вынужден предпринять против них меры, когда император продал Венецианской Республике один из важнейших портов Салоники, бывший на протяжении длительного времени яблоком раздора между османами и греками. В 1430 году Мурад атаковал и в кратчайшие сроки захватил город, подчинив его вместе с окрестностями Османской империи. Это была серьезная потеря для венецианцев. Мурад удерживал своих солдат от расправы с жителями города, а в мирном договоре предоставил венецианцам право свободного передвижения и ведения морской торговли во всех его владениях, а также сохранить за собой те острова и замки на Пелопоннесе, над которыми в тот момент развивались штандарты республики Святого Марка.

Дух венгерской агрессии на Балканах вновь разгорелся, когда в 1437 году умер король Сигизмунд, не имевший наследника по мужской линии, вследствие чего династия перестала существовать. Обозбоченный тем, как сохранить контроль османов над Сербией, Мурад на следующий год захватил сильную крепость Смедерево, которую он ранее разрешил сербам построить на берегах Дуная, и изгнал деспота Георгия Бранковича, усиливающейся власти которого он не доверял и который стремился к союзу с венграми и к их помощи. Тогда Мурад не смог после нескольких месяцев осады взять Белград. Но в результате смерти Сигизмунда он теперь смог закрепить свой контроль над Валахией и возобновить набеги через

Дунай на территорию Венгрии. Венгрия между тем, занятая внутренней борьбой в ходе поиска правителя, выбрала переход под польскую корону, монарх которой, Владислав III, стал в результате управлять двумя странами. На его поддержку поднялся национальный герой Венгрии Хуньяди, военный лидер, ставший для турок на последующие двадцать лет настоящим наказанием.

Хуньяди, иначе Ян Корвин Гуниади, которого турки прозвали Янко, происходил из знатного румынского рода, хотя и с не совсем ясной родословной. Янко пришел править от имени благодарного короля Владислава областью в Трансильвании и в конечном счете собственно Венгрией. Для венгров и сербов он стал романтическим Белым Рыцарем, скачущим во главе кавалерийских атак в сияющих серебряных латах, чьи героические ратные подвиги породили в восточной части христианского мира надежду на освобождение Венгрии от турок и на восстановление ее единства. Обороняя около двухсот миль южной границы Венгрии, Янко одержал ряд побед над турецкими войсками, которые понесли серьезные потери. Полагают, что Хуньяди вполне мог быть родным сыном Сигизмунда, зачатым во время его отступления на родину после битвы под Никополем. Как бы то ни было, теперь он стремился повторить историю, организовав новый крестовый поход, наподобие похода Сигизмунда, с целью выбить турок из Европы.

Не получив поддержки со стороны Запада, кроме благословения легата папы кардинала Юлиана и его личного присутствия в рядах армии, крестовый поход черпал свои силы только в Венгрии и Польше, а также впоследствии в присоединившейся к ним Валахии. Также была оказана некоторая помощь балканскими народами — сербами, болгарами, босняками и албанцами. Их продвижению, тем не менее, сопутствовал успех. Переправившись в 1443 году через Дунай, они захватили Ниш с большим уроном для его турецкого гарнизона, восстановили власть деспота Георгия Бранковича в его сербских владениях, оккупировали Софию, затем в зимнюю стужу мужественно совершили переход через покрытый снегом и скованный льдом Балканский горный хребет, чтобы выйти к лежащей за ним Фракийской равнине.

Продвижение крестоносцев через перевалы турки нередко блокировали обломками скал, а в одном месте склоны гор поливались всю ночь водой, превратившей тропы и стенки в лед. Этот поход крестоносцев — военный подвиг, равный которому редко встретишь в истории. Но в конце концов после победы в день рождества Христова они были сломлены непогодой с вытекающими из этого проблемами снабжения, а также усилившимся давлением со стороны турок, так что Хуньяди приказал отступить в Буду. Его солдаты, измотанные холодами, превратившиеся почти что в скелеты из-за

голода, в конце концов добрались туда и, ведомые королем Владиславом, прошли в пешем строю, распевая христианские псалмы и размахивая турецкими знаменами, чтобы получить триумфальный прием со стороны венгерского народа и в кафедральном соборе вознести благодарения providению за его помощь в минуту крайней опасности.

Мурад, мирный человек, воздержался от преследования войск крестоносцев за пределами Дуная. Он заключил в Сегеде десятилетнее перемирие, по которому Сербия и Валахия были освобождены от зависимости от Османской империи, в то время как венгры согласились не переходить Дунай или заявлять претензии на Болгарию. Владислав на Евангелии, а Мурад — на Коране клятвой скрепили этот договор.

Теперь, когда в пределах границ империи единство Османского государства было восстановлено, Мурад предпринял шаги к тому, чтобы достичь создания сильного централизованного управления. Он увеличил численность и расширил сферу деятельности корпуса янычар в качестве его главного инструмента, отныне набиравшегося не только из юношей, захваченных в бою, но и среди местного христианского населения в различных провинциях страны. Достигнув численности почти в семь тысяч человек, янычары теперь в качестве опоры государственности поддерживались сипахами, или собственной кавалерией султана и корпусом военных чиновников, будучи все одинаково рабского происхождения. Мурад старался сделать все возможное для Османской империи, чтобы поражение Баязида больше не напоминало о себе.

Тогда в первый раз Мурад стал вынашивать планы ухода от забот о государстве в изолированную частную жизнь, о которой столь страстно мечтал в своем Азиатском дворце в Магнезии. В подготовке к этому шагу Мурад вызвал в Адрианополь своего двенадцатилетнего сына Мехмеда, чтобы тот служил в качестве губернатора под наблюдением великого визиря Халила Чандарлы-пашы. Этот шаг Мурада вызвал опасения Халила и других визирей, полагавших, что мальчик, сметливый и не по годам развитой, все же не созрел для подобных ответственных дел управления.

Мехмед II, родившийся при зловещих обстоятельствах — во время чумы, которая унесла жизни двух братьев его отца, имел несчастливое детство и не лучшее воспитание. Он был третьим сыном у отца, отдававшего предпочтение двум его старшим братьям — Али и Ахмеду — и не рассматривавшего его в качестве возможного наследника трона. Более того, матери каждого из братьев были женщинами достаточно благородного происхождения и положения в обществе, тогда как мать Мехмеда была девушкой-рыбейной предположительно христианского происхождения. Поэтому

в жилах Мехмеда текла кровь, которая придавала ему черты характера, контрастировавшие с чертами, свойственными его отцу и деду.

Воспитывавшийся главным образом нянькой, он был взят из Адрианополя в возрасте двух лет вместе с братом Алаеддином в Амасью, где губернатором был их четырнадцатилетний брат. Город был расположен в гористой провинции Северной Анатолии, между центральным плато и побережьем Черного моря. Это было место, населенное старинными и влиятельными османскими родами, на жемчужине одного из которых был женат отец Мурада. Амасью являлся также религиозным центром одновременно для исламской знати и для странствующих дервишей, еретиков из Персии. Это было место рождения самого Мурада, считавшего наиболее правильным (как и некоторые султаны более поздних времен) решение посылать своих сыновей под присмотром доверенных чиновников в подобные азиатские провинции, лежащие далеко от столицы, тем самым обеспечивая их изоляцию от народных масс и лишая их возможности участвовать в мятежных движениях. Это была своего рода страховка от подстрекательств к мятежу, более цивилизованная, чем практика братоубийства на имперском уровне, внедренная еще делом Мурада Баязидом и позже получившая силу закона при сыне Баязида, самом Мехмеде.

Но старшие братья Мехмеда умерли преждевременно. Ахмед внезапно скончался в Амасье, когда еще был подростком. Мехмед наследовал ему на посту губернатора провинции в возрасте шести лет, тогда как его остававшийся в живых брат Алаеддин был переведен губернатором в Магнесию. Двумя годами позже они, по указанию Мурада, сменили места своего правления, а несколько лет спустя Алаеддин скончался. Он был задушен при невыясненных обстоятельствах в собственной постели в Амасье, к большому горю своего отца, любимым сыном которого, как говорили, он был.

Мехмед, теперь очевидный наследник в возрасте одиннадцати лет, был вызван обратно его отцом из Магнесии в Адрианополь. Тут Мурад был совершенно шокирован отсутствием у сына образования. Учителя мальчика напали, что он трудный ученик, не желающий учиться и в особенности невосприимчивый к религиозным наставлениям. Имея поэтому Мурад выбрал Мехмеду в наставники знаменитого муллу по имени Ахмед Курани для изучения Корана и истории религиозных верований. Курд по происхождению, он изучал законы ислама и теологию Корана в Каире, а теперь преподавал в знаменитой семинарии в Бурсе.

Имеется письменное упоминание, что султан вручил учителю розгу, разрешив ему наказывать наследника, если это будет необходимо. Мулла позанимался с ним, держа розгу в руке, и сказал: «Твой

онц послал меня учить тебя, но также держать тебя в порядке, если ты откажешься подчиняться мне». Мехмед рассмеялся в ответ на эти слова. Тогда мулла обрушил на него такой град ударов, что начиная с этого момента и впредь ученик относился к своему учителю с большим уважением, вскоре узнав от него весь Коран. Обученный рядом таких просвещенных ученых и советников, Мехмед вырос достаточно хорошо образованным.

К этому времени Мехмеду предстояло во дворце в Адрианополе ознакомиться с ведением государственных дел, — чем занимался лично его отец, а по возвращении в Азию — великий визирь и его окружение. Мехмед, высокомерный и не по годам развитый, вскоре проявил в своих отношениях с Халидом самонадменную решимость идти своим собственным путем. Через какое-то время после отъезда Мурада сын вызвал в Адрианополе беспокойство своей явной поддержкой еретического религиозного движения в лице персидского миссионера, лидера секты дервишей, которая проповедовала в числе других неортодоксальных взглядов духовное родство Ислама и Христианства. Экзальтированные идеи проповедника незамедлительно нашли отклик в душе Мехмеда. Он по-дружески принимал его при своем дворе и таким отношением помог проповеднику найти свою аудиторию среди жителей города.

Это вызвало тревогу и возмущение религиозной верхушки, возглавляемой великим муфтием, и великого визиря Халила, который был мусульманином старой школы. Застав перса в момент произнесения ересей, они задержали его. Но проповедник исчез и укрылся у Мехмеда во дворце султана. Мехмед, однако, был обязан выдать своего протеже муфтию, который так яростно осудил еретика с кафедры мечети и настолько возбудил чувства толпы против него, что толпа сожгла проповедника, привязанного к столбу, причем муфтий опалил свою бороду, слишком близко подойдя, чтобы поддержать огонь. Аналогичным образом были уничтожены последователи еретика. Инцидент обнаружил со стороны Мехмеда наличие у него пристрастия к персам и к гетеродоксальным взглядам, характерного для его пытливого ума, но чреватого опасными последствиями в будущем. Плохое начало во взаимоотношениях юного наследника с религиозными и гражданскими верхами османов было ударом по самолюбию совсем еще молодого человека, посеявшим в нем семена горькой обиды, чего он не мог простить Халилу. В Мехмеде, с детства очень замкнутом по характеру, такого рода кризисы лишь усиливали чувство отчужденности.

Скоро это обстоятельство стало фактором, способствовавшим появлению янычар. Преданные и исполненные уважения к своему признанному господину, Мураду, они с негодованием отнеслись к тому, чтобы получать теперь приказы от его неопытного, юного, но

властного сына. Янычары потребовали прибавки к жалованию. Когда им в этом было отказано, они поднялись против юного наследника, устроив поджог, огонь которого распространился по Адрианополю, уничтожив кварталы в районе базара. Пожар сопровождался грабежами и резней. Главным предметом их враждебности был личный советник Мехмеда, свнук Шихабеддин-паша, который был вынужден искать убежища во дворце. В конце концов прибавка к жалованию была разрешена.

Этот эпизод обострил конфликт между Халилом и Мехмедом, который все нарастал со времени проведенной Мурадом реорганизации системы вербовки янычар и распространения принципа набора христиан для выполнения не только одних военных, но и гражданских обязанностей. Это вело к развитию правящего института, благодаря которому христианские вероотступники, одним из которых был Шихабеддин, могли подниматься до высших государственных постов. Все чаще христиане добивались этого за счет мусульманских родов, ранее занимавших государственные посты. Члены именитых мусульманских родов, как резюмировал Халил Чандарлы, обнаруживали себя постепенно исключенными из системы власти. Вполне возможно, что не кто иной, как Халил, поощрил это восстание янычар против Шихабеддина с целью утвердить собственную власть и преподать урок юному Мехмеду. В этом заключалась суть конфликта между старым и новым, между традиционным мусульманством и ренегатом-христианством, который угрожал теперь стать силой внутреннего раскола в административном аппарате империи. Вероятно, именно это повлияло на Мурада в его решении уйти со сцены, предоставив Халилу решать проблему, в которую султан предпочел лично не вмешиваться.

Но этот его первый уход из власти длился всего лишь три месяца. Время для ухода еще не настало. Военная операция Хуньяди вызвала за границей прилив энтузиазма наряду с обещаниями поддержки христианского дела, что включало посылку морских сил для защиты свободы плаванья через проливы. Резко изменилось отношение к сохранению договора с Мурадом. Император Византии, мобилизуя силы на проведение кампании в Морее, писал Владиславу, убеждая его в том, что «защитник Христианского мира» должен быть твердым. Владислав вместо ратификации договора заявил о своей решимости продолжить крестовый поход, чтобы «отбросить за моря языческую секту Мухаммеда». В этом он находился в значительной мере под влиянием кардинала Джулиано Цезарини, папского легата.

Воспользовавшись тем, что Мурад в данный момент находился в Азии и потому был не опасен и, более того, удерживался там благодаря контролю над Геллеспонтом со стороны эскадры военных

Известный портрет Мехмеда Завоевателя
работы Джентиле Беллини.

кораблей христиан, Юлиан отпустил Владиславу грех нарушения «поспешной и святотатственной клятвы врагам Христа». Джулиано объяснил это тем, что никакое обещание с «неверным» нельзя считать законным. Договор, подписанный на Евангелии, был отвергнут во имя Святой Троицы, Девы Марии, Святого Этьенна и Святого Владислава, и цели крестоносцев были освящены как «следование дорогой славы и спасения». Против турок были выставлены войска, не включавшие сербский контингент. Деспот Брашковиц, получив по договору все, что ему хотелось, не одобрил его отмену и претендовал на нейтралитет. Вместо сербов крестоносцы получили значительные подкрепления из Валахии, составившие почти половину их общей численности. Все были в приподнятом настроении, надеясь на победу в отсутствие султана и его армии, находившихся за рубежом.

Но в ноябре 1444 года Мурад внезапно появился в Варне. Подкупив жадных генуэзцев, чтобы обзавестись транспортом, воспользовавшись попутными ветрами и ускользнув от морского дозора, Мурад пересек проливы, чтобы противостоять христианам с силами, превосходящими силы последних в соотношении три к одному. В последовавшей битве первый эшелон янычар отразил главную атаку христиан и обеспечил победу с большими потерями с обеих сторон. Владислава сбили с лошади, и он принял смерть на поле боя; его голова в шлеме была поднята на копье, позади которого на другом копье несли пронзенную копию разорванного договора, что служило бы османским войскам уроком христианского вероломства. Кардинал Джулиано, который инспирировал все это, спасся бегством, и его никогда больше не видели. Хунyadi исчез вместе с Владиславом Дракулой, вождем валахов, который отплатил ему за давнюю обиду, продержав некоторое время в Валахии в качестве узника. После битвы голова короля Владислава, помещенная для сохранности в мед, была отправлена в Бурсу, первоначальную столицу Османской империи, где ее вымыли в реке, затем вновь водрузили на копье и стали носить по улицам.

Победа позволила Мураду восстановить контроль над всей территорией вплоть до Дуная. Он почувствовал, что теперь настало время уйти. На этот раз, в конце 1444 года, он официально отказался от трона в пользу Мехмеда, который отныне должен был править не просто как губернатор в Европе, как раньше, но со всеми правами султана. Мурад взял себе в качестве личного домена, но под юрисдикцией сына, территорию в трех районах Анатолии, вокруг Магнесии. Он поселился в окружении великолепной природы, возведя новый дворец с прекрасными садами, обращенный фасадом к широкой долине. Здесь, в обществе поэтов, мистиков, богословов и ученых, он стремился вести идеальную жизнь религиозного братства, как это делали его предки гази, заключавшуюся в учении

ставлении текстов, в погружении в размышления и в религиозных чуждах дервишей. Бывший султан стремился положить начало чуждому турецкому языку как средства выражения культуры, чуждого от персидского и арабского языков. Он поощрял новое направление в исследованиях истории турок, которое занималось, в «романтическом» духе, исследованиями выдающихся предшественников османов и родовых истоков племени огузов. Иностранцы дипломаты, время от времени наносившие визиты Мураду, отмечали, что он принимал их не в комнатах для официальных приемов, а в своих личных апартаментах.

Но к весне 1446 года он еще раз побывал в Адрианополе, названный туда по настоянию Халила, отношения которого с юным Мехмедом из плохих превратились в отвратительные, и был приветствуем народом. На улицах города народ приветствовал своего бывшего правителя, помня его отзывчивость и справедливость. Инициатором повторного возвращения Мурада был политически неразумный и непрактичный план Мехмеда напасть на Константинополь в то время, когда армии османов были вовлечены в операции одновременно на границах Греции и Албании. Это опять являлось результатом конфликта между Халилом, проводившим политику мира, и группой высокопоставленных военных, стремившихся к войне, которых поддерживал воинственный молодой наследник трона. Но они не смогли отвергнуть и сломить власть Халила, который пользовался поддержкой янычар, а также пойти против самого Мурада, на этот раз не собиравшегося отказываться от власти. Успешным был Мехмед, теперь вернувшийся в Магнесию, чтобы поразмышлять там о своих заблуждениях и умерить собственные неоправдавшиеся амбиции. Отцу же его оставалось на троне выждать кончины пять лет спустя. Вновь Мурад, менее всего желавший этого, был вынужден заниматься вопросом войны. Угроза нарастала вследствие восстановления власти византийских деспотов над Мореей, что заставило Мурада предпринять поход в Грецию. Здесь он успешно штурмовал громадную, отлично укрепленную стену Гексамилонца, которая была возведена для защиты Коринфского перешейка, и послал свои войска опустошить страну, лежащую за этой стеной. Он низверг греческих деспотов до положения фактических вассалов и восстановил власть своих латинских вассалов, изгнанных греками.

Другой конфликт возник в Албании, где появился новый вождь, готовый к сопротивлению туркам, сравнимый с Хуньяди в Венгрии. Это был Георгий Кастриоти, сын албанского вассального князя христианского происхождения, которого воспитывали и обучали в качестве заложника при дворе султана. Он был обращен в ислам и служил в турецкой армии. Здесь же он получил имя Искандер-бека, или господина Алассандра, в результате чего стал известен как

Скандербег. Будучи храбрым и патристично настроенным воином, он бежал из турецкой армии, чтобы сражаться за свою собственную веру и страну, возглавив сопротивление своих военных товарищей, которое по своим целям совпадало с сопротивлением, организованным Хуньяди. В 1448 году оба лидера объединили войска в рамках наступления венгров на турок, поддержанного также сербами и босняками. Мурад быстро нанес им поражение на историческом поле битвы под Косово, где шестидесятью годами раньше его предок Мурад I нашел свою смерть в момент победы над сербами и венграми. Это поражение означало конец независимости Сербии. На некоторое время была подорвана и военная мощь Венгрии. Босния стала вассальным государством османов. Однако в Албании Скандербег из своей неуязвимой крепости в Кройе противостоял с помощью эффективной партизанской войны всем попыткам завоевания, к унижению Мурада на склоне лет, а затем, на протяжении двадцати грядущих лет, — аналогичным попыткам Мехмеда. Мехмед между тем воспитывал в Магнесии чувством к девушке-невольнице по имени Гюльбахар предположительно албанского или греческого христианского происхождения, которая родила ему сына, позже правившего под именем Баязида II. Мурад считал ее недостойной невестой для своего сына из династических соображений и позже, когда юный наследник достиг семнадцати лет, устроил для него более подходящую партию, женив его с соответствующими торжествами на Ситт Ханум*, дочери важного турецкого князя. Но Мехмед никогда не заботился о ней; она не принесла ему детей; и когда он в конце концов перевел свой двор в Константинополь, ее не взяли, оставив забытой в гареме дворца в Адрианопле. Впредь ни одна женщина не играла никакой, кроме минимальной, роли в его жизни.

В последние годы своей жизни Мурад находился в более дружественных отношениях со своим сыном, который наносил визиты в Адрианополь и сопровождал отца в нескольких военных кампаниях. Мехмед принял свое боевое крещение, командуя анатолийскими войсками в битве под Косово, и участвовал вместе с отцом в безуспешной осаде Круи в Албании в 1450 году. Когда годом позже Мурад скончался от апоплексического удара, Мехмед находился в Магнесии. Получив известие, он, как гласит история, немедленно вскочил на своего арабского скакуна и поскакал к северу, Геллеспонту, со словами: «Всякий, кто любит меня, пусть следует за мной!»

Он остановился на два дня в Галлиполи, чтобы дожидаться приезда своей свиты, а затем отправился в Адрианополь. Здесь, в присутствии большого числа собравшихся он взошел на трон. Увидев, что Хамид, ближайший друг его отца, и второй визир

Исхак-паша стоит чуть-чуть в стороне, как бы опасаясь за свое будущее, он через главного евнуха передал им приглашение занять привычные им места. Затем он подтвердил, что Халим сохраняет свой пост, и назначил Исхака губернатором Анатолии с поручением отвести тело его отца в Бурсу. Затем вдова Мурада, женщины из знатного османского рода, подошла к Мехмеду, чтобы выразить ему соболезнования по поводу смерти отца и поздравить с восхождением на трон. Пока она делала это, ее малолетнего сына Ахмеда купали в его ванне по приказу Мехмеда — так велик был страх Мехмеда, сына рабыни, потерять трон султана. Лишившаяся всех близких вдова Мурада была отправлена в Анатолию в качестве принудительной невесты губернатора, Исхака-паши.

Позже, в Бурсе, Мехмед еще раз столкнулся с бунтом янычар. Он энергично подавил его, изгнав многих из их рядов, но в качестве меры предосторожности повысив жалованье оставшимся — достаточно дальновидный шаг, который, тем не менее, создал для последующих султанов достаточно затруднительный прецедент. В то же самое время он сформировал несколько новых подразделений из курдских охотников и сокольниковых — сильное войско, из которого он мог выбирать воинов на должность али (начальника) и для обслуживания своего собственного хозяйства. Реорганизация подобным образом янычары превратились в еще более мощное ядро османской армии, чем когда-либо раньше. Вскоре Мехмед был готов начать великое предприятие, которое он давно уже намеревался осуществить, — осаду Константинополя.

У христианских держав сложилось невысокое мнение о юном султани, теперь Мехмеде II. Помня провалы в его ранней карьере, они все еще видели в Мехмеде неопытного юношу с сомнительным авторитетом, который едва ли мог что-либо добавить к завоеваниям своего отца. Однако Мехмед быстро превращался во влиятельное лицо. Коренастый, но сильный и красивый, он умел держаться вежливо и с достоинством, но в отношениях с людьми проявлял крайнюю сдержанность. С орлиным профилем, пронизывающим взглядом, он был холодным и скрытным по характеру. Это держало окружающих его людей в напряжении, но их располагало к нему его живой ум, неукротимая энергия, неослабевающее чувство цели. В начале правления Мехмед пытался придать своим намерениям мирный характер. «Мир был на его губах, — пишет Гиббон, — но война была в его сердце». Принимая иностранных посланников, он демонстрировал готовность подтвердить договорные отношения своего отца — с венецианцами и генуэзцами, с Хуньяди, с Сербией, Валахией, Рагузой, островами Эгейского моря, рыцарями Родоса, даже с монашеской общиной Афонской горы. Послы императора Константина сначала встретили со стороны султана дружественный прием с клятвой уважать территорию Византии и обещанием платить за содержание под арестом в Константинополе его родственника, претендента Орхана (который был внуком Баязида), из доходов некоторых греческих городов в долине Струмы.

Однако последующие посланники в его лагерь в Малой Азии оказались слишком недалекими, заняв жесткую позицию, жалуюсь, что обещанные деньги не были выплачены, и даже требуя увеличить сумму, со скрытой угрозой предупредить султана о возможном использовании претендента. На это великий визирь Халил, хорошо знавший характер своего юного господина, считавшим необходимым, как цитирует Гиббон, предупредить послов:

«Вы, глупые и жалкие римляне, нам известны ваши замыслы, а вы не подозреваете о таящейся в них опасности для вас самих!»

«Вспрепятство Амурата больше нет; его трон занят молодым правителем, которого не могут связать никакие законы и никакие препятствия не могут остановить... Зачем вы пытаетесь испугать нас прямыми и косвенными угрозами? Освободите беглеца, коронуйте его султаном Романии; позовите венгров из-за Дуная; восстаньте против нас страны Запада; и будьте уверены, что вы только спровоцируете и ускорите свою гибель».

Мехмед успокоил посланников любезными словами. Но император дал повеление султану не считаться с его прежней клятвой уважать территорию империи. Вернувшись в Адрианополь, Мехмед приказал изгнать греков из городов Струмы и конфисковать их доходы. По возвращении в Малую Азию, предварительно переправившись через Босфор в самом узком месте, напротив замка, построенного султаном Баязидом на азиатской стороне в Анадоле Хисаре, он отдал распоряжение о строительстве нового замка на европейском берегу прямо напротив первого на территории Византии. Это гарантировало бы османам контроль над проливами и обеспечило бы базу для планируемой осады Константинополя.

Император немедленно направил своих послов с целью заставить греческую сторону против такого нарушения существующего договора, напомнив Мехмеду, что Баязид спросил разрешения императора, прежде построить собственный замок. Но султан пренебрежительно отказался принять послов. Когда работа над крепостью началась, император направил послов с дарами, продовольствием и нашивками, чтобы добиваться защиты греческих деревень вдоль Босфора. Султан и на этот раз проигнорировал посланников. Когда представители империи прибыли в третий раз, требуя гарантии, что строительство замка является предзнаменованием нападения на Константинополь, он бросил послов в тюрьму и отрубил им головы. Это было официально объявлено войной. С этого момента в Константинополе правил страх: «Это конец города, — стонали люди, — конец и народа. Это дни Антихриста».

В начале 1451 года Мехмед приказал собрать людей численностью около пяти тысяч строителей и других рабочих со всех провинций своей империи. Повсюду шла реквизиция строительных материалов, и следующей весной церкви и монастыри были разобраны, чтобы расчистить место и окрестности и обеспечить строителей необходимыми материалами. Султан лично занимался планированием нового замка и весной прибыл на стройку, чтобы осуществлять надзор и ускорить строительные работы. За четыре с половиной месяца замок был построен и назван Богаз Кесен, что означает «разрезанный пролив» или «горло». Греки называли его Румели Хисар, «замок Румской земли» в отличие от противоположной Анатолийской стороны, «замка Анатолии».

Когда замок-крепость был построен, султан со своей армией прошел непосредственно под стены Константинополя, где провел три дня, осуществляя рекогносцировку оборонительных сооружений. Затем, на зимнее время, он вернулся к своему двору в Адрианополь, оставив в замке гарнизон численностью в пятьсот человек. Он отдал распоряжения, чтобы любое судно, следующее через пролив в любом направлении, обязывалось бы припускать паруса и вставать перед замком на якорь для получения разрешения продолжать плавание и внесения платы за право прохода. В случае отказа судно следовало потопить выстрелами артиллерии, состоявшей из трех громадных пушек. Каждая пушка была способна выстрелить каменным ядром весом в шестьсот фунтов.

Эти орудия были ручной работой венгерского инженера по имени Урбан, который специализировался на отливке пушек. Сначала он предложил свои услуги императору, который оказался не способным оплатить его труд и материалы, в которых он нуждался. Поэтому Урбан предложил свои услуги султану, утверждая, что он способен изготовить пушку, которая могла бы сровнять с землей стены не только Византии, но и самого Вавилона. Мехмед, интересовавшийся каждым новым словом в военной науке, был полон решимости оснастить свои войска наиболее современными из имеющихся вооружений. Он постоянно интересовался техническими новшествами в строительстве современных крепостей и осадных машин и брал консультации у иностранных экспертов по вооружению, которых привлекал к своему двору. Так что он не задумываясь пригласил Урбана, пообещав высокую плату, и в качестве первого испытания его мастерства приказал изготовить пушку для башни новой крепости Богаз Кесен, способную контролировать Босфор на достаточно большом расстоянии. Готовое через три месяца орудие незамедлительно подверглось проверке: венецианское судно, шедшее по проливу с грузом зерна по пути в Константинополь, отказалось остановиться и было немедленно потоплено прямым попаданием ядра.

Тогда Мехмед заказал Урбану изготовить в литойной Адрианополя другую пушку, в два раза большего размера. Когда она была готова к испытаниям, для ее обслуживания и транспортировки потребовался отряд в семьсот человек с пятнадцатью парами волов, которые только и смогли сдвинуть ее с места. Это орудие-монстр, более двадцати шести футов¹ в длину и восьми дюймов в диаметре, было заряжено ядром весом в двенадцать сотен фунтов. Жители окрестностей были предупреждены, чтобы они не пугались звука выстрела. Потом подожгли фитиль, и орудие выстрелило с места неподалеку от дворца султана. Звук выстрела был слышен на

¹ Фут = 0,3048 м; дюйм = 2,54 см; фунт = 450 г.

расстоянии около десяти миль вокруг, а ядро пролетело около мили, прежде чем зарылось в землю на глубину шести футов.

Восхищенный успехом этих испытаний, султан приказал выровнять дорогу и укрепить расположенные на ней мосты с тем, чтобы весной пушку можно было перевезти к месту, отведенному ей у стен Константинополя. Тем временем в литейных султана шла отливка других пушек, но меньшего калибра. Таким образом, он создавал очень мощную артиллерийскую часть, какой еще не видел Восток, орудия которой стреляли с помощью черного пороха, хотя на Западе это было известно еще век тому назад. Конечно, против этих орудий каменные стены столицы, возведенные еще в средние века и раньше, больше не могли служить надежным средством защиты.

В течение зимы 1452 года султан был полностью занят приготовлениями к осаде города. Не зная сна, он мог проводить ночи напролет, сосредоточенно изучая чертежи обороны города, планируя свои атакующие ряды, позицию, которую должны были занять его войска, места установки своих осадных машин, своих вытарей, своих мин. Он мог за полночь, одетый как простой солдат, с широй попоной, отправиться бродить по улицам Адрианополя, чтобы знать настроение своего народа и солдат. Если кто-либо осмеливался узнать султана, приветствовать его, Мехмед, безразличие которого к человеческой жизни уже давно вошло в поговорку, немедленно убивал такого человека кинжалом.

В одну из ночей, в предрассветные часы, Мехмед послал за Халилом, великим визирем, который, чувствуя себя неловко из-за занимаемой им позиции, в порядке предосторожности взял с собой блюдо с золотыми монетами. Когда его спросили, зачем это понадобилось, Халил ответил, что в обычае слуг султана было приносить с собой подарки, когда их господин неожиданно вызывал их к себе. Мехмед отодвинул блюдо в сторону, сказав: «Я хочу только одну вещь. Дайте мне Константинополь». Он затем информировал Халила, что осада начнется в самое ближайшее время. Отпустив его, он вновь вернулся к своим планам.

Армия, которую султан собирал во Фракии из каждой провинции своей империи, составила в конечном итоге несколько сотен тысяч человек, включая двадцать тысяч нерегулярных войск. Ее ядро составляли двенадцать тысяч джычар. Султан лично следил за тем, как снаряжалась армия, используя оружейные мастерские и своих мастеров для изготовления нагрудных панцирей, щитов и шлемов, копий, мечей и стрел, в то время как его инженеры сооружали башни и стенобитные орудия. Против этой силы греки в Константинополе, население которого теперь сократилось до менее чем пятидесяти тысяч человек, могли бы выставить войско численностью всего в семь тысяч защитников. Оно включало около двух

тысячи иностранцев, главным образом венецианцев и генуэзцев, которые собрались, чтобы помочь горожанам «ради чести Господа Бога и Христианства» наряду с командами судов, находившимися в бухте Золотой Рог. С этими войсками византийцам предстояло оборонять четырнадцать миль городских стен. Более того, это предстояло делать с помощью лишь легких пушек.

Их воодушевило только своевременное прибытие вместе с семью сотнями человек генуэзского специалиста по обороне обнесённых крепостными стенами городов Джованни Джустиниани, которого император назначил главнокомандующим и который немедленно занялся работой при переслабевающей помощи населения, чтобы укрепить стены, расчистить рвы и в целом улучшить систему обороны. Тем временем были собраны все имеющиеся запасы оружия для его перераспределения в те места, где оно требовалось больше всего. Испытывая нехватку не только в людях, но и в деньгах, император учредил фонд обороны, в который вносили пожертвования частные лица, монастыри и церкви. В это время серебряная утварь переплавлялась в церквях и шла на чеканку монет.

Султан прекрасно понимал, что предшествующие осады Константинополя оканчивались неудачей из-за того, что город подвергался атакам только со стороны суши. Византийцы всегда извлекали пользу из своего господства на море и могли поэтому доставлять морем запасы воды. Турки, со своей стороны, зависели от судов христиан при транспортировке своих войск из Азии. Поэтому, как отчетливо видел Мехмед, было жизненно важно собрать не только наземные войска, но и иметь военный флот. Понимая всю значимость господства на море, он уделил этому вопросу самое пристальное внимание. Именно поэтому Мехмед составил флот не только из старых, но и из новых судов, срочно построенных на верфях Эгейских островов, насчитывавший около 125 кораблей различных размеров наряду с различными вспомогательными судами.

Когда весной 1453 года эта армада под командованием адмирала-болгарина вышла из Галлиполи, чтобы рейсировать в Мраморном море, греки осознали, к своему изумлению и ужасу, что турки обрели флот, который численностью превосходил их собственный в пять раз. Султан собрал совет министров, чтобы обнародовать планы войны и получить разрешение на их реализацию. Он смог убедить министров в том, что теперь османы господствуют на море. Несмотря на прежние достижения, Османская империя, настаивал он, никогда не будет чувствовать себя в безопасности до тех пор, пока она не овладеет Константинополем. И он убежден, что город нельзя считать неприступным. Лично для него, заключил Мехмед, ясно одно: если бы он не смог править империей, включающей Константинополь, то предпочел бы не управлять ею вовсе. Совет поддержал его.

Султан получил поддержку и со стороны духовенства. Сам пророк Мухаммед, как верила почти вся армия султана, отведет особое место в раю тому солдату, который первым ворвется в город. Разве же Мухаммед не пророчил: «Они завоюют Константинию. Славой будут покрыты князь и армия, которые осуществят это!» Султан сам часто заявлял, что он будет именно этим князем, торжествующим над «неверными» во имя ислама.

Греки, со своей стороны, были очень встревожены во время долгой, суровой зимы такими дурными предзнаменованиями, как землетрясения, проливные дожди, зарницы и кометы, наводнения, что, по их мнению, предвещало конец их империи и приход Антихриста. В канун рождества Христова в огромном храме святой Софии прошла торжественная служба, во время которой был провозглашен союз между православной и католической церквями, ранее согласованный во Флоренции. Но греческая конгрегация неохотно принимала этот факт, и лишь немногие греки после этого готовы были войти в церковь, службы в которой было разрешено проводить только тому клиру, который поддерживал союз.

С наступлением весны султан стал перемещать свою огромную армию через Фракию под стены города, куда его тяжелая артиллерия прибыла раньше его и куда он прибыл со своим последним отрядом 2 апреля 1453 года, на второй день Пасхи. Мехмед поставил свою штаб-квартиру на самой высокой точке, напротив центральной части расположенных на суше стен, с янычарами, ставшими лагерем вокруг него, и чудовищной пушкой и двумя орудиями меньшего калибра на оборудованной поблизости огневой позиции. Император занял свою позицию прямо напротив позиции султана, у ворот святого Романа, имея на флангах войска генуэзцев под командованием Джустиниани. Чтобы показать, что у него есть поддержка от христиан из Венеции, по стенам, чтобы это все могли видеть, промаршировала тысяча венецианских моряков в их резко отличавшихся от всех остальных своеобразных униформах.

После такой обоюдной демонстрации сил император писал султану: «Поскольку очевидно, что ты хочешь войны больше, чем мира, поскольку я не могу удовлетворить тебя ни моими заверениями в искренности, ни моей готовностью клятвенно подтвердить лояльность, пусть будет так, как ты желаешь. Я обращаюсь теперь и смотрю только на одного Бога. Будь его воля, что город должен быть твоим, где тот, кто сможет противиться этому? Если он осенит тебя желанием быть в мире, я буду только счастлив. Но я освобождаю тебя от всех твоих клятв и договоров со мной и, закрывая ворота моей столицы, я буду защищать свой народ до последней капли моей крови. Правь в согласии с Высшей

Справедливостью. Бог призывает нас обоих к своему престолу, чтобы рассудить нас».

Итак, ворота города были закрыты и мосты через рвы снесены. Для защиты стен, основания которых уходили под воду, через вход в гавань Золотого Рога под наблюдением генуэзцев была протянута цепь из деревянных понтонов, прикрывавшая двадцать шесть кораблей внутри гавани. До этого семь судов, — шесть критских и одно венецианское, — скрытно оплыли, чтобы избежать осады, с семью сотнями итальянцев на борту. Но больше подобных дезертирств не было. Всю святую неделю народ молился в церквях о спасении. Когда она окончилась, султан в соответствии с законом ислама направил своих парламентариев с флагом перемирия и последним предложением мира. В обмен на добровольную сдачу он обещал сохранить жителям жизнь и их собственность под протекторатом турок. Горожане сдались отказались. Как следствие 6 апреля началась бомбардировка. Неделю спустя она усилилась и продолжалась без перерыва в течение шести недель.

Чтобы проломить стены города, султан рассчитывал скорее на артиллерию, чем на людскую силу, причем не только на пушки и мортиры, но и на катапульты. Его войска, однако, не смогли добиться быстрого результата. Хотя стены во многих местах были разрушены огромными ядрами, а ряд башен буквально спесен, никакого значительного пролома в стенах не образовалось. Предпринятый турецкими войсками четырехчасовой штурм окончился неудачей. Греки под руководством Джустиниани быстро восстановили разрушенное и укрепили ослабленные участки, используя в этих целях даже тюки шерсти и куски кожи, но там, где угроза была наибольшей, соорудили частокол из деревянных брусьев и бочек с землей.

Не оказалась для турок более эффективной и атака с моря, где корабли султана дважды безуспешно пытались преодолеть понтонное заграждение, протянутое поперек Золотого Рога. Более того, в середине апреля три генуэзских галеры, нагруженные оружием и боеприпасами и сопровождаемые греческим транспортом с Сицилии, смогли пройти через Дарданеллы и появились перед городом. Получив известие об их прибытии, султан поскакал верхом, чтобы лично отдать приказ адмиралу; он должен захватить и потопить суда и, если он не сделает этого, пусть лучше не возвращается живым. В течение всего дня бушевало морское сражение на виду у всех жителей города. Суда христиан, лучше вооруженные и управляемые, успешно миновали турок и благополучно вошли в убежище Золотого Рога. Султан, наблюдая за поражением своих кораблей с берега Босфора, настолько разгневался, что затянул свою лошадь в воду и, несмотря на все свое невежество в морском деле, стал

отдавать команды адмиралу и его экипажам, посылая проклятия. Все оказалось безрезультатно. После сражения он измучен на адмирала все свое исповедание, подвергнув его порке и угрожая пронзить мечом. Он освободил адмирала от должности и конфисковал всю личную собственность, которая была распределена между япычарами.

Мехмед ясно видел, что Константинополь не может быть взят с помощью одной лишь атаки с суши; но сейчас его морская атака провалилась. Чтобы исправить такое положение, Мехмед нашел остроумное решение, возможно, выдуманное ему находившимся у него на службе итальянцем, а именно: транспортировать свои суда по земле, со стороны Босфора, в Золотой Рог и тем самым выйти во фланг перестраивающейся гавань цепи из понтонов. Инженеры Мехмеда построили с этой целью дорогу, идущую вверх по долине, через водораздел, лежащий на двести футов выше уровня моря, а затем спускающуюся вниз, к гавани, по другой долине. По всей длине дороги выложили смазанными жиром брусны, чтобы по ним могли двигаться салазки с металлическими колесами. На них укрепили морские суда, которые затем были подняты из воды с помощью блоков и по суше перевезены с помощью удряжек волов.

С поднятыми парусами, развесающимися флагами и гребцами, гребущими своими веслами по воздуху, они создавали у изумленных моряков-христиан и часовых иллюзию рождения флота непосредственно из моря, а затем спускающегося вниз по холму в направлении гавани. Вскоре там, в водах Золотого Рога, в самом центре морской обороны греков, на плаву находилось около семидесяти турецких судов. Попытка венецианцев и генуэзцев расчлнить строй вражеских судов с помощью легких вооруженных лодок и сопровождавших их двух больших галер окончилась неудачей. Морякам-христианам не удалось напасть неожиданно, и турецкие береговые батареи обстреляли их и потопили два судна. Греки, таким образом, потеряли контроль над Золотым Рогом, где турки теперь могли действовать в их тылах. Они смогли окружить и взять под контроль генуэзцев в Пера; построить понтонный мост через гавань, выше города, и тем самым укрепить свои коммуникации; угрожать стенам, спускавшимся в гавань, и тем самым ослабить оборону и надводных, и наземных стен.

Эта морская победа турок не сопровождалась немедленной атакой с суши, а лишь незначительными военными действиями противников. В городе ухудшилось снабжение продовольствием, а попытка доставить припасы морем из Венеции окончилась неудачей. Моральное состояние обороняющихся становилось все более тяжелым. Из-за отсутствия помощи со стороны христианского Запада нашлись те, кто попытался убедить императора покинуть город и организовать сопротивление вне его стен. Император отказался со словами: «Для

меня невозможно уйти прочь: как могу я покинуть церкви нашего Господа и его слуг — священников, и трон, и мой народ в столь трудном положении?.. Я умоляю вас, мои друзья, в будущем не говорить мне ничего другого, кроме: «Нет, Господин, не оставляйте нас. Никогда я не покину вас». Он предпочел «последовать примеру Доброго Пастыря, который положит свою жизнь за овцы своя».

После почти семи недель осады с применением наиболее современных из имевшихся вооружений ни один турецкий солдат еще не ступил ногой в пределы города. Попытки заминировать стены и перекинуть мосты через ров окончились неудачей. Операции в Золотом Роге не принесли решающего успеха. В такой критический момент великий визирь Халил, который с самого начала не поддерживал идею осады, стал убеждать султана сделать грекам последнее предложение относительно мира. Через эмиссара он предложил императору выбор между выплатой крупной ежегодной дани и уходом из города со свободной эвакуацией для его жителей вместе со всем их имуществом и королевство в Пелопоннесе для самого императора. Император отверг оба предложения. Реакция султана была крайне категоричной: теперь у греков нет иного выбора, кроме сдачи в плен, смерти от меча или обращения в ислам.

Он объявил о своих заключительных планах общего штурма стен Константинополя, который был назначен на вторник, 29 мая. В воскресный день накануне султан объехал всю свою армию, сопровождаемый глашатаями, доводившими до всеобщего сведения, что, согласно обычаю ислама, солдатам будут даны три дня на разграбление города, богатства которого будут честно поделены между всеми воинами. Первые, кто войдет на стены города, будут награждены поместьями и высокими постами в администрации. Для самого султана остаются здания Константинополя. Защитники города уже слышали радостные возгласы вражеских войск, доносившиеся из-за стен, и их крик: «Нет Бога, кроме Бога, и Мухаммед пророк его». Всю ночь турки засыпали крепостные рвы и подносили оружие под звуки дудок и труб и свет ракет и факелов, настолько яркий, что поначалу можно было бы предположить со стороны затемненного города, что лагерь турок весь объят огнем. Предчувствуя, что их ждет, греки могли только преклонять колени и молиться.

Весь следующий день у городских стен царил всеобщая и зловещая тишина, поскольку турецкие войска отдыхали перед предстоящим штурмом. В городе тишину нарушали звон церковных колоколов и звуки гонгов: горожане шли с молитвами по улицам города и вдоль стен, неся иконы и другие священные реликвии. Султан после последней проверки готовности к бою армии пригласил министров и командующих войсками в свой шатер. На протяжении веков, напомнил он им, захват столицы христиан был священной

обязанностью правоверного мусульманина. Завтра он пошлет своих людей волна за волной атаковать город до тех пор, пока его защитники не сдадутся. Султан призвал своих офицеров проявить мужество и соблюдать строжайшую дисциплину.

Император, обращаясь к ответственному за оборону города, сказал, что христианин-мужчина всегда должен быть готов умереть за свою веру, свою страну, свою семью и своего монарха. Сейчас каждый должен быть готов умереть за все эти ценности сразу. Император говорил о славе и традициях великой столицы империи, о вероломстве ишверца-султана, который стремится разрушить истинную христианскую веру, заменив ее «неверной» мусульманской. Пусть его соратники будут достойны своих предков, древних героев Греции и Рима. Пусть будут храбрыми и непоколебимыми. С Божьей помощью они победят. Такой, по словам Гиббона, была «погребальная речь по Римской империи».

Наступление султана началось в предрассветные часы утра 29 мая 1453 года с внезапного адского взрыва звуков: пронзительных боевых кличей среди рокота пупiek, звона цимбал, рева труб, стenanий флейт, доносившихся с одного конца стены до другого. Все эти наварские звуки смешались со звоном церковных колоколов, поскольку часовые подали сигнал тревоги и колокольши зазвонили по всему городу, чтобы все знали, что сражение началось. Воины бросались к своим постам, женщины поспешили им вслед, чтобы подносить камни и бревна для заделки стен, тогда как старики, забрав с собой детей, толпами уходили из своих домов в церкви, чтобы исповедоваться и обратиться к Богу с последней мольбой о спасении города. Прихожане, не сомкнув глаз, молились до рассвета.

Атака султана на городские стены шла между тем тремя последовательными волнами. Первую образовало многоязычное нерегулярное войско, башибузуки, подготовленное вперед ударами плетей и железных прутьев шедшей за ним шеренгой военной полиции. Выставленные против лучше вооруженных и обученных, чем они сами, войск, башибузуки, тем не менее, сражались почти два часа, а затем, по приказу Мехмеда, отошли назад, выполнив свою задачу: в начале сражения как можно больше измотать противника.

Затем последовала атака хорошо вооруженных и высокодисциплинированных полков анатолийских войск. Вновь колокола церквей пробили тревогу, но на этот раз их звуки потонули в реве выстрелов пупики-монстра и другой тяжелой артиллерии, начавшей разрушать стены, в то время как пехота бросилась на частокол, позвешенный под руководством Джустиниани из деревянных брусьев и бочек с ясмасей в том месте, где в стенах образовался пролом в результате предыдущей бомбардировки. Карабкаясь по цепям друг друга наверх, чтобы закрепить приставные лестницы и затем уже

прокладывать путь по верху, турки были встречены защитниками города градом камней, а затем втянуты в рукопашный бой. Число атакующих было слишком велико для столь узкого фронта, и они несли большие потери. Но за час до рассвета точным попаданием ядра из огромной пушки Урбана был разрушен значительный участок укреплений. Отряд турок в триста человек стремительно бросился в пролом, крича, что город в их руках. Однако подразделение греков, ведомое лично императором, окружило турок, убив многих и заставив отступить в ров остальных.

Султан, который также лично поддерживал своих солдат в атаке, был возмущен этой неудачей. Тем не менее согласно плану наступило время ввести в бой янычар, находившихся в резерве для нанесения главного удара. Без малейшего промедления они двинулись к укреплениям ускоренным шагом, подбадриваемые военной музыкой и строго соблюдая строй под градом летевших им навстречу со стороны обороняющихся снарядов. Мехмед сам вел их вперед до крепостного рва и все время останавливался, выкрикивая слова воодушевления, тогда как один ряд янычар сменял другой. После продолжавшейся целый час рукопашной войны не смогли продвинуться сколько-нибудь существенно вперед. Христиане, бывшие уже на протяжении четырех часов почти без передышки, продолжали отчаянно сражаться.

А затем на защитников города обрушились две роковые неудачи. Во-первых, после вылазки против фланга турок по оплошности остался незакрытым подземный выход из крепости под башней Керкорта в северном углу крепостных стен, и прежде чем его смогли закрыть, отряд турок прорвался внутрь и начал взбираться на надвратную башню. С ними можно было бы справиться, если бы не второе несчастье. Джустиниан был тяжело ранен выстрелом в упор, пробившим его нагрудный панцирь. Страдая от сильнейшей боли, он умолял унести его с поля битвы. Напрасно пытался император уговорить его: «Не бросай меня в момент опасности. Только от тебя зависит спасение этого города». Были открыты внутренние ворота, и люди Джустиниана понесли его по улицам города к Золотому Рогу, где погрузили на галуэзское судно. Увидев, что Джустиниан ранен и больше не принимает участия в сражении, многие галуэзцы также последовали за ним, поспешно придя к выводу, что сражение проиграно.

Водарились паника и смятение. Стремясь быстро воспользоваться возникшим преимуществом, султан закричал: «Город наш!» — и отдал приказ янычарам провести последнюю атаку на ворота святого Романа. Ее возглавил анатолийский гигант Хасан, оружием прокладывая себе путь, по которому шли другие, к вершине частокола. Поверженный на колени, Хасан был убит защитниками города.

месте с половиной его товарищей. Но оставшиеся в живых держали свои позиции и вскоре были поддержаны другими янычарами, оттеснившими греков и начавшими обстреливать и бить их сверху. Многим янычарам удалось достичь внутренней стены и подняться на нее, не встречая сопротивления. В то же самое время над башней Керкурта взвились турецкие флаги и разнесся общий крик: «Город взят!»

Император между тем галопом мчался к потайным воротам. Но здесь замешательство достигло такого уровня, что было слишком поздно закрывать их, и турки, которым противостояло лишь небольшое число гепуэзцев, рвались через ворота потоком. Константин повернул коня назад, чтобы присоединиться к главной схватке у ворот святого Романа, где турки теперь также шли потоком через брешь в частокале. После последней попытки воодушевить греков император увидел, что бой проигран. Воскликнув: «Город взят, а я все еще жив», — он спешился, сорвал с себя знаки отличия и бросился в отчаянный рукопашный бой с подходившими янычарами, после которого никто никогда больше не видел его. «Благодарное описание Константина, — как описывает эти мгновения Гиббон, — лирическое прочь императорский пурпур; посреди суматохи боя он был зарублен неизвестной рукой, и тело его было погребено под горой убитых».

После организованного входа войск через ворота армия завоевательная сама смяла собственные ряды, и солдаты толпами бросились по улицам города в безумии убийств и грабежей, разрешенных им на обычном, грабя церкви, женские и мужские монастыри, опустошая дворцы и дома, унося с собой не только их содержимое, но и собирая их обитателей. Тысячами бежали греки к громадной церкви святой Софии. «И всего за час, — пишет историк Михаил Дука, — все огромное помещение храма было заполнено мужчинами и женщинами... бесчисленным множеством. И, закрыв вход, они стояли там, лихорадочно надеясь на то, что явится ангел и спасет их. Затем, поражая все на своем пути, убивая и беря в плен, турки пришли к церкви, когда еще не кончился первый час дня. И когда они обнаружили, что двери закрыты, они стали рубить их топорами, без каких угрызений совести».

В то время как священники все еще продолжали читать молитвы у алтаря, большинство молящихся были связаны друг с другом вместо веревок сорванными с женщин платьями и шарфами и их толпами погнали по улицам к бивуакам, где солдаты свиреповали друг с другом из-за обладания девишками и молодыми женщинами.

Султан Мехмед отложил свой триумфальный въезд в город, который он покорил, до вечера того же дня. Затем, эскортируемый

своими телохранителями из яньчар, в сопровождении своих министров он медленно проехал верхом по улицам города, прямо к церкви святой Софии. Спешившись у дверей церкви, он нагнулся и по восточному обычаю, подняв пригоршню земли, посыпал ею свою голову как акт покорности своему богу. Войдя в церковь, султан прошел к алтарю. И тут он заметил турецкого солдата, пытающегося вырубить кусок мраморного пола. Султан повернулся к нему и спросил, почему тот разрушает пол. «Во имя веры», — ответил солдат. Тогда султан ударил его своим мечом, говоря: «Для тебя достаточно богатств и пленников. Здания города переходят ко мне». Турка выволокли за ноги и вышвырнули вовн.

После того как султан объявил свободными нескольких греков, все еще таившихся по углам церкви, и разрешил без помех уйти священникам, Мехмед отдал распоряжение, чтобы церковь была переделана в мечеть. Мусульманский святой забрался на кафедру и произнес молитву. Затем султан сам взобрал по ступенькам алтаря и почтительно поклонился Аллаху, который принес ему победу. Когда он вышел из церкви, на улицах царил тишина.

Дисциплина в армии была восстановлена; однодневный грабеж оказался достаточным вознаграждением для солдат. Султан проехал верхом через площадь к сильно разрушенному императорскому дворцу, где он вспомнил строки персидского поэта: «Паук плетет свою паутину во дворце цесарей; сова окликает стражу на башнях Афрасиаба».

Падение Константинополя поразило западный христианский мир знамением роковой предопределенности. Сетования по поводу случившегося особенно громко раздавались в тех странах, которые ничего не сделали, чтобы спасти город. Даже предпринятая последний момент попытка помочь закончилась неудачей. Направленная к городу эскадра галер не смогла продвинуться дальше берегов Эгейского моря. С большим опозданием христиане осознали теперь все значение потери этого последнего бастиона, за которым Запад, столь долго укрывался и ссорился из-за пустяков в своем ложном ощущении безопасности. Но теперь действительно случилась беда, угрожавшая всей западной цивилизации. Таковы были настроения порожденные падением города. В основе своей они были психологическими. В действительности христианский мир Запада утратил Константинополь еще век тому назад; и в любом случае в этот последний момент вряд ли что-то могло надолго отсрочить его падение. Но шок от случившегося для народов Запада был очень сильным. Занятые своими местными заботами, они не смогли предусмотреть эту трагическую возможность, оставаясь слепыми в отношении реальности. Оккупация турками основной части Юго-Восточной Европы изолировала столицу в географическом, политическом, экономическом, военном и в действительности в культурном смысле, превращая Константинополь из оплота в простой аванпост Запада, в христианский остров посреди исламского океана.

Дата падения Константинополя — 29 мая 1453 года — сохранилась среди мифов истории как поворотный пункт между средними веками и современностью. Это справедливо только в символическом смысле. В буквальном же понимании падение Константинополя было лишь одним среди многих факторов переходного характера в процессе постепенных изменений. Эта фактическая дата лишь означала конец Византийской империи и день смерти ее последнего императора. Между тем задолго до этого, на протяжении 150 лет, вакуум постепенно заполнялся новой империей, эволюционировавшей, благодаря сражавшимся на ее передовых рубежах

вонтелим-гази, из османского племенного государства. Призванная господствовать над обширными территориями в последующие 450 лет, Османская империя отныне командовала ключевым пунктом между континентами Европы и Азии.

С момента своего восшествия на престол Мехмед II видел себя в качестве наследника классической Римской империи и ее христианского преемника. Теперь завоевание Константинополя только утвердило его в этой роли. Перед ним была Византия, которую нужно было возродить в новом облике. В процессе обучения и опыта управления предшествующих времен Мехмед постепенно превратился в молодого человека с далеко идущими планами относительно дальнейшего строительства империи. Хорошо знающий историю, сверхуверенный в своей способности достичь и удержать в руках абсолютную власть, Мехмед стремился соперничать и даже превзойти в качестве мирового завоевателя достижения Александра Великого и римских императоров. Как уверял Мехмеда критский историк Георгий Трапезундский, позже вызванный ко двору султана: «Никто не сомневается, что вы являетесь императором римлян. Тот, кто законно владеет столицей империи, тот и есть император, а Константинополь есть столица Римской империи». Он одновременно был Кайсар-и-Рум, Римским Императором, наследовавшим Августу и Константину, и Падишахом, что по-персидски означает «тень Бога на земле».

С точки зрения собственно турецких традиций, Мехмед унаследовал всю верховную власть, являющуюся всегдашней мечтой ислама о мировом господстве, отрицающую право Запада на то, чтобы стать «сувереном двух земель и двух морей» — Румелии и Анатолии, Средиземного и Черного морей. С захватом Константинополя султан добился успеха там, где прежде халифы терпели неудачу. Глубокоуважаемый как величайший мусульманский властитель со времен первых четырех халифов, Мехмед выполнил священную миссию как наследник династии, которую он соединил с династиями великого исламского прошлого. Определив себя в качестве хана, гази и кесаря в одном лице — универсальным властелином, персонифицирующим турецкие, исламские и византийские традиции, Мехмед должен превратить город в центр одного моря и одной империи.

Его самому себе поставленной задачей было не разрушать Византийскую империю. Но он мог привести ее к новой жизни по новому, исламскому образцу, одновременно восстанавливая и перестраивая объекты имперской славы столицы, которая теперь должна была быть названа Стамбул. Это название должно было отражать, по словам Пауля Виттека, «истинный образ того, что должно было стать фундаментальной чертой данного государства: соединение вме-

местных культурных традиций старой византийской ориентации, пусть даже и с восточными влияниями, с традициями Старого Цезаря».

Это должна была быть империя под управлением ислама, секулярная и религиозная одновременно. Но одновременно это должна была быть и империя-космополит, подобная византийской, включающая в себя все народы и все вероисповедания, живущие вместе в порядке и гармонии. С гибелью последнего императора Церковь и Государство больше не составляли единого целого как раньше. Христианская церковь была отныне подчинена исламскому государству и была обязана платить дань. Но в обмен на это ее община по-прежнему пользовалась свободой вероисповедания и сохраняла свои собственные обряды и обычаи.

Такова была разработанная и введенная во всех мусульманских владениях система гарантий статуса религиозных меньшинств. Они были райя, буквально «пахоты», организованные в миллеты, или «земельчества», самоуправляемые общины, имеющие свои собственные законы и обычаи во главе с религиозным наставником, ответственным перед центральной властью за управление и нормальную жизнь его людей. Прецеденты для подобной системы в форме разнообразных патриархий восточных христиан были знакомы и по опыту бывших империй Арабского халифата и, по сути, по опыту самой Османской империи, где патриарх православной церкви в Константинополе длительное время нес ответственность за общины — будь то в Азии или в Европе, — жившие под управлением мусульман. Теперь это надлежало применить ко всем христианским общинам бывшей Византийской империи. В качестве покоренного народа они больше не имели привилегии подданных первого класса или права пользоваться максимальными политическими свободами. Но в пределах каждого такого ограничения их возможности сохранились практически нетронутыми и, по сути дела, в условиях усиления коммерческой деятельности стали даже значительно более высокими. В этих условиях Мехмед потребовал, чтобы бок о бок с улемами, представлявшими исламскую духовную власть, в стенах Стамбула находились резиденции патриарха греческой православной церкви, патриарха армян и главного раввина иудеев.

Султан был достаточно лояльным человеком в отношении живших в городе греков, которые представляли собой его самую богатую, самую богатую и наиболее культурную немусульманскую общину. Он прекрасно понимал, что побежденные могут быть благом для его империи, т.к. у греков были хорошо развиты промышленность, коммерция и морское дело, которых не хватало туркам. Более того, он с уважением относился к накопленным греками знаниям. В процессе образования Мехмед основательно занимался изучением

греческой истории. Возможно даже, как уже было сказано выше, что в его венах текла греческая кровь по материнской линии. Также он проявлял особое уважение и заботу о своей мачехе, вдове Мурада, наполовину сербке, наполовину гречанке, госпоже Маре, которую рассматривали после смерти ее мужа в качестве возможной невесты императора Константина.

Поэтому Мехмеду не нужно было напрасно тратить время при назначении нового патриарха греческой церкви. Последний обладатель патриаршего трона бежал в 1451 году в Италию и, таким образом, считался отрекшимся. Выбор султана пал на монаха Геннадия, иначе Георгия Схолария, ученого с достаточно известным именем. Геннадий возглавлял оппозицию греков союзу между греческой и римской церквями: монах Геннадий и его сподвижники, конечно же, не могли простить западным христианам того, что те не оказали помощи при защите Константинополя. Когда Мехмед остановил свой выбор на Геннадии, он не знал что во время захвата города монах был взят из его монашеской кельи в качестве пленника и его приобрел в качестве раба богатый турок, на которого произвела впечатление его ученость. Выкупленный у своего покупателя, монах Геннадий был доставлен пред очи Завоевателя, который отнесся к нему с большим почтением, убедил принять патриарший престол, а также обсудил с ним условия устава, по которому надлежало жить общине православных христиан. Согласно уставу грекам предоставлялись такие гарантии, которые давали им относительно свободно вести их собственные дела, как религиозные, так и гражданские, без вмешательства и без угрозы преследования. Назначение Геннадия патриархом было узаконено Священным Синодом по рекомендации султана.

В январе 1454 года Геннадий был введен в сан патриарха греческой церкви под покровительством султана, взявшего на себя функции византийских императоров и выполнившего большую часть из их традиционного церемониала. Султан лично преподнес Геннадию атрибуты, отличающие его сан, — мантию, пасторские принадлежности и новый позолоченный нагрудный крест из серебра взамен исчезнувшего старого. Затем Мехмед благословил Геннадия словами: «Будь патриархом со счастливой судьбой и будь уверен в нашей дружбе, сохраняя все привилегии, которые имели все патриархи до тебя». Патриарх Геннадий получил полную власть над миллетом Рума, Восточно-Римской (Византийской) общиной и церемониальный ранг: наши с тремя бунчуками, сохраняя свой собственный гражданский суд и свою собственную тюрьму в греческом квартале Фанар. Последующая церемония его посвящения в сан была проведена, поскольку церковь святой Софии была превращена в мечеть, в церкви святых Апостолов, защищенной специально по приказу Мехмеда от разру-

шения с целью использовать ее как церковь патриарха. После получения от султана щедрого дара в виде золота новый патриарх во главе процессии объехал город на великолепном белом коне, также подарке султана, а затем занял свою резиденцию в церкви святых Апостолов.

Церковь святых Апостолов была одной из нескольких христианских церквей, в которой даже после завоевания продолжались христианские богослужения, в то время как другие храмы были превращены в мечети. Между тем в качестве мечети церковь святой Софии сохранила свое название: в исламской форме как большая мечеть Айя София, но крест, венчающий ее купол, был заменен полумесяцем — традиционной эмблемой турок, восходящей к их ранней истории, к которой позднее была присоединена звезда. Завоеватель с самого начала относился к храму святой Софии, к которой он пристроил минарет, с почтением, сохранив ее фигурную мозаику наперекор запрету ислама на любое изображение человека в искусстве.

Таким лояльным отношением Мехмед хотел заставить нового патриарха смотреть на султана как на благодетеля и защитника греческо-православной церкви. Полученная власть и престиж нынешнего патриарха были большими, чем у любого из его предшественников времен поздней Византии, придавая ему почти что статус «папы греческого» и вполне оправдывая дозвонги, ходившие в то время, такие, как «Лучшие турки, чем латиняне!». Мехмед установил с Геннадием тесные отношения, ведя с ним дружеские беседы на богословские темы, а также постоянно проявляя стремление пополнить знания, подчеркивая свой интерес к христианской религии. По просьбе султана Геннадий написал изложение истории православной веры, которое было переведено на турецкий язык.

Это породило в религиозных кругах Запада надежды на то, что султан может оказаться потенциальным новообращенцем в христианство. После падения Константинополя известный итальянский грекофил Франческо Филельфо написал Завоевателю письмо, в котором умолял освободить его тещу, итальянку, вдову греческого философа, плененную при нападении на город. Он адресовал ему самые изысканные комплименты и выражал свое пылкое желание, чтобы тот перешел в христианскую веру. Утверждают, что папа Николай V молился за обращение в христианскую веру султана после соответствующего обучения, имея в виду обмен письмами, в которых Мехмед намекал на такую возможность.

Позже папа Пий II, опасавшийся, как бы султан не стал приверженцем православного учения, написал ему, подробно излагая вышнюю мудрость и правду католических догм, и предложил крещение, благодаря чему султан под покровительством папы мог бы

стать величайшим из христианских государей. В самом Константинополе греческий философ, Георгий Амирутич, подготовил для султана исследование, указывающее на общие корни ислама и христианства, предлагая объединиться в одну религию, или по крайней мере чтобы каждая признала другую как родственную, подобно сестрам.

Все эти попытки, конечно же, не могли повлиять на султана, рассматривавшего себя лишь в качестве посланника Аллаха и наследника халифов, обвенчанного с Исламом. Тем не менее Мехмед обеспечил полнокровное выживание православной христианской цивилизации. Он всегда оставался терпимым к христианам и продолжал так же, как и его отец, рекрутировать новобранцев из христиан демонстрируя предпочтение, отдаваемое тем, кто разделял его отчаявшееся пиротой взглядов мировоззрение.

Сколько терпимым он был в религиозных делах, настолько же хладнокровным мог быть Завоеватель в политических и личных ситуациях. Он был абсолютно беспощадным на поле битвы. После завоевания города султан освободил из-под стражи нескольких бывших министров императора, включая мегадукса Луку Нотару — министра, по слухам, якобы сказавшего в момент отчаяния по поводу переговоров о союзе держав, что он скорее увидел бы в Константинополе тюбан, чем митру кардинала. Вначале султан обращался к ним с уважением и даже предполагал сделать его губернатором города. Однако он этого не сделал, предупрежденный своими советниками. Чтобы проверить его, однажды вечером на банкете Мехмед, порядком разогретый вином (что было его частой привычкой) и известный своим амбивалентными сексуальными вкусами послал в дом Нотары евнуха с требованием прислать его миловидного четырнадцатилетнего сына для развлечения султана. Когда министр отказался, султан немедленно приказал отрубить Нотаре голову, заодно и его сыну и зятю, и их три головы, как рассказывают, были помещены на башкетном столе перед султаном. Нотара попросил, чтобы сначала головы отрубили двум юношам, чтобы вид его собственной экзекуции не лишил их мужества умереть как подобает христианин. После этого аналогичным образом были казнены другие знатные греки, — султан хладнокровно решил, что будет лучше всего, если главные чиновники бывшего императора исчезнут.

Крытый рынок Стамбула, сооружение которого было начато Мехмедом II вскоре после захвата города и который был значительно расширен в последующие десятилетия. Этот рисунок Эллама предлагает вид на одну из центральных «авеню» рынков его лавками и магазинами по обе стороны улицы.

Эллах и Уолш. «Константинополь».

Нотара между тем успел намекнуть султану на соучастие вместе с греками в получении взятки великого визиря Хаалил-паши, которого Мехмед действительно давно подозревал в вероломстве. Хаалил был немедленно арестован, лишен всех своих постов, а затем переведен в Адрианополь. Как говорят, здесь же однажды султан увидел лису, привязанную у дверей его дворца, и с иронией сказал животному: «Бедный гаунец, почему ты не попросишь Хаалила предоставить тебе свободу». Хаалил, услышав об этом и опасаясь за свою судьбу, немедленно объявил о своем намерении совершить паломничество в Мекку. Но, успокоенный султаном, он остался. А вскоре после этого был обезглавлен. Мехмед таким образом оплатил старый долг, который мучил его со времен его детства, освободив себя от врага, к которому он столь долго испытывал ненависть.

Хаалил был четвертым по счету представителем рода Чандарлы, служившим при дворе султана в качестве великого визиря. Мехмед уволил других министров старого режима, которые служили еще его отцу. Впредь он окружал себя только теми советниками, которые были выходцами из растущего правящего класса вероотступников — христиан, обращенных в ислам. Эти карьеры непосредственно зависели от расположения султана и на кого он мог, таким образом, рассчитывать в смысле выполнения любых его планов. Новым визирем Мехмеда стал его полководец Заганос-паша, албанец по происхождению.

Наиболее остро стоявшей задачей Завоевателя был возврат к нормальной жизни Стамбула, города, которому самой судьбой предназначалось стать крупнейшей столицей мира. В частности, эта задача включала репопуляцию города. Поскольку в условиях вынужденной изоляции значение города упало, его население сократилось до тридцати—пятидесяти тысяч обитателей. Многие районы города оказались безлюдными. Уже пришедший в значительный упадок город ныне являл собой в результате захвата картину разрушения и запустения с его дворцами и другими ценными зданиями, лежащими в руинах. Теперь же улицы немедленно начали расчищаться от обломков, стены восстанавливались. Всем, кто покинул город, в большинстве своем православным христианам, было предложено вернуться с обещаниями защиты в отношении их собственности и религии, с обещаниями помощи со стороны правительства в перестройке их домов и лавок. Захваченные турецкими войсками в плен были освобождены, расселены в районе Фалар и на время освобождены от налогов. Губернаторы провинций и в Румелии, и в Анатолии были обязаны послать в Стамбул четыре тысячи семей, либо христианских, либо мусульманских, чтобы занять пустующие дома. Около тридцати тысяч евреев, захваченных во время военных кампаний, были доставле-

ны для расселения на землях брошенных деревень вокруг Стамбула, чтобы снабжать город продовольствием. По распоряжению султана состоятельные люди, торговцы и ремесленники и числа жителей захваченных городов были переведены в Стамбул, чтобы помочь торговому и промышленному развитию. Они включали иммигрантов из Салоник с их большой сирейской общиной и немалое число евреев из Европы. В течение двадцати пяти лет евреи превратились в третью по численности, крупнейшую группу населения столицы после мусульман и христиан. На следующей стадии его завоеваний в город прибыли пять тысяч семей из Трапезунда и его окрестностей помимо прибывших из Анатолии и из Морен, а также с Эгейских островов, с последующим размещением прибывших в кварталах города, которым они давали названия мест своего происхождения, подобно Аксарая и Караману. Помимо знатных семей переселенцы включали владельцев лавок и растущее число ремесленников и строителей. С течением времени греки начали иммигрировать по своей доброй воле, желая заработать, подобно армянам и евреям, на растущем благосостоянии города. Тем временем на другом берегу Золотого Рога оборонительные сооружения были снесены и вместе с портом Галата восстановлено предместье Пера, чтобы стать, как и раньше, турецким городком, в числе обитателей которого были генуэзцы и другие жители латинского происхождения. «Как интересен, — писал турецкий писатель вскоре после завоевания, — этот город Стамбул; за одну медную монету вас могут пересвезти на лодке из Румелии во Франкистан». Задолго до конца правления Завоевателя Стамбул вновь стал процветающим городом мастерских и базаров, отличающимся промышленной активностью и смешанным населением, в три или четыре раза большим, чем оно было до завоевания. Всего за один век население города достигло полумиллиона человек, из которых лишь немногим более 50 процентов составляли турки.

Мехмед был особенно неутомим в своем содействии развитию экономики. С этой целью он старался развить традиционный исламский институт имарета, который был уже известен в прежних столицах — Бурсе и Адрианополе и который теперь способствовал росту Стамбула. В реальности это был комбинированный институт религиозного, культурного и коммерческого характера, поддерживаемый государством или же, если это осуществлялось через индивидуальных пожертвователей, всегда имеющий гарантию и контролируемый государством. Вакф включал комплекс общественных зданий, группировавшихся вокруг мечети, с медресе (центром религиозного образования), больницей и постоялым двором для путников. Доходы от гостиницы, рынка, караван-сарая, мельниц, бань, красилен, складского и суповых кухонь дополняли религиозные пожертвования.

В качестве одного из постоянных источников дохода Айя София, первой великой мечети Стамбула, Мехмед Завоеватель распорядился построить бедестан, большой крытый базар, или рынок, с несколькими рядами лавок и кладовых наряду с тысячей лавок на улицах. Фактически это был торговый и деловой центр, в котором товар купцов находился в полной безопасности и где народ мог собираться ради ведения дел. Когда Мехмед выстроил свою собственную большую мечеть, вокруг нее разместились восемь медресе, в которых каждый день занимались шестьсот студентов, школа для детей, библиотека, две гостиницы для приезжих, столовая, кухни, где кормили бедняков, а также больница, в которой бесплатно лечили офтальмолог, хирург и фармацевты, а также работали повара, готовившие по указаниям врача. Здесь располагался центр бесплатного обучения и медицинской помощи средневекового благотворительного исламского государства.

Султан Мехмед требовал от ведущих деятелей своей империи издавать имареты в других частях города, где они служили бы центрами новых жилых кварталов. Такие комплексы зданий, обращенные на общественное благо, стали возникать вдоль караванных путей, способствуя их расширению по всей стране по мере роста торговли. В результате Стамбул сначала дополнил, а затем и превзошел Бурсу и Адрианополь в качестве крупнейшего коммерческого центра империи, заняв господствующее положение на торговых путях, проходивших через Черное море, Средиземноморье и азиатский континент.

Другим традиционным институтом исламской экономической жизни, который Мехмед всячески поддерживал, был институт цехов ремесленников — профессиональных организаций, или союзов, к которым принадлежала значительная часть населения. Зародившись еще в эпоху греко-римского мира, эти союзы были характерны для средневековой Европы, а при исламе обрели свой особый характер, приняв в себе черты религиозных и социальных братств. Такие союзы играли под руководством ахи важную роль в раннем османском сообществе пограничного типа, когда еще не существовало сильной централизованной власти, и они обеспечивали политическую защиту мастеров-ремесленников и работников. Цеха были разделены по видам деятельности. Каждый цех находился под руководством мастера, которого ремесленники избирали для решения всех задач и поддержки своих интересов перед правительством. Хотя цеха были, по крайней мере теоретически, независимы от государственного контроля, они по закону несли перед государством ответственность за соблюдение тех коммерческих правил, которые касались системы мер и весов, стоимости труда, прибыли, качества товара, недопущения мошенничества и спекуляции. Уважая традиционную структуру цехов

в качестве источника порядка и стабильности, государство не вмешивалось в их внутренние дела, осуществляя только защиту интересов казны.

Это соперничество цеховой системы наряду с ростом урбанизации и увеличением возможностей рынка отражало новую стадию экономического развития Османской империи. Она приняла форму значительного расширения торговли с Западом, ставшей в последние десятилетия XV века кардинальным элементом в отношениях империи с европейскими державами. Теперь, когда Византия больше не существовало и любая угроза Востоку со стороны крестоносцев стала достоянием истории, Османская империя явила себя во всем своем совершенстве в качестве основного центра торговли, служащего жизненно важным торговым звеном между Азией и Европой, создающего более широкое поле для экономического обмена, что затрагивало также и общественные и культурные отношения между многими странами. В то время как Византия была подвержена экономическому влиянию Венеции, Османская империя с ее процветающим многонациональным сообществом торговала одинаково со всеми державами на основе четко установленных таможенных тарифов. Ее купцы с течением времени проникали из Восточной в Центральную и добрались до Северной Европы, основывая собственные торговые центры в ключевых городах и развивая свою собственную кредитную систему, поскольку они обменивали сельскохозяйственные продукты и изделия Востока на оружие, минералы и другое сырье Запада.

Развившись из ряда осевших на земле сообществ кочевников и исламскую империю с базовой структурой традиционного восточного государства, она управлялась с помощью проверенных временем экономических институтов и принципов. Там, где функцией всех классов общества и всех источников его богатства было сохранение власти правителя, население делилось на два главных класса. Один из них представлял власть султана — чиновники, армия, служители культа; другой состоял из райя — земледельцев и ремесленников, которые единственно и были производителями и одни только и платили налоги. Их методы производства и прибыль строго контролировались государством в интересах общественного и политического порядка. Такой государственный порядок обеспечивался посредством жесткого регламента, согласно которому человек должен был оставаться только в своем собственном классе.

Но теперь в обществе появился третий класс — класс торговцев, значение которого постоянно росло. Этот класс был свободен от жестких юридических и социальных ограничений и, торговцы, их составляющие, вполне могли стать со временем капиталистами. Это были крупные бизнесмены, исключая более мелких торговцев и

ремесленников, извлекающих свои прибыли из торговли между провинциями и из продажи товаров, ввозимых извне. Забота правительства о коммерции в этот период нашла свое отражение в отрывке «Османского зеркала для принцев» Синан-паши: «Взира́й с пожелательностью на своих земляков-торговцев, всегда заботься о них; никому не позволяй помыкать ими, ибо благодаря их торговле страна становится процветающей, а благодаря изделиям, которыми они торгуют, наступает дешёвизна; благодаря им великолесная слава страны доносится до окружающих стран, и ими прирастает богатство твоей страны».

Мехмед начал перестраивать и укреплять стены города. Он решил сделать город архитектурно столь же прекрасной столицей империи, какой прекрасным он всегда был в Византии — достойным отражением славы Османской империи, которая выросла из сельджуцкого султаната Рума. По его указу была возведена его собственная мечеть, ставшая известной народу как мечеть Фатиха, «Возновителя». Он воспользовался услугами греческого архитектора и выбрал для нового здания место и материалы, оставшиеся от церкви Святых Апостолов, которая была снесена, тогда как греческий патриарх перенес свою церковь в монастырь Паммакаристоса, в восточном квартале Фанар, на берегу Золотого Рога. Мехмед считался, что его мечеть с ее наружными приделами превосходила своими размерами Айю Софию. Построенная на противоположном, южном склоне холмистой гряды между Мраморным морем и Золотым Рогом, мечеть стала первой из новой серии огромных, пышных куполами мечетей, которые, по мере того как один вытеснял другой, придавали Стамбулу новые очертания. Первоначально вобравшие многие элементы византийского стиля святой церкви, они были призваны отразить, в исламской трактовке, величественную имперскую манеру нового поколения архитекторов, создавших мусульманскую метрополию, которая должна была превзойти христианскую.

Мехмед заложил также камень в основание мечети Эюба — пророка, который встретил свою смерть под стенами этого города и могила которого была обнаружена во время осады. Затем, поскольку дворцы императора лежали в руинах, более того, своими размерами не устраивали Мехмеда, он построил для себя дворец в центре гряды, расширив монастырь Паммакратора, в который он намеревался переехать из Адрианополя и который он сделал более уютным, проложив к нему несколько новых мощёных улиц. Мехмед лично уделял внимание этим, как и другим своим строительным работам, по большей части в зимние месяцы между ежегодными банциями, которые он должен был вести на протяжении остававшихся двадцати пяти лет своего правления.

Теперь военной задачей султана Мехмеда, после того как он захватил столицу в качестве базы, обезопасившей его фланг и тыл, стала консолидация его империи и расширение ее границ. Со стороны моря Мехмед имел хорошо укрепленную гавань со все более увеличивающимся флотом. На обоих берегах Дарданелла, между Сестосом и Абидосом, была возведена новая крепость, чтобы контролировать проливы со стороны юга, подобно тому, как Румели Хисар и Анадолу Хисар господствовали над ними с севера.

Султан лично возглавлял свои армии, командовал своими военачальниками, не созывая военных советов, не доверяя никому плану использования высокодисциплинированных армий, которые он каждый год собирал и из Азии, и из Европы. Спрощенный как-то одним из полководцев относительно цели его следующей кампании, он ответил, что если бы единый волос в его бороде знал о его намерениях, он вырвал бы его и бросил в огонь.

По наследству Мехмеду перешли враги его отца — Хуньяди — в Венгрии, деспот Георгий Бранкович — в Сербии, Скандербег — в Албании, венецианцы — в Греции и Эгейском море. Он по очереди методично выступил против каждого из них. В 1454—1455 годах, в следовавших непосредственно после завоевания Константинополя одна за другой войнах, его объектом была Сербия, буферное государство, из-за которого соперничали венгры и турки. Здесь он оккупировал большую часть княжества, которое его отец, Мурат, восстановил после битвы под Варной, овладел его ценными серебряными рудниками и более тесно привязал его к Османской империи. Но здесь все еще сохранялось препятствие на пути решительного продвижения османов в Венгрию — город Белград на Дунае.

Полный решимости захватить город, чего не удалось сделать отцу, Мехмед в 1456 году собрал хорошо вооруженную армию примерно в 150 тысяч человек и флотилию легких судов, которая поднималась вверх по Дунаю до Видина. На самом крупном судне доставлял тяжелую осадную артиллерию, более легкие орудия были отаныты в Софии, главным образом мастерами, привезенными с Запада. Прочие

вооружения, боеприпасы и продовольствие были доставлены сухопутным путем с помощью хорошо организованных перевозок на верблюдах и других выючных животных. Чтобы заблокировать город со стороны Дуная, Мехмед разместил высле по течению перед крепостью цепь из лодок, которая служила в качестве заграждения, протянутого поперек реки. С берегов реки его тяжелая артиллерия была под прицел западные стены крепости. Здесь в начале июня, когда начали созревать зерновые культуры, на макушке холма был перемещен султанский шатер, перед которым разместились укрепления янычар, ярусы которых тянулись вокруг и ниже шатра. Сверху взлетевший в себе после успешного захвата Константинополя, Мехмед не предвидел особых трудностей с Белградом.

В начале июля турецкая кавалерия razорила окрестности города и началась бомбардировка, продолжавшаяся две недели, которая причинила стенам крепости серьезный ущерб, но не нанесла заметных потерь обороняющимся. В это время снизу по течению Дуная неожиданно появилось соединение речных судов Хуньяди, а его кавалерия выстроилась рядами вдоль берегов, чтобы не допустить подхода подкреплений и отрезать туркам путь к отступлению. Двухчасовая битва неистовствовала пять часов, в ходе которой турки оказали яростное сопротивление и воды Дуная окрасились кровью. В конце концов венгры с их более легкими и маневренными судами прорвали цепь неуклюжих турецких кораблей с их неопытными экипажами, рассеяли их, потопили две галеры вместе с их экипажами и захватили четыре других со всем их вооружением. Обеспечившие суда турецкой флотилии, заваленные мертвыми и умирающими, попытались спастись бегством, но были сожжены по приказу султана, чтобы не допустить их попадания в руки врагов.

Победа венгров была полной. Теперь Хуньяди и пламенный знаменосец Капистрано ввели свои войска в цитадель, чтобы поднять и ободрить осажденный гарнизон. Бреша и пробоины в стенах были спешно заделаны, а орудия отремонтированы. Мехмед, опечаленный своим поражением на реке и вынужденный штурмовать цитадель, лично повел янычар в решающую ночную атаку на крепость. В конце концов они пробрались в нижнюю часть города, отдельные их группы пытались взобраться на стены, чтобы проникнуть внутрь цитадели. Хуньяди хитроумно увел свои войска со стен и приказал им спрятаться, в то время как янычары рассеялись по пустынным улицам в поисках пожилых. По заранее условленному сигналу боевые кличи венгров перекрыли их победные крики, и, прежде чем турки успели собраться вместе, они были окружены небольшими группами и по большей части истреблены.

Оставшиеся в живых бросались вниз из крепости только для того, чтобы встретиться с еще более неожиданной опасностью. Предыду-

щей ночью Хуньяди и Капистрано подготовили кучи вязанок хвороста с ветками, пропитанными серой. Утром эти вязанки были подожжены и сброшены вниз, вслед отступающему врагу. Пламя занялось со всех сторон. Бесчисленное количество турок оказалось в ловушке без малейшего шанса спастись и сгорело во рвах, которые вскоре были завалены горами обуглившихся и изуродованных тел. а пытавшиеся спастись бегством все равно попадали в огонь. Отряды крестоносцев решительно бросились прямо на позиции осадной артиллерии противника. Турки в беспорядке отступили перед ними, оставив орудия, и были отброшены вплоть до их третьей линии обороны, перед лагерем султана. Мехмед, доведенный до бешенства, бросился в гущу схватки, но, после того как он своим мечом снес голову одному крестоносцу, был ранен стрелой и был вынужден покинуть поле боя. Его янычары в замешательстве разбежались. Доведенный до отчаяния такими действиями янычар, султан проклял их командира Хасан-агу, который лично бросился в бой и был убит на глазах у своего господина. С наступлением сумерек султан подал сигнал к отступлению, которое превратилось в беспорядочное бегство, и большое количество орудий, боеприпасов и провiantа попало в руки противника в качестве трофеев.

Победа христиан вызвала в Европе повсеместное ликование. Но очень скоро после осады и Хуньяди и Капистрано умерли от чумы, которая опустошила Белград и его окрестности. Пятью месяцами позже, в канун Рождества, скончался проживший долгую жизнь Георгий Бранкович. Сама Сербия раскололась на протурецкие и провенгерские настроенные части и погрузилась в династические и религиозные распри. В результате после двух успешных для турок кампаний она подверглась вторжению Мехмеда и была присоединена к Османской империи, обеспечив туркам прочную базу для экспансии в северном направлении. Отныне она должна была оставаться в руках турок на протяжении последующих пяти веков.

Весь 1457 год Мехмед, оставшийся без вооружений во время бесславного отступления от Белграда, никаких военных действий не предпринимал. Все это время он предпочитал оставаться в своем дворце в Адрианополе, заново отстроенном на острове посреди реки Марица, поскольку его дворец в Стамбуле все еще строился. Здесь два его юных сына — Баязид из Амасии и Мустафа из Магнесии — были подвергнуты обрезанию, сопровождавшемуся торжественной церемонией и веселыми празднествами в присутствии ассамблеи иностранных послов и лиц из религиозных, судебных и литературных кругов, собранных со всех частей империи.

В следующем, 1458 году, Мехмед приступил к первой из своих кампаний по покорению Греции. Здесь, в разделенной на два деспотии Морее, находившейся под бесплодным правлением дв

оставшихся в живых представителей династии Палеологов — Димитрия и Фомы, — наняли убежище многие представители правящего класса Византии. Братья последнего императора, Константина, — они соответственно правили, но находились в ссоре друг с другом — из Патраса на западе и из Мистры на востоке, с обязательством платить султану дань. Долги по выплате дани постоянно росли. Воспользовавшись этим, перейдя Коринфский перешеек, султан и его армия прошли походом всю Западную Морю, встречая лишь незначительное сопротивление со стороны народа, который находился под столь призрачным правлением. Мехмед оккупировал и разграбил большую часть Западной Мореи, но отложил штурм основной крепости — самого Коринфа — до возвращения из похода на север. На этот раз султан предложил жителям капитуляцию без обращения в ислам. Встретившись с отказом, он осадил тройные стены крепости, стреляя из своей пушки мраморными ядрами, которые тесались тут же на месте, среди руин древнего классического города. После того как две первые стены были проломлены, гарнизон сдался, уступив место янычарам, а два Палеолога согласились на договор, по которому они уступали значительную часть бывшей деспотии Константина. Договор оставил за ними кое-какие остатки территории, но с прежним обязательством платить дань.

После этого султан посетил Афины, которые были захвачены турками двумя годами раньше у дюка Флоренции. Туркам Афины были известны как «город мудрости», и на Мехмеда, «мудрого и великого проэллинского монарха» остатки классической античности произвели большое впечатление. Он особенно восхищался Акрополем. Он великодушно обошелся с афинянами, подтвердив их гражданскую свободу и освобождение от налогов. Но особенно Мехмед восхитил афинян, когда вслед за крушением планов римско-католической церкви даровал привилегии православному клиру.

Братоубийственная вражда между двумя Палеологами вспыхнула с новой силой вскоре после отъезда султана, причем Димитрий поддерживал турок и договор с ними, а Фома нарушил договор и призвал на помощь войска римского папы. В 1460 году Мехмед еще раз отправился со своей армией в поход в Грецию. Димитрий сначала бежал от него, но в итоге сдал город Мистру и свою деспотию, за исключением Монемвазии, которая противостояла туркам с помощью папских войск. Затем Мехмед намеревался подавить войска деспота Фомы. Но тот вскоре бежал в изгнание на Запад, дав свой народ во власть турок.

Таким образом, османы установили свое господство над всем греческим полуостровом, за исключением нескольких прибрежных княжеств, которые могли снабжаться по морю и благодаря этому

оставались в руках венецианцев. Отныне там утвердился Паки Османикум, сменивший феодальные владения европейцев, причем с греческим народом обращались с достаточной долей терпимости — не перегружая чрезмерными налогами, не беря дань детьми, разрешая свободно торговать и выбирать свою собственную местную власть. С другой стороны, христианскому миру Запада хотелось видеть греков народом, угнетенным иноверцами и жаждущим освобождения руками латинян. С течением времени именно гуманистическая Греция сменила Константинополь и Святую Землю в качестве цели для энтузиастов европейских крестовых походов.

Преследуя цель возродить Византийскую империю под своим руководством, Мехмед II — как свидетельствуют турецкие исторические источники — стремился не оставлять в живых никого «из византийских греков, кого можно было бы назвать королем». Он избавился от Палеологов. Теперь наступила очередь Комнинов. Пришло время уничтожить империю Трапезунда. Великий Комнин, император Иоанн IV, уже фактически отказался от ее независимости, выплачивая султану значительную ежегодную дань. После смерти Иоанна его младший брат, император Давид, выбрал себе союзники против султана не только европейских врагов последнего — Венецию, Геную и папство, — но и его признанного врага в Азии, турецкого правителя Узун Хасана из орды Белого Барана. Мусульманин с христианской кровью, связанный с Комнинами брачным союзом, Узун Хасан создал в Восточной Анатолии мощную оппозицию османам, которая объединяла также местных турецких правителей Синопа и Карамана и христианских князей Грузии.

Когда Давид потребовал от султана снять дань, наложенную на его отца, он сделал это через послов Узун Хасана в Стамбуле, которые предъявляли султану и ряд других требований. Султан решил, что пришло время разрушить этот нечестивый альянс и в завершение разрешить все анатолийские вопросы исключительно в интересах османов. В 1461 году Мехмед организовал морскую и сухопутную военную экспедицию в Азию. Захватив сначала порт Амастрия, последний торговый пункт генуэзцев на Черном море, он путем переговоров забрал себе город Синоп. Затем отправился походом в земли Узун Хасана, который, не получив никакой поддержки от своих союзников из Карамана, отступил в восточном направлении. Его мать, принцесса Сара, христианка сирийского происхождения, прибыла к султану от его имени, нагруженная подарками, и согласилась на мирный договор, по которому Узун Хасан обязался не помогать Комнинам из Трапезунда. Но когда принцесса Сара попыталась убедить Мехмеда не подвергать себя лично опасностям, связанным с атакой города, он ответил: «Мать, в моей руке меч Ислама».

Идя походом со своими войсками, Мехмед совершил трудный переход через горный хребет Понтик, в то время как его флот осадил Трапезунд с моря, хотя и без особого успеха. После продолжавшегося восемнадцать дней похода авангард турецкой армии под командованием Махмуда-паши, великого визиря султана, появился перед стенами города.

Турки не привезли с собой осадной артиллерии, у них почти не было кавалерии, более того, путь, по которому снабжалась армия, был ненадежен. Но император Давид не был воинем. Брошенный своим наиболее мощным союзником, он не имел желания погибнуть среди развалин города и империи, как это сделал его более героический предшественник, император Константин. Предпочитая мир и сохранение жизни, Давид был вполне готов принять предложения, сделанные ему Махмудом через греческого сановника. Султан в свою очередь оказался восприимчивым к миролюбивым призывам принцессы Сары.

Развязкой стал мирный договор, по которому армия турок отступала в Трапезунд без каких-либо помех. Последний император со своей семьей и чиновниками двора вместе с их золотом и драгоценностями были с позволения султана доставлены специальным судном в Стамбул, тогда как Сара была вознаграждена за ее посредничество подарком в виде горки драгоценных камней. С падением города османы обманулись не столь лояльно. И мужчины и женщины были обращены в рабство и разделены между султаном и его сановниками, мальчики были зачислены в корпус янычар, а большое число семей было лишено собственности и депортировано в Стамбул для увеличения числа жителей.

Одним не менее дни Комнинов были сочтены. Не прошло и двух лет, как император Давид стал тайно плести интриги против турок с помощью Хасаном. Он был заключен султаном в его новую тюрьму — башенный замок, расположенный внутри городских стен, и здесь, только месяцев спустя, Давид и остальные члены рода Комнинов — его брат, его семеро сыновей и его племянник — были убиты. Более того, султан распорядился, чтобы их тела не валялись на земле, а были брошены на съедение бродячим псам и другим птицам.

Мехмед в ходе Трапезундской кампании включил в свою армию большую часть северного прибрежного района Малой Азии — важнейшие порты на Черном море. В последующей кампании, имевшей место после смерти в 1464 году Ибрагим-бей, которого эмира Карамана, он аннексировал путем завоевания почти Караман, воинственного соперника турок на протяжении почти 150 лет. Это должно было привести к абсолютному контролю над Киликией и азиатским побережьем Средиземного моря.

Обеспечив таким образом на какое-то время себе тылы на востоке, Мехмед вновь перенес свои военные притязания на запад. Здесь его целью было ничуть не меньшее, чем полнок, неслучайное господство турок над всем Балканским полуостровом. Чтобы достичь этого, Мехмед теперь должен был округлить свою территорию в различных оконечностях, подобно тому, как это было сделано на греческом полуострове, и консолидировать ее в качестве базы для дальнейших завоеваний в Западной Европе. К северу за Дунай лежала Валахия, которой правил уже упоминавшийся Влад Дракула, иначе Дракула, один из монстров мировой истории, жестокого которого напимого превосходят все достаточно известные примеры этого века и которые сделали его одним из дьяволов легенды.

При всем том султан был склонен оставить Дракулу в покое тех пор, пока его дань выплачивалась и тот сам не трогал своих турецких соседей. Но в 1461 году Дракул оформил союз против турок с королем Маттиашем Корвином, который наследовал Хуньяду в качестве правителя Венгрии. Мехмед направил посла, чтобы заманить Дракулу в Стамбул вместе с его долгами по дани контингентом валахов для османской армии. Командующему своим войсками на Дунае Мехмед направил инструкцию устроить засаду, взять Дракулу в плен по пути в Стамбул. Но на деле стороны поменялись ролями из-за стычки, в ходе которой личная гвардия Дракулы обратила турок в бегство, и по его приказанию и по его и командующий были посажены на колья, причем самый больший достался старшему по рангу. Затем Влад Дракул форсировал Дунай и вторгся в Болгарию во главе армии, с которой он опустошил территорию турок и подверг массовому избиению большинство населения.

В ответ на это султан, движимый жадной возмездия, повел Валахию большую армию. В ходе кампании турки наткнулись на «лес трупов», в котором гнили останки около двадцати тысяч бояр и турок, посаженных на колья и распятых на крестах, — мрачный пример массовых экзекуций, которые Дракул любил устраивать для собственного удовольствия и в назидание своим соседям. Армия султана, хотя и измотанная быстротечными схватками в условиях непривычной для нее мобильной партизанской войны, в конце концов одолела противника и вынудила Владу Дракулу бежать в Молдавию. В то время как командующий турок получил возможность положить к ногам своего суверена две тысячи отрубленных голов валахов, в качестве правителя Валахии Влад был заменен его братом Раду находившимся в Стамбуле на положении заложника, красота внешность которого разбудила фантазию султана и который поэтому выделен из числа других, чтобы служить в качестве одного из самых любимых пажей султана. При Раду Валахия с

иссальным государством, но она не рассматривалась как турецкая провинция.

Однако двумя годами позже фаворит султана был изгнан из страны соседним правителем Стефаном Молдавским, правителем княжества Хуньяди, который во главе бесстрашно действовавшей крестьянской армии дважды срывал попытки турок вновь вернуть фаворита султана к власти. В конце концов Стефан был разбит пашой Мехмедом с армией из отрядов татар, набранных в Крыму после захвата там генуэзской колонии черноморским флотом турок. Они были брошены на Молдавию с севера. Здесь, в дельте Дуная, возникла новая потенциальная угроза флангу Хуньяди со стороны турок. Но в данный момент Мехмед был вынужден, считаясь с венгерской угрозой, через Трансильванию уйти из Молдавии и оставить ее незанятой.

Тем временем, в 1463 году, Мехмед обратил свое внимание в северо-западном направлении — на Боснию, другое государство-соседа, которое граничило с Сербией и которое требовалось ему в качестве базы для новых агрессивных действий все дальше на запад. Босния находилась в уязвимом положении не только из-за династических распри, но и религиозного раскола. Некогда православная, Босния превратилась в римско-католическую страну с сильной поддержкой со стороны папы, которая до некоторой степени была чисто внешней. Более того, в Боснии паша себе убежище крупная секта еретиков, икономлов, которым папа пытался противостоять, направляя миссии францисканцев. Однако еретики вошли в сговор с турками, которые обеспечили им защиту в своих собственных турецких провинциях. Так что турки были постоянно хорошо информированы насчет того, что происходило в самой Боснии, и обхаживали местное крестьянство обещаниями свободы. Уже с 1461 года король Боснии Стефан ожидал вторжения султана, чья «ненасытная жажда господства», как он предупреждал папу, «не знает границ». Обращаясь к папе за поддержкой, король Боснии указывал, что завоевание его королевства привело бы к вторжению в Венгрию, а затем в Венецию и другие части Италии. Более того, «он часто говорит также о Риме, который он мечтает заполучить».

Ответом папы было прибытие легата, который, насколько это имело смысл, увенчал Стефана славой и оказал нажим на короля Венгрии, чтобы тот пошел с ним на мировую. Но король Венгрии готов был так поступить только в том случае, если Стефан откажется от выплаты дани султану. Это привело к бешенству султана, который немедленно направил в Боснию армию, принял сдачу важной крепости Бобовац и согласно своему обычаю поделил ее обитателей на три части — одну, которая останется в городе, вторую — для дележа между его пашами, и третью — для отправки

в Стамбул для пополнения тамошнего населения. Затем Мехмед послал с авангардом своего великого визиря Махмуда-пашу, чтобы захватить короля Стефана и крепость, в которую тот сбежал со своей армией. Стефан капитулировал при условии, — с которым Махмуд согласился в письменной форме, — что ему будет сохранена жизнь.

Однако это обещание Мехмеду не нравилось, поскольку его политика заключалась в том, чтобы умеривлять любого правителя, взятого им в плен. Поэтому султан посоветовался с находившимся в его свите святым персом, который услужливо заявил, что, с точки зрения исламского закона, никакая подобная отсрочка приговора «неверному», данная подписавшим султаном, не является для него обязательной. Так, последний король Боснии был обезглавлен лично святым человеком в присутствии султана — или, может быть, лично султаном. Господство турок над Боснией было с этих пор принято, по крайней мере богимилами, которые в большом количестве стали обращаться в ислам. Соседняя горная территория Герцеговины на какое-то время сохраняла относительную независимость, чтобы в конце концов оказаться включенной в империю сыном Завоевателя Баязидом II.

За ее пределами как последний бастион между вторгающимися турками и побережьем Далмации и итальянскими островами продолжала свое устойчивое существование Албания. Тут Скандербег, этот, как называл его папа, «защитник Христа», все еще продолжал сражаться и править, поощряемый венграми, венецианцами и другими итальянскими государствами, как он делал это со времен Мурада II более двадцати лет тому назад. С течением времени Скандербег стал почти легендарным героем христианского Запада. Во многом своей независимостью Албания была обязана как природным условиям — неприступности своих горных хребтов, — так и боевому духу собственного народа, тех закаленных жителей высокогорий, объединенных в кланы, которых Скандербег сплотил и по-прежнему твердо удерживал под своим руководством. Турки могли бы занять его долины, но они постоянно терпели бы неудачи, как это уже испытали на своем плачевном опыте полководцы Мехмеда, иттурмовавшие и пытавшиеся удерживать вершины гор.

В 1466 году султан лично повел в Албанию большое войско. После того как его авангард опустошил прилегающую местность, Мехмед появился с основным ядром своей армии, чтобы осадить зажатую между скал крепость Круя. Но осада, благодаря крепости стен и мужеству гарнизона, продвигалась вперед медленно, тогда как Скандербег с его собственными мобильными силами постоянно наносил удары осаждавшим с тыла, часто перерезая их линии снабжения. Турки несли тяжелые потери. В конце концов султан ушел в тень в направлении Дураццо, оставив одного из своих пашей

одождать осаду крепости, из которой осаждавших вскоре заставили отступить, превратив их отступление в беспорядочное бегство из страны.

Мехмед, после того как была построена крепость под его личным контролем в Эльбасане, вернулся к наступлению на следующий год, склонившись к мысли окончательно захватить Иракцию, из которого беженцы тысячами переправлялись в Италию. Круя по-прежнему держалась. Султан не смог достичь успеха вплоть до кончины Скандербега в 1467 году и последовавшей за этим событием дезинтеграции кланов, которые он объединял. Легенда гласит, что, узнав о смерти Скандербега, султан воскликнул: «Наконiec-то Европа и Азия принадлежат мне! Несчастное христианство. Оно потеряло и свой меч, и свой щит».

К этому времени Османская империя находилась в состоянии войны с Венецианской Республикой, которой Скандербег завещал свои владения. Война, причиной которой послужил спор из-за господства над различными морскими базами, все еще удерживавшаяся Венецией, возобновлялась на протяжении шестнадцати лет.

Передышка в этой войне наступала во время летних кампаний, когда султан отправлялся в Азию.

Тут действительно усиливалось давление со стороны альянса иллирийцев и других связанных с папством итальянских, а также христианских держав, поддерживавших дипломатические отношения с Узун Хасаном и его ордой Белого Барана. Запад натравливал Восток на Восток, пытаясь остановить продвижение турок. Узун Хасан был вполне готов откликнуться на подобные предложения. Он намеревался пройти по следам Тимура, осуществив вторжение в Центральную Анатолию при поддержке анатолийцев из Карамана, которых Мехмед лишил их земель, тем самым вынудив их искать убежища у Узун Хасана в Персии. Ради этого Узун Хасан собирал значительную армию в Эрзинджане, в то время как его союзники грабили и разрушали Токат. Они безуспешно атаковали Амасью, губернатором был сын султана Баязид, захватили Кайсери, контролировали район Ангоры и проникли на запад вплоть до Акше-

Пришло время для масштабного возмездия турок. Как и между Узун Хасаном и Баязидом, этой конфронтации предшествовал обмен жгучими письмами между двумя правителями. В ответ на вызывающее послание Узун Хасана, хваставшего своими победами в Персии и заявлявшего, что он больше не боится никакого врага, Мехмед написал письмо, в котором высокомерно рассматривал его рядового персидского хана. Султан упрекнул хана в гордыне и осудил, предвещая, что его власть вскоре может быть поглощена империей.

Осенью 1472 года, после консультации у астрологов, что было его привычкой перед принятием любого важного решения, Мехмед переправился в Азию с большой армией и пошел походом на Восток. Встав на зимние квартиры в Амасье, султан весной двинулся дальше на восток к Эрзинджану. Узун Хасан, не удержавшийся от восклицания при виде нарастающей из-за горизонта, подобно громадной приливной волне, армии султана, занял позицию, правое крыло которой прикрывалось течением Верхнего Евфрата, а тыл — горной грядой. Здесь, у Терджана, самый молодой и наиболее любимый из военачальников султана, Хасс Мурад-паша — потомок по линии Палеологов, который лишь недавно поднялся до поста губернатора Румелии, а здесь командовал колонной легкой кавалерии — решил с юношеским безрассудством начать необдуманную атаку, которая завела его прямо в засаду, подготовленную противником. Его отряд был окружен и в основном истреблен, тогда как сам Хасс Мурад утонул в водах Евфрата.

Султан, будучи в гневе от этого поражения, в котором он обвинил своего великого визиря Махмуд-пашу, и расстроенный смертью своего любимца, приказал отступить. Но сначала, как утверждают, ему было благоприятное сновидение, о котором он поведал своим военачальникам, чтобы те придали мужества солдатам. В своем сновидении Мехмед сражался врукопашную с Узун Хасаном и сначала был повержен тем на колени, но затем, восстановив силы, нанес хану такой удар в грудь, что на землю упал кусок его сердца. В реальности же, когда Мехмед отводил свою армию через горы к северу от Эрзинджана, Узун Хасан внезапно появился на вершинах справа от нее. Сражение завязалось у Башкента и после восьмичасового боя вождь «белобаранных» был разбит, а его войска обращены в бегство. Неся потери в десять раз большие, нежели противник. Весь лагерь Узун Хасана со всем его имуществом попал в руки турок. Султан лично провел три дня на поле боя, наблюдая за казнями пленников, но, как и приличествует покровителю науки и искусства, сохранив жизнь группе ученых и ремесленников, которые были отправлены в Стамбул. Когда армия Мехмеда удалилась в западном направлении, ее сопровождали три тысячи пленных турок, которых казнили в течение похода из расчета четыреста человек в день.

Узун Хасан и его соплеменники, рассеявшиеся по столь большой территории, не были разбиты до конца, и Венеция возобновила с ним дипломатические отношения немедленно после битвы. Но в данный момент султан Мехмед не ожидал новых угроз с этого направления — и действительно, Узун Хасану было суждено умереть в 1478 году.

Извлекая пользу из смерти Скандербег, Мехмед снова направил свои войска к Албании. Его многочисленная армия, ведомая

нийским евнухом по имени Сулейман-паша, разбила лагерь перед крепостью Скутари, расположенной на одинокой, нависающей над Адриатикой скале высотой в четыреста футов. Эта крепость пуща султану для того, чтобы обезопасить тылы при проведении операции через Адриатику. Вдоль всего побережья крейсировал османский флот, подкрепленный рыболовными лодками на озере Скутари с целью обеспечения города продовольствием. Осада с помощью пушек, отлитых на месте, как это теперь практиковал султан, продолжалась шесть недель, когда значительные участки стен были сброшены в пыль. Затяжной заключительный штурм стоил туркам многих жертв, включая гибель почти дюжины военачальников, в то время как огромное число солдат погибло от жажды и лихорадки, причиной которой были зараженные местные болота. В конце концов Сулейман снял осаду, разбил свои пушки и погрузил металл и материалы верблюдов. Радость жителей Скутари выплескивалась в пьяных сценах веселья, сдерживаемыми острой жаждой и множеством смертей из-за употребления несвежей воды. Но ни у кого не было иллюзий относительно того, что битва за Албанию была окончена; Великий Турок наверняка вернется. Он сделал это тремя годами позже, еще раз осадив «орлиное гнездо» Круи. После осады, которая длилась больше года, крепость в конце концов пала, принужденная к этому голодом, заставившим ее обитателей питаться мясом кошек и собак. Несмотря на обещание предоставить возможность безопасно уйти из города в качестве альтернативы турецкой оккупации, большая часть жителей была обезглавлена по приказу самого султана.

После этого все внимание Мехмеда было сосредоточено на Скутари, последнем бастионе Запада. Повсюду вокруг крепости можно было видеть столбы дыма, поднимавшегося над албанскими деревнями, разрушенными нерегулярными отрядами блуждающих турецких подиингателей. Город внутри цитадели все время обстреливался горящими снарядами, изготовленными из тряпья, смоченного маслом и смолой, которые причиняли большой ущерб. Стариков и детей заставляли спуститься в подвалы своих домов; все же способные носить оружие были обязаны сбивать огонь с крыш зданий. Часто крыши домов и других построек приходилось срывать, чтобы предотвратить дальнейшее распространение огня. Турками были предприняты два репакующих приступа, не имевшие особого успеха, и султан с основной массой своих войск решил отступить, оставив часть войск, чтобы продолжать блокаду крепости. Теперь почти полностью изолированная на оккупированной территории крепость вскоре была обречена на вымирание; жители остались практически без продовольствия, доведенные до отчаяния, они ели даже крыс и мышей.

По ту сторону Адриатики, на итальянском берегу, поселились страши и уныние, поскольку тяжесть турецких набегов на побережье Далмации все более усиливалась. Турки варварски выжигали близлежащие окрестности, и то и дело раздавался колокольный звон с колокольни собора святого Марка в Венеции, вещающий о пожаре. В 1477 году у самого начала итальянского полуострова появился отряд турецкой кавалерии. Кавалеристы подвергли разграблению города и деревни в долинах рек Изонзо и Тальяменто и нанесли поражение венецианцам в сражении, развернувшимся к северу от Венеции. Они достигли берегов Пиавы, откуда их лагерные огни, горящие деревни были видны охваченным тревогой венецианским сенаторам с колокольни собора святого Марка. Осенью турки ушли нагруженные трофеями и оставив после себя море огня, поглотившего многие крестьянские дворы и виллы, замки и дворцы.

По на следующий год набеги через Изонзо возобновились в еще больших масштабах, как раз во время созревания урожая. В этих набегах участвовали десятки тысяч воинов регулярных турецких войск, севших панику по всей стране. Воины Мехмеда уже кричали во имя Аллаха: «Мехмед, Мехмед, Рома, Рома!» Вплоть до английского королевского двора распространилась тревога по поводу огромной опасности для христианского мира, «когда турки стоят у ворот Италии и, как знает каждый, очень сильны».

Для венецианцев настало время, когда необходимо было принять все меры для заключения мира, и условия такого договора были согласованы с султаном в 1479 году, подтвердив право турок владеть Скутари, Круей и островами Лемнос и Негропонт (Эвбея) наряду с Мани, гористым полуостровом на юге Морси. Остальные территории, захваченные Венецией в ходе шестнадцатилетней войны, были возвращены туркам, но с правом Венеции свободно вывести свои гарнизоны и вывезти оружие и снаряжение, тогда как турки вернули венецианцам места, оккупированные их собственными войсками в Морее, Албании и Далмации. На венецианцев была наложена большая ежегодная дань, в обмен на которую им вернули право свободной торговли и разрешили иметь консульство в Стамбуле для защиты своих гражданских прав. Мехмед принудил сильнейшую морскую державу в Эгейском и Средиземном морях принять эти условия. Он, таким образом, расчистил моря для вторжения. Италию турецкого флота с армией под командованием Гедика Ахмед-пашы. Спустя несколько месяцев после подписания мирного договора султан захватил несколько островов в Ионическом море, ставших морской базой для дальнейшего нападения на берега Италии.

И такая атака была предпринята в 1480 году против Отранто, расположенного в «пятке» Аппенинского полуострова и выбранного

Бриндизи — первого из запланированных объектов, — из-за отсутствия береговых укреплений. Городок Отранто был захвачен бесплох аскадром кавалерии с большим числом пожаров и потоком крови. Восемь сотен его жителей были зверски убиты за отказ принять ислам и были позже каноизированы римским папой. Агрокские окрестности были разграблены. Удары были нанесены наравлеении Бриндизи, Лечче и Таранто, но отражены сильным морским отрядом, подонедшим из Неаполя. Султан надеялся использовать Отранто в качестве плацдарма для дальнейшего проникновения Италии. Но оставшиеся в живых горожане бежали и поддались на уговоры вернуться в город или взять на себя снабжение войск оккупантов продовольствием, так что туркам пришлось вывести большую часть воинов, оставив только небольшой гарнизон, снабжавшийся по морю с берегов Адриатики, возможно, с помощью венецианцев. Ходили слухи, что Мехмед собирался лично прийти в Италию с армией, и страх перед репакующим вторжением турок был настолько велик, что папа римский подумывал о бегстве в Англию. Но вместо этого он мобилизовал помощь из разных мест, таких, как Генуя, Испания и Португалия. Однако султан со своей армией не спешил. Он перебросил свои силы на восточное направление в сторону острова Родос, оставив итальянские земли. Островная крепость рыцарей ордена Госпитальеров, иначе говоря, рыцарей святого Иоанна, иоаннитов, последних крестоносцев, остававшаяся на Родосе, играла главную роль в обороне Анатолии. Она была явной помехой в морском господстве турок в восточной части Средиземного моря. Рыцари, руководимые неукротимым великим магистром Пьером д'Обюссоном, уже на протяжении нескольких лет отпирали нападения на остров и приложили все силы к тому, чтобы сделать крепость неприступной, накопили запасы на три года осады и заключили договоры о союзе с мусульманскими правителями Триппа и Туниса. Недооценив эти оборонительные предосторожности, турки под командованием адмирала флота Месиха-паши, происшедшего из рода Палеологов, провели зимой 1479 года конную вылазку в северо-западной части острова, но были разочарованы в своей надежде захватить крепость бесплох. Войска Месиха были разбиты, и он вернулся в Психос (Мармарис), расположенный на юго-восточной части напротив острова, чтобы дожидаться прибытия новой более внушительных сил. Эти войска прибыли в срок по морю из Геллеспонта. Турецкая армия насчитывала семьдесят тысяч человек, ее сопровождала армада из почти пятидесяти морских судов, имевших тяжелую артиллерию.

После многих недель бомбардировки, которую встретило стойкое сопротивление, решительный штурм был предпринят на последней неделе июля — в тот самый день, когда на другом конце

Средиземноморья турки высадились в Отранто. Весь день, предшествующий штурму, с рассвета до заката солнца стоял непрерывный разрывающий ушные перепонки грохот боя, звучали волынки, раздавались зовы цимбал и бой барабанов. Таков был военный обиход турок, призыванный, хотя он и лишил их фактора внезапности, подсобственный боевой дух и снизить его у противника. На это рыцари отвечали исполнением на трубах военных мелодий и перезвон церковных колоколов. С помощью выстрелов в крепость было переброшено множество обращений, в которых утверждалось, что паша поднял черный флаг и что город будет разграблен, а граждане вырезаны или проданы в рабство. Затем волна за волной нерегулярных войск-башибузуков бурным потоком устремилась на разрушенные крепостные валы и вверх по развалинам Итальянской башни, на которой они водрузили турецкое знамя. За ним стремительным шагом следовали сплошные ряды янычар.

Месих-паша, уверовав в то, что день был за ним, выбрал момент для того, чтобы довести до сведения войск свой приказ запрещающий заниматься грабежами и напоминающий, что сокровища Родоса принадлежат султану. Это в конечном счете надломило боевой дух войск. Теперь уже крестоносцы, сражавшиеся под знаменами Святого Спасителя, девы Марии и святого Иоанна Крестителя, бросились блокировать путь к башне, буквально сойдя с захватчиками груды в груды на узком бастионе у подножия башни, убивая турок до тех пор, пока стены и рвы не заполнились трупами. В завершение отряд рыцарей силой проложил себе путь к самой башне, перебил засевших в ней турок и сбросил их знамя на землю. При виде этого остатки упавших духом турецких солдат стали в беспорядке отступать и, прокладывая себе путь сквозь ряд своих продолжавших двигаться вперед товарищей по оружию, побежали вниз, по свидетельству очевидца, «подобно свиньям, безжалостно преследуемые рыцарями».

Осада была снята. Турецкие войска вновь погрузились на корабли и вновь собрались вместе в Мармарисе, чтобы отправиться в обратный поход в Стамбул. Здесь великий адмирал был лишен своего звания и получил скромный пост в Галлиполи. Город Родос лежал в развалинах. Но над ним в небе плаыл белый крест святого Иоанна на красном фоне знамени — торжествующем знамени. Ему оставалось развесаться здесь еще половину века. Ибо сейчас после того как на протяжении жизни целого поколения одна война сменяла другую, дни Завоевателя приближались к концу.

В своем стремлении создать новую мировую исламскую империю Мехмед Завоеватель был озабочен не только тем, чтобы консолидировать и расширить территорию Византии, но и сделать из нее внутренне новое государство, с новыми институтами — административными, правовыми, экономическими и социальными. Квази-исламские открытые общества приграничных босв-гази, которые сблизились со всеми своими различиями, чтобы заложить его основы, были теперь окончательно интегрированы в общественную и политическую структуру централизованного имперского государства. Но существу это была военная теократия, каковой была и империя, олицетворявшая принцип «правления Бога». При посредстве высокоорганизованной бюрократии султан должен был осуществлять над ней свою абсолютную власть. Задача Мехмеда, как и идеал ее, заключалась в том, чтобы устранить или, по меньшей мере, трансформировать и подчинить своему контролю каждый институт, который мог бы угрожать или соперничать с его личной властью. Как человек, назначенный Богом, он — и только он один — правит. Именно для того, чтобы гарантировать своей династии вечное возобновление этого божественного предназначения, он ввел практику братоубийства, которая и так уже преобладала в империи: «Ради благополучия государства один из моих сыновей, которому Бог дарует Султанат, может на законных основаниях казнить своих братьев к смерти. Это право имеет одобрение священства юристов».

Великий визирь султана в отличие от визирей предыдущих империй, был дворецким султана, послушным исполнителем приказов его величества. Хотя у него не было полномочий принимать решения по государственным делам, великий визирь пользовался властью более широкой, чем его предшественники. До сих пор он всегда лично председательствовал на заседаниях государственного совета — Дивана, название которого происходит от названия места, на котором он сидел, подобно тому, как в шатрах сидели его предки из кочевых времен за века до него. Но Мехмед

в ходе своего правления передал эту привилегию своему великому визирю, перестав часто посещать заседания Дивана, но наблюдал за ними, оставаясь невидимым, из расположенного над залом заседаний помещения с решеткой, называвшегося «Глаз султана». Это стало общим прецедентом для его наследников.

Изменение системы, как рассказывают, явилось результатом случая, когда одетый в лохмотья тюрок случайно забрел на заседание Дивана и спросил на грубом диалекте своего народа: «Почему тот, который из вас — счастливый император?» Султан был разъярен, и великий визирь убедил его, что в будущем, дабы избежать подобных оскорблений его священной особы, дела Дивана должны находиться в руках только одного визиря. Так великий визирь фактически стал главой правительства, держа при себе государственную печать. Великий визирь обладал в качестве заместителя султана большими светскими полномочиями, определяя ответственность для каждой ветви гражданской администрации, осуществляя контроль за назначением и работой ее чиновников.

Доктрина гражданской администрации, над которой великий визирь в результате председательствовал от имени своего господина, была основана на четырех «столпах империи». Источником происхождения этого понятия был военный термин, обозначавший четыре шестиугольных турецких правителя ранней эпохи. Число «четыре» применительно к столпам имело сокровенный смысл, символизировавший также четырех ангелов, которые, согласно Корану, поддерживают трон, четыре соратника пророка, которые стали четырьмя праведными халифами; четыре ветра Царства Небесного.

Первым столпом был сам великий визирь. Подобно другим высокопоставленным сановникам, он носил почетный титул паши, буквально означавший «нога султана» — во многом похожее на то, как приближенные монарха среди древних персов именовались «глазами и руками». Великий визирь пользовался особым отличием: имея разрешение демонстрировать в качестве знака отличия его копейный пятибунчуковый штандарт, тогда как три других визиря подчиненных ему, имели только трехбунчуковые. Это была эмблема, унаследованная со времен наместников в турецких степях. В своих трех областях государственной власти эти министры, хотя и обладавшие автономией в пределах своих департаментов, касавшихся соответственно общих, правовых и финансовых вопросов, были подотчетны непосредственно султану.

Второй столп объединял тех, кто был ответствен за отправление правосудия — это были двое кадиаскеров, армейских судей, и обязанности которых входило назначение других судей, одного — юрисдикцией, распространявшейся на Анатолию, и другого — на Румелию. Третий столп образовывали дефтедары — счетоводы, и

Минанджи — канцлер, или государственный секретарь. Относился к тем, кто представлял собой «четвертый столп» империи, он «готовил указы султана и ставил на них оттиск его подписи, тугру или нишан, чтобы удостоверить их подлинность».

бухгалтеры, четверо казначеев государственной казны, ответственные за финансовую администрацию. Образовавшими четвертый, последний столб, были нишанджи, канцлеры или государственные секретари, которые готовили указы султана и ставили на них от его подписи, туфру или нипан, в качестве его печати. Наконец, имелись еще аги, командиры, или офицеры, разделенные на два класса: внешний, выполняющий военную функцию, подобно Аге янычар, внутренний, полностью относящийся ко двору султана.

Эта система с модификациями и дополнениями, сделанная Завосвателем, была кодифицирована в Канун-наме, книге, название которой восходит к греческому «канон» и арабскому «канун», означает «Книга законов и регламентаций». Она была полностью составлена к концу правления Мехмеда по его указанию. «Книга законов и регламентаций» содержала описание иерархии государства, его обычаев и церемоний, его обязанностей и институтов, его доходов и штрафов, которые государство было уполномочено вводить.

Канун-наме отражала не мусульманские, а турецкие традиции государственности. Османская империя, подобно другим мусульманским державам, традиционно управлялась согласно господствующему над всем остальным закону Корана, священному, или шариатскому закону. Но по мере того как империя увеличивалась в размерах, становилась все более сложной, возникла потребность дополнить кораническое право государственным, расширяющим его предписания и адаптирующим их к меняющимся общественным условиям. Мурад I положил начало этим изменениям, на шаг дальше продолжил их Мурад II. Наступающее новое столетие с его многократным усложнением административных функций сделало необходимой осуществленную Мехмедом II новую кодификацию, которая в последующие века была расширена и в свою очередь заменена новыми сводами законов. Эти своды законов включали постановления и распоряжения, исходившие от самого султана, которые он, согласно османской традиции, в качестве падишаха, то есть сюзерена империи, имел абсолютное право принимать без вмешательства со стороны высших лиц исламского правового института. Но за рамками положений этого государственного права, известного как урф*, то есть дополнительное, султан продолжал придерживаться обязательств и ограничений законов шариата, основанных на первичных исламских источниках — Коране, записанном слове Бога; Сунне или изложении сути мусульманского обычая; и откровениях первых четырех великих халифов. Его имперские эдикты, или хатти-шерифы, рассматривались как подчиненные законам шариата, и любой важный политический акт султана предполагал предварительное одобрение фетвой (мнением правоведа) главного муфтия, ведущего авторитета в области исламского права.

Капун-наме описывала также обычаи и формальности двора Аттиа, которые в своей жесткой иерархичности, помпезности и жёсткости, в их тщательно проработанном церемониале во многом имитировали византийскую модель — особенно в отношении «порядка церемоний», заложенного в X веке Константином Порфирородным. Истинности, это касалось изъятий покорности, которых султан, как византийские императоры, требовал от иностранных послов. Традиционный возглас приветствия султану напоминал салют базилевсу — титул, присвоенный греческим и римским императорам, а подданные обоих обращались к ним как рабы к хозяевам. Временные византийские хроники действительно все еще адресовали к султану как к базилевсу — исламскому базилевсу.

Как и в Византии, такие вопросы, как дворцовая церемония, этикет, были изложены в мельчайших подробностях. Мехмед, со своей стороны, определил указом, что ранг и обязанности того дворцового чиновника должны быть узнаваемы по цветам одежды. Визирь, например, носил зеленые, казначей — ярко-красные, а как муфтий исламской иерархии — белые, уасмы — фиолетовые, муаллы — голубые одежды. Цвет обуви также играл большую роль. У государственных служащих она была зеленого цвета, дворцовых служащих — светло-красная. Помимо цвета свое значение имел стиль костюма — покрой рукавов, нашивавшийся костюм мех, но больше всего форма тюрбана и украшения бороды его обладателя. Ибо в исламском обществе внешний убор имел особое символическое значение. Тюрбан был предназначен исключительно для мусульман. Предполагалось, что мусульмане, будь то европейцы или греки, будут носить шляпы без красного, черного или желтого цветов, а их обувь должна будет отличаться по цвету от обуви мусульман — туфли и башмаки греков, римлян и евреев должны были быть черного, фиолетового и голубого цвета соответственно.

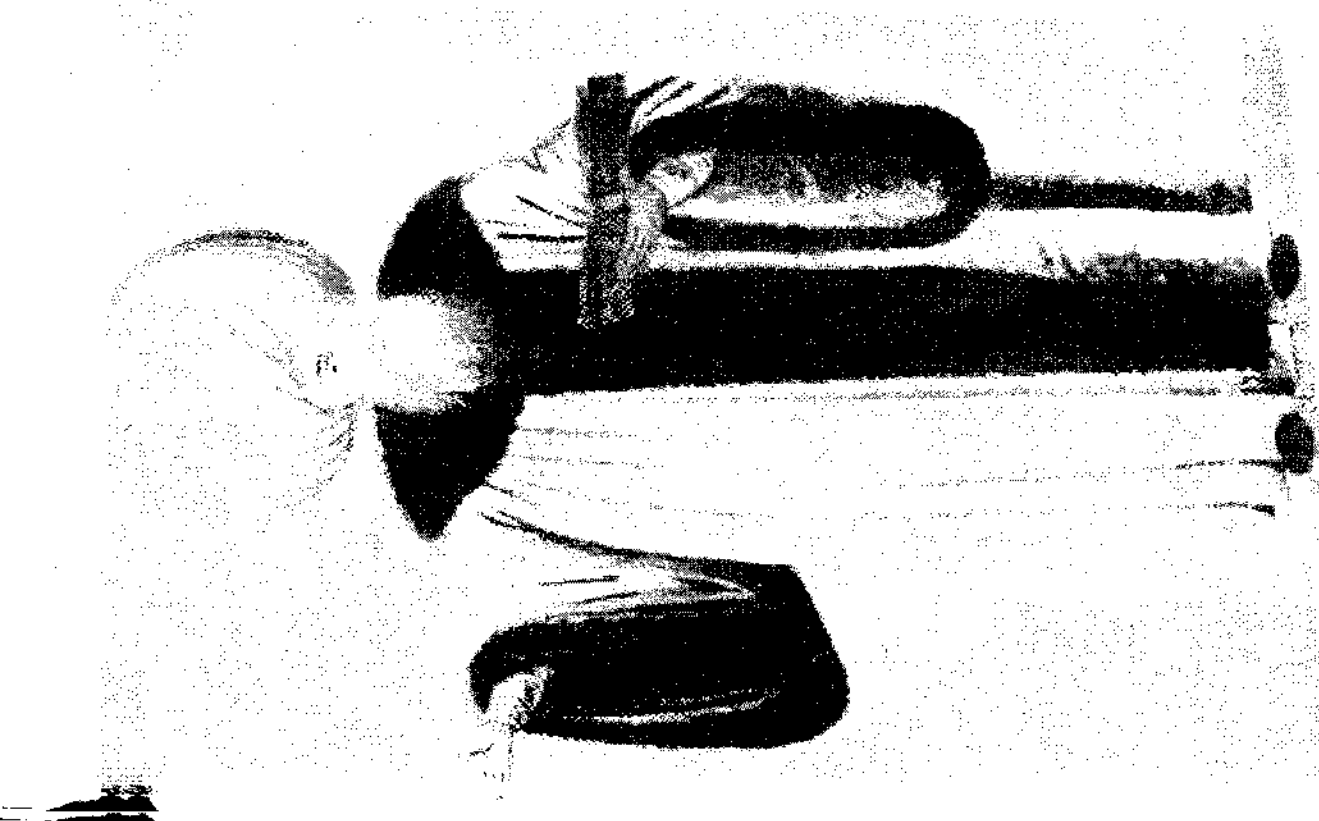
Лишь в одном случае Мехмед II отошел от традиций своих предшественников. Раньше султаны были доступны для своих подданных и могли общаться с ними в относительно неформальной обстановке. Но с завоеваниями в Европе и под влиянием Византии усилилось развитие растущее понимание священного характера личности суверена наряду с обычаям обособления, уместным для его положения не только применительно к его гарему, который стал строго охраняться евнухами, но и к самому султану. Мехмед отошел от практики своих предков, которые свободно делили стол со своими подданными, и даже от практики своего отца, Мурада II, который ограничил до десяти число тех, кто мог бы обслуживаться вместе с ним за одним столом. Мехмед питался в одиночестве, издавая указ, который устранил от стола всех визирей и других чиновников:

«Это не моя воля, чтобы кому-то подавали на стол вместе с моим Императорским Величеством, исключая тех, в ком течет одинаковая с моей кровь».

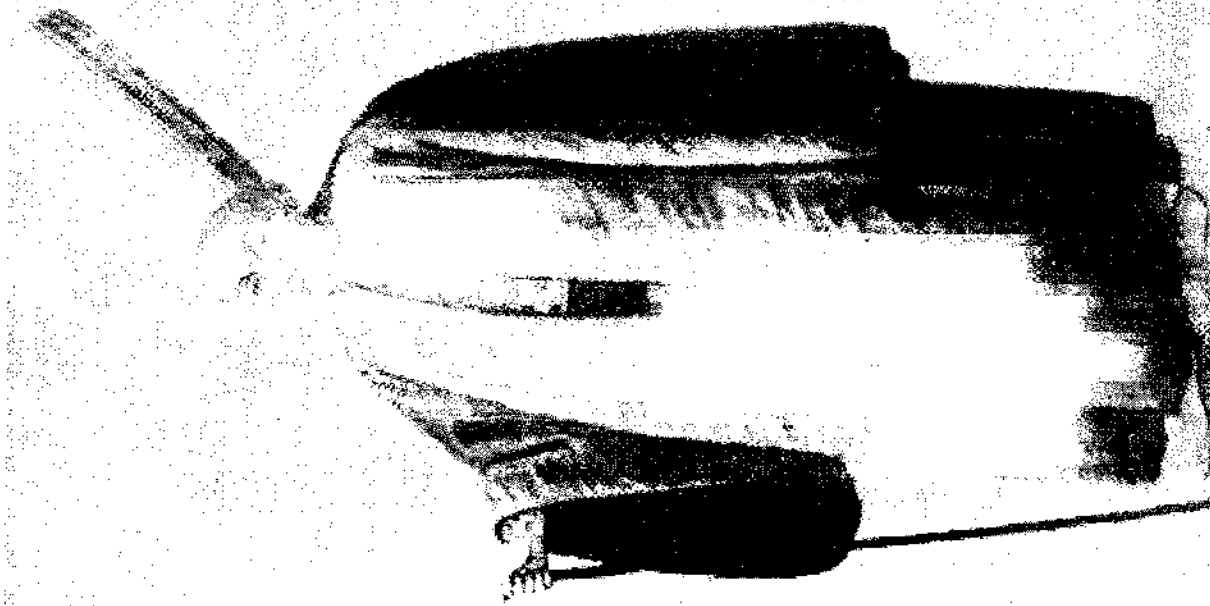
В своем первом дворце, выстроенном на третьем холме, Мехмед не смог достичь достаточной изоляции, поскольку дворец был расположен за несомненно подходящими стенами, в квартале города, самым населенном, чтобы сочетаться с отчужденностью его высочества. Этот фактор повлиял на выбор им места для нового дворца, Великого Серая, или Дворца Пушечных Ворот. Султан начал строить его в 1465 году в центре бывшего византийского Акрополя — на мысе, господствующем над местом слияния трех «морей» — Золотого Роба, Босфора и Мраморного моря, — который стал известен как мыс Серай. Планы строительства дворца, подготовка которых была доверена персидским, арабским и греческим архитекторам, были настолько грандиозны, что его завершение, как первоначально предполагалось, потребовало бы двадцати пяти лет. Но благодаря исключительно высокому уровню оплаты труда, щедрому бакишишу, раздаваемому рабочим, неутомимой энергии и личному контролю Мехмеда дворец был закончен за одну четвертую часть намечавшегося срока. Внутри его высоких стен с тремя воротами и двумя внутренними дворами располагались бесчисленные здания, спроектированные большей частью в форме элегантных беседок, и с каждой стороны, как записывает его современник, греческий биограф Критовул, были «обширные и очень красивые сады, в которых росли все воображаемые растения и фрукты; вода, свежая, чистая и пригодная к питью, лилась в изобилии с каждой стороны; стаи птиц, съедобных и певчих, гоготали и щебетали; везде бродили стада домашних и диких животных». Тут в зимнее время между кампаниями султан скрывался от взглядов публики, появляясь на улицах города только в случае государственных дел и в сопровождении усиленной охраны.

Планируя этот новый Серай, Мехмед намеревался создать образец дворцовой жизни турок на многие века вперед. Дворец был разделен на две основных секции — внешний двор, отведенный под официальные службы и помещения султана, включая помещения Дивана, и внутренний двор, в котором располагался тронный зал султана и его апартаменты вместе с помещениями для евнухов пажей. Веком позже он превратился в «Дом Блаженства», отведенный под апартаменты женщины султана и, соответственно, включивший его гарем. Сам Мехмед предпочел расположить гарем в стороне, его прежнем дворце на третьем холме, который, с его 370 евнухами остался, таким образом, центром его частного домовладения.

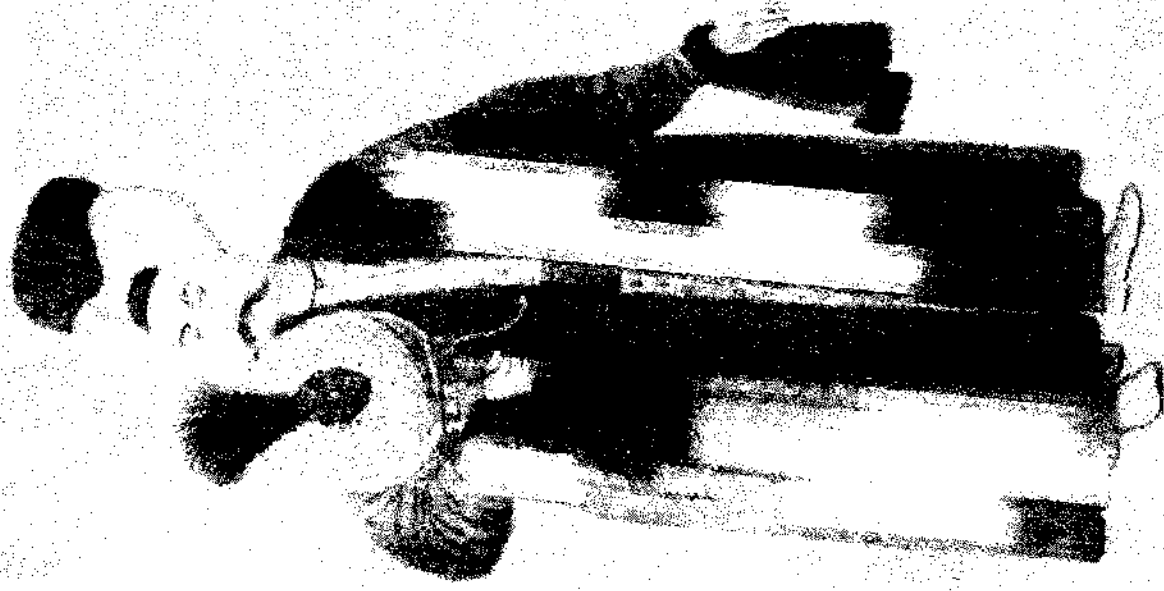
В Серай вели трое последовательно расположенных ворот. Первые ворота, связывающие Серай непосредственно с городом

Муфтий давал толкование заповедей и принаказов к усьме, или сосуюлю
ишских религиозных лиц.

Начальник бек-ешихов в XVI веке был главным распорядителем дворцовой
школы, позже стал по существу церемониймейстером двора султана.

Сарыжици-башы был мастером по изготовлению торбачов султана.

Исмаилович служил переносчиком скамейки для ног султана.

очередь способствовавшего возникновению корпуса янычар, а впоследствии развернутого при Мураде II в терминологически схожий инструмент не только формирования вооруженных сил, но и гражданского управления. Мурад, таким образом, постепенно создавал новую и более энергичную прослойку для замены старой, и это было именно то, что унаследовал, расширил и улучшил его сын Мехмед.

Сила и значимость этой системы основывается главным образом на том факте, что она не была наследственной, исключавшей формирование потомственной аристократии и знати, подобной той, которой были старинные османские роды. Таким образом эта система предохраняла от политического соперничества абсолютную власть султана. Вполне обоснованно утверждалось, что, если бы рабами султана стали мусульмане, они стали бы злоупотреблять этой привилегией. Их родственники в провинциях угнетали бы крестьянство, отказывались платить налоги, восставали бы против местных властей. «Но если христианские дети принимают ислам, они становятся ревностными в вере и врагами своих родственников». Барон Венцеслав Вратислав в качестве иностранного визитера Стамбула позже выразил это следующим образом: «Никогда... я не слышал, чтоб о каком-либо паше было сказано, или мог наблюдать в Константинополе, или во всей Турции, чтобы какой-либо паша был турком по рождению; напротив, похищенный, или захваченный, или обращенный в турка».

Источником этой системы была дворцовая школа для пажей султана внутри стен Серая. Ее целью были отбор и продвижение под контролем со стороны наследственного султана членов этой ненаследственного правящего класса с равными для всех возможностями, элиты, рекрутируемой единственно по принципу заслуг. Такая система действительно была призвана создать для Турецкого государства меритократию, уникальную для аристократического мира того времени. Стремлением султана Мехмеда было расширить и усовершенствовать эту школу, и последующая потребность в большей площади, возможно, действительно повлияла на выбор им мина Серая в качестве места для его нового дворца. Поддерживаемый высоким уважением самого Мехмеда по отношению к образованию и использованию интеллекта и его пониманием потребности просвещенных чиновниках, как гражданских, так и военных, по мере расширения его империи она превратилась под руководством Мехмеда в великую школу государственности, прекрасно организованную и спланированную.

На появление подобного инструмента для подготовки правящей элиты из его подданных — христиан по происхождению первоначально повлияло осознание замечательной личной преданности его пажей и тем самым их потенциальной ценности как си-

увосновывающей янычар с их бунтарскими наклонностями. Она была нацелена на то, чтобы создать тип османского государственного служащего, который одновременно был бы воином, государственным деятелем и верным мусульманином и который должен также быть, выражаясь словами жившего позже, в XVI веке, итальянского писателя, «литератором и джентльменом отточенной речи, глубокой утиливости и честной морали». Начиная с этого времени и впредь, имея подобный многообещающий материал, дворцовые школы должны были готовить из среды своих питомцев четырех из каждых пяти великих визирей. Преуспевая на протяжении трех с половиной столетий на основе общих принципов, установленных Мехмедом, и с тех пор на протяжении полутора веков на несколько измененной основе, эти школы вносили жизненно важный и постоянный вклад в историю Турции.

Под административным контролем начальника беслых евнухов при дворе Империального казначейства, с одной стороны, и хозяйственной службы султанского двора с другой, школа в соответствии с возрастом учеников формировалась из двух подготовительных школ, а затем — двух школ для профессиональной подготовки. Процесс набора учеников — по интеллектуальным и физическим признакам — и затем обучение начиналось с семи-восьми лет. На все обучение отводилось четырнадцать лет. Большинство пажей после периода ученичества не превращались в личных слуг султана, а назначались после их предварительной подготовки на младшие начальные и правительственные посты. В более поздние годы своего правления Мехмед учредил третью школу профессионального обучения при султанской опочивальне, в которой занимались примерно стонок пажей под началом четырех чиновников — оруженосца, старшего конюшего, старшего портного и старшего изготовителя порбанов. В каждом школьном помещении были свой первый чиновник, ответственный за порядок и дисциплину, и второй чиновник, управлявший хозяйством, наряду со своим собственным библиотекарем, регистратором, казначеем и имамом, а также тремя муэдзинами. Много внимания уделялось индивидуальным способностям учеников, развитию инициативности и стремления быть лидером. Ученики ориентировались к изучению выбранных ими предметов. Поощрение внутри дворцовой школы, как это часто было и в государственных учреждениях, жестко опиралось на систему, в которой пажи «награждались за малейшую услугу своему господину и наказывались за любую провинность».

Целью дворцовой школы после допуска к обучению на Коране — ознакомлению с принципами исламской теологии и законодательства — было, по своей сути, гражданское образование, с упором скорее на мастерство государственного управления и военную науку, чем на

религию. Несмотря на это, преподавательский состав привлекался в первую очередь из улемов, мусульманских «священников» и профессоров священного права. Но к ним Мехмед добавил учителей, ученых и писателей, взятых из лиц, принадлежавших к его двору. Благодаря им имелась возможность вести обучение по греческой и латинской модели, так что это государство турок даже сравнивали с Республикой Платона. В эту «республику» вскоре начали возвращаться византийские греки, бежавшие в Италию во время захвата Константинополя.

Учебный план дворцовой школы, идея которого принадлежала Мехмеду, сочетал в себе в равной мере гуманитарное образование, физическое воспитание, подготовку к физическому труду и обучению различным профессиям. Гуманитарное образование включало изучение турецкого, арабского и персидского языков с особым упором на турецкий язык, которым при всех его сложностях нужно было досконально и быстро овладеть; на арабский алфавит, грамматику и синтаксис; на персидскую литературу с ее поэзией и с увлеченностью рыцарством и рыцарским романом. Преподавали также историю Турции и математику в пределах арифметики и, пожалуй, геометрии. Ученики учились применять на практике те искусства, ремесла и науки, к которым, по наблюдениям специалистов по выявлению наклонностей, у них было особое призвание. Среди этих искусств была турецкая музыка, как военная, так и вокальная. Хор дворца устраивал для султана регулярные концерты, вдобавок к тому же приветствовал его песней за полтора часа до зари и через полтора часа после захода солнца и обращался к нему с музыкальными приветствиями по всем торжественным случаям.

Физическая подготовка состояла из гимнастических упражнений помогающих пажам поддерживать отличное здоровье, силу и ловкость. Они занимались практически всеми видами спорта — стрельбой из лука, борьбой, фехтованием, метанием копья и рани формой поло, с мячом, прикрепленным к шнурку. Все более важным становилось искусство верховой езды, так как многие из пажей направлялись на службу в кавалерию и, будучи столь прекрасно подготовленными для армии, они становились искусными не только в верховой езде, но и в других видах ратного мастерства.

Наконец, все, кроме янычар, осваивали на практике избранный вид деятельности или ремесла из числа преподававшихся в различных школах профессиональной подготовки. Самы султаны поступали подобным образом. Мехмед II стал искусным садовником, посвящая значительную часть своего досуга присмотру за своими собственными дворцовыми садами, где он любил выращивать не только цветы и деревья, но и овощи. Существует предание, что он однажды вырастил гигантский огурец, которым особенно гордился, на

торый исчез. В бешенстве подозрения он вспорол живот одному своим садовникам и обнаружил остатки огурца в его желудке. Мим I и Сулейман I стали искусными ювелирами; Абдул-Хамид специализировался как столяр-краснодеревщик, умевший изготавливать сложные инкрустации, тогда как другие лица из правящей элиты занимались такими ремеслами, как выпивка, изготовление сабров, заточка ножей и мечей. Пажи учились готовить напитки и сладкие блюда султана, стирать льняные изделия, изготавливать парфюмы, стричь волосы, брить, делать маникюр и исполнять различные обязанности в турецкой бане.

За пределами столицы и ее Блистательной Порты администрация османской империи была тесно связана с организацией и развитием провинций, руководителями которой были высшие, или военные, начальники (аги) в отличие от внутренних аги султанского двора. Они представляли собой исполнительную власть султана, подобно тому как судьи (судьи), подбиравшиеся из улемов, представляли его судебную власть. Деление османской территории на провинции под усиливающимся централизованным контролем было обусловлено военными факторами. Она была поделена на две половины — одну составляла Анатолия, а другую — Румелия, каждая под контролем генерал-губернатора, или бейлербейя — «двухбунчукового» паши; каждая из них подразделялась и напрямую управлялась через санджаки, или санджак-бейи, контролируемые военными губернаторами, санджак-бейями, каждый из которых получал знамя (штандарт), или санджак, в качестве символа власти султана. Санджак-бей был «однобунчуковой» пашой, в задачу которого входило обеспечение прохождения воинской службы и руководство войсками султана в пределах его владения, руководство полицией в интересах обеспечения общественной безопасности и обеспечение регулярной уплаты налогов. В период правления Завоевателя в Азии насчитывалось двадцать санджаков, а в Европе — двадцать восемь.

Каждая из этих провинций в свою очередь подразделялась на несколько больших и мелких феодалных владений — зеаметов и сандаров* — так повелось со времен первых султанов. Эти феодалные владения жаловались кавалеристам турецкого происхождения — сипахи — вместе с крестьянами, живущими на этой земле, с определенными правами на них. Такие отряды кавалеристов составляли костяк вооруженных сил империи. Они должны были быть готовы в любую минуту призвать своих людей к оружию в необходимых количествах по распоряжению санджак-бейя. В случае, если сипахи не мог собрать воинов, он лишался своего поместья, которое ни в каком случае не являлось наследственным, как это было на Западе. В случае смерти сипахи только небольшая часть надела перешла бы к его сыну, который был обязан заслужить право

на владение поместьем больших размеров своими военными подвигами.

Основная часть сельскохозяйственных земель на территории империи теперь принадлежала государству и, таким образом, централизованно контролировалась правительством, которому не мешало право частной собственности. Мехмед превратил в тимары большие поместья землевладельцев-христиан, имевших безусловное право собственности на землю, и земли монастырей. Теперь султан продолжил этот процесс с помощью присвоения путем перевода в категорию «земель короны» прочих владений, независимо от частной или коллективной форм владения. Некоторые из них были распределены в качестве поместий среди его визирей и других чиновников с аналогичными ограничениями принципа наследования. Но основную массу он распределил как военно-ленивые в целях увеличения численности кавалерии.

Широко распространенная и расширившаяся система тимаров, возникшая из необходимости содержать большую имперскую армию на основе средневековой экономики, стала главным рычагом администрации, привязанной в своей финансовой, социальной и аграрной политике к военным потребностям империи. Это была система «фрагментарного владения», при которой государство, сипахи и крестьянин делили права и обязанности в отношении земли. Государство владело землей. Сипахи был уполномочен государством собирать с крестьян определенные оговоренные доходы (в обмен на его военную службу и военную службу его собственных всадников). Крестьянин — рая — обрабатывал землю, пользуясь ее плодами в обмен на налог и свой труд, ради поддержания собственной семьи. Земля переходила к его сыновьям после его смерти. В этом, в общих чертах, выражалась суть мудро организованной, тщательно проработанной и строго соблюдавшейся при правлении султана Мехмеда государственной феодальной организации, которая соединяла во взаимной выгоде его производящие классы и вооруженные силы.

Этих владевших тимарами сипахов и их конников, вооруженных такими традиционными средневековыми видами оружия, как лук, меч, щит, копье и булава, к концу правления Мехмеда насчитывалось около сорока тысяч человек. Они отличались от сипахов Порты, состоявших из дворцовых войск султана. В случае войны их силы дополнялись, как и во времена Османа, нерегулярной кавалерией, или акынджи, набиравшимися из масс населения, жившего за счет грабежа земель, которые они оккупировали; а также пехотой милиции, введенной Орханом, — азабами.

Но главную силу армии по-прежнему составляли янычары — пехотные части, состоявшие из безземельных, христианского прои-

ждения рабов, численность которых во времена Мехмеда возросла до десяти тысяч человек, имевших более высокое денежное содержание и вооруженных современным огнестрельным оружием. Они составляли ядро пехоты, в то время уникальное для Востока войско, где преобладала кавалерия, и не встречали равного себе по силам противника ни в одной стране, с которой турки вступали в конфликт, на Западе. В столице они были единственными регулярными войсками, которые могли стоять там гарнизоном, под началом своего собственного аги, во дворце султана. Во время военных действий, когда только они могли составлять гарнизоны вновь захваченных крепостей и их ответственность распространялась за пределы крепостных стен, янычары не подчинялись юрисдикции провинциальной администрации любого уровня, получая распоряжения непосредственно от султана, который лично назначал их командиров. Таким образом, янычары служили центральному правительству в качестве аффилированного противовеса любой местной оппозиции, которая могла бы возникнуть на территории империи. Подобным образом они играли свою роль преданных слуг династической линии сильных османских султанов, со времен Орхана твердо решивших не допустить роста такой независимой феодальной аристократии, какая существовала в средневековой Европе.

По всей империи с уничтожением Мехмедом старого правящего класса и его замещением исполнителями, которые были его собственными, личными рабами, остались только те, чье служебное положение определялось личными достоинствами, и эти достоинства давали необходимую возможность для дальнейшего продвижения по службе. Это было гибкое общество, в котором слуга мог обойти своего господина, а господин — своего вышестоящего начальника, где ремесленник мог подняться до уровня великого визиря, а великий визирь — опуститься до уровня ремесленника. И все это воспринималось как естественные личные проблемы, не ведущие к утрате положения в обществе. Таким, основанным на имперских предпочтениях и вознаграждениях за заслуги, был социальный и административный организм этой исламской империи, отличавшийся от любого на христианском Западе. В общей социальной структуре Османской империи этого времени привилегии рождения как таковой не существовало. Все располагавшиеся ниже уровня абсолютного суверена были равны в глазах закона и своих соотечественников-османов. Их государство было меритократией, в котором привилегии нужно было заработать.

Доходы государства в первую очередь поступали от подушевой дани, которую платили только покоренные немусульмане, раия. Они составляли большинство крестьянского населения и значительную часть городского населения, особенно в европейской части Турции.

Сами турки-мусульмане и обращенные в ислам, так же, как и в прошлом, не платили дани́й налог, но были обязаны только в случае ведения в их районах военных действий выплачивать десятину своего имущества, включая стада, зерновые, урожаи риса и ульи. Когда же в ходе сражения место, расположенное на берегу моря, входа в ущелье или на перевал, или у въезда в лес, приобретало стратегическое значение, жители данного района, будь они раба и нет, освобождались от налогообложения в обмен на неоплачиваемый труд, выполняемый в интересах общества или в порядке помощи войскам. Другие налоговые источники включали дань, выплачиваемую такими государствами, как Валахия, Молдавия и Республика Рагуза.

Однако основная часть дохода империи поступала от различных государственных учреждений и предприятий — таможен, портовых сборов, сборов за помол зерна, паромных переправ, сборов за взвешивание грузов, монополии на такие товары, как соль, мыло и воск для свечей. Эти предприятия и службы вместе с некоторыми промышленными предприятиями и природными ресурсами, включая рудники по добыче серебра, меди и свинца, часто передавались государством концессионерам. Это было выгодно обеим сторонам, но могло приводить к общественным и финансовым злоупотреблениям и чрезмерной эксплуатации средств производства. Другие средства, применявшиеся султаном в целях увеличения доходов в те моменты, когда он нуждался в больших суммах денег, чтобы поддерживать на должном уровне свои вооруженные силы (которым приходилось постоянно находиться в боевой готовности), включали периодические девальвации денег путем чеканки новых монет и покупки старых по заниженному курсу. Эта мера, равнозначная по эффекту налогу на серебряные деньги, вызвала недовольство народа, особенно когда чиновники, известные как «искатели серебра», направлялись в провинции для досмотра помещений и конфискации припрятанных монет.

Более конструктивным, однако, явился в конечном счете при Мехмеде II способ финансировать свои кампании с помощью торгово-экономического развития и последующего увеличения доходов государства. Предшественники Мехмеда, стремясь положить конец привилегированному политическому положению европейцев в Леванте, отменили их право на беспошлинную торговлю, начиная с последних лет существования Византии, и наложили на них налог в размере 10 процентов от стоимости их товаров. Теперь же Мехмед удвоил налог, что вызвало бурное недовольство со стороны европейских купцов. Но в действительности их торговля должна была увеличиться благодаря возникновению после завоевания Константинополя большей степени политической стабильности во владениях султана и открытию безопасных путей сообщения между

удаленными районами. Поввысилась, следовательно, возможность преуспевания через более тесную и более общую экономическую интеграцию. Но внутри империи другие немусульмане, особенно греки, армяне и евреи, с этого времени стремились вытеснить итальянских купцов.

Не только Стамбул с его интенсивным развитием, но и другие города, такие, как Бурса, Адрианополь и порт Галлиполи, стали черпать пользу из столь энергичного роста торговли. В Западной Анатолии начало быстро развиваться хлопчатобумажное производство, в Ангоре и вокруг нее — производство шерстяных тканей, свекоткачество — в Стамбуле и Бурсе, являющейся экспортным центром для западных рынков и последним пунктом на пути караванов из Персии. Этот город стал международным перевалом для товаров, в числе которых были пряности, доставлявшиеся через Дамаск из Индии и Аравии. Подобного рода товары перемещались или по старым сухопутным торговым путям, пересекавшим Анатолию, через Адану и Конью, или же по морю из египетских и сирийских портов в Анталю и Ланью, в то время как железная руда и другие товары экспортировались в Египет из Анатолии. И в этом направлении Бурса также превратилась в центр для экспорта европейских шерстяных изделий на Восток.

Мехмед Завоеватель, поставивший себе цель — дать полное развитие ресурсам своей страны, значительную часть своей огромной энергии уделал, по рекомендациям западных советников, вопросам развития торговли и коммерции. Кроме того, с самого начала своего правления Мехмед посвятил себя делу реорганизации административных управлений и в особенности казначейства, методы сбора налогов которым были перестроены на эффективных и деловых началах. В подобных практических делах Мехмед превзошел своего отца. В интеллектуальных аспектах, после не совсем удачного начала, он должен был благодарить своего отца за первоклассное образование. Мехмед свободно владел шестью языками — турецким, греческим, арабским, латинским, персидским и сирийским и имел, благодаря своим многочисленным наставникам, основательную подготовку в области латинской и греческой литературы, в изучении философии и, в высшей степени, в науках.

Он развил в себе подлинный интерес и искреннее уважение к западной и восточной культурам. Начиная с захвата Константинополя, султан привлек к своему двору многих итальянцев, включая представителей латинской гуманистической школы и специалистов по другим отраслям знаний. Конечно, когда Мехмед поступал подобным образом, его цель не была совсем уж бескорыстной, — ему необходимо было обладать знаниями о мире, который он мечтал завоевать, по истории и географии Запада и в особенности

Апеннинского полуострова, его системах управления, его религиозных верованиях, его внутренних противоречиях и дипломатических интригах, его вооруженных силах и военной стратегии. Мехмед полагался только на очень опытных и знающих иностранных советников и в вопросах коммерческой, и в финансовой политике. С помощью ученых он собрал для своей библиотеки в Серале ряд классических рукописей, на которых основывались его научные занятия, наряду с работами греков по христианской религии, которые для его удобства переводились на турецкий язык.

На более поздних этапах своего правления, будучи всегда свободным от запретов ислама относительно портретных изображений человека, он распространил свой патронаж на западную живопись и скульптуру, и ряд итальянских художников посетили его двор. Главным среди них был венецианец Джентиле Беллини, который прибыл в 1479 году в ответ на обращенную к Дожу просьбу султана прислать ему «хорошего художника». Беллини прожил в Стамбуле около пятнадцати месяцев, где его принимали с особым расположением. Он писал портреты султана и других важных персон двора. Существует рассказ о том, как Беллини однажды показал султану картину, изображавшую эпизод обезглавливания Иоанна Крестителя. Мехмед продолжительное время размышлял над увиденным, а затем подверг картину критике, объясняя на основании личного опыта, что человеческая шея, после того как отрубят голову, выглядит короче и более сжатой, чем это передал художник. Беллини украсил внутренние апартаменты Серала рядом фресок и других живописных произведений. Все эти ренессансные работы были убраны после смерти Мехмеда как «непристойные» его иконоборческим сыном Баязидом II, продавшим все картины на открытом рынке. Большинство работ пропало, кроме портрета султана, приобретенного венецианским купцом и спустя века оказавшегося в Национальной галерее в Лондоне. Помимо просьбы прислать из Венеции хорошего художника Мехмед попросил также прислать и хорошего скульптора, специалиста по бронзе. Доподлинно неизвестно, кто был послан в ответ на его просьбу. Хотя одним из визитеров ко двору султана была точно Констанцо из Феррары, который изготовил для султана медальон. Но сам по себе Мехмед Завоеватель не был выдающимся деятелем Ренессанса. Он был сувереном средневековой империи погруженным в те традиции ислама, посредством которых он стремился, как святой вонтель, сохранить Пакс Оттоманикум на всей территории бывшей православной христианской империи. В культурном плане его духовное родство восходило, конечно же, к Востоку, а не к Западу, и особенно к Персии. Его тянуло к шиизму гетеродоксальному исламу Персии с его братствами дервишей. Но на практике он был неспособен примирить его ереси с более жесткими

исламскими принципами своего собственного ортодоксального исламского государства — ибо, согласно турецкой пословице, «тот, кто теряет персидское, теряет половину своей веры».

Мехмед, тем не менее, оказывал персам особое расположение, начиная в интеллектуальной, а затем и в управленческой сферах деятельности, что служило причиной появления зависти со стороны турок. Число персов, живших и писавших в Османской империи под его покровительством, было большим, чем в любое время до или после него. Не говоря о юристах, большинство из которых были евреями, тогда как поэты из турок пользовались персидским стихом в качестве образца и перелагали его и придавали ему турецкую форму — особенно великие эпические творения Фирдоуси и лирику Хафиза. Сам Мехмед написал около восьмидесяти поэм на турецком языке — ни одна из них не отличалась особыми достоинствами — и стал известен как «рифмующий султан». Он поощрял занятия литературой, ежемесячно выплачивая пособия поэтам и другим мастерам литературного жанра. В то же время он многое делал для того, чтобы обеспечить карьеру интеллектуальных людей и других профессий. Он любил беседы в своем дворце в окружении известных ученых и богословов.

Но в этой обстановке науки прогрессировали сравнительно медленно. Сам Мехмед интересовался астрономией, но главным образом в качестве предпосылки для астрологии. Никогда не предпринимал он важного шага, особенно в военном деле, не проконсультировавшись сначала у любимых астрологов, состоявших при его дворе. Дата и даже час события должны были быть точно фиксированы относительно положения планет. Все еще мало развитой среди турок оставалась медицинская наука, и собственные лекари-советники султана были по большей части евреями из Италии. Выдающейся личностью среди них был Якопо де Гаеде, который под именем Якуба-паши достиг должности визиря и на протяжении более чем тридцати лет пользовался большим влиянием при дворе султана не только в медицинских, но и в финансовых вопросах. Он сопровождал султана во всех его военных походах. Медицианцы, постоянно стремившиеся убить Мехмеда, за двадцать лет его правления предприняли через своих агентов не менее четырнадцать попыток отравить султана и с этой целью пытались заручиться поддержкой Якопо, но безрезультатно.

Здоровье Мехмеда не было крепким. В тридцать лет он стал чрезмерно полнеть, результатом чего явились острые проявления наследственного артрита, которые временами делали слишком болезненным пребывание в седле, привычном для него во время боевых действий. Слишком увлекавшийся плотскими наслаждениями, как в смысле любви к еде, так и — в этом отношении будучи плохим

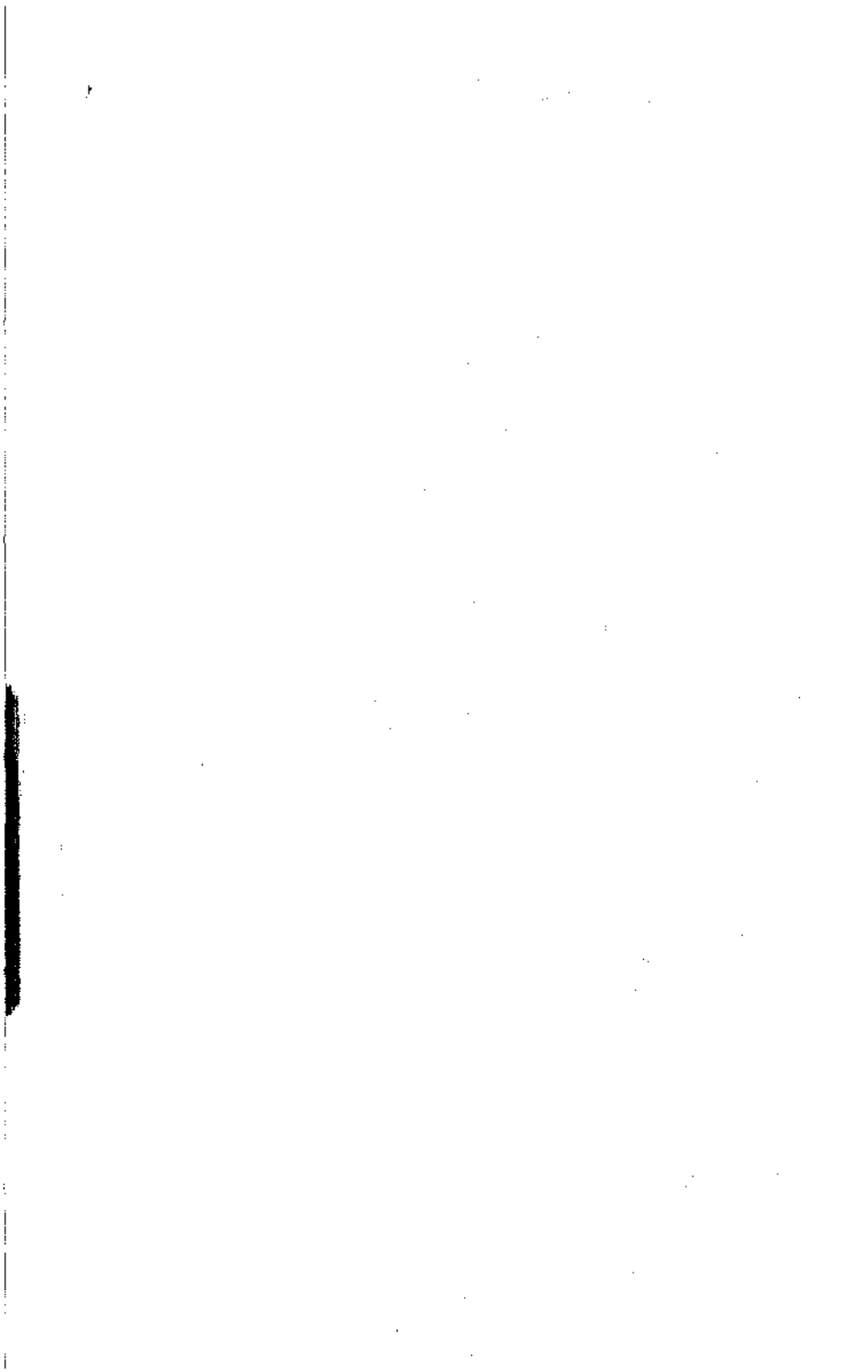
мусульманином — особого пристрастия к вину, султан становился все более и более тучным. Он страдал от острых приступов подагры и колик, и наступали все более продолжительные промежутки времени, когда Мехмед не мог покинуть свой дворец. В последние поколения средняя продолжительность жизни османских правителей все больше сокращалась. За последние полтора века возраст только одного из них немногим превысил пятьдесят лет. В 1479 году, когда Мехмеду было сорок, у него появилась опухоль на ноге, озадачившая врачей. К концу следующего года, когда Беллини писал его портрет, султан был явно больным человеком.

Весной 1481 года Мехмед переправился со своей армией в Азию и начал продвижение в южном направлении в ходе кампании назначения которой в соответствии с его привычкой держалось в секрете. Возможно, он планировал лично возглавить еще один поход на Родос. Возможно, у него имелись планы относительно владений Мамлюка в Египте. Но по пути у Мехмеда началось сильное обострение колита, усилившее проявления подагры и артрита, от которых он мучительно страдал. Частный врач-перс султана дал ему лекарство, оказавшееся неэффективным, и которое, как заявили его недруги, было чрезмерной дозой опиума, предписанной по указанию его сына Баязида. Когда Якуб-паша наконец добрался до постели своего господина, он объявил, что эта доза была фатальной: кишечник султана был заблокирован. Ничего уже нельзя было сделать. Мехмед Завоеватель скончался 4 мая 1481 года, в час полуденной молитвы. Ему было сорок девять лет.

«Великий Орел мертв». Так посольный передал эту новость Венецианскую Республику. Запад мог снова вздохнуть, освобожденный от страха перед Востоком, — и оставаться свободным от его угроз на сорок лет вперед. На деле султан Мехмед II, несмотря на целую вереницу военных кампаний, не очень-то расширил границы империи. Он потерпел неудачу под Белградом, на Родосе и под Огранто. Мехмед, тем не менее, как он утверждал, стал хозяином двух морей и двух континентов. Как завоеватель султан Мехмед окончательно закрепил основы великой исламской империи; как государственный деятель он воздвиг внутри империи структуру нового и прочного исламского государства с институтами, традициями и политикой, достойными того, чтобы наследовать имперским цивилизациям классического Рима и христианской Греции. Мехмед по самом делу был ревностным покровителем православного христианства, и за это главное достижение он должен оцениваться в исторической перспективе как выдающийся монарх средних веков.

Часть III
РАСЦВЕТ ИМПЕРИИ

XVI веку было суждено увидеть величайшего из османских султанов, Сулеймана I, известного миру как Сулейман Великолепный, а его собственным подданным как Сулейман Законодатель. Правнуку Мехмеда II предстояло расширить Османскую империю дальше и поднять ее выше, к вершинам ее мощи и престижа, чем замышляла сам Завоеватель. Но в данный промежуток времени дух братоубийства, присущий османской династии, вырвался на свободу после смерти Мехмеда, вылившись в продолжительный период борьбы между двумя его сыновьями, Баязидом II и его младшим братом принцем Джемом.

Султан Баязид, полная противоположность своему отцу, был миролюбивым, созерцательного склада ума ученым, мистиком в своих убеждениях, строгим в привычках и терпимым в своих взглядах, не стремившимся к завоеваниям. Он был первым османским султаном, кто отказался от практики обязательного личного руководства своими армиями на поле боя. Джем, напротив, будучи на двенадцать лет моложе, был человеком действия и увлеченной натурой, сильным и храбрым, имеющим вкус к наслаждению прелестями жизни. Он любил искусство и, живя среди поэтов, сам стал незаурядным поэтом. «В его руке, — писал его биограф, — Кубок Джамшида заменил Печать Соломона, и с ним вместо барабана победы был слышен голос менестрелей».

После смерти Завоевателя Джем немедленно взялся за оружие и заявил свои претензии на трон, к чему благосклонно относился его отец. Однако престолонаследие у османов во все большей мере начинало зависеть от власти янычар, и они предпочли Баязида как более выражающего традиции гази. Пользуясь определенной официальной и народной поддержкой, янычары резко выступили против последнего великого визиря Завоевателя, Караманлы Мехмеда-паши, и его политики. Джем, который поддерживал его, был губернатором Карамана со столицей в Конье, лишь наполовину дальше отстоящей от Стамбула, чем Амасья, где губернатором был Баязид. Но Баязид при поддержке оппозиции умудрился первым достичь столицы.

Здесь он обещал янычарам требуемые ими подарки и уступки и тем самым гарантировал свое восхождение на трон.

Янычары, ожидая прибытия Баязида, тем временем установили над столицей свой контроль. Здесь, тайно сговорившись во дворце с некоторыми чиновниками, они умертвили великого визиря, пронесли затем на копые его голову по улицам города. Затем они перехватили и посадили на колья эмиссаров, которых визирь направлял к Джему. В благодарность Баязид дал обещание отказаться от непопулярной практики его отца проводить девальвации и вернуть земли, которые тот забрал под наделяя их частным владельцам и религиозным учреждениям. В общем, Баязид был склонен пересмотреть политику своего отца и вернуться к политике, проводившейся его дедом Мурадом II.

Однако Джем был боец и не хотел сдаваться. Подняв знамя восстания против Баязида, при поддержке войска из Карамана, а также тюркских племен Тавра, он захватил Бурсу, где провозгласил себя султаном. В Бурсе Джем отчеканил собственные деньги, заставил читать публичную молитву в свою честь и правил восемнадцать дней. Он предложил своему брату разделить империю между ними, причем Баязид правил бы в Европе, а Джем — в Азии. Но войска Баязида выступили против Джема под командованием Гедика Ахмеда-паши, лучшего из командиров его отца и героя янычар, который ради этой цели отменил возобновление своей кампании против Италии из Албании.

Он нанес поражение Джему в двух последовательных кампаниях, каждый раз упуская возможность взять его в плен, но заставив его удалиться в изгнание. Сначала Джем бежал с турецкой территории на территорию Мамлюков, через Алеппо и Дамаск и из Иерусалима в Каир, где его гостеприимно встретил и оказал покровительство Каитбай, мамлюкский султан Египта. Затем Джем совершил паломничество к святым местам Мекки и Медины. Вернувшись с помощью своего покровителя в Анатолию, он вновь собрал вокруг себя своих сторонников в Карамане, но был вновь разбит, когда армия бросила его перед Ангорой, и он бежал в Киликию.

Баязид, взяв примирительный тон, предложил Джему значительные по своим размерам доходы государства Караман, которым тот управлял как губернатор, если брат добровольно удалится в Иерусалим. «Империю, — настаивал Баязид, — это невеста, которая не может быть подделана между соперниками». Но на этот раз Джем предпочел искать покровительства у рыцарей ордена святого Иоанна в Иерусалиме и рыцарей-госпитальеров на Родосе, где он был принят с императорскими почестями его великим магистром д'Обюссон. Позднее был подписан договор, согласно которому Баязид выплачивал рыцарям ордена ежегодную стипендию в сорок пять

тысяч золотых монет, выделяемую столь долго, сколько его брат будет находиться под их опекой.

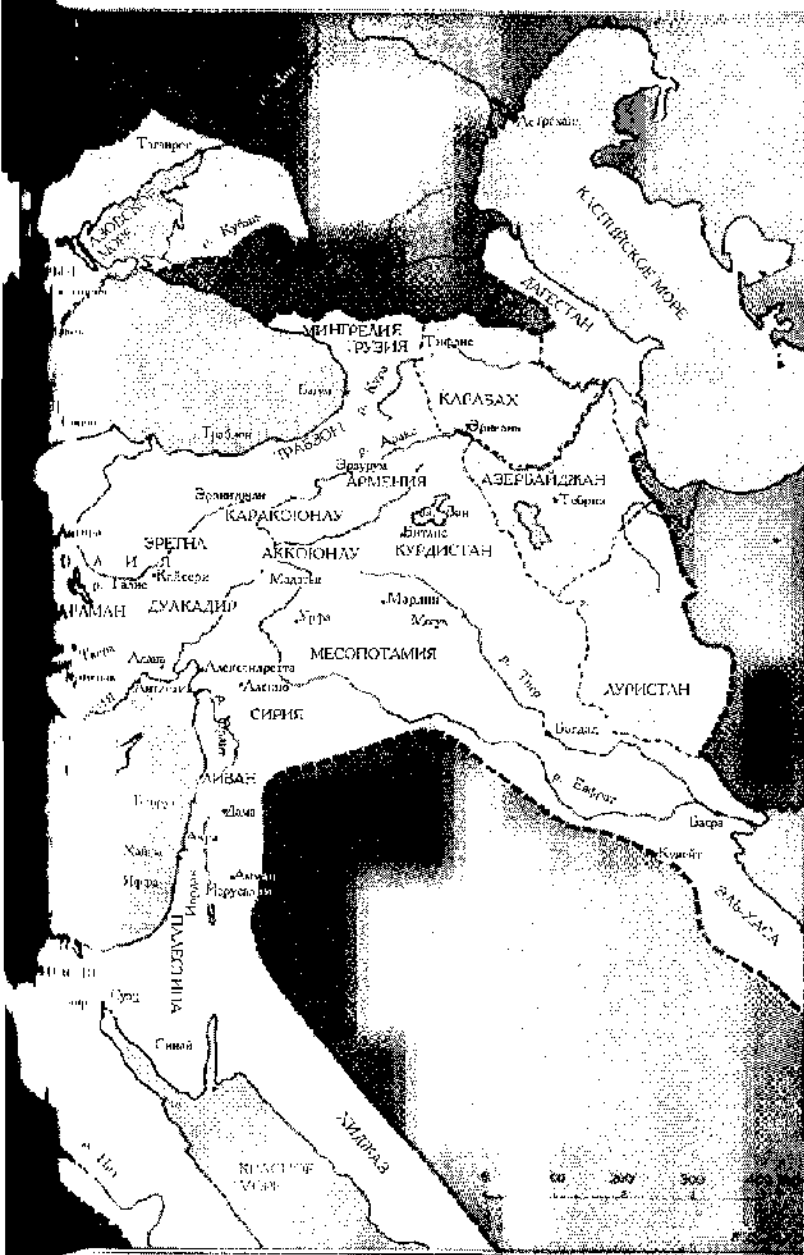
Хотя Джем в первый момент не полностью осознал это, забота рыцарей о нем по существу была политической по своим мотивам. В руках христианского мира он был драгоценным заложником против османской агрессии. Его покровители, сначала во Франции, а затем в Ватикане и Риме, были на самом деле его тюремщиками, выжидающими подходящий момент, чтобы спустить этого «брата Турка» с цепи на своего, теперь уже страшного общего врага. Он явился, чтобы быть использованным в качестве залога в дипломатических интригах соперничавших христианских правителей. В конце концов он внезапно скончался в Неаполе, возможно, будучи отравленным — во что многие не без основания верили — папой Борджия назвал королем франков и с молчаливого согласия своего собственного брата, султана, который в конце концов мог сослаться на закон о братоубийстве как на легальное основание любого подобного преступления.

При всех своих миролюбивых намерениях Баязид, как до, так и после смерти Джема, был неумолимо вовлечен в маневры европейской дипломатии. В практику европейских государств вошло использовать друг против друга в Италии угрозу поддержки со стороны турок. Османская империя была теперь фактором, с которым нужно было считаться не только на суше, но и на Средиземном море. Баязид, исполненный решимости положить конец всем авантюрам крестоносцев, продолжал наращивать турецкий флот, как это первым начал делать его отец. Баязид стремился с помощью программы массового строительства кораблей достичь господства своего флота в Средиземном море. Он решил возобновить войну с Венецией, когда его наземные и морские силы последовательно овладели Лепанто, Модоном, Короном и Наварино в Греции. Баязид предложил помощь Милану и Неаполю, от монарха которых он надеялся добиться уступки Отранто. Но пока Баязид не решился пересечь Адриатику, ибо Венеция могла рассчитывать на военно-морскую поддержку французов, испанцев и португальцев.

В 1503 году между султаном, венецианцами и этими различными союзниками был подписан мирный договор, который главным образом подтверждал существующий статус-кво. Но война снизила морскую мощь Венеции к выгоде турецкого флота, который после этого стал осуществлять активные рейды не только на восточные, но и на западные берега Средиземноморья. Здесь их приветствовали как «морских гази» мусульмане Испании и Северной Африки. В то же самое время Баязид в больших масштабах поощрял торговую и экономическую экспансию своей империи, выгодно торгуя с купцами итальянских государств и поощряя иммиграцию в свои

Османская империя в период наивысшего могущества.

владения новых групп евреев, которых в конце XV века изгоняли из Испании.

В этот промежуток времени у турок возникли проблемы в Азии с тюркскими кочевниками, теми самыми беспокойными племенами, которые с незапамятных времен скитались по пограничным областям Анатолии и которые теперь благодаря подстрекательству из-за сирийской и персидской границ, находились в состоянии нарастающего мятежа против центральной власти. В ходе шести последовательных ежегодных военных операций турки сражались за господство над ними против сил мамлюкского султана в Сирии, и мирное соглашение было в конце концов достигнуто только ценой пограничных уступок мамлюкам со стороны турок.

Недовольство турок возникло из-за введения по мере развития империи власти централизованной администрации, которая стремилась установить над ними контроль и обложить их налогом, ограничивая их предшествующую племенную автономию и защищая оседлое сельскохозяйственное население от их разрушительных набегов. Носившие красные шапки, известные с тех пор как кызылбаши, или «красноголовые», они были религиозными еретиками. Их интеллектуальным и политическим вдохновителем был Исмаил, новый правитель, который провозгласил себя шахом Персии в 1502 году. Унаследовав амбиции Узун Хасана и племенные связи, Исмаил последовал его примеру, ища союза с Венецией, и сам возглавлял набеги на турецкую территорию. Тем временем мятежные силы кызылбашей, действуя от его имени, стали проникать в Анатолию настолько далеко, что дошли до стен Бурсы, где великий визирь Баязид Али-паша погиб в сражении. Исмаил утверждал, что он является прямым потомком пророка по линии зятя Мухаммеда Али, и провозгласил официальной религией государства шиизм — ответвление ислама, на котором основывалась законность претензий Али на халифат и к которому (с его мистическими и интуитивными характеристиками) народ Персии был особенно привязан. Суфийский же ислам, который поддерживал претензии рода Омейядов и который был господствующей верой исламского общества, стал с тех пор известен как «ортодоксальный».

Исмаил приобрел известность как великий суфий, в то время как его гетеродоксальные верования завоевали широкую поддержку по всей Восточной и Южной Анатолии. Баязид сам, с его склонностью к мистике, продемонстрировал некоторую симпатию к философским доктринам суфизма. Но он был обязан отвергнуть его, когда суфизм стал использоваться иностранным монархом в качестве инструмента политической подрывной деятельности в его собственных границах. В результате турецкие армии противостояли Исмаилу, хотя они и не вынудили его принять сражение. Но приход Исмаила к власти

должен был вызвать в династии Османов новый конфликт, на этот раз носящий религиозный характер. Из трех оставшихся в живых сыновей султана — все губернаторы провинций — младший, Селим, был наиболее энергичным и воинственным, непохожим на отца, но напоминающим своего деда, Завоевателя. Любимцем Баязида был его второй сын, Ахмед, таланты которого лежали, скорее, в области управления.

Селим, зная, что здоровье Баязида находится в плохом состоянии, и испованный решимости претендовать на трон, нанес незамедлительный визит в Стамбул, где заручился поддержкой янычар, пытаясь полных пресечения к военной бездеятельности Баязида и вытекающей из этого невозможности для них пользоваться материальными плодами завоеваний. Однако в данный момент Баязид оказался в состоянии помешать младшему сыну и продолжал при поддержке своих чиновников действовать в пользу Ахмеда. Селим бежал в Крым, где губернатором был его сын — в будущем великий султан. Здесь он собрал новую армию, прошел по северному побережью Черного моря и захватил Адрианополь. Тем временем Ахмед впал в ересь, облачился в красную шапку кызылбашей и собрал войско, чтобы взять Бурсу. Тем самым он пожертвовал поддержкой со стороны отца. Селим направился теперь с отрядом янычар к Стамбулу, и там Баязид согласился отречься от престола в его пользу. После передачи младшему сыну имперского скипетра смещенный султан попросил разрешить ему удалиться на родину, в Димотику. Но он скончался по пути туда — возможно, он был отравлен по приказу своего сына.

Так началось правление Селима I, Селима Явуза, или «Беспощадного», как его стали называть. Его первым действием по восшествии на трон было удушение с помощью шнурка двух его братьев. Он распространил принцип братоубийства также на четырех своих племянников-сирот, мальчиков пяти лет от роду и старше. Они все были задушены с помощью шнурка. В это время Селим находился в соседней комнате и слышал их крики. Обеспечив таким чудовищным методом себе полную власть дома, Селим направил вооруженные силы в Азию, на восток.

Религиозный и безмерно фанатичный в своих побуждениях, новый султан больше всего был предан делу искоренения в своей империи ереси шиизма. Его главным врагом был ее носитель, персидский шах Исманил. Прежде чем начать против него священную войну, Селим отдал приказ уничтожить около сорока тысяч религиозных последователей Исманила в Анатолии — деяние, сравнимое в условиях ислама с современной ему резней в Варфоломеевскую ночь в христианской Европе. За такую борьбу с шиизмом он получил имя «Справедливого».

Объявляя свою грядущую кампанию борьбой газиз с еретиками, Селим адресовал шаху серию провокационных и язвительных официальных посланий. Исмаил не поддавался на его провокации, предлагая поддерживать мирные отношения. Когда Селим и его войска продвинулись вперед, Исмаил отошел за свои границы, следуя политике выжженной земли, но в конце концов был вынужден дать бой в долине Чаддырана, в котором успех был на стороне Селима. Султан захватил Тебриз, перебил плеших, но отправил в Стамбул несколько тысяч ремесленников и мастеров, для которых город был знаменитым местом, чтобы там они могли заниматься своим ремеслом и обогащать архитектуру османов. В последующих кампаниях Селим оккупировал различные города и территории и в итоге аннексировал высокое плато Восточной Анатолии — обеспечив Османскую империю природным стратегическим бастионом против любых вторжений с востока и тем самым кардинально меняя баланс сил в Азии.

В качестве экономического оружия против Персии Селим запретил торговлю шелком, главным экспортным товаром в торговле с Западом, на который приходилась большая часть выручки серебром и золотом, и выслал на Балканы персидских торговцев шелком в Бурсе. В аналогичном духе экономической войны он позже попытался приостановить торговлю мамлюков рабами — черкесами с Кавказа.

Одержав победу над Персией, Селим в 1516 году бросил свои силы против мамлюков. До этого времени мамлюки, с одной стороны, полагались на поддержку турок против угрозы со стороны Исмаила, а с другой стороны — в морских делах, против угрозы португальцев в их тылу в результате плаваний Васко да Гамы в Африку и Индию. Чтобы ответить на угрозу со стороны португальцев, мамлюкам нужны были от турок лесоматериалы для строительства кораблей наряду с черным порохом и оружием.

Однако теперь, когда войска султана приближались к пограничным районам Сирии, престарелый султан мамлюков Кансу аль Гур больше не мог позволить себе оставаться нейтральным и направил войско из Египта на север. Это спровоцировало Селима на то, чтобы повести свою армию на Алеппо и наголову разбить войско мамлюков перед городом. Султан Кансу аль Гур был убит на поле боя. Затем он отправился на захват Дамаска, Бейрута и Газы, в Палестине. Здесь он предпринял паломничество к могилам пророков и к скале Авраама в Иерусалиме.

Во всех завоеванных городах были посажены губернаторы. Они обращались с правителями Ливана только как с номинальными вассалами, вели себя терпимо в отношении евреев и христиан и снизили тарифы и сборы для пилигримов, следующих в Иерусалим, поскольку Селим был более терпимым к христианам, чем к мусульманским еретикам.

На границах Египта султан сделал остановку. В его руках теперь находился ортодоксальный аббасидский халиф Аль-Мутаваккиа, сопровождавший армию потерпевшего поражение султана мамлюков. Аббасидским халифом Селим обращался с почтением, сочетаящим уважение с бдительностью. Он написал преемнику Кансу аль Гура в Каире, Туман-бегу, послание, в котором заявлял, что халиф и его судьи являются законом для османскому султану, в верности, следовательно, теперь он является законным султаном всех владений мамлюков. Он был, однако, готов к тому, чтобы оставить мамлюка губернатором в Каире, вассалом, уплачивающим Стамбулу дань.

Когда Туман-бей отказался сдаться и демонстративно провозгласил себя султаном мамлюков, Селим со своей армией пересек Синайскую пустыню. После успешной пробы сил он направил халифа с армией в Каир, обещая в отличие от его правителей доброжелательно обращаться с народом Египта и надеясь таким путем успокоить его страхи. На следующий день в честь Селима была прочитана пятничная молитва, означавшая конец режима мамлюков. После нескольких дней борьбы в Каире и окрестностях города Туман-бей был разбит в сражении вблизи пирамид и повешен на городских воротах, традиционно служивших в качестве виселицы.

Селим провел в Каире около шести месяцев, планируя будущее Египта в качестве государства-даника. Осенью 1517 года, оставив за собой генерал-губернатора, он стал готовиться к тому, чтобы вести армию обратно в Стамбул. Тем временем халиф был заранее выслан вперед, чтобы находиться при его дворе. Управление халифатом теперь должно было быть в целом передано турецким султанам. Более реальное значение имели перемещение в Стамбул знамени и плаща пророка, реликвий, обладание которыми символизировало статус султана как защитников святых мест Мекки и Медины и путей следования пилигримов в Хиджасе, а следовательно, и ислама в целом. Селим, таким образом, мог теперь претендовать на роль главы исламского мира, как это делали до него султаны-мамлюки. Поскольку он был самым могущественным сувереном мусульманского мира, все его правители теперь, хотя бы теоретически, рассматривались в качестве подчиненных его неоспоримому авторитету.

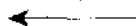
Двумя годами позже Селим скончался в муках от рака, в деревне на дороге в Константинополь. Крупный мужчина со свирепым выражением лица, неистовый по характеру, с огненными глазами и холерической комплекцией, Селим не обладал уважением к человеческой жизни. Рассказов о его импульсивной жестокости имеется множество. Одним из его наиболее ранних публичных деяний — так утверждали — было убийство ударом меча провинциального губернатора, который вслед за уступками, сделанными султаном инчыарам, поторопился потребовать увеличить свой доход. Селим

всегда был в достаточной мере готов отдать приказание обслуживавшим его немым слугам убить на месте любого человека, осмелившегося возразить или как-либо еще не понравившегося ему.

Жизни и карьеры его великих визирей были, таким образом, достаточно скоротечными. Семеро из них были обезглавлены по его приказаниям вместе с другими многочисленными чиновниками и военачальниками. Фраза: «Чтоб тебе быть визирем Селима» — вошла в обиход на турецком жаргоне как подразумевающая проклятие: «Порази тебя смерть!». В качестве меры предосторожности визири выработали благоразумную привычку брать с собой, когда их вызывали к султану, свои последние по времени завещания. Один из них рискнул игриво попросить своего господина о некоем предварительном уведомлении насчет того, когда ему следует ожидать обвинительного приговора, чтобы у него было время привести в порядок свои дела. На что, громко смеясь, султан ответил: «Я некоторое время думал о том, чтобы убить тебя, но у меня сейчас нет никого подходящего, чтобы занять твоё место; в противном случае я бы тут же сделал это».

Несмотря на подобные опасности, в желающих занять высшие посты недостатка не было. Ибо вознаграждения были столь же велики, как и риск. Более того, жизнь при дворе Селима была полна событий и стимулов, скрытых причин для безрассудного и полнокровного веселья. Жестокости султана, столь типичные для самого духа этого времени, оживлялись грубыми удовольствиями, контрастируя с холодным расчетом жестокостей его деда Завосвателя. Ибо при всем своем варварстве Селим был также человеком парадоксально высокой культуры, влюбленным в литературу и надменным талантом поэта. Он написал книгу од на персидском языке, с удовольствием покровительствовал ученым людям, беря с собой на кампании бардов и историков, чтобы записывать происходящие события и воспевать подвиги турок.

Сверх всего, он был великим воином. Уравновешивая своими имперскими захватами в исламской Азии завоевания своего деда и его предшественников в христианской Европе, Селим менее чем за десятилетие удвоил размеры Османской империи. Ко времени его смерти она простиралась от берегов Дуная до берегов Нила, от побережий Адриатики до побережий Индийского океана. Таким раскинувшимся далеко на два континента, было теперь имперское наследие его сына Сулеймана.

Празднование по случаю дня рождения пророка в Ахмедие (Голубой) мечети и прекрасный вид на внутреннее архитектурное убранство здания.

Отпечаток из книги «Общая картина Османской империи» Игнатия М. д'Оссона. Париж, 1787, том 1, иллюстрация 25.

Восхождение Сулеймана на вершину османского султаната в 1520 году совпало с поворотным моментом в истории европейской цивилизации. Мрак позднего средневековья с его отмиравшими феодальными институтами уступал место золотому свету Ренессанса. Под руководством юных суверенов, обладавших выдающимися индивидуальными способностями, набирали силу зрелые, цивилизованные государства. XVI век был веком Карла V и империи Габсбургов; Франциска I и дома Валуа во Франции; Генриха VIII и Тюдоров в Англии. Три этих могущественных монарха встретили теперь в лице двадцатипятилетнего султана Сулеймана равного себе «второго Соломона».

На Западе он должен был стать неотделимым элементом христианского баланса сил. На исламском Востоке Сулейману были предсказаны великие свершения. Десятый по счету султан-турок, правивший в начале X века хиджры, он был в глазах мусульман живым олицетворением благословенного числа десять — числа человеческих пальцев на руках и на ногах; десяти чувств и десяти частей Корана и его вариантов; десяти заповедей пятикнижья; десяти учеников Пророка, десяти небес исламского рая и десяти сидящих на них и сторожащих их духов. Восточная традиция утверждает, что в начале каждого века появляется великий человек, предназначенный для того, чтобы «взять его за рога», управлять им и стать его воплощением. И вот такой человек явился в обличье Сулеймана — «самый совершенный из числа совершенных», следовательно, ангел небес.

С момента падения Константинополя и последующих завоеваний Мехмеда западные державы были вынуждены сделать серьезные выводы из продвижения турок-османов. Видя в нем постоянный источник для беспокойства, они готовились противостоять этому продвижению не только в смысле обороны военными средствами, но и дипломатическими действиями. Угроза турецкой интервенции, слух о секретном альянсе турок служили в качестве полезного орудия дипломатии среди итальянских государств. В этот период религиозного

брожения встречались люди, которые верили, что турецкое вторжение было бы Божиим наказанием за грехи Европы; существовали места, где «турецкие колокольчики» призывали верующих каждый день к покаянию и молитве. Легенды крестоносцев гласили, что турки завоеватели продвинутся вперед настолько далеко, что достигнут священного города Кельна, но что здесь их вторжение будет отражено в результате великой победы христианского императора — но и папы — и их силы отогнаны за Иерусалим. Когда Карл V стал императором Священной Римской империи, он был всенародно провозглашен, в этом контексте, защитником христианства.

Имперские владения Карла, благодаря сочетанию благоразумных браков и удачных смертей, простирались от Балтики до Средиземного моря, от Нидерландов, через Германию и Австрию, до Испании. Они включали также королевства Неаполя и Сицилии и опорные пункты в Мексике и Перу. На полученных им в наследство австрийских землях по ту сторону Альп Карл столкнулся с реальной угрозой с стороны турок-османов, которая теперь, при Сулеймане, должна была возрасти.

Хотя опасность со стороны турок действительно постоянно возрастала, в это время самым активным врагом Карла был Франциск I из Франции, его соперник, потерпевший поражение в выборах претендента на мантию императора Священной Римской империи. Честолюбивой мечтой Карла было объединить в Священную Римскую империю весь мир западного христианства под властью Габсбургов. Препятствием на пути осуществления мечты о завоевании всей Европы была Франция, отделившая его германские владения от его владений в Испании, препятствовавшая реализации его замыслов в Северной Италии, где два монарха были вовлечены в непрекращающиеся пограничные споры, и представлявшая угрозу морским коммуникациям, от которых зависели его военные безопасность и процветание торговли. Таков был конфликт, разделявший две главные христианские державы, который часто из «неверного общего врага» делал потенциального и желанного союзника.

Что Франциск и должен был теперь обнаружить. Выступив изначально проповедником великого крестового похода против турок под знаменами римского папы, он вскоре начал искать их поддержки, поскольку они имели этого общего врага в лице габсбургской империи. Франциск делал это тайно и двулично, выковыливая на основе их соответствующих политических интересов «святоотеческий союз Азии и Полумесияда», который он сначала стремился скрыть от христианского мира, но который должен был продолжаться с перерывами и злостными, почти три сотни лет. Сулейман в нескольких случаях субсидировал его, послав ему в 1533 году сумму в сто тысяч золотых, чтобы помочь создать коалицию против

Карла V с участием английских и германских правителей. Два года спустя Франциск потребовал субсидию в миллион дукатов. Венецианскому послу он заметил, что видит в Османской империи единственную силу, гарантирующую существование европейских государств в противовес императору — Габсбургу.

Когда Карл обвинил Франциска в промусульманских симпатиях, он открыто пообещал присоединиться к крестовому походу, а затем сумел оправдаться через своего посланника в Стамбуле. Подобные разъяснения удовлетворили проницательного султана, который отлично понимал потребность французов в турках в качестве союзников, и сам пришел к тому, что стал полагаться на этот союз в качестве одного существенного элемента структуры своей внешней политики. Вот так Сулейману в Европе XVI века была отведена роль эмансипатора, что усиливало в дипломатическом и военном отношениях мощь и престиж Османской империи.

Как приличествовало растущей державе международного ранга, турки создали собственную службу разведки, которая постоянно держала власти хорошо информированными о событиях и тенденциях Западной Европы. Их главными осведомителями были венецианцы, которые, несмотря на упадок великой державы, на протяжении века всегда соприкасались с основными событиями и имели постоянного дипломатического представителя при дворе султана. Аналогичным образом они отчитывались на Западе о характере и деятельности Сулеймана.

Вот что писал о Сулеймане венецианский посланник Бартоломео Контарини несколько недель спустя после восхождения Сулеймана на трон:

«Ему двадцать пять лет, он высокий, крепкий, с приятным выражением лица. Его шея немного длиннее обычной, лицо тонкое, нос орлиный. У него пробиваются усы и небольшая бородка; тем не менее выражение лица приятно, хотя кожа имеет тенденцию к чрезмерной бледности. О нем говорят, что он мудрый повелитель, любящий учиться, и все люди надеются на хорошее его правление».

Получивший образование в дворцовой школе в Стамбуле, он большую часть своей юности провел за книгами и занятиями, способствующими развитию его духовного мира, и стал восприниматься жителями Стамбула и Эдирне (Адрианополя) с уважением и любовью.

Сулейман получил также хорошую подготовку в административных делах в качестве юного губернатора трех разных провинций. Он, таким образом, должен был вырасти в государственного деятеля, который сочетал в себе опыт и знания, в человека действия, который при этом оставался человеком культурным и тактичным, достойным эпохи Ренессанса, в которую он был рожден. Наконец, Сулейман

был человеком искренних религиозных убеждений, которые вырабатывали в нем дух доброты и терпимости, без каких-либо следов отцовского фанатизма. Больше всего он вдохновлялся высокими идеями собственного долга как «Руководитель правоверных». Следуя традициям гаяз своих предков, он был святым воином, обязанным с самого начала своего правления доказать свою военную мощь по сравнению с силой христиан. Он стремился с помощью имперских завоеваний достичь на Западе того же, чего его отец, Селим, удалось добиться на Востоке.

Погрузившись в историю Александра Великого, Сулейман стал вынашивать честолюбивую идею объединить, подобно тому, как это стремился сделать Искандер, земли и народы Востока и Запада. В стремлении к мировой империи он проникнет гораздо дальше современной османской окраины в Восточной Европе, прямо имперское сердце самой Центральной Европы.

Здесь он был полон решимости встретиться лицом к лицу с императором, нанести поражение и оккупировать территории императора Карла, угрожая затмить его как «Повелителя Века». Двумя пробными полями действий соответственно на суше и на море были королевство Венгрия, заслон для центральных владений Габсбургов, и Средиземное море с его христианскими островами и его береговой линией вдоль Испании и Северной Африки. Его ближайшими целями были те, которых не смог достичь Мехмед Завоеватель, — город Белград и остров Родос.

В достижении первой цели он мог воспользоваться преимуществом нынешней слабости Венгрии как звена в цепи оборонительных позиций Габсбургов. В ходе быстрой и решительной кампании он окружил Белград, затем подверг его обстрелу тяжелой артиллерии с острова на Дунае. «Враг, — отмечал он в дневнике, — отказался от обороны города и поджег его; они отступили в ужасе». Туда взрывы мин, подведенных под стены, предопределили сдачу гарнизона, который не получил никакой помощи от венгерского правительства. Оставив Белград с гарнизоном из подразделений янычар, Сулейман вернулся на триумфальную встречу в Стамбул, уверенный, что венгерские равнины и верхний бассейн Дуная теперь лежат беззащитными перед турецкими войсками. Тем не менее минуло еще четыре года, прежде чем султан смог возобновить свое вторжение.

Его внимание в это время было переключено с Центральной Европы на Восточное Средиземноморье. Здесь, на пути сообщения по морю между Стамбулом и новыми турецкими территориями Египта и Сирии, лежал надежно укрепленный аванпост христианства, остров Родос. Его рыцари-госпитальеры из ордена святого Иоанна Иерусалимского, умелые и грозные мореходы и воины, печально известные туркам как «профессиональные головорезы и пираты».

теперь постоянно угрожали торговле турок с Александрией; перехватывали турецкие грузовые суда, везущие лесоматериалы и другие товары в Египет, и пилигримов по пути в Мекку через Суэц; препятствовали операциям собственных корсаров султана; поддерживали восстание против турецких властей в Сирии.

Таким образом, Сулейман во что бы то ни стало решил захватить Родос. С этой целью он направил на юг армаду из почти четырех тысяч кораблей, тогда как сам повел армию в сто тысяч человек по суше через Малую Азию к месту на побережье напротив острова.

У рыцарей был новый Великий Магистр, Вильер де Л'Иль-Адам, человек действия, решительный и мужественный, полностью преданный в воинственном духе делу христианской веры. На ультиматум со стороны султана, предостерегающий атаке и включавший привычное предложение мира, предписанное коранической традицией, Великий Магистр ответил только ускорением выполнения своих планов обороны крепости, стены которой были дополнительно укреплены после предыдущей осады Мехмедом Завоевателем.

Гарнизон был в последнее время подкреплён контингентами, поступившими от различных командиров Ордена в Европе, составивший, насчитывавший по меньшей мере семьсот рыцарей, — крупнейший из когда-либо собиравшихся на Родосе. Дополнительно Великий Магистр ухитрился, вопреки нейтралитету Венеции, доставить с Крита пятьсот стрелков из лука, которые высадились на берег под escortом носильщиков и палубных матросов с судов, нагруженных бочонками критского вина и другим провиантом.

Но поскольку это была осада, решающим видом оружия была артиллерия. Турки славились своим мастерством в инженерном деле, и их артиллерия считалась теперь одной из лучших в мире. Они особенно преуспели в искусстве организации и поддержания непрерывного планомерного наступления против укрепленной позиции. Более того, на Родосе Сулейман намеревался дополнить бомбардировку установкой мин из дымящего пороха, которые предполагалось взрывать в больших количествах. Это должно было стать основным тактическим оружием.

Турки, когда был собран их флот, высадили на остров инженеров, которые в течение месяца разведывали подходящие места для их батарей. В конце июля 1522 года подошло подкрепление из главных сил султана, включавших пять армейских корпусов, которые заняли ранее подготовленные позиции под стенами крепости, образуя поумесью перед пятью основными бастионами рыцарей из Франции, Германии, Оверни, Кастилии и Арагона, Англии, Прованса и Шпани и далее на юг, замыкая крепость в кольцо, от моря до моря. На следующий день началась страшная бомбардировка. Она продолжалась в течение месяца в условиях встречного артобстрела, который

вскоре рассеял все надежды султана на быстрый захват крепости штурмом.

Это, однако, в сущности, было лишь прелюдией к главной операции по минированию крепости. Она включала рытье саперами невидимых сверху подкопов в каменистой почве, по которым батареи мин можно было бы продвинуть ближе к стенам и затем расставить мины в выбранных точках внутри стен и под ними. Это был подземный подход, редко применявшийся в осадных войнах до этого времени. Наиболее неблагоприятная и опасная работа по рытью подкопов пала на ту часть войск султана, которая была призвана на военную службу преимущественно из христианского происхождения крестьян таких подвластных ему провинций, как Босния, Болгария и Валахия.

Только в начале сентября стало возможным продвинуть необходимые силы вплотную к стенам, чтобы начать вести подкопы. Вскоре большая часть крепостного вала была пронизана почти пятьюдесятью подкопами, идущими в разных направлениях. Однако рыцари заручились содействием итальянского специалиста по минам из венецианской службы по имени Мартинетро, и он также вел подкопы. Вскоре Мартинетро создал свой собственный подземный лабиринт тоннелей, перекрещивавшихся с турецкими и противостоящими им в различных точках, часто на расстоянии немногим большем, чем толщина планки. Он имел свою сеть постов подслушивания, оборудованных миноискателями своего собственного изобретения — трубками из пергамента, которые сигнализировали своими отраженными звуками о любом ударе вражескими кирки, и команду родосцев, которых он обучил пользоваться ими. Также Мартинетро устанавливал контрмины и «вентилювал» обнаруженные мины путем бурения спиральных отдушин, чтобы гасить силу их взрыва.

Серия атак, дорого обходившихся туркам, достигла наивысшего накала на рассвете 24 сентября, во время решающего общего штурма, объявленного накануне взрывами нескольких вновь установленных мин. Во главе штурма, предпринятого против четырех отдельных бастионов, под прикрытием занесы черного дыма, артиллерийской бомбардировки, шли янычары, водрузившие в нескольких местах свои знамена. Но после шести часов сражения, столь же фанатичного, как и любая другая схватка в истории войн между христианами и мусульманами, наступавшие были отброшены, потеряв не одну тысячу человек. В последующие два месяца султан не стал больше рисковать новыми генеральными атаками, а ограничил себя операциями по минированию, которые все глубже пропикали под город и сопровождались малоуспешными местными штурмами. Моральный дух турецких войск был низким; к тому же приближалась зима.

Но и рыцари приходили в уныние. Их потери, хотя и составлявшие всего лишь десятую долю потерь турок, были достаточно тяжелыми по отношению к их численности. Сокращались припасы и запасы продовольствия. Более того, среди защитников города нашлись те, кто предпочел бы сдаться. Вполне обоснованно им доказывали, что Родосу повезло, что он смог так долго существовать после падения Константинополя; что христианские державы Европы теперь уже никогда не разрешат свои противоположные интересы; что Османская империя, после завоевания египта, стала в настоящее время единственной полновластной исламской державой в Восточном Средиземноморье, что ее морская мощь быстро растет и что ее современная артиллерия настолько сильна, что ей невозможно противостоять; что почетное перемирие с турками дало бы рыцарям возрождение надежд на выполнение их миссии поиска новых миров для завоеваний и обращения в христианскую веру. Но Де Л'Иль-Адам был крестоносцем-романтиком старой школы святого Людовика, готовым пожертвовать всем и сопротивляться до смерти, которая озарила бы светом путь всему христианскому миру к триумфальному последнему крестовому походу против безбожника-турка.

После возобновления общего штурма, который провалился, султан 10 декабря выкинул белый флаг на башне церкви, располагавшейся вне городских стен, в качестве приглашения обсудить условия сдачи на почетных условиях. Но Великий Магистр созвал совет: рыцари в свою очередь выкинули белый флаг, и было объявлено трехдневное перемирие. Предложения Сулеймана, которые теперь смогли передать им, включали предложение рыцарям и жителям крепости покинуть ее вместе с имуществом, которое они могли унести. Тем, кто предпочел бы остаться, предлагалось сохранение их домов и имущества без каких-либо изъятий, полная религиозная свобода и освобождение от уплаты дани на протяжении пяти лет. После горячих дебатов большинство совета согласилось, что «для Бога было бы более приемлемой вещью достичь о мире и сохранить жизни простых людей, женщин и детей». Великий Магистр продолжал предпочитать сопротивление. Но гарнизон больше не мог терпеть, нависла прямая угроза восстания.

Итак, на Рождество, после осады, длившейся 145 дней, капитуляция Родоса была подписана, султан подтвердил свое обещание и к тому же предложил корабли для отъезда жителей. Был произведен обмен заложниками, и небольшой отряд высокодисциплинированных шипчар был послан в город. Султан скрупулезно соблюдал выданные им условия, которые были нарушены лишь однажды — и он не знал об этом — небольшим отрядом войск, которые вышли из повиновения, бросились по улицам и совершили ряд зверств, прежде чем их вновь призвали к порядку.

После церемониального вступления турецких войск в город Великий Магистр исполнил формальности сдачи султану, который воздал ему соответствующие почести. 1 января 1523 года Д'Аль-Адам навсегда покинул Родос, выйдя из города вместе оставшимися в живых рыцарями, несущими в руках развевающиеся знамена, и попутчиками. Потерпев кораблекрушение во время урагана вблизи Крита, они потеряли многое из оставшегося имущества, но смогли продолжить свое путешествие до Сицилии и Рима. На протяжении пяти лет у отряда рыцарей не было пристанища. Наконец им дали приют на Мальте, где им снова пришлось сразиться с турками. Их уход с Родоса стал ударом для христианского мира, ничто теперь не представляло серьезной угрозы для турецких военно-морских сил в Эгейском море и в Восточном Средиземном море.

Утвердив превосходство своего оружия в двух успешных кампаниях, юный Сулейман предпочел ничего не предпринимать в течение трех летних сезонов, прежде чем приступить к третьей кампании. Он занялся усовершенствованиями внутренней организации своего правительства: впервые после вхождения во власть посетил Эдирне (Адрианополь), где предавался охотничьим забавам. Затем направил в Египет войска для подавления восстания турецкого губернатора Ахмеда-пашы, отказавшегося от своей верности султану. Командовать подавлением восстания он назначил своего великого визиря, Ибрагима-пашу, чтобы восстановить порядок в Каире и реорганизовать администрацию провинции.

Но по возвращении из Эдирне в Стамбул султан столкнулся с шумом янычар. Эти вояки, пользующиеся привилегиями пехотинцы рассчитывали на ежегодные кампании, чтобы не только удовлетворить свою жажду боя, но и обеспечить себе дополнительные доходы от грабежей. Так что они негодовали по поводу затянувшегося бездействия султана. Янычары оцутимо становились более смелыми и более осознающими свою мощь, поскольку теперь они составляли уже четверть постоянной армии султана. В военное время они были, как правило, преданными и верными слугами своего повелителя, хотя могли и не подчиниться его приказам, воспрещающим разграбление захваченных городов, и при случае ограничивали его повеления, протестуя против продолжения чрезмерно напряженных кампаний. Но в мирное время, изнывая от бездействия, больше не имея в обстановке жесткой дисциплины, а пребывая в относительной праздности, янычары все больше и больше приобретали свойство угрожающей и ненасытной массы — особенно во время интервала между смертью одного султана и восшествием на трон другого.

Теперь же, весной 1525 года, они начали мятеж, грабя таможен, еврейский квартал и дома высших чиновников и других людей. Группа янычар силой проложила путь в приемную султана, который, как говорят, убил троих из них собственной рукой, но был вынужден удалиться, когда остальные стали угрожать его жизни, наставив на

него свои луки. Мятеж был подавлен с помощью казни их аги и нескольких офицеров, подозревавшихся в соучастии, тогда как другие офицеры были уволены со своих постов. Солдаты были успокоены с помощью денежных подношений, но также и перспективой кампании на следующий год. Ибрагим-паша был отозван из Египта и назначен главнокомандующим вооруженными силами империи действующим в качестве второго после султана, командующим армией, мобилизация которой велась в то время в ходе подготовки второго вторжения в Венгрию. Захват Белграда открывал путь вверх по Дунаю.

Ибрагим-паша — одна из самых блестящих и могущественных фигур периода правления Сулеймана. Он был по происхождению греком из христиан — сын моряка из Парги, в Ионическом море. Родился в один и тот же год — и даже, как он утверждал, на той же неделе, — что и сам Сулейман. Захваченный еще ребенком турецкими корсарами, Ибрагим был продан в рабство вдове из Магнесии, которая дала ему хорошее образование и научила играть на музыкальном инструменте. Через некоторое время, в пору своей юности, он встретил Сулеймана, в то время наследника трона и губернатора Магнесии, который был очарован им и его талантами и сделал его своей собственностью. Сулейман сделал Ибрагима одним из своих личных пажей, затем поверенным лицом и наиболее близким фаворитом.

После восшествия Сулеймана на трон молодой человек был назначен на пост старшего сокольничего, затем последовательно занимал ряд постов в имперских покоях. Ибрагим сумел установить со своим хозяином необычайно дружеские отношения, ночевал в апартаментах Сулеймана, обедал с ним за одним столом, делил с ним досуг, обменивался с ним записками через немых слуг. Сулейман, замкнутый по натуре, молчаливый и склонный к проявлениям меланхолии, нуждался именно в таком доверительном общении.

Под его покровительством Ибрагим был обвенчан с подругой той помпой и великолепием с девушкой, которую считали одной из сестер султана. Его восхождение к власти было на самом деле настолько стремительным, что вызвало у самого Ибрагима некоторую тревогу. Будучи прекрасно осведомленным о причудах взлетов и падений служащих при османском дворе, Ибрагим однажды зашел настолько далеко, что стал умолять Сулеймана не ставить его на слишком высокий пост, поскольку падение будет для него крахом. В ответ, как утверждают, Сулейман похвалил за скромность своего фаворита и поклялся, что Ибрагим не будет предан смерти, пока он правит, независимо от того, какие обвинения могут быть выдвинуты против него. Но, как заметит историк следующего века в свете дальнейших событий: «Положение королей, которые являются людьми

«и подвержены переменам, и положение фаворитов, которые горды и неблагодарны, заставит Сулеймана не выполнить свое обещание, и Ибрагим потеряет свою веру и лояльность».

Мятеж янычар, возможно, ускорил решение Сулеймана осуществить поход в Венгрию. Но на него также оказало влияние поражение и пленение Франциска I императором — Габсбургом — в битве при Павии в 1525 году. Франциск из своей тюрьмы в Мадриде направил в Стамбул секретное письмо, спрятанное в подошвы ботинок его посланника, прося султана об освобождении, предприняв против Карла, который в ином случае станет «хозяином моря», генеральную кампанию. Обращение совпадало с личными делами Сулеймана в момент, когда Венгрия, страна без патриотизма и фактически без друзей, пребывала более чем когда-либо в беспорядке и расколе между «дворцовой партией» слабого короля Людовика II с его знатью, поддерживавшей императора но получавшей небольшую поддержку от него и еще меньшую от Запада; «национальной партией» Яна Запольяи, губернатора и эффективного правителя Трансильвании, с группой менее значительных магнатов; и притесняемым крестьянством, которое рассматривало турок как освободителей. Сулейман, следовательно, мог войти в страну в роли друга ее короля и императора и одновременно друга магнатов и крестьян.

Со времен падения Белграда пограничные стычки турок и венгров непрерывно продолжались с переменным успехом. Теперь, 23 апреля 1526 года, султан, предварительно отдав приказ построить мост через Саву и Драву — два притока Дуная, выступил в свой поход на запад с армией, насчитывавшей несколько сот тысяч человек. Из них приблизительно половину составляло ядро из регулярных войск, включавших пехоту (янычар), кавалерию (сипахов) — либо из наемных солдат, либо владельцев наделов — и артиллерию. Остальную часть составляло нерегулярное войско, также включавшее пехоту (азапов) и кавалерию (акынджи) — исполнявшее, но живущее за счет военной добычи войско. В общем, их использовали либо как силу, которой можно пожертвовать, в случае если ее располагали в первых рядах в начале наступления, либо отпускали на набеги, чтобы опустошить земли, в которые вторгались, и терроризировать их жителей. Все — будь то регулярные, феодальные или же нерегулярные войска, в лагере, или на марше, или в бою — был объединен властью лично султана, высшего военачальника и правителя, который стоял, заметно выделяясь, в гуще своих сражающихся подданных, всегда вместе с министрами своего правительства, сгруппировавшимися вокруг него.

Погода была суровой, с проливными дождями, грозами и градом, продолжавшимися большую часть лета. Потоки воды смывали

Султан Сулейман I — миниатюрный портрет.

дороги, мосты и тенты в лагерях. Продвижение поэтому было медленным, и прошло почти три месяца, прежде чем войска Сулеймана столкнулись с силами противника. Их поддерживала османская флотилия из нескольких сотен небольших судов, которую сдерживало сильное течение и которой, как обнаружилось, было трудно поэтому продвигаться грудь в грудь с наземными войсками.

Дисциплина, как обычно, была жесткой. Записи в дневнике султана об этом походе 1526 года гласят: «10 мая. Солдат обезглавлен за то, что помаял посеивы около деревни Кемаль. ...11 мая. Двум солдатам, обвиненным в краже лошадей, отрублены головы». Позднее: «5 июня. Два силахдара (оруженосца) обезглавлены за то, что пустили своих лошадей пастись на необранных полях». На протяжении всего похода Сулейман с полным доверием полагался на Ибрагима, который, какие бы трудности ни встретились, посылался вперед, чтобы разведать и подготовить путь. Так, по прибытии армии в Белград обнаружилось, что мосты через Саву уже были наведены. Противник отступил на северный берег Дуная, оставив гарнизон на южном берегу в крепости Истервардейн. Сулейман приказал Ибрагиму захватить город и его цитадель, заверив, что «это будет всего лишь легкая закуска, чтобы он смог продержаться до завтрака в Вене». Ибрагим добился успеха после нескольких атак с решившей дело помощью двух мин, проделавших брешь в стенах цитадели. «Великий визирь, — делает запись султан, — обезглавил 500 солдат гарнизона; 300 других уведены в рабство».

Затем Сулейман и его армия двинулись в западном направлении по долине реки к сильной стратегической линии — притоку Дуная Даве, где, как они ожидали, венгры могли сделать свою первую вылазку. Но они были удивлены, увидев северный берег реки опущенным. Нерешительные и медлительные с организацией движения, так как пограничные крепости одна за другой попадали в руки турок, венгры не смогли разобраться во взаимных подозрениях и договориться о согласованном едином плане кампании. Жители Эссека, забытые на южном берегу, поэтому добровольно покорились султану, который после этого распорядился перейти через реку понтонный мост. Эксперты, так утверждает Кемальпаша-заде, турецкий историк этой кампании, оценили, что такая работа заняла бы по крайней мере три месяца. Но «благодаря умелым приготовлениям и разумному энтузиазму великого визиря» она была закончена за три дня. Затем, когда армия перешла по нему, мост по команде султана был разрушен, так что при всех других перекрытых путях к отступлению его солдаты будут твердо и непоколебимо стоять на поле битвы, не имея в уме помыслов о бегстве, возможность отступления не проявится даже в зеркале воображения, пораженного страхом».

К этому моменту венгры сосредоточили свои войска на равнине Мохача, примерно в тридцати милях к северу. Молодой король Людовик прибыл с армией всего лишь в четыре тысячи человек. Но самые разные по своему составу подкрепления начали прибывать, пока общая численность его войск, включая поляков, германцев и богемцев, не достигла двадцати пяти тысяч человек. Император, когда дело подошло к выделению войск для войны с турками, оказался зависим от милости ряда протестантских сеймов. Они не торопились, даже сопротивлялись тому, чтобы выделить солдат, поскольку среди них были пацифистски настроенные лица, которые видели принципиального врага не в султанах, а в папе. В то же самое время они оттягивались быстротой в использовании в своих собственных религиозных целях известного конфликта между Габсбургами и турками. В результате в 1521 году сейм Вормса отказался выделить помощь на оборону Белграда, а теперь, в 1526 году, сейм Шпейера после долгих размышлений слишком поздно проголосовал за подкрепления для армии у Мохача.

На поле битвы наиболее проникательные из венгерских военачальников обсудили вопрос о стратегическом отступлении в направлении Буды, приглашая тем самым турок последовать за ними и растянуть свои коммуникации; более того, выигрывая по ходу дела за счет пополнений от армии Запольяи, в тот момент находившейся всего в нескольких днях перехода, и от контингента богемцев, уже появившихся на западной границе. Но большинство венгров, самоуверенных и нетерпеливых, вынашивало мечты о немедленной боевой славе. Ведомые воинственной мадьярской знатью, которая одновременно не верила королю и завидовала Запольяи, они шумно требовали немедленного сражения, заняв наступательную позицию прямо на этом месте. Их требования возобладали, и битва произошла на болотистой, растянувшейся на шесть миль равнине к западу от Дуная — на месте, выбранном для того, чтобы могла развернуться венгерская кавалерия, но предоставляющем такие же возможности более профессиональной и более многочисленной кавалерии турок. Узнав об этом безрассудном решении, дальновидный и умный прелат предсказал, что «венгерская нация будет иметь в день битвы двадцать тысяч мертвецов и было бы хорошо, чтобы папа канонизировал их».

Нетерпеливые как в тактике, так и в стратегии венгры открыли сражение фронтальной атакой их тяжеловооруженной кавалерии, ведомой лично королем Людовиком и нацеленной прямо в центр турецкой линии. Когда показалось, что намечается успех, за атакой последовало общее наступление всех венгерских войск. Однако турки, рассчитывая таким образом ввести противника в заблуждение и разгромить его, спланировали свою оборону в глубину, разместив

свою главную линию дальше к тылу, у склона холма, прикрывавшего ее сзади. В результате венгерская кавалерия, в данный момент все еще мчавшаяся вперед, вышла на основное ядро турецкой армии — пехоту, сгруппировавшихся вокруг султана и его знамени. Вспыхивали жестокие рукопашные схватки, и в один из моментов султан сам оказался в опасности, когда стрелы и конья ударили в его панцирь. Но сильно превосходившая противника турецкая артиллерия, как обычно, умело применявшаяся, решила исход дела. Она тысячами косила венгров и дала туркам возможность окружить и разбить венгерское войско в центре позиции, уничтожая и рассеивая противника до тех пор, пока оставшиеся в живых не бросились бежать в полном беспорядке на север и на восток. Битва, таким образом, была выиграна за полтора часа.

Король Венгрии погиб на поле боя, пытаясь бежать с раной, полученной в голову. Его тело, опознанное по драгоценным камням на шлеме, было обнаружено в болоте, где, затянутый тяжестью собственной брони, он утонул под своей упавшей лошадью. Его королевство умерло вместе с ним, поскольку у него не было наследника; погибла и большая часть мадьярской знати и восемь епископов. Утверждают, что Сулейман выразил рыцарское сожаление по поводу смерти короля: «Пусть Аллах будет снисходителен к нему и накажет тех, кто обманул его неопытностью: в мои желания не входило, чтобы он так прекратил свой путь, когда он едва лишь попробовал вкус сладости жизни и королевской власти».

Более прагматичным и далеко не рыцарским был приказ султана не брать пленных. Перед его ярко-красного цвета имперским шатром вскоре была сооружена пирамида из тысячи голов венгерской знати. 31 августа 1526 года, на следующий день после битвы, он записал в своем дневнике: «Султан, восседающий на золотом троне, принимает выражения почтения от своих визирей и беев; массовое убийство 2 тысяч пленных; лютый проливной дождь». 2 сентября: «Убитые при Мохаче 2 тысячи венгерских пехотинцев и 4 тысячи кавалеристов преданы земле». После этого Мохач был сожжен, а окрестности преданы огню акынджи. Не без основания «развалины Мохача», как до сих пор называют это место, было описано как «могила венгерской нации». До сих пор, когда случается несчастье, венгры говорят: «Неважно, большей была потеря на поле Мохача».

После битвы при Мохаче, на последующие два столетия утвердившей положение Турции в качестве превосходящей своей силой другие державы в сердце Европы, организованное сопротивление Венгрии фактически сошло на нет. Ян Заполяби и его войска, которые могли бы повлиять на исход сражения, достигли Дуная на следующий день, но поспешили ретироваться, едва получив известие о поражении своих соотечественников. 10 сентября султан и его

армия вошла в Буду. По пути туда: «4 сентября. Приказал убить всех крестьян в лагере. Исключение для женщин. Акылджи запрещено заниматься грабежами». Это был запрет, который они постоянно игнорировали.

Город Буда был сожжен дотла, и сохранился только королевский дворец, где Сулейман устроил свою резиденцию. Здесь, в компании Ибрагима, он собрал коллекцию из дворцовых ценностей, которая по реке была доставлена в Белград, а оттуда далее — в Стамбул. Эти богатства включали большую библиотеку Маттео Корвина, известную по всей Европе, вместе с тремя бронзовыми скульптурами из Италии, изображавшими Геркулеса, Диану и Аполлона. Наиболее ценными трофеями были, однако, две громадные пушки, которые Мехмед Завоеватель обязан был уничтожить после неудавшейся осады Белграда и которые венгры с тех пор гордо демонстрировали как доказательство своего героизма.

Султан, погруженный теперь в удовольствия обычной и соколиной охоты, в мир музыки и дворцовых балов, тем временем размышлял, что же он будет делать с этой страной, которую покорил со столь неожиданной легкостью. Предполагалось, что он оккупирует Венгрию и оставит там свои гарнизоны, добавив ее к империи, как он поступил с Белградом и Родосом. Но в данный момент он предпочел довольствоваться плодами своей ограниченной победы. Его армия, по существу пригодная к ведению боевых действий только в летнее время, страдала от суровой, дождливой погоды долины Дуная. К тому же приближалась зима, и его войско не было способно осуществлять контроль над всей страной. Более того, присутствие султана требовалось в столице, чтобы разобраться с беспорядками в Анатолии, где надо было подавить восстания в Киликии и Карамане. Пути сообщения между Будой и Стамбулом были очень длинными. По словам историка Кемальпаша-заде: «Время, когда эту провинцию следовало бы присоединить к владениям ислама, еще не пришло. Дело было отложено до более подходящего случая».

Поэтому Сулейман соорудил мост из лодок через Дунай к Пешту и после предания города огню повел свои войска домой вдоль левого берега реки.

Его уход оставил в Венгрии политический и династический вакуум. Два соперничающих претендента стремились заполнить его, оспаривая корону умеренного короля Людовика. Первым был эрцгерцог Фердинанд Габсбург, брат императора Карла V и шурина бездетного короля Людовика, на трон которого он имел законные основания претендовать. Его соперником-претендентом был Ян Запольяи, правящий князь Трансильвании, который, как венгр, мог привлечь на свою сторону закон, исключая участие иностранцев в борьбе за трон его страны, и который с его по-прежнему свежим

и не измотанной в боях армией практически контролировал большую часть королевства. Сейм, состоявший в основном из венгерской знати, избрал Запольяи, и тот вошел в Будапешт, чтобы быть увенчанным короной. Это устроило Сулеймана, который мог рассчитывать на то, что Запольяи выполнит свое обещание, тогда как сам Запольяи получил материальную поддержку от Франциска I и его антигабсбургских союзников. Однако несколько недель спустя соперничающий сейм, поддерживаемый прогерманской частью родовой знати, избрал Фердинанда, который уже был избран королем Богемии, королем Венгрии. Это привело к гражданской войне, в которой Фердинанд на свой страх и риск пошел походом на Запольяи, нанес ему поражение и отправил в изгнание в Польшу. Фердинанд в свою очередь был коронован как король Венгрии, оккупировал Буду и начал строить планы создания центрально-европейского государства Габсбургов, образованного из Австрии, Богемии и Венгрии.

Подобные планы, однако, должны были зависеть от турок, дипломатия которых отныне и впредь влияла на курс европейской истории. Из Польши Запольяи направил в Стамбул посла, ища союза с султаном. Сначала он встретил со стороны Ибрагима и его коллег-визирей высокомерный прием. Но в конце концов султан согласился дать Запольяи титул короля, фактически даря ему земли, которые завоевали его армии, и обещая ему защиту от Фердинанда и всех его врагов.

Был подписан договор, по которому Запольяи взял на себя обязательство выплачивать султану ежегодную дань, выделять в его распоряжение каждые десять лет десятую часть населения Венгрии обоих полов и навечно предоставить право свободного прохода через эту территорию вооруженным силам турок. Это превратило Яна Запольяи в вассала султана, а его часть Венгрии — в королевство-инталанта под протекторатом Турции.

Фердинанд в свою очередь направил в Стамбул послов в надежде достичь перемирия. Султан отказал им в их самоуверенных требованиях, и они были брошены в тюрьму.

Теперь Сулейман готовил планы третьей кампании в верхней части долины Дуная, целью которой была защита Запольяи от Фердинанда и вызов самому императору Карлу V. Как мрачно предвещала германская народная песня о турках:

Из Венгрии он скоро уйдет.
В Австрию будет к рассвету днѣ,
Бавария уже почти в руках.
Оттуда он достигнет другой земли.
Скоро, пожалуй, он придет на Рейн.

10 мая 1529 года он покинул Стамбул с армией, еще большей, чем раньше, вновь под командованием Ибрагима-паши. Дожди лили

еще сильнее, чем раньше, и экспедиция достигла предместий Вены на месяц позже, чем планировалось. Тем временем Запольяи пришли приветствовать своего господина на поле Мохача с шестью тысячами человек. Султан принял его с подобающей церемонией, увенчав священной короной святого Стефана. После захвата осажденного Буды Запольяи еще раз въехал в город, чтобы занять трон в качестве короля Иоанна. 27 сентября султан, впервые ослабив ограничения на акынджи, прибыл к стенам Вены. Жители города уже видели ночное небо, красневшее по горизонту от огней горящих деревень. Сейчас же, насколько можно было охватить взглядом окрестности вдоль городских стен были усеяны десятками тысяч белых мусульманских шатров.

Фердинанд столкнулся с трудностями в мобилизации сил, необходимых для обороны Вены. Император, по-прежнему полностью поглощенный войной на Западе, планомерно убеждал своего брата прийти к временному соглашению с Запольяи, пока его собственные войска не освободятся, чтобы принять участие в решительном наступлении против турок на востоке. Вместо этого Фердинанд лично продолжал кампанию по набору в армию во всех своих владениях. Все обещали свою помощь, и в Австрии был призван каждый десятый мужчина. Но этого было недостаточно. Он так и не получил поддержки от принцев императорской семьи в Германии. Вначале они колебались, но в конце концов проголосовали за определенную квоту войск для обороны империи.

Фердинанд направил просьбу о помощи в общих интересах сейма города Шнейера, делая особый акцент на самоуверенность заявлений Сулеймана, что тот не сложит оружия, пока не воздвигнет монумент в честь своей победы на берегу Рейна. Это произвело определенное впечатление и, наконец, приняв во внимание несколько прохладных призыв Лютера выступить против турок, протестанты и католики объединились и проголосовали за выделение войск для обороны империи. На мобилизацию потребовалось какое-то время, и, задержав Сулеймана на целый месяц дожди, войска могли бы прибыть вовремя, чтобы оказать поддержку в спасении города. К бы то ни было, подкрепления подошли за три дня до появления турок, увеличив численность венского гарнизона с двенадцати почти двадцати тысяч человек. Более того, это были не просто новобранцы феодалов, а хорошо обученная профессиональная пехота ветераны кампаний императора в Италии, и ими командовал храбрый и опытный генерал граф Николай фон Сальм, за плечами которого было полвека воинской службы.

Оборонительные рубежи Вены были на скорую руку, достаточно надежно укреплены. Задача обороняющихся заключалась в том, чтобы превратить в надежную крепость наполовину разрушен-

ный город, окруженный средневековыми стенами едва шести футов толщиной и хрупким внешним частоколом, удачно названным «изгородью города». Дома, слишком близко стоявшие к стенам, были разобраны до оснований. Позже, чтобы нейтрализовать все возможные преимущества атакующих, было решено пожертвовать всеми зданиями, расположенными вне городских стен на расстоянии пушечного выстрела. Для этого пришлось предать огню все пригороды, всего восемьсот зданий, включая городскую больницу, несколько церквей и монастырей, а также замок на вершине холма, который мог бы служить туркам в качестве укрепленного пункта. Внутри города были возведены новые земляные укрепления с триппеями и новая стена высотой в двадцать футов с новым рвом. Берег Дуная укрепили и прикрыли частоколом. В окрестностях собрали все продовольствие, чтобы иметь запасы провианта. Были приняты меры пожарной безопасности от зажигательных снарядов и с домов сняты легко воспламеняющиеся крыши. Наконец, все городские ворота, кроме одних, служивших местом для вылазок, заложили кирпичом. Стариков, женщин и детей, а также священников эвакуировали из города, чтобы провианта обороняющимся хватило на несколько месяцев. Однако многие из покинувших город попали в руки акынджи. Тем временем, когда началась осада, сам Фердинанд находился вне Вены, в Линце, все еще добываясь помощи от германских принцев.

К счастью для обороняющихся, Сулейман был вынужден из-за дождей оставить позади себя основную часть своей тяжелой осадной артиллерии, столь эффективной на Родосе. Он имел только легкие пушки, способные нанести лишь незначительные повреждения укреплениям стенам, и поэтому мог полагаться главным образом на выкладку мин. Тем не менее султан недооценил стоящую перед ним задачу, когда предложил гарнизону сдаться, заявляя, что он стремился только преследовать и обнаружить короля Фердинанда. Он хвастал, что в случае сопротивления позавтракает в Вене через три дня, в день праздника святого Михаила, и так разрушит город, что тот никогда больше не будет существовать, и не оставит в живых ни одного человека. Но прошли две недели, а венцы все еще держались. День святого Михаила принес только новые, не по сезону, дожди, от которых турки страдали в своих легких шатрах. Выпущенный на свободу пленный был послан к султану с запиской, в которой сообщалось, что его завтрак уже остыл и что он должен довольствоваться той пищей, которую могут доставить ему пушки с городских стен.

Мушкетный огонь турок был настолько метким и постоянным, что делал невозможным появление любого защитника на этих стенах без риска получить рану или быть убитым; их лучники,

прятавшиеся среди руин пригородов, выпускали бесконечный град стрел, причем настолько убийственный, что они попадали в бойницы и амбразуры в стенах, не давая возможности горожанам выйти на улицу. Стрелы летели по всем направлениям, и всенды брали некоторые из них, обернутые в дорогие ткани и даже украшенные жемчугом, — видимо, выпущенные знатными турками, — в качестве сувениров на память. Турецкие саперы взрывали мины и, несмотря на активное контрминирование через городские погреба, в стенах города в результате начали образовываться большие бреши. Постоянно возобновлявшиеся атаки турок отражались мужественными защитниками города, которые отмечали свой успех громким звучанием труб и военной музыки. Они сами периодически совершали вылазки, возвращаясь иногда с пленными и трофеями, которые в одном случае составили восемьдесят человек и пять верблюдов.

Сулейман наблюдал за военными действиями из высоко возвысившегося над лагерьом турок, покрытого коврами шатра, увешанного изнутри тонкими дорогими тканями и обставленного софами, украшенными драгоценными камнями и многочисленными башенками со шпицами из золота. Здесь султан допрашивал взятых в плен христиан и отправлял их обратно в город с угрозами и обещаниями, нагруженных дарами из одежд и турецких дукатов. Но на оборонявшихся это не производило никакого впечатления. Ибрагим-паша, руководя осадой, стремился вдохновить атакующих, раздавая пригоршми золота в награду за голову врага или за захват важного пленного. Но, поскольку моральный дух войск падал, их приходилось заставлять идти в бой ударами палок, плетей и сабель.

Вечером 12 октября в ставке султана был созван Диван — военный совет, чтобы решить, продолжать или прекратить осаду. Ибрагим, выражая взгляды большинства, предпочел бы снять ее: моральный дух армии был низок, зима приближалась, припасы уменьшались, янычары проявляли недовольство, противник ожидал близкого подкрепления. После обсуждения было решено попытаться предпринять четвертый и последний главный штурм с предложением войскам искупительных денежных вознаграждений за успех. 14 октября штурм была пачат янычарами и отборными частями армии султана. Штурм натолкнулся на отчаянное, продолжавшееся час за часом сопротивление. Атакующим не удалось штурм бреш в стенах шириной в 150 футов. Потери турок были настолько тяжелыми, что они породили широко распространившееся разочарование.

Армия султана, способная воевать только в летнее время, не могла выдержать зимней кампании, не потеряв своих лошадей, и, следовательно, была поэтому ограничена сезоном военных действий продолжительностью едва ли больше шести месяцев. Но и сам

султан, и сопровождавшие его министры не могли столь долгое время отсутствовать в Стамбуле. Теперь, когда шла уже середина ноября и последняя атака окончилась неудачей, Сулейман снял осаду и отдал приказ на общее отступление. Турецкие войска сложили свой лагерь, убивая или сжигая живою пленных, оставленных в австрийской провинции, исключая тех, обоего пола, кто был помоложе и кто мог быть продан на невольничьих рынках. Армия вступила на свой долгий путь до Стамбула, сопровождаемая стычками с вражеской кавалерией и изматываемая непогодой. Молчавшие во все время осады колокола Вены теперь триумфально звенели в грохоте оружейных залпов, тогда как кафедральный собор святого Стефана эхом отзывался на могучее пение «Те Денш» («Тебя, Бога, хвалим») в благодарность за великую победу. Ганс Сакс, мейстерзингер, сочинил свою собственную балладу благодарения со словами «Если Бог не хранит город, тщетны все усилия караула».

Сердце христианской Европы не было отдано в руки турок. Султан Сулейман потерпел свое первое поражение, будучи отброшен от стен великой столицы силой, которую его собственная армия снисходила в отношении три к одному. В Буде его вассал Занполя встретил его комплиментом по поводу его «успешной кампании». Именно такой султан пытался представить ее своим вассалам, отмечающим его возвращение народными гуляньями во время расточительного и великолепного праздника обрезания его рыцарских сыновей. Султан стремился сохранить свой авторитет, относя все так, будто он не собирался овладеть Венной, а лишь хотел сразиться с эрцгерцогом Фердинандом, который не осмелился выступить против него и кто, как впоследствии выразился Ибрагим, был всего лишь маленьким венским обывателем, не заслуживающим особого внимания».

В глазах всего мира авторитет султана был спасен прибытием в Стамбул послов от Фердинанда, предложивших пермирию и ежегодный «пансион» султану и великому визирю, если они признают его в качестве короля Венгрии, уступят Буду и откажут в поддержке Занполя. В ответ на это Ибрагим распахнул окно и с гордостью показал на знаменитый Семибашенный замок, где хранились несметные богатства Сулеймана. И никакая личная взятка, добавил он, не заставит визиря предать своего господина. Несмотря на все его высокомерие, сознательное упоминание им эрцгерцога просто как «Фердинанда» и его отказ называть Карла императором — титул, который он оставлял только для одного султана, — атмосфера была более дружественной, чем раньше. Тем не менее послам дали понять, что мир будет принят только на условиях, которые изложит сам Сулейман.

Султан по-прежнему выражал решимость скрестить оружие с императором Карлом. Поэтому 26 апреля 1532 года он еще раз двинулся вверх по Дунаю со своей армией и речным флотом. Прежде чем достичь Белграда, Сулейман был встречен новыми послами Фердинанда, который теперь предлагал мир на еще более примирительных условиях, увеличив размеры предложенного «пансиона» и выразив готовность признать отдельные претензии Запальи. Но султан принял послов Фердинанда в роскошно обставленном помещении и давал им почувствовать себя униженными тем, что их разместили ниже посланника Франции, подчеркнул только, что его врагом был не Фердинанд, а Карл: «Король Испании. — с вызовом сказал он, — на протяжении длительного времени заявлял о своем желании пойти против турок; но я, милостью Божьей, иду с моей армией против него. Если у него храброе сердце, пусть он подождет меня на поле боя, тогда на все воля Божья. Если, однако, он не захочет подождать меня, пусть он пришлет дань моему императорскому величеству».

На этот раз император, вернувшийся в свои германские владения временно находясь в мирных отношениях с Францией, полностью осознавая серьезность турецкой угрозы и свое обязательство защитить от нее Европу, собрал самую крупную и наиболее сильную императорскую армию из всех, когда-либо прежде противостоявших туркам. Вдохновляемые сознанием того, что это есть решающий, поворотный пункт в борьбе между христианством и исламом, солдаты толпами стекались к театру военных действий из всех уголков его владений. Из-за Альп пришли контингенты итальянцев и испанцев. Собралась армия, которой до того никогда не доводилось собираться в Западной Европе.

Чтобы собрать такую армию, Карл был вынужден прийти к согласию с лютеранами, которые до этого делали напрасными все усилия по обороне империи своим нежеланием выделить соответствующие денежные средства, военное снаряжение и припасы для той цели. Теперь, в июне 1532 года, в Нюрнберге было достигнуто перемирие, по которому католический император в обмен на такую поддержку сделал протестантам важные уступки и на неопределенное время отложил окончательное решение религиозного вопроса. Так Османская империя парадоксальным образом стала, по сути дела, «союзником Реформации». Более того, по своему характеру союз оказался из тех, которые напрямую повлекли за собой на завоеванных христианских территориях поддержку турками протестантских и противояс католическим общинам; он даже повлек за собой некоторое одобрение со стороны турок той веры, которой придерживались реформаторы, не просто в политическом, но в религиозном плане, принимая во внимание запрещенное протестантством поклонение образам, что было свойственно и исламу.

Теперь Сулейман, вместо того чтобы идти, как и раньше, долиной Дуная прямо на Вену, выслал вперед нерегулярную кавалерию, чтобы продемонстрировать перед городом свое присутствие и опустошить его окрестности. Сам же он вел свою главную армию несколько южнее, в открытую местность, возможно, с намерением выманить врага из города и дать ему сражение на местности, более благоприятной для его регулярной кавалерии. Примерно в шестидесяти милях к югу от города он был остановлен перед небольшой крепостью Гюнс, последним городом Венгрии перед австрийской границей. Здесь султан столкнулся с неожиданным и героическим сопротивлением небольшого гарнизона, который под руководством хорватского аристократа по имени Николай Юрисич стойко держался до конца, задержав продвижение Сулеймана почти на весь август месяц.

Турки расположили свою артиллерию для стрельбы по городу в деревянном укреплении, выстроенном напротив наиболее уязвимой точки в городских стенах. Они пробивали бреши в обороне в нескольких местах. Однако двенадцать следовавших друг за другом атак были удачно отбиты. Многочисленные мины, заложенные в стены города, были обнаружены и взорваны гарнизоном. Из-за дождей траншеи турок превратились в болота. Требования сдать с презрением отвергались. В конце концов Ибрагим придумал компромисс. Обороняющимся объявили, что султан, учитывая их храбрость, решил пощадить их. Военачальника с почетом принял Ибрагим, и тот согласился на условия сдачи «на бумаге», передав ключи от города в знак номинального турецкого владения. После этого лишь небольшому количеству турецких солдат было разрешено войти внутрь города, чтобы людей поставить у пробоин в стенах и не допустить массового убийства и разграбления.

Ценное для турок время было потрачено впустую, а погода все ухудшалась. Тем не менее Сулейман еще мог пойти походом на Вену. Вместо этого он, пожалуй, в последней надежде выманить своих врагов из города на открытую местность, дал знать, что он не жаждет города, что ему нужен сам император, который, как он надеется, выйдет со своей армией, чтобы противостоять ему на поле битвы. На самом же деле Карл находился в двухстах милях отсюда вверх по Дунаю, в Ратисбоне, не имея намерения быть втянутым в какое-либо решительное противостояние туркам. Так что султан, испытывая нехватку тяжелой артиллерии и зная, что гарнизон Вены был теперь сильнее, чем тот, который до этого нанес ему поражение, повернул прочь от города в южном направлении и начал свой поход домой, ограничивая себя значительными разрушительными набегами по долинам и горам Штирии, где он, избегая главных крепостей, разрушал деревни, разорял крестьянство и превращал в пустыни большие участки сельской местности Нижней Австрии.

Двумя месяцами позже в Стамбуле султан оставил запись в своем дневнике: «Пять дней празднеств и иллюминаций... Базары открыты всю ночь, и Сулейман посещает их инкогнито...», — вне сомнения, стремясь выяснить, рассматривают его подданные эту вторую кампанию против Вены как поражение или как победу. Официальная версия, предназначавшаяся для общественного мнения, состояла в том, что султан вновь ходил дать бой своему врагу — императору христиан, который не посмел показаться ему на глаза и предпочел где-то прятаться. Так главные силы турецкой армии вернулись в Стамбул невредимыми, чтобы быть готовыми сражаться в любой момент.

Пришло время для мирных переговоров, к которым Габсбурги были готовы не меньше Османов. С Фердинандом было достигнуто соглашение, который в формулировке, продиктованной Ибрагимом, обращался к Сулейману как сын к отцу и тем самым удовлетворил гордость и престиж османов. Со своей стороны, Сулейман обещал относиться к Фердинанду как к сыну и даровал ему мир «не на семь лет, не на двадцать пять лет, не на сто лет, а на два века, три века, в действительности навсегда, если Фердинанд сам не нарушит его». Венгрия должна была быть разделена между двумя суверенами: Фердинандом и Запольяи.

В действительности соглашение оказалось трудно достижимым. Сулейман, с одной стороны, натравливал Запольяи, «моего раба», на Фердинанда и настаивал, что «Венгрия моя»; Ибрагим же настаивал на том, что каждый должен иметь то, что имел. В конце концов, к полному замешательству Сулеймана, вдобавок еще и за его спиной, Фердинанд и Запольяи заключили самостоятельное соглашение: каждый правит как король в своей части страны до смерти Запольяи, после чего всей страной будет править Фердинанд.

Таким образом, получалось, что на одном из поворотных этапов истории Сулейман в конечном счете так и не смог проникнуть в сердце Европы, так же, как мусульмане из Испании потерпели неудачу восьмью веками раньше в битве под Туром. Неудача османов и первую очередь объяснялась героическим сопротивлением хорошо подготовленных и умело управляемых европейских войск, опытных участников сражений, дисциплина и профессиональная выучка которых превосходила уровень воинов феодальных армий, противостоявших до того времени туркам на Балканах и в Венгрии. В этом случае Сулейман встретил равного себе противника.

Но его неудача в равной мере объяснялась географическими особенностями — сверхкрайнутыми коммуникациями войск султана, составлявшими свыше семисот миль между Босфором и Центральной Европой, и необычайно тяжелыми климатическими условиями долины Дуная с ее затяжными дождями, бурями и наводнениями. О

Этих фактора значительно сокращали отрезок времени, отведенный на активные боевые действия для армии, которая не везла с собой собственные припасы, должна была заготавливать фураж для лошадей кавалеристов, что исключалось в зимнее время и в опустошенных местностях. Таким образом, Сулейман теперь понимал, что в Центральной Европе находится город, вести военные кампании за который невыгодно. Вена в контексте военных событий века была, в сущности, вне досягаемости султана, находившегося в Стамбуле.

Однако страх Европы перед турецкой опасностью постоянно присутствовал. Здесь не было варварских орд из азиатских степей, здесь была высокоорганизованная, современная армия, с подобной нападке в этом веке еще не сталкивались. Говоря о ее солдатах, итальянский наблюдатель отмечал:

«Их военная дисциплина настолько справедлива и строга, что никто превосходит дисциплину древних греков и римлян; турки превосходят наших солдат по трем причинам: они быстро подчиняются командам своих военачальников; в сражении они никогда не проявляют ни малейшего страха за свои жизни; они длительное время могут обходиться без хлеба и вина, ограничиваясь ячменем и водой». Бесконечное множество европейцев подтверждало боевые качества османов, их энтузиазм во время боя, их самообладание, их единодушное чувство цели.

Имея за собой такую сплоченную силу, Османская империя теперь более чем когда-либо была влиятельной в делах Запада державой. Сулейман сделал из этого обстоятельства политический фактор, который позднее получил название европейского согласия.

В свое время, когда Сулейман унаследовал османский трон, кардинал Уолси сказал о нем послу Венеции при дворе короля Генриха VIII: «Этому султану Сулейману двадцать шесть лет, он лишен и здравого смысла; следует опасаться, что он будет действовать так же, как его отец». Дожд написал своему послу: «Султан молод, силен и исключительно враждебен по отношению к христианству». Великий Турок, «Синьор Турко» для венецианцев, внушал правителям Западной Европы лишь страх и недоверие к себе как к качеству «сильного и грозного врага» христианского мира.

Кроме подобных воинственных определений, поначалу мало что еще создавало Сулейману иную репутацию. Но вскоре его военные операции стали все более и более уравниваться дипломатическими битвами. До этого времени иностранное представительство при дворе султана ограничивалось главным образом представителями Венеции, которая со времен поражения, нанесенного ей турками на море в начале века и последовавшей за ним утратой превосходства в Средиземном море, «научилась целовать руку, которую ей не удалось отрубить». Венеция, таким образом, культивировала тесные дипломатические отношения с Портой, которую она стала считать своим ведущим дипломатическим пунктом, направляя в Стамбул частые миссии и имея там постоянную резиденцию байло, или министра, который обычно был человеком высшего круга. Венецианские дипломаты постоянно направляли дожу и его правительство донесения и, таким образом, косвенно помогали держать Европу в целом хорошо информированной относительно развития событий при дворе султана. Король Франциск I однажды сказал о них: «Константинополь не поступает ничего правдивого, кроме как через Венецию».

Но теперь зарубежные контакты возросли с прибытием в город из других стран новых миссий влиятельных иностранцев, среди которых были французы, венгры, хорваты и, сверх всего, представители короля Фердинанда и императора Карла V с его раскинувшимися на больших пространствах космополитичными владениями.

провожении многочисленных свит. Благодаря им, а также растущему числу иностранных путешественников и писателей, христианский мир Запады постоянно открывал для себя новые подробности о султанском Турке, его образе жизни, об институтах, с помощью которых управлялся, характере его двора с его изощренным церемониалом, о жизни его подданных с их диковинными, но далеко не варварскими традициями, манерами и обычаями. Образ Сулеймана, теперь представлявшийся Западу, был, по сравнению с его османскими предками, образцом цивилизованного монарха — в восточном, если даже не в западном понимании. Было очевидно, что он поднял восточную цивилизацию, происходившую из племенных, номадических и религиозных корней, до ее пика. Обогадив ее новыми чертами великолепия, он не случайно был назван Западом «Великолепным».

Ежедневная жизнь Сулеймана во дворце — от утреннего выхода до вечернего прихода — следовала ритуалу, сравнимому в его точности с ритуалом французских королей в Версале. Когда султан утром вставал с кушетки, его должны были одевать люди из числа его наиболее приближенных придворных: в верхнюю одежду, одевавшую лишь однажды, с двадцатью золотыми дукатами в одном кармане и с тысячею серебряных монет в другом, и кафтан, и пероузданные монеты в конце дня становились «чаевыми» постельничего. Еда для его трех трапез на протяжении дня подносилась ему длинной процессией пажей, чтобы быть съеденной в одиночестве с превосходных фарфоровых и серебряных блюд, расставлявшихся на низком серебряном столике, с подслащенной и ароматизированной водой (изредка вином) для питья, в присутствии стоящего рядом доктора в качестве меры предосторожности от возможного отравления.

Спал султан на трех малинового цвета бархатных матрацах — один из пуха и два из хлопка, — покрытых простынями из дорогой тонкой ткани, а в зимнее время — завернувшись в мягчайший собольий мех или мех черной лисы с головой, покоящейся на двух малинового цвета подушках с витым орнаментом. Над его кушеткой нависался золоченый балдахин, а вокруг — четыре высоких восковых свечи на серебряных подсвечниках, при которых на протяжении всей ночи находились четыре вооруженных стража, державшие свечи с той стороны, в которую мог повернуться султан, и охранявшие его до пробуждения. Каждую ночь в качестве меры безопасности он, по своему усмотрению, будет спать в другой комнате, которую его постельничьи должны будут тем временем подготовить.

Большая часть его дня была занята официальными аудиенциями и консультациями с чиновниками. Но когда не было заседаний Дивана, он мог посвящать свое время досугу, возможно, читая Книгу Александра — легендарный отчет персидского писателя о подвигах

В свое время, когда Сулейман унаследовал османский трон, кардинал Уолси сказал о нем послу Венеции при дворе короля Генриха VIII: «Этому султану Сулейману двадцать шесть лет, он лишен и здравого смысла; следует опасаться, что он будет действовать так же, как его отец». Дожд написал своему послу: «Султан молод, очень силен и исключительно враждебен по отношению к христианству». Великий Турок, «Синьор Турко» для венецианцев, внушал правителям Западной Европы лишь страх и недоверие к себе в качестве «сильного и грозного врага» христианского мира.

Кроме подобных воинственных определений, поначалу мало что еще создавало Сулейману иную репутацию. Но вскоре его военные операции стали все более и более уравниваться дипломатическими битвами. До этого времени иностранное представительство при дворе султана ограничивалось главным образом представителями Венеции, которая со времен поражения, нанесенного ей турками на море в начале века и последовавшей за ним утратой превосходства в Средиземном море, «научилась целовать руку, которую ей не удалось отрубить». Венеция, таким образом, культивировала тесные дипломатические отношения с Портой, которую она стала считать своим ведущим дипломатическим пунктом, направляя в Стамбул частые миссии и имея там постоянную резиденцию байло, или министра, который обычно был человеком высшего круга. Венецианские дипломаты постоянно направляли дожу и его правительству донесения и, таким образом, косвенно помогали держать Европу в целом хорошо информированной относительно развития событий при дворе султана. Король Франциск I однажды сказал о них: «Из Константинополя не поступает ничего правдивого, кроме как через Венецию».

Но теперь зарубежные контакты возросли с прибытием в город из других стран новых миссий влиятельных иностранцев, среди которых были французы, венгры, хорваты и, сверх всего, представители короля Фердинанда и императора Карла V с его раскинувшимися на больших пространствах космополитичными владениями.

сопровождении многочисленных свит. Благодаря им, а также растущему числу иностранных путешественников и писателей, христианский мир Запада постоянно открывал для себя новые подробности о Великом Турке, его образе жизни, об институтах, с помощью которых он правил, характере его двора с его изощренным церемониалом, о жизни его подданных с их диковинными, но далеко не варварскими традициями, маперами и обычаями. Образ Сулеймана, теперь представлявшийся Западу, был, по сравнению с его османскими предками, образом цивилизованного монарха — в восточном, если даже не в западном понимании. Было очевидно, что он поднял восточную цивилизацию, происходившую из племенных, кочевнических и религиозных корней, до ее пика. Обогадив ее новыми чертами всаколения, он не случайно был назван Западом «Великолепным».

Ежедневная жизнь Сулеймана во дворце — от утреннего выхода до вечернего приема — следовала ритуалу, сравнимому в его детальной точности с ритуалом французских королей в Версале. Когда султан утром вставал с кушетки, его должны были одевать люди из числа его наиболее приближенных придворных: в верхнюю одежду, одеваемую лишь однажды, с двадцатью золотыми дукатами в одном кармане и с тысячу серебряных монет в другом, и кафтан, и перозданные монеты в конце дня становились «чаевыми» постельничего. Еда для его трех трапез на протяжении дня подносилась ему длинной процессией пажей, чтобы быть съеденной в одиночестве с превосходных фарфоровых и серебряных блюд, расставлявшихся на низком серебряном столике, с подслащенной и ароматизированной водой (изредка вином) для питья, в присутствии стоящего рядом доктора в качестве меры предосторожности от возможного отравления.

Спал султан на трех малинового цвета бархатных матрацах — один на пуха и два из хлопка, — покрытых простынями из дорогой тонкой ткани, а в зимнее время — завернувшись в мягчайший собольи мех или мех черной лисы с головой, покоящейся на двух зеленого цвета подушках с витым орнаментом. Над его кушеткой нависался золоченый балдахин, а вокруг — четыре высоких восковых свечи на серебряных подсвечниках, при которых на протяжении всей ночи находились четыре вооруженных стража, гасившие свечи с той стороны, в которую мог повернуться султан, и охранявшие его до пробуждения. Каждую ночь в качестве меры безопасности он, по своему усмотрению, будет спать в другой комнате, которую его постельничьи должны будут тем временем подготовить.

Большая часть его дня была занята официальными аудиенциями и консультациями с чиновниками. Но когда не было заседаний Дивана, он мог посвящать свое время досугу, возможно, читая Книгу Александра — легендарный отчет персидского писателя о подвигах

великого завоевателя; или изучая религиозные и философские трактаты; или слушая музыку; или же смеясь над ужимками карликов; или наблюдая за извивающимися телами борцов; или, возможно, развлекаясь островами придворных шутников. Во второй половине дня, после сиесты на двух матрацах — одном, парчовом, шитом серебром, и другом — шитом золотом, он нередко мог бы переправляться через пролив на азиатский берег Босфора, чтобы отдохнуть в зеленых садах. Или, напротив, сам дворец мог предложить ему отдых и восстановление сил в саду третьего двора, засаженном пальмами, кипарисами и лавровыми деревьями, украшенном павильоном со стеклянным верхом, над которым струились каскады сверкающей воды.

Его развлечения на публике оправдывали его славу поклонника великолепия. Когда, стремясь отвлечь внимание от своего первого поражения под Веной, он летом 1530 года отметил праздник обрезания пятерых своих сыновей, празднества длились три недели.

Ипподром был превращен в город ярко драпированных шатров, с нелиственным павильоном в центре, в котором султан восседал перед своим народом на троне с колоннами из лазурита. Над ним сиял палантин из золота, инкрустированный драгоценными камнями. Под ним, покрывая всю землю вокруг, лежали мягкие дорогие ковры. Вокруг располагались шатры самых разнообразных расцветок, но все их своею яркостью превосходили павильоны, захваченные властителей, потерпевших поражения от оружия османов. Между официальными церемониями с их пышными процессиями и роскошными банкетами ипподром предлагал множество развлечений для народа. Тут были игры, турниры, показательная борьба и демонстрация искусства верховой езды; танцы, концерты, театр теней, постановки батальных сцен и великих осад; цирковые представления с клоунами, фокусниками, обилием акробатов, с шипением, разрывами и каскадами фейерверков в ночном небе — и все это с размахом, никогда ранее невиданным в городе.

Когда торжества закончились, Сулейман с гордостью спросил Ибрагима, чей праздник был лучше — этот, в честь его сыновей, или же собственный праздник великого визиря по случаю свадьбы. Ибрагим смутил султана, ответив: «Никогда не было праздника, равного моей свадьбе». А затем продолжал: «О мой падишах, моя свадьба была удостоена чести присутствия Сулеймана, господина всего оплота ислама, владельца Мекки и Медины, господина Дамаска, Египта, халифа высокого преддверия и господина резиденции Палат. Но на твой праздник, есть ли кто равный тебе по положению, кто мог бы прийти на него?»

Четыре венецианских посланника, единственные представители Запада, как всегда, подтверждали свое усердие в наблюдениях

исаниях всего того, что произошло во время празднеств. Описание Сулеймана в это время дал один из них, Пьетро Брагадино, венецианский посланник: «Ему тридцать два года, у него смертельно красивое лицо с орлиным носом, длинная шея; без внешних признаков физической силы, обладает, как я заметил, когда целовал ее, крепкой силой, и утверждают, что он способен натянуть лук, как никто другой. По натуре он меланхолик, большой поклонник женщин, либерал, исполнен гордости, вспыльчив и все же временами очень мягкий человек».

По время шло, и двор Сулеймана приобретал все большее дипломатическое значение. Венецианцев дополнили представители других держав, которые вели, к пользе Запада, записи своих собственных наблюдений об османской Турции и ее султанах. Выдающимся среди них был Ожье Джисслин де Бусбек, выходец из фламандской знати, видный ученый и западный человек с широким и цивилизованным кругозором, который начиная с 1554 года был с перерывами послом императора Карла V в Стамбуле. В серии подробных и ярких писем другу он дал Западу возможность получить свежий, объективный и личный взгляд на Сулеймана, его двор и его народ. С самого начала Бусбек, человек Запада, доказал свою способность быстро оценить более цивилизованные аспекты этого незнакомого мира Востока. Вскоре после прибытия, чтобы занять свой пост, он писал о зале приемов султана в Амасье:

«На меня наступают и закрывают обзор необъятная толпа голов и порбанах, свернутых в бесчисленные складки белейшего шелка, и яркие одежды любого вида и оттенка, и везде блеск золота, серебра, пурпура, шелка и сатина... Более красивого зрелища моему взору никогда не представлялось. И даже посреди всей этой роскоши большая простота и экономия. Одежда на всех была одного покрою, каким бы ни был ранг одетого в нее; и никакой особой выпивки или бесполезной отделки, как это принято у нас... Что поразило меня было, особенно заслуживающее похвалы в этом огромном скоплении людей, так это тишина и хорошая дисциплина. Не было никаких криков и говора, которые обычно исходят от скопления разнородных людей, никто не толпился. Каждый человек занимал отведенное ему место и вел себя самым спокойным образом».

Бусбек быстро различил принципы, внутренние присущие тому обществу, которое составляло императорский двор Сулеймана, обществу, в котором высокая степень демократического равенства преобладала под поверхностью правления абсолютной автократии.

«Во всем этом огромном собрании ни один человек не обрел своего достоинства иначе, чем с помощью своих личных заслуг и храбрости; ни один не выделялся из общей массы своим происхождением, и почет оказывается каждому человеку соответственно

характеру должности и обязанностей, которые он исполняет. Никакой борьбы за старшинство, каждый человек занимает место, предписанное ему соответственно особенностям функции, которую выполняет. Султан лично назначает на все должности и места, поступая так, не обращая никакого внимания на богатство и отсутствие претензии высшего общества и не принимая во внимание любовь или популярность, которыми может обладать кандидат. Он учитывает только заслуги и тщательно изучает характер, приобретенные способности и наклонности каждого. Таким образом, каждый человек вознаграждается соответственно своим заслугам, и должности в учреждениях заполнены людьми, способными выполнять соответствующие обязанности».

Султан благосклонно дал Бусбеку аудиенцию, «сидя на низком софе, не выше одного фута от пола и покрытой многими покрывалами и усыпанной диванными подушечками, расшитыми изысканными узорами. Рядом с ним лежали его лук и стрелы. Выражение его лица... было каким угодно, только не улыбочным, и отличалось суровостью, которая хотя и была мрачной, но исполненной величия. По прибытии мы были представлены его камердинером... После процедуры притворного целования руки султана нас подвели к стене, находившейся за его спиной, так чтобы мы не могли повернуться к нему спиной».

Бусбек далее излагает цель своей миссии, заключавшейся в том, чтобы убедить турок прекратить набеги на Венгрию. Это вежливое требование и сопровождавшие его аргументы не отвечали политике султана, лицо которого «приняло презрительное выражение» и который только коротко бросил «ну, ну» — и тем дал повод отпустить посланников императора к месту их пребывания. Бусбека не удивило прохладное отношение султана к его позиции. Практикой Сулеймана было проводить при приемах иностранных послов четкое разграничение между теми, кто представлял, подобно Венеции или Франции, дружественную страну, и теми, кто представлял страну, рассматривавшуюся как враждебная.

Прибытие Бусбека ко двору султана совпало с прибытием пользовавшегося большим расположением посла Персии, привезшего великолепные подарки, просьба которого о мире была немедленно удовлетворена. «Ничто из возможных почестей в отношении персов не было пропущено, — пишет Бусбек, — так что у нас не могло оставаться ни малейших сомнений относительно подлинности мира, который был заключен с ним... Во всех делах... турки отличаются привычкой к крайностям, будь то воздаяние должного их друзьям или демонстрация презрения путем унижения их врагов». Когда мир с Персией был ратифицирован, Бусбек смог добиться всего лишь перемирия сроком на шесть месяцев. Он отправился домой в Вен-

письмом от султана и вернулся с ответом. Вновь удостоенный чести находиться в присутствии султана, Бесбек писал: «Я был облачен в два богато расшитых халата, доходивших мне до лодыжек, их было именно столько, сколько я мог надеть. Мои сопровождающие также получили в подарок шелковые халаты разных расцветок и, облачившись в них, сопровождали меня. Я, таким образом, процествовал в величавой процессии, как если бы я исполнил роль Агамемнона или похожего на него героя в трагедии, и попрощался с султаном после получения его послания, обернутого в шитую золотом ткань». Он и его свита отбыли без официального завтрака, обычно предлагаемого отъезжающим послам, ибо «это делается только тогда, когда они дружественные, а наши отношения еще не были поставлены на мирную основу».

Стиль дипломатии Сулеймана менялся в тесном согласии с Ибрагим-пашой, который оставался его великим визирем вплоть до отречения от власти в 1536 году. Назначением Ибрагима султан подготовил новую почву, выбрав своим главным министром не какого-нибудь армейского судью или провинциального губернатора из официальной иерархии, как это в основном делали его предшественники, но фаворита из своего собственного императорского двора, о деловых качествах которого он поэтому мог судить на основании своего личного опыта близкого общения. Тем самым Сулейман создал важный прецедент, к добру или ко злу, для своих преемников в султанате. Статус и влияние Ибрагима среди иностранных правителей и их послов, — несомненно, усиленные изначально его французским христианским происхождением, — были таковы, что и Франциск и Фердинанд писали письма лично ему, и всем без исключения послам, сходящим в Константинополь, неизменно рекомендовалось увидеть Ибрагим-пашу прежде кого-либо другого.

Венцианцы, давшие ему прозвище «Ибрагим Великолепный», были склонны принимать за подлинные похвалы Ибрагима насчет своей способности заставить султана делать то, что хочет он, его хвастливое утверждение, что «это я, кто правит». Сарказм и притворство, запугивание и бахвальство, напыщенность и неприступность были просто уловками в дипломатическом арсенале Ибрагима, предназначенными произвести впечатление, сбить цену и запутать послов враждебных государств. Искусство манипулирования ими в этом контексте побед османов требовало скорее жесткого, чем мягкого подхода. Но Сулейман никогда и не возражал против высокомерных претензий своего визиря. Надменность Ибрагима соответствовала в открыто выраженной форме собственной надменности султана, вынужденного в силу занимаемого положения скрывать это за маской полной отстраненности. Каждый из двух мужчин, Сулейман и Ибрагим, были двойником один другого. Внешняя

политика Сулеймана, ее общее долгосрочное направление, была политикой расширения своей власти в Европе за счет Габсбургов в союзе с Францией. Ибрагим дополнял ее главным образом за счет тактических приемов и деталей его собственного понимания Европы. В этот важный момент в истории османов он, таким образом, способствовал установлению дипломатических отношений. Западом и, следовательно, формированию нового отношения европейцев к Османской империи.

Заключительным достижением Ибрагима было проведение переговоров, составление проекта и подписание в 1535 году договора с его «добрым другом» Франциском I*. Это позволило французам торговать на территории всей Османской империи, уплачивая султану такие же пошлины, какие уплачивали сами турки. Турки, со своей стороны, могли пользоваться взаимными привилегиями во Франции. Договор признавал в качестве действующей в империи юрисдикции французских консульских судов с обязательством для турок исполнять предписания консульств. в случае необходимости даже силой. Договор предоставлял французам в Османской империи полную религиозную свободу с правом держать охрану в святых местах и в действительности был равнозначен протекторату французам над всеми католиками Леванта. Он положил конец торговому превосходству Венеции в Средиземноморье и обязал все корабли христиан — за исключением кораблей венецианцев — нести французский флаг в качестве гарантии защиты.

Этот договор имел важное значение в том смысле, что им ознаменовалось начало существования системы привилегий иностранным державам, известной как капитуляции. Умело оговоренный французами и допускающий обмен постоянными представителями между двумя странами, договор позволил Франции стать и долгое время оставаться страной преобладающего иностранного влияния в Ближневосточной Порте. Франко-турецкий союз действительно мог под прикрытием торгового сотрудничества стабилизировать в пользу султана европейский баланс политических и военных сил между королем и императором, ось которого теперь смещалась в Средиземноморье. Но, предоставляя иностранной державе признанный статус как таковой в пределах границ империи, этот союз создал прецедент, чреватый проблемами на века вперед. Между тем это был последний дипломатический акт Ибрагима. Ибо его падение было уже близко.

«Великолепный» для Запада, султан Сулейман для своих собственных подданных-османов был «Законодателем». Ибо он не только был великим полководцем, мужем меча, какими до него были его отец и дед. Он отличался от них в масштабах, в каких был также человеком пера. Сулейман был великим законодателем, выступавшим в глазах собственного народа высокомудрым сувере-

ном и великодушным отправителем правосудия, что он на деле осуществлял лично, сидя верхом на лошади во время проведения своих военных кампаний. Правоверный мусульманин, по мере того как шли годы, он стал более чем кто-либо приверженным идеям и институтам ислама. В этом духе султан должен был показать себя справедливым, гуманным отправителем правосудия.

Первым законодателем империи был Мехмед Завоеватель. Именно на заложенном Завоевателем фундаменте развернул теперь свою деятельность Сулейман. В стране столь консервативной, уже обладавшей обилием сводом законов и, более того, с теплым вниманием вовлеченной в процесс принятия все новых письменных или устных постановлений и распоряжений султанами-предшественниками, от него не требовалось быть радикальным реформатором или инноватором. Сулейман стремился не создавать новую правовую структуру, а осовременивал старую, приводя законы в целом в соответствие с новыми условиями новых времен и необъятно расширившейся империи. Он одновременно уточнял, кодифицировал и упрощал запутанную систему обычного права и практики. Он делал это, продолжая опираться на два главных столба османского правления: на институт государственного управления — секулярное и исполнительное учреждение; и на мусульманский институт — религиозное и законодательное учреждение. Объединенные под «крышей» абсолютной власти султана, они представляли, с точки зрения их различных функций, приблизительный эквивалент западного разграничения между церковью и государством.

Институт управления состоял наряду с султаном и его семьей из чиновников его двора, руководящих работников его правительства, постоянной армии и большого числа молодых людей, которых готовили к службе в одном или другом из вышеупомянутых мест. Они были почти исключительно людьми или сыновьями людей, рожденных родителями христианского происхождения, и, таким образом, рабами султана.

Как характеризовал их венецианский байло Морозини, они «были очень горды тем, что могли сказать: «Я являюсь рабом Великого господина», — потому что они знали, что это есть владения господина или республика рабов, где именно им предстоит командовать». Как замечает другой байло, Барбаро: «Это действительно заслуживающий отдельного изучения факт, что богатые слои, вооруженные силы, правительство и, коротко, все государство Османской империи основано на и передано в руки лиц, всех до единого рожденных в вере в Христа».

Параллельно этой управленческой структуре существовал институт мусульманства, состоявший только из лиц, рожденных мусульманами. Судьи и юристы, богословы, священники, профессора — они

составляли в качестве хранителей традиций и исполнителей священного закона ислама, улемов, то сословие ученых мужей, которое несло ответственность за поддержание всей структуры просвещения, религии и закона на всей территории империи.

У султана не было власти изменить или проигнорировать принципы шариата, священного закона, данного от Бога и посланного через пророка, который тем самым служил в качестве ограничителя его божественной суверенной власти. Но, как у благоверного мусульманина, у него никогда и не возникало подобных намерений. Но, если его собственные подданные были также оставлены добрыми мусульманами в мире, подвергавшемся быстрым изменениям, он видел необходимость вносить изменения в порядок применения закона. По одной простой причине — Османская империя, захватив территории, которые в начале века были преимущественно христианскими, с тех пор необычайно расширила свои просторы благодаря широкому завоеванию в Азии, включая такие города бывшего исламского халифата, как Дамаск, Багдад, Каир, наряду с протекторатом над священными городами Меккой и Медinouй. Четыре пятых всего населения империи — которое к концу правления Сулеймана насчитывало пятнадцать миллионов человек² и состояло из представителей двадцати одной национальности, находившихся под управлением двадцати одного правительства, — были теперь жителями азиатской ее части. Поскольку это давало ему права султана-халифа Сулейман одновременно был покровителем исламского мира, защитником его веры и защитником, истолкователем и исполнителем священного закона. Весь мусульманский мир смотрел на Сулеймана как на вождя священной войны. В любом случае империя подошла к тому, чтобы обрести более широкий мусульманский характер, чем в рамках ее меняющейся структуры требовало нового свода законов чтобы дополнить предшествующий свод.

Сулейман поручил подготовку свода законов обладавшему глубокими знаниями судье мулле Ибрагиму из Алеппо. Получивший в результате его трудов кодекс, — причудливо названный им из океанических размеров последнего «Мултека-уль-уссер», «Слизи-морей», — оставался реально действующим вплоть до законодательных реформ двадцатого столетия. Одновременно новый законодательный кодекс, по своей значимости равный новой конституции, был составлен для администрации Египта. Во всех своих проработках относившихся к созданию нового законодательства, Сулейман scrupulously следовал правилу работать в тесном взаимодействии мусульманскими правоведами и богословами, которые советовали ему насколько он может отклониться без действительного нарушения первоначального священного закона. Они классифицировали для него положения закона по определенным группам, уточняли различия

ные степени обязательств, которым следовало подчиняться, и делали из них то, что им казалось нужным, чтобы помочь султану составить гибкие постановления.

В отличие от священного закона каноническое законодательство (кануны) было инструментом только воли султана. В этом смысле сознательно и с пристальным вниманием к деталям он правил ради особой выгоды для своих христианских подданных, с чего началась своего правления наставляя губернаторов провинций матривать в качестве их главной цели справедливое отправление суда между мусульманами и райей*, независимо от вероисповедания.

В законодательстве имели место пробелы, которые два его наследника не заполнили на протяжении более чем сорока лет. Восполнение этих пробелов было равнозначно реформе и усовершенствованию государственной феодальной системы владения и налогообложения, установленной законодательными указами Мехмеда Завоевателя.

В случае с более крупными феодами, зсаметами, Сулейман старался устранить злоупотребления, благодаря которым наследственная передача земли, возможная при первых султанах только юридически, так как земля выделялась на срок жизни, стала превращаться в общепринятую практику. Аналогичным образом было дело с отчуждением феонов провинциальными губернаторами и визирями, обязательства по которым прекращались из-за отсутствия мужчины, способного их выполнять, и которые передавались наследникам по их собственному выбору. Так, злоупотребления в делах, касающихся прав на владение землей, в свою очередь посягали на прерогативу султана, который, по теории, как представитель Бога являлся владельцем всей земли.

Сулейман подтвердил этот принцип указом, согласно которому губернаторы в будущем могли жаловать только тимары, или мелкие феоны, тогда как передача зсаметов, крупных наделов, должна была направляться на одобрение центрального правительства в Стамбул или же самого султана. Указ, таким образом, преследовал цель еще раз поставить под контроль «мелкопоместное дворянство» и возвести дисциплину на пути образования более крупных земельно-владений, но и в то же время султан гарантировал регулярную и эффективную службу вооруженных сил, под которую предоставлялись его земли. В интересах беспристрастной справедливости была проведена общая проверка среди губернаторов и чиновников, признанных виновными в жестокостях, домогательствах, несправедливостях, взяточничестве и обнаруживших некомпетентность.

В ходе преобразования Сулейманом было разработано новое положение относительно райитов, тех своих христианских подданных, которые обрабатывали земли сипахов. Его Канун Райя, или «Кодекс

Райя», регулировал налогообложение их десятины и подушевой данью, делая эти налоги одновременно и более обременительными, и более продуктивными, поднимая с уровня крепостного права, или крепостной зависимости, до статуса, приближавшегося в османских условиях к статусу европейского арендатора с фиксированными правами.

В действительности удел райи под злым «турецким игом» оказывался настолько более высоким, по сравнению с положением крепостных в христианском мире под некоторыми христианскими господами, что жители соседних стран зачастую могли предпочесть, как о том писал современный автор, бежать за границу: «Я знаю множество венгерских крестьян, предававших огню свои жилища, бежавших со своими женами и детьми, скотом и рабочим инвентарем на турецкие территории, где, как они знали, кроме сдачи одной десятой урожая, они не подвергнутся никаким другим налогам и притеснениям». Такая же тенденция преобладала среди жителей Морей, которые предпочитали правление османов правлению венецианцев.

В кануны Сулеймана также было включено новое уголовное и уголовно-моральное законодательство, охватывавшее преступления против морали, паспаша и увечья, воровство и разбой. В целом были мягкими, чем раньше, стали наказания. Система штрафов, предусматривавшая тариф за каждое нарушение, была призвана заменить телесные наказания. Наказания в виде смертной казни и нанесения увечья стали менее частыми, хотя ажесвидательства, подделки документов и изготовление фальшивых денег по-прежнему подпадали под правило отсечения кисти правой руки. Более цивилизованными стали формы наказания, касавшиеся клеветников и доносчиков: сделав возможной компенсацию в случае нанесения ущерба, наказание по займам ограничивалось максимальным уровнем — 11 процентов, предписывалось доброе обращение с вычужными животными.

Введенная Сулейманом система налогообложения охватывала практически все стороны человеческой деятельности. В области семейных отношений вводился налог как на холостяков, так и на вступающих в брак. В вопросах, касающихся султанского двора, имели место скрупулезно расписанные изменения в церемониальную область торговли и коммерции Сулейман издал ряд эдиктов, призванных регулировать рынки и гильдии, цены и вознаграждения за труд, промышленность и розничную торговлю — заходя в те случаи настолько далеко, что прописывались подробные детали, что именно должны изготавливаться и продаваться продукты питания.

Были введены налоги на многие виды продукции, животноводства, рудники, торговую прибыль, а также в форме экспортных и импортных пошлин. Помимо налогообложения ощутимым источником доходов для государства была конфискация имущества на-

ставленных чиновников и других состоятельных частных лиц, мнил в немилость. Военные кампании Сулеймана с избытком окупали первоначальные затраты на них, пополняя имперскую казну за счет военной добычи из покоренных провинций и дани христианских государств.

В финансовом отношении Османская империя становилась все более процветающей. Доходы Сулеймана, собираемые главным образом с собственных владений султана и в виде налогов на землю подданных, вероятно, превышали доходы любого из современных христианских правителей. Более того, это были доходы, которые быстро росли по мере процветания правления Сулеймана, требующего соответствующего значительного расширения круга бюрократии, необходимой для их сборов.

Долговечность реформ Сулеймана при всех их либеральных намерениях и принципах была неизбежно ограничена тем фактом, что он вводил законы сверху, на основе советов очень узкого круга приближенных чиновников и юристов. Находясь в столице, вдали от основной массы своих разбросанных по большим пространствам владений, не имея с ними непосредственных связей и не имея никакого представления об их нуждах и обстоятельствах жизни, султан не был в состоянии как непосредственно посоветоваться с ними, так и считать вероятных последствий для них со стороны издаваемого им законодательства, так и следить за его внедрением и четким исполнением.

В результате децентрализация в ее различных формах вела в провинциях к вымогательствам и взяткам, доходившим до уровня массовой коррупции, чреватой опасными последствиями в будущем.

Но в данное время, благодаря преданности Сулеймана делу справедливости, честности и порядка, проводимых в жизнь сильным и эффективным правительством, законодательство в целом имело тенденцию делать более легкими условия жизни подданных его империи.

Сулейман укреплял государственную власть по всей стране, главным образом в отношении института мусульманства. Он подтвердил и усилил полномочия и привилегии главы улемы, великого муфтия, шейх-уль-ислама, сделав его фактически равным великому султану и тем самым установив баланс между полномочиями законодательной и исполнительной ветвей власти государства. В то же время он реорганизовал и усилил остальную часть улемов, которая включала в свою иерархию других судей и муфтиев, назначивших им в качестве юрисконсультов по всей империи. Всем им были даны особые привилегии, особенно иммунитет от налогообложения и от конфискации собственности. Их наследство могло, таким образом, переходить от отца к сыну, развивая в империи наследствен-

ный класс, складывающийся из лиц, связанных с образовательной и юридической профессиями — «аристократию ума», но не земли, привилегии которой, тем не менее, должны были с течением времени породить проблемы.

Сулейман развил систему образовательной подготовки мусульманского духовенства, школы которого по-прежнему финансировались религиозными фондами и функционировали при мечетях. Он давал мальчикам-мусульманам образование, которое в основном было свободным и, сверх того, значительно более обширным, чем любое образование, доступное в то время в христианских странах. Расширяя систему образования, созданную Мехмедом Завоевателем, Сулейман проявил себя щедрым основателем школ и колледжей. В время его правления число начальных школ, или мектебов, имевшихся в столице, увеличилось до четырнадцати. Они давали детям курс обучения чтению, письму и фундаментальным принципам ислама, когда школу заканчивали, детей вели по улицам города в неславящих процессиях, как и в дни обрезания.

Если они желали и имели к этому способности, дети могли продолжить учебу в одном из восьми колледжей (медресе), построенных в приделах восьми главных мечетей и известных как «восемь раев знаний». Колледжи предлагали курсы из десяти предметов, основывавшихся на либеральных гуманитарных науках Запада — грамматике, синтаксисе, логике, метафизике, философии, географии, стихотворении, геометрии, астрономии и астрологии. Существовали также высшие медресе, правовые школы университетского уровня, большинство выпускников которых становились имамами (ведущими молитвы) или учителями. Эти академии, как и раньше, были частью комплекса зданий, окружающих и примыкающих к внутренним дворам мечетей. Их приделы по-прежнему включали также казначейства, банки, гостиницы для путешественников, трапезные, библиотеки, бани, фонтаны и такие благотворительные удобства османского «государства благосостояния», как суповые кухни, больницы и дома для душевнобольных.

Сулейман в великолепии этого «золотого века» был одновременно султаном-халифом и великим сеньором в традициях европейского Ренессанса. Умело соединив священное величие Восточного мира с королевской роскошью Западного, султан стремился превратить Стамбул в столицу, достойную в своем архитектурном великолепии лучших городов этой цветущей цивилизации XVI века. В результате, по мере того как множилось завоевание Сулеймана и его доходы, происходила постоянная архитектурная эволюция округов куполов и остроконечных минаретов, уникальный силуэт которых до сих пор украшает Мраморное море четыре века спустя после него. При Сулеймане произошел полный расцвет того архитектурного стиля, который первым из византийской школы сумел извлечь

Мухмед Завоеватель и который в осязаемой форме восславил ислам и распространение его цивилизации по миру, в котором до того времени преобладающую роль играло христианство.

Явившись связующим звеном между двумя контрастными цивилизациями, этот новый восточный архитектурный стиль благодаря таланту выдающихся архитекторов достиг своего пика. Среди них Мимар Синан (архитектор), сын христианского мастера по имени, в юности завербованный в ряды янычар и во время военных походов служивший в качестве военного инженера, став специалистом по строительству фортификаций и арсеналов, мостов и акведуков. В возрасте пятидесяти лет он был призван на службу к султану, чтобы работать у него в качестве главного архитектора дворца, используя свои великолепные технические знания военного инженера при возведении прекрасных культовых построек. Он обогатил архитектурное наследие XVI века многими сотнями мечетей и надгробных памятников, построенных одновременно в сдержанном и нарядном стиле, соединяя простоту с грацией и силой легкостью в манере, которая является особенностью османской архитектуры. Выдающимся среди этих творений были Сулеймания, личная имперская мечеть султана Сулеймана, и мавзолей, в котором Синан попытался превзойти великий храм Хагия София (теперь мечеть Айя София) императора Юстиниана. Синан изучал ее архитектурные особенности и адаптировал ее наземную часть к потребностям исламской паствы. Благодаря своему имперскому патрону Синан смог на деле воплотить в городе Константинополе стиль, который был синтезом восточной и западной культур.

Во внутреннее убранство религиозных или гражданских зданий проектировщики этого периода привносили больше восточного, чем западного. Возводимые ими стены украшались керамической плиткой с растительным орнаментом ярких цветов. Этот способ украшения интерьеров был заимствован османами из Персии ранних веков, но теперь керамическая плитка изготавливалась в мастерских Изника (древняя Никея) и Стамбула мастерскими-персами, доставленными из Тебриза специально с этой целью. Культурное влияние Персии все еще преобладало в области литературы, как это и было со времен Мухмеда Завоевателя. При правлении Сулеймана, который особенно поощрял поэзию, литературное творчество достигло значительного уровня. Под активным патронажем султана классическая османская поэзия в персидских традициях достигла настолько высокой степени совершенства, какой не было никогда раньше. Сулейман ввел официальный пост имперского ритмического хроникера, вид османского поэта-лауреата, обязанностью которого было отражать текущие события в стихотворной форме в подражание манере Фирдоуси и других аналогичных персидских хроникеров исторических событий.

Теперь султану Сулейману предстояло изменить форму своей наступательной стратегии. Растянув по всей Европе свои военные ресурсы настолько, что под стенами Вены их оказалось недостаточно, он больше не замыслил территориальной экспансии. Сулейман ограничился устойчивым владением империи в Юго-Восточной Европе, которое ныне простиралось далеко на север от Дуная, включая значительную часть Венгрии, немного не доходя до границ Австрии. В своих сухопутных операциях султан отвернулся от Европы, чтобы продолжить экспансию в Азии, где ему предстояло провести три продолжительные кампании против Персии. Его военные действия против Габсбургов, все еще имевшие цель противостояние «королю Испании», продолжались столь же целенаправленно, как и раньше, но в другой стихии, а именно в Средиземном море, над водами которого флот османов, поднимавшийся на фундаменте, ранее заложенном Мехмедом Завоевателем, должен был скоро начать господствовать.

До сих пор император не осмеливался проникать в Восточное Средиземноморье, равно как и султан не пытался проникнуть на Западное. Но теперь он был намерен встретиться императором в внутренних водах последнего, вокруг Италии, Сицилии и Испании. Благодаря великим мореплавателям и их недавним открытиям открылся на смену степям в качестве главного средства мировых сообщений XVI века. В коммерции турки, насколько это было возможно, все еще придерживались традиционных для них сухопутных маршрутов, стекавшихся с обширных владений к неуязвимой гавани Стамбула. Но теперь, когда морские пути сменили и дополнили их, туркам пришлось адаптироваться к этой перемене. Турецкие гавани азиатского континента превратились в гавани Средиземного моря.

Время для этого было самым подходящим. Падение халифата Фатимидов сопровождалось упадком зависимых от него мусульманских династий. В результате берберское побережье Северной Африки попало в руки не контролирувавшихся ими местных племенных вождей, использовавших тамошние гавани для пират

Они встретили активную поддержку со стороны мавров, которые обжили в Северной Африке, после того как мусульманское королевство Гренада пало в 1492 году под ударами испанских христиан. Эти мусульмане в своей жажде отмщения стимулировали получившую широкое распространение враждебность в отношении христиан и осуществляли настойчивые пиратские рейды к южным берегам Испании. Испанцы, которыми правила королева Изабелла, были вынуждены принимать ответные меры возмездия, перенеся войну в Северную Африку и установив свой собственный контроль над рядом ее портов. Мавры нашли действенных лидеров в лице двух братьев-мореплавателей, Оруджа и Хайреддина Барбаросса.

Отважные рыжебородые сыновья гончара, христианского вероотступника, ушедшего в отставку из корпуса янычар и женатого на жене греческого священника, они были турецкими подданными с острова Лесбос, прославленного центра христианского пиратства, господствовавшего над входом в Дарданеллы. Став одновременно корсарами и торговцами, они основали свою штаб-квартиру на острове Джерба, между Тунисом и Триполи, удобном трамплине, с которого можно было крейсировать на судоходных путях и совершать налеты на побережья христианских государств. Имея гарантии защиты со стороны правителя Туниса, Орудж подчинил себе многих местных племенных вождей и наряду с другими портами освободил от испанцев Алжир. Однако когда он попытался утвердить свое неограниченное присутствие в глубине материка, в Тлемсене, он потерпел поражение и погиб от рук испанцев — сражаясь, как сказано в хронике, «подобно льву, до последнего вздоха».

После его гибели, случившейся в 1518 году, Хайреддин Барбаросса, будто подтверждая, что он был наиболее способным из двух братьев-корсаров, стал крупным флотоводцем на службе у турок в Средиземном море. Сначала он укрепил свои гарнизоны, расположенные вдоль побережья, и заключил союзы с арабскими племенами внутренних территорий. Затем он установил контакты с султаном Селимом, который завершил свое завоевание Сирии и Египта и правый фланг которого мог быть с выгодой для него прикрыт гилами соотечественников-османов, расположенными вдоль североафриканского побережья. Барбаросса, как гласит запись, направил в Стамбул корабль с богатыми подарками султану, сделавшему его «айлербеєм Африки, выслав в Алжир традиционные символы должности — лошадь, турецкую саблю и знамя из двух хвостов — наряду с оружием и отрядом солдат, разрешением облагать налогами других и привилегиями, дававшимися янычарам.

Вплоть до 1533 года преемник Селима Сулейман, до того времени занятый своими сухопутными кампаниями в Европе, не вступал в прямые контакты с Барбароссой, подвиги которого в

столкновения с силами императора в Западном Средиземноморье были ему хорошо известны. Но сейчас султана беспокоил тот факт, что морские силы христиан проникли в предыдущем году из западной в восточную часть Средиземноморья. Ими командовал умелый генуэзский адмирал Андреа Дориа, который сменил свою верность королю Франции на верность габсбургскому императору. Пройдя Мессинский пролив, Дориа вошел во внутренние воды турок, чтобы захватить Корон на северозападной оконечности Греции. Он надеялся подобным путем создать тактический противовес в момент, когда султан вел осаду Гюнса, недалеко от Вены. Султан направил сухопутные войска и флот, которые, несмотря на численное превосходство, не смогли отбить Корон. Хотя позже христиане были вынуждены эвакуировать порт, Сулейман был озадачен этой неудачей, поняв, что, пока он укреплял свои сухопутные силы, было допущено ухудшение состояния морских сил до такого уровня, когда они перестали быть равными морским силам Запада. Требовались решительные, тем более неотложные меры по реорганизации, поскольку султан был накануне отъезда на кампанию против Персии и нуждался в обеспечении защиты внутренних морей в своем отсутствие.

В результате Сулейман направил конвой в Алжир, приказав Барбароссе явиться к нему в Стамбул. Не проявляя спешки, что приличествовало его статусу правителя, Барбаросса в надлежащее время осуществил исполненное величия прохождение в церемониальном строю сорока ярко расцвеченных судов своего берберского флота через Дарданеллы, вокруг мыса Сераль и в гавань Золотого Рога. Он привез подарки султану на царском уровне, включая обильное золото, драгоценных камней и дорогих тканей в объемах, которые способны были верблюд; бродячий зверинец львов и других африканских животных; также большую группу молодых христианских женщин, каждая из которых была украшена подарком из золота или серебра. С белевшей по мере старения бородой, свирепыми кустистыми бровями, но все еще здоровый и сильный физически Барбаросса засвидетельствовал почтение султану во время аудиенции в Диване, сопровождаемый капитанами восемнадцати галер, закаленными морскими волками, которым были пожалованы почтенные одесжды и денежные пособия, тогда как Барбаросса был назначен капудан-пашой, или главным адмиралом. Получив задание султана «показать свое умение в строительстве кораблей», они направились на имперские верфи, чтобы осуществлять надзор, ускорить и внести коррективы в ведущиеся работы по строительству. Благодаря усилиям в эту зиму морская мощь султана вскоре стала распространяться по всем водам Средиземного моря и большей части североафриканского побережья.

Барбаросса был убежденным сторонником активного сотрудничества между Турцией и Францией в Средиземноморье. Он видел в этом союзе эффективный противовес морской мощи Испании. Это не отвечало планам султана, который теперь намеревался продолжить борьбу против императора Карла скорее на море, чем на суше, наложившим планам самого короля Франции, которому это было выгодно на море против итальянских владений императора не напрямую здесь, в Средиземноморье, чем косвенным образом отдаленном бассейне Дуная. Такая политика вела к турецко-испанскому договору 1536 года с его секретными статьями о взаимной обороне.

В том же времени летом 1534 года, вскоре после отъезда султана в Иран, Барбаросса направился со своим флотом через Дарданеллы в Средиземное море. Флоты этого времени, типичным представителем которых был флот Барбароссы, состояли главным образом из длинных галер, «линкоров» своего времени, приводимых в движение гребцами, в преобладающей степени рабами, захваченными в плен во время сражений или каким-либо иным способом; весельных галер или «эскадренных миноносцев», меньших по размерам и более проходных, приводимых в движение свободными людьми более профессионального уровня; галеонов, «линейных кораблей», приводимых в движение только парусами; кроме того, галеасов, приводимых в движение частично парусами и частично гребцами.

Барбаросса решил продвигаться в западном направлении, чтобы опустошить побережья и порты Италии вдоль Мессинского пролива и вернуться во владения Неаполитанского королевства. Но его более важной целью был Тунис — королевство, ныне ослабленное гражданскими расколами в местной хаксидской династии, которое он обещал султану. Хайреддин стал задумываться о создании владения османов под собственным эффективным управлением, которое простиралось бы в виде цепи портов вдоль всего побережья Северной Африки, начиная от Гибралтарского пролива до Триполи. Под предлогом восстановления власти беглого принца династии он высадил своих янычар в Ла-Гоlette, в самом узком месте канала, который вел к озерной гавани Туниса. Здесь, как пираты, свободные от своих действий, он и его брат Орудж в прошлом имели привычку укрывать свои галеры. Барбаросса был готов начать атаку. Но его репутация и сила были ныне таковы, что правитель Мудай Хасан бежал из города, претендент на его трон был отвергнут и Тунис был аннексирован Османской империей. Это дало туркам стратегический плацдарм, господствовавший с южной стороны над всем проливом, соединявшим восточную и западную части Средиземноморского бассейна, в пределах легко преодолимой для галеры рейдерской дистанции до Мальты, где теперь базировались бывшие

рыцари Родоса (рыцари святого Иоанна) и до Сицилии. Остров Сицилия именно с этого плацдарма был когда-то завоеван Карфагеном, а позднее — сарацинами, и теперь он наверняка стал бы следующей целью османов в Средиземноморье.

Император Карл тут же осознал, что Сицилию невозможно было удержать. Сначала он попытался противостоять с помощью интриги. Он направил генуэзского посла, хорошо знавшего Северную Африку, в качестве шпиона в Тунис, дав ему инструкции поднять против турок мятеж при поддержке свергнутого с трона правителя Мулай Хасана. На случай, если бы мятеж не удался, он должен был либо путем подкупа склонить Барбароссу изменить султану в пользу императора, либо организовать его убийство. Однако Барбаросса раскрыл заговор, и генуэзца-шпиона приговорили к смерти.

В результате император, вынужденный принимать меры, собрал помощью Испании и Италии внушительный флот в четыреста судов под командованием Андреа Дориа вместе с отрядом императорских войск, состоявшим из испанцев, германцев и итальянцев. Летом 1549 года они высадились вблизи руин Карфагена. Прежде чем достигнуть собственно Туниса, они должны были захватить башни-ближенцы крепости Ла-Голетты, которые охраняли «горловину потока», ведущую к городу. Войска императора осаждали крепость в течение двадцати четырех дней, неся огромные потери при бешеном сопротивлении со стороны турок. Крепость умело обороняли под руководством способного командира, корсара из Смирны, еврея по национальности, с помощью артиллерии, взятой с находившихся в озерной гавани кораблей. Но в конце концов крепость пала, в основном из-за проломов в стенах, появившихся в результате обстрела из орудий корабля рыцарей святого Иоанна — восьмипалубного галеаса огромных размеров, который, пожалуй, был самым вооруженным боевым кораблем из всех существовавших в то время.

Путь к Тунису для императорских войск был таким образом открыт. Овладев озером, они пленили основную часть флота Барбароссы. Барбаросса, однако, в качестве гарантии против возможного поражения направил как резерв эскадру своих самых крупных и наиболее вооруженных галер в Бон, между Тунисом и Алжиром. Он готовился теперь встретить сухопутную армию императора, которая продвигалась по берегу озера в страшную жару. Потерпев неудачу в попытке блокировать ее продвижение к колодцам на маршруте следования, Барбаросса отошел под стены Туниса, где готовился дать сражение на следующий день во главе своей армии, состоявшей из турок и берберов.

Но в это время в самом городе несколько тысяч плененных христиан, поддерживаемые перебежчиками и ведомые одним из рыцарей

того Иоанна, при приближении своих единоверцев вырвались на свободу, захватили арсенал и, вооружившись, обрушились на турок, за которых отказались берберы. Император вошел в город, встретив лишь незначительное сопротивление, и после трех дней кровавых убийств, грабежей и насилий, устроенных его христианскими отрядами, — деяний, столь же отвратительных, как и любое подобное начало варварства мусульман, — восстановил Мулай Хасана на троне в качестве своего вассала, оставив испанский гарнизон для охраны Ла-Голетты. По всему христианскому миру Карла провозгласили победителем, была учреждена новый орден для рыцарствующего дворянства, Тунисский крест, с девизом «Барбария». Ганс Сакс, мастерзингер из Нюрнберга, отметил победу пышной инсценировкой осады игрушечной крепости, обороняемой куклами-турками, чей разжелебородый капитан сгорал в языках пламени под аплодисменты ангелов.

Но не такая судьба ждала Барбароссу. Как только он увидел, что город потерян и предан разграблению, то в смятении бежал с несколькими тысячами турок в Бон, где, благодаря прозорливости Барбароссы, его ждал резервный флот. Император с его армией, полностью предавшейся разрушению, не преследовал Барбароссу; Андреа Дориа, который ранее, несмотря на приказы императора предпринять меры предосторожности, оккупировал Бон, также не делал этого. И теперь он уже никак не успевал перехватить беглеца, ибо Барбаросса зря времени не терял. Поднаторевший в мастерстве стратегии и тактики, он немедленно отплыл из Бона с галерами и войсками, но не в порядке отступления, не для защиты Алжира, как могли бы предположить его противники, а для того, чтобы пополнив флот, направиться к Балеарским островам и нанести ответный удар непосредственно по собственной территории императора.

Здесь он достиг эффекта полной внезапности. Эскадра Барбароссы под испанскими и итальянскими флагами, развевавшимися на верхушках мачт, появилась внезапно и поначалу была встречена с почестями, как если бы это была часть возвращавшейся армады победоносного императора. Затем, после захвата крупного португальского торгового судна, она вошла в порт Маго (ныне Махон) на о. Минорка. Обратив поражение в победу, войска Барбароссы разграбили город, взяли в плен и в рабство тысячи христиан, разрушили оборонительные сооружения порта и увезли с собой в Алжир богатства и запасы испанцев. Захват Туниса — абсолютно независимо от того, что он создал внутренние политические проблемы, — мало что давал императору до тех пор, пока Барбаросса имел свободу действий на море, готовый многие дни гостязаться в том деле, признанным мастером которого он теперь был.

В 1536 году Барбаросса был вновь в Стамбуле, «касаясь лицом королевского стремени» (как было сказано в хронике о выражении им беспрекословного подчинения и преданности своему господину). Султан, недавно вернувшийся после повторного захвата Багдада, приказал Хайреддину построить новый флот из двухсот кораблей для решающего похода против Италии. Активно заработав, вновь оживил верфи и арсеналы города. Это была реакция на действия Андреа Дориа, задумавшего своим рейдом перекрыть пути сообщения с Мессиной, во время которого он захватил десять турецких торговых судов; затем перебрался восточнее, пересек Ионическое море и нанес поражение турецкой морской эскадре у берегов острова Паксос. Делая вывод из происшедшего, Барбаросса дал султану мудрый и дальновидный совет: утвердить свое морское присутствие в западной и центральной частях средиземноморского бассейна, что укрепило бы его на более прочной основе и ближе к дому, в восточном бассейне.

В 1537 году Барбаросса со своим новым флотом отплыл из Золотого Руга для нападения на юго-восточный берег Италии, на которым должно было последовать продвижение вверх по Адриатике. Все это планировалось как комбинированная операция, поддерживаемая крупной турецкой наземной армией под командованием султана, которая должна была быть перебросена морем из Албании и пройти Италию с юга на север. План предполагал вторжение с севера короля Франциска I при поддержке турецких галер, присутствие которых на протяжении всей зимы в порту Марселя открыто демонстрировало франко-турецкое сотрудничество. Барбаросса высадился в Отранто и «оставил пустынным побережье Апулии, подобно бубонной чуме», настолько впечатлив Андреа Дориа размерами своей новой армады, что тот не решился вмешаться из Мессины. Сухопутная кампания не осуществилась, частично потому, что Франциск с его привычной двойственностью предпочел вести с императором переговоры о перемирии.

В результате султан, находясь в Албании, решил перебросить свои войска на Венецию. Принадлежавшие венецианцам острова Ионическом море давно уже представляли собой источник напряженности между двумя державами; более того, позже, испытывая зависть в отношении коммерческих преимуществ, ныне демонстрировавшихся турками в отношении французов, венецианцы не скрывали своей враждебности в отношении турецкого судоходства. Близ Корфу они захватили корабль, везший губернатора Галлиполи, и убили находившихся на борту судна, кроме одного юноши, которому удалось бежать и, держась за доску, доплыть до берега, а затем доложить об этом насилии великому визирю. Сулейман немедленно приказал осадить Корфу. Его армия была высажена на остров по понтоному мосту, составленному из лодок от албанского берега, и деревни бы-

граблены. Однако крепость стойко держалась и с приближением от осады пришлось отказаться.

Переполненные чувством возмездия за это поражение, Барбаросса и его команда спустились вниз по Ионическому и поднялись в Эгейское море, безжалостно грабя и опустошая венецианские острова, которые столь долго вносили свою лепту в процветание республики. Турки взяли в рабство множество местных жителей, захватили их корабли и заставляли под угрозы палачей уплачивать Порте работорговую ежегодную дань. Затем Барбаросса вернулся с триумфом в Стамбул, нагруженный, согласно турецкому историку Хаджи Халифу, «одеждами, деньгами, тысячью девушек и пятнадцатью сотнями мальчиков — добычей, равнявшейся в целом стоимости трехсот тысяч золотых монет: таким был, по крайней мере, подсчет его богатства». На следующий день, выражая свое уважение султану, преподнес ему подарки, «папа нарядил в пурпур две сотни мальчиков, которые несли в своих руках фляги и кубки с золотом и серебром. За ними следовали тридцать друтих, каждый неся на своих плечах мешок золота; после них пришли две сотни мужчин, каждый неся мешок денег; и, наконец, две сотни неверных в мантиях, каждый неся на спине рулон одежд». В ответ Хайреддин получил щедрое вознаграждение, «ибо никогда во все времена ни один капудан не сделал такой выдающейся услуги». Испанский историк описал его как «создателя турецкого флота, его адмирала и душу».

Теперь турецкий флот представлял для христианского мира угрозу, которая в кои-то веки объединила христианские государства, папство и императора в союзе с Венецией, чтобы дать отпор врагу. Каждый сделал военно-морские контингенты, которые под командованием Дорна составили общей численностью около двухсот кораблей, вместе с шестьюдесятью тысячами человек и большим парком галерии. Этот флот, который значительно превосходил флот Барбароссы, включал пятьдесят больших, под квадратными парусами кораблей современного типа, уже доминировавших в Новом свете, но еще неизвестных на Средиземном море. Дорна был уверен, что массированная огневая мощь легко подавит менее крупные галеры и разгромит морскую мощь турок раз и навсегда.

В то время как корабли христиан собирались около острова Хиос, Барбаросса, находясь в удалении от материковой части Греции, занял стратегическую позицию к югу, пройдя укрепленный мыс Превезы, вокруг исторического мыса Актиума и внутрь обширного укрытия залива Аргы, почти со всех сторон закрытого скалами. Адмирал в точности повторил курс, которым за пятнадцать веков до него прошел Октавиан, будущий цезарь Август, готовившийся к разгрому Антония вместе с Клеопатрой, в битве при

Актиуме. На этой сильной позиции он поджидал Дориа и его смешанную армаду, которая в надлежащее время сплывала с якорей у Превезы, в устье залива.

У Барбароссы не было намерения выходить из своей безопасной стоянки на якорях. Но и Дориа не мог войти в залив, кроме как у мыса Актиум, где его поджидал огонь всех турецких галер. Единственным шансом Дориа войти в соприкосновение с противником было высадить на берег войска и орудия, захватить крепость Превезы и заблокировать выход из гавани. Он мог таким образом поймать турецкий флот в ловушку в его собственных водах и обстреливать его с прибрежных высот. Один из вариантов подобной высадки действительно обсуждался, но был отвергнут Дориа из-за боязни, что в конце летнего сезона — шел сентябрь месяц — могут начаться штормовые ветры, которые вынудят флот уйти и оставить сухопутные войска на милость янычар Барбароссы.

В результате как попытки Дориа выманить Барбароссу из открытого моря, так и попытки Барбароссы заманить Дориа в залив ни к какому решительному столкновению между ними не привели. Все, что смог сделать каждый из них — послать символическую эскадру к устью залива, где имели место ничего не решавшие стычки. Тогда, как бы отступая, Андреа Дориа и его флот отошли от Превезы в южном направлении в надежде, что Барбаросса наконец-то выйдет из залива, чтобы преследовать его. Когда Барбаросса действительно начал движение, он обнаружил скопление христиан, вытянувшиеся в длинную линию вдоль побережья.

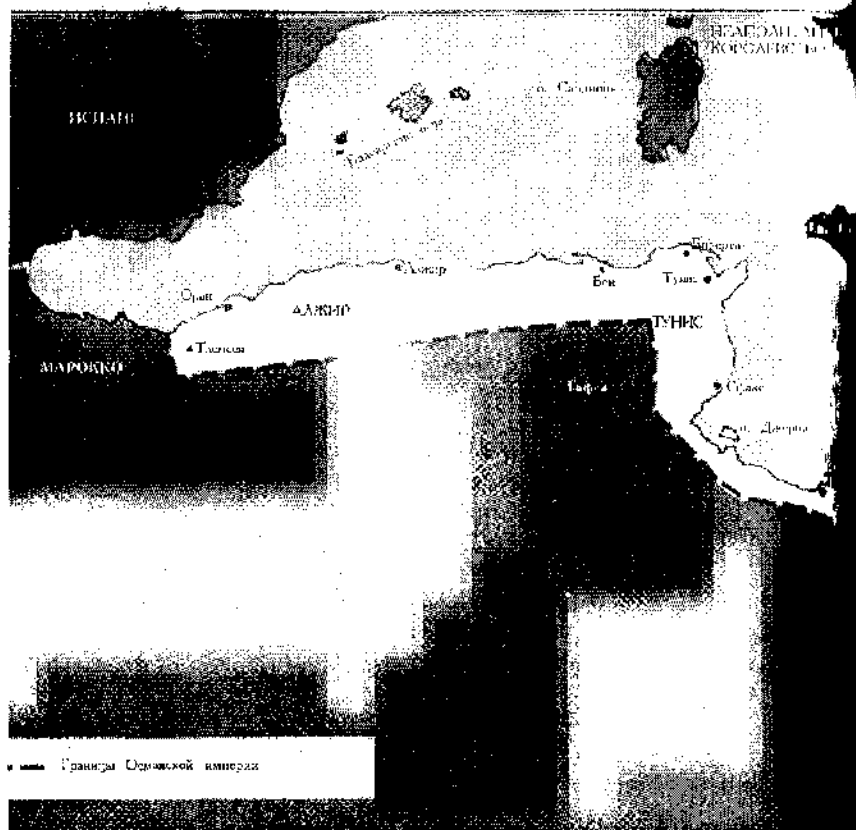
Теперь настало время Дориа с его намного превосходящими силами и огневой мощью перегруппировать свой флот и двинуться на север, используя попутный ветер, чтобы противостоять туркам. Но по необъяснимым причинам он не сделал этого. Барбаросса также не искал масштабного столкновения с флотом, настолько превосходящим численностью его собственный. Галеры турецкого адмирала сошлись с огромным галеоном из Венеции, плавающей крепостью пользовавшейся репутацией, как и рыцари, одного из самых мощных боевых кораблей в то время. Будучи громоздким и тихоходным, более того, приводимым в движение парусами, галеон тянулся позади остального флота Дориа и в данный момент был почти неподвижен из-за штиля. Барбаросса осторожно блокировал гиганта серией ударов, наносимых на протяжении всего дня одной эскадрой галер за другой. Встречаясь с широким фронтом бортового огня, они несли потери, но и сами произвели прямое попадание в грот-мачту, которая обрушилась в море. Капитан венецианцев потребовал от Дориа, чтобы подошли галеры и вступили с турками в бой. Но ни одна галера не подошла. Дориа предпочел либо стоять на якоре в удалении, либо маневрировать туда и обратно вдоль берега. Барбаросса продолжил

ую тактику нанесения уколов, упорно атакуя галеон, преследуя ставших вдоль побережья, и в итоге захватил две галеры и пять русских судов, не потеряв при этом ни одного собственного. Наконец на закате дня Дориа приказал своему флоту идти на север, в направлении турок, а в открытое море, пожалуй, напрасно надеясь на то, что те станут его преследовать. На следующее утро на востоке армада была видна скользящей по волнам в полном наступлении к Корфу, где она вскоре рассеялась по различным портам своих стран.

Это нежелание сражаться в 1538 году было равносильно для христиан абсолютному поражению. Оно частично происходило из-за проблем управления необычно большим смешанным флотом, составленным как из гребных, так и парусных судов, галер и галеонов, в чем Андреа Дориа явно не преуспел. Оно объяснялось также политическими трудностями примирения между собой командиров и интересов различных держав — особенно венецианцев, — которые всегда предпочитали атаку, и испанцев, которых прежде всего интересовало, как избежать потерь. Ибо император Карл, интересы которого лежали в Западном Средиземноморье, мало что мог приобрести в войне в его восточных водах. Накануне кампании Карл попытался подкупить Барбароссу и таким способом устранить угрозу, но безуспешно, и попытку вновь пришлось повторить после того, как кампания закончилась. Результатом, как и в предыдущих удачных кампаниях, была победа для сплоченных турок и последующее превращение Средиземного моря в Османское озеро. Благодаря достижениям Барбароссы, «короля моря», оно оставалось турецким на протяжении жизни следующего поколения.

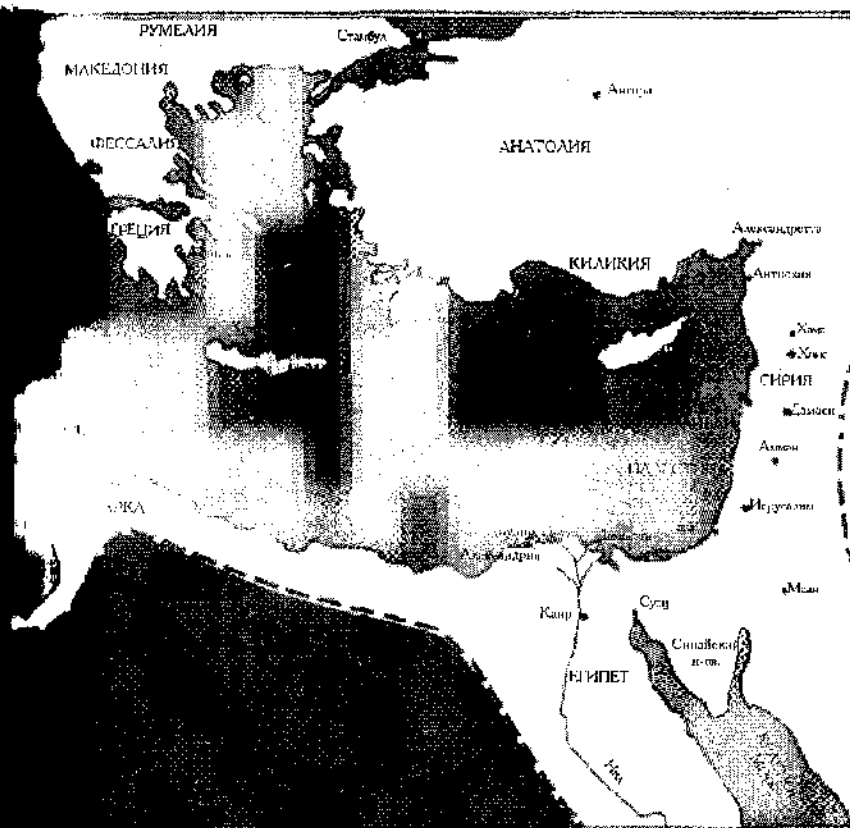
Венеция после этого расторгла союз с империей и при поддержке французской дипломатии заключила с турками сепаратный договор. Ничто не могло теперь помешать османской армаде перенести военные операции из восточной в западную часть Средиземноморского бассейна. Их флот триумфально прошел Сицилийским проливом вплоть до Геркулесовых столбов, осуществив жестокое нападение на Гибралтар из своего корсарского оплота в Алжире. Осенью 1541 года, воспользовавшись преимуществом отъезда Барбароссы в Стамбул, император Карл V со своими христианскими союзниками предпринял, не учитывая, какое было время года, безрезультатную попытку с большой армадой и армией захватить Алжир. Из-за шторма это вышло полной катастрофой, в результате которой на императора обрушилось все унижение его первого решительного поражения.

Моря, таким образом, были расчищены для полного господства и приручения врагов Карла — «нечестивого» франко-турецкого союза, сорвать который стремилась его алжирская экспедиция. В 1543 году султан еще раз послал Барбароссу на запад командующим

Османлы в Средиземном море.

флотом в количестве ста галер, с французским посланником на борту. Вновь турецкий адмирал опустошил побережья Неаполя и Сицилии, разграбил Реджо-ди-Калабрию, где он пленил восемнадцатилетнюю жену губернатора и в качестве платы за разрешение жениться на ней освободил обоих ее родителей. В Риме царил паника, по ночам улицы города патрулировали офицеры с факелами, предотвращая бегство охваченных ужасом горожан. Турецкий флот в результате достиг берегов французской Ривьеры. Высадившись в Марселе, Барбаросса был принят юным Бурбоном, герцогом Энгиенским. В качестве места для размещения военно-морского штаба турок ему выделили порт Тулон, откуда была эвакуирована часть жителей и который французы уже называли вторым Константинополем, полным «Сан-Якобеев» (иначе, санджак беев).

Порт действительно являл собой любопытное зрелище, унижительное для французских католиков: с украшенными тюрбанами мусульманами, разгуливающими по палубам, и христианами-рабами — итальянцами, германцами и иногда даже французами, — прикованными к скамьям галер. Чтобы пополнить их команды после смерти от эпидемии лихорадки, турки принялись совершать набеги на деревни французов, похищая там крестьян для службы на галерах, тогда как пленники-христиане в открытую продавались на рынке. Тем временем, словно в мусульманском городе, муэдзины свободно распевали свои призывы к молитве и их имамы цитировали Коран.

Франциск I, попросивший о поддержке со стороны турок, был крайне озабочен их действиями и нескрываемым недовольством по поводу их присутствия среди его подданных. Как всегда уклончивый,

он не хотел связывать себя решительным выступлением на море вместе с союзником против императора, для которого в любом случае его военно-морские ресурсы были недостаточны. Вместо этого, к раздражению Барбароссы, жажда завоеваний которого не возрастала, он остановился на ограниченной цели — нападении на порт Ниццы, ворота Италии, который удерживался союзником императора, герцогом Савойским.

Хотя замок Ниццы под руководством грозного рыцаря ордена святого Иоанна выстоял, город был вскоре взят, после того как турецкая артиллерия пробила в стенах большую брешь и губернатор города официально сдался. Затем порт был разграблен и сожжен дотла, что стало нарушением условий капитуляции, в чем французы обвинили турок, а турки — французов. Весной 1554 года Франциск I избавил себя от раздражающего союзника с помощью подкума, внеся значительные платёжи на содержание турецких войск и сделав дорогие подарки самому адмиралу. Ибо он вновь был готов к тому, чтобы прийти к согласию с Карлом V. Барбаросса и его флот отплыли обратно в Стамбул.

Это была его последняя кампания. Два года спустя Хайреддин Барбаросса умер от лихорадки в преклонном возрасте в своём дворце в Стамбуле, и весь исламский мир оплакивал его: «Начальник моря мёртв!»

Сулейман постоянно вел войну на два фронта. Повернув свои сухопутные войска в Азию, тогда как его военно-морские силы все больше укрепляли свои позиции в Средиземном море, он лично провел в 1534—1535 годах три следовавших одна за другой кампании против Персии. Персия была традиционным наследственным врагом, не только в национальном, но и в религиозном смысле, поскольку турки были ортодоксальными суннитами, а персы — персидскими шиитами. Но со времени победы под Чалдыраном, одержанной его отцом, султаном Селимом, над шахом Исмаилом, отношения между странами были относительно спокойными, хотя никакого мира между ними не было подписано и Сулейман продолжал вести себя угрожающе. Когда шах Исмаил умер, его десятилетний сын и наследник, Тахмасп, также подвергся угрозам вторжения. Но минуло десять лет, прежде чем эта угроза была исполнена. Тем временем Тахмасп, воспользовавшись преимуществами отсутствия турок, с помощью подкупа поставил себя на службу губернатора Битанса, расположенного в турецком пограничном районе, в то время как губернатор Багдада, обещавший хранить верность Сулейману, был убит и заменен сторонником шаха. Сулейман приказал казнить ряд персидских пленников, все еще содержащихся в Галлиполи. Затем он выслал вперед себя великого визиря Ибрагима, чтобы подготовить почву для военных действий в Азии.

Ибрагим — а эта кампания волею судеб должна была стать последней в его карьере, — преуспел в подготовке сдачи турецкой стороне нескольких пограничных крепостей персов. Затем, летом 1534 года, он вступил в Тебриз, из которого шах предпочел поскорее уйти, нежели ввязываться в оборонительное сражение за город, что столь опрометчиво сделал его отец. После четырех месяцев похода по засушливой и гористой местности войско султана соединилось с войском великого визиря под Тебризом, и в октябре их объединенные силы пошли в очень трудный поход на юг, к Багдаду, борясь с исключительно тяжелыми зимними условиями в гористых местностях.

В конце концов, в последних числах ноября 1534 года Сулейман осуществил свой гордый въезд в Священный город Багдад, освободив его в качестве вождя правоверных от шиитского господства персов. С населявшими город еретиками обошлись с подчеркнутой терпимостью, так же, как Ибрагим обошелся с жителями Тебриза, и как христианский император Карл V явно не смог обойтись мусульманами Туниса. Сулейман произвел впечатление на своих ортодоксальных последователей, обнаружив останки великого суннитского имама Абу Ханифы, признанного юриста и богослова времён пророка, которые, как утверждалось, гетеродоксальные персы уничтожили, но которые были опознаны благодаря выделению ими запаха мускуса. Новая могила для святого человека была немедленно оборудована, став с тех пор местом поклонения паломников. Вот здесь после освобождения Багдада от мусульманских еретиков им было открыто чудесное открытие мощей Эюба, соратника пророка, случившееся при захвате Константинополя у «неверных».

Весной 1535 года Сулейман покинул Багдад, следуя более лёгким, чем раньше, путём в Тебриз, где он пробыл несколько месяцев, утверждая власть и престиж османов, но разграбив город перед тем, как уехать. Ибо он сознавал, что, пребывая на столь большом расстоянии от своей столицы, он не имел надежды на то, что сможет контролировать этот город. И действительно, на долгом пути домой отряды персов неоднократно и небезуспешно нападали на его арьергард, прежде чем он добрался до Стамбула и триумфально въехал в город уже в январе 1536 года.

Эта первая кампания в Персии ознаменовала собой падение Ибрагима, который служил султану в качестве великого визиря в протяжении тринадцати лет и который теперь был командующим действующих армий. За эти годы Ибрагим не мог не приобрести врагов среди тех, кто ненавидел его за быстрое вхождение во власть за чрезмерное влияние и вытекающее из этих обстоятельств феноменальное богатство. Существовали также те, кто ненавидел за его христианские пристрастия и неуважение к чувствам мусульман. В Персии он, очевидно, превысил свои полномочия. После захвата Тебриза у персов перед прибытием Сулеймана он позволил присвоить себе титул султана, добавив его к титулу сераскера, или главнокомандующего. Ему нравилось, когда к нему обращались как к султану Ибрагиму. В этих краях подобное обращение было достаточно привычным стилем, обычно применимым в обращении с малозначительным племенным вождём курдов. Но сам султан османов вряд ли стал бы рассматривать это подобным образом, если бы такая форма обращения к Ибрагиму была преподнесена Сулейману как акт проявления непочтительности к нему. Случилось так, что Ибрагима во время этой кампании сопровождал его старинный

личный враг, Искандер Челеби, дефтердар, или главный казначей, который возражал против использования Ибрагимом данного титула и пытался убедить его отказаться от него.

Результатом стала ссора между двумя мужиками, превратившаяся в войну не на жизнь, а на смерть. Она закончилась унижением Искандера, обвиненного в изгригах против султана и злоупотреблении общественными деньгами, и его смертью на виселице. Перед смертью Искандер попросил дать ему перо и бумагу и в написанном обвинил самого Ибрагима в заговоре против своего господина. Поскольку это было его предсмертное слово, то, согласно священному писанию мусульман, султан поверил в виновность Ибрагима. Его осужденность в этом была подкреплена, согласно турецким хроникам, видением, в котором султану явился мертвец с нимбом вокруг головы и попытался удушить его. Несомненное воздействие на мнение султана оказывалось также в его собственном гареме его новой и амбициозной наложницей русско-украинского происхождения, известной под именем Роксоланы. Она испытывала ревность к близким отношениям между Ибрагимом и султаном и к влиянию ширя, которым ей самой хотелось бы обладать.

В любом случае Сулейман решил действовать скрытно и быстро. Однажды вечером по возвращении весной 1536 года Ибрагим-паша был приглашен поужинать с султаном в его апартаментах в Большом Серале и остаться после ужина, согласно его привычке, почитать. На следующее утро его труп был обнаружен у ворот Серала со следами насильственной смерти, показывавшими, что он был задушен. Когда это происходило, он, очевидно, отчаянно боролся за жизнь. Лошадь под черной попоной увезла тело прочь, и оно было сразу же захоронено в монастыре дервишей в Галате, без какого-либо камня, отмечающего могилу. Огромное богатство, как и было принято в случае смерти великого визиря, было конфисковано и отпущено к короне. Так сбылись предчувствия, которые Ибрагим когда-то высказал в начале своей карьеры, умоляя Сулеймана не возносить его слишком высоко, предполагая, что это обусловит его падение.

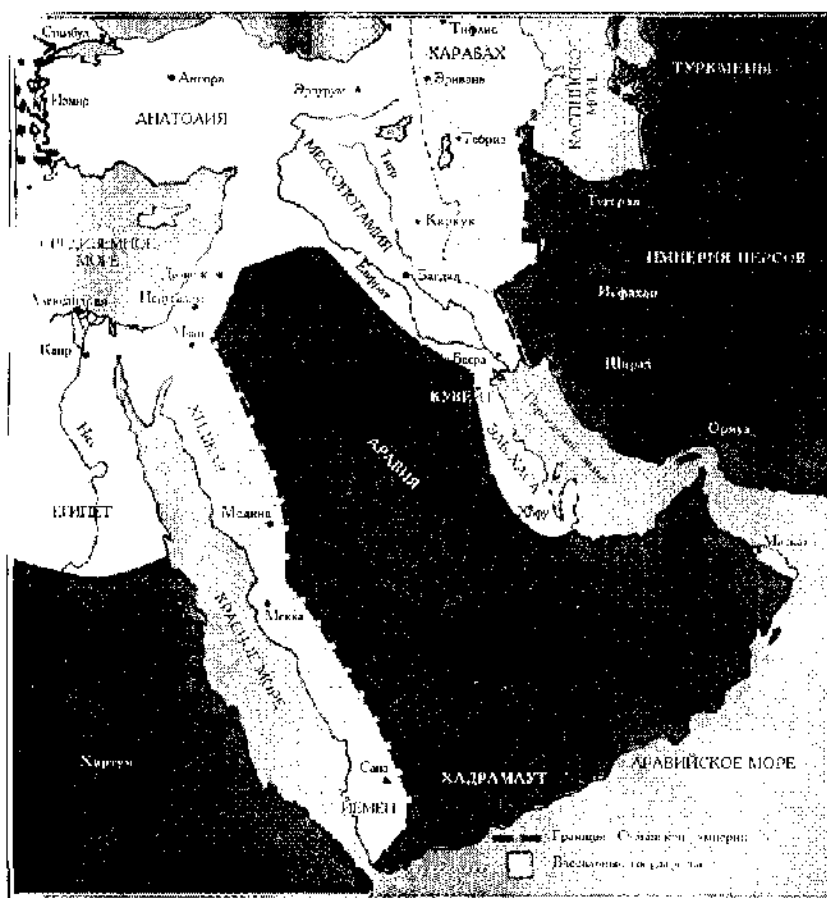
Должно было пройти более десяти лет, прежде чем султан решился во второй раз подвергнуть себя тяготам второй военной кампании против Персии. Причиной перерыва послужили события в Венгрии, еще раз привлечение его внимание к Западу. В 1540 году неожиданно скончался Ян Запольяи, бывший совместно с Фердинандом королем Венгрии с момента заключения между ними давнего секретного договора о разделе территории. Договор предусматривал, что в случае, если Запольяи умрет бездетным, его часть страны должна будет отойти к Габсбургам. В этот момент он не был женат, следовательно, не имел детей. Но до этого, вскоре

после подписания договора, вероятно, по подсказке лукавого советника, монаха Мартинуцци, который был ярким венгерским националистом и противником Габсбургов, он женился на Изабелле, дочери короля Польши. На своем смертном одре в Буде он получил известие о рождении сына, который в его предсмертном завещании наряду с повелением обратиться за поддержкой к султану провозглашался королем Венгрии по имени Стефан.

Немедленной реакцией на это со стороны Фердинанда было идти в поход на Буду с теми средствами и войсками, которые он смог мобилизовать. Как король Венгрии он теперь претендовал на Буду как на свою законную столицу. Однако его войск оказалось недостаточно, чтобы осадить город, и он отступил, оставив гарнизоны в Пеште, а также удерживая за собой несколько других небольших городов. В ответ на это Мартинуцци и его группировка противники Габсбургов — обратились от имени короля-инфанта Сулейману, который, будучи в гневе по поводу тайного договора, заметил: «Эти два короля недостойны носить короны: они не заслуживают доверия». Султан принял венгерских послов с почтением. Они попросили его поддержки в пользу короля Стефана. Сулейман гарантировал признание в принципе в обмен на уплату ежегодной дани. Но сначала он пожелал быть уверенным в том, что Изабелла действительно родила сына, и направил к ней высокопоставленного чиновника, чтобы тот подтвердил его существование. Она приняла турка с инфантом на руках. Затем Изабелла традиционн обнажила грудь и покормила младенца в его присутствии. Турок пал на колени и поцеловал ноги новорожденного, как сына короля Иоанна.

На протяжении зимы султан готовился к еще одной кампании против Венгрии. Летом 1541 года он вошел в Буду, которую вновь атаковали войска Фердинанда, энергичную и успешную оборону против которых возглавил Мартинуцци, надев латы поверх своих церковных одеяний. Здесь после переправы через Дунай, чтобы занять Пешт и тем самым обратить в бегство нестойких солдат своего противника, султан принял Мартинуцци с его националистическими сторонниками. Затем, сославшись на то, что мусульманский закон якобы не позволяет ему лично принять Изабеллу, он послал за ребенком, которого принесли в его шатер в золотой колыбели и сопровождении трех нянек и главных советников королевы. Внимательно рассмотрев ребенка, Сулейман приказал своему сыну Баязиду взять его на руки и поцеловать. После этого ребенка отослали обратно к матери.

Позже ее заверили, что ее сын, которому теперь дали имена его предков, Иоанн Сигизмунд, должен будет править Венгрией по достижении надлежащего возраста. Но в данный момент он предложили удалиться вместе с ним в Липшу, в Трансильванию.

Восточные владения империи.

Теоретически юный король должен был иметь статус данника в качестве вассала султана. Но на практике скоро появились все признаки постоянной турецкой оккупации страны. Буда и прилегающая к ней территория были преобразованы в турецкую провинцию под началом паши, с администрацией, целиком состоящей из турок, а все церкви начали переделяться в мечети.

Это беспокоило австрийцев, у которых вновь появились опасения относительно безопасности Вены. Фердинанд направил в лагерь султана послов с мирными предложениями. Их подарки включали большие искусной работы часы, которые не только показывали время, но и дни и месяцы календаря, а также движение солнца,

луны и планет и, таким образом, должны были, по замыслу, воззвать к интересу Сулеймана в области астрономии, космоса и движения небесных светил. Тем не менее подарок не убедил его принять чрезмерные требования послов, господни которых все еще стремились стать королем всей Венгрии. Спросив своего визиря: «Что они говорят?» — он прервал их вступительную речь приказанием: «Если им больше нечего сказать, отпусти их». Визирь в свою очередь упрекнул их: «Вы считаете, что падишах не в своем уме, что он должен оставить то, что в третий раз завоевал своим мечом?».

Фердинанд вновь приступил к боевым действиям в попытке отвоевать Нешт. Но предпринятая им осада потерпела неудачу, и его войска разбегались. Затем Сулейман весной 1543 года еще раз совершил поход в Венгрию. Захватив после непродолжительной осады Гран и превратив кафедральный собор города в мечеть, он приписал его к турецкому пашалыку Буды и укрепил его в качестве своего северо-западного аванпоста в Европе. После этого его армии приступили с помощью серии осад и полковых сражений к отвоеванию у австрийцев нескольких важных опорных пунктов. Турки также захватили под турецкое господство участок территории настолько обширный, что султан смог разделить его на двенадцать санджаков. Тем самым основная часть Венгрии, связанная воедино упорядоченной системой турецкого правления — одновременно военного, гражданского и финансового — была незамедлительно включена в состав Османской империи. Ей предстояло оставаться в этом состоянии на протяжении грядущих полутора веков.

Такова была кульминация побед Сулеймана на Дунае. В интересах всех соперничавших сторон наступило время провести мирные переговоры. Император сам желал этого, чтобы развязать руки для разрешения своих дел с протестантами. В результате братья Габсбурги — Карл и Фердинанд — еще раз объединились в своей попытке прийти к договоренностям с султаном если не в море, так на суше. После перемирия, достигнутого с пашой Буды, он направил в Стамбул несколько посольств. Прошло три года прежде чем они принесли плоды, в 1547 году, выразившиеся в подписании Адрианопольского перемирия, основывавшегося на сохранении статус-кво. По его условиям, Сулейман сохранил за собой завоевания, за исключением небольшой части Венгрии, которую продолжал удерживать Фердинанд и с которой он теперь согласен уплачивать Порте дань. Не только император, который добавил свою подпись в Аугсбурге, но и король Франции, Республика Венеция, папа Павел III — хотя он находился в плохих отношениях с императором из-за позиции последнего относительно протестантов — стали участниками соглашения.

Султан Сулейман I (1520—1566), правление которого привело Османскую империю к высшей точке расцвета. На заднем плане этого портрета, выполненного в полный рост, можно видеть мечеть Сулеймание.

Репродукция из частного английского издания Питера Кука ван Альста «Турки в MDLIII». Лондон — Эдинбург, 1873. с. 34.

Подписание соглашения о перемирии оказалось для Сулеймана, который уже был готов весной 1548 года к своей второй кампании в Персии, весьма своевременным. Персидская кампания осталась незавершенной, если не считать захвата города Ван, который остался в руках турок.

После этой кампании с привычным колебанием между Востоком и Западом Сулейман оказался вновь вовлеченным в события в Венгрии. Адрианопольское перемирие не выдержало пятилетнего срока. Фердинанд недолго сохранял удовлетворенность своей должностью, что по сути было одной тростью Венгрии, ибо турецкие пашалыки Буды отделил от земли от Трансильвании. Здесь, в Липпе, вдовствующая королева Изабелла готовила своего сына к наследованию этого маленького, но процветающего государства. Внутри него доминирующим влиянием пользовался амбициозный монах Мартинуцци. Изабелла пожаловалась на это Сулейману, который потребовал, чтобы монах был устранен от власти и доставлен в оковы в Порту. Строя теперь тайные планы против султана в интересах Фердинанда — как и в своих собственных, Мартинуцци в 1551 году тайно убедил Изабеллу уступить Трансильванию Фердинанду в обмен на определенное количество земель где-либо еще, таким образом превратив ее в чуждую австрийских владений. За это он был вознагражден головным убором кардинала. Но султан, получив это известие, немедленно заключил австрийского посла в Черную башню крепости Анадолу Хисар, пресловутую тюрьму на берегу Босфора, где он должен был томиться в течение двух лет. В конце концов посол вышел оттуда едва живым. Затем, по приказу Сулеймана, пользующийся особым доверием командующий, будущий великий визирь Мехмед Соколман в конце лета совершил поход в Трансильванию, где захватил Липпу и ушел, оставив гарнизон.

Хотя Мартинуцци объединился с Фердинандом в деле осады освобождения Липпы, он тайно стремился умиротворить турок, оплошавшись с необычайной снисходительностью к попавшему под жесткий пресс турецкому гарнизону в надежде заслужить прощение и подпадающее вознаграждение от султана. Предупрежденный о вероломстве монаха, Фердинанд приказал своим генералам предостеречь Мартинуцци смерти. Они выполняли приказ, подкупив его секретаря, но тот смог лишь ранить Мартинуцци. Затем генералы Фердинанда вошли с отрядом вооруженных испанцев и итальянцев, которые выстрелили в него, кричащего «Святая Мария!». Они оставили его тело шестьдесят три раны.

В 1552 году турецкие войска вновь вторглись в Венгрию. Они захватили ряд крепостей, существенно расширив находившуюся под контролем турок венгерскую территорию. Также турки палис-

ражение армии, которую Фердинанд выставил на поле боя, захватив ловину ее солдат в плен и отправив пленников в Буду, где те были проданы по самым низким ценам на переполненном «товаром» рынке. Однако осенью турки были остановлены героической обороной Эгера, к северо-востоку от Буды, и после долгой осады были вынуждены отступить.

Ведя переговоры о перемирии, султан приступил в 1553 году к своей третьей и последней войне с Персией. Пользуясь тем, что все внимание Сулеймана было сосредоточено на Венгрии, персидский шах, возможно, при подстрекательстве со стороны императора, предпринял активные действия, направленные против турок. Его сын, назначенный викарием командующим персидской армией, захватил Эрзурум, паша которого попал в западню и потерпел полное поражение. Персы добились и других успехов, чем вызвали распространение в Европе циркулирующих сообщений о том, что они захватили перевалы через Тавр и угрожали всей Сирии. Теперь султан был преисполнен жажды отмездия.

После зимы, проведенной в Алеппо, султан и его армия выступили весной, вернули себе Эрзурум, затем переправились устья через Верхний Евфрат, чтобы опустошить территорию персов, применяя тактику выжженной земли, самой варварской из всего, что применялось во время предыдущих кампаний. Стойки с противником приносили успех то персам, то туркам. Превосходство армии султана было в конечном счете подтверждено тем фактом, что персы не смогли ни противостоять его силам в открытом бою, ни вернуть себе земли, которые те завоевали. Турки, с другой стороны, не могли удерживать эти отдаленные завоевания неопределенно долгое время при наличии врага, которого они не могли игнорировать, но с которым они никак не могли сойтись вплотную. Результатом был тупик, из которого не могла выйти ни одна из сторон. Наконец прибытием осенью 1554 года в Эрзурум персидского посла было достигнуто перемирие, которое на следующий год должно было быть подтверждено мирным договором.

Таковы были военные кампании султана в Азии. В конечном счете они оказались безрезультатными. Отказавшись по договору от своих притязаний на Тебриз и прилегающую территорию, Сулейман признал несостоятельность попыток совершать постоянные вторжения в глубинные районы собственно Персии. Похожая ситуация сложилась и в Центральной Европе, в сердце которой султану так и не удалось проникнуть. Но он продвинул границы своей империи на восток, включая на гарантированной основе Багдад, нижнюю Месопотамию, устье Тигра и Евфрата и плацдарм в Персидском заливе — истинное владение, которое ныне простиралось от Индийского до Атлантического океана.

Первая из этих трех войн была запятнана последовавшей казнью фаворита султана Ибрагима. Начало третьей спровоцировало деяние еще более отвратительное — и, наверняка, более роковое, — чем многие другие в анналах османской династии.

На протяжении двух последних десятилетий Сулейман больше, чем когда-либо, подпал под влияние чар своей славянской фаворитки, ставшей широко известной европейцам как Ла Росса, или Роксолана. Пленница из Галиции, дочь украинского священника, она получила от турок прозвище Хуррем, или «Смеющаяся», за свою счастливую улыбку и веселый нрав. В привязанностях султана она заменила собой его прежнюю фаворитку Гюльбахар, или «Восеннюю розу». В качестве советника она заменила ему Ибрагима, судьбу которого она вполне могла предопределить. С тонкой и изысканной фигурой Роксолана пленяла больше своей живостью, чем красотой. Она умиротворяла озабоченных своих махров и стимулировала живость своего ума. Быстро схватывающая и тонко чувствующая, Роксолана в совершенстве овладела искусством читать мысли Сулеймана и направлять их в русла, способствовавшие удовлетворению ее жажды власти. В первую очередь она избавилась от своей предшественницы Гюльбахар, которая была «первой леди» гарема Сулеймана после его матери, султанши валиде, и которая теперь отправилась практически в ссылку на полгода в Магнесию.

Родив султану ребенка, Роксолана ухитрилась стать, невзирая на мусульманские законы, его признанной законной женой, с соответствующим приданым, чего не удалось добиться ни одной из наложниц турецких султанов за два истекших века. Когда примерно в 1581 году внутренние покои Старого дворца, где размещался гарем султана, были повреждены сильным пожаром, Роксолана создала новый прецедент, перебравшись непосредственно в Большой Сераль, где жил султан и где он занимался государственными делами. Сюда она взяла свои вещи и большую свиту, которая включала сто фрейлин наряду с ее личным портным и поставщиком, у которого было тридцать собственных рабов. По традиции до этого ни одной женщине не разрешалось ночевать в Большом Серале. Но Роксолана оставалась там до конца своей жизни, и со временем здесь был построен новый гарем, внутри его собственного закрытого двора чтобы занять место старого.

Наконец, спустя семь лет после казни Ибрагима, Роксолана обрела над султаном наивысшую власть, добившись назначения великим визирем Рустем-паши, женатого на ее дочери Михримах и, следовательно, приходившегося Сулейману зятем, подобно тому, как Ибрагим был свояком Сулеймана. Так как султан все больше передавал Рустему бразды правления, Роксолана все больше приближалась к зениту своей власти.

Сулейман при всей терпеливости своего характера, неподкупности инстинктов и теплоте его привязанностей хранил внутри себя некий скрытый запас холодности, скрытой жестокости, порожденных склонностью к абсолютной власти и тесно связанной с этим подозрительностью в отношении любого, кто мог бы соперничать с ним. Селма хорошо знала, как играть на этих струнах его натуры. Она родила султану трех наследников — Селима, Баязида и Ибрагима, старшему из которых она была полна решимости передать наследование трона. Но Сулейман видел своим приемником первого сына Мустафу, матерью которого была Хатун Бахар. Он был красивым молодым человеком, натурой невероятно общительным, «удивительно высокообразованным и рассудительным и в возрасте, когда можно править», который готовился занять ряд ответственных постов в правительстве, а сейчас был губернатором Амасьи, по дороге в Персию. Шедший с легким сердцем в бой, Мустафа завоевывал любовь янычар, которые видели в нем достойного преемника своего отца.

В канун третьей персидской кампании Сулейман, вступивший в шестидесятилетие, впервые не захотел лично возглавить армию и передал верховное командование Рустем-паше. Но вскоре через Рустема стали приходить сообщения, что янычары проявляют беспокойство и требуют, чтобы возраст султана, чтобы их командовал Мустафа. Они говорили, сообщал посланец, что султан слишком стар, чтобы лично идти походом против врага, и что только великий визирь теперь противится тому, чтобы Мустафа занял его пост. Посланец от Рустема также передал султану, что Рустем благосклонно прислушивался к подобным подстрекательским слухам и что Рустем умоляет султана ради спасения своего государства немедленно прибыть и взять командование армией в свои руки. Это был шанс для Роксоланы. Ей было легко сыграть на чувствах подозрительности в характере Сулеймана, заронить в нем сомнения в связи с амбициями Мустафы, внушить ему мысли о том, что его отец имеет виды на султана, сравнимые с теми, которые побудили его отца, Селима, сместить собственного отца Баязида II.

Решая, идти в поход или нет, Сулейман медлил. Его мучили сомнения, связанные с тем шагом, который ему предстояло сделать в отношении собственного сына. В конце концов, придав делу политический и теоретический характер, он попытался получить беспристрастный приговор от муфтия, шейх-уль-ислама. Султан показал ему, свидетельствует Бусбек, «что в Константинополе жил некий человек, чье имя произносилось с уважением. Когда ему потребовалось на некоторое время покинуть дом, он поручил присматривать за собой собственностью и хозяйством рабу, пользовавшемуся его наибольшим расположением, и доверил его верности своим жене и

детей. Не успел хозяин ухватить, как этот раб начал растаскивать собственность своего хозяина и замышлять пехорское против жизни его жены и детей: мало того, замыслил гибель своего господина. Вопрос, на который он (султан) попросил муфтия дать ответ, был следующим: «Какой приговор мог бы быть на законных основаниях вынесен этому рабу?» Муфтий ответил, что, по его мнению, заслуживал быть замученным до смерти».

Таким образом, религиозное сознание султана было спасено. Походом в восточном направлении, он достиг в сентябре своего полевого штаба в Эрегли и вызвал Мустафу из Амасьи. Другим осведомленные о судьбе, которая могла ожидать его, умоляли Мустафу не подчиняться. Но он ответил, что, если ему султан потеряет жизнь, он не смог бы поступить лучше, чем вернуться обратно в источник, из которого он вышел. «Мустафа, — писал Бусбек, — стоял перед трудным выбором: если он войдет в присутствии своего разгневанного и обиженного отца, он подвергнется несомненному риску; если он откажется, он ясно подчеркнет замышляя акт предательства. Сын избрал более смелый и опасный путь». Он проследовал в лагерь своего отца.

Там прибытие Мустафы вызвало сильное возмущение. Смело поставив свои шатры позади шатров отца. После того визирь выразил Мустафе свое почтение, он поехал на богато украшенном боевом коне, эскортируемый визирями и под возмущением толпившихся вокруг него янычар, к шатру султана, где, как он ожидал, должен был получить аудиенцию. Внутри «все казалось мирным: было солдат, телохранителей или сопровождающих лиц. Присутствовали, однако, несколько немых (категория слуг, особенно впечатлившихся турками), сильных, здоровых мужчин — предназначенных ему убийц. Как только Мустафа вошел во внутренний шатер, они решительно набросились на него, изо всех сил пытались забраться на него петлю. Будучи человеком крепкого телосложения, Мустафа отважно защищался и боролся не только за свою жизнь, но и за трон; ибо не было места сомнению, что, сумев он вырваться из шатра и соединиться с янычарами, они были бы настолько возмущены и тронуты чувством жалости по отношению к своему фавориту, что могли бы не только защитить, но и провозгласить его султаном. Опасаясь этого, Сулейман, который был отгорожен от происходящего всего лишь льняными занавесями шатра... высунул голову из шатра, где в этот момент находился сын, и бросил на немых свирепый и грозный взгляд и угрожающими жестами пресек их колебания. После этого, в страхе удвоив усилия, слуги опрокинули несчастного Мустафу на землю и, набросив шнурок на шею, удушили его».

Тело Мустафы, положенное перед шатром на ковче, выставлено на обозрение всей армии. Скорбь и причитания

общими; ужас и гнев охватили янычар. Но перед смертью раненого ими лидера, лежащего бездыханным, они были бессиль-

Чтобы успокоить воинов, султан лишил Рустема — вне сомнения, полностью против воли последнего — его поста командующего другими званиями и отослал его обратно в Стамбул. Но уже через год, после казни его преемника, Ахмеда-паши, он вновь был во-
сти как великий визирь, бесспорно, по настоянию Роксоланы.

Три года спустя скончалась сама Роксолана, горько оплакиваемая
ном. Она была похоронена в усыпальнице, которую Сулейман
роил для нее позади своей огромной новой мечети Сулеймани.
женщина добилась осуществления своих подлых целей. Она
печила наследование султаната одним или другим из двух ее
овей: Селимом, самым старшим и ее любимцем, который был
не интересующимся пьяницей; и Баязидом, средним, несомненно
более достойным преемником. Более того, Баязид был
ритом янычар, которым он напоминал своего отца и от которого
едал лучшие качества его натуры. Самый младший из
ев, Джихангир, горбун, не отличавшийся ни здравым умом, ни
ким телом, но самый преданный поклонник Мустафы, заболел и
пораженный печалью и страхом за свою дальнейшую судьбу,
ре после убийства своего сводного брата.

два оставшихся брата испытывали взаимную ненависть, и, чтобы
нить их друг от друга, Сулейман дал возможность каждому
идовать в разных частях империи. Но уже через несколько лет
ду ними началась гражданская война, в которой каждого
ерживали его собственные местные вооруженные силы. Селим
мощью войск своего отца в 1559 году нанес Баязиду поражение
Коньей, заставив его с четырьмя сыновьями и небольшой, но
пособной армией искать убежища при дворе шаха Персии
наспа. Здесь Баязид был сначала принят с королевскими
стями и дарами, полагающимися османскому принцу. На это
ид ответил шаху подарками, которые включали пятьдесят турк-
ких скакунов в богатой сбруе и восхитившую персов демонст-
но мастерства верховой езды его кавалеристов. Затем последо-
дипломатический обмен письмами между послами султана,
овавшими выдачи или, на выбор, казни его сына, и шахом,
рый сопротивлялся и тому и другому, исходя из законов
альманского гостеприимства. Сначала шах надеялся использовать
го заложника для того, чтобы поторговаться относительно
ращения земель в Месопотамии, которые султан захватил во
я первой кампании. Но это была пустая надежда. Баязида
сраги пленению. В конце концов шах был вынужден склонить
ну перед превосходством вооруженных сил османов, и согласился

на компромисс. По договоренности принц должен был быть казнен на персидской ямале, но людьми султана. Таким образом, в обмен на большую сумму золота шах передавал Баязида официальному палачу из Стамбула. Когда Баязид попросил дать ему возможность увидеть и обнять перед смертью своих четырех сыновей, ему посоветовали «перейти к предстоящему делу». После этого на пленного принца набросили шнурок и он был удушен.

После Баязида были задушены четыре его сына. Пятый сын всего лишь трех лет отроду, встретился, по приказанию Сулеймана, той же судьбой в Бурсе, будучи отданным в руки выдвинутого этой целью доверенного евнуха.

Таким образом, путь к наследованию трона Сулеймана был открыт без каких-либо препятствий для пяницы Селима — и к последующему упадку Османской империи.

Восточные завоевания Сулеймана на суше расширили возможную сферу экспансии на море за пределы вод Средиземного моря. Летом 1538 года, пока Барбаросса со своим флотом из Золотого Роба сражался против сил Карла V в Средиземном море, с выходом из Суэца в Красное море другого флота османов был открыт второй военно-морской фронт. Командующим этим флотом был Сулейман-аль-Мадид («Евпук»), паша Египта. Его местом назначения был Индийский океан, в водах которого португальцы добились угрожающей степени превосходства. В их планы входило повернуть торговлю Востока со старинных путей Красного моря и Персидского залива на новый маршрут вокруг мыса Доброй Надежды.

Как и для его отца, это было предметом тревоги Сулеймана, и чаще он был готов предпринять меры в ответ на обращение собрата, паши Бахадура, мусульманского правителя Гуджарата, расположенного на Малабарском побережье к северу от Бомбея. Бахадур был брошен в объятия португальцев давлением со стороны войск императора Великих Моголов Хумаюна, вторгшегося в его земли ширью с землями султана Дели. Он разрешил им построить крепость на острове Диу, откуда теперь стремились их изгнать.

Сулейман доброжелательно выслушал посла шаха Бахадура как мусульманин мусульманина. В качестве главы правоверных, как ему представлялось, его долгом было помогать Полумесяцу везде, где бы только тот ни вступал в конфликт с Крестом. В соответствии с этим христианские враги должны быть изгнаны из Индийского океана. К тому же португальцы возбудили враждебность султана своим сопротивлением торговле османов. Португальцы захватили остров Ормуз, господствующий над входом в Персидский залив, подобным же образом пытались захватить Аден, господствующий над Красным морем. Более того, они направили отряд кораблей на помощь христианскому императору во время захвата им Туниса. Все это послужило султану серьезным поводом для того, чтобы предпринять экспедицию в Азию, которую он обдумывал на протяжении уже нескольких лет.

Сулейман-паша Евнух, который командовал экспедицией, был человеком преклонного возраста и столь тучного телосложения, что с трудом мог вставать на ноги даже при помощи четырех человек. Но его флот состоял из почти семидесяти судов, хорошо вооруженных и оснащенных, и имел на борту значительное сухопутное войско, ядро которого составляли янычары. Теперь Сулейман-паша следовал вниз по Красному морю, арабские берега которого, удерживаемые неуправляемыми шейхами, были еще раньше опустошены судном корсаров в ходе умиротворения их султаном Египта. Достигнув Адена, адмирал повесил местного шейха на пир-рее своего флагманского корабля, разграбил город и превратил его территорию в турецкий санджак. Таким образом, вход в Красное море теперь находился в руках турок. Поскольку их мусульманский союзник Индии — Бахадур — тем временем умер, Сулейман-паша отправил в Стамбул в качестве подарка султану большой груз золота и серебра, которые Бахадур оставил на хранение в священном городе Мекке.

Далее, однако, вместо того чтобы вести поиски флота португальцев и в соответствии с приказанием султана завязать с ними бой в Индийском океане, в котором, благодаря превосходству в огневой мощи, можно было рассчитывать на успех, паша, предпочтя воспользоваться преимуществами благоприятного попутного ветра, поплыл по прямой через океан, к западному побережью Индии. Турецкий Сулейман-паша высадил войска на остров Диу и, вооруженный несколькими орудиями крупного калибра, которые были перевезены через Суэцкий перешеек, заложила осаду расположенной на острове португальской крепости. Солдаты гарнизона, которым помогала жепская часть населения, мужественно защищались. В Гуджарате преемник Бахадура, помня о судьбе шейха Адена, был склонен рассматривать турок как более серьезную угрозу, чем португальцев. Вследствие этого он отказался подняться на борт флагманского корабля Сулеймана и не обеспечил его обещанными припасами.

После этого до турок дошли слухи о том, что португальцы собирают в Гоа большой флот в помощь Диу. Сулейман благополучно ретировался, вновь пересек океан и укрылся в Красном море. Здесь он умертвил правителя Йемена, подобно тому, как он ранее убил правителя Адена, и подчинил его территорию власти турецкого губернатора. Наконец, надеясь, несмотря на свое поражение в Индийском океане, подтвердить свой статус «воина веры» в глазах султана, он совершил паломничество в Мекку, перед тем как проследовать через Каир в Стамбул. Тут паша действительно был вознагражден за свою преданность местом в Диване среди визирей султана. Но турки больше не пытались распространить свое господство столь далеко на восток.

Султан, однако, продолжал бросать португальцам вызов, проявляя активность в Индийском океане. Хотя турки господствовали в Красном море, они сталкивались с препятствиями в Персидском заливе, из которого португальцы, благодаря своему контролю над Ормузским проливом, не выпускали турецкие корабли. В плане возможностей для судоходства это нейтрализовало факт овладения султаном Багдадом и портом Басра в дельте Тигра и Евфрата. В 1494 году султан направил адмирала Пири Реис¹, командовавшего военно-морскими силами в Египте, с флотом в составе тридцати кораблей вниз по Красному морю и вокруг Аравского полуострова с целью выбить португальцев из Ормуза. Пири Реис был выдающимся мореходом, родившимся в Галлиполи, портовые дети которого (по словам турецкого историка), «росли в воде как крокодилы. Их люльками являются лодки. Днем и ночью их усыпляет в сон колыбельная песня моря и кораблей». Используя опыт юности, проведенной в пиратских рейдах, Пири Реис стал выдающимся географом, написавшим содержательные книги по мореходству, — одну из них об условиях навигации в Эгейском и Средиземном морях, — и составил одну из первых карт мира, которая включала часть Америки. Теперь адмирал захватил Маскат в заливе Омана, который лежал напротив враждебного пролива, и оккупировал земли вокруг Ормуза. Но он не смог захватить крепость, которая защищала бухту. Вместо этого адмирал отплыл в северо-западном направлении, вверх по Персидскому заливу, нагруженный богатствами, которые он собрал с местных жителей, затем поднялся по эстуарию до Басры, где поставил свои корабли на якорь. Португальцы преследовали Реиса, надеясь закупорить его флот в этом убежище.

В ответ на это продвижение «мерзких неврных» Пири Реис смело ушел с тремя богато нагруженными галерами, избегая встречи с португальцами, чтобы проскользнуть через пролив, и бросил свой флот врагу. По возвращении в Египет, потеряв одну галеру, адмирал был немедленно арестован турецкими властями и по получении приказа султана обезглавлен в Каире. Его богатства, включая бывшие фарфоровые урны, полные золота, были отправлены в Стамбул султану.

Преемник Пири, корсар Мурад-бей, получил от Сулеймана задание прорваться через Ормузский пролив из Басры и привести свои корабли флота обратно в Египет. После того как он потерпел неудачу, задание было поручено опытному моряку по имени Сиди Али Реис, предки которого были управляющими военно-морским арсеналом в Стамбуле. Он под вымышленным именем Катиба Руми

¹ В переводе с турецкого означает «командир корабля». — *Прим. науч. ред.*

был выдающимся писателем, а также математиком, знатоком навигации и астрономии и даже богословом. В дополнение еще пользовался некоторой известностью поэта. После переоснащения пятнадцати судов в Басре Сиди Али Рейс вышел в море, чтобы столкнуться с португальским флотом, который численностью превосходил его собственный. В ходе двух столкновений вне Ормуза более жестоких, как он писал впоследствии, чем любое сражение между Барбароссой и Андреа Дориа в Средиземном море, он потерял треть кораблей, но прорвался с остальными в Индийский океан.

Здесь на корабле Сиди Али Рейса обрушился шторм, в сравнении с которым «шторм в Средиземном море столь же незначителен, как песчинка; день невозможно отличить от ночи, и волны поднимаются, как высокие горы». В конце концов он в дрейфе достиг побережья Гуджарата. Тут, будучи теперь беззащитным против португальцев, опытный моряк вынужден был сдаться местному султану, на службу к которому перешли некоторые его соратники. Лично он с группой соратников направился в глубь материка, где предпринял длительное путешествие домой через Индию, Узбекистан, Трансоксиану и Персию, написав отчет, наполовину в стихах, наполовину в прозе, о своих путешествиях, и был вознагражден султаном повышением его жалованья со значительными начислениями для себя и своих соратников. Он должен был также написать подробную работу о морях, примыкавших к Индии, основываясь на собственном опыте и на арабских, и персидских источниках.

Но снова плавать по этим морям султану Сулейману не довелось. Его морские операции в этой области служили цели сохранения турецкого господства над Красным морем и сдерживания португальского воинского контингента, постоянно находившегося у входа в Персидский залив. Но он сверх меры растянул свои ресурсы и больше не мог поддерживать военные операции на двух столь различных морских фронтах. Точно так же император Карл V, хотя он и удерживал Оран, как Сулейман — Аден, не смог из-за противоречащих друг другу обязательств сохранить свои позиции на западном участке Средиземноморского бассейна.

Еще одна краткосрочная кампания была навязана Сулейману на востоке от Суэца. Она сосредоточилась вокруг изолированного горного королевства Абиссинии. Со времени покорения османами Египта его христианские правители добивались от португальцев помощи против угрозы со стороны турок, принявшей форму поддержки османами мусульманских вождей вдоль побережья Красного моря и в глубине материка, которые время от времени возобновляли военные действия против христиан, и в конце концов силой отобрали у них всю Восточную Абиссинию. На это

1540 году¹ португальцы ответили вторжением в страну вооруженного отряда под командованием сына Васко да Гамы. Прибытие отряда совпало с восхождением на абиссинский трон энергичного молодого правителя (или негуса) по имени Клавдий, иначе известного как Галаудеос. Он немедленно перешел в наступление и во взаимодействии с португальцами держал турок в состоянии боевой готовности на протяжении пятнадцати лет. Склонив на свою сторону племенных локдсй, которые раньше поддерживали их, султан в конце концов предпринял активные действия в войне по захвату Нубии, предназначенной служить угрозой Абиссинии с севера. В 1557 году султан захватил порт Массауа в Красном море, который служил базой для всех операций португальцев внутри страны, и Клавдию пришлось повесать в изоляции, и он погиб в бою два года спустя. После этого сопротивление Абиссинии сошло на нет; и эта гористая страна христиан, хотя и сохранившая свою независимость, больше не представляла угрозы для своих мусульманских соседей.

В Средиземноморье после смерти Барбароссы мантия главного корсара легла на плечи его протеже Драгута (или Торгута). Анатолиец с образованием, полученным в Египте, он служил мамлюкам в качестве артиллериста, став специалистом по применению артиллерии в военных действиях, прежде чем начать плавать на корабле в поисках приключений и удачи.

Его доблестные деяния привлекли внимание Сулеймана, который назначил Драгута командующим галерами султана. С тех пор корсар стал действовать официально под флагом султана в составе османского флота под командованием его главного адмирала. Противником, против которого они выступили в 1551 году, был орден рыцарей Святого Иоанна Иерусалимского, изгнанный с Родоса, но теперь утвердившийся на острове Мальта. Драгут сначала отвоевал у рыцарей Триполи, чтобы быть назначенным его официальным губернатором.

Когда в 1558 году умер император Карл V, его сын и наследник Филипп II собрал в 1560 году в Мессине большой христианский флот для возвращения Триполи, сначала заняв и укрепив наемными войсками остров Джербу, бывший когда-то одним из первых опорных пунктов Барбароссы. Но тут его ожидало внезапное нападение большого флота турок, прибывшего из Золотого Рога. Это вызвало панику среди христиан, заставив их броситься обратно на суда, многие из которых были потоплены, тогда как уцелевшие отправились обратно в Италию. Гарнизон крепости был затем доведен голодом до полного подчинения, в значительной мере благодаря остроумному рисунку Драгута, который захватил стены крепости и разместил на

¹ Португальцы вторглись в Абиссинию в 1541 году. — Прим. науч. ред.

них свои войска. Масштабы поражения были для христианского мира катастрофой большей, чем какая-либо другая в этих водах. Времен провала попытки императора Карла захватить Алжи. Турецкие корсары дополнили ее, установив контроль над большей частью североафриканского побережья, за исключением Орана, который оставался в руках испанцев. Осуществив это, они рискнули выйти в Атлантику через Гибралтарский пролив, чтобы достичь Канарских островов и охотиться на огромные испанские торговые суда с их богатым грузом, следующие из Нового Света.

Как результат был открыт путь к последнему знаменитому опорному пункту христиан — острову-крепости Мальте. Стратегическая база рыцарей к югу от Сицилии, она господствовала над проливами между востоком и западом и, таким образом, представляла собой главный барьер на пути установления султаном полного контроля над Средиземным морем. Как хорошо понимал Сулейман, наступило время, по словам Драгута, «выкурить это гнездо гадов». Дочь султана Михримах, ребенок Роксоланы и вдова Рустема, которая утешала и влияла на него в последние годы его жизни, уговаривала Сулеймана предпринять кампанию в качестве священного долга против «неверных». Ее голос звучным эхом отзывался в среде обитателей Сераля после захвата рыцарями большого торгового судна, следовавшего из Венеции в Стамбул. Судно принадлежало начальнику черных евнухов, оно везло ценный груз предметов роскоши, в котором главные дамы гарема имели свои доли.

Семидесятилетний Сулейман не предполагал лично возглавить экспедицию против Мальты, как он это сделал в годы юности против Родоса. Он разделил командование поровну между своим главным адмиралом, молодым Пиале-пашой, возглавившим военно-морские силы, и своим старым генералом, Мустафа-пашой, возглавившим сухопутные войска. Вместе они сражались под личным знаменем султана, с привычным диском с золотым шаром и полумесяцем, увенчанным конскими хвостами. Зная об их неприязненном отношении друг к другу, Сулейман призывал их к сотрудничеству, обязав Пиале относиться к Мустафе как к уважаемому отцу, а Мустафу — обращаться с Пиале как с любимым сыном. Его великий визирь Али-паша, когда он сопровождал двух командующих на борт корабля, весело заметил: «Здесь мы имеем двух джентльменов с чувством юмора, всегда готовых насладиться кофе и опиумом, собираясь отправиться в приятное путешествие на острова. Бьюсь об заклад, что их суда полностью загружены арабским кофе, бобами и экстрактом белены». Но в смысле ведения войны в Средиземноморье султан с особым уважением относился к мастерству и опыту Драгута, а также корсара Улудж-Али, в данный момент находившегося вместе с ним в Триполи. Он использовал и

в качестве консультантов экспедиции, поручая обоим командующим — Мустафе и Пиале — доверять им и не предпринимать ничего без их согласия и одобрения.

Враг Сулеймана Великий Магистр рыцарей Жан де ла Валет был жестким, фанатичным борцом за христианскую веру. Родившийся в том же году, что и Сулейман, он сражался против него во время осады Родоса и с той поры посвятил всю свою жизнь мужеству своему ордену. Ла Валет считал в себе мастерство закаленного воина с преданностью религиозного лидера. Когда стало ясно, что осада неминуема, он обратился к своим рыцарям с заключительной проповедью: «Сегодня на карту поставлена наша вера и решается, должно ли Евангелие уступить Корану. Бог просит жизни, которые мы обещали ему согласно делу, которому мы служим. Счастливы те, кто может пожертвовать своей жизнью».

Город-крепость Мальта, расположенный вокруг Большой гавани Марсы, с флангов прикрывался скалистыми вершинами холмов. Скалы уходили в воду у южного фланга, где имелись бухты необычных размеров. Самыми сильными пунктами обороны были те, что располагались в центре, на двух соседних мысах Иль Бурго и Сенглия, защищаемых соответственно фортами святого Анджело и святого Михаила. В ожидании османского решающего штурма, предвещавшим которым явился кратковременный налет Драгута, эти пункты обороны были позднее дополнены сооружением нового форта, а именно форта Сент-Эльм. Расположенный на противоположной стороне, у северной оконечности гавани, он был предназначен для защиты входа как в Большую гавань, так и в Малый узкий залив, Среднюю гавань, или Марса Мускет, к югу от нее.

Основные силы врага появились на мальтийском горизонте в виде дымки 18 мая 1565 года. С самого начала в отсутствие Сулеймана в качестве верховного главнокомандующего операции этих действий были затруднены разногласиями между морской и сухопутными частями армии — между Мустафой — «отцом» и Пиале — «сыном». Генерал хотел сначала занять Гоцо и северную часть острова с его центральной столицей в Мзине и тем самым обезопасить свой тыл. Затем он обогнул бы Сент-Эльм, чтобы нанести удар непосредственно по двум опорным пунктам гавани — Иль Бурго и Сенглии. Адмирал протестовал, считая, что, прежде чем подобные наземные операции могли быть осуществлены, должна быть найдена безопасная якорная стоянка для его флота. Из одной стоянки, пригодной для этой цели, кроме Средней гавани Марсы Мускета, не было. Чтобы добыть ее, понадобилось бы в свою очередь захватить форт Сент-Эльм. Подчиняясь этим требованиям со стороны флота, Мустафа в результате высадил

свои войска и начал осаду форта. Драгут прибыл со своим собственным флотом на две недели позже обещанного. Но уже в день прибытия он удвоил, благодаря новым и усиленным батареям силу обстрела форта Сент-Эльм, и огневая мощь постепенно нарастала с разных направлений по мере продолжения осады. Рыцари, которых было всего несколько сотен, бились за форт насмерть против следовавших одна за другой волн атакующего противника, исчислявшихся тысячами наступающих. Угроза захвата нависла над фортом после того, как в руки турок попал равелин, или внешнее укрепление, за захватом которого последовал штурм самого форта, первый в череде последующих кровавых схваток. По мере того как янычары волна за волной продвигались вперед под призывы фанатичных дервишей и накапливались на мосту через рин, ведя ружейный обстрел через опускающую решетку крепостных ворот и взбираясь на стены форта с помощью приставных лестниц, они в своих просторных, струящихся одеждах были буквально превращены в факелы, когда христиане сверху обрушили на их головы языки пламени «греческого огня».

Их тяжелые потери тем не менее компенсировались захватом равелина, который турки спешили сделать неприступным, доминирующим не только над стенами, которые они собирались вскоре превратить в развалины, но и над внутренней частью самого форта. Им теперь казалось, что падение Сент-Эльма дело всего лишь нескольких дней. В действительности форт продержался несколько больше месяца, поскольку турки, исполненные фанатизма и готовые сами умереть как святые воины за дело ислама, недооценили такой же дух фанатизма в этих христианских рыцарях, тоже «святых воинах» и столь же готовых умереть, подчиняясь своим рыцарским клятвам и во имя Иисуса Христа. Как предписал им Великий Магистр, они должны были сражаться вместе с ним до последнего человека и до последнего камня своего города. Бомбардировки стали настолько сильными, что сотрясали Сент-Эльм «подобно кораблю штурм», но, благодаря главным образом умелому и постоянному ответному артиллерийскому огню рыцарей, атаки отбивались одна другой с тяжелыми потерями для турок.

Тогда Драгут, правильно оценив причину своей неудачи, разработал вместе с Мустафой план дополнительных осадных работ. Когда он наблюдал за ними, стоя и слишком выделяясь в зоне действия огня христиан, орудийное ядро, пролетевшее со стороны форта святого Анджело, с треском раскололось рядом с ним, разбрызгав вокруг зазубренные осколки камня. Один из них ударил Драгута в голову, и он упал, очевидно, замертво. Опасаясь, как бы вестись смертельной ране их предводителя не подорвала моральный дух людей, Мустафа накрыл Драгута одеждой и поручил отнести в спол-

аб-квартиру. На самом деле Драгут продолжал жить, находясь в состоянии глубокого обморока столь долго, что смог услышать весть, живуне дня святого Иоанна, что Сент-Эльм после самой последней кровопролитной схватки не на жизнь, а на смерть наконец-то пал. Узнав это, так гласит летопись, «он несколькими знаками показал свою радость и, подняв глаза к небесам как бы в благодарность за милость, тотчас испустил дух».

В крепости обнаружили всего девятых оставшихся в живых рыцарей святого Иоанна. Турки потеряли многие тысячи своих людей. Подсчитывая, во что обошлось падение крепости, Мустафа смотрел из ее разрушенных бастионов на все еще невредимые бастионы форта святого Анджело, которые неспешно, но грозно высились на противоположном берегу Большой гавани. Взымая к Богу, он воскликнул: «Если этот маленький сын стоит так долго, сколько же мы заплатим за отца!»

В результате Мустафа, помня о прецеденте со сдачей Родоса, теперь предложил рыцарям свои условия. Презрительный ответ великого Магистра сводился к предложению заполнить ров у основания укреплений Иль Бурго телами его янычар. Взабеспокоенным, Мустафа, подобно Мехмеду Завоевателю в Стамбуле, бросил по суше из Средней в Большую гавань флот в количестве пятидесяти галер. Там во взаимодействии со своей армией со стороны суши он подготовился одновременно блокировать две бухты — Иль Бурго и Сент-Эльм соответственно с их фортами святого Анджело и святого Михаила. В качестве защиты со стороны моря небольшая бухта между двумя укрепленными мысами была перекрыта рыцарями с помощью бонового заграждения. Турки бросали туда саперов с топорами, чтобы разрушить его. Погрузившись в воду, те оказались втянутыми в рукопашные схватки с цепными мальтийцами, вооруженными в буквальном смысле до зубов, с кинжалами и ножами, зажатými в зубах, которые, как сыны моря, находясь в естественной для себя среде, неистово схватились с врагом и отстояли бон от разрушения.

Тогда турки предприняли серию штурмов, нацеленных на различные укрепленные пункты Большой гавани Мальты, которые с большими перерывами продолжались почти два месяца. Турки пытались, применяя изощренную тактику и проявляя несправедливое мужество, но по-прежнему без решающего успеха и по-прежнему с большими потерями, намного превосходявшими потери христиан. Рыцари в каждой схватке были нестигаемыми. Их гарнизон, хотя его боевой дух оставался очень высоким, тем не менее испытывал сильное давление. Но это же, хотя, быть может, и в меньшей степени, испытывали и осаждавшие, корабли поддержки которых перехватывались христианскими корсарами; таким образом, у них стала

нарастать нехватка продовольствия и боеприпасов; и они же, не имея такой медицинской службы, какой располагали рыцари-госпитальеры, серьезно страдали от лихорадки и дизентерии, страшась возможности вспышки чумы. Моральный дух турецкой армии начинал падать, горевший в них огонь слабел. Сверх всего, шел уже сентябрь, угрожая плохой погодой, и эта перспектива послужила новым источником конфликта между сухопутным и морским командующими.

Мустафа-паша был готов провести на острове, если необходимо, всю зиму, надеясь взять гарнизоны христиан измором и занять старую столицу Мдину в качестве базы для своих войск. Но Пиале-паша, доказывая, как и раньше, что флот значит больше, чем армия, настаивал на том, что дольше середины сентября он не будет подвергать свои корабли риску пребывания в этих отдаленных мальтийских водах без надлежащей якорной стоянки и, более того, без средств поддержки и без ремонта. И теперь не было Драгута, чтобы уладить расхождения между турецкими командующими.

Они неожиданно разрешились с прибытием, к радости рыцарей христианского флота с Сицилии с вооруженным отрядом примерно в десять тысяч человек под руководством донна Гарсии де Толедо, преемника Андреа Дориа в качестве имперского командующего Средиземноморье. Флот проследовал мимо форта святого Анджело и отдал трехзалповый салют. Пиале-паша, который не сделал предварительной попытки перехватить его, теперь был исполнен готовности уйти и не предпринял никаких шагов, чтобы атаковать Христианская армия, таким образом, высадилась на берег без каких-либо помех в северной части острова. Мустафа немедленно снял осаду и отдал приказ об эвакуации с Мальты. Его лагерь был уничтожен, орудия сняты с позиций и переправлены на корабли, его войска погружены.

Затем он узнал, что силы деблокирования были меньше, чем его. С помощью ловкого маневра со стороны Великого Магистра Мустафу удалось заставить в это поверить. Он немедленно высадил войска на берег, чтобы вновь вернуться к военным действиям. Но солдаты были уже деморализованы, они не хотели продолжать сражаться на мальтийской земле. Атакованные отрядом внушавшим страх, хорошо обученной испанской пехоты, турки дрогнули и побежали. После свирепых рукопашных схваток на берегу войска турок вновь погрузились с некоторым уроном на корабли, которые к этому времени сместились к северу, чтобы ожидать войска по прикрпием бухты святого Павла.

Вскоре турецкая армада уже плыла прочь в восточном направлении, начав свой тысячемильный переход к Босфору. Уцелела ед

одна четвертая часть ее общего состава. Опасаясь приема, который им окажет султан, два турецких командира приняли меры предосторожности, выслав вперед себя с депешами быстроходную галеру, чтобы сообщить новость и дать его темпераменту время остыть. Достигнув внутренних вод, они получили приказ, чтобы флот в коем случае не заходил в гавань Стамбула до наступления ночи. Сулейман действительно был взбешен новостью об этом первом бесславном поражении от рук христиан. В свое время он искал средство спасти достоинство турецкой армии после отступления от Вены. Но в случае с Мальтой тот унижительный факт, что он получил решительный отпор, не пытались скрыть. Здесь было мало конца попыток султана установить господство османов над Средиземноморьем.

По поводу этой неудачи Сулейман горько заметил: «Только со мной мои армии добиваются триумфа!» Это не являлось пустым самолюбием. Мальта действительно была утрачена из-за отсутствия такого же сильного, единого командования, какое выиграло для него остров Родос в его юности, у того же самого непримиримого христианского врага. Только сам султан, держащий в своих руках нем же оспариваемую личную власть над своими войсками, мог достигнуть желанной цели. Только таким образом Сулейман с его собственными правами на суждение в совете, решение в руководстве и неприсклонность в действиях достигал цели на протяжении сорока пяти лет почти непрерывных побед. Но Сулейман уже приближался к концу своего жизненного пути.

Одиноким в личной жизни после смерти Роксоланы, султан замыкнулся в себе, становясь все более молчаливым, с более замкнутым выражением лица и глаз, более отдаленным от людей. Даже успех и аплодисменты перестали трогать его. Когда при более благоприятных обстоятельствах Пиале-паша вернулся с войском в Стамбул после своих исторических побед на Джербе и в Триполи, которые утвердили исламское господство над Центральным Средиземноморьем, Бусбек пишет, что «те, кто видел лицо Сулеймана в тот час триумфа, не могли обнаружить на нем и малейших следов радости».

...Выражение его лица оставалось неизменным, его жесткие черты не утратили ничего из их привычной мрачности... все торжества и аплодисменты этого дня не вызвали у него ни единого признака удовлетворения». Уже длительное время Бусбек отмечал необычайную бледность лица султана — возможно, из-за какого-то скрытого недуга, — и тот факт, что, когда в Стамбул приезжали послы, он считал эту бледность «под румянами, полагая, что иностранные державы будут больше бояться его, если будут думать, что он силен и хорошо себя чувствует».

«Его высочество на протяжении многих месяцев года был очень слаб телом и близок к смерти, страдая водянкой, с распухшими ногами, отсутствием аппетита и опухшим лицом очень нехорошего цвета. В прошлом месяце, марте, с ним случилось четыре или пять обмороков и после этого еще один, во время которого ухаживавшие за ним сомневались, жив он или мертв, и едва ли ожидали, что сможет оправиться от них. Согласно общему мнению, его смерть у близка».

По мере того как Сулейман старел, он становился все более подозрительным. «Он любил, — пишет Бусбек, — наслаждаться, слушая хор мальчишек, которые пели и играли для него; по этому пришел конец из-за вмешательства некоей пророчицы (то есть некоей старухи, известной своей монашеской святостью), которая заявила, что в будущем его ждет кара, если он не откажется от этого развращения». В результате инструменты были сломаны и преданы огню. В ответ на схожие аскетические сомнения он стал есть, пользуясь фаянсовой посудой вместо серебряной, более того, запретил ввоз в город любого вина — потребление которого было запрещено пророком. «Когда немусульманские общины стали возражать, доказывая, что столь резкая перемена диеты вызовет болезнь или даже смерть среди них, Диван настолько смягчился, что позволил им получать недельную порцию, выгружаемую на берег для них Морских Ворот».

Но утишение султана в морской операции на Мальте вряд можно было уменьшить подобными жестами умерщвления плоти. Независимо от возраста и плохого состояния здоровья, Сулейман, проведший свою жизнь в войнах, мог спасти свою уязвленную гордость только еще одной, заключительной победоносной кампанией, чтобы доказать непобедимость турецкого воина. Вначале он планировал попытаться захватить Мальту следующей весной. Тем не менее вместо этого он решил вернуться на привычный для себя театр военных действий — сулу. Он пошел бы еще раз против Венгрии и Австрии, где преемник Фердинанда из Габсбургов, Максимилиан II, не только не хотел выплачивать причитающуюся с него дань, но и предпринимал набеги на Венгрию. В случае с Венгрией султан не только еще горел желанием отомстить за имевший ранее место отход войск турок под Сигетваром и Эгером.

В результате 1 мая 1566 года Сулейман в последний раз выступил из Стамбула во главе самого крупного войска, которым он когда-либо командовал, на тринадцатую лично проводимую им кампанию — и седьмую на территории Венгрии. Его султанский шатер был разрушен перед Белградом во время одного из наводнений, столь привычных в бассейне Дуная, и султан был вынужден перебраться в шатер своего великого визиря. Он

больше не мог сидеть на лошади (исключая особо торжественные события), но вместо этого путешествовал в закрытом паланкине. У Семлина султан церемонно принял юного Иоанна Сигизмунда Заполяя¹, законные претензии которого на венгерский трон Сулейман признал, когда тот был еще грудным младенцем. Как послушный вассал, Сигизмунд теперь трижды преклонил колени перед своим господином, каждый раз получая приглашение подняться и при целовании руки султана приветствовался им, словно дорогой любимый сын. Предлагая свою помощь как союзник, Сулейман дал понять юному Сигизмунду, что вполне согласен с такими скромными территориальными претензиями, какие выдвинул венгерский король.

Из Семлина султан повернул к крепости Сигетвар, стремясь помстить ее коменданту хорвату графу Николаю Зриньи*. Злейший враг турок со времен осады Вены, Зриньи только что атаковал матерь бей санджака и фаворита султана, убив его вместе с сыном, взяв в качестве трофея всю его собственность и большую сумму денег.

Поход к Сигетвару, благодаря несвоевременному усердию квартирмейстера, был завершен, вопреки приказам, за один день вместо двух, что совершенно измотало султана, находившегося в плохом состоянии, и настолько разгневало его, что он приказал обезглавить этого человека. Но великий визирь Мехмед Соколу умолял не казнить его. Враг, как проникательно доказал визирь, будет уstraшен доказательством того, что султан, несмотря на преклонный возраст, все еще мог удвоить продолжительность своего перехода, как и в полные энергии дни его молодости. Вместо этого все еще разгневанный и жаждавший крови Сулейман приказал казнить губернатора Буды за некомпетентность в своей сфере деятельности.

Затем, несмотря на упорное и дорогое стойвшее сопротивление Зриньи, установившего в центре крепости крест, Сигетвар была взята в кольцо. После потери самого города тот закрылся в бастионе с гарнизоном, который поднял черный флаг и заявил о готовности сражаться до последнего человека. Восхищенный подобным героизмом, но тем не менее расстроенный задержкой с захватом столь незначительной крепости, Сулейман предложил慷慨ные условия сдачи, стремясь соблазнить Зриньи перспективой службы в турецкой армии в качестве фактического правителя Хорватии. Однако все предложения были с презрением отвергнуты. После этого в ходе подготовки к решающему штурму по приказу султана турецкие саперы за две недели подвели мощную мину под

¹ Венгерское — Янош Жигмонд. — Прим. науч. ред.

главный бастион. 5 сентября мина была взорвана, вызвав опустошительные разрушения и пожар, сделавшие цитадель бессильной обороной.

Но Сулейману не было суждено увидеть эту свою последнюю победу. Он скончался той же ночью в своем шатре, возможно, от апоплексического удара, возможно, от сердечного приступа, ставшего результатом крайнего напряжения. За несколько часов до смерти султан заметил своему великому визирю: «Великий барабан победы еще не должен быть слышен». Сокоглу вначале скрыл весть о смерти султана, позволяя войнам думать, что султан укрылся в своем шатре из-за приступа подагры, что мешало ему появляться на людях. Как утверждали, в интересах секретности великий визирь даже задушил врача Сулеймана. Так что сражение шло к своему победоносному завершению. Турецкие батареи продолжали обстреливать еще на протяжении нескольких дней, пока цитадель не была полностью разрушена, за исключением одной башни, а ее гарнизон не перебит, кроме шестисот оставшихся в живых человек. В последний бой Зриньи вывел их, роскошно одетых и украшенных драгоценностями, словно на праздник, чтобы умереть в духе достойной славы самопожертвования и быть включенными в число христианских великомучеников. Когда янычары включились в их ряды с целью захватить Зриньи, он выстрелил из большой мортиры таким мощным зарядом, что сотни турок погибли за мгновение; затем с саблями в руках Зриньи и его товарищи героически бились до тех пор, пока Зриньи не упал сам и едва ли кто-либо из этих шестисот был еще жив. Его последним поступком была закладка фугаса под склад боеприпасов, который взорвался, унеся жизни примерно трех тысяч турок.

Великий визирь Сокоглу больше всего на свете желал бы, чтобы наследование трона Селимом, которому он послал известие о смерти его отца со срочным курьером в Кютахью, в Анатолию, было мирным. Он не раскрывал свой секрет еще несколько недель. Правительство продолжало вершить свои дела так, как если бы султан был по-прежнему жив. Приказы выходили из его шатра как бы за его подписью. Производились назначения на вакантные должности, продвижения по службе и награды распределялись в привычном порядке. Был созван Диван и традиционные победные реляции направлены от имени султана губернаторам провинций империи. После падения Сигетвара кампания продолжалась так, как будто войсками по-прежнему командовал султан, причем армия постепенно отходила к турецкой границе, осуществив по пути небольшую осаду, приказ о которой султан якобы отдал. Внутренние органы Сулеймана были захоронены, а его тело забальзамировано. Теперь оно следовало домой в его

крытом паланкине, сопровождаемое, как и тогда, когда он шел в поход, его охраной и соответствующими выражениями почтения, сопровождающимися живому султану.

Только когда Соколу получил известие, что принц Селим достиг Стамбула, чтобы официально занять трон, великий визирь позволил себе сообщить идущим походом солдатам о том, что их султан мертв. Они остановились на ночь на опушке леса недалеко от Белграда. Великий визирь вызвал к себе чтецов Корана, чтобы встали вокруг паланкина султана, славя имя Бога, и прочли сопровождающуюся молитву об усопшем. Армия была разбужена рыком муэдзинов, торжественно поющих вокруг шатра султана. Услышав в этих звуках знакомое извещение о смерти, солдаты собирались группами, издавая скорбные звуки. На рассвете Соколу обошел воинов, говоря, что их падишах, друг солдат, теперь отдыхает у единого Бога, напомнил им о великих деяниях, совершенных султаном во имя ислама, и призвал солдат показать уважение к памяти Сулеймана не стенаниями, а законопослушным повиновением его сыну, славному султану Селиму, который теперь сидит вместо отца. Смягченные словами визиря и перспективой отношений со стороны нового султана, войска возобновили свой марш в походном строю, эскортируя останки их покойного великого правителя и командира в Белград, город-свидетель первой победы Сулеймана. Затем тело было доставлено в Стамбул, где помещено в гробницу, как завещал сам султан в видение его великой мечети Сулейманией.

Сулейман умер так же, как он, по существу, жил — в своем шатре, среди войск на поле битвы. Это заслуживало в глазах сулейман приобщения святого воина к лику святых. Отсюда ключительные эгегические строки Бакы, великого лирического поэта того времени:

Долго звучит прощальный барабан, и ты
с этого времени отправился в путешествие;
Смотри! Твоя первая остановка посреди долины Рая.
Восславь Бога, ибо он в любом мире благославлял
тебя и начертал перед твоим благородным именем
«Святой» и «Гази».

Учитывая преклонный возраст и смерть в момент победы, это был удачный конец для султана, правившего огромной военной империей. Сулейман Завоеватель, человек действия, расширил и охранял ее; Сулейман Законодатель, человек порядка, справедливости и рассудительности, преобразовал ее, благодаря силе своих институтов и мудрости своей политики, в просвещенную структуру правления; Сулейман Государственный Деятель завоевал для

своей страны господствующий статус мировой державы. Десятью и, пожалуй, величайший из турецких султанов, Сулейман привел империю к никем не превзойденному пику ее могущества и престижа.

Но само величие его достижений несло в себе семена конечного вырождения. Ибо теперь ему наследовали другие люди: не завоеватели, не законодатели, не государственные деятели. Пик Турецкой империи весьма резко и неожиданно превратился в водораздел. Вершину склона, который постепенно, но тем не менее неумолимо спускался вниз, к глубинам упадка и окончательного краха.

Часть IV
СЕМЕНА УПАДКА

Сулейман, «Великий Турок», был правителем в эпоху Ренессанса, затмившим великолепием своего двора и стилем жизни многих из живших в этот золотой век западной христианской цивилизации. Он превосшел их не только личными качествами, но и своим прозорливым проникновением в характеры людей. Ломая в своих назначениях на высшие посты привычную ступенчатую иерархию имперской службы, он раздавал должности по собственному выбору тем людям, в ком был абсолютно уверен как в проводнике своей идеи государственного деятеля. Вполне может быть, как в том обвиняет его турецкий историк этого периода, что он прощал этим фаворитам накопление больших состояний и переход к экстравагантному образу жизни, зачастую коренившемуся в коррупции. Но это, в конце концов, было всего лишь частью образа жизни данного века, платой за все это имперское великолепие, окрашивавшее правление Сулеймана в яркие краски величия в глазах западной цивилизации.

По меньшей мере двое из визирей, христиане по происхождению, на долю которых пришлось две трети времени правления султана, внесли при всех их недостатках положительный вклад в величие его империи — Ибрагим-паша, грек, выдающийся дипломат и военачальник, и Рустем-паша, болгарин, который, будучи экономистом, умело распоряжался казной османов со всеми ее сложностями во времена, когда в результате экспансии доходы империи более чем удвоились. Пережившим Сулеймана был третий из них, Соколлау-паша, славянин из Боснии, который в детстве был прислужником в сербской церкви и который должен был поддержать в критический период власть и престиж своего покойного господина. Присущая деспотическому режиму Сулеймана сила в значительной мере компенсировала любые эксцессы и слабости; на данной стадии их последствия для будущего невозможно было предугадать. Только в руках безвольного султана могли бы они ослабить Турецкое государство.

Но, по иронии судьбы, это была именно та ситуация, появление которой Сулейман сам ускорил двумя своими злополучными деяниями. Где его рассудительность, не говоря уже о гуманности, явно не сработала, так это в его манипулировании вопросом о

наследовании османского трона, что сначала вылилось в позорную экзекуцию его старшего сына Мустафы, а затем и самого младшего, Баязида*. Оба сына были наделены такими качествами, которые делали любого из них достойным представителем линии первых десяти османских султанов и, следовательно, обеспечивали сохранение империи в качестве уважаемой державы в существовавшем в то время мире. Детоубийством, преступлением слепым и безжалостным и еще более тяжким, чем присущая династии традиционная практика братоубийства, Сулейман обеспечил наследование правителю необычайно мелкого ума, дегенерату Селиму. Это был первый из новой плеяды в двадцать пять султанов, которые, по мере того как проходили столетия, правили страной во времена относительного благополучия при процессе медленного упадка Османской империи.

Страх Сулеймана потерять власть, подогреваемый Роксоланой, пересилил его рассудительность, мудрость, его чувство ответственности за государство настолько, что сразу же после смерти султана вызвал разрушение многого из того, ради чего он трудился всю свою жизнь в рамках эволюции величия османов. Сулейман всегда верил в непогрешимость крови османа. Но, предоставив возможность занять трон абсолютно беспомощному Селиму, султан дал турецким историкам повод к размышлениям относительно того, был ли Селим действительно отпрыском своего отца или же незаконным сыном любовника его матери.

Селим II в качестве султана являл собой гнетуще убогую фигуру. Низкий и тучный, с красным лицом, он быстро получил прозвище «Селим-пьяница» из-за хронической привязанности к вину. Ленивый и распущенный по натуре, он был ничтожеством, поглощенным только собой и своими удовольствиями, не унаследовавшим ничего из талантов отца или же склонный к интригам, но сильной натуры матери. Он практически не пользовался уважением как со стороны своих министров, так и со стороны своих подданных. Не испытывая желания переносить тяготы войны, не имея вкуса к государственным делам, Селим предпочел сабле и шатру праздное времяпрепровождение в Серале. Здесь, в окружении закоренелых друзей и льстецов, он жил без цели, нисколько не заботясь о судьбе империи.

Единственным талантом Селима была поэзия, отличавшаяся изысканностью. Он писал на турецком языке, но в подражание Хафизу Персидскому. Цитируя пророка, который проклинал вино как «мать всех пороков», Хафиз, напротив, находил вино «более сладким, чем поцелуй молодой девушки». Вторя его чувствам, Селим закончил любовную поэму куплетом:

«О дорогой, дай Селиму свои губы вишневого цвета,
Потом, когда ты уйдешь, преврати мои слезы в вино, любовь...»

Чтобы успокоить совесть в связи с запретом пророка, великий муфтий нашел для себя казуистическую оговорку, которая прощала употребление такого вина, которое пил сам султан. Эта оговорка послужила первым принятым в его правление указом об отмене ограничений на продажу и употребление вина: стала предметом популярной шутки, подразумевавшей вопрос: «Куда мы пойдём сегодня за вином? К муфтию или к кади?»

Отсутствие у Селима интереса к делам государственного управления, тем не менее, приносило свою пользу стране. Ибо оно сохраняло реальную власть в руках Соколу, к которому новый султан относился с должным уважением и на дочери которого женился официально. Селим целиком поддерживал мнение Сулеймана относительно сделанного им выбора великих визирей, которым он доверял и которым он был готов предоставить самые большие полномочия. Он действительно создал прецедент, ставший образцом для предстоящих столетия, когда время от времени сильный визирь, часто христианин по происхождению, появлялся для того, чтобы уравновесить слабого султана и помочь руководить государством в периоды кризисов. Теперь, под патронажем Соколу, в политике не произошло никаких перемен. Темп, присущий правлению Сулеймана, был сохранён и в междоусобице, что задержало поворот в развитии событий на следующие двенадцать лет.

Соколу был энергичным и способным человеком с честолюбивыми замыслами и многочисленными идеями. Сначала, завершив кампанию Сулеймана в Венгрии, он в 1568 году заключил с императором-Габсбургом почетный мир, который должен был продолжаться восемь лет и в действительности повлек за собой сохранение территориального статуса-кво. Далее, Соколу впервые развернул турецкие армии в новом направлении — в направлении России. На протяжении XVI века великое княжество Московское развивалось в единое и сильное государство. Сначала русские не рассматривались турками как угроза, и с 1492 года им было разрешено свободно торговать на территории империи. Затем на сцене появился Иван Грозный. В 1547 году он принял титул царя, стремясь превратить великое княжество в империю. Его дед и предшественник Иван III женился на Софии, племяннице последнего императора Византии. Он тем самым заявил о своих претензиях на наследство Восточной Римской империи, избрав византийского двуглавого орла в качестве своего символа власти.

Экспансия Ивана в южном направлении за счёт татарских ханов привела к захвату им Астрахани на Каспийском море. Осуществив поход на Азов и побережье Крыма, Иван напрямую посягнул на сферу интересов Турции: вассальное государство татарского хана — Крым. Соколу почувствовал необходимость вмешаться. Эта необходимость

Султан Селим II (1566—1574), известный последующим поколениям как «стрекый пьяноц» — ближайший преемник блистательного Сулеймана.

исдела как религиозный, так и политический аспекты, а именно — сохранение престижа султана в качестве халифа и, таким образом, защитника святых мест — Медины и Мекки. Ибо мусульмане из Туркестана — будь то паломники или торговцы — уже были лишены доступа в его империю из-за закрытия для них персидской границы, а теперь еще и из-за отказа пропускать мусульман и других неприятелей на вновь завоеванной территории московитов*. Их правители поэтому умоляли Порту отослать Астрахань и тем самым восстановить традиционный путь паломничества.

В этой связи, уверенный в ресурсах и возможностях империи, Соколку начал вынашивать грандиозный план: одновременно остановить распространение русских на юг и способствовать турецкому продвижению на восток. Он планировал построить канал между Доном, впадающим в Азовское море с северо-запада, и Волгой, впадающей в Каспийское море с северо-востока, в точке, где две реки разделяли всего тридцать миль. Это позволило бы соединить два моря, Черное, уже ставшее Турецким озером, с Каспийским. С помощью каспийского флота канал способствовал бы доступу турок в Персию по окружному пути, обходя долгий и трудный наземный маршрут, открывая новый приход к Кавказу и к дорогам, ведущим в Центральную Азию через Тебриз. Канал повлек бы за собой возрождение исторического междуконтинентального пути — Центрально-азиатской-астрахань-крымской дороги — и, как следствие, открыл бы перспективы торгового и стратегического преимущества, которое было жизненно важно для Ислама, чтобы отразить московитов. Канал, подобный тому, что великий визирь ныне замыслил как собственное изобретение, на восемнадцать веков раньше был задуман Селевком Никатором, военачальником и последником монарха Александра Великого.

Соколку начал с энтузиазмом претворять проект в жизнь. В 1568 году он направил большое войско по Черному морю в Азов, который контролировался турками, и еще более крупное войско для захвата Астрахани. Войска были доставлены флотом вверх по Дону до точки, откуда должны были начать рыть канал с помощью войска местных татар. Предварительная работа по сооружению канала была, таким образом, проделана. Но при слабых технических возможностях XVI века строители столкнулись с трудностями, после того как треть канала уже была прорыта. Так что часть флота пришлось доставлять к Волге волоком, где он попал под вниз по течению на осаду Астрахани. Осада не удалась из-за явной нехватки артиллерии, суровой зимы и общего упадка морального состояния турецких войск, теперь жестоко страдавших на своем обратном пути через степи в Крым**.

Честолюбивый и независимо мыслящий крымский хан Девлет-Гирей, желавший положить конец любым подобным вторжениям султана в свои владения, старался изо всех сил обратить внимание

турецких солдат на те лишения, которые ожидали их в этих северных краях. Он подчеркивал непродолжительность ночей — всего лишь пять часов летом — и отсюда нехватку сна, что будет отрицательно сказываться на них, созываясь на молитву на рассвете, через два часа после заката солнца и вновь на рассвете. Турки отказались от предпринятой операции, к тому же во время возвращения домой значительная часть их войска погибла во время сильного шторма на Черном море. Ссвер, решали оставшиеся в живых, это не для мусульман. На деле Девлет-Гирей, имевший сильные династические притязания, замыслил прямое наступление собственными силами на Москву в тот момент, когда внутренняя ситуация для Ивана Грозного стала критической; и правда, с поисковым отрядом татарской кавалерии он проник настолько далеко, что сжег пригороды Москвы. Тем временем ничего не стало слышно о грандиозном проекте «Дон—Волга» Соколу, которому султан Селим дал понять: «Издержки и потери будут суммированы, и вам надлежит следить, чтоб их было как можно меньше».

Вскоре после этого царь направил в Порту посла¹, и мирное соглашение было достигнуто. Султан сохранил свою власть над Крымским ханством и отказался от претензий на Астрахань. Московиты и татары были предоставлены самим себе в выяснении своих разногласий, а владычество царей было распространено на восток, включая Сибирь. Таким, завершившимся миром, который сохранялся на протяжении почти целого века, было первое столкновение между двумя могучими империями — Турцией и Россией.

Соколу, по-прежнему не спускавший глаз с торговли с Востоком, теперь задумал второе великое техническое предприятие — строительство канала вдоль Суэцкого перешейка, предназначенного соединить Средиземное море с Красным морем и далее с Индийским океаном. Но его опередило крупное восстание в провинции Йемен, которое потребовало немедленного подавления, что и было успешно осуществлено.

Тем временем Соколу переключил свое внимание на Тунис, где Улудж Али, главный адмирал и губернатор Алжира, вновь оккупировал город, изгнав местного правителя, поставленного Карлом V, но не тронул испанский гарнизон цитадели. Соколу, продолжая традицию своих предшественников, все также рассматривал Испанию в качестве главного врага империи и стремился с помощью французской развязать против испанцев новую крупную кампанию в Средиземноморье. Обстановка была благоприятной для возрождения роли Турции в качестве защитника ислама от натиска христиан. В восстании мавров Гренады против короля Испании Филиппа II

¹ В действительности Новосельцев не был послом. — Прим. науч. ред.

иры, нуждаясь в большей поддержке, чем могли бы оказать им их братья в Северной Африке, направили в Стамбул депутацию, чтобы добиться вмешательства султана. Здесь они встретили дружелюбный прием со стороны своих единоверцев — мусульман.

Однако султан впервые проявил признаки собственной воли. Салим вовсе не хотел помогать маврам, вместо этого он стремился направить свои действия против венецианцев, с которыми империя тогда еще была в мире. Причина заключалась в том, что они овладели Кипром, а это была территория, не только богатая хлопком и сахаром, — более всего она славилась высоким качеством своего вина. Об этом Селиму напомнил влиятельный фаворит, португальский еврей-финансист по имени Иосиф Наси — до недавнего времени «Дон Мигуель», который был общеизвестен своей особой враждебностью к Венеции. При поддержке другого фаворита султана, Лалы Мустафы, Наси подстрекал Салима к вторжению на Кипр, наградой за которое станут не только его превосходные вина, но и в таком случае изобилие золотые дукаты Венеции. Селим согласился и на такой веселой попойке зашел настолько далеко, что обнял Наси и сообщил ему, что в случае успеха тот будет коронован королем Кипра. Пока же, за неисполнением других обязанностей, еврей-финансист был назначен правителем Наксоса, Пароса, Андроса и еще десяти других островов архипелага Киклады, существенными доходами от которых вместе с прибылями от торговли их винами он мог пользоваться, будучи обязанным выплачивать лишь умеренных размеров налоги.

Соколу был, таким образом, в первый и в последний раз отстранен Селимом от принятия решения. Султан направил в Венецию посланника, высказавшего ряд претензий к республике и потребовавшего или удовлетворить их, или уступить остров. Сенат Венеции ответил отказом и на то и на другое, и в 1570 году воинское соединение, которое Соколу надеялся направить на помощь маврам, было вместо этого послано против Кипра.

Венецианцы на какое-то время совсем забыли об этом своем «дальневосточном» аванпосте в средиземноморских владениях, и жизнь его населения пришла в заметный упадок. Основную часть населения Кипра составляли греческие крестьяне, принадлежавшие к православной церкви и находившиеся, по сути дела, в крепостной зависимости от своих хозяев — западных католиков. По оценкам таких недовольных, которые были бы готовы присоединиться к туркам, насчитывалось около пятидесяти тысяч рабов. Султан Селим в фирмане, или указе, поручил бею близлежащего санджака сделать все от него зависящее, чтобы завосвать расположение масс, добавив торжественное обещание, что в случае захвата острова население будет оставлено в покое и его собственность будет уважаться. Такова была формулировка, в данном случае неукоснительно выполненная,

которая надолго предопределила характер актов, сопровождавших турецкую экспансию.

Когда в 1570 году войска во главе с Лала Мустафой, соперником Соколу и фаворитом Селима, командовавшим сухопутной армией, а Пиале-пашой, командовавшим флотом, высадились на острове, венецианцы были озабочены по поводу перспективы восстания греков, зачатки которого уже возникли в одном из районов острова. Чтобы предупредить выступление, венецианцы захватили врасплох и казнили четыреста греков. Вступив на остров, османы особенно снисходительно обошлись с населением этого района и освободили его на оговоренный срок от уплаты налогов. В последовавших военных действиях греческие крестьяне не изъявляли желания сражаться против своих латинских хозяев, предпочитая помощь туркам против вольствия и информацией о положении дел на острове. Многие из тех, кто укрылся в горах, поверившие туркам с легкостью, вернулись и выразили покорность завоевателям.

Войска османов высадились на остров со стороны Южной Турции, не встречая противодействия. Их главной задачей было завоевать две венецианские крепости — Никосию и Фамагусту. Дождавшись подкреплений из Северной Африки и Анатолии, они двинулись на Никосию силою примерно в пятьдесят тысяч человек. Венецианцы, подготовившиеся к неизбежному турецкому вторжению, заранее вызвали опытных военных инженеров, чтобы улучшить укрепления. Но оборона Никосии осуществлялась некомпетентным командиром, и она сдалась туркам через шесть недель. Османский гарнизон города были перебиты, а последовавшее разграбление Никосии, в которой, как утверждалось, было столько же церквей, сколько дней в году, сравнивалось европейцами с тем, что произошло в Константинополе. Кафедральный собор был переоборудован в мечеть. Молодежь обоих полов была выставлена на продажу в рабство. Их погрузили на галеон, который, однако, до отплытия в Стамбул был взорван в интересах соблюдения целомудрия одной фанатично преданной христианской вере женщиной, поднесшей огонь к его артиллерийскому погребу.

Теперь оставалась только крепость Фамагуста, и она была осаждена следующей весной. Героически обороняемый город продолжался три месяца. Гарнизон венецианцев был воодушевлен красноречием губернатора города Марка Антонио Брагадино. Лала Мустафа, чтобы ободрить осаждающих, уверял своих солдат, что их противники были точно такими же людьми, что и в Никосии: невоинственными и неопытными. Тем не менее сопротивление венецианцев произвело на него впечатление, и в депеше в Стамбул сообщалось, что Фамагусту защищали не люди, а гиганты. Попродившись над тем, чтобы соорудить форты и углубить траншеи,

столько, что в них можно было укрыть кавалерию, турки предприняли ряд атак через брешь, образованную в стенах взрывом мины, но встретили стойкое и храброе сопротивление. Противник выкопал ров перед рavelином бревнами, вязанками хвороста и другими легко загорающимися предметами, поджигая их и поддерживая огонь на протяжении многих дней. Страдания турок усилились добавлением в огонь древесины особой породы деревьев, росших на острове, которая при горении выделяла ядовитый дымовый запах. Обороняющиеся уже питались мясом лошадей, оленей, собак. Когда после трехмесячной осады у них осталось всего семь баррелей пороха, Брагадино, сражавшемуся до последнего, не оставалось ничего иного, кроме как добиваться капитуляции на любых условиях.

Мустафа был склонен предоставить их в обмен на сдачу крепости, в которой все останутся в живых, гарнизон с оружием будет доставлен турецкими судами на Кипр, тогда как жителям города будут выданы охранные грамоты, чтобы уехать кто куда пожелает. Когда Брагадино прибыл верхом в лагерь турок с тремя своими командирами и военным эскортом, чтобы вручить ключи от города, Мустафа вначале обращался с ним с учтивостью, и они дружелюбно общались друг с другом. Но затем обстановка обострилась вначале из-за ссор с обывателями, что Брагадино якобы осуществил массовое убийство турецких пленников, а затем после требования Мустафы помочь в качестве гарантии возвращения его кораблей.

Когда Брагадино отказался от этого факта как противоречащего условиям перемирия, Мустафа, печально известный своей склонностью к приступам бешенства, мало чем отличавшимся от сумасшествия, впал в гнев и отказался от договоренности как не имеющей силы. Брагадино был закован в цепи, затем его заставляли вытянуть шею, пока Мустафа, как утверждают, не отрезал у него нос и правое ухо. Проведя две недели в заключении, он был прикован к позорному столбу на центральной площади Фамагусты, где после отказа принять ислам с него, еще живого, сняли кожу. Тело Брагадино было раздвинено и выставлено на всеобщее обозрение. Затем по распоряжению Мустафы из его кожи изготовили чучело, которое провезли по городу на крупе коровы.

Венеция вынуждена была уступить остров султану двумя годами позже согласно мирному договору, предусматривавшему компенсацию, достаточную для того, чтобы покрыть расходы, связанные с его завоеванием. Пришедшая на остров администрация была достаточно неэффективной, следуя стандартной практике османов, применявшейся в то время на захваченных территориях. Существовавшие раньше привилегии греческой православной церкви были восстановлены за счет католиков-латинян, и ей была возвращена собственность.

Латинская система крепостничества была упразднена. Земля, ранее принадлежавшая венецианской знати, стала собственностью Турецкого государства. Местные жители получили поддержку благодаря развитию экономических и финансовых ресурсов. Значительно число переселенцев было доставлено из Центральной Анатолии вместе со скотом и сельскохозяйственными орудиями, чтобы поселиться на освобожденных землях.

Захват Кипра должен был спровоцировать широкомасштабное возмездие. Вторжение на остров привело к образованию при активном участии папы Пия V «вечной Священной лиги», направленной на объединение христианских стран в духе крестовых походов. Вследствие привычных взаимных подозрений и противоречивых интересов христианских государств потребовалось больше того, чтобы лига стала реальностью. Венеция опасалась, что лига могла усилить за счет Италии мощь Испании. Но и Испания не хотела, чтобы в выигрыше оказалась Венеция, которая к тому же в любой момент могла переключить свои привязанности союзника вновь на султана. Франция в свою очередь подозревала, что лига увеличит возможности Испании, ее соперника, в вопросах наследования, и была склонна, как и раньше, скорее обратиться к своему тайному союзнику — султану. Вследствие этого она не играла в Священной лиге никакой роли. Напротив, Франция стремилась предотвратить ее возникновение.

Лига была оформлена как тройственный союз против турок между Испанией, Италией и Венецией летом 1571 года, когда турки все еще продолжали осаждать Фамагусту. Объединенные флоты лиги включали также контингенты из других итальянских государств и мальтийских рыцарей. Эффективность столь сложной по составу армады зависела в значительной степени от выбора главнокомандующего. В конечном счете выбор пал на дон Хуана Австрийского, родного сына императора Карла V и побочного брата короля Филиппа II. Дон Хуан, который получил рыцарское звание в ходе борьбы против мавров Гренады, был молодым человеком с чертами сильной личности и горячего энтузиазма, наделенным врожденным талантом руководителя. Наконец-то христиане обрели лидера, который смог объединить и вдохновить все эти плохо стыкующиеся между собой составные части вооруженных сил этого нового «крестового похода» — тринадцатого по счету в борьбе против турок-османов.

Его военно-морские силы, несколько меньшие, чем у турок, состояли примерно из двухсот галер, по имевли преимущество в шестидесяти галеасов из Венеции — кораблей, больших по размерам и более тяжело вооруженных, чем любой другой корабль, который в то время видели в Средиземном море. Дон Хуан имел на борту строевые части численностью около тридцати тысяч человек.

турецким флотом с такой же численностью командовал Мухсинзаде Али-паша, которому подчинялись Улудж Али — известный Западу Очаляе, — и два других командира-корсара вместе с пятнадцатью бейями из прибрежных санджаков, каждый наделенный правом распускать носы своих галер собственными флагами в качестве низей моря».

Армада Священной лиги собралась в Мессине в сентябре 1571 года и вышла в море на поиски «неверных» в их водах в восточном Средиземноморье. Образуя лес мачт, укрепленных флагов и вымпелами, ее галеры получали благословение папского нунция, стоявшего в конце мола, по мере того как они выходили в открытое море, следуя в кильватере флагманского корабля. Прибыв на Корфу, откуда турки ушли после неудачной осады, дон Хуан получил тревожные донесения о судьбе Фамагусты и ее осквернении. Крестоносцы были, таким образом, воспламенены дополнительной решимостью сойтись с турками в бою.

Тем временем турецкий флот отплыл от Корфу к югу в сторону Лепанто и встал внутри залива. Когда флот христиан, выйдя проливом между Кефалонией и Итакой, стал впервые видимым в устье залива, турецкий адмирал собрал на борту своего флагмана «улташша» военный совет. Мнения разделились, как, увы, и на море христиан, — некоторые шумно требовали действовать, другие настаивали проявить осторожность. Улудж Али, будучи крайне воинственно настроенным, обвинял в бесчестии тех своих коллег, кто предпочитал остаться запертыми в Лепанто, «приглаживая заботами о женщинах и детях». Но как опытный, реалистически мыслящий командир он согласился с Пертев-пашой, командующим находившимися в кораблях сухопутными войсками, предложившим выдержать паузу перед тем, как перейти в наступление, чтобы дать время на завершение снабжения и боевой подготовки войск.

Главный адмирал Али-паша был исполнен скорее отваги, чем осторожности. В любом случае он был обязан, согласно приказам султана, воинственно настроенного со времен падения Фамагусты, захватить флот христиан и отконвоировать его в бухту Золотого Рода. Поэтому он приказал немедленно атаковать. Наставляя своих адмиралов перед боем, Пертев-паша напомнил им о бесчисленных истребленных ими городах христиан, заверяя в превосходстве в людях, галерах и принижая достоинства врага, сейчас стоявшего перед ними.

Итак, турецкий флот вышел из своей безопасной гавани в заливе Лепанто, чтобы сразиться с флотом христиан в открытом море.

Здесь Полумесяц должен был встретиться с Крестом в последнем из истории Европы великом морском сражении гребных судов.

Символизируя крест, развевалось папское знамя дон Хуана, на котором была изображена фигура распятого Христа; символизировав полумесяц, развевался священный штандарт из Мекки с вышитыми на нем изречениями из Корана. 7 октября 1571 года, на восходе солнца, которое обещало яркий и солнечный день, дон Хуан отдал приказ флоту отслужить мессу. Затем на горизонте показались турки.

Построившись в боевые порядки, флоты встали друг против друга. Турецкий флот образовал широкий полумесяц, внутрь которого вдавался флот христиан. Каждый из них был разделен на эскадры, в центре каждой линии располагались адмиралы. Таким образом, при наступлении центром два высших адмирала, главные командующие, напрямую располагались друг против друга, каждый со своим флагманом. Справа и слева от дон Хуана располагались члены эскадры пашы римского и венецианцев, тогда как Али-паша, откликнувшись на вызов всех троих, имел на флангах Пертев-пашу и своего казначея. Улудж Али командовал его левым флангом, противостоявшим эскадре генуэзцев. Бей Александрии Мехмед Чюлюк, широко известный как Сирокко, командовал его правым флангом, противостоявшим эскадре венецианцев. Али-паша, видя, что флот христиан оказался сильнее, чем он предполагал, принял меры предосторожности по выпрямлению первоначального построения. С интервалами в несколько тысяч ярдов впереди линии христиан дон Хуан расставил свои грозные галеасы, крепкие, как редуты.

Некоторое время оба флота были неподвижны, изучая и оценивая друг друга. Затем в качестве официального вызова турки произвели первый выстрел из пушки зарядом дымного пороха. Христиане ответили тяжелым пушечным ядром, которое со свистом пробило такелаж турецкого судна. Турецкие гребцы налегли на весла, и суда двинулись вперед под выкрики воплей и гул барабанов и дуд. Два флота сошлись вплотную, и бой принял всеобщий характер, одного края линии до другого. Бортовые залпы галеасов сразу сбили наступательный порыв турок, которые стали ломать строй, но все же, проявив упрямство, смогли восстановить его и возобновили свою традиционную тактику тарана и abordaja. Постепенно сражение распалось на три локальных боя. На правом участке с линии турки, ведомые Сирокко, пытались, смещаясь к берегу, выволакивать флаги кораблям своего противника. Но венецианцы с высокодисциплинированными командами и галерами более качественной постройки поменялись с турками ролями, загнав тех к прибрежным мелям, и стали преследовать и убивать их уходящими к берегу команды, уничтожив всю эскадру. Их собственный командир Барбариго, был убит, пораженный в глаз стрелой, пронзившей мозг. Но погиб и Сирокко, который раненым упал в воду, его выловили оттуда врагами и обезглавили.

Основное сражение разворачивалось в центре, где флагманские корабли двух главнокомандующих «Ла Реаль» и «Султанша» вели в лобовую атаку друг на друга. Они столкнулись с такой силой, что носовую часть «Султанши» заклинило в носовой атаке «Ла Реали», соединив два корабля воедино и превратив центральное поле боя с флангами, охваченными венецианскими и испанскими флагманскими кораблями. Отчаянная схватка неистовствовала на протяжении двух часов между достойными друг друга воинами христиан и янычарами, вооруженными аркебузами и пушками, и подкрепления поднимались на борт, когда требовалось, сдерживавших сражение галер и галеонов. Постепенно, благодаря превосходству в артиллерии, а также вследствие недостаточной ценности турецких судов от взятия на abordаж, схватка стала развиваться в пользу христиан. Дон Хуан, после того как его корабли были дважды отброшены янычарами, лично повел их на abordаж «Султанши», которую во главе обороняющихся храбро защищал Али-паша. В последовавшей схватке пуля попала паше в голову, и он упал замертво на сходни, лицом вниз. Его голова отрублена и представлена дону Хуану, который, как утверждал, высказал неудовольствие, поскольку уважал своего противника, тем не менее, голова врага была водружена на мачте его флагманского корабля.

Флагманский корабль турок был взят на abordаж и захвачен, а всякая попытка отбить его не удалась. Центр турок был прорван. Турецких галерах гребцы-рабы христианского происхождения вырвались на свободу из своих цепей и захватывали оружие, чтобы идти против своих поработителей. После продолжавшейся в течение трех часов ожесточенной борьбы морское сражение при этом было решительно выиграно христианами. Костяк турецкого флота, порядка 230 галер, был потоплен или захвачен. Христиане взяли не более 15 галер и вдвое меньше людей, чем турки, но не из них принадлежали к цвету испанской и итальянской знати. Среди сражавшихся испанцев находился Сервантес, который во время нападения на флагманский корабль Сирокко получил рану, когда искалечившую его левую руку. Позже он так напишет о ней: «Хотя она выглядит уродливо, он воспринимает ее как красивую, потому что он получил ее при наиболее памятном и величественном сражении, которое могли видеть прошедшие века — и никогда не повторится в веках грядущие».

Тем не менее турки на левом фланге своей линии выстояли и продолжили сражение на следующий день. Здесь корсар Улудж Али, умелый тактик, осуществил маневр, позволивший ему сначала обойти правый фланг противника — а им была Джованни Дориа, племянник прославленного дяди-моряка, — таким

образом, что тот повернул к югу, чтобы избежать столкновения противником. Затем, по мере того как главное сражение стало смещаться к северу, он воспользовался образовавшимися разрывами в линии христиан, чтобы прорваться сквозь нее и выйти в тыл до Хуану. Здесь Улудж Али сначала попытались задержать галеры рыцарей-иоаннитов, на которых его алжирцы набросились с убийственной готовностью. Затем они повернули против вспомогательного отряда сицилийских галер, чтобы захватить и поднять свои знамя на мальтийском флагмане. Жестокий бой продолжался до тех пор, пока Дориа не поспешил к северу, чтобы соединиться с более сильным резервным отрядом христиан. В ответ на это практичный корсар, поняв, что главное сражение проиграно, бежал на закат примерно с сорока галерами, которые, ко всеобщему позору Дориа, сумели уцелеть и тем самым сгладить впечатление от поражения турок. Но, как бы то ни было, это была победа христиан, которую (как писал Сервантес в «Дон-Кихоте») осталась в памяти как «самый счастливый для христианского мира день, когда все нации освободились от своего заблуждения — веры в непобедимость турок».

Европа восторженно откликнулась на известие о победе. Пия Пий V, благодаря божественному промыслу, получил эту весть в минуту гибели Али-паши и встал на колени перед распятием, чтобы вознести за это благодарность небесам. Теперь, восседая на папском троне, он встретил вестника победы надлежащими словами из Евангелия: «И был человек, посланный Богом, и было ему имя Иоанн».

Венеция, первой получившая эту весть, была охвачена сумасбродством, весельем и облегчения, когда перед толпами на площади Святого Марка возникла из лагуны галера, орудийными залпами салютуя городу и ведя за кормой опущенные в воду турецкие знамена, с командой на полуките, щеголявшей в турецких нарядах снятых с убитых в бою. Испания была накрыта волной восторга по случаю столь гордого завершения при содействии испанцев этого запоздалого крестового похода против «неверного Турка». Король Франции Карл IX распорядился исполнить «Te Deum» и провести празднества по случаю поражения своего союзника «Турка». Даже в далекой Англии победа была отмечена фейерверками, проповедью и грандиозным перезвоном колоколов Святого Мартина — и не Филдс в благодарность за «свержение Турка», в то время мальчик-король Джеймс VI Шотландский внес свой вклад по случаю в виде нескольких тысяч строк неумелых стихов. Наперед героической «Битве при Лепанто» было суждено жить в качестве легенды по всей Европе — триумфа, изображенного художниками, воспетого поэтами и рифмоплетами, исполнителями народных

песен и баллад, и вечной славе Дона Хуана и тех, кто уничтожил турецкого захватчика.

Пока Европа подобным образом переживала радость победы, столица османов была переполнена чувством смятения по причине своего первого решительного поражения. Такой по крайней мере была первая реакция турок на потерю собственного флота и унижение их армии под Лепанто. Султан Селим провел три дня в посты и в молитве, прося Бога пожалеть его народ. Затем в ответ на возникшие беспорядки он приказал вырезать всех испанцев и венецианцев, находящихся в его владениях. Этот приказ не был приведен в исполнение благодаря Мехмеду Соколлау, который направил своего господина по более конструктивному пути.

К концу года Улудж Али с гордостью вошел в Золотой Рог с флотом примерно из восьмидесяти кораблей, состоявшим наполовину из эскадры, с которой он бежал с места сражения, и с другой половиной, собранной из турецких галер, стоявших на якоре в различных портах Восточного Средиземноморья. По настоянию Соколлау, он был повышен в звании до главного адмирала (капудан-пашы) вместо Мухсинзаде-Али, павшего в сражении. Его имя было изменено султаном с Улудж на Кылыч, означающее «Меч». Затем, в сотрудничестве с ветераном Пияле-пашой и при поддержке Селима, который лично внес деньги и уступил часть своего сада в Серале под судоверфь, он трудился всю зиму, строя новый флот взамен старого.

В результате к весне 1572 года, немногим более шести месяцев после сражения при Лепанто, новый флот, состоявший в целом из почти 250 кораблей и включавший восемь современных галесасов, был готов снова утвердить силу турецкого оружия на море — достижения в области судостроения, сравниться с которыми в то время не могло ни одно христианское государство. Появление флота близ Кипра в 1572 году ошеломило союзников-христиан и заставило их отказаться от попыток вернуть остров. Затем флот проследовал в ионические воды, продемонстрировав турецкий флаг возродившейся морской державы, заходящей настолько далеко, чтобы угрожать острову Крит, но избегающей на этой стадии какого-либо прямого столкновения с ее врагами. Христиане, со своей стороны, хотя их флот все еще был более значительным, чем флот турок, не смогли вызвать Кылыч-пашу на бой и изгнать его из прибрежных вод Ионического моря.

Данная ситуация предопределила мирный договор, по которому Венеция официально уступила Кипр, готовая поступить подобным образом, поскольку сильная партия мира настаивала на возобновлении торговли с территориями османов. Когда венецианский министр в

Стамбуле впервые закрепила позицию великого визиря относительно перспектив урегулирования. Соколу ответил: «Имеется большая разница между вашей и нашей потерями. Отвоевав у вас Кипр мы отрубили одну из ваших рук; нанеся поражение нашему флоту, в всего-навсего сбрили нашу бороду; отрубленная рука снова отрастет, но сбитая борода вырастет более густой, чем была раньше».

Переговоры по мирному урегулированию получили активную поддержку со стороны посла, направленного в Порту королем Франции Карлом IX, который, будучи заодно с венецианцами, опасался возвышения Испании за ее счет в Леванте и стремился разрушить Священную лигу. Христиане, по сути дела, несмотря на все их громкие заявления о согласованных с Божьей помощью планах закрепили значительное преимущество на море, уже были вовлечены в мелкие споры, по мере того как они рассредоточивались по своим многочисленным портам. Общее дело вскоре оказалось настолько подчиненным их собственным противоречиям и конфликтам, что фактически свело их великую победу в Лепанто к нулю. Тем не менее она оставалась незабываемой победой в моральном и психологическом аспектах. В глазах Европы исходившие от османов чары непобедимости были действительно разрушены. Турок, державший Европу в плену страха со времени захвата им Константинополя более века тому назад, впервые был увиден как человек, которого можно победить. Легенда рухнула, и христиане смогли вздохнуть свободно.

С точки зрения престижа турок, это был поворотный пункт. Но с точки зрения могущества — империя Сулеймана оценивалась по-прежнему высоко. Ее материальные ресурсы не имели себе равных, ее практическое мастерство не пострадало, она вышла из поражения столь же жизнеспособной. Благодаря руководству Соколу и несмотря на ничтожество Селима, империя оставалась в настоящем, как в прошлом, и еще примерно на двадцать лет вперед, фактически единой, что касалось морального духа, энергичности поступков, решительности в политике и мобильности в ее реализации. Османская империя была все еще связанной воедино исламской державой, которая вполне могла бы явить пример ее врагам в христианском мире.

Главным врагом империи по-прежнему оставалась Испания. Нынешней костью раздора между ними был Тунис, который турки отвоевали в ходе кипрской кампании только затем, чтобы вынужденно уступить его в год Лепанто испанской эскадре под командованием Хуана. На следующий год Кылыч Али вернулся для битвы с таким же большим флотом, какой был под Лепанто. Раз и навсегда он взял город, вместе с крепостью Ла-Голетта, которую длительное время удерживали испанцы. По прошествии всего лишь трех

После поражения османов при Лепанто корсарский адмирал привел Золотой Рог победоносный флот.

Вместе с Алжиром и Триполи Тунис превратился в турецкую провинцию, помогавшую в наступающие века поддерживать определенную степень власти турок над этими неуправляемыми пиратскими государствами Берберского побережья. В 1578 году влияние турок распространилось на Марокко. Здесь шериф Феса призвал их на помощь в борьбе против португальцев, которые высадили большую армию в поддержку претендента. Помощь была с готовностью предоставлена из-за опасений сотрудничества между испанцами и португальцами, и крупное сражение было выиграно у португальцев при Алькасарквивире, в котором их король Себастьян был убит вместе с претендентом и четвертой частью всей их армии. Следствием стало начало упадка Португалии, из которого король Филипп быстро извлек выгоду, осуществив военную оккупацию.

Довольно скоро после этого нового захвата Туниса Селим Поника внезапно умер, что стало неожиданным результатом его последней выпивки в одиночестве. Суеверный от природы, он увидел признаки своего приближающегося конца в появлении кометы, в разрушительном землетрясении в Константинополе, наводнениях, которые угрожали святым местам Мекки, но более всего — в страшном пожаре на кухнях его Серая, уничтожившем также и гробницы султана. Это, казалось, подтверждало его предчувствия, поскольку смерти его деда предшествовал пожар в Серале Константинополя. Безутешный, Селим посетил турецкую баню, которую недавно построил и стены которой еще не успели просохнуть. Чтобы уменьшить свои страхи, султан выпил залпом целую бутылку иранского вина. Потом, шатаясь, он поскользнулся и упал на пол, ударившись головой о его мраморные плиты и тем самым ускорив фатальный исход. Таким был не совсем достойный конец наименее удающегося султана Турции.

Правление Селима было непродуктивным, но его смерть была своевременной. Мехмед Соколу обеспечил мирное восхождение на трон его сына Мурада III. Но Мурад ограничил эффективную власть Соколу и тем самым воспрепятствовал завершению государственной важной задачи последнего, а именно сохранения империи Сулеймана и придания ей дополнительного устойчивого запаса человеческих сил. Хотя Соколу оставался еще несколько лет на своем посту великого визиря, он больше уже не пользовался всей полнотой власти, которую давал ему Селим, но постоянно находился в зависимости от причудливых интриг новых фаворитов-рабов своего господина и женщин его гарема, которые умышленно стремились настроить султана против него.

В ночь своего прибытия в Стамбул, страдая от морской болезни после длительного переезда с места прежней службы в Манисе, Мурад отдал распоряжение удушить своих пятерых братьев. На следующее утро он принял высших руководителей государства. Первые слова султана ожидалось придворными в полной тишине, восточным суеверием, что они будут нести в себе некое предзнаменование относительно будущего правления нового султана. Словами после ночного сна, снявшего его болезненное состояние и возмущавшего аппетита, были: «Я голоден; принесите мне что-нибудь поесть». Это показалось предзнаменованием засухи, которая в самом деле случилась на следующий год. Мурад не разделял любимого увлечения своего отца, и одним из его первых указов был указ против употребления вина. Принятие этого решения было спровоцировано поведением группы янычар, которые, находясь на таверны, поднимали бокалы, чтобы выпить за его здоровье. Когда же янычары заявили протест против указа с угрозами и оскорблениями в адрес великого визиря, указ был отменен и им вновь было разрешено пить вино, но при условии, что они должны воздерживаться от пиявки.

В характере Мурада было немало отталкивающих черт, но особенно отвратительны были алчность и похотливость. Он любил до маниакального состояния жемчуг и золото. Вплоть до смерти Сулеймана государственная казна размещалась в Семибашенном замке, в одной из башен которого находилось золото, в другой — серебро, в третьей — золотая и серебряная посуда и драгоценные камни, в четвертой — ценные реликвии старины, а пятой — такие же рода предметы из Персии и Египта, тогда как шестая башня служила арсеналом, а в седьмой хранились государственные архивы. Селим II перевел все, что сохранилось после дорогостоящих войн, и свою частную казну, и Семибашенный замок стал преимущественно тюрьмой. Но Мурад III пошел еще дальше. Он построил специальное хранилище с тройными запорами для казны и спал над ним на протяжении всего срока своего правления. Оно открывалось только четыре раза в год, чтобы принять свежий груз сокровищ, который обычно оценивался в миллионы дукатов.

Мурад окружил себя бесчисленными придворными, среди которых он вел праздную жизнь, заключавшуюся в потакании собственным прихотям, и уделял внимание государственным делам лишь в том, чтобы удовлетворить собственные амбиции. Четыре женщины иронично сравнивавшиеся с четырьмя столпами империи, управляли его жизнью. Одна из них, султанша валиде, была его матерью, руководившей гаремом. Вторая — хотя ее влияние скоро сошло на нет — была его сестрой, женой Соколлу. Следующей была красавица-венецианка по имени Сафийе. Она была пленена тур-

им корсаром по пути на Корфу, где ее отец, происходивший из знатной семьи Баффо, был губернатором. Сафийе стала матерью его старшего сына Мехмеда. В своем страстном увлечении Мурад долго оставался верен ей. Обеспокоенная властью Сафийе над опием, его мать делала все от нее зависящее, чтобы разнообразить увлечения Мурада, и он погружался в распутную жизнь, требуя услуг двух или трех любовниц в одну ночь. Это удвоило цену рабшек на рынке рабынь в Стамбуле и позволило ему наплодить более сотни детей.

В среде этих женщин воображением похотливого Мурада владела и некоторое время влияла на него одна венгерка. Но четвертой женщиной и советчицей стала некая Джафреда, которая после смерти его матери и по ее предсмертной просьбе должна была быть «гранд-дамой» гарема. Поскольку сама Джафреда не делала султаном ложе, ее главной задачей было обеспечить, чтобы для него это делали другие. Предполагают, что в одиночку и коллективно они постоянно давали ему советы по государственному управлению. Но той, что продолжала оказывать преобладающее влияние, оставалась именно венесианка, султанша Сафийе Баффо*. Несмотря на такую провокацию со стороны венецианских судовладельцев, венецианская султанша отговорила Мурада от нападения на ее родную республику Святого Марка; и на самом деле, Венеция добилась от Порты возобновления капитуляций и других торговых привилегий. Влияние Сафийе, как и султанши валиде на Мурада, всегда доминировало в отношениях с ее сыном, Мехмедом III.

Поскольку золото было для Мурада столь же драгоценно, как и женщины, коррупция в его окружении вскоре достигла такой степени, когда каждое официальное назначение в государстве стало достижимым только через покупку по заранее установленному тарифу. Коррупция достигла своего апогея, когда султан лично оказался опасенным во взятки в крупных размерах в качестве его доли в суммах, выплачиваемых подателями прошений его придворным и министрам. Эта практика была предложена Мураду влиятельным министром по имени Шемси-паша, который был известен как «Истребитель петиций». Шемси утверждал, что является наследником альбукеркских правителей, а потому смотрел на тех, кто вытеснил их, не на османов, как на врагов. Однажды (так пишет его биограф) он вышел от султана в состоянии заметного душевного подъема, крикнув с пафосом: «Наконец-то я отомстил за мою династию династии дома Османов. Поскольку она разрушила пашу, я сейчас подготовил ее собственное разрушение». Когда Шемси спросили, как ему это удалось, фаворит ответил: «Путем убеждения султана иметь долю от продажи его собственных льгот. Это правда, что я предложила ему заманчивую наживку. Сорок тысяч дукатов не такая

уж маленькая сумма. Начиная с этого дня султан сам подаст пример коррупции, и коррупция уничтожит империю».

Шемси, подобно Лала Мустафа-паше, был злейшим врагом Соколу. Когда великий визирь пожаловался Шемси на влияние коррумпированности дворца на дела государства, его поставили известность, что он должен всего лишь подчиниться дворцу, который не может поступать плохо. Конец Соколу наступил четыре года спустя после воцарения Мурада. Он все еще находился у власти благодаря первым шагам в кампании, принесшей новые приобретения для империи, поскольку он завоевал Кипр, Тунис и Йемен. После смерти старого шаха Тахмаспа (отравленного, как утверждали, собственной женой) и последующих внутренних кровавых беспорядков велась кампания против Персии.

Используя преимущества сложившейся ситуации, в 1578 г. армией под командованием Мустафа-паши, усиленной вспомогательным войском крымских татар, было без предупреждения осуществлено вторжение с территории Крыма. Оно привело к поражению двух персидских армий, следовавших одно за другим, и в итоге к захвату большей части Грузии, христианского королевства, которое находилось в союзе с Персией.

Турки вошли в Тифлис, где они превратили церкви в мечети. Они наделили покорившихся грузинских правителей сандаками, оккупировали большую часть прилегающих провинций и установили провинциальную администрацию, поделенную между четырьмя кланами.

Также турки проникали в Дагестан и в результате вышли на берегам Каспийского моря, чего Соколу стремился добиться раньше. Во время правления Селима, с помощью своей безуспешной попытке прорыть канал между Доном и Волгой. Бей Азова, который был авангард сил вторжения по степям к северу от Черного моря, награжден звучным титулом Капудана-паши, или главного адмирала Каспия. Однако персы начали активно сопротивляться, и война растянулась еще на 12 лет. После этого Персия подписала мирный договор, подтвердивший уступку Грузии, Азербайджана, Ширака, Тебриза и других провинций. Тем временем турки заложили в Карсе сильно укрепленную базу, направленную против Персии, которая должна была служить в качестве оплота империи на протяжении предстоящих веков.

Но оккупированные провинции было трудно удерживать. Большинство населения было суннитского вероисповедания и оставалось лояльным в отношении персидского режима.

Непривычная для него османская администрация с ее собственными системами налогообложения и землепользования вызывала возмущение, и кочевники предпочитали относительно косвенное

правление шаха прямому централизованному правлению султана. Но раньше всего туркам, как и в предыдущих персидских походах, пришла удаленность от их баз и вытекающие из этого проблемы транспортировки и снабжения. В силу данных причин Соколу, пусть даже он по-прежнему предпочитал водный путь, в целом был против такой сухопутной кампании, как выходящей за пределы возможностей империи; и действительно, повторявшиеся на протяжении последующих 50 лет кампании в конечном счете фатальным образом подтвердили это.

Тем временем дворцовые враги Соколу неумолимо работали против него. Сначала они палили интриги, чтобы обесчестить его друзей и протеже, находя самые разные предлоги для их казни. Наконец, к самому Соколу в палате заседаний его дворца подошел человек с видом просителя, одетый, как дервиш, который вонзил ему в сердце кинжал, убив его. Убийца, по происхождению босняк, коим был и сам Соколу, под пытками ничего не признал, и преступление было отнесено на счет частных обид, связанных с сокращением имущественного надела. Всего лишь одним вечером раньше, как было установлено, конюший зачитывал великому визирю отчет о том, как был убит кинжалом султан Мурад I во время битвы под Косово. Соколу в ответ на услышанное воскликнул: «Может ли Бог даровать мне такую же смерть!» Так оно и случилось. «Вместе с Мехмедом Соколу, — как сказал об этом посол Венеции, — в палату опустили и турецкую нравственность». Смерть великого имиря была действительно убийством по политическим мотивам, которое наложило свой отпечаток на долгий период упадка османов.

Длительный период упадка, который, таким образом, очень скоро наступил для империи, напрямую прослеживался в ослаблении власти султана в результате отсутствия у него серьезной заботы о делах государства; в ослаблении механизма управления государством из-за запущенного состояния и раздробления обязанностей и игнорирования институциональных принципов. В государстве, которое до этого времени зависело от абсолютной личной власти суверена, от умелого ее отправления и от эффективности контроля над администрацией, претворяющей эту власть в жизнь со стороны султанского двора, состоящего из его личных и умелых работников славянского происхождения, подобные перемены быстро привели к дезинтеграции, замешательству и широко распространившемуся беспорядку. Отчасти подобное явление объяснялось тем фактом, что империя исчерпала — и если бы только на данный момент — всю сферу, так и собственную способность к дальнейшим территориальным завоеваниям в Европе, что с самого начала служило главным побудительным мотивом. Столетия войн вселяли в османов единство цели; дали им богатство не в виде только военной добычи, но и территорий для оседлой жизни. Теперь таких отдушин, таких наград осталось совсем немного. За неимением врага, которого можно было ограбить, люди стали грабить друг друга; в отсутствие земель они толпами устремились в города или же ссыли беспорядки в сельских местностях.

Теперь стал очевиден изъян, свойственный земельным реформам Сулеймана. Он проистекал из того факта, что из лучших побуждений, как становилось очевидным, с течением времени с не лучшими результатами, распределение главных земельных наделов было сосредоточено в столице, а не децентрализовано, как прежде, в руках провинциальных властей. Поэтому слишком уж часто распределение земель стало меньше зависеть от справедливости претензий на них, чем от дворцовых интриг и коррумпированного распределения разрешений. Это привело к возникновению и развитию большого числа крупных земельных владений, что шло вразрез с намерениями

еймана, и по ходу дела к росту роли принципа наследования. Укрепление этого принципа сопровождало постепенное завершение периода непрерывных турецких завоеваний с его все новыми возможностями для землевладельцев и вело, таким образом, к массовому изъятию земли у крестьян и к желанию богачей-землевладельцев иметь еще больше земли.

К тому же владельцы военно-ленных надделов, сипахи, до того были бывшие оплотом Турецкого государства, поскольку они жили на доходы от своей земли и трудов своих крестьян, теперь стали отвечать своей цели — служить источником формирования военных сил. Связанные со старыми традициями и привыкшие только к кратковременным летним кампаниям, сипахи оказались не в состоянии приспособиться к современным методам ведения войны — общей потребностью в пехотных солдатах, пехотинцах, обученных применению огнестрельного оружия, и в технических родах войск, массовым обращению к другим видам военной техники. В поле сипахи доказали свою неспособность противостоять профессиональным германским фузилёрам с их более тяжелым вооружением. В результате они превратились в сокращающийся или по крайней мере меняющийся класс — а в действительности в угнетённый элемент неподчинения и раскола. Теперь часть сипахи отказалась принять участие в военных действиях, которые грозили лишениями и опасностями, но без, как в прошлом, компенсации материальных приобретений. Или, иначе, сипахи могли покинуть поле боя при малейшей опасности, как они сделали это в битве на Мезе-Керестеше в Венгрии в 1596 году. Вслед за этим пять тысяч сипахов были лишены их поместий — ясное свидетельство на то, что система к этому времени изжила себя.

Каждое нарушение служебного долга, если только оно не было связано с подготовкой к выплате денег вместо несения воинской службы, надлежало сипахов подпадало изъятию, что в результате вело к росту числа безземельных крестьян и соответственно склонных к бунту людей. Их земли могли присваиваться другими людьми — или по закону, иногда за взятку судьям, имевшим отношение к рассмотрению заявок. Разрастался новый класс крупных землевладельцев, которыми нередко становились государственные чиновники, придворные и слуги двора, а нередко и совершенно посторонние люди, более того, как правило, живущие в городах. С помощью подобных приемов коррупции стало возможным для одного человека аккумулировать любое количество поместий и, следовательно, создать большую земельную собственность. Когда сипахи оказывались в состоянии сохранить свои надель, они зачастую стремились сделать их наследственными, передавая своим сыновьям, которые несли на них никаких-либо обязанностей по линии воинской службы и вполне

могли бы отягчить тяготы седла, чтобы, подобно скупщикам наделов, вести праздную жизнь в городе.

Так разрасталась за счет разорения крестьянства система наследственного землевладения без участия владельца в обработке земли — часто безответственного, в принципе и на практике полностью противоположная государственной системе, добросовестно построенной султанами-предшественниками. Вот что помогло создать постепенно увеличивавшийся разрыв между жизнью и интересами крестьян и жизнью и интересами городского населения.

В самой столице характер правительственной службы — пороки назначения на должности — также претерпел радикальные изменения. До этого времени двор султана, который управлял страной, набирался исключительно из порабощенных христиан, следовательно, в основном из крестьян, выросших в деревнях, сохранявших крестьянские черты и понимание нужд села. Но эта система начала слабеть в последней фазе правления Сулеймана, и в конце XVI века назначения в состоящий из рабов султана двор стали доступными для его мусульманских подданных, свободных людей, выросших в городах. Такие люди нередко оказывались в числе придворных благодаря семейному влиянию или покупке должности и имели теперь право завещать свои посты сыновьям. В соответствии с этим наследственная система с ее неизбежным nepотизмом в целом сложилась и в системе государственного управления. Для честолюбивых молодых мусульман с хорошими связями, достаточными финансовыми ресурсами, духом соревновательности, а также обостренным политическим чутьем стало возможным пробивать себе дорогу вверх, к собственной выгоде, переходом, с одного доходного привилегированного поста на другой.

Тем не менее, чтобы достичь вершины, как и в прошлом, все еще требовалось обладать энергией и умом. Но империя больше уже не располагала правительством, составленным из элиты, обученной отобранной ее правителем на основании принципов заслуг квалификации.

К изменениям в структуре государственного управления добавились разнообразие составляющие упадка османов, явившиеся очевидным фундаментальным фактором социального и экономического развала. Первым из них был чрезмерный прирост населения в районах культивируемых земель. Вторым был рост цен, последствием за притоком испано-американского золота из Нового Света. Это привело к обесценению серебряной турецкой монеты и высокому уровню инфляции — обычному в то время явлению значительной части средиземноморской Европы.

Из-за разразившегося экономического кризиса турецкое правительство (следуя примеру Персии) было вынуждено в 1584 го-

произвести существенные операции со своей валютой. Золотые монеты были девальвированы на 50 процентов, тогда как аспры — стандартная серебряная монета, которая служила основным расчетным средством при выплате солдатского жалования, — были переплавлены и вновь отчеканены как более тонкая монета с большим содержанием меди, став (по словам современного турецкого историка) «столь же легкой, как листья миндаляного дерева, и столь же ничего не стоящей, как капли росы».

Обесценивание денег продолжалось до отметки, по достижении которой посол Испании в Стамбуле мог с полным основанием обвинить Филиппу II:

«Империя настолько бедна и настолько истощена, что единственные монеты, имеющиеся сейчас в обращении, это асперсы, сделанные целиком из железа».

К концу века в условиях продолжающегося кризиса империя действительно стала настолько слабой экономически, что была почти полным банкротом, часто неспособным содержать собственные вооруженные силы, и в обстановке широкого недовольства падающим авторитетом центральной власти неспособной держать под контролем демонстрации, восстания и беспорядки.

Тем временем на протяжении XVI века население империи удвоилось, и с ограничением возможностей экспансии в Европе — чем давление населения сыграло свою роль — обнаружилась нехватка земель, на которых это излишнее население могло бы быть поселено. Земельный голод гнал молодежь из деревни на поиски счастья к существованию в другие места. И государство османов, и традиционная средневековая цеховая система не были приспособлены к развитию новых экономических ресурсов, кроме продуктов ремесла.

Только с завоеванием Кипра появилась возможность для дальнейшего расселения в неограниченных масштабах. Другие подобные «удушины» были теперь блокированы. Вследствие этого Анатолия особенно была переполнена безземельными, не имеющими земель крестьянами, стремившимися попасть в нерегулярные войска на любую другую официальную службу и, потерпев в этом неудачу, пополнявшими ряды тех, кто был склонен к беспорядкам и нередко прибегал к бандитизму. Проблему безработицы из-за инфляции усугубляли удвоение цен, подделка денег, фальшивомонетничество, спекуляция, высокие ставки процента и ростовщичество.

Чтобы покрыть дефицит, казначейство было вынуждено искать новые источники доходов за счет повышения ставок налогообложения. Эта тяжесть в конечном счете легла на крестьян, официально — через распространение на крестьян увеличенных сборов как центральными, так и провинциальными органами управления. Но в реально-

сти это было бремя, многократно увеличенное злоупотреблениями и незаконной практикой. Ибо последствия инфляции ощущались в особенности классами, жившими на фиксированные доходы, ныне утратившими половину своей стоимости, и, следовательно, самими чиновниками, будь то военные, гражданские или связанные с правосудием люди. Это беззаконие толкало людей на взятки и коррупцию, поборы и вымогательство у крестьян с помощью незаконных действий. Практика, подобная той, что превалировала в конце XVI века, была в деталях изложена в указе по правовым вопросам, разосланном по провинциям чиновникам султаном Ахмедом I в 1609 году.

Указ гласил: «Вы не занимаетесь исполнением своих обязанностей, когда обязываете свои провинции. Вместо этого вы обходите всех по очереди, незаконно беря с людей деньги... Во время этих так называемых «контрольных поездок»... вы допускаете следующие злоупотребления: если кто-то падает с дерева, вы доказываете, что это убийство, вы идете в деревню, размещаетесь там и для того, чтобы обнаружить предполагаемого убийцу, доводите людей до измождения, заковывая их в цепи. Наконец, помимо того что вы кладете в карман сотни золотых или серебряных монет, называя их «крошечными деньгами», вы бесплатно берете у сельчан в качестве так называемой «реквизиции» лошадей, мулов, рабов, ячмень, солому, древесину, сено, овцу, ягнят, цыплят, масло, мед и другие продукты питания. Вы отдаете сбор своих доходов на откуп сборщикам по чрезмерным ставкам. Со своей стороны, они выходят на сбор налогов с намного большим, чем нужно, количеством всадников, и вместо того, чтобы самим удовлетвориться сбором ваших доходов согласно закону и так, как это предписано регистрационной книгой, они пытаются извлечь столь много денег, сколько они хотят».

Судьи были так же коррумпированы, как и другие чиновники. Назначаемые в качестве инспекторов, чтобы выслушивать жалобы сельских жителей и выявлять случаи путаницы в делах, все они использовали указы султана к своей собственной выгоде и брали взятки с тех, кто обвинялся в нарушениях. Составляя регистрационные налоговые книги, судьи преувеличивали численность тех, кто облагался налогом, чтобы вымогать деньги для себя. Обремененные полномочиями назначать в пределах их собственной юрисдикции собственных заместителей, они назначали тех, кто давал им наибольшую взятку. Эти безжалостные поборы выуждали крестьян брать займы у ростовщиков, часто по ставке, достигавшей 50 процентов, чтобы уплатить налоги и долги, работая на них задаром и в сущности превращаясь в их рабов.

Чтобы заменить утасавшую феодальную систему сипахов, государство было обязано увеличить численность своих регулярных

поиск. Это относилось как к янычарам, так и к другим получавшим жалованье войскам, причисленным ко двору султана, которые включали таких «людей султана», как регулярные сипахи Порты. Для этого были нужны новые источники вербовки. Тех невольников христианского происхождения, которые были захвачены в бою или же куплены, для этой цели было уже совершенно недостаточно. Впервые стало необходимым в большом количестве зачислять на военную службу подданных мусульманского происхождения, ранее не допускавшихся в ряды вооруженных сил, как и в гражданскую администрацию. Их вербовали не только в ряды янычар, но и в другие виды войск регулярной армии, капыкулу. Это означало ослабление всех родов войск: внедрение новых смешанных элементов, становившихся причиной изменений в их исключительном характере, глубоко затронуло не только воинскую дисциплину, но и тот дух командной солидарности, который был основой османской армии.

Уже и янычары во время все более частых случаев несения службы в казармах получили разрешение работать в качестве ремесленников, пополняя свое жалованье доходом от продажи изготовленных ими изделий. Впервые заявившись подобным образом коммерцией, воины стали сливаться с гражданским ремесленническим населением Стамбула и других городов, где стояли их гарнизоны, превращаясь по существу в городских жителей и утрачивая многое в смысле дисциплины и готовности воевать. К тому же после правления Сулеймана янычарам было разрешено жениться*, что неизбежно вело к усилению среди них, как и среди управленческого и земельного классов, наследственного принципа, а от этого оставался всего лишь один шаг к допуску их сыновей в корпус. Первоначально, поскольку это был корпус, составленный из рабов, это делалось в обход закона, поскольку было незаконным превращать в раба человека, рожденного мусульманином. Но при Селиме II была установлена определенная квота на их допуск. Наконец при Мураде IV традиционный набор только рабов христианского происхождения был полностью упразднен и тем самым узаконен процесс, который уже стал свершившимся фактом.

Начиная с последней декады XVI века и впредь они становились, по мере того как их хозяева-султаны становились слабее, все более несдержанными и категоричными в своих требованиях. В 1589 году янычары причинили серьезное беспокойство Мураду III, протестуя против нового снижения курса металлических денег, в которых они получали жалованье. Впервые в истории они шумом проложили себе дорогу в Сераль, где проходило заседание Дивана, и потребовали голов министров, считавшихся виновными в снижении курса валюты.

Предпочтя не встречаться с инсургентами лично, султан отступил перед их превосходящими силами, санкционировав две экспедиции. Еще дважды в последующие три года янычары успешно использовали свои преимущества, потребовав и добившись смещения подряд двух великих визирей. В 1593 году поднявшей восстание стала султанская охрана из регулярной кавалерии, сипахи Порты. На этот раз, повернув против них оружие, янычары сами восстановили порядок, причем власти пронзительно воспользовались — как это и будет происходить впредь — соперничеством между двумя родами войск. Другие подобные восстания войск султана сотрясали различные провинции империи. Вассальному княжеству Молдавии янычары достаточно дерзко навязали, откликнувшись на взятку, губернатора по своему собственному усмотрению, который, однако, был вскоре смещен с должности за невыплату дани. Позже этот губернатор будет ограблен и убит самими же янычарами в Стамбуле.

Начиная с 1596 года более серьезные беспорядки возникают в Анатолии, которая в тот момент была ввергнута в состояние полной анархии мятежными элементами, известными как джелали. Дворцовые войска были теперь размещены в Анатолии в значительном количестве. Их дублировало возросшее число секбан, нерегулярной пехоты и кавалерии, ныне вооруженных мушкетами, чтобы стать под командованием губернаторов основной провинциальной армией. Однако в мирное время, не получая никакой оплаты, более того, завидуя привилегиям регулярных имперских войск султана, секбаны становились источником постоянных беспорядков — бандами безземельных, лишенных средств к существованию крестьян, которые толпами скитались по сельским местностям как бандиты и грабители.

Джелали черпали свои силы среди этих солдат нерегулярных войск, этих безработных секбан; среди турецких, курдских и других азиатских племен; и не в последнюю очередь среди лишившихся своей земельной собственности сипахов. Большая группа их вместе с другими солдатами из нерегулярных войск подверглась безжалостным наказаниям со стороны их командиров и была вынуждена бежать как фираы (бегалцы) в Анатолию, выходцами из которой было большинство из них. Дополнительные отряды вливались в ряды джелали из тех нерегулярных войск, которые были направлены провинциальными властями на их подавление, но которые нередко предпочитали присоединиться к мятежникам.

Первоначально в попытке взять все такие отряды под контроль правительство, сосредоточенное на подготовке планировавшейся кампании в Венгрии, назначило одного за другим двух командиров-вербовщиков, чтобы пополнить войска за счет их мобилизации. По

проделав это, они сами восстали вместе с мятежными войсками, добывая из населения деньги и продовольствие на их содержание.

Наиболее способный из этих двух командиров Кара-Языджи собрал вокруг себя повстанческий отряд джелали в несколько десятков тысяч человек, в основном из недовольных элементов из Анатолии. Объединенные в большие группы, они вынуждали города платить дань и в результате стали доминирующей силой в ряде провинций Центральной Анатолии. Оттесненные правительственными войсками в Юго-Восточную Анатолию, джелали оказали сильное сопротивление, защищая крепость Урфу. После смерти Кара-Языджи восстание распространилось по всей Анатолии под руководством его брата Дели-Хасана, или Хасана Бешеного, который присвоил себе титул шаха и хвастался, после того как разгромил губернаторов ряда провинций: «Я сбросил в этих странах власть турок, и теперь мне принадлежит ни с кем неделимое господство».

В последовавшем массовом бегстве крестьян, ставшем известным как великий исход, уходившие массами от людей Хасана Бешеного крестьяне расселились на широких пространствах, бросая при этом собственные деревни и укрываясь в крепостях. Более многочисленные анатолийцы бежали в Стамбул, Румелию и даже в Крым. В конце концов Дели-Хасан был принужден центральным правительством сложить оружие и в качестве компенсации был назначен губернатором Боснии. Это позволило ему использовать свои неуправляемые войска в Европе. В ходе нового вторжения эти полуобнаженные, длинноволосые азиатские «варвары» опустошили Румелию, убивая как мусульман, так и христиан. Но в 1603 году «варвары» были наконец-то истреблены на берегах Дуная войсками всигров.

Восстание в Анатолии продолжалось, пока правительство в течение некоторого времени безуспешно пыталось вновь утвердить свою власть. Большая часть ее территории превратилась в пустынные районы с заброшенной, необрабатываемой землей, подвергающейся засухе. Последовавший за событиями отказ крестьян от земли привел к ее отчуждению военными лидерами и другими людьми. Они основывали крупные частные поместья, которые скорее вели как ранчо, выращивая крупный рогатый скот и, следовательно, радикально меняя традиционную аграрную ориентацию земледелия по всей Анатолии.

Эти восстания джелали ускорили принятие турецким правительством всех возможных мер, чтобы сформировать имперскую армию для возобновления войны против Персии. В 1603 году шах Аббас, восстановивший боеспособность персидских армий, воспользовался преимуществами сложившейся ситуации, чтобы начать наступление. В ходе наступления он быстро вернул Тебриз, бывшую столицу

своего отца, Эривань и взяла крепость османов Карс. За пять лет пах Аббас вновь занял различные провинции, отданные туркам его предшественником, и фактически разрушил ненадежную структуру господства османов на Кавказе, которая тем самым подтвердила свой временный характер. Легко отражая турецкие контрнаступления, пах смог в 1612 году навязать мирное соглашение, по которому турки уступили большую часть территории, приобретенной ими по мирному договору 1590 года.

К этому времени на трон взошел очередной султан, четвертый по счету после смерти Сулеймана. Это был Ахмед I, четырнадцатилетний внук Мурада III и сын Мехмеда III. Мурад заранее получил предупреждение о смерти во сне одного своего фаворита, за которым последовал спазм желудка. Перенесенный в беседку на берегу Босфора, Мурад лежал, наблюдая за проплывавшими мимо окна кораблями. Его музыканты наигрывали меланхолическую мелодию, под которую он шептал слова: «Приди и присмотри за мной. о смерть». Две египетские галеры произвели салют, от которого разбились стекла купола беседки, и осколки рассыпались вокруг султана, заставив его заплакать. «В другое время, — причитал он, залпы целого флота не разбили бы это стекло, а теперь оно раскололось... Эта беседка есть беседка моей жизни». Перенесенный обратно во дворец, султан скончался на следующий день.

Первым делом его сына, наследовавшего ему под именем Мехмеда III, было удушение немymi слугами его 19 братьев — крупнейшее жертвоприношение братоубийства в истории османов. Затем Мехмед устроил торжественные государственные похороны, захоронив братьев с почестями близ могилы своего отца, в гробах, украшенных тюрбанами и пиджажем. Тем временем шесть беременных рабынь, их фавориток из гарема, были зашиты в мешки брошены в Босфор, чтобы они не смогли дать жизнь претенденту на трон. Позже Мехмед предал смерти своего собственного сына Махмуда, несмотря на его молодость, умного и энергичного человека, который упрямился отцу доверить ему командовать армиями, сражающимися с мятежниками в Анатолии. Этот факт подогревал заливное подозрение его отца. Мать Мехмеда и его любимые компаньоны были брошены в тюрьму и позже разделили ту участь.

Когда сам Мехмед после этого довольно скоро скончался, на надгробии было высечено изречение: «Всемогущий Аллах сказал: обращается в прах, кроме здравого смысла, и они вернулись к те

Мехмед III был последним наследником престола, кому довелось служить в качестве губернатора и, как следствие, приобрести опыт ведения государственных дел при жизни своего отца. Вп из-за опасения восстаний все принцы крови постоянно содержа

в Серае, отрезанные от мира в здании, известном как «Клетка», и потому не извлекая никакой пользы из подобного опыта. Мехмед всеяком находился под влиянием своей матери, венецианской фаворитки своего отца султанши валиде Баффо. Министры Мехмеда были заинтересованы в том, чтобы, следуя примеру своих предшественников, султан лично возглавил свои армии в войне против Венгрии, которая тянулась с переменным успехом уже много лет. Утверждалось, что его присутствие могло бы возродить их воинский дух после потери Грала и других турецких городов. Но султанша возражала против этого плана, боясь отпускать султана из Стамбула, следовательно, из сферы своего влияния. Вместо этого мать предпочитала устраивать развлечения сыну в виде хорошо подобранных палаток.

Слабый по натуре, Мехмед тем не менее временами испытывал приступы решимости и в конце концов, приняв во внимание страшное землетрясение и требования янычар, которые в предвидении благодарностей теперь отказывались идти в поход без своего султана, он уступил призывам министров.

Летом 1596 года Мехмед с соответствующей помпой отправился походом в Европу во главе своих армий, высшие благословленных и вдохновленных развивающимся над их головами святым знаменем пророка, которое было доставлено из Дамаска по столь чрезвычайному случаю.

Турецкие войска осадили и захватили Эгер, затем сошлись в бою с противником на равнине Мезе-Керестеп. Бой был долгим, с осложнениями (массовое дезертирство сипахов), что совершенно ослабило султана. После успешного отхода Мехмед настаивал, поседая верхом на спине верблюда, на общем отступлении, по крайней мере на своем собственном. Но после военного совета султан схватил знамя пророка, надел его священный плащ и согласился остаться со своими войсками. Картина изменилась. В это время христиане нарушили свои ряды, чтобы заняться разграблением лагеря противника. Но турецкая кавалерия пошла в атаку, и противник бежал в полном беспорядке.

Это было поражение христиан, в котором более 30 тысяч немцев и венгров были убиты и захвачены значительные трофеи, включая несколько сотен пушек прекрасной работы. Это была решающая победа турок, которая в опасный момент, безусловно, спасла для Османской империи Болгарию, Македонию, половину Венгрии и, за исключением Трансильвании, большую часть территорий к северу от Дуная, которые все еще оставались в ее руках. Империя турок держивала их еще на протяжении нескольких веков.

Тем временем султан Мехмед, который был зрителем на своей собственной победе, вернулся с облегчением и триумфом к овациям

Стамбула. Здесь он отдыхал, как и раньше, среди удовольствий гарема, передав управление делами своей матери-вещицишке. В конце октября 1603 года, как утверждают, он повстречал дервиша, который предрек, что по истечении 55 дней на него должно обрушиться большое несчастье. Измученный суеверным страхом, он скончался точно 55 дней спустя.

Подросток Ахмед, который наследовал ему, вряд ли воздержался от братоубийства только потому, что его оставшийся в живых брат Мустафа был лунатиком, а мусульмане испытывали священный почтение к сумасшедшим. Ахмед был, выражаясь словами турецкого поэта, «первый среди всех сыноней Османа, кто обладал империей до того, как прошел положенный обряд». Ахмед был, однако, вскоре подвергнут обрезанию — первый из султанов-османов, подвергнувшись подобной операции, находясь на троне. Вскоре он заразился оспой, что стало причиной свертывания обычных торжеств по случаю Байрама.

Поправившись, Ахмед продемонстрировал в своем мальчишеском возрасте определенные признаки респектабельности и даже жесткости. Когда его великий визирь отказался продолжать венгерскую кампанию без очень крупной субсидии казначейства, султан направил ему послание: «Если вы цените свою жизнь, вы немедленно отправитесь в поход». Когда янычары и сипахи Порты пожаловались задержки с выдачей жалованья и стали швырять камни в офицеров, мальчик-султан появился в ярко-красных одеждах, — это делал халиф Гарун-аль-Рашид в дни казни, — вызвал к себе их начальников и властно потребовал ответа. Ему было сказано, что жалованье этим войскам уже на пути к ним. «Почему же вы позволяете себе оскорблять мою Блистательную Порту? Выдайте виновных». После удивленного молчания один из ага ответил, что те, кто несет ответственность, не были собственными рабами султана, но чужаками, завербованными в войска для гарнизонной службы по указанию Ахмеда. Их имена были названы, и они были немедленно казнены. Их начальники, получив приказ убрать тела, были сурово предупреждены: «В следующий раз, если вы перейдете границу подчинения, я всех вас казню, без различия».

Но Ахмед по мере взросления отступился от своего первоначального обещания. Председательствуя на заседании Дивана в мае 1606 года в связи с неизбежной кампанией против Персии, для которой армия уже была сосредоточена в Скутари, султан предложил отложить. Тогда великий муфтий возразил, что бунчуковые знамена империи уже установлены на азиатском берегу, чтобы их можно было увидеть весь мир. Теперь невозможно разрушить лагерь и уйти без позора. Султан предложил ограниченную кампанию, проводимую частью армии под руководством Ферхада-паши. Муфтий поинтересовался:

...ся, не мог бы султан, если, как заявил он, государственная казна
...а, сам выделить средства, необходимые для жалования и
...анта, как это сделал султан Сулейман из своих частных денег
...своей собственной последней кампании.

На это Ахмед просто ответил, что времена изменились и то, что
...о приемлемо тогда, теперь больше не подходит. Диван был
...ущен. Таким образом, Ферхад-паша, известный как Ферхад
...чинный, направился с войсками в Азию, не имея необходимых
...на жалование или закупку припасов. Его поход был вскоре
...нан мятежом среди янычар, победивших первыми же бандами
...жников, с которыми пересекались их пути.

В остальных случаях Ахмед в ходе своего правления мало что
...а по собственной инициативе. Капризному и ограниченному в
...ениях, ему не хватало способности подбирать хороших советни-
...и он непрерывно менял великих визирей, в значительной степени
...ребованию гарема. Его обитатели, преследуя свои корыстные
...ессы, оказывали на султана все большее влияние, особенно
...льник черных евнухов, который содержал свой собственный двор,
...же пышный, как и двор его господина. Как заметил один
...иризмани-итальянец, «никто доподлинно не знает, кто является
...корнем». Гарем, кроме того, теперь распространил свое коррумпир-
...ющее влияние повсеместно, с появившимся обычаем заключения
...гов между женщинами из семьи султана и его чиновниками и
...притами. Под прикрытием этих родственных связей внутри двора
...могли свободно заниматься различными вымогательствами и
...потреблениями, опустошавшими ныне земли и деморализовавшими
...государственные службы империи.

Ахмед I скончался в 1617 году в возрасте 27 лет. Последний
...и 14 поколений султанов, в которых империя передавалась от отца
...сыну, он был наследуем своим слабоумным братом, Мустафой I,
...которого в состоянии крайнего изумления доставили из темницы в
...араль. В заточении Мустафа томился 14 лет, почитаемый
...которыми (согласно английскому посланнику, сэру Томасу Рого) как
...стой человек, поскольку ему бывали «видения и ангельские
...кровения, попросту говоря, пребывание между состоянием сумасшед-
...ного и дурака». Одним из развлечений в жизни Мустафы в
...зачении было бросать рыбам в Босфор вместо хлебных крошек
...зотые монеты. Но Диван положил конец этой привычке по
...стоянию начальника черных евнухов, который предположил, что
...то бы лучше сберечь золото для полагающихся пожертвований
...ячарам, когда он взойдет на трон.

Когда у Ахмеда появились собственные сыновья, он (так
...информирует нас Рихард Кноллес) дважды заманивая убийство
...Мустафы, стремясь сохранить прямое наследование. В первый раз,

накануне ночью, его остановили «привидения и путающие сны». Во второй раз, взбешенный видом брата, прогуливавшегося с охраной в саду Сераяля, он взял лук и стрелу и поднял руку, чтобы выстрелить в Мустафу. Но, ощутив внезапно сильнейшую боль в руке и плече, султан воздержался от выстрела, заключив, что пророк не хочет, чтобы Мустафа умер. Таким образом, доведенный до невменяемости своим длительным заключением, Мустафа вышел теперь на трон. Сразу же стало очевидным, что он править не может. Вскоре он был смещен и отправлен обратно, в место своего уединения, а султан стал его племянник, четырнадцатилетний сын Ахмеса Осман.

Его восшествие на трон было ускорено янычарами, которые теперь фактически господствовали в столице и которые с появлением нового правителя выигрывали от двух существенных денежных выплат в течение всего лишь трех месяцев. Малолетний Осман вынашивал мечту о воинской славе в подражание своему предку Сулейману Законодателю. От отличался умением владеть оружием и был известен тем, что демонстрировал свое мастерство владения луком, ставя перед собой в качестве живых мишеней военнопленных или даже собственных пажей. Хотя относительный мир теперь господствовал на обоих внешних фронтах, Осман настаивал наперекор совету своих министров на развязывании войны против Польши. Предлог для этого мог быть найден и периодически возобновляющихся пограничных конфликтах из-за хищений рабов и скота между вассалами султана крымскими татарами и казаками Украины, которые считались подданными Польши.

Вдохновленный предыдущей победой османов, султан собрал в 1621 году армию, которая была самой крупной, чем любая иная со времени Сулеймана. Одевшись в доспехи, которые принадлежали его предку, Осман повел свою армию через Адрианополь и через Дунай к берегам Днестра. Это был трудный поход, осложненный ранним наступлением зимы, мятежным духом наемников и многими другими неприятностями. Постройка моста через реку сопровождалась безрезультатными атаками, проводившимися за рекой на укрепленный опорный пункт Хотин, который был хорошо подготовлен к обороне. Войска султана были недовольны и (как выражается Кноллес) «скорее умерли бы, убежав, занимаясь грабежами или же кушая, чем встретив врага лицом к лицу», тогда как сам султан, хотя и был вполне готов подвергнуть собственную персону риску боя, не смог в отличие от своих предшественников убедить солдат сражаться. Вследствие этого Осман был вынужден отступить с тяжелыми потерями и обратиться к полякам с предложением мира. После этого султан вернулся в Стамбул, заявляя о победе. Но, как сообщалось в Лондон: «Великий господин вошел в Стамбул 1 января, одетый как простой солдат, без

большого обоза и с меньшей помпой. Его потери в этой войне были исключительно большими, особенно в лошадях».

Юный Осман настроил против себя янычар не только своей неудачей в сражении, за которую на самом деле именно они должны были получить основное изыскание, но и серьезной ошибкой, а именно проявлением крайней скупости, в чем янычары поспешили тут же обвинить султана.

То ли в силу жадности Османа, то ли из-за угрожающего уменьшения имперской казны, но выплаты жалованья и размеры дополнительных доходов упали ниже ожидавшегося янычарами уровня. Солдаты жаловались, например, на то, что вознаграждение, выплачиваемое за голову врага, отсеченную в бою, составляло теперь не более одного дуката — и ожидалось, что ради этого человек будет рисковать своею собственной головой.

Янычары также возмущались, как и многие другие подданные султана, его привычкой крадучись бродить по улицам города, нередко ночью и переодетшись, вместе с несколькими чиповниками из дворца, «заглядывая в дома и таверны подобно младшему офицеру», чтобы обнаружить случаи нарушения его законов против потребления вина и табака, приказывая арестовывать и подвергать наказаниям их нарушителей. В ходе таких посещений его главный садовник приобрел репутацию злейшего человека, который швырял в Босфор янычар и сипахов, застигнутых в винных лавках, и отправлял пьяных солдат на галеры в качестве рабов.

Янычары действительно стали представлять для империи серьезную угрозу. Будучи на протяжении веков сильным родом войск османов и их имперских завоеваниях, они теперь в своей алчности и недисциплинированности утрачивали боевые качества за границами своей империи и превращались в подрывную силу внутри страны. На поле боя они среди современных иностранных армий все больше приобретали репутацию бездарных и даже тупоумных людей с оружием в руках. Янычары, по наблюдениям их противников, были по-прежнему быстры на ногу и остры на глаз, но только ради того, чтобы как можно быстрее уловить момент, когда сипахи начинали колебаться, и затем бежать настолько стремительно, насколько можно, с поля боя. В столице, поскольку один, не отвечающий требованиям султана, сменял другого по воле коррумпированного Сераля, янычары превратились в неподконтрольную силу и средоточие мятежных настроений.

Восемнадцатилетний султан Осман, до возмущения уязвленный позором превращения «в подданного своих собственных рабов» и подталкиваемый советниками, известными своим отстаиванием идеи реформы, придумал изощренную схему противостояния такой угрозе своему суверенитету. Движущей силой этой схемы был доставленный с азиатских границ империи «человек великого ума» по имени

Дилавер-паша Храбрый. В качестве губернатора большой провинции Диарбакыр он пользовался особым уважением в этих воинственных регионах из-за присущей ему силы. Поэтому было решено, что Дилавер-паша наберет из числа их выносливых обитателей и в сотрудничестве с их провинциальными губернаторами большую азиатскую армию, чтобы служить султану в качестве новой милиции. Призванная действовать как противовес придворным войскам Станбула, эта армия должна была состоять из примерно сорока тысяч человек, включая большой отряд курдов и представителей других воинственных племен наряду с отличавшимися дисциплинированностью наемными подразделениями из Египта и Сирии. Когда армия будет собрана, султан отправится в Азию и оттуда приведет обратно в столицу, где целью Османа было подавление янычар и сипахов.

Чтобы не афишировать всю эту операцию, весной 1622 года было объявлено, что султан собирается отправиться со своей личной свитой паломником в Мекку. В действительности же Осман намеревался проследовать в Дамаск в Сирии, где альтернативным предлогом было подавление восстания друзов. Но, к несчастью, Осману по молодости лет и неопытности не хватало осмотрительности, требующейся в столь амбициозном предприятии, успех которого зависел от строгой секретности.

Тем более что его министры разделились в своих взглядах на этот план. Великий муфтий открыто противился всему затеянному и пытался предотвратить отъезд султана «в Мекку». Более того, янычары и сипахи довольно скоро заподозрили неладное происходившем, когда были отданы приказы о переброске шатров султана и его свиты в Азию. В самом деле, Осман готовился к тому, чтобы увезти все свои драгоценности и казну и «вообще не то, что могло бы быть конвертировано в драгоценные металлы».

В ответ на такие действия янычары были полны решимости восстать. Они толпами собирались на ипподроме. Оттуда «многочисленным голосом» воины направили султану требование сдать министров-обидчиков. Получив отказ, солдаты ворвались во дворец великого визиря и еще одного министра и разграбили их. Султан уступил им, дав обещание отказаться от своей поездки в Азию. Тогда не менее теперь разъяренные янычары ворвались непосредственно в Сераль, который, в нарушение всех мер предосторожности со стороны Османа, желавшего иметь внутри дворца преданный только ему вооруженный отряд, в основном оборонялся его садовниками. Здесь по мере того как нарастала их ненависть, янычары провозгласили беспрецедентное намерение напасть непосредственно на священную особу самого султана.

Когда инсургенты собрались во дворе дворца, раздался возглас: «Мы хотим султаном Мустафу!» Немедаленно остальные повторили призыв и толпами разбежались по помещениям дворца в поисках Мустафы. Задержанные воротами гарема, солдаты сорвали часть крыши и, спустившись вниз по шпурам занавесей, пашли слабоумного Мустафу в темнице, где он провел последние три дня без еды и питья, в компании двух негров-рабов. Припеся ему воды, мятежники схватили его, пораженного страхом за свою возможную судьбу, и увели, чтобы еще раз провозгласить султаном. Вскоре после случившегося великий визирь и начальник черных евнухов вошли через двери гарема, чтобы попытаться остановить мятежников, и были разорваны на куски. Мать Мустафы, султанша валиде, взяла сына под свою опеку, стремясь успокоить словами поддержки: «Иди, мой лев», — а затем принялась за формирование нового правительства от его имени.

Тем временем войска продолжали поиск Османа, который бежал из своих апартаментов во дворе. Он был найден в своем тайнике, жалкая фигура, одетая в нижнее белье и тюбетейку, сипахом, который презрительно снял свой собственный тюрбан и водрузил его на голову султана, а затем заставил его ехать на старой кляче сквозь оскорбительные выкрики насмешливой толпы к казармам янычар. По пути туда они наткнулись на труп его бывшего великого визиря и фаворита Хусейна, которого обезглавили восставшие. При виде тела, лежащего посреди дороги, Осман горестно сказал: «Он невиновен. Если бы я последовал его совету, это несчастье никогда не обрушилось бы на меня». В казармах, почти плача, султан обратился к тем, кто захватил его, с вопросом: «Что вы предполагаете сделать со мной? Вы превратите империю и мою, янычары, собственную жизнь в руины».

Затем, сняв тюрбан, Осман жалобно повернулся к лидерам восставших, умоляя: «Простите меня, если я обидел вас, не подозревая об этом. Вчера я был падишахом. Сегодня я раздет донага. Пусть я послужу вам примером. Вы также можете претерпеть превратности судьбы в этом мире». В присутствии нового великого визиря и султанши валиде он умолял, когда столкнулся с угрозой быть удушенным с помощью шнурка, дать ему возможность обратиться к его «слутам», войскам, находящимся снаружи.

Окно было открыто, и несчастный юноша произнес последнюю речь. «Мои аги сипахов и вы, старшие по возрасту из янычар, кто годится мне в отцы, с юношеской неосторожностью я прислушался к плохому совету. Почему вы унижаете меня подобным образом? Вы больше не хотите меня?»

Ответом на это был единодушный выкрик: «Мы не хотим ни тебя, ни твоей крови». После этого Османа препроводили сквозь

большую толпу народа в наводящую ужас тюрьму Семибашенного замка. Позже, уснув от переутомления, он был грубо разбужен в своей камере Даудом-пашой, сопровождаемым тремя приспешниками, которые сразу же навалились на Османа. Будучи молодым и сильным, он отчаянно боролся. Но в конце концов (как пишет сэр Томас Рой) «сильный негодяй нанес ему удар по голове боевым топором, остальные навалились на него и удушили без особых хлопот». Затем у Османа отрезали одно ухо и отправили султану валиде, которая дала разрешение на казнь. Похороны султана состоялись вечером того же дня. Хотя братоубийство было обычным делом, это был первый случай убийства коронованной особы, запятнавший атшалы Османской империи. Его жертва, по словам Роя, был «первым императором, на которого когда-либо они наложили руки; фатальный признак, я думаю, их упадка».

Вслед за убийством Османа среди янычар и сипахов последовала акция раскаяний. «Теперь они оплакивали своего мертвого суверена столь же искренне, сколь безрассудно гневались». Увлеченные общей истерией толпы и столкнувшись со столь незначительным сопротивлением, солдаты смело рвались вперед, в итоге выйдя за пределы своих первоначальных намерений и действуя вопреки своим конечным целям, подчинившись султану-идиоту, пребывавшему в состоянии абсолютного замешательства. По мере того как Мустафа стал понимать, что же именно произошло, он выразил печаль в связи со смертью Османа, отдав указ, чтобы его убийцы были наказаны. Но позже в своем слабоумии он забыл, что Осман мертв, и метался по Сералю, ища его, стучась в двери и прося своего племянника освободить его от бремени власти. Неспособный править, Мустафа, тем не менее, оставался на троне на протяжении 16 месяцев.

Анархия приняла такой характер, что вызвала предсказание сэра Томаса Роя: «Я не могу сказать ничего больше, кроме того, что помезнь, которая работает изнутри, должна разрушить эту империю. Мы каждый день ожидаем новых изменений и кровопролития. Мудрые люди отказываются стоять у руля, а глупцы скоро загонят себя и других на скалы. Если бы имелась наготове хотя бы одна гила, способная воспользоваться преимуществом, в мире не было бы более легкой жертвы, чем эта». «Империя, — снова писал он, — подобилась телу старого человека, в котором сосредоточено столько болей, которые остаются, когда юность и сила уходят». Тем не менее должны были пройти еще два с половиной века, прежде чем у «старому телу» миром был поставлен диагноз «больного человека Европы».

Теперь действующим инструментом правительства стала женщина, Султанша валиде, с расколотой надвое солдатской массой в качестве опоры, стоящей за тронном ее сына. Официальные посты стали предметом интриг и участия одной или другой из этих двух кланов, распределяемыми согласно капризу или покупаемым за деньги.

Министры стали весьма щедрыми в своих назначениях на более высокие посты и в подкупах партии, одерживающей в данный момент верх, а также в повышении жалования как янычарам, так и сипахам. Великие визири быстро сменяли друг друга после того, как Дауд-паша был смещен войсками под благовидным предлогом, что он отдал приказ о казни Османа.

Его преемником стал Мере Хусейн-паша, албанец, «тиран, ненавидимый всеми людьми», который начал свою карьеру поваром, а позже приобрел дурную славу египетского губернатора-мздоимца. На протяжении всего срока своего пребывания в должности визиря Хусейн-паша систематически пастривал янычар против сипахов, давая им дополнительные привилегии и денежные вознаграждения за государственный счет, и, наконец, открыл янычарам склады султана с повелением: «Бери где хочешь свое мясо, свои свечи и все, что тебе нужно. Слава Богу, падишах достаточно богат!» Сипахи в свою очередь также восстали и потребовали, чтобы он переплавил для них все серебряные и золотые изделия, имевшиеся в Серале. В Стамбуле не прекращались грабежи, убийства и поджоги, словно в городе, который взяли после осады.

Когда янычары и сипахи вместе повернули против Хусейна, султанина, полностью скрытая вуалью, но тем не менее в противоположение с законами Корана, публично появилась перед ними, чтобы спросить, какого из кандидатов они предпочли бы теперь в качестве великого визиря. Вразумительного ответа не последовало, и пост был пожалован одному из тех, жена которого была няней султана. Когда восставшие в свою очередь потребовали его снятия на том основании, что он назначил погонщика осла и трубача в качестве муэдзина Айя-Софии и мечети султана, он был сразу же заменен другим, третьим великим визирем за четыре месяца, с тем чтобы быть смещенным из-за тиранических причуд солдаты. Это стало сигналом к возвращению к власти Хусейна, «который потреблял общественное богатство с такой быстротой и извлекал деньги из карманов частных лиц настолько жестоко, что даже получатели были напуганы и утомлены и наиболее умные предвидели свой собственный конец в этом всеобщем поглощении».

События развивались критически ввиду за взрывом, незадолго до казни Османа, восстания в Азии, поднятого губернатором Эрзурума Абаза Мехмед-пашой, мнимой целью которого было отомстить за смерть султана.

Заклятый враг янычар, Мехмед-паша был, несомненно, сообщником султана в его планах разгрома янычар с помощью Азиатской армии. Со своей собственной большой нерегулярной армией и с помощью других мятежных сил страны Мехмед-паша вскоре уже контролировал большую часть Центральной и Восточной Анатолии.

этой территорией он будет господствовать, продолжая истреблять ка султана, на протяжении пяти предстоящих лет. После этого улемов поднять восстание в Стамбуле гражданские и военные элементы провели совет и обеспечили назначение новым великим визирем Али-паше, имевшему репутацию честного человека. Они же призвали безумного Мустафу отказаться от трона, что «он отказался, говорят они, с большой радостью». Младший брат Османа, Исмаил, «истинный наследник», был затем избран султаном, оказавшись приемлемым как для янычар, так и для сипахов. Они даже боялись ввиду полного истощения государственной казны отказа от подношения, причитавшегося по случаю восхождения на трон.

Таким образом, в 1623 году султан Мурад IV, четырнадцатилетний мальчик, еще не видевший жизни, но «толстый и живой наружности с мягкой осязкой» совершил свой первый торжественный въезд в Стамбул. По крайней мере в тот момент все казалось ясным и оптимистичным. Спасая себя на краю пропасти, Османская империя вдруг вдохнула воздух. Обладая жизнелюбивым характером, она возлагала надежды на новую жизнь и обретение силы под началом нового султана, достаточно смелого для того, чтобы выполнить свою задачу.

Но, в чем государство османов нуждалось и чего оно заслуживало при данных обстоятельствах, была власть тирана, которая могла установить железную дисциплину и противостоять его вооруженным силам и ненадежным союзникам; власть суверенна, чтобы выдержать насилие столь же беспощадно, как это делали и они, чтобы не быть уважать власть закона, которую они низвели до презрения. Именно в такого властелина превратился Мурад IV, по мере взросления, чтобы стать за отведенный ему непродолжительный период управления турецким Нероном. По словам Эвлия Челеби, влиятельного турецкого писателя и путешественника, пользовавшегося покровительством двора, «Мурад был наиболее кровавым из османских султанов».

Новый султан, традиционным способом опоясанный мечом в день Эюба, проследовал в Серай, где совершил молитву ради того, чтобы его служение в качестве высшего правителя было угодно Богу и его народу. Затем, соблюдая обычай восходивших на трон султанов, он проследовал в имперскую казну. Здесь, как гласит запись в летописи, «не было видно никаких сосудов из золота и, кроме

В действительности Мураду IV в то время было одиннадцать лет. — Прим. ред.

ценужного хлама, обнаружилось лишь шесть мешков монет (30 тысяч пиастров), сумка с кораллами и сундук с китайским фарфором. Увидев это, султан Мурад наполнил казну своими слезами и, дважды склонившись в молитве, сказал: «Иншаллах («даст Бог»), я заполню эту казну богатством тех, кто их украл, и наполнил еще пятьдесят хранилищ в дополнение к этому». Действительно, содержимое имперской казны упало до такого низкого уровня, что визири были вынуждены — со скромным успехом — обращаться к некоторым послам с просьбами о займах, основываясь на том, что в прошлом они были обязаны платить дань. Мурад, однако, умудрился найти 3040 мешков денег в своей собственной частной казне, которые по его приказу раздали янычарам в течение месяца после его восхождения на трон, несмотря на тот факт, что ранее солдаты отказались от них.

Однако должно было пройти почти десять лет, прежде чем Мурад стал достаточно взрослым, чтобы лично взять в руки бразды правления. Его мать, гречанка по происхождению (султанша валиде), держала их в своих руках на протяжении всего его несовершеннолетия с энергией и умением. Но при всех ее благих намерениях султанша мало что могла сделать с недисциплинированностью солдатских масс или же с коррупцией в чиновничьей среде. На периферии империи, пока Малую Азию раздирали гражданская война и восстание, персы вернули себе Багдад и провинцию Эривань, восстали племена в Ливане, губернаторы Египта и других провинций не проявляли особой лояльности, государства берберов утверждали свою независимость, восстали крымские татары, захватив в плен так много турок, что их рыночная цена упала до стоимости порции бозы — напиток из перебродившего проса, тогда как промышлявшие мародерством казаки совершали набеги на Черноморское побережье, проникая в Босфор и угрожая непосредственно пригородам столицы. Тем не менее сохранялось некоторое подобие традиционной власти, чтобы сделать из мальчика Мурада, по мере взросления обостренно впитывавшего знания и жадно наблюдавшего за ходом событий, сильного человека, озабоченного будущей судьбой своего государства.

Повзрослев, Мурад превратился в мощного, энергичного молодого человека с суровым, свирепым выражением лица. Никогда еще не было турецкого правителя, считает Эвлия, «столь атлетичного, столь хорошо сложенного, столь деспотичного, столь страшного для врагов или столь возвеличиваемого». Ходило множество легенд о его физической силе. Мурад был настолько сильным стрелком и лука, что мог пустить стрелу дальше пули, выпущенной из ружья, так что она могла пробить лист металла толщиной в четыре дюйма; столь умелым метателем копья, что мог легко пронзить щит, сделанный из

десяти верблюжьих шкур. Он мог метнуть дротик на немислимое расстояние и однажды таким образом убил ворона, севшего на минарет в миле от него. Как наездник, каждый день демонстрирующий на ипподроме свое умение сидеть в седле, молодой султан мог легко перепрыгнуть на полном скаку с одной лошади на другую. Хвастаясь силой своих мускулов, он был вызывавшим восхищение бардом «подобно самому пророку Мухаммеду». Эвланя заявляет, что он однажды видел, как султан поднял над головой двух своих дюжих оруженосцев и швырнул их — одного в правую, а другого в левую стороны. Однажды, играючи, он схватил Эвланю в качестве своей жертвы: «Он схватил меня, подобно орлу, за пояс, поднял над головой и раскрутил так, как это делают дети, когда крутят что-то над головой». Наконец Мурад со смехом отпустил его и дал в награду шорк восемь золотых монет.

Вскоре, однако, подобные акробатические трюки приобрели кровавый оттенок, поскольку события все в той же знакомой форме мятежа дворцовых войск ускорили принятие Мурадом действенных мер как султаном. В 1632 году сипахи Порты на протяжении трех дней подряд собирались толпами на ипподроме. Торговые лавки сразу закрыли свои двери, а в городе и в самом дворце воцарился террор.

Мятежники требовали, ни много ни мало, головы семнадцати конкретно названных чиновников и фаворитов султана, включая великого визиря Хафиза Ахмед-пашу, а также муфтия. Хафиз был родственником Мурада, к которому тот был особенно привязан и который во время недавней кампании развлекал султана своими донесениями в стихах. Облеченные в поэтические образы, навешанные игрой в шахматы, эти донесения вдохновляли султана также отвечать в стихах. Сейчас, ворвавшись в первый двор Сераля, мятежники забросали Хафиза камнями и заставили спешиться в момент, когда тот ехал на заседание Дивана. Тут же освобожденный своими сторонниками, он передал свою служебную печать султану и скрылся, по его приказанию отплыв на лодке через морские ворота дворца в Скутари.

Мятежники между тем проникли во второй двор и столпились у стен здания, в котором заседал совет, настаивая на том, чтобы султан провел заседание Дивана в их присутствии. Мурад выпел, чтобы обратиться к войскам и выслушать их требования. В ярости толпясь вокруг него, солдаты упорно требовали выдачи семнадцати предателей, угрожая разорвать их на куски. Иначе, предупреждали они, могут возникнуть серьезные беспорядки. Видя в этом буйстве реальную опасность для себя, Мурад, тем не менее, с достоинством ответил: «Вы не можете услышать меня. Тогда зачем вы позвали меня сюда?». Охраняемый паиками, он после этого ушел, преследуемый кричавшими солдатами до ворот внутреннего двора.

Новый визирь, Реджеб-паша, стал после этого случая убеждать юного султана, что восстание войск можно будет успокоить, только если он выполнит их требования: «Лучше голова великого визиря, чем голова султана». Против собственного желания Мурад, смирившись с поражением, послал за своим другом Хафизом, которого он встретил у морских ворот. Взойдя на трон, султан обратился к делегации сипахов и янычар со страстной речью, умоляя их прервать достоинства халифата своей жаждой крови. Тогда Хафиз предстал перед султаном и сказал: «Великий падишах, разреши тысяч рабов, подобных Хафизу, умереть ради безопасности твоего трона. прошу тебя только об одной вещи: не нанеси мне удара сам. Отдаю себя этим безумцам, чтобы я мог умереть смертью мученика, и моя невинная кровь прольется на их головы». Затем Хафиз наклонился, чтобы поцеловать землю, произнес молитву и сделал решительный шаг в сторону своих палатей. Он сопротивлялся им, свалив первого из нападавших ударом в голову, но остальные набросились на него с кинжалами, нанеся семнадцать ран. После этого янычар коленом прижал к земле его грудь и отрубил голову. Пажи Серала накрыли тело зеленым саваном для захоронения.

Султан, тронутый до слез мужественным поступком своего друга, стремительно направился в свой дворец и, задержавшись перед входом, он заявил толпе: «Если будет Божья воля, вас ждет ужасное возмездие, вас, низкие убийцы, не страшатся Бога и не испытывают чувства стыда перед пророком». Не приняв его слов всерьез, мятежники добились смещения муфтия и продолжали открытую обсуждать вопрос о самом Мураде. Но их ряды были снова расколоты, не только как и в прошлом, между янычарами и сипахами, но также между экстремистами и небольшой частью умеренно настроенных, шокированных воцарившимся разбоем, ставших постепенно переходить со своим оружием на сторону султана.

Мурад, сгорающий от стыда из-за испытанного унижения, жаждущий возмездия, опасаясь, что его может постигнуть судьба султана Османа, исполнился решимости впредь проводить политику «убей или будешь убит». Хорошо осведомленный о том, что вероломной силой стоявшей за восстанием, был преемник Хафиза на посту великого визиря, Реджеб-паша, давший совет, чтобы Хафиз сдался, султан решился действовать. Однажды утром, когда Реджеб возвращался домой после заседания Дивана, его догнал камергер, вновь пригласивший его во дворец. Там Реджеба, ожидавшего, что его примет султан, ввели в комнату, в которой находились одни только черные евнухи, предвестники рокового конца, жестами пригласившие визиря в соседнюю палату. Медленно и болезненно передвигаясь из-за приступа подагры, он вошел и услышал команду султана: «Вход, хромой мятежник!» Не обращая внимания на протесты визиря и

версия в невинности, султан продолжал: «Проси о воде для омовения, безбожник!» И прежде чем Реджеб успел обратиться с просьбой, султан властно приказал сынухам: «Немедленно отрубите предателю голову». Приказание было исполнено, и труп Реджеба тутчас выбросили за ворота дворца. Зрелище вызвало ужас у группы мятежных солдат, которые сопровождали своего господина, но теперь в тревоге разбежались. Так, противник был эффективно бит его же оружием.

С последним вздохом Реджеба и началось настоящее правление Мурада IV, свободного теперь от ига своих визирей и опеки со стороны матери. Власть чиновников была сломлена. Следующим шагом он должен был сломить тиранию своих вооруженных сил. С этой целью султан созвал в павильоне на берегу Босфора публичное заседание Дивана. Сидя на троне с расположившимся по бокам от него отрядом верных ему стражей и в присутствии муфтия, видных судей, старших чиновников и двух военных командиров, которые приняли его сторону против восставших, он вызвал депутацию сипахов, а затем обратился с речью к янычарам, которых привели к нему. Обращаясь к солдатам со словами из Корана, как к верным слугам, слепо подчиняющимся своему господину, Мурад обязал их перестать защищать восставших из корпуса сипахов. В ответ они криками подтвердили свою верность: «Мы рабы падишаха; мы не защищаем восставших; его враги — наши враги». На этих условиях они дали клятву верности на Коране, передававшемся из рук в руки.

После этого султан обратился к старшему из сипахов, прибывших в Диван в качестве представителей: «Вы другие, сипахи, вы странное войско, и вас трудно заставить понимать справедливость. Вас сорок тысяч, и все вы хотите должностей, хотя количество мест, имеющихся в наличии во всей империи, не более пятисот. Ваши требования губят государство, ваши домогательства опустошают его. Сובлазн получить должность увеличил среди вас число мятежников, которые, отказываясь прислуживаться к старшим и умным людям, подобным вам им, проводят свое время в преследовании людей, в опустошении благотворительных учреждений, создавая вам ужасную репутацию из-за тиранства и мятежности».

В ответ на это старшие из сипахов настаивали, что лично они признают верность султану, но что контроль всех рядовых выходит за пределы их возможностей. Султан ответил, что они должны выдать ему главных защитников и дать клятву верности, как это сделали янычары. Сипахи подчинились. Наконец султан призвал к ответу судей. «Вы обвиняетесь, — сказал он их старшим, — в продаже своих судебных решений за деньги и в разорении подданных империи». На это они ответили, что никто из них не стал бы

подобным образом угнетать народ. Но они не в состоянии гарантировать свободное и независимое отправление правосудия из-за насилия со стороны силасхов во время проводимых тем же собственными сборов налогов. Кадискер Румелии заявил, что за противодействия этим вымогательствам помещение его суда подверглось нападению, а дом был разграблен. На это арабский судья из Азии встал, обнажил свою саблю и с горящими глазами заявил: «Мой падишах, единственным лекарством против всех этих злоупотреблений является ятаган». Таков был принятый приговор, подтвержденный клятвой. Все подписали указ, обязывающий подписавшихся бороться со злоупотреблениями и восстанавливать общественный порядок.

Дела теперь следовали за словами. Введенное Мурадом правление террора положило конец военной анархии. По его приказу доверенные сторонники и хорошо подготовленные шпионы прочесывали Стамбул, выслеживая известных предателей и вожakov восстания, казня их на месте мечами или расстреливая из луков и сбрасывая их тела в Босфор, который возвращал их омытыми на берег на обозрение толпы. Войска, лишенные своих лидеров и союзников, были зачутаны и хранили молчание.

Мурад, сильной руки которого теперь боялись больше, чем любого султана-предшественника, мог ездить среди них в одиночку, днем или ночью, переодетым или в открытую, разгоняя незаконные собрания, собственной рукой наказывая нарушителей распоряжений полиции. Позже, чтобы лишить публику центров ее встреч и возможных беспорядков, Мурад закрыл в городах империи все кофейни и винные лавки — не на временной основе, а до конца своего правления — и объявил незаконным курение табака. Нарушители застигнутые ночью за курением трубки, употреблением кофе, распиванием вина, рисковали быть тут же повешенными или заколотыми, а их трупы — должны были выбрасываться на улицу в качестве предупреждения другим.

По мере того как шло время, Мурад стал все больше испытывать жажду крови. Сначала осуществлявшиеся им казни оправдывались бесспорной виной; затем они стали более огульными, но все еще зависящими от подозрения в наличии вины, хотя и малообоснованной. Но в итоге султан стал убивать, невзирая на отсутствие каких-либо подозрений, просто ради убийства, из-за беспричинного каприза или импульсивного внезапного приступа. Погрязнув в кроваво-вакханалии убийств, он полностью утратил уважение к человеческой жизни. Приближение султана повсюду вызывало полное ужасное молчание, когда все, подобно его глухонемым слугам, вели себя словно немые, общаясь не словами, а с помощью мимики и стука от страха зубами.

Его чудовищно жестокие поступки стали легендой. Потребованный шумным весельем группы женщин, тапцевавших на лужайке у кромки воды, он поймал их всех и утопил. Он убил одного из своих працев, заставив того принять сверхдозу собственного опиума. Он прогнал насквозь послыльного, ошибочно сообщившего ему, что султаниша родила сына, тогда как на самом деле родилась дочь. Он обезглавил своего ведущего музыканта только за то, что тот исполнял персидскую мелодию и тем самым, как казалось султану, прославлял врагов его империи. Когда пользовавшийся расположением султана дервиш поддел его, назвав «господином мясником», Мурад посмеялся над шуткой. «Месть, — мог сказать он, — никогда не становится старой, хотя она может сесть». Утверждают, что за пять лет по его приказаниям были загублены двадцать пять тысяч человек, многие из которых прижили смерть от его руки.

Тем не менее тирания Мурада спасла его империю от гибели. Был положен конец всевластию местных тиранов. Он наказывал не простых людей, а тех, кто правил ими. Его невероятно жестокое правление восстановило порядок. В казармы вернулась дисциплина, в суды — справедливость. Мурад реорганизовал и укрепил армии, регулярную и нерегулярную, вынашивая планы военной реформы. Он провел реформу суда. Он увеличил доходы империи, которые теперь честно собирались и добросовестно распределялись. Он лишил сипахов их привилегий в управлении благотворительными фондами¹ и другими правительственными учреждениями. Мурад устранил лазейки для злоупотребления в феодальной землевладении и проявил законодательную инициативу по надсажающейся защите крестьянства.

Наиболее беспощадные цели Мурад имел в отношении Азии. Его первая вылазка на другую сторону Босфора была недолгой. Следуя в Бурсу, он обнаружил, что дороги плохо ремонтируются, и немедленно повесил судью Никомедии. Это произвело фурор среди умов в Стамбуле. Султан послепил домой, где приказал казнить того же муфтия — первого, кто встретился с подобной судьбой от руки султана. В Малой Азии восстание было в конце концов подавлено после пяти лет борьбы, но его вождь, Абаза, был помилован султаном, раздразнившим его ненависть к янычарам. После срока службы в качестве губернатора Боснии Абаза был вызван в Стамбул, чтобы служить в качестве их начальника — аги. Он исполнял свои обязанности без чувства жалости. Но Абаза перестал быть фаворитом из-за интриг его врагов, которые настроили Мурада против губернатора и довели дело до казни.

¹ Здесь автором допущена неточность. На самом деле благотворительные фонды были частными. — *Прим. науч. ред.*

Наконец весной 1635 года султан взялся за свою военную кампанию в Азии. Она началась как сопровождавшееся жестокостями посещение его азиатских владений, как кровавый, инквизиторский марш, каждая остановка во время которого оборачивалась жестокой резней среди его некомпетентных или подозреваемых чиновников, толпами собиравшихся в тревожной надежде поцеловать стремя султана. После торжественного въезда в Эрзурум в рядах своих янычар и sipахов султан отправился отбивать у персов Эривань. В войсках им поддерживалась строжайшая дисциплина, но в духе его предшественников войска были хорошо оснащены всем необходимым, его военачальники пользовались уважением, а он лично делил с воинами все тяготы походной жизни. Мурад вдохновлял своих командиров на подвиги и поощрял войска подношениями в виде серебра и золота. «Не знайте усталости, мои воины, — мог он крикнуть им, — пришло время расправить крылья, мои соколы!».

После Эривани он направил чиновников подготовить свой победоносный въезд в Стамбул. Султан также дал им секретное поручение задушить двух своих братьев. Это был акт, который он считал политически неоправданным тогда, когда он взойшел на трон, но для осуществления которого миг победы теперь казался подходящим. Крики ужаса братьев — так он надеялся — будут поглощены криками триумфа народа; факелы двух похоронных процессий померкнут перед праздничным блеском городской иллюминации.

И снова в самом начале лета 1638 года на холмах Скутари султан Мурад водрузил свой семибунчуковый имперский штандарт и начал свою вторую и последнюю военную кампанию. Ее целью было возвращение города Багдада, укрепления которого были повержены в точном соответствии с планом через сто десять дней похода, определенными интервалами для остановок в пути. Существовала традиция, согласно которой Багдад, впервые аннексированный Сулейманом, может быть захвачен только лично сувереном. Сильная оборона города была хорошо организована и велась обученными мушкетерами, и только после сорокадневной осады — в годовщину завоевания Родоса Сулейманом — крепость пала, уступив бою умелому руководству Мурада. Он подал своим людям решительный пример, надев мундир янычара, чтобы собственноручно работать траншеями и лично наводить орудия. Когда в ходе вылазки гяуры перс бросил вызов храбрейшему из турок провести личную схватку, это был (как гласит легенда) именно султан, который принял вызов, раскрыв своему противнику череп до подбородка одним ударом меча. Захват города, по приказам султана, сопровождался массовыми резней как войск, так и населения. После этого султан вернулся домой, чтобы совершить свой второй триумфальный въезд

Иван Мурз IV (1623—1640).

Стамбул. На этот раз он надел парад из персидских лат с наброшенной на плечи леопардовой шкурой, и его сопровождали двадцать два закованных в цепи персидских военачальника, которые были прикованы к имперским стремянам его коня. Вскоре после этого с Персией был подписан мир на тех же условиях, которые были предложены Сулейманом век тому назад — последний такого рода мирный договор, заключенный победоносным сувереном турок, который в традициях гази лично предводительствовал своими армиями. Багдад был удержан, но Эривань возвращена персам, которые вновь захватили город. После возвращения из Багдада Мурад, хотя и испытывал затруднения из-за приступов подагры и радикулита, но намеревался предпринять меры по подавлению мятежа в Албании. Он основательно занялся работой, связанной с попыткой возродить военно-морскую мощь турок и, как считали, замышляла войну против Венеции. В долгосрочной перспективе он планировал осуществить фундаментальные военные реформы, нацеленные на создание меньшей, но регулярно оплачиваемой и полностью профессиональной армии.

Но в начале 1640 года он скончался после продолжавшейся две недели лихорадки в возрасте двадцати восьми лет. Его кончина была ускорена пылыми дебошами, которые султан устраивал со своими компаньонами — в полном контрасте с теми запретами, которые он налагал на своих подданных. К тому же Мурада терзал суеверный страх ввиду случившегося солнечного затмения и его последствий.

Когда Мурад понял, что состояние его безнадежно, он решил остаться в истории последним владыкой своей династии. Султан отдал распоряжение казнить своего единственного оставшегося в живых брата Ибрагима, единственного наследника по мужской линии дома Османов. Его жизнь была спасена благодаря вмешательству султанши валиде. Султана заверили, что его приказ выполнен и что его брат мертв. Дьявольская усмешка появилась на лице Мурада, но он продолжал требовать, чтобы ему показали труп, и пытался ради этого встать с постели. Обслуживавшие его люди снова уложили султана в постель, и тот умер под соответствующим случаю молитвы в присутствии имама, ожидавшего его конца.

После этого продуктивного периода тираннии и возрождения Османская империя вновь погрузилась в беспорядки и упадок. В личности султана Ибрагима династия познала глубины человеческого несоответствия, не сравнимые ни с чем в прошлом. Воспитывавшийся исключительно в Серале, фактически в заточении, часто находясь в состоянии страха, Ибрагим был слабым, безвольным человеком, унаследовавшим от своего отца только жестокость и ничего из его добродетелей. Безответственный, с неустойчивым нравом и бесприн-

ниным характером, корыстолюбивый по своей сути человек, он любил заниматься лишь своим гаремом, всячески ублажая свои фривольные настроения и желания.

По его распоряжениям баня города подвергались осмотрам, чтобы находить красоту для его любовных утех. Лавки ювелиров и европейских купцов подвергались ограблениям, чтобы удовлетворять нелепые причуды и увлечения султана. Фавориткам разрешалось бесплатно брать на базаре все, что им захочется, а ради удобства тех, кто не любил заниматься покупками в дневное время, владельцам лавок и магазинов предписывалось держать их помещения открытыми ночи напролет. Одна особенно изощренная любовница захотела видеть султана с бородой, разукрашенной драгоценными камнями, и он появился на публике декорированным подобным образом, к неодобрению многих турок, которые истолковали это как зловедущую традицию, заимствованную из времен фараонов. Для нужд другой фаворитки за огромную цену была изготовлена коляска, вся инкрустированная драгоценными камнями.

Сам султан был помешан на запахах, особенно амбры, и на мехах, наложив на своих подданных налог на амбру и налог на меха при их приобретении в натуре или же в их денежном эквиваленте. К этому его подтолкнула одна пожилая женщина, которая, по ночам рассказывая истории женщинам гарема, поведала легенду о принце древних времен, который не только сам оделся исключительно в соболь, но и покрыл диваны, застелил полы и украсил стены своего дворца мехами. Султан мгновенно исполнился решимости превзойти эти деяния принца в своем собственном Серале. Мечтая всю ночь о соболях, он приказал Дивану на следующее утро организовать сбор собольих шкурок со всех провинций империи. Такие же требования предъявлялись улемам, гражданским чиновникам и военным чинам столицы. Взысканный полковник янычар, прошедший не одну войну, зло заявил сборщику налогов, что ему ничего неизвестно о таких вещах, как амбра или соболь, что он привез с войны только порох и свинец и у него нет лишних денег, чтобы платить за подобные безделушки.

Сначала великим визирем у Ибрагима был Кеманкеш Кара Мустафа, покоритель Багдада, который был искренен в своих отношениях с султаном, пытаясь восполнить его недостатки и ограничить излишества, привести в порядок финансы и противостоять коррупционному влиянию гарема, который, как и раньше, занялся с участием султана торговлей государственными должностями и званиями. Кара Мустафа пал, когда не захотел подчиниться приказу женщины — распорядительницы гарема — относительно пятисот повозок дров на нужды женщин гарема. Когда великий визирь не сделал этого, султан немедленно приказал распустить Диван, в тот

момент проводивший заседание, и явиться к нему для объяснения причины своей оплошности. Пообещав, что груз будет доставлен, Кара Мустафа взорвался: «Мой падишах, нужно ли было заставлять меня, как вашего представителя, приостанавливать заседание Дивана и таким образом игнорировать важные дела ради шитисот повозок хвороста, стоимость которых не больше пятнадцати сотен аспров? Почему вы спрашиваете меня о вязанках хвороста, а не об условиях жизни ваших подданных, состоянии границ и о казне?»

После этого муфтий посоветовал ему подумать о том, что он сказал, поскольку все, что не доставляет султану удовольствия, имело для того пустячную значимость. Кара Мустафа ответил: «Разве это не служение ему, если я буду говорить правду? Я должен льстить ему? Я бы предпочел скорее умереть свободным, чем жить, как раб. За это, но больше всего из-за интриги соперничавшего с ним чиновника, входившего в число фаворитов султана, Мустафа действительно должен был умереть, но не смиренно подчинившись, как поступало большинство, а обнажив меч ради смертельной схватки с тем, кому было поручено задунить его. Преемником на посту великого визиря стал Султанзад-паша, льстец настолько подобострастный, что у его господина сразу же возник вопрос: «Как ты получишься, что ты всегда одобряешь мои поступки, хорошие и плохие?» На что султан получил обезоруживающий ответ: «О халиф. Ты тень Бога на земле. Любая идея, которую длеет твой дух, есть откровение небес. Твои распоряжения, даже когда они выглядят неразумными, имеют сокровенную разумность, которую твой раб всегда глубоко уважает, хотя, возможно, и не всегда понимает ее».

Распушенная натура султана Ибрагима не впускала любви и уважения к нему со стороны солдат, сражавшихся в войнах этой империи под руководством способных полководцев. Первая из них была нацелена на восстановление власти над Азовом, внутреннее море которого господствовало над Крымом и северным побережьем Черного моря. Азов оказался в руках казаков, номинально вассалов царя Московии. Первая турецкая осада города с помощью армии крымских татар была отбита с тяжелыми потерями с обеих сторон. За ней последовала вторая осада, на этот раз с участием армии почти в сто тысяч человек татар в поддержку регулярных турецких войск, и казаки были изгнаны, оставив город в руинах. Азов предстояло восстановить и поставить в нем турецкий гарнизон*. Царь отказался поддерживать своих казаков, что было так, как если бы он больше не хотел их вассальной зависимости. Он стремился с помощью направленного к Ибрагиму посольства возобновить изначальную дружбу между Россией и Турцией. В то же время пограничная война между казаками и татарами продолжалась, каждая из сторон требовала от другой держать своих неукротимых

вассалов под контролем, и туркам за время правления Ибрагима все же несколько раз пришлось встречаться с русскими в сражениях. Крымский хан был настроен по отношению к русским более враждебно, чем султан, сообщая в Порту: «Если мы дадим им время на передышку, они опустошат берега Анатолии своими эскадрами. Я не раз докладывал Дивану, что по соседству с нами имеются два забытых опорных пункта, которые нам бы следовало занять. Теперь ими стали владеть русские».

Вторая война была проведена турками против Крита, следовательно, против Республики Венеция, которой принадлежал остров. Предлогом для нее стал захват мальтийскими корсарами великолепного вооруженного турецкого галеона, следовавшего под охраной с ценным грузом в Египет и везшего паломников в Мекку. Это была собственность начальника черных евнухов, который был убит в ходе суровой схватки с целью противостоять захвату судна. На борту была находилась важная дама из гарема, прекрасно одетая, с украшениями из драгоценных камней, с маленьким сыном, дипломатично ребенком султана (по которому в действительности, более вероятно, был молочным братом его сына, будущего Амеда IV).

Получив известие об этом захвате, султан пришел в ярость. Его первой реакцией был приказ вырезать всех христиан в его империи. Успокоившись, султан посадил под домашний арест всех послов христианских государств и распорядился закрыть все конторы европейских купцов. Когда Ибрагиму подсказали, что Мальтийский орден состоял почти полностью из французов, он стал обдумывать войну против Франции. Вместо этого великий визирь предложил напасть на Крит под видом атаки на Мальту, используя в качестве предлога то, что галеры мальтийцев находились там на пути домой после совершения ими рейда, и удобно уяснить тот факт, что Порта находилась в мире с Венецией. Крит был последним владением венецианцев в Греции и в руках мог стать действенной преградой, прикрывающей южную часть Средиземного моря.

В результате в 1645 году турецкий флот, застигнув врасплох, напал и захватил Канею (тур. Ханья) на западной оконечности острова. На следующий год турки развили этот первоначальный успех, захватив Ретимо. Затем они высадились, чтобы осадить Канею. Но здесь осада растянулась на двадцать лет — дольше, чем длилась осада Трои, — благодаря эффективной морской блокаде, примененной венецианцами в нелегком, но успешном союзе с мальтийскими рыцарями. Это была кампания, в которой ребенок, когда-то захваченный мальтийцами на турецком галеоне, — будь он сын Ибрагима или чей-либо еще, —

был на определенной стадии выдвинут в качестве возможного претендента на османский трон. Пыне католический священник по имени Пере Осман, он безуспешно стремился сплотить всех османских подданных, будь то мусульманин или христианин, вокруг идеи создания нового восточного государства, соединив в одно целое концепции Византийской и Османской империй.

Тем временем на фоне медленно тлеющего конфликта с Венцией в стране нарастало возмущение султаном, выражавшееся теперь не только лидерами янычар и сипахов, но и муфтием, и основной массой улемов. Назрело время перемен на турецком троне, ибо Ибрагим больше не был последним в своем роде, как во время восхождения на трон, но имел своих собственных сыновей. Инсургенты добились увольнения великого визиря, который где-то скрывался и назначили на его место своего собственного кандидата. Возмущенные люди окружили дворец, и, когда султан послал высокопоставленного чиновника уговорить их разойтись, командир-ветеран янычар ответ указал Ибрагиму на причины, приведшие к столь плачевному состоянию империи.

Он поставил султану три условия: во-первых, положить конец торговле государственными должностями; во-вторых, убрать фавориток-султанни; в-третьих, умертвить уволенного великого визиря. На следующий день визирь был извлечен из его укрытия и убит. Когда султан отказался появиться перед войсками, депутация от армии улемов посетила его мать, султаншу валиде, которая была удалена и Серали из-за интриг фавориток, а сейчас подвергалась угрозы ссылок. Она приняла делегатов, одетая в черную паранджу и торбана в сопровождении двух черных евнухов. Инсургенты раскрыли свою решимость сместить султана и посадить вместо него на трон ее семилетнего внука Мехмеда. Муфтий, сообщили они, издал фетву, делающую эту акцию законной.

Султанша вызвала в Ибрагима враждебность тем, что безуспешно пыталась убедить его изменить поведение. Теперь она просила Ибрагима, пытаясь убедить всех в том, что султан стал жертвой плохих министров, говоря, что ему следовало бы позволить сохранить его суверенность, но учредить над ним опеку улемов и нового великого визиря. Кадияскер Анатолии пытался доказать, что недовольство народа зашло слишком далеко и что пришло время положить конец творившемуся беззаконию. Султан, как знала и султанша валиде, больше не прислушивается к разумным советам. Торговля местами и чинами перешла все мыслимые границы падишах, поглощенный удовлетворением прихотей своих пассов уходит все дальше в сторону от закона; призывы к молитвам минаретов Айя София тонут в шуме звуков флейт, дудок и цимбал, несущихся из дворца; рынки опустошаются, и певцовные предаются

смерти, в то время как рабы-фавориты султана правят миром османов.

Султанша тогда спросила, каким образом можно было бы посадить на трон ребенка семи лет. Судья ответил, что, согласно предикту юристов, как это теперь воплощено в фетве, сумасшедший не должен править независимо от его возраста, другое дело, ребенок, наделенный разумом. При таком ребенке умный визирь может восстановить порядок. «Но взрослый суверен, лишенный разума, разрушает свою империю через убийства, позор и коррупцию». Наконец, султанша ответила: «Пусть будет так. Я приведу моего внука Мехмеда и надену тюрбан на его голову». Ее слова вызвали единодушное одобрение. Трон был поставлен перед Воротами Влаженства, и юный наследник, сопровождаемый высшими чиновниками двора, взошел на него, чтобы принять выражения почтения от наиболее влиятельных сановников империи. Им разрешалось приближаться к нему только по несколько человек одновременно из-за опасений, что толпа причинит ребенку беспокойство.

Визирь и улемы стали затем ждать Ибрагима. «Мой падишах, — сообщил ему кадиаскер Румели, — согласно решению улемы и главных сановников вы должны отказаться от трона». «Предатели! — кричал Ибрагим, — разве я не ваш падишах? Что все это значит?» Муфтий смело ответил: «Вы больше не падишах, потому что вы растоптали справедливость и святость и разрушили мир. Вы провели свои годы в забавах и пьянстве; вы промотали на биедушки богатства империи; вместо нас миром правили коррупция и жестокость». Вновь спросив после бурных эмоций, почему он должен оставить трон, Ибрагим получил ответ: «Потому, что вы сделали себя недостойным его, сойдя с дороги, проложенной вашими предками».

После нового потока упреков за этот акт «вероломства» Ибрагим принял своей судьбе со словами: «Это было написано на моем челе; волеизъявление Бога». Не сопротивляясь больше, он позволил отвести себя в тюрьму в Серале.

Его дальнейшая судьба, все еще вызывавшая сомнения, была окончательно решена восстанием части сипахов, шумно выступивших в его поддержку. В тревоге великий визирь и другие потребовали от муфтия фетву, санкционирующую казнь Ибрагима. Ответ муфтия был лаконичен: «Дозволсно!», основанный на принципе исламского закона: «Если есть два халифа, убей одного из них». Муфтий и великий визирь отправились в камеру Ибрагима с двумя палачами, в то время как судьи и аги наблюдали за происходящим из окна. Они нашли Ибрагима за чтением Корана. Узнав главного палача, который столь часто обслуживал его, султан воскликнул: «Неужели среди тех, кто ел мой хлеб, нет никого, кто пожалел бы и защитил

меня? Эти жестокие люди пришли, чтобы убить меня. Простите! Простите!» Когда палачи схватили его, он разразился проклятиями и стал богохульничать, навлекая кары небесные на турецкий народ за его неверность своим суверенам.

Таким в год 1648-й был второй акт цареубийства в турецкой империи. Во второй раз на трон был посажен ребенок. В кризисе, постигшем Османскую империю, однако, обнаружилось наличие определенного баланса внутренних сил. В этот критический момент уравнивающие «столпы» государства доказали свою достаточно сильную способность противостоять и преодолевать личные недостатки ее персональных правителей и, следовательно, способность поддерживать ее основополагающую структуру. Институт мусульманства, воплощавший в себе все идеи улемов, действовал во имя религии с решившим дело авторитетом правового института, сместив деградирующего султана. Правящая элита действовала в данный момент столь же решительно в социальных и политических интересах государства.

В сложнейшее для империи время новая власть была поддержана с помощью первой «династии» великих визирей, все члены которой происходили из одного рода Кеprüлю*. Именно они наставляли мальчика-султана до его возмужания, а затем на протяжении всей его взрослой жизни правителя. Благодаря государственному подходу этой династии к делу управления абсолютный деспотизм султанов был эффективно модифицирован с помощью просвещенного министерского правительства.

Вот так два базовых институциональных элемента, религия и секуляризм, успешно восстановили в турецком государстве определенную степень внутренней стабильности. Более того, это произошло в благоприятный период, когда империи не угрожали извне, в Европе. На протяжении второй половины семнадцатого столетия процесс упадка был, таким образом, приостановлен и империя получила возможность вернуться в состояние относительной силы и процветания.

Минул уже почти век с момента кончины Сулеймана, последнего великого султана османов. Внутри страны это было время треволнений. В Европе времена турецких завоеваний остались позади, но никто не посягал на завоеванные Османской империей территории. Это случилось благодаря тому факту, что Европа была расколота и в религиозном, и в политическом планах, сначала контрреформацией, а затем Тридцатилетней войной. Напротив, в ходе этого конфликта не было место попытке со стороны Европы заручиться военной поддержкой Турции, как на море, так и на суше; но на поддержку султанок теперь не было ни сил, ни ресурсов. Для турецкой империи это был период приспособления к новому уровню отношений с христианскими державами. Первым верным признаком этого стало подписание в 1606 году на нейтральной полосе вблизи венгерской границы Сигетварского договора между Османской империей и империей Габсбургов.

Ранее такие договоры, как подобает «супердержаве», претендующей на мировое господство, жаловались, если не навязывались, султаном только на такие ограниченные периоды времени, которые устраивали его, и в качестве акта расположения и благосклонности к просящему с этим противнику, который был, сверх того, обязан направлять флагов для переговоров в Стамбул.

Предшествующие договоры с христианским императором включали формулу: «Любезно пожалованный Султаном, всегда победоносным, неверному Королю Вены, всегда побежденному». Теперь же договор был впервые подписан между двумя державами как между равными. «Император и Султан, — уточнялось в нем, — должны относиться как равные». Султан, который ранее мог в «мерной форме» выбрать обращение к императору Габсбургу то как к «Королю Испании» (если не Вены), теперь вынужден был признать его равным себе и признать его титул кайзера. Ранее не могло быть речи о вассальной зависимости. Ежегодная дань, которую Австрия до этого выплачивала султану, теперь снизилась, уступив место одновременно выплаченной сумме, кото-

рая в дальнейшем будет заменена трехлетним обменом добрыми дарами, передаваемыми через послов, причем стоимости должна будет определяться заранее каждой из сторон.

Договор в отличие от предыдущих перемирий, ограниченный короткими промежутками времени, должен был действовать на протяжении двадцати лет — а на деле действовал пятьдесят. Территориально в итоге турки почти проиграли. Но они сохранили за собой пограничные крепости Эстергом и Канишу. Территории в Венгрии, находившиеся под властью турок, были также сохранены и образовали две провинции. Но претензии на спорные части старой Венгрии отвергнуты, тогда как провинция Трансильвании, правящий которой был участником договора, была гарантирована полная степень самостоятельности. Этот договор, унижающий Турцию, звал на начало новых дипломатических отношений между Востоком и Западом. Это была уступка турок общим принципам и обычаям международного права, основанная на признании пределов турецких завоеваний и публичном признании власти Габсбургов.

До этого дипломатические отношения Порты с христианской Европой ставились в зависимость от соображений военного порядка. Что касается союзов, Порта предпочитала политику изоляции, исключение лишь для Франции, последовательного противника Габсбургов. Но сейчас, с началом периода относительного мира, Порта стала выходить из своей изоляции и становиться более восприимчивой к разного рода предложениям со стороны Запада, которые могли бы сулить коммерческие и подобные им выгоды. Но с точки зрения эффекта это равнялось расширению традиционной системы милости тех национальных или религиозных общин среди подданных султана, которые выплачивали определенные суммы в ответ на полученный особый статус. Теперь эта система должна была охватить подданных иностранных государств, главным образом купцов, пользовавшихся покровительством своих послов и консулов: они получали экстраординарные привилегии, которые должны были быть обобщены в хартиях, иначе говоря «Капитуляциях». Профессор Тойнби пишет: «Османлы восприняли западные торговые колонии так же, как предки-кочевники, жившие в степях, воспринимали странников и обитателей оазисов, у которых они покупали отдельные необходимые им вещи или предметы роскоши, в которых они нуждались, но сами могли производить сами». На протяжении XVII и XVIII веков турки радикально изменили структуру и характер международных отношений империи.

Использование Францией выгод от капитуляции восходило ко временам подписания договора с Сулейманом в 1536 году. Это действие было надежнее на двусторонней, чем на односторонней

и, и поэтому не подсажало, как в других случаях, отмене по воле султана, но взаимно-обязательным для обеих сторон. Благодаря этому на протяжении почти полувека французы пользовались в Порте неоспоримым влиянием.

В 1579 году король Франции Генрих III считал необходимым изменить эти отношения и направил в Стамбул посла более высокого ранга, чем предшествующие французские представители. Им стал барон Жерминьи, который завоевал доверие Дивана и обеспечил возобновление турецко-французского союза, подтверждая свои торговые капитуляции и вместе с ними преимущества французов перед другими странами. Он добился подтверждения старых привилегий французов на покровительство святым местам Иерусалима и Синаи и христианам Османской империи в целом, за исключением венецианцев, но включая «генуэзцев, англичан, португальцев, испанцев, каталонцев, сицилийцев и рагузцев, и всех тех, кто шел под именем и флагом Франции с давних времен по старинный день».

Жерминьи, однако, хорошо осознавал «диспозицию, в которой турецкий Сеньор и его паша должны были без различий собирать вокруг себя отовсюду дружбу и союзы, которые они были в состоянии сделать». Совершенно независимо от политических последствий все это делало, исходявшие от иностранных агентов в этот век капитуляции, использовались как источник обогащения визирями, дворниками и высшими чиновниками и различными фаворитами султана в доме и других местах. По прошествии всего лишь двух лет после возобновления французских капитуляций султан действительно признал принцип, что «Блистательная Порта открыта для всех, кто идет сюда искать протекции».

Конкретным предложением для этого было требование Англии, выдвинутое королевой Елизаветой, чтобы ее суда плавали под английским флагом, а не под французским, как было до этого, и чтобы ее подданным была предоставлена свобода мореплавания и торговли в пределах империи. Английские купцы медленно расширяли свою торговлю в Средиземноморье. В первые десятилетия XV века, взаимодействуя с венецианцами, они проникли в его восточную часть. Но рост морского могущества Турции с ее многочисленными корсарскими флотами отпугивал желающих продвигать свои торговые операции еще дальше, и торговля англичан с Востоком пошла на убыль. Вместо этого по мере освоения морского пути вокруг мыса Доброй Надежды английские купцы повернули к Нидерландам, где порт Антверпена был вскоре превзойти Венецию в качестве перевалочного пункта в торговле с Востоком. Этот источник поставок был окончательно утрачен во второй половине XVI века в связи с

революцией в Нидерландах, в то время как захват Португалии самым непримиримым врагом королевы Елизаветы Филиппом Испанским угрожал переходом драгоценной португальской торговли с Востоком в руки испанцев.

Более того, в политическом отношении, по мере того как враждебное отношение к Испании усложнялось, стало очевидным, что сотрудничество с турками как союзниками может оказаться полезным противовесом испанской мощи в Средиземноморье. В отличие от французского короля Франциска I королева Елизавета не принадлежала к тому, кто улыбался при мысли о союзе с «неверными». Но когда английской королеве все же пришлось это сделать, она охарактеризовала султана Мурада как «непобедимого и наиболее могущественного защитника истинной веры от идолопоклонников», которые фальшиво признают имя Христа» и, в частности, заметила, что «тот сверхидолопоклонник — король Испании». Таким образом, это были не просто коммерческие, но и политические мотивы, лежащие в основе начатых ею переговоров с турками и посылке в Стамбул английского посла.

Первые шаги в этом направлении были предприняты двумя крупными лондонскими коммерсантами, сэром Эдвардом Осборном и его коллегой, Ричардом Стейпером, которые в ряду своих многочисленных коммерческих интересов выделяли заинтересованность в оживлении торговли с Левантом. Один из них после восемнадцатилетнего пребывания добился от султана охранной грамоты для комиссионера Осборна Уильяма Харборна, дававшей тому свободный доступ во владения султана. В результате летом 1578 года Харборн, которому судьбой было суждено стать первым послом Англии, отправился в Стамбул, совершив путешествие морем до Гамбурга, а оттуда по суше — через Польшу.

Доказав Ближневосточной Порте, что он является человеком, не лишенным такта и мастерства дипломата, Харборн вскоре получил, несмотря на активное противодействие французов, обещание свободной торговли с Турцией, что было подтверждено обменом письмами между султаном Мурадом и королевой Елизаветой и официально оформлено в 1580 году договором, основывавшимся на тех капитуляциях, которыми уже пользовались французы.

Письмо султана Мурада III адресовалось английской королеве и притворным восхищением как «наиболее прославленной Елизаветы, самой святой королеве и благородной правительнице наиболее могучих почитателей Христа... леди и наследнице постоянного счастья и славы благородного Королевства Англии». Он информировал ее о рассылке им повеления султана обеспечить, чтобы такие персоны, «которые будут прибывать морем из королевства Англии, могли законно вступить в наши имперские владения и обязательно

вернуться обратно домой и чтобы ни один человек не посмел приставать к ним или причинить им беспокойство». Фактически англичане получили те же свободы, что и «наши знакомые и союзники, французы, венецианцы, поляки, и король Германии, и разные другие наши соседи», вольные «использовать и торговать всеми видами товаров, как любые другие христиане, без чьего-либо разрешения или вмешательства».

В этом окончательном соглашении было уточнено, что даже в случае ареста англичане должны были немедленно освобождаться, они также освобождались от уплаты подушного налога и должны были платить «только наши законные пошлины и таможенные сборы»; они имели теперь право назначать консулов, призванных разрешать споры между своими согражданами; любой обращенный в рабство англичанин мог быть освобожден после выплаты его покупной цены, турецкие моряки должны были помогать английским судам во время штормов или кораблекрушений, и экипажам английских кораблей разрешалось покупать продовольствие без помех. Этот, как и аналогичные конкретные пункты договора, был достаточно щедрой уступкой при условии, что он будет четко признаваться и вводиться в силу турецкими властями. Харборн вернулся в Англию, чтобы доложить министрам королевы и своим собственным хозяевам-торговцам о достигнутом прогрессе.

Дальшее соглашение с англичанами немедленно привело в гнев французов. Это нарушило их собственное соглашение, согласно которому все суда, получившие право вести торговлю в турецких водах, включая принадлежавшие англичанам, должны были делать это под французским флагом. После отъезда Харборна, французский посол Жерминьи отчаянно работал с султаном и его министрами, чтобы добиться отмены данных ими Харборну капитуляционных гарантий, но добился только предварительного приостановления действия. Турки в это время особенно нуждались в получении с Запада оружия и боеприпасов, нехватка которых возникла в связи с их войной с Персией. Когда к французскому послу обратились именно по этому поводу, Жерминьи дал отрицательный ответ на том основании, что гражданская война создала аналогичную нехватку оружия и во Франции. Англия, напротив, была в состоянии поставить туркам для изготовления оружия такое сырье, как железо, сталь, олово и бронза; это сырье на самом деле включало фрагменты разбитых католических скульптур — немаловажная деталь, которая вполне могла сыграть на иконоборческих чувствах мусульман. Более того, султан видел в королеве Елизавете потенциального союзника против Испании.

Вернувшись в Англию, Харборн получил немаловажную поддержку своему предприятию со стороны главного министра королевы

Елизаветы, лорда Бергли; также от сэра Френсиса Уолсингхема, его представителя в министерстве иностранных дел, который, хотя и предвидел противодействие со стороны администрации и, возможно, с помощью силы со стороны Франции и Венеции, отдавал бесспорное предпочтение торговле как средству продвижения английского торгового флота, а впоследствии и военно-морского флота. Результатом было официальное добро на обращение к туркам со стороны Осборна и его группы относительно договора инкорпорации (получение статуса юридического лица) — стандартного метода коммерческой организации в те времена, предоставлявшего англичанам право на торговлю в турецких владениях. Несмотря на все ухищрения французов, такой договор был дарован Портой в сентябре 1581 года на семилетний срок и должен был возобновляться через последующие интервалы. Таким образом, Компания Асванта — «Компания турецких торговцев» — стала реальностью.

Колебания турок в отношении ратификации соглашения отчасти происходили из-за отсутствия у Харборна официального статуса. Теперь это нужно было поправить путем переговоров между королевой и компанией. Королева Елизавета лично оплатила расходы, связанные с его первой поездкой в Стамбул. Теперь она была вполне готова назначить Харборна своим послом при султани. Но в тот момент это выходило за пределы возможностей английского правительства — открыть и содержать в Порте постоянную дипломатическую миссию, включающую посольство и несколько консульств, снабженных всем необходимым для обслуживания землячества английских торговых людей. Более того, посол должен был обладать всеми необходимыми полномочиями, чтобы гарантировать защиту английской миссии турецкими властями. Поэтому доказывалось, что расходы миссии должна была бы взять на себя компания, и в итоге это решение было согласовано. Так, в ноябре 1582 года Уильям Харборн был удостоен ранга первого английского посла при дворе султана. На него были возложены две основные функции: быть королевским представителем с выполнением обязанностей дипломата, с одной стороны; с другой стороны, быть коммерческим агентом с обязанностями перед компанией, которая финансировала его.

Харборн, таким образом, вернулся в Стамбул, на этот раз морем на «высоком корабле, названном «Сюзан из Лондона», который в гавань вводили две галеры. Посол сошел на берег под оружейный салют, звуки труб и барабанов и был встречен эскадроном кавалерии. Случилось так, что его приезд пришелся на страстную пятницу: христиане города находились на торжественной службе, «распева мелодии, приличествующие страстям Господним». Соперник, посол Венеции, сообщил о Харборне, что «даже турки с презрением

называли его «лютеранином» и отказывались присутствовать на «роскошном званом ужине», который он дал в тот же вечер. После раздачи внушительного количества подарков различным пашам Харборн был принят Улуджем Али на его галере, неся с собой новые подарки и письмо от королевы Елизаветы. Но английский посол не получил от старого корсара большой поддержки. И позднее сам Френсис Дрейк также не получил ее в обмен на подарок в виде «многих ваз из серебра».

Харборн и его люди были затем приняты во дворце султана на банкете, меню которого состояло из 150 видов блюд. В качестве напитка предлагалась «розовая вода, смешанная с сахаром и специями». В завершение Харборн, облаченный в шитые золотом одескды, в сопровождении свиты, несущей его подарки, получила аудиенцию у самого султана, облаченного в одежды, шитые серебром. В числе подарков были «три чистокровных мастиффа в пополах из красной ткани, три спаниеля, две ищейки, одна обычная гончая, две серых борзых и две небольших собачки в пополах из шелка». Самым великолепным подарком, оценивавшимся в «пятьсот фунтов стерлингов», были инкрустированные драгоценными камнями и искусно изукрашенные серебряные часы, увенчанные замком.

Жермини, изводя Харборна до уровня «простого содержанца торговцев», заявил решительный протест по поводу этого официального приема, угрожая разорвать франко-турецкий союз, если английским судам будет разрешено плавать под их собственным флагом. Морозини, посол Венеции, попытался с помощью подкупа убедить великого визиря, что допуск англичан к турецкой торговле имел бы неблагоприятное воздействие на доходы турок от таможен. «Французы и венецианцы, — доложил Харборн, — противостояли изю всех сил, но их злоба произвела противоположное действие». Великий визирь твердо сказал Жермини, что «не было причин для такого шума», и повторил, что Порта открыта для всех, кто желает мира.

Харборн великолепно подходил к должности посла. Он обладал необходимой выдержкой, контрастировавшей с темпераментом Жермини, и вскоре смог не только возобновить действие временно отмененных капитуляций, но и улучшить их, с точки зрения таможенных сборов, за счет своих соперников. Как патриот, он всегда был готов доказывать величие своей страны. Великому визирю, когда противники Харборна представляли его как простого торговца, он с гордостью объяснял, что «он был знатным лицом высокого ранга, более великим, чем любой другой из находившихся здесь», и что в любом случае «они не имеют права рассматривать его частную жизнь, но только то, что касается величия королевы, его госпожи».

На практике Англия находилась, по сравнению с Францией, в более выгодном положении, поскольку ее капитуляции были ограни-

чены лишь коммерческими привилегиями, тогда как французские предусматривали также покровительство всем христианам и их церквям. Наступил момент, когда султан, в состоянии крайнего религиозного фанатизма, навеянного муфтием, был враждебно настроен по отношению к христианам и угрожал превратить все церкви Стамбула в мечети. Протесты Жерминьи и дары со стороны православных греков предотвратили эту угрозу, но три церкви в Галате были тем не менее закрыты. Они вновь открылись лишь после дополнительного подношения даров. Но когда место Жерминьи занял Савари де Ланкосм, новый посол спровоцировал спор в главном храме, заняв почетное место, предназначенное только имперскому представителю. Поэтому храм был вновь закрыт по распоряжению великого визиря, который отказался открыть его до тех пор, пока «Г-н де Ланкосм не прекратит разыгрывать из себя дурака». Англия приобрела многое из того влияния, которое несомненно теряла Франция. И теперь, когда Харборна предупредили об антианглийских интригах Ланкосма, он смог спокойно и с достоинством заметить: «Я не думаю, что он будет достаточно силен, чтобы оставить меня не у дел».

Но для обеих европейских держав нынешние выгоды оказались скорее экономическими, чем политическими. Вскоре стало ясно, что Османская империя, несмотря на всю ее возрождающуюся имперскую мощь, была теперь не очень-то склонна участвовать в вооруженных конфликтах в политических интересах и Франции и Англии. В то время когда король Филипп в своих портах на Атлантическом побережье строил большую испанскую армаду для вторжения в Англию, Порте оставалась вежливо, но упорно «глухой» к обращениям Харборна относительно морской поддержки, хотя бы лишь в форме диверсионной атаки турок против средиземноморских побережий Испании. Английский посол уехал из Стамбула в Лондон в конце своей миссии, благоразумно избегая Гибралтарского пролива, прибегнув к поездке по суше, незадолго до отплытия испанской армады. После того как это произошло, в Порте преобладало мнение, что дни Англии сочтены, и новость о поражении испанцев в 1588 году приветствовалась с некоторой степенью недоверия. Позже, с появлением в водах Средиземного моря вооруженных английских каперов, сравнимых с корсарами берберского побережья, которые под видом ведения торговли нападали на караваны торговых судов Средиземноморских стран, доверие к этой вести возросло.

Франция также стремилась заручиться турецкой помощью гугенотов Генриху Наваррскому, который занял трон как король Генрих IV против его внутренних католических врагов, Гизов, поддерживаемых Филиппом Испанским. Султан написал как королеве Елизавете, так

и королю Генриху, обнадеживая их возможным сотрудничеством против испанцев.

Как надеялись, турецкий флот действовал бы совместно с английским и французским флотами, объединившимися в борьбе протестантов против угрозы со стороны «идолопоклоннической» Испании. Преемник Харборна Эдвард Бартон незамедлительно доложил об этом плане министрам королевы. Но то ли из-за скупости султана, то ли действительно из-за отсутствия средств в его казне, но турецкая помощь так и ограничилась обещаниями.

При восхождении на трон султана Мехмеда III в 1595 году королева Елизавета, продолжавшая искать помощи турок против ее католических врагов, прислала султану целый корабль подарков. Они включали изделия из шерсти, которые венецианцы воспринимали как реальную угрозу их собственной торговле, и тюки другой одежды, которые они злонамеренно объявляли попорченными плесенью за время путешествия. Но против одного подарка недоброжелатель-венецианцы оказались бессильны — *pièce de resistance* был самоиграющим органом, уникальным по гениальности замысла и сложности конструкции. Его доставил в Стамбул его конструктор и создатель Томас Делем, человек, пользовавшийся глубоким уважением за его профессиональное мастерство. Султан восхищался игрой органа и другими чудесами, включая появление куста, усыянного черными и певчими дроздами, которые пели и махали крыльями после окончания исполнения музыки.

Особенно сильное впечатление на Мехмеда произвело отлично вооруженное английское судно «Гектор», которое доставило Делема и его орган. Сопровождающие султана отмечали, что они «никогда не видели его столь восхищенным силой и вооружением любого другого христианского правителя». Венецианский посол опасался, что этот показ «причинит христианскому миру ущерб и откроет глаза туркам на вещи, о которых те не знают». Но для тревоги не было никаких оснований: ни один из подобных уроков не был усвоен, и Порта, как позже выразился сэр Томас Рой, «утасала на галерах». К концу XVI века, после смерти Улудж Али, турецкий флот не представлял собой ни угрозы врагу, ни поддержки союзнику. Его возрождение и обновление после Лепанто были очень незначительными. Арсенал турецкого флота постепенно становился парализованным. Морская мощь турецкой империи пережила свое время, убитая, как было сказано, «не войной, а ее миром с Испанией».

Англо-французские отношения в Порте вновь ухудшились после отъезда Лашкосма Генрихом IV, сторонником католицизма, и назначившего на освободившееся место посла жесткого и коварного, Саверига Брева. Он многое внес в распространение французского влияния в Порте как в плане коммерции, так и политики, причем везде, где

это было удобно, за счет врагов его суверена — англичан. Наследник Бартона, Генри Лелло, неоднократно повторял такого рода жалобы: «Французский посол с его огромными взятками, получая теперь деньги от папы, ничего не жалеет, чтобы препятствовать всем моим замыслам». Страсти между двумя этими общинами накалились настолько, что в одну из зим посол Венеции сообщал: «Вчера вечером в результате игры в снукки между семьями французского и английского послов возникла жуткая ссора. Несколько человек были серьезно ранены, и, если бы не наступила ночь, могло случиться худшее, поскольку сами послы начали участвовать в ней».

Англо-французский конфликт первоначально возник по поводу продолжавшейся войны Мехмеда III в Венгрии (до договора в Сигетвороке). Эта война одобрялась де Бревом в интересах его господина, Генриха IV, который вынашивал планы стать императором Священной Римской империи, замстив: «(Католическая) лига сделала меня королем, кто знает, может быть, турки сделают меня императором?» С учетом тогдашней слабости Австрии поражение Венгрии вполне могло открыть к этому путь. Королева Елизавета, с другой стороны, искала мира в столь непродуктивной наземной войне. Истинная причина раздора между французами и англичанами находилась в экономической области, где де Брев напряженно работал, чтобы предотвратить возобновление английских капитуляций.

Все это привело к вовлечению в конфликт голландцев ныне независимой от Испании Республики Соединенных Провинций. Голландские купцы стали конкурировать с английскими и французскими за право торговли в турецких водах. Англичане, которым удалось установить прочную связь с голландцами в ходе поддержки их борьбы за независимость, настаивали, чтобы они торговали под защитой английского флага. Но французы, утверждая, что голландцы все еще оставались испанскими подданными, прилагали все силы, чтобы поставить их под защиту французского флага. В 1601 году великий визирь, наконец-то возобновивший функционирование английских капитуляций с новыми уступками, приказал голландцам плавать под флагом королевы Елизаветы.

В 1612 году Соединенные Провинции получили свой собственный договор о капитуляциях, схожий с теми, которые были предоставлены Англии и Франции, но ограниченный только сферой торговли. Голландцы в полной мере использовали договор для того, чтобы поставлять в Турцию табак, невзирая на активный протест со стороны муфтия. Турки восприняли табак с таким удовольствием, что спустя каких-то полвека трубку можно было видеть почти что в качестве их национальной эмблемы. Кофе уже был введен в обиход при Сулеймане. Таким образом, вместе с опиумом и вином турки могли теперь наслаждаться «четырьмя подушками софры».

удовольствий» и «четырьмя элементами мира наслаждений». Так поэты описывали их. Но для строгих правоведов — мусульман — они оставались «четырьмя столбами шатра распутства» и «четырьмя пособниками дьявола».

Таким, вслед за окончившимся веком Сулеймана, было начало периода не только английского влияния, но и англо-французского соперничества за влияние в Османской империи.

Возрождения непосредственно за казнью султана Ибрагима и восхождением на трон в 1648 году его сына, мальчика-султана Мехмеда IV, не последовало. На протяжении первых восьми лет его правления в стране сохранялась мятежная обстановка, в которой янычары и сипахи настраивали одну против другой двух вдовствующих султанш: мать Мехмеда Турхан и его некогда могущественную бабушку Кесем, которая спустя какое-то время была убита по настоянию ее соперницы. Все эти распри сопровождались изменениями в политике и новыми угрозами из-за границы. Продолжавшаяся кампания турок против Крита показала, как никогда, четко, что турки утратили господство на море. С середины XVII века господство на море перешло в руки венецианцев, в то время как мальтийские и тосканские каперы плавали по Средиземному морю без каких-либо помех, а корсары с берберского побережья выходили из-под контроля со стороны турок. Турки не были больше в состоянии защитить свои собственные морские пути или даже собственные побережья.

После первой высадки турок в Хашье, на Крите, венецианцы установили блокаду проливов, побережья Эгейского моря и портов в Морее. События разрядились кульминацией в виде решающего сражения недалеко от Дарданелл, в котором венецианцы разгромили и уничтожили турецкий флот, доставлявший на Крит припасы и подкрепления для длительной осады Кандии; затем венецианцы захватили острова Тенедос и Лемнос, которые господствовали над проливами. Турки восприняли это как поражение на море, сопоставимое с поражением при Лепанто. Оно привело к усилению венецианской блокады проливов и к перекрытию путей снабжения столицы, в которой цены на продовольствие резко подскочили вверх, недовольство стало обычным делом и поднялась всеобщая паника из-за возможности нападения непосредственно на город.

Только теперь, чтобы справиться с этим кризисом, мать султана Турхан тайно вызвала к себе состоявшего на службе у султана решительного и энергичного человека, обладавшего безупречной

решительностью и способностями послужить делу восстановления Османского государства. Этим человеком был Мехмед Кепрюлю, которому она теперь предложила пост великого визиря. Албанец скромного происхождения, предки которого поселились в городе Кепрю (что означает «мост») в Северной Анатолии, он был прислужником на кухне, выросшим до повара в домашнем хозяйстве султана, а затем стал пользовавшимся уважением обладателем официальных постов и губернатором ряда провинций. К этому времени Кепрюлю исполнился семьдесят один год, и у него хватало более молодых соперников, готовых объявить, что он страдал старческим слабоумием. Кепрюлю мог согласиться занять пост великого визиря только при определенных условиях: чтобы все принимаемые им меры утверждались без обсуждений; чтобы у него были полностью связаны руки при назначении на любые посты, независимо от ранга; чтобы ни один визирь, ни чиновник, ни фаворит не оспаривали его власть; чтобы все донесения двору проходили через его руки; чтобы он пользовался исключительным доверием султана, который будет отвергать все обвинения против него. Короче, он настаивал на такой степени абсолютной власти, какой никто, кроме султана, до сих пор не обладал. Султанша, призвав имя всевышнего, поклялась от имени своего сына, что все эти условия будут выполнены. Кепрюлю получил от муфтия фетву, которая заранее санкционировала все его действия. Султан, уважая обещания своей матери, принял его лично и назначил великим визирем. Кепрюлю был одиннадцатым по счету визирем из назначавшихся до сих пор за восемь лет управления. Его назначение стимулировало нараставший процесс вербовки и обращения в ислам христиан из балканских горных племен в Албании, его родной провинции, и в Болгарии, что насыщало армию и администрацию новыми энергичными и лояльными людьми.

Прислушиваясь к совету реформаторски настроенных лиц, султан Мехмед не в открытой форме, но фактически полностью передал управление своей империи в руки Кепрюлю, а позже — в руки его сына Ахмеда, сменившего отца. Сам Мехмед не стремился править, но оказал каждому из них полную и последовательную поддержку против всех интриг и соперников в борьбе за власть. Таким образом, на следующие двадцать лет и — после несчастливой междоусобицы — на такой же отрезок времени, в конце семнадцатого столетия, Турецкое государство, до этого в своей структуре чуждое наследственному принципу вне самой имперской династии, попробовало сильное министерское правление под началом этой династической семьи с ее выдающимся интеллектом и способностями к управлению. Начиная с этой важной поворотной точки в XVII веке, действительным центром управления империей больше не был

дворец султана как таковой, но дворец великого визиря у его ворот — Баб-и Али, которые дали свое имя Банкетной Порте.

Кепрюлю Мехмед был опытным человеком, с тонким знанием государственной машины и ее недостатков. Энергичный в действии, он был человеком скорее дела, чем слов, диктатором несгибаемой силы воли, который начал свое «управление» с чистки чиновников, игравших ключевые роли, и назначения на их места других. Исполненный решимости любой ценой искоренить беспорядок, коррупцию и некомпетентность, неусыпный в своих расследованиях и беспощадный в наказании всех, кто таким образом ставил под угрозу безопасность и благосостояние империи, великий визирь, как утверждают, казнил за пять лет пребывания на этом посту около тридцати пяти тысяч нарушителей. Из этого числа, как утверждал главный палач, только он самолично удушил четыре тысячи известных личностей.

Кепрюлю делал это без какой-либо одержимости, меньше всего с безразличной жестокостью своего предшественника Мурада IV. Его сильная рука, падающая с точным расчетом на чиновников, солдат, судей, равно как и на служителей культа, сочеталась с холодной головой, различавшей, где действительно могла прятаться опасность для его власти и власти государства. Он проводил эту политику, действуя в рамках существовавшего механизма государственного управления, строго внедряя в жизнь его законы, делая из него единый эффективный механизм суверенной воли. Великий визирь был исполнен решимости возродить Османскую империю, пока это еще представлялось возможным, вернуть ей не только внутреннюю стабильность, но и внешнее могущество и престиж.

Превыше всего стала для Кепрюлю решимость восстановить дисциплину и чувство гордости внутри армии, вывести ее из состояния серьезных расколов и переключить на военные кампании за рубежом, чтобы возродить османскую традицию завоеваний. Быстро очистив от венецианцев Дарданеллы и возвратив острова Тенедос и Лемнос, Кепрюлю возродил уверенность в возможности восстановления силы турецкого флота, возведя две постоянные крепости для охраны входа в пролив. Он вновь утвердил в некоторой степени власть турок в портах и на островах Эгейского моря и таким образом вновь открыл коммуникации, позволяющие доставлять подкрепления на Крит. Хотя турецкий флот не смог вновь утвердить свое господство на Средиземном море (имеется в виду война против Венеции), положение удалось изменить к лучшему, и осада Кандии была возобновлена без каких-либо новых перерывов.

В Малой Азии Мехмед подавил попытку восстания со стороны еще одного мятежника по имени Абаза, отрубив ему голову вместе с головами других тридцати зачинщиков, которые были отправлены

в столицу для публичной демонстрации. За Черным морем Кепрюлю укрепил оборонительные рубежи турок против казаков, поставив крепости на Дону и Днестре. Он возглавил успешную экспедицию в Трансильванию, сформировав новую провинцию, опираясь на которую можно было усилить турецкий контроль и открыть путь для крупной операции против Венгрии и Австрии, которую на деле начал еще его предшественник.

Мехмед Кепрюлю скончался в преклонном возрасте в 1661 году после пяти лет «царствования». На посту великого визиря, как уже говорилось выше, его сменил двадцатипятилетний сын Ахмед. Кепрюлю II управлял империей в духе истинной государственности последующие пятнадцать лет. Находясь на смертном одре, Мехмед Кепрюлю завещал султану Мехмеду IV, которому было тогда двадцать лет, четыре принципа поведения: никогда не следовать совету женщины; никогда не позволять подданному становиться слишком богатым; содержать государственную казну наполненной; всегда находиться в седле, держа армию в постоянном действии.

Султану Мехмеду действительно довелось провести большую часть жизни в седле — но скорее получая удовольствие от охотничьих забав, нежели испытывая суровые лишения войны. Получив мальшечкой скудное образование, он развил в себе вкус к охоте на дичь любого вида и стал известен как «Могучий Охотник». «Никогда, — писал историк и дипломат Поль Рико, — не было принца, столь близкого Нимрода... он никогда не мог посидеть спокойно, но все время скакал по полям верхом на лошади». Его спортивные «компании» в окрестностях Адрианополя и в других местах на Балканах несли его подданным лишь неприятности. Однажды на особенно пышно обставленной охоте султан потребовал мобилизации из пятнадцати различных округов около тридцати или сорока тысяч крестьян, «назначенных на три или четыре дня стучать по деревьям... включая в кольцо всю дичь и диких животных, которых в день охоты Великий Сеньор убивает и уничтожает собаками, из ружей и иными способами, с ужасным шумом и сумятицей». Чтобы содержать эти «войска», с сельских районов собирались налоги. Привлеченные в них крестьяне испытывали массу тягот, постоянно неся потери, обязанные в самый разгар зимы проводить в лесах долгие, непривычные для них ночи, так что «многие из них платили за приятное времяпрепровождение императора своей жизнью».

Отнюдь не всегда подданные султана с удовольствием воспринимали упражнения своего господина на спине лошади, нередко впадая в ностальгическое чувство по поводу их легкой жизни в Серале и «начиная верить, что любовный юмор Отца более терпим, чем причуды кочевой жизни и неутомимый дух Сына». Когда однажды зимним днем они намекнули султану, что наступило время вернуться

в Адрианополь, он иронично согласился и, обязав их следовать за ним, скакал туда непрерывно в течение двадцати часов, ни разу не спешившись. Для своих охот султан Мехмед заставлял привозить ему из-за границы, часто из России, породистых гончих и соколов. Его охотничьи подвиги, подобно военным подвигам его более знаменитых предшественников, были увеселительны в поэзии. Он мог собственной рукой писать отчеты о них, в то время как в отношении каждого убитого им зверя велись точные и детальные записи.

Мехмеда редко удавалось склонить к тому, чтобы он принял участие в следовавших одна за другой военных кампаниях в верхнем течении Дуная, которые Кепрюлю Ахмед начал теперь вести в широких масштабах. Пока султан охотился, великий визирь воевал. Во время первой из этих кампаний летом 1663 года Мехмед совершил совместный марш со своими армиями до самого Адрианополя, но здесь передал священное знамя пророка в руки Кепрюлю и покинул их, чтобы заняться охотой с собаками. Армия, которую Ахмед привел в Белград, была самой крупной и наиболее впечатляющей из всех собиравшихся со времен Сулеймана. Примечательно, что турецкая армия вела свои военные действия при поддержке христианских вассалов в Валахии и Румынии и венгерского крестьянства, которому они явились в облике освободителей от империи Габсбургов.

Переправившись через Дунай, турки вскоре прошли Венгрию и Трансильванию. Достигнув Дравы, Ахмед потребовал уплаты дани, как и во времена правления Сулеймана. Когда в этом было отказано, он проследовал в Буду, затем пошел маршем на северозапад, чтобы осадить и захватить важный опорный пункт Уйвар. Застав здесь австрийцев врасплох, турки одержали победу, наиболее выдающуюся в сравнении с любой другой со времен сражения на равнине Мезе-Керестеш почти семьдесят лет тому назад. Это был успех, хотя по своему результату не больший, чем эффектный, и грабительских целях предпринятый рейд. Но победа возбудила в голове Ахмеда Кепрюлю «амбициозные планы овладения самой Веной, чтобы превзойти деяния Сулеймана Великолепного».

Проведя зиму в Белграде, Кепрюлю возобновил западный поход своих войск на следующий год. Висреди них, опустошая вселен и сея страх наподобие акынджи Сулеймана, шли регулярные войска, состоявшие из татарских орд. Исполненный решимости овладеть всеми крепостями на пути к Вене, великий визирь после нескольких новых успехов подошел к ключевому пункту Керменд на реке Раб, близ австро-венгерской границы. Осознавая возникшую угрозу, австрийцы провели в Вашваре зондаж относительно мирного урегулирования, которое было в принципе согласовано. Но прежде чем оно могло быть ратифицировано, Ахмед продвинулся вперед.

намереваясь переправиться через Раб. И здесь, в окрестностях монастыря Сен-Готард, он встретил решительное и хорошо организованное сопротивление воинского соединения императорских войск, уступавшего в численности, но лучше вооруженного и более умелого в тактике и владении техникой, чем его собственные войска. Этот отряд нанес ему быстрый и унижательное поражение.

Тайно переправив половину своих войск через Раб, Ахмед остался с другой половиной на прежнем месте, намереваясь осуществить переправу утром следующего дня. Сделать это ему помешали прошедший ночью дождь и наводнения. Тем не менее он был настолько уверен в успехе, что поспешил объявить в депеше султану о благополучном форсировании реки, тем самым ускорив преждевременное празднование победы в Стамбуле. Но авангард после начального успеха потерпел поражение от рук главным образом австрийской кавалерии, которая опрокинула ряды турок и тысячами потянула их обратно к реке, тем самым оставив «славу победы за христианами».

Здесь, у Сен-Готарда, в 1664 году произошел судьбоносный поворот в течении конфликта между Османской империей и империей Габсбургов, ибо туркам было нанесено первое решительное поражение в генеральном сражении «неверных» с христианскими войсками Европы. Это поражение прервало череду турецких побед, начало которой положил Мохач в 1526 году и которую семьдесятю годами позже продолжил Мезе-Керестеш. Оно впервые донесло до сознания турок тот объем нового военного опыта — например, организации, подготовки, оснащения, тактики и единоличного руководства, — который европейские армии приобрели в Тридцатилетней войне. Османы при всем начальном успехе Кеprюлю и порожденном им оптимизме не смогли идти в ногу с развитием военного дела в XVII веке. Их армии, по сравнению с армиями западных стран, становились отсталыми в силу приверженности традиционным методам ведения войны. Для турок это было откровением, чреватым трудностями в будущем.

У Сен-Готарда ряды австрийцев были укреплены контингентом наемных войск из Франции, страны, в то время более передовой в военном искусстве, чем любая другая страна в Европе. Этот контингент был направлен Людовиком XIV в поддержку папской Священной лиги. Ибо французы, хотя в принципе и продолжавшие придерживаться политики союза с турками, были близки к дипломатическому разрыву с Портой со времен вступления в должность герцога Кеprюлю — Мехмеда. Их посол ни во что не ставил великого визиря и пренебрегал им, так что их капитуляции выходились теперь в состоянии неопределенности. Поначалу французские наемники вызвали у Ахмеда Кеprюлю, наблюдавшего их

выдвижение вперед, с их бритыми подбородками и щеками и напудренными париками, презрительное отношение. Визирь воскликнул: «Кто эти юные девушки?» Но они бросились на турок и принялись безжалостно истреблять их, отвечая на крики «неверных» «Аллах!» своими призывами: «Вперед, вперед! Коли, коли!» Янычары, которым они устроили кровавую бойню, надолго запомнили этот крик, повторяя его во время учений и говоря о командире французов дюкс де ла Фьюлад как о «Фулади» — человеке из стали.

Тем не менее потери австрийцев были тяжелыми, и десять дней спустя после битвы они были готовы подтвердить предварительную договоренность с великим визирем о мире. Результатом был Вапварский договор, который фактически возобновил действия Ситваторокского договора и который с учетом победы австрийцев оставался удивительно благоприятным для турецкой стороны. Турки сохранили за собой ряд захваченных ими крепостей, включая Уйвар; они добились признания, при условии выплаты дани, своего вассального князя Апафи в Трансильвании, которую должны были покинуть и турки и австрийцы. Не допускалось никакого распространения власти Габсбургов на восток, и она была фактически ограничена западной и северной частями страны. Кепрюлю на такой поздней стадии сумел увеличить территорию империи. С помощью искусства дипломатии он выиграл то, что проиграл в результате военных действий. Он вернулся с триумфом, чтобы быть встреченным в Стамбуле овациями народа.

Следующим предприятием Ахмеда Кепрюлю было завершение захвата острова Крит, оборона которого, как было известно, стала более слабой, и, таким образом, завершилась серия военных кампаний, непрерывно опустошавших ресурсы империи на протяжении двадцати пяти лет. В 1666 году Ахмед с большим подкреплением проследовал на остров, где оставался на протяжении трех лет, имея возможность отсутствовать в столице благодаря услугам девушки-рабыни с Крита, которая теперь властвовала над султаном Мехмедом, будучи его наиболее влиятельной фавориткой. Эта рабыня с рвением поддерживала дело Кепрюлю и, следовательно, подтверждала его авторитет в глазах своего господина. Так что третья стадия осады Кандии доводилась до конца почти без передышек, летом и зимой, — «наиболее непреступной крепости в мире», как описывает ее Рико, «укрепленной с таким искусством и мастерством, какие только человеческий ум этого века был способен изобрести». Это было необыкновенное мастерство инженера, с его минами и контрминами, его траншеями и траверсами. Но искусство осады у турок, пионеров которого они стали еще при осаде Родоса, все еще было выше. Умело и неумолимо они ставили мины и рыли подземные ходы под Кандией.

На каждом этапе кампании турки пытались использовать флот. Венецианцы, со своей стороны, получали помощь во имя еще одного крестового похода не только со стороны папства, других итальянских и имперских сил Габсбургов, но и со стороны французов, которые скрытно помогали им с самого начала. «Юные девы» Сен-Готарда, имевшие репутацию славянок французского рыцарства, отплыли в Кандию вместе с их командиром, дюком де ла Фьюлад, под мальтийским флагом. Здесь, в духе романтического героизма и не обращая внимания на приказы венецианского военачальника Морозини, рыцари настояли на вылазке из крепости и, ведомые монахами, неуступчивыми распыляясь, убили изрядное количество турок, прежде чем их смогли одолеть превосходящими силами и заставили отступить. На следующий год под командованием дюка де Ноайль в Кандию приплыл еще более значительный отряд французов, на этот раз под знаменем римского папы. Ноайль настаивал на вылазке французов, отказываясь от помощи со стороны венецианских войск Морозини. Когда вылазка окончилась неудачей, флот французов присоединился к флоту венецианцев в бомбардировке, замышлявшейся для того, чтобы заставить турок покинуть их траншеи перед городом. Бомбардировка в свою очередь окончилась неудачей, отчасти из-за взрыва на французском корабле во время ее проведения. И французы, теперь уже серьезно конфликтуя с венецианцами, отплыли домой со всей своей армией.

Четырьмя днями позже Морозини сдал Кандию, признав, что город больше невозможно удерживать. Его осада длилась дольше, чем осада Трои. Ахмед Кеprюлю предложил почетные условия, которые соблюдались без нарушений. Обескровленному гарнизону венецианцев было разрешено взять с собой часть артиллерии, тогда как критяне получили свободу выбора местожительства где-либо в ином месте. Венеция сохранила за собой имевшиеся на острове порты, вся остальная территория стала турецкой, образуя препятствие, пересекающее южную часть Эгейского моря, тем самым превращая Восточное Средиземноморье в турецкое озеро. Жители острова из числа греков-христиан приветствовали турок как освободителей от их римско-католического правления; более того, с течением времени многие из них приняли ислам.

Мехмед Кеprюлю завещал своему сыну Ахмеду завершить эти дни войны империи наряду с обеспечением такой военной организации, которая не уступала бы, если не превосходила достигнутое Сулейманом. Но на деле Ахмед был больше, чем простой воин. Он обладал высокими качествами государственного деятеля. Турецкие историки сравнивали его с Соколлау, последним великим визирем Сулеймана, который расширил империю и задержал ее упадок на весь период, последовавший после смерти Сулеймана. Полутрамот-

ный отец Ахмеда дал ему хорошее образование с подготовкой в области права, которое тот дополнил, как это делали сами султаны предшествующих поколений, опытом ведения государственных дел, служа по очереди в качестве губернатора двух провинций. Он обладал силой отца, но был лишен его жестокости. Ахмед ослабил строгости режима Кеprюлю, как только почувствовал себя в достаточной безопасности, чтобы позволить сделать это, и ввел правосудие, которое одновременно было человечным, справедливым и относительно свободным от коррупции. Великий визирь сам был лишен корыстолюбия и настолько невосприимчив к подкупу, что поднесение ему подарка, как утверждалось, скорее настраивало его против, чем в пользу дарителя.

Мусульманин строгих правил, Ахмед был, тем не менее, свободен от фанатизма, терпимо относился к религиозным верованиям других, защищая христиан и евреев от несправедливости и отменяя ограничения на строительство церквей. В этом он отличался от своего отца, который подвергал изгнанию неортодоксальных шейхов и дервишей и повесил греческого патриарха по ложному обвинению в подстрекательстве к восстанию христиан. Честный в своих суждениях, с прямым, процидательным умом, сразу схватывавший суть проблемы, Ахмед Кеprюлю был человеком многих добрых намерений, сочетавшим в себе умение держаться с достоинством, скромно и вежливо, за что народ считал его благородным и верным своему слову человеком и к которому относился с уважением и привязанностью благодаря этим и другим его достоинствам.

Главной задачей Ахмеда в гражданской области было довести до завершения разнообразные реформы, начатые его отцом. Он ввел меры по обеспечению соблюдения законов ислама и капуков султанов. Он сократил численность состоящих при дворе войск, содержание которых стало одновременно и тяжелым бременем для центральной казны, и источником волнений в государстве, и усилил защиту крестьянства посредством введения пересмотренной системы налогообложения и общественного порядка. Наконец при всей занятости политическими и военными делами великий визирь являлся покровителем писателей, поэтов и историков, стремившихся в знак благодарности обессмертить его победы и другие подвиги.

Теперь Ахмед Кеprюлю искал новых завоеваний. В 1672 году он обратил свой взор в сторону земель, лежавших за Черным морем, в сторону, которой в дальнейшем было суждено стать для турок главным театром военных действий, а именно в сторону России и Польши. Особое внимание он уделял Украине, предмету спора между Россией и Польшей и, следовательно, представляя перспективную область для турецкого вмешательства. Незадолго

но этого русские и поляки попытались поделить между собой территории независимых и решительных казаков, как на Украине, так и дальше к югу, вокруг устьев Буга и Днестра, впадавших в Черное море, чтобы поставить их под контроль, как русский царь контролировал казаков, обитавших в устье Дона, дальше к востоку. Казаки польской Украины буйно восстали против своих хозяев, пытаясь вооруженное вторжение против них польской армии под руководством Яна Собеского.

Тогда лидер казаков обратился за помощью к султану* и предложил ему стать сюзереном над его территорией. Он был с почестями принят в Стамбуле и обласкан султаном Мехмедом полномочиями бея турецкого санджака провинции Украина, получив буханчуковое знамя, тогда как крымскому хану в свою очередь было отдано приказание оказать казакам поддержку. Эта акция вызвала громкие протесты как со стороны короля Польши, так и русского царя**, которые угрожали объединиться в войне против турецкого султана. Турки высокомерно игнорировали протесты, в то время как великий визирь собственноручно написал польскому монарху:

«Казаки — свободный народ, подчиненный Польше. Но, будучи в нем и состоявши долгие терпеть жестокость, несправедливость, гнет и могущество, которые угнетают их, они... искали покровительства крымского хана и теперь имеют от него помощь, под турецким покровом... Если жители какой-либо страны, чтобы обрести свободу, просят помощи могущественного султана, разве это благоразумно — преследовать их, когда они находятся под таким покровительством?»

Когда король Польши не отреагировал на это официальное письмо, султан в 1672 году направил значительные силы турок через Молдавию к берегам Днестра, где к ним присоединились войска татар. На этот раз султан сам принял участие в кампании, руководя своими войсками.

Переправившись через реку, турки вскоре добились успеха, захватив две важные крепости. Согласно уничижительному мирному урегулированию, достигнутому в Бучаче***, король Польши уступил казакам украинскую провинцию Подолию, между Днестром и Днестром, а свою часть Украины — казакам; более того, он согласился выплачивать Порте дань. Но затем Собеский отверг договор и дважды, с переменным успехом, выступал против турок. Однако в 1676 году он потерпел от них решительное поражение, уступив по новому договору, подписанному в Журавно****, больше, чем он первоначально обещал им. Власть турок, таким образом, на какое-то время утвердилась к северо-западу от Черного моря, что давало возможность оказывать давление на поляков и препятствовать выездам русских в отношении Украины.

Таково было достижение Ахмеда Кеprюлю с его умелым использованием новых ресурсов империи. Но оно было краткосрочным. Это была последняя кампания Ахмеда. Всего несколько дней спустя после ее завершения он скончался в возрасте сорока двух лет от водянки, вызванной неумеренным употреблением вина и бренди — единственного недостатка во всех других отношениях образцового правителя.

Все ждали и надеялись, что Ахмеда Кепрюлю, у которого был только один сын — младенец, смснит на посту великого визиря его брат Фазыл Мустафа. Это продолжило бы семейное правление Кепрюлю, которое на протяжении двух последних десятилетий так поддерживало угасающую империю во внешней и внутренней сферах. Но в преемственности случился прискорбный перерыв. Султан Мехмед сделал выбор в пользу личного распоряжения имперскими prerogativami, что сослужило ему плохую службу. Он назначил на должность главного визиря свояка Ахмеда, ставшего позже свояком самого Мехмеда, — Кара Мустафу. Его управление привело к периоду «междоусобия», длившемуся тринадцать лет и нанесшему империи непоправимый ущерб.

«Черный Мустафа» — как его называли из-за смуглого цвета кожи — был человеком, преисполненным гордыни и изысканных амбиций. Дурной славой пользовались выстававшие им напоказ своего образа жизни, его помпезные празднества. Его гарем, по слухам, насчитывал полторы тысячи жен и любовниц и такое же число женщин-рабынь, за которыми следили семьсот черных евнухов. Вновь назначенный великий визирь внушал к себе любовь султана благодаря бесчисленному множеству лопатей, гончих и соколов. Ажность втягивала Мустафу, находящегося на столь высоком посту, в бесконечные вымогательства и акты коррупции, продажу без колебаний должностей всех видов, сделки с иностранными представителями в отношении капитуляций и назначение платы с выгодой для себя, за аудиенцию у султана.

Больше всего Черный Мустафа в своей мании величия мечтал о всемирной славе человека, завоевывающего для империи новые территории. Фанатично настроенный против христиан, он, как утверждают, повторил угрозу Баязида I, что однажды поставит своих лопатей в соборе святого Петра в Риме и что после захвата Вены он пойдет маршем к Рейну, чтобы сразиться с Людовиком XIV. Мустафа видел себя правящим в качестве номинального вице-короля, но фактического суверена огромного европейского домини-

она. Но в качестве военачальника он показал себя личностью удивительно мелкого калибра, теряя из-за ошибок на полях сражений многое из того, что отец и сын Кепрюлю с их компетенцией в военных вопросах и дополнительно мобилизованными ресурсами приобрели для империи.

Под руководством Мустафы турки в течение всего лишь пяти лет уступили русским свою часть Украины, завоеванную Кепрюлю. Это произошло в результате двух неудачных кампаний с тяжелыми потерями как в живой силе, так и в артиллерии, в тяжелых, непривычных климатических условиях и местности, против врага, которого турки все больше начинали бояться. В 1681 году с русскими был подписан мирный договор, по которому турки отказались от всех претензий на Украину и вывели из этого района свои войска с условием, что ни одна из сторон не станет возводить крепости между Бугом и Днестром*. Существенный плацдарм был, следовательно, утрачен идущей к упадку Османской империей в пользу расширяющейся Российской империи, на театре военных действий, которому в грядущие века предстояло стать все более жизненно важным для Турции.

Это не очень обеспокоило Кара Мустафу, стремление которого к завоеваниям распространялось на другие места в сердце Центральной Европы. Его намерением было захватить Вену, чего не смог до него сделать великий Сулейман. Шансы Мустафы возросли в связи с восстанием в Венгрии, в основном поднятом недовольными протестантами против преследований со стороны католиков-Габсбургов. Их лидер, граф Эммерих Текели, после того как он нанеся поражение войскам императора, а затем отверг неприемлемые для него условия перемирия, обратился к султану за помощью. Тот это обещал, признав Текели в качестве короля Западной Венгрии под османским суверенитетом. Имея подобную поддержку, Текели возобновил военные действия. Он обратился также за помощью к французам, поскольку Людовик XIV, стремясь уравновесить власти Габсбургов, уже оказал поддержку против них Апафи как князя Трансильвании. Теперь султан Мехмед выделил Текели субсидии, тогда как его посланник в Стамбуле обещал султану благожелательный нейтралитет, тем самым поощряя турок к нападению на Австрию.

Когда австрийский посланник в Порте попытался возобновить подписанный Кепрюлю Вашварский договор с императором, великий визирь отверг его предложения и вместо этого предъявил ему нечто вроде ультиматума. В нем требовалось в качестве условия мира сдать важную крепость Дьер наряду с возмещением расходов, которые он понес, готовясь к войне. На это австрийский посланник ответил: «Замок может быть взят силой оружия, но не силой слов».

Так, война между Османской империей и империей Габсбургов еще раз стала неизбежной. Осенью 1682 года в Стамбуле перед Сералем были водружены символы султанской власти, оповещаая о близком отходе султана из города. Он направился в Адрианополь, где к осени 1683 года была собрана внушительная армия. Она включала крупный отряд инженеров и артиллеристов с частями поддержки, а также многочисленные отряды нерегулярной кавалерии — крымских татар и других; ее численность увеличивали обычные ремесленники, батраки и люди, обслуживавшие лагерь, которые вместе с их личными животными-мулами, волами и верблюдами всегда создавали о турецкой армии впечатление более внушительной, чем она была на самом деле.

Таким было последнее великое мусульманское войско, которое шло во имя веры и в русле старой османской традиции против христианской Европы. Чтобы противостоять ему, император Леопольд собрал под руководством опытного генерала герцога Карла Лотарейского армию, меньшую по численности, но подкреплённую введением субсидий со стороны папы, наряду с вооруженной поддержкой не только со стороны германских князей, но также, в нарушение его недавнего договора с Портой, от короля Яна Сибеского из Польши. Это разрушило планы Людовика XIV, который стремился предотвратить подобный союз, вынашивая корыстные планы относительно Священной Римской империи за счет Леопольда. В результате, как и раньше, он не относился отрицательно к турецко-австрийской конфронтации.

Весной 1683 года турецкая армия выступила в поход, возглавляемая султаном, который, как только достигли Белграда, передал командование ею вместе со знаменем пророка Кара Мустафе. В Офенке к великому визирю присоединились раскольниковы венгерские войска Текели, маршировавшие под контрастирующим христианским флагом с надписью по-латыни «За Бога и Страну» и носившие название крестоносцев, или «люди Креста». В этом в глазах великого визиря было повторение истории, вызывавшее в памяти в чем-то знакомую встречу в качестве союзников султана Сулеймана и Яна Земоляни. Кара Мустафа пока еще не объявил открыто о своем намерении осадить непосредственно Вену. Между Будой и австрийской границей лежал участок имперской части Венгрии, прикрывавший подходы к столице в местах, где в Дунай впадало несколько притоков. Предполагалось, что, прежде чем пойти непосредственно на Вену, турки уничтожат эти вражеские гарнизоны, из которых наиболее опасными были гарнизоны Дьера и Керменда.

Перед рекой Раб великий визирь провел военный совет со своими военачальниками, включая крымского хана. На совете, как утверждал, ветеран Ибрагим-паша — губернатор Буды — настоятельно

рекомендовал великому визирю следовать очень осторожной тактике. В подкрепление своего аргумента он рассказал сказку о королсе, который высыпал на середину ковра груды золота, а затем предложил се любому, кто сможет достать золото, не ступая на ковер. Победителем стал тот, кто свернул ковер с края, пока не подвинулся настолько, что смог достать награду. Именно так, настаивал Ибрагим, должен добиваться награды в виде Вены и Кара Мустафа, сначала «свернув» этот враждебный пограничный район и обеспечив контроль над его крепостями, отложив нападение на сам город до осени или весны следующего года. Тогда Вена наверняка падет к ногам Кара Мустафы по своей собственной воле.

Великий визирь ответил Ибрагиму: «Ты старик восьмидесяти лет — твой ум не в порядке». Крымский хан Селим-Гирей высказал ту же точку зрения, что и паша, тем самым навеская на себя в будущем неприянь великого визиря. Этот курс имел и других сторонников. Но Кара Мустафа проявил решимость идти прямо на Вену. Ибо после ее захвата «все христиане подчинятся османам». Он приказал своим инженерам навести через Раб pontонные мосты. Переправившись через реку со своей армией, великий визирь сразу же пошел на поход на запад. Ибрагим-паша остался в тылу заботиться о припасах. Создавая видимость подготовки к осаде, около Дьеря он оставил небольшой отряд. Нерегулярные татарские части вместе с войском Текели получили свободу действий, чтобы опустошить земли перед Дьером и вокруг него — заставить «турецкие колокола» вновь зазвонить, сея тревогу в Центральной Европе.

Таким образом, Кара Мустафа с основными силами своей армии появился под стенами Вены 13 июля. Когда его батареи заняли исходные позиции, в город было направлено традиционное послание, требующее сдаться и перейти в ислам или же эвакуировать город с гарантией безопасности для горожан. Это послание было доставлено к стенам города турецким офицером и вручено солдату для передачи графу Штарембергу, губернатору города. Но никакого ответа не последовало. Сам император со своим двором выехал из города на запад в Пассау, а главнокомандующий Карл Лоррейнский примерно с двумя третями небольшой австрийской армии ушел в Линц, вверх по течению Дуная. Оставшаяся в стенах города треть армии усилила гарнизон, который, тем не менее, составлял не более двенадцати тысяч человек.

Лагерь турок, разбитый к западу от города в форме полумесяца, сам по себе был городом из ткани, с двадцатью пятью тысячами шатров и пятьюдесятью тысячами телег с провиантом и снаряжением. В центре лагеря, в скоплении шатров, царил Черный Мустафа, руководя осадой и решая государственные дела. Своим величием это сонмище шатров могло поспорить с самими памятными

павильонами Сулеймана. В деле отражения турецких армий и спасения своей столицы император Леопольд полагался главным образом на союзников в Европе — курфюрстов Баварии и Саксонии, но больше всего на короля Польши Яна Собеского. Но император Леопольд обратился к ним за помощью, только когда угроза Вене стала неизбежной, стремительно воплощающейся в жизнь. С другой стороны, Кара Мустафа проявил медлительность в том, чтобы постараться поменшать приходу подкреплений, что он вполне мог бы сделать, незамедлительно предприняв генеральный штурм города своими превосходными силами. Здесь, как кажется, на него повлияла жадность. Если бы город пал в результате штурма, находящиеся в нем трофеи попали бы в руки занявшихся грабежами солдат. Если бы город капитулировал, вся военная добыча была бы его как представителя султана.

Как только осада началась, стало ясно, что обороняющиеся имеют преимущество в артиллерии, как по количеству, так и по качеству артиллерийских орудий, над осаждающими. Кара Мустафа не имел тяжелой артиллерии, повторяя, таким образом, ошибку Сулеймана, который не смог транспортировать ее столь далеко. Он применял орудия только малого и среднего калибра, достаточно эффективные против противника в открытом поле, но непригодные против крепких крепостных стен. Более того, основная часть его боеприпасов, изготовленных в Буде, была низкого качества, и снаряды не разрывались. Рассматривая артиллерию как вспомогательный род войск, турки сделали выбор скорее в пользу минирования, в чем они преуспели во время осад в других местах, особенно в Кандии.

Кара Мустафа первым делом окружил большую часть города и прилегающих окрестностей, прикрыв их от сил противника на значительном участке вдоль Дуная. Затем он начал с помощью труда плененных христиан создавать сеть траншей, приближающихся к стенам и их бастионам, чтобы заминировать их в различных местах. Каменная кладка стен была, однако, очень прочной, обороняющиеся исполнены мужества и не имели намерения отсиживаться в обороне, и предпринимали энергичные вылазки, всегда проявляя быстроту в восстановлении поврежденных укреплений. Турки с их саблями были неэффективны в своих атаках против германцев с их алебардами, косами и боевыми топорами. Но турецкие мины пробивали бреши в стенах. 4 сентября, вслед за главным взрывом, турки вытеснили людей Штаремберга из рavelина, а затем потоком толпили через широкий пролом в Бург, призывая на помощь Аллаха, размахивая знаменами и грозно сверкая оружием. После двухчасовой схватки с тяжелыми потерями с обеих сторон они были отброшены. Тем не менее положение обороняющихся становилось критическим.

Завоевания османов в Европе.

Но в этот момент пришло известие, что идущая на выручку армия поляков наконец-то была совсем рядом. Продвижение короля Яна Собеского, начавшееся из Варшавы с задержкой в Кракове, было столь же медленным, как и нападение Мустафы. По пути он не встретил значительного сопротивления. Вскоре Собеский уже форсировал Дунай с помощью моста, составленного из лодок, чтобы

единиться с главными силами австрийской армии герцога Лоррейнского и с контингентами из Баварии и Саксонии. Проведя военный совет, они совершили трехдневный переход — и вновь беспрепятственно — по трудным лесным тропам вверх, к вершинам подступающего над Веной Каленберга, которые, к их изумлению, еще не были заняты. Отсюда Собеский смотрел вниз на осажденный город, сохранившиеся стены которого, окруженные принятом траншей для подвода мин, прерывались кое-где грудями валунов и камней; и на лагерь своего врага, по-прежнему раскинувшийся в долине у города без каких-либо оборонительных сооружений или концентрации войск. Увидев это, польский король с уверенностью сказал: «Этот человек плохо разместил свой лагерь. Он ничего не имеет в войне, мы наверняка разгромим его».

Кара Мустафа, нацеленный на осаду, действительно не спланировал заранее оборону собственных сил, ведущих осаду города, от войск, идущих на выручку осажденным. Лагерь турок не был спасен и по большей части не был прикрыт ни сторожевыми постами на вершинах холмов, ни кавалерийскими разъездами на линии. Более того, даже тогда, когда прибытие армии поддержки было очевидным, Мустафа не предпринял никаких мер к тому, чтобы отрядить часть своих войск для отражения ее атаки. Польский визирь проигнорировал возможность не допустить переправы через Дунай либо австрийских, либо польских войск — операцию, которая требовала посланки хорошо вооруженного отряда под его собственным командованием, но которую он поручил хану крымских татар, впоследствии обвиняя его, забыв о собственном расчете, в неудаче в противостоянии им. Так же Мустафа не предпринял ни одной попытки приостановить продвижение противника, используя крутые скалистые склоны Каленберга, либо упрямить его, заняв вершины холмов. Только когда гребень и склоны Каленберга осветились вспышками огня вражеских ракет и палых костров, Кара Мустафа понял, что теперь было бы слишком поздно принимать какие-то меры. Все, что он мог сделать, — это направить отряд к нижним склонам гряды и подождать, когда Собеский ринется вниз по склонам в наступление.

Оно началось перед рассветом 12 сентября. Дисциплинированные христиане спускались вниз в образцовом военном порядке, при этом они казались туркам чем-то вроде «наводнения из смолы, которая лилась по склонам, покрывая все, к чему она прикасалась». Кара Мустафа верил, что отряда кавалерии будет достаточно, чтобы отбить нападение. Только тогда, когда крымский хан убедил его использовать янычар, он выделил отряд, оставив основные силы янычар в траншеях перед городом. Теперь уже не было времени, чтобы доставить туда необходимое количество артиллерии.

Последовавшая за этим битва, в которой турецкие войска оказались зажатыми между двух огней хорошо вооруженного гарнизона и хорошо управляемых войск, идущих на выручку, длилась на протяжении всего дня. Сначала битва приняла хаотическую форму беспорядочных стычек среди скал и ущелий, склонов и холмов. Затем внизу, на равнине, после жестокой схватки между турецкой польской кавалерией, при поддержке германцев, Собеский повел свои отборные войска прямо против турецкого центра и лагеря, где в глаза бросался шатер великого визиря. При виде христианского завоевателя собственной персоной татарский хан воскликнул: «Клянусь Аллахом! Король действительно среди нас!» — и со своими людьми на всем скаку пустился наутек. Огромная масса турецких войск сломала свои ряды и в замешательстве обратилась в бегство, оставив на поле боя десять тысяч убитых.

Янычары, находившиеся в траншеях перед городом, из тех, кто не рискнул не пойти в атаку и в то же время не отступить, были наголову разбиты, оказавшись между защитниками города, находившимися перед ними, и победоносными поляками у них в тылу. Во всеобщей панике весь лагерь турок был брошен на произвол судьбы со всей его артиллерией, ста тысячами голов рогатого скота и такими трофеями, как украшенное драгоценными камнями оружие и кушачи, богатые ковры, тонкие дорогие ткани и меха, которые стали вознаграждением Собескому и его армии.

Но, к разочарованию, они обнаружили лишь немного монет и слитков серебра и золота, поскольку турки успели вовремя унести их с собой. Курьезные вещи среди трофеев включали только что обезглавленную самку страуса; попугая, который упорно не желал даваться в руки; других птиц в золотых клетках; но прежде всего большие запасы кофе, что привело к созданию первого из венских кафе.

Великий визирь поспешно бежал вместе со своим войском, успев спасти лишь знамя пророка и значительную сумму денег, оставив свой роскошный шатер польскому королю, который отправил своей королеве в качестве символа победы золотое стремя от босового коня Мустафы. Хвастаясь в сопроводительном письме своим захватом лагеря «неверных» со всеми его богатствами, польский король детально рассказывал о драгоценных вещах в своей собственности, добытые, а затем заключил: «Мы топим перед собой множество верблюдов, мулов и пленных турок». Граф Штаремберг пригласил шатер османов, чтобы выразить свое уважение Собескому к освободителю Вены. Перед шатром, между позолоченными флажками с бунчуками султана, висело огромное шитое золотом знамя. На следующий день все это было с триумфом пронесено по улицам города, а военачальники христиан, гордо восседая на лошадях, предваряли процессию победителей.

Примерно полутора веками ранее Сулейман Великолепный потерпел неудачу с осадой Вены в значительной степени из-за проблем с транспортом и нехваткой ресурсов. Но он уходил от стен города, оставив армию невредимой. Черный Мустафа сражался и проиграл центральное сражение противнику, уступавшему ему в численности; и армия, в той мере, в какой ей удалось выжить, была изведена из строя бегущей толпой. Поражение Кара Мустафы было поражением, которое раз и навсегда подорвало в глазах Европы престиж османских турок в качестве нации-завоевателя.

После схватки за город армии христиан под предводительством имперского и Карла Лоррейнского быстро возобновили преследование бегущих турок. Кара Мустафа в своем бегстве сделал паузу у Раб, чтобы перегруппировать остатки своих войск и перераспределить командование. В гневе великий визирь объявил своего друга и оппонента его тактики Ибрагим-пашу, губернатора Буды, преднамеренным предателем, выразившемся в бегстве первым вместе с его войсками с поля боя и тем самым предопределившим судьбу остальных. Мустафа приказал казнить Ибрагим-пашу вместе с другими офицерами высокого ранга, выбранными в качестве жертв, с которыми можно было бы отыграться.

Разбитая армия с боями прокладывала свой путь к Буде, постоянно тревожимая австрийскими ополченцами из разных крепостей, оставленных в руках врага, в то время как нерегулярные османские части опустошали венгерские земли по пути отступления. И все же, как они это делали во время наступления. В арьергардном бою у Парканы преследователей-поляков сначала остановили, а затем заперли в ловушку, где они были стремительно атакованы турками, и в смертельной схватке сумели все же отбросить османов обратно, к берегам Дуная. Когда турки толпами устремились на мост, сделанный из лодок, тот обрушился под весом бегущих, и семьсот человек утонули или же были перебиты. Это привело к осаде и блокаде Эстергома, который отныне перестал служить опорным пунктом для имперских устремлений турок, коим он стал после смерти Сулеймана. Теперь это был опорный пункт имперских позиций австрийцев и германцев. Турецкие войска ушли к Белграду, где как султан еще раньше отбыл в Адрианополь. Оттуда он послал своего старшего постельничего с приказанием вернуться с новой силой великого визиря. Так что Кара Мустафа был в свою очередь казнен, как он казнил многих и многих других. Такой оказалась судьба тщеславного, алчного, чрезмерно напыщенного министра, бездарность которого в военных делах принесла Османской империи ее крупнейшее поражение. Таким было окончание рокового для последней осады Вены. Тем не менее должны были пройти еще шестнадцать лет до окончания начатой Турцией войны.

Христианский мир приветствовал известие об освобождении имперского города шумным восторгом. Вот теперь-то в конце концов должен прозвучать погребальный звон по мусульманской агрессии, навсегда заставив замолчать тревогу «турецких колоколов» в Европе. Вспомнили библейские пророчества, предсказывавшие конец Османской империи в 1691 году. Конечно, это должно было произойти на самом деле. Папа римский, молившийся за победу христиан, отметил ее службой благодарения, а затем стал убеждать в необходимости осуществить еще один — четырнадцатый по счету — крестовый поход, чтобы окончательно решить исход дела, поскольку военачальники союзных войск решили до конца использовать свое преимущество. Его давно выплывавшие планы создания Священной лиги вновь вернулись к жизни с ее оформлением в Линце весной 1684 года, включая три христианские державы — Австрию, Польшу и Венецию, с надеждой на дополнительное сотрудничество с Персией. Каждая держава нанесла бы удар в районе, наиболее затрагивающем ее интересы: Австрия — в Венгрии и бассейне Среднего Дуная, Подунавья, в направлении перевалов через Балканы; Польша — в южном направлении Черноморского побережья и вдоль него; Венеция — в Далмации, Греции и на островах. Была отчеканена медаль в память о гармонии и согласии трех «героев» лиги: императора Леопольда, Собеского — короля Польши и дожа Венеции. На деле, как и всегда в прошлом, политические интересы троих вскоре вошли в противоречие по поводу их общих границ и сфер интересов. Но на протяжении почти пяти лет лига казалась достаточно эффективной в качестве военного инструмента.

Иницируя в 1684 году давно планировавшуюся кампанию Республика Венеция впервые в своей истории объявила султану открытую войну. При содействии Мальты и Тосканы венецианцы снарядили флот под командованием Морозини, который захватил Превезу и прибрежный остров Санта-Маура. Затем, при поддержке местных корсаров, Морозини высадил десант в Далмации и развернул наземные силы в Албании и Боснии. На следующий год Морозини осуществил завоевание Морей, получив, несмотря на твердое противодействие турок, поддержку от буйных обитателей Мани и заработав себе на этом звание «Пелопонессиако».

Годом позже его сухопутные войска, состоявшие в основном из германских контингентов под началом шведского командира, продвинулись к северу, к Коринфу, а затем осадили и захватили Афины. В ходе обстрела венецианцами Пантеона, до этого бережно сохранявшегося на протяжении двух тысяч лет, один из снарядов попал в спрятанный там пороховой погреб турок и разрушил значительную часть храма, в результате оставив в последствии

поломкам руины. Позже венецианцы эвакуировались из Афин из опасений возмездия со стороны турецкого гарнизона, все еще находившегося в Фивах, но увезли с собой льва из Пирея, который ныне украшает вместе со львицей из Делоса Арсенал в Венеции.

Второй из трех «героических» христианских союзников — поляки — потерпели неудачу под городом Каменец-Подольский, крепость в котором осталась за турками. Но у Собеского были более амбициозные планы, идущие далеко вперед, в Молдавию и Трансильванию, которые он стремился контролировать. И здесь польский король вскоре вошел в конфликт со своим союзником-императором, который поторопился предъявить собственные претензии в этом районе. Следовательно, Собеский теперь не мог рассчитывать на поддержку империи на проведение кампании в Молдавии: в 1686 году, которую он провел, не достигнув каких-либо определенных результатов.

Тем временем в 1684 году австрийские войска оккупировали большую часть Хорватии, которая вскоре стала австрийской провинцией. В то же время, выступая из Эстергома, австрийцы отвоевали Уингар, несмотря на ожесточенное сопротивление турецкого гарнизона. Годом позже они возобновили свою осаду Буды, которой турки, предпринимавшие ряд решительных арьергардных боев, трижды пытались прийти на выручку. Но Буда пала под напором имперских войск, и весь гарнизон вместе с командиром был истреблен. Так, в 1686 году, после полутора веков турецкого господства, переживший множество мучительных осад, город Буда, к восторгу всей Европы, наконец-то вернулся в руки венгров.

Годом позже, предприняв контрнаступление, новый великий визирь Сулейман повел большую турецкую армию в направлении Дравы. Здесь он встретился с силами Карла Лоррейнского на историческом поле сражений под Мохачем, на котором войска султана Сулеймана держали свою первую решающую победу над Венгрией. Теперь империя повернула вспять, окончившись катастрофическим поражением, в котором армия великого визира была наголову разбита, потеряв около двадцати тысяч человек. В результате императору Леопольду была обеспечена большая часть Венгрии, королем которой он сделал своего старшего сына Иосифа, позднее ставшего императором. Для эффективной защиты возвращенных территорий теперь оставалось только освободить Белград, который служил бы их оплотом. Это было осуществлено в течение года пришедшим Людвигом Баварским, которому было оказано лишь непродолжительное сопротивление. Возвращение Белграда сопровождалось взятием других ключевых крепостей в бассейне Дуная, продвигая процесс возвращения захваченных турками земель в восточном направлении, в сторону Болгарии вплоть до Никополя, а также в Сербию вплоть до Ниша.

Между тем поражение при Мохаче спровоцировало мятеж турецкой армии и восстание в столице, что привело к смещению — но не к казни — Мехмеда IV. Он удалился в ссылку, где ему запретили заниматься его самым любимым времяпрепровождением — охотой. Старший из двух его братьев был доставлен из «Клетки», чтобы наследовать Мехмеду IV в качестве Сулеймана II. Доказывая, что он, несмотря на жизнь затворника, будет более ответственным правителем, чем его брат, более серьезно озабочен тем, чтобы подавить продолжающиеся и нарастающие беспорядки, Сулейман II созвал чрезвычайное заседание Дивана в Андрианополе. Принимая рекомендацию своих советников, Сулейман назначил в качестве великого визиря третьего из Кепрюлю, Фавыя Мустафа-пашу, которому тринадцать лет тому назад, после смерти его брата Ахмеда, предпочли Кара Мустафу. Занимая должность великого визиря в тех же абсолютных условиях, что и его отец и брат, Мустафа-паша вызвал в Диван главных сановных лиц империи и сурово предупредил их о крайних опасностях, с которыми сталкивается империя. «Если мы будем продолжать следовать этим путем», — предсказал он, — «следующая кампания увидит врага, стоящего лагерем перед воротами Стамбула».

Будучи умным и прекрасно обученным методом своей «династии» человеком, Кепрюлю III энергично взялся за работу, пополнив казну, проводя реформу управления, восстанавливая и укрепляя армию, разводя войны за возвращение утраченных земель. При каждом удобном случае вспоминая имя и законы пророка, Мустафа-паша воодушевлял турок на то, чтобы не давать Габсбургам передышки. Случилось так, что в этот момент, в 1688 году, императора отвлекли произошедшие далеко отсюда события. Это была английская революция и появление Вильгельма Оранского. Вместе со своим Великим союзом, включавшим страны, входившие в Аугсбургскую лигу, он вскоре был втянут в войну против Людовика XIV, что потребовало помощи со стороны императора второму фронту, на который он направил контингенты под командованием двух своих военачальников — Карла Лоррейнского и Людвиг Баварского. Это дало османам время на передышку. Когда посол Франции стал убеждать Кепрюлю, что Порта должна отказаться от признания Вильгельма Оранского, тот отверг подобный курс, обоснованно настаивая, что не для османов, которые столь часто свергали с трона собственных суверенов, оспаривать право англичан свергать своих. Однако французский посол очень хотел склонить великого визиря выполнить его вторую просьбу — предпринять войну против императора.

В 1690 году, неся знамя пророка, великий визирь сделал «...» После ряда подготовительных операций, проведенных татарами Кепрюлю еще раз предоставил свободу действий Текели в Трансиль-

ни, где тот осуществил хорошо рассчитанный отвлекающий маневр. Затем во главе своей основной армии Кепрюлю выдвинулся в Сербию, вновь занял Ниш вместе с другими крепостями и таким образом вновь утраченных земель, заложил осаду города, который еще раз капитулировал с неожиданной быстротой, причем образом из-за взрыва от огня большого порохового склада внутри крепости. Рассудив, что было уже слишком холодное время года для крупномасштабных военных действий, Кепрюлю послал небольшой отряд в подкрепление Текели в его выступлениях против австрийцев. Кепрюлю затем оставил сильный гарнизон в городе и возвратился в Стамбул, где султан устроил своему герою триумфальный прием.

На зиму Кепрюлю сформировал еще более крупную армию, которая летом 1691 года пошла походом из Белграда вверх по Дунаю. На незначительном удалении, в Слашкамене, турки столкнулись с опытной армией принца Людвиг, спускавшейся со стороны Эрвардайна. Великий визирь посоветовался со своими командирами, стоит ли идти в атаку или занять оборонительную позицию, ожидая атаки противника. Они посоветовали ему отложить сражение, пока подойдут подкрепления татар. Но Кепрюлю, чье мнение военачальника, бесспорно, уступало его административным взглядам, решился атаковать. Упрекая бородатого ветерана-командира, обвинявшегося в атаке скорее с упорством призрака, чем человека, он крикнул: «Артиллерию вперед!»

С самого начала жестокая битва стала неблагоприятно складываться для турок, несмотря на то что их легкие суда одерживали победы на реке. Их последовательные стремительные атаки встречались ответным, непрерывным и точно спланированным огнем противника, имевшего преимущество в огнестрельном оружии — мушкетах. Поражение стало неизбежным, Кепрюлю, надеясь в качестве последнего средства выиграть бой, лично повел войска в атаку. Призывая на помощь Аллаха, он прокладывал свой путь мощью турецкой сабли со своей охраной по бокам сквозь ряды австрийцев. Но героический жест был бесполезен. Ряды австрийцев твердо стояли на месте. Пуля попала Мустафа-паше в лоб, и он пал замертво. Его стража, видя, что великий визирь мертв, утратила бодрость духа и побежала. Турецкие командиры, которые могли бы на время скрыть от войск известие о смерти великого визиря, разбежались причитаниями и тем самым разнесли новость, подорвав бодрый дух всего войска и вызвав всеобщую панику. Армия побежала в полном беспорядке, бросив врагу свой лагерь с его традиционным трофеем в виде артиллерии.

Австрийцы, хотя и за существенную плату, но одержали решительную победу. Для османов гибель в битве после всего лишь двух

лет пребывания у власти их последней блистательной надежды, Кенрюлю Добродетельного, была решительным несчастьем. Они утратили Венгрию. Точно так же, после поражения и изгнания Текели, была утрачена Трансильвания. Султан Сулейман II умер вскоре после начала кампании, после правления, продолжавшегося четыре года. Опять-таки его брат был доставлен из «Кастки», чтобы наследовать ему под именем Ахмеда II, который правил еще четыре года под грузом позора и отчаяния, которые ускорили его конец.

Теперь только операции в Эгейском море прибавляли туркам некоторое ощущение консолидации. Венецианцы сочли затруднительным удерживать за собой Морею в условиях постоянного присутствия турецкого флота в Фивах и потерпели неудачу в своих попытках или восстановить базу на Крите, или захватить остров в Эгейском море. Но в 1693 году Морозини, уже будучи в преклонном возрасте, стал дожем и командующим всеми вооруженными силами Венеции. Он возобновил попытки захвата Хиоса, острова неподалеку от Смирны, который был почти столь же важен для турок в качестве базы, как и Дарданеллы. Спланировав операцию, Морозини умер во время ее исполнения. Венецианский флот, однако, захватил Хиос с помощью соединенных кораблей от папы Римского и Мальты, к великому огорчению и без того уже пребывавшего в печали и в данный момент испытывавшего недоумение султана Ахмеда. Но венецианский гарнизон удерживал остров только до следующего года, когда турецкий флот отогнал шедшую с подкреплениями венецианскую эскадру и вновь занял остров. Эта своевременная победа была отмечена празднествами в Стамбуле, хотя султана уже не было в живых, чтобы он мог услышать о ней добрые вести. Ахмед II скончался от водянки, которой страдали и оба его брата. Место на троне занял его племянник Мустафа II.

Заслуга в том, что произошло возрождение османского флота, принадлежала повому главному адмиралу, корсару с берберийского побережья по имени Хасан, по кличке Мецзаморто, поскольку юности он неожиданно вновь появился в Алжире после того, как его, считая мертвым, бросили после схватки с венецианцами. Путем активных, хотя и не всегда решающих, операций против венецианцев, он теперь вдохнул новую жизнь и надежды в турецкие военно-морские силы в Восточном Средиземноморье.

С другой стороны, это нивелировалось новыми поражениями от нового противника — России — в Черном море. Вплоть до этого времени, благодаря крымским татарам, турки имели некоторый успех в данном районе как против поляков, которым они нанесли поражение в 1688 году, так и в борьбе с русскими, потерпевшими неудачу в двух подряд кампаниях в Крыму, спровоцированных Собеским, чтобы продвинуться вперед против татар. Но теперь и

власти пришел более грозный противник, Петр Первый. В 1695 году он возобновил войну русских против Крыма на новой стратегической основе. Его целью был теперь Азов, в устье Дона. Сначала он захватил четыре турецких форта в нижнем течении Днепра. На следующий год он захватил сам Азов с помощью не только рассчитанной на мелководье флотилии, но и способного плавать по морю флота, который русский царь построил далеко от реки и передал в руки опытных командиров и экипажей. Затем поблизости, в Таганроге, Петр Первый построил военно-морскую базу. Здесь он выполнил основную программу строительства кораблей, собрав техников, инженеров и корабельных плотников из числа австрийских, голландских, итальянских и английских специалистов, набирая в экипажи не только людей славянского происхождения, но и иностранных моряков, и спустил на воду эскадру кораблей, напоминавших корабли корсаров берберийского побережья. Район действия русского флота все еще был ограничен акваторией Азовского моря, отгороженного от Черного моря турецкой крепостью, находившейся в Керченском проливе. Но обладание и контроль над этим проливом уже были его четко намеченными целями.

Тем временем на центральном театре военных действий молодой султан Мустафа II проявлял себя человеком крепкого духа и большой энергии, не просто охотником, как его отец Мехмед IV, но мыслителем, жаждавшим возродить в своем государстве боевые традиции своих великих османских предков. Три дня спустя после смерти султана Ахмеда он издал примечательный документ, хатт-и шериф, или имперский рескрипт, отвергавший пути его недавних предшественников и обещавший, что он лично поведет свои армии против императора Габсбурга. Мустафа II объявил себя полным решением лично сразиться с императором.

Согласно предписанию, великий визирь, другие визири, интенданты и все его армии были обязаны собраться и серьезно рассмотреть, должен ли султан лично открыть военные действия против императора или остаться в Адрианополе. После трех дней дискуссий Диван высказался против того, чтобы султан, который в любом случае был опытен в военных делах, лично взял командование на себя, на том основании, что это представляет опасность для него лично и влечет убытки для государства.

Ответом Мустафы на это решение была короткая декларация: «Я настаиваю на походе». Он сделал это в 1696 году, вызвав «миллионы войск, столько времени проводивших в бездействии, тем, что он поведет в бой сам султан. Мустафа повел армию из Белграда, чтобы захватить несколько мелких крепостей и отразить осаду Симешивар герцогом Саксонским. Поскольку теплое время года подходило к концу, он не пошел дальше и вернулся в Стамбул.

Здесь Мустафа встретил радостный прием со стороны тех чиновников, которые отговаривали его от предприятия, и триумфально проследовал в Ссралья под аккомпанемент музыки и орудийного огня вместе с плешниками — всего тремя сотнями человек, представленными публичке, все до одного, как генералы, и различными трофеями, которые захватила его армия.

На следующий, 1697 год, полный надежд на еще одну успешную кампанию, Мустафа вновь пошел с армией к Белграду. Но на этот раз ему противостоял блистательный командующий императора принц Евгений Савойский. Более того, его собственные командиры на повторявшихся военных советах глубоко расходились во мнении относительно линии, до которой следовало бы идти вперед: либо в западном направлении — в Славонию, или в северном направлении — в Венгрию. Султан также был перешителен и ненастойчив. В итоге было решено идти походом на север, по долине Тиссы, и пересправиться через реку в Зенте.

Но принц Евгений, узнав от пленного турка под угрозой смерти о намерениях султана, предпринял ряд решительных марш-бросков, чтобы не допустить переправы. Принц Савойский прибыл к Зенте с крупной армией в тот момент, когда турки, наведя временный мост, находились на середине реки. Султан со своей кавалерией и большей частью артиллерии уже находились на левом берегу, остальная часть артиллерии и пехота все еще стояли на позициях на правом берегу реки. Атакуй турки с их пехотой и при поддержке артиллерии армию принца Евгения немедленно, когда она все еще была в полном составе и не готова к сражению, турецкие солдаты могли бы отбросить противника. Но среди турецких офицеров все еще господствовали разногласия; султан находился на левом берегу реки; и пехота не выходила из своих траншей, позволяя Евгению завершить подготовку к атаке. Хотя у него оставалось всего два часа до заката солнца и хотя из Вены прибыл курьер с приказанием не рисковать и не ввязываться в бой, принц был человеком, всегда готовым использовать свой шанс и, полный твердой решимости, он проигнорировал приказ.

Расположив свои войска в форме полумесяца перед полукругом вражеских траншей, принц Евгений начал концентрированную атаку слева, справа и по центру против всей турецкой линии. Результат была, как описывал события Евгений, «страшная кровавая баня» — быстрое поражение турок. Их войска впали в замешательство, командиры действовали враждебно, основное ядро янычар взбунтовалось и обратило оружие против своих же офицеров, уничтожив их. Погибло более двадцати тысяч турок, включая великого визиря и четырех других визирей, большое число пашей и тридцать военачальников янычар. Еще десять тысяч человек утопили при попытке

переправиться через реку вплавь, и едва ли более чем одной тысяче турок удалось сделать это. Люди Евгения, как он докладывал императору, «могли стоять на мертвых телах, словно на острове». Все было кончено к наступлению ночи.

Султан с противоположного берега реки наблюдал в безнадежном смятении уничтожение собственной армии, а затем отступил с кавалерией к Темешвару и далее к Белграду и Стамбулу. Принцу Евгению помешали развить успех сложности со снабжением и начавшееся ухудшение погоды. Но он захватил — и это помимо денег и оружия — девять тысяч повозок, шестьдесят тысяч верблюдов, тысячу пятьсот голов крупного рогатого скота, семьсот лошадей и большую печать великого визиря, символ султанской власти, которая никогда до этого не попадала в руки врага. Отчаявшийся и оскорбленный юный султан Мустафа никогда больше не появлялся на поле боя в качестве командующего армией. Его амбициозная попытка, не имея военного опыта и не унаследовав мастерства своих предков, противопоставить себя закаленным командирам возрожденной Западной Европы и явиться последним прославленным спасителем своей страны, провалилась.

Мустафа вновь понадеялся на род Кеprюлю, чтобы вернуть османам удачу и богатство, и назначил на должность великого визиря Хусейна Кеprюлю, сына старшего брата Мехмеда и кузена Ахмеда. Будучи четвертым по линии Кеprюлю, он приложил максимум усилий, чтобы выправить административную и экономическую ситуацию в стране. Но в Европе теперь мало что можно было сделать. Со времен осады Вены имперские войска Габсбургов одержали победы в девяти главных сражениях и захватили девять главных крепостей. Если Хусейн из соображений предосторожности все же готовился к войне, он был как бывший губернатор Белграда достаточно хорошо осведомлен о превосходстве имперских войск, чтобы выступать за мирные отношения. И мир стал наконец неизбежен.

Наступил момент, когда окончание продолжительной войны устраивало не только потерпевших поражение турок, которые с самого начала искали этой возможности в перерывах между сражениями, поскольку они вели отважные арьергардные бои, — но и их европейских победителей. Венеция была истощена. Польша со смертью Собеского в 1696 году постепенно сходилась со сцены. Император Леопольд был занят своими европейскими обязательствами, особенно в связи с назревавшей угрозой войны за испанское наследство. Более того, он был склонен, будучи реалистом, скорее объединить захваченные у турок территории, которыми война обогащала его империю, чем следовать амбициозным мечтаниям о более широких завоеваниях с помощью похода на Босфор. Только Петр

Великий, первым вставший на путь той русской агрессии, которая с этого времени и впредь превратилась для Османской империи в настоящее наказание, стремился продолжить войну. Он нанес визит в Вену, чтобы оказать давление на императора в плане создания этой целью союза. Но он прибыл несколько поздно. В это время предложения относительно мира были внесены двумя странами, напрямую не вовлеченными в войну, — Англией и Голландией.

Отношения англичан с Портой до этого времени ограничивались главным образом вопросами коммерции, в частности защите английских судов от нападений корсаров берберийского побережья, а во время критской войны — от имевших место попытки мобилизации этих судов турками для использования против Венеции. Во время гражданской войны в Англии престиж англичан в Порте упал из-за присутствия послов обеих враждующих сторон. Но теперь, с восхождением на трон Вильгельма III, положение изменилось. Теперь уже вместе с Голландией он настаивал на мире с турками в интересах собственной войны против Людовика XIV. Война была близка к концу. Но она была по-прежнему в интересах Англии и Голландии как в военном, так и в коммерческом отношении, чтобы не допустить появления Франции в качестве преемника торговой империи Венеции. Представитель Людовика XIV в Порте стремился добиться этого, склоняя султана к изгнанию венецианцев из его владений. Поэтому, война Священной лиги нанесла серьезный ущерб торговле англичан с Левантом из-за снизившегося спроса султанского двора на предметы роскоши английского производства.

В соответствии с этим английский посол лорд Пейджет и его голландский коллега Якоб Кольтер теперь предложили себя в качестве посредников при подготовке мирного договора между Портой и христианскими державами на основе принципа «владеть тем, чем владеешь» (*uti possidetis*). Это означало, что каждый должен сохранить за собой территорию, которой владел на данный момент, и следовательно, в принципе договор утверждал за европейцами все захваченные ими турецкие территории. Хусейн Кеурлюк созвал государственный совет, и несколько дней спустя султан вручил Пейджету для передачи королю Англии контрпредложения, включившие определенные изменения, в особенности касавшиеся возвращения туркам Трансильвании. Англо-голландское посредничество было, и не менее, принято.

Итак, в последние месяцы 1698 года в Карловицах, Хорватия, на правом берегу Дуная была проведена мирная конференция. Она проходила в зале, специально спроектированном таким образом, чтобы нейтрализовать различия в порядке расположения за столом переговоров победителей и побежденных, с четырьмя на одинаково

расстоянии расположенными выходами для четырех держав. К ним, по требованию императора, была добавлена Россия.

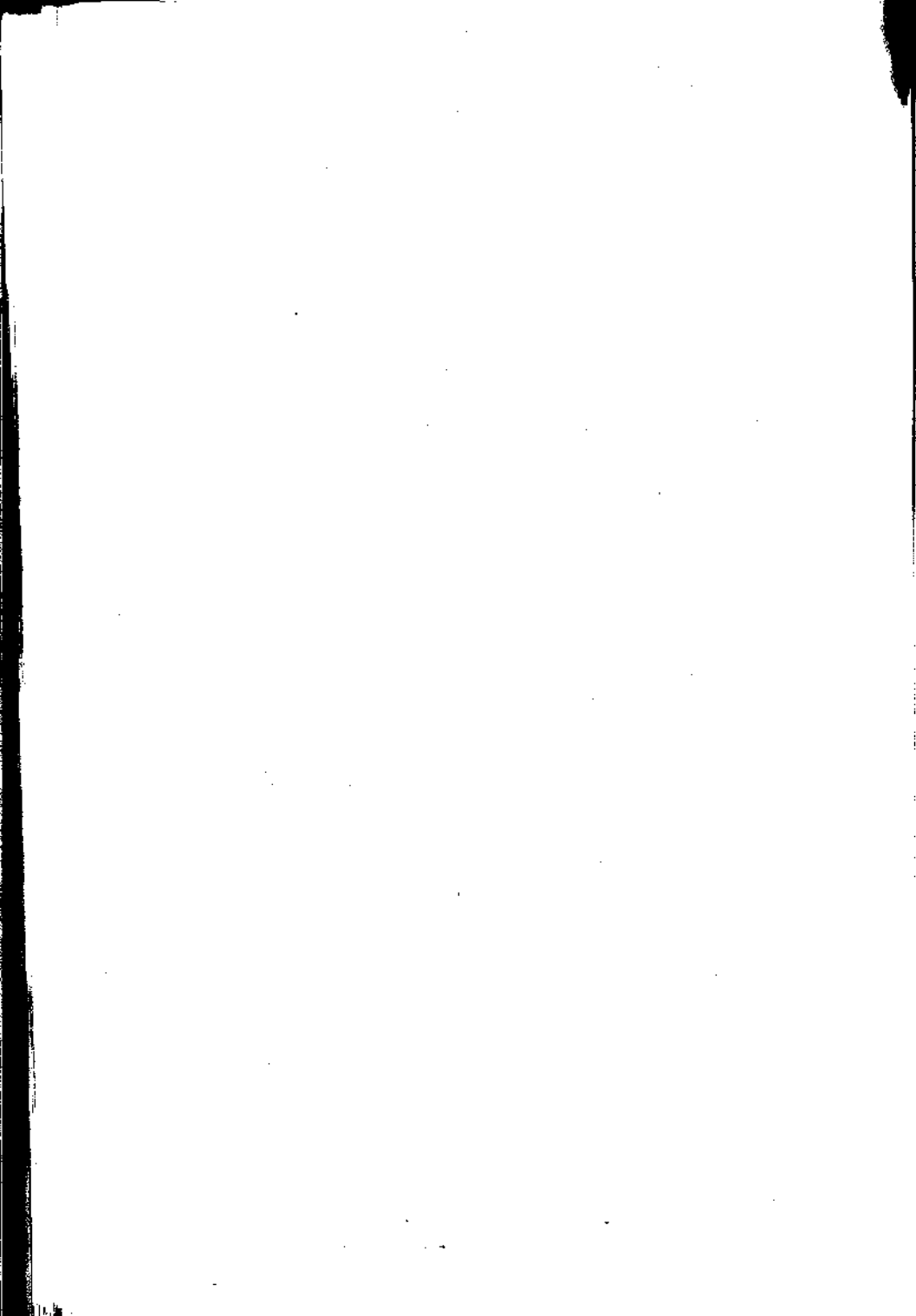
Петр Великий, с его морскими планами относительно Керченского пролива, ведущего в Черное море, не был удовлетворен урегулированием, которое разрешало ему владеть только Азовом и окружающими землями, которые уже находились в его владении. Петр Первый не хотел подписывать что-либо сверх двухлетнего перемирия. Удачно изолированный на конференции, он затаил обиду на Габсбургов за то, что его «замечали меньше, чем собаку», и позволили «уйти с пустыми карманами». Другие державы после продолжительных и часто острых переговоров согласились подписать договор сроком на двадцать пять и более лет, включая лишь незначительные поправки к принципу *uti possidetis*. Империя Габсбургов сохранила за собой Славонию, Трансильванию, значительную часть Венгрии, без Темешвара, и часть территории к востоку от Тиссы, оставив туркам примерно одну треть их прежних владений в Венгрии и, соответственно, наконец-то утвердилась у ворот на Балканы. Польша вновь получила Подолию, Каменец и Западную Украину с участком территории к востоку от Тиссы, но ушла из Молдавии. Венеция вновь обрела Морею, остров Санта-Мауру, но уступила захваченные ею территории к северу от Коринфского перешейка. Турки отказались выдать австрийцам Тисели, венгерского бунтаря, ныне находившегося в изгнании в Стамбуле, но перевели его в Малую Азию на безопасную дистанцию от границ империи, где его даже вместе с возвращенным ей ранее конфискованным приданым было разрешено воссоединиться с мужем. Карловицкий договор был подписан 26 января 1699 года, в час, избранный турками по астрологическим соображениям. Подписание договора было отмечено орудийными залпами, которым вторили наконец-то мирные залпы пушек дунайских крепостей Петервардейна и Белграда.

Таким образом, когда XVII век подошел к своему завершению, он стал концом целой эры в истории Османской империи. Уже много раз больше она не считалась агрессивной, расширяющейся державой, какой ее знали и боялись христианские страны на протяжении более чем трех минувших столетий. Раз и навсегда, хотя она и оставалась сильной державой в Азии, начался период сокращения ее владений в Европе с тем, чтобы продолжаться рядом поражений, отмеченных чередой все более и более невыгодных договоров. Больше определенно не могло быть возврата к великим успехам завоевателей. Подчищенное положение Османской империи и растущая зависимость от Европы раз и навсегда стали восприниматься европейскими политическими деятелями как политический факт.

Раз и навсегда сила Запада с его поднимающимися национальными государствами превзошла силу Востока. Разрыв между ними

отныне должен был нарастать не только в уровнях военной готовности, но и в характере экономического и социального развития. По своей сути Османская империя была отсталой страной; ее эволюция на фоне продолжавшегося упадка проходила невероятно медленно и, по правде говоря, в отдельные периоды оставалась на удивление статичной. В международном плане ее будущий статус был, следовательно, предметом озабоченности, но ни в коем случае не в военном, а исключительно в дипломатическом смысле. Больше не представляя собой угрозы, Османская империя могла поэтому стать из-за своей крайней слабости инструментом другой, склонной к агрессии державе. Таковой теперь, в начале XVIII века, была имперская Россия.

Часть V
СОПЕРНИЧЕСТВО
РОССИИ

Петр Великий был абсолютным монархом, сравнимым с Мехмедом, покорителем Византии, жившим на два с половиной столетия раньше. В качестве императора «Третьего Рима», предполагающего быть не только «сувереном и автократом всей России», но и «новым царем Константином для нового города Константинополя», Петр стремился под державным гербом в виде двуглавого орла отвоевать Константинополь у османских турок. Как и султан, высший правитель военного государства, самим провидением созданного и предназначенного для имперских завоеваний, Петр был вполне готов к проведению агрессивной политики широкомасштабной экспансии в Европе и Азии, которой будущие цари должны будут следовать на протяжении грядущих веков. Имперская Россия угрожала стать противником более грозным, чем любой другой, с кем османам до сих пор приходилось встречаться. Ибо Россия с ее в корне отличными религиозными, политическими и национальными интересами была для них опасной, кроме того, имевшей, благодаря идентичности веры, огромное потенциальное влияние на европейских подданных ее «естественного» врага.

Но что важнее всего, Петр Великий был человеком настоящего, а не как османы оставались людьми прошлого. Султаны раннего периода были триумфаторами единства и сплоченности благодаря принятию и приспособлению к своим нуждам институтов и инструментов, свойственных Востоку в те времена, когда Восток превосходил Запад. Первоначально они извлекали опыт из языческого образа жизни кочевых народов азиатских степей, затем — из цивилизаций средневекового мира ислама. Османы усовершенствовали этот опыт, чтобы создать с помощью централизованной организации людских и природных ресурсов просвещенное, упорядоченное государство с высокодисциплинированной, профессиональной армией. Средневековая Европа с ее городами-государствами и феодализмом, все еще совершавшая движение в сторону модернизации устаревшего и малодисциплинированного общества,

доказала свою неспособность эффективно противостоять этому государству.

Но с течением времени в процессе эволюции события приняли иной оборот. Запад стал сильнее Востока. Более того, располагавшийся между ними и готовый нанести удар, находился теперь новый имперский завоеватель, руководитель с широким кругозором, решительный и энергичный, русский царь Петр Первый. Полной решимости добиться победы для народа, все еще столь примитивного, над османами, находившимися ныне в упадке, он сделал выбор в пользу политики вестернизации страны. Первый урок был выучен Петром в детстве, когда он, еще мальчик, стал свидетелем и пережил дикости государственного переворота, осуществленного московским эквивалентом янычар — стрельцами. Когда шестью годами позже, в 1698 году, стрельцы подняли мятеж, Петр уничтожил все их войско в столь же дикой форме. Они были, как он видел их «по правде, не что иное, как родители зла, а не солдаты». Устранение стрельцов открыло путь для решительной реорганизации, модернизации и увеличения российской армии с помощью формирования новых гвардейских полков. Обученные современным европейским методам ведения боя, они отвечали всем требованиям, более того, они единодушно симпатизировали политическим планам своего царя.

За двадцать пять лет активных военных операций — отрезок времени более или менее равный времени, потраченному Мехмедом Завоевателем — Петр Первый весьма энергично использовал материальные ресурсы и военные таланты своей страны, имея намерение построить Российскую Империю мирового масштаба. Вот что могли противопоставить этому турки, — это стараться как-то укрепить свою пришедшую в упадок страну. Их военное развитие не смогло удержаться на уровне военного развития Запада. Пионеры военного искусства своего времени, первые, кто освоил тяжелую артиллерию, непобедимые в открытом поле в кавалерийском напоре орды, неуязвимые за своими «палисадами» пехотинцы-янычары, турки великого века были беззаветно преданными своему делу бойцами, прекрасно обученными и высокодисциплинированными вedomыми и вдохновляемыми трезво мыслящими и компетентными командирами, какими очень часто не были их противники того периода.

Но теперь вооруженные силы стран Запада начали превосходить османов в связи с развитием высокоподвижной полевой артиллерии. Они решительно перешли, хотя и с большими затратами, в подготовке, вооружению и управлению большими профессиональными армиями, с хорошо вооруженными пехотными полками, способными отбить любые кавалерийские атаки. Такой, зависящей от широкомасштабной организации доставки и снабжения боеприпасами, воору-

шлем, обмундированием, продуктами питания, была развивающаяся погонная машина, основанная на новейшей военной технике, с которой османлы, все еще приверженные военной практике более ранних времен, не могли и часто в своем упорном консерватизме не хотели сдвинуться. В результате армиям турок XVII, как и XVI веков, не было применено второсортного оружия; их интендантская служба и система снабжения оставались непродуманными и непрофессиональными; их общая организация перестала быть регулярной; их финансовое обеспечение полностью не соответствовало новым требованиям. Действующая армия, в ее нынешнем крупном и комплексном масштабе, не могла больше, как в прошлом, финансироваться единственно за счет грабежа и кормиться продуктом, добываемым в окрестностях мест сражений. Современное военное искусство требовало поддержки со стороны перестроенной, тщательно спланированной и хорошо управляемой экономики.

Христианская Европа за истекшие два века вышла из средних веков окрепшей благодаря Реформации и Ренессансу, с экономическими силами и институтами, которые, если их рассматривать в контексте торговли и технологии, стали фундаментом новой западной цивилизации. Османская империя, отстав на эти два века, все еще была не в состоянии подняться на такой уровень. В рамках структуры умирающей бюрократии турецкая держава все еще теряла силы в условиях экономического упадка — торгового, промышленного и сельского, — для выхода из которого ей не хватало как ресурсов, так и воли. Немедленно сделать это ей мешали отсутствие финансового и торгового опыта и упрямая вера в свои собственные, восходящие силы и институты.

Одним из аспектов этого состояния, напрямую относившимся к ее неудовлетворительному военному положению, было отсутствие большой и активной прослойки ремесленников, от которых зависели вооруженные силы Османской империи. Она была продуктом той корпоративной системы отраслевых цехов, которая в прошлом служила позитивной социальной цели, оберегая мораль ремесленника и сохраняя стандарты профессионального мастерства. Однако теперь, когда в экономическом отношении страна нуждалась в новом и более гибком духе предприимчивости и предпринимательства, ограничительная природа цехов стала препятствовать любому такому прогрессу. Цеха упорствовали в своем сопротивлении любым новшествам, в своей приверженности к устаревшей технике, в своей жесткости привычных часов и часов работы. Более того, налогообложение и фискальные ограничения, нередко безответственно налагаемые, подавляли инициативу и усиливали естественную инерцию, тем самым препятствуя прогрессу и процветанию, делая промышленность Османской империи неспособной конкурировать с импортируемыми из Европы товарами.

Янычары были заодно с цехами, подозревая и отвергая малейший намек на ту военную реформу за их счет, которая была столь остро необходима и которую осуществлял Петр Великий.

Эта позиция усложняла проблему, которая по своей сути была экономической. В своей основе Османская империя с развитием денежной экономики, опирающейся главным образом на распространение ориентированного на рынок земледелия, не находилась в столь уж сильно невыгодном положении по сравнению с европейскими странами. Где действительно проявилась невыгодность ее положения, так это в том факте, что все финансовые операции были сосредоточены в руках населявших ее меньшинств, банкиров и купцов греческой, еврейской и армянской общин. Ее руководители, по своей собственной неопытности и вследствие презрения к «нечестным», были поэтому изначально неспособны создать, а в действительности предвидеть потребность в соответствующей временной экономической системе, основанной на тесном сотрудничестве между институтами правящего, финансового и коммерческого классов. Подобная система, опирающаяся на взаимный союз между силами правительства и капитала, людей и денег, в это время уже получила развитие в европейских обществах. Но такой системы не существовало в государстве османов или в любом другом мусульманском государстве, в которых искусство управления и искусство коммерции оставались абсолютно отстраненными друг от друга. В результате государственная экономика турок, исключавшая согласованное планирование долгосрочных, масштабных финансовых проектов, пребывала на самом низком уровне, сжимаясь под европейским давлением в связи с изменившимся характером торговли и конкурентным спросом, за счет национальных отраслей кустарного производства, уступавших европейскому текстилю и другим изделиям фабричного производства.

Неспособность мусульман бороться с подобными проблемами лежала в особенности мышления, своими корнями уходившего в ислам. Она порождалась устойчивой, слепой к реалиям сегодняшнего дня иллюзией насчет превосходства исламской цивилизации и нежеланием признать подлинное значение для державы османов, ныне приходившей в упадок, развития новой цивилизации на уходящем вперед Западе. Это было также следствием фатализма. Мусульманская система образования порождала тенденцию жесткого следования традиции, основанной на вере в то, что Божья воля все равно осуществится независимо от любого вмешательства человека, которое предположительно могло бы изменить ход событий. Поэтому не только янычары и цеховые организации, но и само реактивное мусульманское духовенство, противясь любым радикальным переменам, стремилось увековечить свое положение в сложившемся состоянии.

и экономическом устройстве. К началу XVIII века — был ли это, или нет, знак того, что Бог отдал свою привязанность христианству вместо ислама, — но все стало оборачиваться для турок явной отсталостью. В Османской империи завелась гниль как раз в то время, когда жизненная сила новой русской империи продолжала все расширяться.

Но старая ткань еще не сгнила окончательно. Помимо сохранения ислама в качестве позитивной духовной силы для империи сама жесткость ее государственных институтов придавала турецкому государству при всех злоупотреблениях и коррупции некую упрямую способность к выживанию, со спорадическими вспышками оздоровления. Но умирающий был еще способен пройти несколько шагов вперед. В старом Турке еще теплилась жизнь. Султан больше не правил. Но среди тех, кто правил вместо него, еще имелся достаточно адекватный «материал для управления» на разных уровнях, чтобы поддерживать традиционную машину государства. Он включал в себя новый тип элиты — скорее людей пера, чем людей меча. Скорее флориды, чем паши или беи, они были классом, отличавшимся от бюрократов прошлого тем, что большинство из них не были обращенными в ислам христианами старой дворцовой школы, но мусульманами во втором и третьем поколениях. Но они, тем не менее, были склонны использовать греков и других христиан на многостепенных должностях.

Затишье между штормами как во внутренних, так и во внешних делах наступило после подписания Карловицкого договора. Внутри страны Хусейн Кепрюлю, живущий интересами общества великий мирянин — справедливо известный как Кепрюлю Мудрый, тогда как его предшественники были соответственно Кепрюлю Жестокий, Кепрюлю Политик и Кепрюлю Добродетельный, — полностью использовал преимущества этого периода, чтобы и дальше проводить политику внутренних реформ, особенно в области управления, потребности в которой он столь отчетливо видел как один из немногих разбирающихся в деле людей. Он взялся за реформы в финансах, законодательстве, центрах образования империи. В вооруженных силах он провел проверку списков личного состава янычар, уделив внимание наведению порядка и дисциплины в их среде, обеспечивая более совершенное оснащение армии и флота, строя для них новые казармы и приводя в порядок оборону границ империи. Как делали ранее Мехмед Завоеватель и другие великие султаны, Хусейн либо за свой счет, либо за счет государства организовал такие общественно-полезные работы, как прокладка каналов, строительство мостов, колодезев, мечетей, школ и рынков. Прежде всего он целеустремленно сосредоточился на обеспечении благосостояния христианских подданных, которое в то время зачастую было плачевным. Жителям

Начальник первых енухов был хольником или смотрителем гарема.

Сербии и венгерской пограничной провинции Темешвар было предоставлено годовое освобождение от уплаты подоходного налога; по всей Румелии великий визирь простил высокий процент штрафов по долгам райитов; в Сирии он гарантировал свободу пользования пастбищами для стад.

Подобные меры по обеспечению большей свободой крестьян, среди которых преобладали христиане, были более чем своевременными в силу того факта, что Петр Великий в своих планах относительно Османской империи стремился за ее счет не только к территориальной экспансии, но и к внутреннему ее подрыву. Он стремился приобрести влияние на христианские меньшинства в Османской империи. На протяжении длительного периода времени основной целью русской церкви, рассуждавшей о мирских делах с церковной точки зрения, было служить в качестве православного защитника христианской веры, привлекая под свое влияние тех людей в других странах, кто верил убеждениям русской церкви. Греки в особенности, многие из них славяне по крови и все вместе, не перешедшие в религию латинянам, начали рассматривать русских как специальных освободителей и приветствовали русских агентов в своей среде. Петр Великий теперь следовал к этой долгосрочной цели с помощью пропаганды, обещаний финансовой поддержки и открытого подстрекательства османских христиан сбросить иго «неверных». В различных христианских провинциях на русского царя работали влиятельные агенты непосредственно в самой церковной организации. Видную роль среди них играл Досифей, патриарх Иерусалима.

На Балканах церковные деятели скорее склонялись к тому, чтобы искать покровительства русских против католиков-австрийцев, стремившихся обратить их из православной в свою собственную веру, и враждебности против турок-мусульман, которые не стремились к подобным действиям. Они просили Москву о спасении «от папистов и иезуитов, которые гnevаются против православных сильнее, чем против турок и евреев». В действительности Петр Великий, хотя и готовился в подходящее для него время предстать в роли защитника православных христиан против «неверных», был достаточно осмотрительным человеком, чтобы торопиться выступить в подобной роли, будучи занятым в это время на свою ближайшую стратегическую цель — утверждения России в качестве державы на Черном море.

Сама Османская империя с преобладающими теперь в Диване проекциями в пользу политики мира имела более мягкие отношения с христианским Западом, чем раньше. Эти отношения были улучшены шесть месяцев спустя после Карловицкого договора его ратификаций в Стамбуле, с роскошными церемониями в присутствии султана. Это создало дружественную атмосферу и сопровождалось

обменом послами между Портой и ее бывшими противниками в Европе на более надежных условиях, чем раньше. С начала XVIII века османские дипломаты, которые до этого на временной основе совершали только короткие и спорадические наезды в несколько «своих» иностранных столиц, стали в некоторых странах по-новому знакомиться с цивилизацией и культурой Запада, вместе с более глубоким пониманием его методов управления и практических отношений.

Новым посланником османов в Австрийской империи был некий Ибрагим-паша, заслуженный генерал, который сражался во время осады Вены вместе с Кара Мустафой. Он осуществил свой въезд в Вену с впечатляющим грузом украшенных драгоценными камнями подарков для императора, включая покрытый сатином шатер, похожий на шатры султана, шесты которого были увенчаны золотыми набадашниками, тогда как император преподнес султану в подарок целую казну из серебра, искусственный фонтан и другие изящные произведения венского искусства. В Стамбуле австрийский посол на банкете перед аудиенцией у султана был удостоен особой чести скушать свежую рыбу из Босфора — деликатес, который не подавался посланникам более низкого статуса, в число которых входил представитель Польши.

Достаточно скоро после этого туда прибыл новый посол Англии, сэр Роберт Саттон, сменивший лорда Пейджета, который вместе с послом Нидерландов содействовал заключению и выполнял роль посредника при заключении Карловицкого мира. За эти заслуги его страны в деле достижения мира султан тепло приветствовал Саттона. В то же время его отношение к России было далеко от дружественного. Петр Великий отказался подписать Карловицкий договор, согласившись только на двухлетнее перемирие, и теперь договор требовал возобновления. Русский посланник, которому была поручена эта миссия, вызвал удивление и беспокойство своим прибытием в Стамбул на борту построенного на новых царских верфях военного корабля в полном боевом снаряжении. Корабль произвел салют из всех своих сорока пушек и позже повторил канонаду во время празднования одного из русских праздников залпами как бы подавая сигнал к прибытию остального русского флота.

В подобной атмосфере переговоры, которые продолжались в первую половину 1700 года, были напряженными и временами взрывоопасными. В конечном счете турки приняли договор. Согласно условиям договора, русские соглашались уничтожить — но не уступить, как того требовали турки, — свои четыре крепости на Днестре, захваченные во время последней войны и с тех пор представлявшие препятствие как для наземных сообщений, так и для

стных пастбищ крымских татар в степных районах. Россия получила также право на некоторое расширение территории вокруг самого Азова. Граница между двумя империями была установлена в незанятых сторонами степях между Азовом и Перекопским перешейком, отгораживавших Крымский полуостров. Крымские татары должны были прекратить свои вторжения на русскую территорию, но получить равные с русскими права на рыбную ловлю и добычу соли и дельте реки Дон, а также вдоль обоих берегов реки — на охоту, рыболовство, пчеловодство и рубку леса. Крымский хан, к своему позорному, больше не получал от царя ежегодной дани, которая была предметом его особой гордости.

Тем временем Россия обеспечила себе право иметь при Порте посла на тех же условиях дипломатического представительства, что и другие христианские державы, и этот пост был занят графом Толстым. Но все эти уступки не могли заставить русских отказаться от дальнейшего наращивания их морской мощи, сопровождавшегося возведением новых крепостей на Азовском море. Это вызывало гнев крымского хана, который безуспешно стремился возобновить войну. Русские повторяли в Порте свои требования свободы плавания в Черном море и уступки им Керчи. Эти требования с твердостью отвергались. Турки, тревожившиеся по мере роста численности российского флота в Азовском море, были полны решимости сохранить Черное море «как чистую и неприступную девственницу» и носились с идеей перекрытия пролива Гиблой. Но вместо этого, ранее уже укрепив Керчь, они приступили к строительству на противоположном берегу, вблизи Таганрога, новой крепости, называвшейся Еникале*, проект которой был подготовлен инженером-артиллеристом из Модены и которая была закончена в 1703 году. Крепость господствовала над северным входом в пролив и имела батарею пушек на уровне воды, способные уничтожить любое судно, которое попыталось бы войти в пролив.

У себя в стране Хусейн Кепрюлю, великий визирь-реформатор, столкнулся с оппозицией со стороны реакционных сановников, особенно муфтия и начальника черных евнухов. Их интриги заставили великого визиря, уже измотанного жизнью и с ухудшающимся состоянием здоровья, уйти в отставку с поста, который он занимал всего лишь пять лет. Получив разрешение после отставки вернуться по собственному выбору в имение на побережье Мраморного моря и сохранить свое состояние и владения, Хусейн при отъезде подарил султану шестьдесят лучших своих лошадей и все свои драгоценности. Всего три месяца спустя он скончался от болезни, которая оказалась неизлечимой.

В результате в 1703 году империя, в которой менялся главный начальник, в очередной раз оказалась ввергнутой в беспорядки, сопро-

вождавшиеся восстанием янычар и других войск, требовавших погашения долгов по денежному содержанию. Беспорядки продолжались шесть недель, и страна вплотную подошла к гражданской войне. Султан Мустафа, находясь в Адрианополе, уклонился от прямого ответа, когда восставшие потребовали присутствия султана в Стамбуле. Эта большая армия бунтовщиков вместе со студентами пошла маршем на Адрианополь под священным знаменем пророка и с одобрения муфтия. Здесь противостоящая ей личная армия султана была сосредоточена для того, чтобы нанести поражение бунтовщикам. Но входившие в ее состав янычары примкнули к бунтовщикам и, объединившись с ними, вынудили Мустафу II отречься от престола. Несчастное существо, он продемонстрировал незначительное или даже полное отсутствие воли к сопротивлению. Его дух был подорван злополучным крушением юношеских амбиций командовать собственными армиями на поле боя, после чего он впал в состояние унылой праздности.

На трон султана взошел брат Мустафы Ахмед III. Он правил двадцать семь лет, светский человек, приверженец более цивилизованных удовольствий в мирное время. От имени Людовика XIV, теперь находившегося в самой гуще войны за испанское наследство, французский посол де Ферриоль убеждал Порту в преимуществах союза с Францией и настаивал на военной поддержке с ее стороны в битве против Габсбургов в Венгрии. Но султан Ахмед отказался от участия в войне ради помощи «несверным», которые просто враждовали друг с другом. Еще решительнее султан отказался от помощи воюющим, когда война стала складываться неблагоприятно для французов.

На русском фронте для Порты установилось мирное затишье, в котором нуждался и сам Петр Великий. Чередую сферы своей морской экспансии между двумя выходами со своей необъятной территории — Черным морем на юге и Балтийским — на севере, — теперь был вынужден обратиться к северному направлению, в сторону Швеции, враждебной державы с давних времен, король которой, Карл XII, сам в данный момент стремился расширить свою собственную империю за счет русских. Вскоре после подписания договора с султаном в 1700 году царь в союзе с Данией и Польшей объявлял против Швеции великую Северную войну — «Войну за шипику». Благодаря этому турки получили передышку. Русско-турецкие переговоры привели в 1705 году к новому предварительному соглашению о пограничном разделе в крымской зоне. Но им так и не удалось воспользоваться предоставившейся возможностью. Они продолжали укреплять свои северные оборонительные линии и зорко следили за перемещениями русских, каждый год посылая галерный флот с целью крейсирования в Черном море. Тем временем русская мощь стала более значительной, чем когда-то раньше, после драматического поражения, которое царь нанес турецкому королю в решающей битве под Полтавой в 1709 году. Карл искал убежище у османов, с которыми он до тех пор удосужился установить дипломатические отношения, но султан

Ахмед III, тем не менее, гостеприимно встретил его. Султан отверг требования русских выдать короля, но дал ясно понять, что он не имел намерения расторгнуть мир с царем ради восстановления власти шведского короля. Русские, тем не менее, посягнули на турецкую территорию, предприняв рейд в Молдавию, где их агенты подстрекали народ к смуте и где их войска пленили отряд шведов. Турки немедленно выделили небольшой отряд для защиты короля в Бендерах, на Днестре. В самой Порте царило возмущение, все настаивали на нападении на русских. В конце концов султан убедил объявить русским войну. Он мобилизовал своих янычар, заключил в Семибашенный замок посла Петра, Толстого, и подготовился к тому, чтобы перебросить армию через Дунай, на реку Прут в Молдавию.

Время, выбранное для этого наступления, не устраивало русского царя, который все еще был занят на севере, обеспечивая свое присутствие на Балтике. Петр Первый не был еще полностью готов перебросить войска к Черному морю. Но после некоторой отсрочки, которую он продлил попытками посредничества, он лично повел свою войска сражаться на берега Прута. Соблазнившись перспективой получить поддержку христиан, переправившись через реку, Петр столкнулся с катастрофической нехваткой продовольствия в этой истощенной засухой стране. Со стороны же христиан, не уверенных в его способности одержать победу, русский царь получил лишь незначительную поддержку. Но на этот раз он и сам не смог добиться успеха. Из-за ошибок в разведке Петр не смог предупредить стремительную переправу через Дунай или предугадать всю мощь крупной армии татар и турок, хорошо оснащенной артиллерией и во много раз превосходившей численностью собственную. Теперь турецкая армия решительно заняла господствующие над Прутом высоты. Отсюда она начала блокировать войска Петра, позади которых находились берега реки и непроходимые топи с флангов. В результате русскую армию ждали либо полное разгром, либо сдача в плен. Это был кризис, который вынуждал Петра приступить к переговорам. Закрывшись в своей палатке, он признал, что никогда не был «в таком отчаянии», что боится он захваченным турками в плен и что в качестве последнего средства примет любые условия «кроме рабства», потерю любого своего завоевания, за исключением «любимого рая» — Санкт-Петербурга.

В этот критический момент на выручку царю пришла трезвомыслящая жена (бывшая крестьянка) Екатерина, которая ранее настояла на том, чтобы сопровождать его во время военных действий. Ее твердые слова и успокаивающая заботливость укрепили дух царя и вернули возможность трезво мыслить. Петр принял предложение, подсказанное ей группой офицеров, направить великую

Визирю османов Балтаджи Мехмед-паше предложения о перемирии. Катерина, отдав собственные драгоценности и собрав несколько тысяч золотых рублей среди офицеров Петра, послала собранные ценности в лагерь визиря в качестве принятого, но необычно дорогого дара, призванного склонить турок к обсуждению условий мира. В результате согласия было получено.

Условия визиря, принятые Петром, включали сдачу Азова и прилегающего района; снос таганрогской и днепровской крепостей; уход русской армии из Польши и, следовательно, невмешательство в дела казаков; безопасное возвращение короля Карла через русские земли в его владения в Швецию*. Тем самым был положен конец мечтам Петра завоевать Черное море. «Господь Бог, — как признался он, — изгнал меня из этого места, подобно изгнанию Иова из рая». Был положен конец и его надеждам иметь южный выход, недостроенные корабли которого теперь гнили на опорах, тогда предназначенные для них лесоматериалы были переброшены в верфи Санкт-Петербурга.

Большой визирь по своему характеру не был воинственным человеком. Поэтому подписанные им от имени империи условия мира, скорее исходившие из соображений обороны, чем завоевания, были для царя даже лучше, чем он мог предположить. Договорные условия не предусматривали для России никаких территориальных потерь за пределами сферы непосредственных интересов османов. В действительности эти условия вызвали приступ гнева у неутомимого претендента Карла XII, наблюдавшего за уходом царя и его гвардии без всяких помех под бой барабанов и с развешивающимися знаменами. Напрасно просил он дать ему отряд, чтобы преследовать русских. Его охотно поддерживал возмущенный крымский хан, который считал, что потерпевший поражение царь должен теперь, как мусульманин, платить ему дань.

Побладала, однако, более пацифистская политика, главным образом благодаря влиянию британского посла сэра Роберта Саттона, который с самого начала сообщал, что турки, вопреки усилиям австрийского короля и крымского хана, «казались всецело удовлетворенными теми условиями, на которых соглашение о мире было подписано». Благодаря его и голландского посла посредничеству мир за новыми угрозами войны со стороны турок условия перемирия были подтверждены, когда в Адрианополе турецкая территория вокруг Азова была увеличена и русские были в том же счете лишены доступа в Черное море. Эти условия были официально воплощены в двух новых договорах, соответственно в 1713 и 1718 годах. Таким образом, в итоге Пруцкий мирный договор был легко завоеван, но, будучи сверхщедрым, отвечал лишь умеренным целям османов.

Что касается шведского короля, он показал себя крайне беспокойным человеком, от которого трудно было избавиться. Но в конце концов, поняв, что Порта не поддержит его, он принял от султана эскорт до турецкой границы, а затем верхом отправился в северном направлении по Европе и берегам Балтики.

Благодаря поражению Петра Великого на Пруте, четверть века должна была пройти без дальнейших нарушений Россией ее мирных отношений с Османской империей. Но империя не была склонна почивать на лаврах, которые она приобрела за счет царя. Турецкие войска были по-прежнему отмобилизованы, более того, во главе наступавшей воинственной великой визирь Дамад Али-паша, исполненный решимости бросить их против более старого врага Венеции. Венецианская Республика превращалась в государство, переживавшее упадок, даже более тяжелый, чем тот, который переживала Османская империя, и к тому же остававшееся без союзников.

Воспользовавшись этим обстоятельством, Дамад Али-паша, известный грекам как Кулурджи, «бесстрашный визирь» байроновских музы, предпринял попытку вернуть обратно Морею, отомстив за уступку престарелому (теперь его уже не было в живых) венецианскому полководцу Морозини, подтвержденную Карловицким договором. В 1715 году, найдя удобный предлог и не забыв при этом проконсультироваться насчет астрологических предзнаменований, великий визирь повел большую армию, подкрепленную флотом, через Фессалию и после длительной осады взял Коринф.

Фактически, как ранее на Кипре и Крите, греки были склонны приветствовать турок в качестве освободителей от латинской тирании своих венецианских хозяев, которым они не хотели оказывать помощи. В результате армия турок приступила в Морее к операциям по возвращению всех венецианских крепостей, включая Модон, Корон и Наварино. Кампания, в ходе которой венецианцы расчетливо избегали риска генерального сражения, была завершена за несколько месяцев. К концу 1714 года республика потеряла всю Морею и острова архипелага. Развивая успех, захватив между делом еще два оставшихся незанятыми христианских порта на Крите, турки намеревались завершить изгнание венецианцев с греческой территории нападением на Корфу и острова в Ионическом море.

Однако историческая победа Дамада Али-паши уравновешивалась впечатляющим поражением на другом фронте. Ибо он не рассчитал реакцию императора Карла VI Габсбурга. Он не допускал мысли о его возможном вмешательстве на стороне венецианцев, несмотря на его уклончивый ответ на требование турок к Австрии соблюдать нейтралитет и, более того, на предложение о посредничестве империи в мирном урегулировании. В результате, когда Венеция обратилась к императору за помощью на основании нарушения

условиями Карловицкого договора, Карл отреагировал на это подписание с республикой генерального оборонительного союза. В этом решении на него повлиял прозорливый и внушающий уважение принц Евгений Савойский, которого беспокоил быстрый успех турок в который ясно видел потенциальную угрозу в этом успехе в балканских владениях императора не только с Ионических островов, но и, в случае, если бы турки вернулись к политике агрессии в Восточной Европе, в равной мере для его германских владений.

В Порте были горячие споры, стоит ли рассматривать этот союз поводом к войне. Партия мира в Диване мудро противилась еще одной войне с империей. Но после жарких дебатов в конце концов prevесила решительность воинствующего великого визиря, который считался некоторой поддержки со стороны улемов и в довершение написания муфтия в пользу войны.

В итоге вновь в 1716 году внушительная турецкая армия следовала в походном строю к Белграду. Там история повторилась, как это случилось во время более раннего столкновения между пашой Мустафой II и принцем Евгением, когда турецкие начальники разошлись во мнении относительно тактики. Должны ли они идти на север в сторону Темешвара или на запад к Петербургу? Отвергая доводы оппонентов (и проигнорировав на этот раз астрологический прогноз), Дамад Али-паша решил следовать второму пути. Форсировав Саву, он двинулся маршем вдоль южного берега Дуная, чтобы осадить Петербург.

Командиры австрийцев сначала сами не могли договориться о тактике перед лицом огромного превосходства турок в живой силе испытывали благоговейный страх перед репутацией Дамада Али-пашы после триумфов последнего в Греции. Некоторые из них хотели бы избежать риска прямого столкновения и отставали от тактики войны на истощение, рассчитывая измотать турок. Но это было противно характеру порывистого принца Евгения. Более того, он хорошо знал турок, устаревший характер их вооружений, их мастерство в лобовой атаке и их недостатки, когда они сталкиваются с непредвиденной тактикой, их тенденцией обращаться в бегство. В результате летом 1716 года Савойский решил перейти в наступление. Предварявшее основные события столкновение произошло вблизи Карловицы, где как раз и был подписан договор и где турки в нарушение договора теперь атаковали авангард австрийцев и нанесли ему поражение.

Итак, Дамад Али-паша шел против Петербурга, где в полной готовности были сосредоточены силы принца Евгения. Сначала они имели успех, прорвав центр австрийской пехоты. Но Евгений бросил туда подкрепления в целях контрнаступления и нанеся янычар другим подразделением пехоты с фланга. Турки

дрогнули, и атака тяжёлой имперской кавалерии — рода войск, ещё незнакомого османам, — опрокинула сипахов, которые в свою очередь дрогнули и в панике отступили. Великий визирь злыми упреками и ударами сабли силился остановить отступающих, затем поскакал с группой офицеров в самую гущу схватки (точно так же, как поступил Мехмед Кеprюлю при Сланкамене более двадцати лет тому назад) в отчаянной надежде одержать верх. Как и Мехмед Дамад Али-паша был смертельно ранен попавшей ему в голову пулей, доставленной на лошади в Карловицы, где его смерть предвещала окончательный развал и поражение турецких войск.

Развивая свой успех, принц Евгений осадил и взял крепость Темешвар, последний из остававшихся в Венгрии оплотов ислама, которая находилась в руках османов со времен правления Сулеймана Великолепного. Евгений Савойский благородно обошелся с гарнизоном крепости, помогая жителям-мусульманам уехать беспрепятственно. Темешвар и провинция должны были заселиться немцами и австрийцами. Когда это осуществилось, Темешвар стал приобретать известность как «маленькая Вена».

Захват крепости Темешвар стал прелюдией к осаде Белграда в следующем году. Здесь османьы, идя на помощь своему гарнизону, вновь выставили на поле боя армию, вдвое превосходящую армию Евгения Савойского. Хотя положение австрийцев было критическим, их спасли промедления, колебания и некомпетентная тактика турок. Сверхуверенные в том, что крепость должна обязательно остаться в их руках, они медлили с началом атаки на осаждающих. И тогда находившийся в крайне сложном положении принц Евгений, несмотря на то что обстоятельства были явно против него, решился нанести дерзкий удар возмездия. Он пошел на штурм позиций османов, достигнув эффекта внезапности и сразу же посеяв панику в рядах противника. Прямо по центру его искота, поддерживаемая на флангах кавалерией, пошла вперед с развевающимися знаменами и под барабанный бой навстречу жестокому артиллерийскому огню, который открыла главная батарея турок. Выдержав обстрел и вплотную приблизившись к батарее, австрийцы пошли в штыковую атаку, нанеся по янычарам настолько опустошающий удар, что весь фронт пришел в полный беспорядок.

Так дерзновенное военное искусство принца Евгения Савойского полностью изменило ход событий, и Белград попал в руки австрийцев — вновь, как и под Петервардайном, с огромными потерями в живой силе и технике у разбитых турецких войск. Принц Евгений сам был ранен в сражении, которое имперцы называли «величайшей победой всех времен». Это была победа, вошедшая в австрийский фольклор в виде песни, которую с тех пор поют поколения имперских армий, когда они шли в бой.

Между тем пришло время подумать о мире. И вновь, как в Арловицах, Англия и Голландия выступили инициаторами принципа *possidetis* — «сохраняем то, что имеем». В 1718 году договор был подписан в небольшом городке Сербии Пожаревац. По этому договору Османская империя окончательно уступила Габсбургам все, что еще оставалось у нее в Венгрии, хотя не все жители этих мест были довольны таким решением; также большую часть Сербии, включая Белград и Смедереву; большую часть Валахии; а также стратегически важную часть Боснии. Это дало императору Карлу VI стабилизирующее положение в Восточной Европе, такое, какого не в состоянии были добиться его предшественники в великие дни воевавших турок.

Только Венеция в отдельном договоре серьезно пострадала от напоров, уступив всю Морскую и удержав только Корфу, острова в Ионическом море и несколько портов в Далмации и Албании, отдав туркам часть территории, которая открывала ему доступ к границам Венеции, союзницы турок. Благодаря Османской империи и вопреки слабости этот договор стал провозвестником окончательной гибели венецианской республики в качестве действенной политической силы. Для турок это было по крайней мере компенсацией. Но цена, которую за нее пришлось заплатить в Восточной Европе, означала не один шаг вниз в собственном упадке Османской империи. Пожаревацкий договор показал, что турки больше не могли считаться серьезной угрозой Западу. Пожаревацкий договор окончательно поставил их в положение обороняющейся стороны, которая вряд ли могла замышлять по собственной инициативе дальнейшую агрессию в Европу.

Миролюбивый в принципе человек, султан Ахмед III мог теперь безопасно наслаждаться миром в течение последних двенадцати лет своего правления — период, во время которого намечалась серьезная тенденция к вестернизации и реформам. Родившийся в стенах Сераля во время босвых действий ребенок любимой фаворитки отца, он избегал заключения в «Клетку» и, хотя испытывал влечение к женщинам, сумел с юности сохранить определенную иммунитет от влияния и интриг гарема. Правитель, наделенный чувством терпимости, он был утонченным светским человеком, человеком культуры, способным откликаться на цивилизованные вкусы как Запада, так и Востока. Увлекался музыкой, литературой и искусствами, он собрал вокруг себя школу наделенных талантами придворных поэтов и обогатил свой Сераль новой библиотекой, которая пополнялась ценными рукописями.

Личные таланты Ахмеда были сосредоточены главным образом в области эстетики, и он нашел выход для них в проектировании и строительстве многочисленных зданий. Совершенно не городской житель, а человек, находивший отдохновение в предлестях природы, тени деревьев, пении птиц, журчании воды — он порвал ограничениями своего Большого Сераля, чтобы создать для себя дворца и своих пашей новый образ жизни в летнее время в дворцовых курортах, расположенных на разных морских побережьях. Одним из них были «Сладкие воды Европы», в начале Золотого Рога, где он повернул русла двух ручьев, чтобы устроить облицованные мрамором каналы, искусственные озера, каскады и фонтаны и благодаря этому обеспечить водой роскошные сады.

В центре султан воздвиг для себя летний дворец Саадабад, взят за образец французское шато Марли XVII века, план которого посол Турции привез ему из Парижа. Вокруг него выросли другие дворцы, павильоны, киоски, виллы — общим числом не менее сотни. Эти постройки в основном возводились не так, как раньше — из камня и украшенного орнаментом мрамора, — а из дерева и лепнины, что обходилось дешевле. Новые материалы дали простор фантазии

области стиля, подражавшего французскому декоративному искусству, что в свою очередь вызвало моду на турецкий стиль в самом Париже. Подобные «города удовольствий» скоро украсили «Сладкие воды Азии» и специально отобранные участки азиатских берегов Босфора. Построенные архитекторами, работающими в различных стилях, доставленными как из Европы, так и из Азии, эти идеи, как заметил посол Франции Луи Савьер де Вильнев, «жили стилями настолько разные, что иногда можно было предположить, что находишься в Версале, а иногда — в Исфахане. Эти здания напоминали импровизированные сценические декорации к бесконечной круговерти красочных зрелищ. Двор султана в поисках нового образа и перемен придумывал все новые и новые забавы: Иногда он появлялся плывущим по волнам Босфора или у берегов Роба на элегантных шлюпках под шелковыми шатрами; иногда — следующим в длинных кавалькадах к одному из мест, специально отведенных для развлечений... красота лошадей и роскошь их убранства придавали этим процессиям особую привлекательность... шлемы гарцевали в сбруе из золота или серебра, их головы были украшены плюмажем, их попоны сверкали драгоценными камнями». Заботу о развлечениях султана среди великолепия дворцовой жизни с ее блестящими празднествами и пышными зрелищами взял на себя зять Ахмеда Дамад Ибрагим-папа, разделявший любовь султана к изящным искусствам и служивший на протяжении последних двенадцати лет его правления в качестве великого визиря — отличие от первых пятнадцати лет, во время которых султан назначил тринадцать великих визирей. Ибрагим был любителем роскоши и развлечений. Придумывая спектакли, которые заканчивались далеко за полночь, он привлекал к делу специалистов, способных изобрести новые приемы и устройства праздничных иллюминаций в амбуле. Так что вновь прибывший французский посол мог ночью с вершины Пера наблюдать расположенный напротив город, здания и башни которого и даже воды светились и искрились огнями, «куполы мечетей были окружены бесчисленными ореолами света, тогда как вокруг минаретов, благодаря невидимому аппарату, стихи Корана светились на фоне неба огненными буквами». В праздники Стамбул оживал на протяжении трех дней и ночей подряд. Во время одного из торжеств по случаю свадеб трех дочерей султана и двух племянниц, а также обрезания четырех его сыновей великий визирь распорядился провести празднества по всей империи. Он привозил из провинций около двух тысяч музыкантов, тысячу пятьсот акробатов, борцов, фокусников и акробатов и столько же поваров. Султан возложил на инспектора имперских кухонь ответственность за гастрономические церемонии, приказав ему изготовить четыре символические пальмы, символы плодородия гигантских размеров для

молодых наследников и меньшего размера — для всех остальных. В это же время повара творили чудеса кондитерского искусства, включая сад в несколько ярдов длины и четыре ярда в ширину, полностью изготовленный из сахара, чтобы символизировать сладость свадьбы.

Сераль в зимнее время развлекался праздниками халвы — общественными собраниями, на которых философские собеседования, наряду с чтением стихов, танцами, китайскими пьесами театра теней и молитвами сопровождалась раздачей сладостей, иначе — халвы. Но когда зима кончалась, к удовольствию султана, теперь был введен весенний праздник, который со временем превратился в основном в фестиваль тюльпанов. Ахмед очень любил цветы — розы, гвоздики (которые, как говорили, напоминали его усы), лилии и жасмин. Но в конце концов именно тюльпаны стали предметом его обожания, превзойдя все остальные цветы. По-турецки тюльпан звучит как «аяле», и в это вкладывается священный смысл из-за созвучия со словом «Аллах». Отсюда известность правления Ахмеда III среди потомков как аяле деври, или «эпоха тюльпанов».

Тюльпан был диким цветком азиатских степей, устилавшим дороги турок на протяжении веков их миграции на Запад. Именно Бусбек, посол австрийского императора XVI века, будучи заядлым ботаником, первым привез тюльпаны на Запад, взяв с собой по Фландрию луковицы тюльпанов во время поездки домой. Европейское название цветка произошло от прозвища, которое дали ему турки: «Тулбэнд», или «Гюрбан», — по-персидски. Достаточно скоро, после того, как тюльпан был ввезен европейскими купцами и в больших количествах стал разводиться в Голландии, стали известны уже около двенадцати сотен его разновидностей. В XVII веке это дало толчок безумной «тюльпаномании», вокруг которой возникали и рушились состояния, основанные на обладании луковицами редких видов тюльпанов, и тюльпан стал известен как «золото Европы».

Именно Мехмед IV, отец Ахмеда, был первым, кто вновь вернул тюльпан в Турцию, разбив цветник с несколькими разновидностями тюльпана в садах Серая. Но первым, кто начал импортировать тюльпаны в больших количествах не только из Голландии, но и из Персии, был Ахмед. Разведение тюльпанов в его садах тщательно планировалось, на каждой делянке высаживалась лишь одна разновидность этого цветка.

Праздник весны Ахмеда III, праздник тюльпана, проводившийся в садах Большого Серая, на время даже затмил своим значением традиционные религиозные праздники мусульман. Он проводился всегда в апреле на протяжении двух вечеров, предпочтительно при свете полной луны. Над частью своих садов султан возвел крыши наподобие оранжерей. Здесь, расположенные на полках, стояли

огчисленные вазы с тщательно отобранными и гармонично объединенными по цвету и форме цветами, с поставленными между ними небольшими лампами подсветки из цветного стекла и стеклянными пирами, заполненными разноцветными жидкостями, так что тюльпаны светились как бы идущим изнутри собственным светом. На ветвях сиренев, объединяя оранжевое с вольером, были развешаны клетки с канарейками и редкими певчими птицами. Султан сидел в центре на троне под шатром имперского павильона, принимая выражения почитания. На следующий вечер развлечения устраивались для дам гарема, которых султан принимал один, развлекая их музыкой и танцами, песнями и танцами своих рабов, тогда как черепахи бродили по дорожкам со свечами на палочках, чтобы освещать тюльпаны. Иногда устраивался «поиск сокровищ» — подобно поиску пасхальных яиц в Европе — с окрашенными в разные цвета конфетами и пряниками, спрятанными среди цветов, которые женщины гарема искали, перебегая туда-сюда «на цыпочках» между тюльпанами в дорожках, так сказать, сокровищ. Ибрагим-паша сам обожал больше всего сорт тюльпанов под названием «голубой жемчуг», предлагая большое вознаграждение тому, кто смог бы акклиматизировать его, и накрывал эти цветы белой вуалью, чтобы предохранить от солнечных лучей в жаркую погоду.

Тюльпан не только стал заметным мотивом в декоре изразцов и плитки и в других видах декоративного искусства османов; с сопровождающим этот цветок культом весны он стал источником вдохновения для турецких поэтов в то время, когда они начали освобождаться от влияния персидской поэзии, чтобы создать свою собственную, новую музу. Ведущим поэтом времен правления Мехмеда III с его нарядностью и роскошью, галантным обхождением, в том элегантно-обрамленном был Недим — «добрый приятель», человек удовольствий с беспечной философией: «Давайте все смеяться и шутить, давайте наслаждаться прелестями жизни».

Как образ, тюльпан просуществовал в турецкой поэзии вплоть до республиканской эры двадцатого столетия. «Победа, — писал современник поэт Яхья Кемаль, — это хрупкая красота с лицом розы и поцелуем тюльпана».

Эпоха тюльпанов была больше, чем проходящая мода. По своей сути она знаменовала собой рождение в Османской империи современной эры. В этом образе выразилось начало вхождения страны в мировой процесс, новый этап просвещения, отражавший дух рационального поиска ответов и либеральной реформы. Империя стремилась на Запад, находившийся в новой фазе научного прогресса, экономического процветания и военной мощи, чтобы найти светский, секулярный противовес традиционным религиозным ценностям исламского Востока. В западной цивилизации выражался образец той

социальной и культурной реформы, которая все больше виделась как необходимость, хотя еще сравнительно небольшой частью турецкой элиты. Тюльпан, таким образом, стал символом расцветавшего под влиянием западной цивилизации турецкого ренессанса.

В 1720 году турецкое правительство направило ко двору Людовика XV специального посланника по имени Челеби Мехмед. Его официальным заданием — в выполнении которого он на этот раз не преуспел, — было искать союза с Францией. Но помимо этого он получил указание от великого визиря «посещать крепости, фабрики и стройки французской цивилизации в целом и сообщать о тех из них, которые могут найти применение». Результатом был отчет о поездке, послуживший источником для будущих изменений в Турции.

Мехмед, сопровождаемый сыном Сандом, был одним из первых турок, выучивших французский язык. Он писал о Париже как человек, открывший для себя новый мир, восхищенный его новизной, его навыками в технике и медицине, его зоологическими и ботаническими садами, его оперой и театрами и, сверх всего, широким развитием его социальных традиций. Мехмед с удивлением и восхищением смотрел на женщин, «которые пользуются статусом более высоким, чем мужчины, и свободны в своем праве идти туда, куда они пожелают». Он проявил особый интерес к парижской обсерватории и зодиакальным таблицам Улудж-бея, астронома XV века из Самарканды, принадлежавшего к тамошней знати. Свстречаясь с Сен-Симоном, который писал о его хороших манерах и изысканном вкусе, шарме в общении с женщинами, одобряя так его намерение создать типографию по возвращении в Константинополь.

Это нововведение, против которого длительное время возродилась реакция и которое имело большое значение для будущей Османской империи, было в основном делом его сына Санда. Находясь во Франции, Санд заинтересовался искусством пера и его культурной ценностью. В 1727 году совместно с Ибрагимом Мютеферриккой, вероисступником из венгерской знати, посредником между культурами, видевшим в издательском деле средство для того, чтобы до турок-османов тех новых идей и методов, которыми должен был научиться их, он основал издание, которое стало популярным в странах мусульманского мира*.

Он представил Ибрагиму-паше меморандум для передачи султану, который был затем написан. В нем он задавал вопрос: «Почему христианские народы, которые были столь слабы в прошлом, сравненному с мусульманами, стали господствовать в нынешнее время в столь многих странах и даже смогли нанести поражение непобедоносным армиям османов?»** Давая ответы, он убеждал

мусульмане должны очнуться от дремоты безразличия. «Пусть они узнают об условиях, в которых живут их враги. Пусть они станут предвидящими и близко знакомыми с новыми европейскими методами, организацией, стратегией, тактикой и военным делом». Пусть они расширяют свои военные и политические горизонты с помощью изучения географии, а также судовождения с помощью морских карт, которые привели христиан к открытию Нового Света и завоеванию земель мусульман. Пусть они в особенности усвоят урок своих идей, русских, царь которых «искал и привлекал специалистов, обученных в этих науках, из других стран и реформировал свои армии с помощью следования их советам, рекомендациям и помощи».

Турки, заключил он, всегда были известны тем, что превосходили все другие народы в своем восприятии закона и порядка. Если они изучат новые военные науки и технику, «ни один враг не сможет противостоять этому государству». Он обратился к шейх-уль-исламу за разрешением печатать книги, и это было разрешено, с запретом печатать Коран и другие священные тексты, но с правом издавать светские работы, как словари и научные труды.

Однако мирное правление султана Ахмеда III уже приближалось к своему концу. Как это часто случалось после продолжительного периода относительного мира, янычары стали тяготиться собственным положением, с негодованием относились к экстравагантностям и роскошностям двора с «его французскими манерами» и очевидным равнодушием правительства к их собственным нуждам. Осенью 1700 года были получены сообщения о вторжении на территорию восточных провинций со стороны границы с Персией, где захватила власть новый агрессивный правитель Надир Хан, впоследствии ставший шахом. Эти сообщения послужили предлогом для мятежа, во главе которого стоял янычар-албанец, поддержанный многими из числа гражданского населения и в результате переросшего в восстание. Оно было подавлено главным образом против Ибрагима, великого визиря, который вначале недооценил силу этого волнения, тогда как главный министр в день начала восстания спокойно пересаживал тюльпаны в своем саду на азиатских берегах Босфора.

Султан утратил мужество и уступил требованиям янычар. Он лишил им великого визиря, главного адмирала и еще одного высшего должностного лица, которые были задушены. Затем султан отрекся от власти в пользу своего племянника, Махмуда I, который был заключен в «Клетку», куда дядя заключил его, чтобы быть наследником на трон вместо Махмуда. Затем Ахмед сам удалился в «Клетку», где ему довелось провести в заключении несколько последних лет жизни.

Правление Ахмеда, тем не менее, породило новую тенденцию в османской реформе, которая с тех пор стала получать развитие. Меморандум Ибрагима Мютеферрика о необходимости военной реформы, теперь уже напечатанный, был положен перед новым султаном Махмудом I. Эта жертва «Клетки» оказался неэффективным правителем. Но на протяжении срока его правления Ибрагим Мютеферрика и его издательство пропагандировали новые идеи и открытия европейской науки. С помощью комиссии в составе двадцати пяти переводчиков Ибрагим опубликовал подборку работ, раскрывавших для своих соотечественников загадки таких объектов изучения, как география и картография и астрономия, включая перевод Аристотеля вместе с впервые сообщавшейся информацией о телескопе и микроскопе, о магнетизме и компассе, о теориях Галилея о математике в ее различных отраслях, с обсуждением идей Декарта и в заключение, о медицине. Ибрагим Мютеферрика скончался в 1745 году. Его издательство перестало работать, и ряд переводов остался в рукописях. Обстоятельства помешали возобновлению книгоиздания в Турции вплоть до 1783 года. Отсрочка задержала тот прогресс, который придал эпохе тюльпанов некоторые черты турецкого ренессанса.

Скорее дипломатия, чем война, стала впредь основным оружием Османской империи в ее отношениях с Европой. Миновало то время, когда полумесияц мог мечтать об истреблении креста с помощью сочетания религиозного импульса с воинской доблестью. Они окончились у Петервардайна, с поражением последнего снятых вонтелей Дамада Али-паши, которое нанес ему принцип, умелый военачальник-ученый современной эпохи войн, отказавших носить религиозный характер. Раз и навсегда османы были признаны реальными такими условиями, когда их роль в европейских вопросах теперь была ролью обороняющихся и зависимых от союзников. Полумесияц полагался на крест, следовательно, на организацию при Порте постоянной системы дипломатии в соответствии с системами, принятыми в европейских странах.

До Карловицкого договора дипломатия турок-османов как восточной мусульманской страны, вмешивавшейся в дела христианской Европы, была односторонней и не носила взаимного характера. Игнорируя на любые законы стран, они были законом в самих себе, единственным народом на земле», что отражало степень их отношения к христианским государствам низшего порядка, откуда они обычно принимали дипломатические миссии, но куда они в ответ посылали свои. Эта практика, хотя она изолировала турок от европейской системы в важное время превращения государств в империю, действовала достаточно хорошо на протяжении веков их экспансии за счет Европы. Но теперь, когда европейские контакты стали для них жизненно важной потребностью, такая практика делала их неподобающе изолированными. Карловицкий, а еще больше Кареевский договоры, оба подписанные в соответствии с международным правом и практикой западной демократии, утвердили статус Османской империи по отношению к Западу как отступающей, а не расширяющейся державы. Впредь Порта была вынуждена вести переговоры скорее с позиций слабости, чем силы. Еще в то время она продолжала делать это, не держа за границей

постоянные представительства и не имея постоянного механизма ведения внешних сношений.

Непосредственно страдавшими от этого были сами иностранные миссии. Принимая необходимые меры и пытая интриги выполнения данных им поручений, оказывая от имени своих представительств давление в проведении нужной им политики, которая на деле могла даже совпадать с интересами османов, жили жизнью, полной постоянного крушения планов. Отделенные родины вечными отставаниями по времени и помехами на пути связи, послы постоянно чувствовали себя наряду со своими дипломатическими соперниками в равной мере изолированными от правительства, при котором они были аккредитованы, в квартале иностранцев в Пера. Имея разрешение на доступ в деловой центр Стамбула, лежащий на противоположном берегу Золотого Рова, только в редкие промежутки времени иностранные дипломаты могли на себе ощутить «преlestи» жестокого турецкого протокола; мениала частая смена власти внутри правительства, где в обстановке постоянных интриг один великий визирь непрерывно сменял другого; им препятствовали проволочки, уклончивость и иные уловок бесконечно затягивающие процесс переговоров.

Сверх всего, иностранные дипломаты были ограничены языком барьером. Никто из них не знал турецкого, и очень немногие турки, поскольку власть перешла от правившего института обращения христиан к чиновникам-мусульманам — знали какой-либо европейский язык. Иностранный посланник, таким образом, зависел от своего собственного драгомана — переводчика и агента разведки, который обычно был греком или левантийцем латинского происхождения. Действуя в качестве посредника в сношениях с чиновниками Порты, драгоман оказывался в положении, когда с помощью выборочного или тенденциозного перевода он мог оказывать влияние на переговоры по собственному выбору. Он мог пропускать свои собственные интересы с помощью рассчитанных уловок сведений, передаваемых коллегами-драгоманами и другими союзниками.

Но в 1669 году эта система была усовершенствована и улучшена путем создания только для христианских подданных, греков, армян, главного управления драгомана Порты*. Драгоман Порты, правило, привлекался из греческого торгового сообщества — фракийцев. По рангу он фактически равнялся министру иностранных дел. Другие ответственные официальные посты вокруг него в дальнейшем распределялись между христианами, по большей части принадлежавшими к греко-православной вере. Это объяснялось тем, греки, активно занимающиеся торговлей, были знакомы с языком Запада, которыми турецкая мусульманская элита в целом не вла

должна была посылать своих сыновей в такие западные университеты, как университет в Падуе. В частности, они часто были послами или же губернаторами автономных христианских владений. Так, с утратой значения рабского домовладения султана они продолжали, не прибегая к обращению в ислам, использовать способности своих христианских подданных. По мере развития отношений с Европой работа драгомана Порты становилась все более напряженной. Она приняла форму регулярных контактов с иностранными дипломатическими представителями в целях обсуждения проблем, включая обязанность перевода на приемах у султана и лично с великим визирем; ведения переписки с иностранными правительствами, которую драгоман Порты и штат его сотрудников были переводить с турецкого; внимательного ознакомления с новостями из-за границы и подготовки обзоров для ознакомления султана с жизнью Европы.

Таким образом, не менее дипломатические представители порой все еще рисковали — трудно сказать, преднамеренно или нет, — риску дипломатического казуса. Таким в начале XVIII века был опыт князя де Вильнева, которому король Людовик XV дал, как послу, миссию усилить в Порте позиции Франции, уступившей на протяжении прошлого века многое из своего влияния Англии. В соответствии с традиционными линиями франко-турецкой дружбы, инициированной Франциском I, французский посол должен был, пользуясь своими добрыми отношениями, добиваться от Порты более активной политики в пользу Франции. Это было важно особенно тогда, когда разрыв между слабостью турок и силой русских начал нарушить соотношение сил в Европе.

Вильнев прибыл в Золотой Рог в сопровождении блистательного жюльена, снаряженного так, чтобы продемонстрировать морскую мощь Франции. Но это было время празднеств на берегах Босфора, когда искусство удовольствий исключало занятия политикой. Вручение почетных грамот французским послом было поэтому надолго отложено. Наконец он был принят султаном во время официальной пятнадцатиминутной аудиенции. Несколькими днями позже великий визирь приветствовал посла с продолжительным обменом любезностями. Выпущенный, хотя француз был некурящий, выкурить с ним трубку «я двенадцать футов длиной», посол в конце концов попытался начать обсуждение двух вопросов: капитуляций и защиты христианских меньшинств. В ответ на это великий визирь вежливо интересовался, действительно ли сады Версаля оставались столь же красивыми и ухоженными, как и всегда. Затем великий визирь с подробностями заговорил о пехожих на них садах, которые он назвал «на Сладких Водах Европы». Несколько дней спустя драгоман Порты посетил французское посольство, чтобы попросить

от имени своих владык поставить растения и луковиды из Франции. Должны были пройти еще целых восемь месяцев, прежде Вильнев в предельно изнуренном состоянии был снова при великом визире.

Объяснялось это тем, что Порта на нынешней стадии своей оборонительной политики предпочитала австрийского имперского резидента в ущерб послу Франции. Турки, после их унижительного поражения в Белграде стремились избежать нового конфликта, умиротворяя императора различными уступками. Получив в 1731 г. новые торговые привилегии, воплощенные в имперской Остендской кампании, Австрия могла теперь выступать в качестве серьезного конкурента в торговле с Левантом. Кроме того, разочаровавшиеся французы, к нему за помощью обратились определенные слои европейских христиан. Но эта ситуация резко изменилась в 1732 году со смещением Ахмеда III и казнью его великого визиря. Благодаря исчезновению старого и появлению нового режима Вильнев был по крайней мере способен сообщить о благоприятных перспективах поддержки османами французской политики.

Спустя несколько месяцев французский посол добился, благодаря новому главному адмиралу, снижения пошлин на французские товары. Затем новый франкофил, великий визирь Топал Осман, восстановил привилегированный религиозный статус Франции. Миссионеры, которых при его предшественнике низвели до статуса консулов священников, вновь получили свободу отправлять свои службы во всех христианских провинциях. Был специально подтвержден иммунитет отцов церкви в святых местах, и турецкие власти перестали контролировать их приходы. Христианам было разрешено возводить вновь сожженные мусульманами церкви (которые в свое время разрушались на том основании, что по ночам звуки их колоколов давали заснуть ангелам в их мечетях) и строить новые храмы. Император Франции, таким образом, еще раз предстал в качестве всемогущего покровителя веры.

Посол Вильнев, восстанавливая роль своих предшественников, теперь почувствовал себя вправе свободно действовать в качестве французского советника Порта в его сношениях с иностранными государствами. Разделяя взгляды француза, его друг великий визирь не делал секрета из своей уверенности в необходимости активной политики против австрийского императора на одном фланге и против Анны* (недавно последовавшей Петру Великому) — на другом.

Но поскольку он потерял власть и ему на смену пришла новая группа великих визирей, не занимавших столь ярко выраженную французскую позицию, этот «подходящий момент» подвернулся. Тем временем, в 1733 году, император и царица как следствие оказались вовлечены в войну за раздел испанского наследства.

кой Франция поддерживала сторону соперника. Австрия и Пруссия настаивали на нейтралитете Турции, который был с достаточной готовностью гарантирован. Франция настаивала на вмешательстве турок в форме маневра против южного фланга русских из Польши, через Украину на Польшу. Но ценою, которую за это предложили турки, было жесткое требование заключить официальный дружественный и оборонительный союз, подтвержденный гарантиями со стороны султана и короля. Заключение такого союза шло вразрез с интересами христиан и «неверных», подобно тому, что делало франко-турецкие отношения со времен Франциска I и много было и впредь определять их. В Версале это предложение было с яростью отвергнуто кардиналом Флери, влиятельной силой при дворе Людовика XV, из-за его провокационного характера и большого риска конфликта с христианскими державами в Европе, в особенности с Англией и Голландией. Этот открытый отказ привел к периоду длительных переговоров между Портой и Версалем, которые продолжались восемнадцать месяцев, подтвердив, что турки и теперь столь же стойкими в дипломатии, как когда-то на поле

битвы, в 1734 году, русские, опираясь на нейтралитет Порты, собрали большую армию с Украины на север и приступили к наступлению и захвату своей главной цели — Дандига. Имея в Варшаве своего сателлита, русские тем самым стали контролировать значительную часть Польши. Подобное положение дало им возможность выйти с Балтики к берегам Черного моря, чтобы отомстить туркам за поражение Петра Великого на Пруте.

Поэтому, используя в качестве предлога «нападение» на русскую территорию армии крымского хана, вассала султана, отряд русских без объявления войны двинулся к Азову и захватил его. Одновременно русская армия вторглась в Крым через Перекопский перешеек, оборонительными линиями и крепостью которого опирались татары, несмотря на упорное сопротивление татар. Затем русские подвергли опустошению и массовым убийствам значительную часть территории Крымского полуострова, вторгаться на территорию которого не решился ни Петр I, ни любая другая русская армия. Но бесплодные и преимущественно безводные степи полуострова в конце концов сломили русских, и их войска, доведенные до истощения изнурением, голодом и болезнями, были вынуждены уйти, не дожидаясь приближения зимы. Начальный успех русских в результате был нивелирован последовавшей неудачей, результатом чего стало позорное у турок обманчивое ощущение безопасности.

Несмотря на это, Портa готовилась к войне, мобилизовав армию, и направил ее к устью Дуная. В действительности сопротив-

ление турок русским сыграло решающую роль, поскольку вслед за потерей Азова не последовало немедленного вторжения русских в Черное море и осады трех других крепостей, охранявших устья впадавших в Черное море рек. Царица требовала, чтобы ее военные корабли и торговые суда имели свободу плаванья по Черному морю. Случись это, Черное море стало бы русским озером, открывая путь на Стамбул и далее, через проливы, в Восточное Средиземное море, где торговля с Левантом сулила щедрое вознаграждение за счет западных держав. Теперь и император Карл VI стремился получить свою долю наследства, и в намерении осуществить совместную вооруженную интервенцию между Австрией и Россией был заключен секретный договор.

Но турки упорно не желали встречаться со своими врагами в бою. Они предпочли просить о посредничестве одну из христианских стран. Имперский резидент, английский и голландский представителю соперничали между собой в борьбе за роль посредника. Летом 1739 года великий визирь — еще один новый обладатель столь высокого титула, с которым у Вильнева до этого не сложились отношения, готовился двинуться со своей армией в лагерь в Бендерах, Бессарабии, вблизи устья Дуная. Здесь он на самом деле ожидал не войны, а мирных переговоров. Силы императора, истощенные дезорганизованные войной за польское наследство, также не были готовы к какой-либо новой войне против Турции. В результате выиграл время, предложив свои услуги совместно с Россией в качестве посредника в переговорах с Портой.

Летом 1737 года в Немирове, польской части Украины, состоялся мирный конгресс. Здесь Австрия и Россия, каждая имея за собой армию, готовую к выступлению, были озабочены лишь тем, чтобы скрыть свои истинные намерения в отношении Османской империи. Ведя переговоры с мечом в руке, русские требовали не только свободы плаванья по Черному морю, но и прохода своих кораблей через Босфор в Средиземное море; продления русской границы по Днестру; уступки кубанских и других татарских земель к северу от Черного моря; признания Молдавии и Валахии независимыми княжествами под покровительством России. Австрийцы требовали уступки территорий, включавших полностью Боснию и Сербию, войска тем временем уже шли маршем, и в Сербию австрийцы вернули себе крепость Ниш. Такого рода предложения русских австрийцев по существу были ультиматумом, как если бы не было уже повержено. Теперь у турок не было иного выхода, кроме отвергнуть предложенные условия, распустить конгресс и пойти за оружием, чтобы защитить свою империю.

Ее единственной надеждой на спасение была теперь Франция, раздражению Вильнева, правительство Людовика XV снарядило

чило нерешительность в своем подходе к кризису, высказываясь в пользу уступки Портой Азова. Предполагая, что русские будут этим воспользоваться, оно видело в этом решении вполне присматриваемую альтернативу войне. Но угрожающее присутствие России в Средиземном море, куда она проникла бы через Черное море, наконец-то заставило Версаль осознать необходимость пересмотра собственной политики. Столкнувшись лицом к лицу с перспективой совместного распада Османской империи Россией и Австрией, кардинал Флери признал неоглаживную необходимость сохранить ее единство, какую бы цену не пришлось за это заплатить. Совершенно независимо от значимости Леванта в качестве региона для французской торговли Османская империя как таковая, при всей ее слабости и дряхлости, должна была быть сохранена как элемент, крайне важный для европейского равновесия. В результате через переговоры в Вене из Версаля была предпринята новая и позитивная дипломатическая атака, чтобы расколоть австрийско-русский союз и с помощью мероприятий непосредственно на месте действия помочь туркам и убедить их, что было бы лучше воевать, чем уступать мирным условиям мира.

Когда великий визирь понял, что он был введен Австрией и Россией в заблуждение, он сразу же откликнулся на предложения французов и отправил в Версаль письмо, официально требующее признания суверенитета короля Франции. Это было гарантировано. Тем временем турки готовились к войне на два фронта. Уже под руководством очередного великого визиря их армия пошла походом на запад, в направлении австрийской границы. Момент был благоприятным, поскольку годом раньше скончался принц Евгений Савойский и имперские армии, уже изрядно поредевшие и утратившие боевой дух, были оставлены на милость некомпетентных генералов. С тех пор австрийцы постоянно находились в плохих отношениях со своими далекими «союзниками», русскими, с которыми у них не было никакого совместного плана ведения военных действий. На юге, в горах Боснии, турецкая армия столкнулась с фанатичным сопротивлением местных феодалов, воинственных вождей племен, бывших из обращенных в мусульманство славян, бывших ранее христианами. На востоке войска османов вернули себе Ниш, тем самым открыв дорогу на Белград по долине реки Моравы. Русские были более удачливыми, чем армии их австрийских союзников: захватили крепости Очаков и Килибурн в устье Буга. Но из-за невыносимой степной жары русские солдаты не смогли продвинуться дальше в намечавшемся ими походе на Дунай.

Мирными успехами турки были обязаны французскому перебежчику, дающему удачу графу де Боиньевалю, который служил австрийскому императору, а теперь перешел на службу к султану. Граф создал для

султана корпус бомбардиров, готовившийся по европейским образцам и методично работал по другим направлениям, чтобы в целом реорганизовать, модернизировать и повысить уровень боевой подготовки вооруженных сил османов.

Их победы удивили и впечатали Европу, позволив Вильгельму планировать посредничество в пользу Порты. В среде турецких войск эти победы так сильно вновь разожгли страсти против «неверных», что их невозможно было удержать от дальнейших кампаний за один сезон. На этот раз австрийцы довольствовались оборонительной стратегией боевых действий вокруг Белграда, так как турки заняли крепости Смедерово и Орсову на Дунае, а также Белградом. Русские, продолжая свои операции в районах, прилегающих к побережью Черного моря, получили отпор на Днестре и были вынуждены отступить из-за вспышки заболеваний и проблем со снабжением, эвакуировав гарнизон из только что взятых крепостей — Очакова и Кинбурна.

Вильгельм решил, что это было подходящим моментом для посредничества. Получив необходимые полномочия, включая приказы от короля Людовика XV его «дорогому и прекрасному императору османов», он в интересах престижа Франции решил немалой помпой вручить султану письмо во дворце последней. Сопровождаемый богатой и величественной свитой, он был принят аудиенции с исполненной уважения торжественностью. Французский посол был вознагражден возможностью почувствовать атмосферу откровенного дружелюбия по отношению к Франции, такую, какую до этого Порты никогда не обнаруживала. Подарки потоком потекли во французское посольство, где в переднем дворе непрерывно играл оркестр султана, тогда как посла, куда бы он ни пошел, сопровождал почетный караул янычар.

Вскоре после этих событий французский посол отбыл со своим многочисленным официальным конвоем в Адрианополь, чтобы присоединиться к великому визирию. Здесь он узнал, что великий визирь и его армия ушли на Ниш. Прибыв в Ниш, Вильгельм и не застал великого визиря. Турки уже ушли на Белград. По указанию великого визиря на время остановиться в Нише, посол получил известие о генеральном сражении под Кроцкой, недалеко от Белграда. В этом сражении австрийцы, стремясь вернуть Орсову, но недооценившие силу противостоящих турецких войск, были пойманы после неуклюжего тактического маневра в горловине горного дефиле, отброшены с большими потерями и вынуждены отступить к Белграду. Турки были настолько охвачены этой победой, что Вильгельм не на шутку обеспокоился. Он был хорошо осведомлен, что крепость Белград после ее захвата принцем Евгением подверглась реконструк-

германскими инженерами и приобрела репутацию одной из сильнейших в Европе. Вильгельм опасался теперь, как бы турки, влекомые идеей успеха, не опередили его посреднические усилия, начав штурм крепости и в результате риска решительным поражением. Французский посол был наконец приглашен в лагерь великого везира, турки на самом деле начали без необходимой подготовки осаду города.

К счастью, боевой дух австрийцев в этот момент стал падать, и Николай успел воспользоваться этим выгодным обстоятельством. Император направил в Белград из Вены эмиссара, генерала фон Нейпперга, со всеми полномочиями на ведение переговоров о мирном мире с Портой, невзирая на Россию. Прибыв в лагерь османов, генерал дал понять, что готов уступить отдельные участки территории от имени императора. Но когда очередь дошла до Белграда, генерал был готов уступить город при условии, что его фортификации будут сровнены с землей. Великий везир гордо отверг подобные условия, заявляя, что он не согласится вести какие-либо переговоры до тех пор, пока ключи от Белграда со всеми его фортификациями не окажутся в его руках. И все же, хотя ему хотелось удовлетворить своих воинственных солдат, он искал мира.

Николай мгновенно оценил сложившуюся ситуацию и, стремясь извлечь выгоду из очевидного желания австрийцев достичь урегулирования, решительно взял на себя задачу исправить положение, поступив с приемлемым компромиссным предложением. От австрийцев потребуют уничтожить те укрепления, которые были возведены самими турками. Но они оставят в неприкосновенности стены, возведенные самими турками. По условиям достигнутого мирного договора, который император, хотя и не без внутреннего сопротивления, обязан был ратифицировать, так как договор был официально гарантирован Францией, Османская империя получала обратно все, что она потеряла в Сербии, Боснии и Валахии по Пожаревачкому договору. Саван и гористая провинция Темешвар снова стали границами между двумя империями.

Эта сепаратная капитуляция на австрийском фронте случилась в благоприятный момент для другого противника Турции, поскольку именно в это время она точно совпала с решительной победой русских над турками, которая в противном случае изменила бы весь ход их восточной кампании. Русский командующий, генерал-фельдмаршал Миних, отказавшись от своих бесплодных операций в степях Черноморья, пошел на территорию османов иным путем. Двигаясь в северном направлении, чтобы вторгнуться на территорию валахов, он последовательно переправился через Днестр и Прут в Молдавию. Здесь Миних штурмом взял ключевую крепость Хотин.

Он посадил на трон собственного князя-марионетку, который ст призывать христиан оказывать Миниху вооруженную поддержку и освободителю от гнета мусульман. Городские ворота открыли пер ним Яссы, и уже вскоре авангарды русских вели разведку северном берегу самого Дуная. Затем русские войска повернули Бессарабию, чтобы превратить Бендеры в базу для операций южном направлении и продвижения в сердце европейской Тур прямо вдоль пути, ведущего в Стамбул. Но теперь из-за пораческих настроений австрийцев здесь стояла свободная от воен действий, готовая выступить против русского фланга на Ду двухсоттысячная турецкая армия, все еще упоенная радостью побе. Как с кривой усмешкой заметил маршал Миних: «Пусть ту благодарят Мухаммеда, Вильнсва и Нейпперга!»

Русским не оставалось иного выбора, кроме как подписа Портой в Белграде свой собственный договор, второй тр посредничества французов. Турки отказались от Азова на усл что его крепость будет скрыта, а прилегающая местность превра в идущую по пустыне нейтральную полосу между двумя импер

Порта сохранила за собой право построить крепость в ни течения Дона, ниже Азова, тем самым блокируя русским дост любое из морей. Ни одному русскому судну, будь то военный ко или торговое судно, не разрешалось входить в Черное море; в р мере в будущем на его берегах, на которых Россия удержив собой только часть территории между Бугом и Днепром, не до строиться никаких верфей. Все русские завоевания в К Молдавии и в Бессарабии были возвращены Турции, но М было гарантировано небольшое приращение территории на Укр По совету французского посредника Порта не настаивала возобновлении действия статьи Прутского договора, запрещав русским вмешательство во внутренние дела Польши.

Данный Белградский договор, как кульминация быстрого войны, означал унижение для Габсбургов, разочарованн русских и облегчение для Османской империи. В это упадка, когда турки в целях самозащиты стремились к миру, империя смогла получить временную передышку в те со своим новым и наиболее грозным врагом — Ро на период жизни целого поколения. Наперекор своему наследственному врагу Австрии Османская империя одно вновь обрела свою гордость и закрыла бреши в соб системе безопасности, возникшие вследствие его послед зительного поражения. Хотя победа османов на поле достигнута главным образом благодаря просчетам авс полководцев, турецкие военные показали себя все еще с ми проявить если не новое воинское мастерство, то

рый боевой дух, тогда как стратегия их военачальников, Акнувших с войной на два фронта, доказала свою расчетливость.

Тем не менее заслуга достижения как победы, так и мира принадлежала в первую очередь дипломатии и в особенности искусству, интеллекту и дару предвидения французов. Именно здесь была тем, кто в момент кризиса склонил к борьбе противившихся этому турок; кто в момент победы заставил их искать мир; кто в ходе переговоров разрушал интриги их врагов. В этом, активно работая, проявила себя новая модель века в дипломатических отношениях Османской империи. Никогда больше не будет опираться на преднамеренной, независимой оценке силы России. Ибо наступило время, когда Турок, ранее претендовавший на то, чтобы быть хозяином христианской Европы, перестал быть самостоятельным хозяином даже в собственных владениях. В деле снижения своей имперской силы в противовес России Османская империя зависела теперь от союза с державами самой христианской Европы.

Из них Франция, благодаря своему посредничеству, заняла в Европе позицию неоспоримого влияния и престижа по сравнению со всеми другими странами. В 1740 году официальный договор о дружбе и торговле из двадцати четырех статей возобновил действие франко-турецких отношений на более благоприятных и постоянных, чем раньше, условиях, тем самым утвердив преобладание французской торговли в Средиземноморье. В то же самое время по настоянию французов Турция крепилась против угрозы со стороны России подписанием с ней сначала аналогичного договора о дружбе и торговле, а затем и торжественного наступательного и оборонительного союза, которого до этого она искала с самой Францией, — первого такого рода, когда-либо заключавшегося Османской империей с христианской державой. Наконец, подтверждение на оговоренных условиях протекционистских прав Франции в отношении ее колоний гарантировало влияние Франции в значительной части Средиземноморья. Именно Франция в ее звездный час восемнадцатого века была той страной, на которую турки обращали свои взоры в поисках поддержки в меняющемся мире западного могущества и влияния.

О тныше на протяжении долгих лет в европейских владениях Османской империи воцарился мир. Европейские страны большую часть этого периода воевали между собой. После кончины в 1740 году императора Карла VI — Габсбурга — осталось наследство, которое можно было бы заполучить путем расчленения тех австрийских владений, что были унаследованы согласно Прагматической санкции его дочерью Марией-Терезией. Сначала это привело к войне за австрийское наследство, затем — к семилетней войне и росту значения в Европе прусского короля Фридриха Великого.

Франция, взяв на себя роль миротворца и защитника Османской империи, была по-прежнему готова, преследуя в европейских конфликтах свои собственные, а иногда и турецкие интересы, втягивать турки в события не просто как некую пассивную, но и как активную силу. В данном случае, имея совместные с Пруссией и германскими князьями планы относительно Австрии, французы оказали давление на турок, чтобы те вторглись в Венгрию, обещая им это королевство в качестве вознаграждения за подобный отвлекающий маневр. Однако султан Махмуд I, наследник Ахмеда, не дал себя вовлечь в этот процесс. Он твердо настаивал на нейтралитете Турции, издал манифест, в котором стремился отговорить другие страны от войны и брал на себя смелость предложить им свое собственное посредничество — «неверного» среди христиан — в деле сохранения мира. Это был жест, который вызвал у них не более чем улыбку.

Французы пошли на то, что обратились к перебежчику Бонневалу, которому позднее была пожалована пенсия с обещанием возвращения во Францию в надежде, что его влияние может заставить Порту решиться на войну. Однако султан и его министры оставались непреклонными. Настойчивое возобновление французами на протяжении последующего десятилетия усилий вовлечь Порту в союз с Пруссией и Швецией встречало столь же упорный отказ. Порту была настолько исполнена решимости любой ценой гарантировать себя от войны, что пошла в ответ на зондаж Марии-Терезии и

с соперничеством англичан на подписание договора «вечного» мира с Россией и Россией.

На протяжении всех этих десятилетий турки-османы оставались в отношении опасностей, которые могли бы возникнуть в будущем, с облегчением уступив настроениям той фаталистической инертности, которая соответствовала их мировоззрению. Лишь немногочисленное меньшинство элиты, реалистично оценивая нынешнюю слабость империи с ее насущной потребностью в перевооружении и реорганизации видело в этой передышке шанс на приведение дома османов в порядок перед следующим решительным столкновением с Россией, которое должно было неизбежно произойти.

В аппарате управления, напротив, господствовала самодовольная индифферентность. На всех его уровнях распространилось упрямое нежелание замечать присутствие хоть каких-либо недостатков. Подобный душевный настрой уходил корнями в традиционную привычку верить в непогрешимость османских институтов, не обращая внимания на опыт. Обращиваясь к своекорыстию, эти настроения распространялись вниз по вертикали управления и возне на непрерывно сменявшихся друг друга всаких визирей, пропитывая официальную иерархию и, вследствие постоянного расширения сферы коррупции, развращая государство в целом. Они дошли и до инчыар, ядра турецких вооруженных сил. Получив в свое время султана Мехмеда привилегию освобождения импорта от налогообложения, они больше не походили на войска, а расширяли коммерческую сторону своих постоянных занятий и, подобно чуждому обществу, стали теми, кто был непосредственно заинтересован в сохранении мира. В случае нарушения мира им действительно было что терять.

Султан Махмуд скончался в 1754 году, и его преемником стал его брат Осман III, жертва «Клетки» настолько деформированная, что стал почти горбуном. Как султан, продолжавший мирную политику своего брата, он правил всего лишь три года. В его последний год на протяжении первого года правления Мустафы III, который наследовал ему, империя эффективно управлялась Рагиб-пашой, младшим визирем, сравнимым по своим масштабам с визирями из династии Кеprлюку. Человек исключительной честности и исполнительности, благородных идей, знакомый с европейской наукой и почитавший труды Исаака Ньютонa, он стремился к идеалам вестернизации, но на данном этапе в интересах порядка видел необходимость проводить реформы без угрозы «гармонии существующих институ-

тов». На рубежом он проводил мирную политику Порты в смысле поддержания равновесия. Ища противовес силе Австрии и России, он в

1761 году подписал договор с Пруссией, который, он надеялся, если бы определенные события не помешали этому, — превратил в наступательный и оборонительный союз. Ибо Пруссия была страной, не строившей никаких планов относительно Османской империи. Полностью осознавая русскую угрозу и потому потребовав в реформе турецкой армии, Рагиб реорганизовал ее арсенал, создал крупнейшую для пушек, сформировал корпус мостостроителей и начал строить новые боевые корабли. Он учредил школы математики, обучения морскому делу, инженерным и артиллерийским наукам; ввел определенный режим боевой подготовки для янычар, саперов, пехоты и феодальной кавалерии из Анатолии. Он реорганизовал администрацию, стремился навести порядок в государственных финансах, подавил бандитизм в Анатолии и обеспечил поставку зерна в священные города Медину и Мекку, в чем имелась большая нужда. Обратившись к общественным работам и предприятиям общественного пользования, великий визирь оживил старый проект прокладки канала между Черным и Средиземным морями, который обошел Босфор, прорезав Малую Азию от вершины Изникского залива дальше следуя к Мраморному морю. С помощью такого ряда мероприятий великий визирь стремился направлять энергию, контролировать неутомимый дух нового султана Мустафы I, который на первых порах был согласен полностью доверить управление.

Однако Мустафа III был человеком совершенно не мирного характера. Он обладал неутомимой энергией и трудолюбием, был готов вести свой народ и отстаивать интересы своей страны, молодому султане присутствовала именно та искра духа завоевателя, отсутствовавшая у его ближайших предшественников, которая воспоминаниями его далеких османских предков. В отличие от них, однако, искра завоевателя далеко не всегда гаслась у Мустафы присутствием его предкам расчетливостью ума. С момента восхождения на трон Мустафа решил править, как причисляется султану, раз уж он сам им. Принимая по случаю инаугурации положенную по традиции чашу пирбета, он наемкнул янычарам на военные планы. «Друзья, заверил он их, — я надеюсь весной следующего года выйти вместе с вами под стенами Бендер».

Султан был уверен, что Порта в европейских делах должна играть более воинственную роль. Однако только после смерти Рагиба в 1763 году Мустафа смог начать по-настоящему править. Этот шаг совпал по времени с внезапным приходом к власти нового воинственного врага, одновременно наделенного способностями и неразборчивого в средствах, императрицы Екатерины Великой. «Семирамида Севера» вознеслась на трон с помощью военного переворота вместо Петра III, ее распутного и незадачливого

жа. Екатерина воплощала сокровенную мысль о том, чтобы действовать в качестве царицы на берегах Босфора, расчленение для этого Османскую империю.

Но сначала, однако, смерть польского короля Августа III вновь ставила вопрос о разделе Польши. Ища союзника в прежнем враге, Фридрихе Великом, русская царица пошла с ним в 1764 году для польского союза против независимости Польши. При попустительстве со стороны Австрии этот союз привел к оккупации и разделу Польши русскими и прусскими войсками и к тому, что в качестве короля Польши был навязан бывший любовник Екатерины, который в случае чего мог оказаться ее последним польским врагом.

Мустафа III был крайне возмущен этим обманным актом России. Протестуя против ставленника Екатерины, он писал: «Я найду некоторые средства усмирить этих «лжеверных». Но Диван все еще был против войны, и у империи не было войск, чтобы воевать. Порта первоначально не предприняла ничего больше, кроме пассивного протеста, довольствуясь, несмотря на жалобы осаждающих поляков, вводящими в заблуждение заверенными русскими и прусскими посланниками. Екатерину устраивало, чтобы Порта не поднимала шума до тех пор, пока она в конце концов не расправится с польшей, и, как она обнаружила, русское золото могло покупать столько же голоса в Диване.

Но царица не делала особого секрета из своего конечного решения подобным образом разделаться с Османской империей, и достаточно скоро стало очевидным. Подготавливаемые в тайне военные конфликты разжигались русскими агентами в различных частях империи — в Черногории, Албании, Молдавии и Валахии, в частности, в районе Крыма. Здесь, в «Новой Сербии», между Буковинской Украиной, русские укрепили пограничную зону, объявленную нейтральной по Белградскому договору, тем самым в случае необходимости разрезая коммуникации между турками и татарами. Последним актом их провокации было преследование поляков, бежавших с бессарабскую территорию татарского хана в Балту, около границы с Бессарабией, которую они осадили и сожгли дотла, с истреблением поляков, так и турок. Это было вопиющим нарушением договора, известно, не могло не вызвать негодования султана. Диван принял свою политику и сделал выбор в пользу немедленного ведения войны. Только великий визирь Мухсинзаде-паша был против этого решения на основании того, что вооруженные силы и артиллерийская оборона империи все еще не были готовы, что ни одна военная операция не может быть начата ранее весны следующего года и что подобное сообщение о военных действиях Турции явно преждевременное.

Но нетерпеливый султан видел лишь, что наконец-то и у него появился планс. Он уволил великого визиря и с чрезвычайной поспешностью через его преемника, Хамза-пашу, вручил ультиматум русскому посланнику Обрескову, требуя, чтобы царица вывела свои войска из Польши. Когда Обресков в нарушение инструкции в Санкт-Петербурге отказался подписать ультиматум, он был заключен в Семибашенный замок и России была объявлена война. Франция как «старинный и верный союзник», в течение некоторого времени оказывала давление на Диван, подчеркивая необходимость подобной шага. Ее тогдашний посол в Порте, де Вержен, получил в Версале указание Шауэля убедить турецких министров в нарастающей опасности действий русских в Польше и других местах. Напрямую де Вержен предупреждал Версаль о неподготовленности турецкой армии. Теперь все иллюзии рассеялись. Когда барон де Тотт, направленный Версалем в качестве эмиссара и военного советника, был уполномочен султаном провести проверку вооружений и боеприпасов, он был поражен и приведен в ужас неуккомплектованностью арсенала в Стамбуле.

Ему показалось, что была забыта вся традиционная практика войны. Фортификации, армейские маневры, боевая подготовка, дисциплина — все пребывало в печальном состоянии. Вооруженные силы парализовала некомпетентность. В официальных кругах господствовало невежество, распространявшееся вплоть до незнания самых элементарных аспектов географии. Отсутствие дисциплины на поле боя было обычным делом. Крупные воинские подразделения отказывались сражаться; воровство по линии интендантства велось открыто; конница владельцев наделов предлагала свои услуги любым авантюристам; нередко янычары могли избить своих офицеров и, будучи пехотинцами, требовать права следовать к полю боя на лошадях, если их офицеры не соглашались также ехать верхом. Турецкая армия превращалась в толпу варваров.

Корабли военно-морского флота, который великий визирь стремился реформировать и пополнить, отличало плохое качество постройки, устарелость конструкций и использование при строительстве некачественных материалов. Как был вынужден сообщить де Тотт «туда с высокими палубами, нижний оружейный ярус которых скрывался под водой при малейшем порыве ветра, снабженный противником большим количеством дров и небольшим — орудий». Высота палуб подгонялась под высоту турбанов, которые несли моряки. Де Тотт писал и о других многочисленных «дефектах этого вида вооружения, которым управляли люди, скомом невежественные для того, чтобы понять, имеются ли у них какие-либо недостатки». Главный адмирал имел право вручать командование каждым кораблем тому, кто заплатит наивысшую цену.

предоставляя своим капитанам право присваивать офицерские чины на аукционах.

Нестерпимое желание султана Мустафы ввязаться в войну до того, как он будет к ней готов, дало императрице Екатерине время, чтобы мобилизовать против него пять отдельных армий. С запада восток они соответственно базировались на Украине по линии фронта, прикрывая Молдавию; перед Перекопским перешейком, который вел в Крым; на территории между Доном и Кавказом; и около Тифлиса, прикрывая Грузию и Восточную Анатолию. Со стороны фронта османов в суровую зиму 1769 года предприняла движение лишь крымский хан Крим-Гирей. Его сопровождал отряд Тотт, одетый по повелению хана в одежду татарина и с вооружением запасными лошадьми черкесской породы. Когда его любимый более ценный белый арабский скакун пал, умирая от ран, он был быстро добит и превращен в копченую конину, которую предстояло съесть как особый деликатес с икрой вприкуску. Главная армия крымского хана, состоявшая из татарской кавалерии, не могла действовать в зимнее время года, вплавь переправилась через Днестр и Буг в скованные льдом степи «Новой Сербии», совершив пространство Южной России в ходе широкомасштабного зимнего набега, и вернулась с тысячами пленных. Однако Крим-Гирей умер вскоре после возвращения, а его преемник, раненный Портой, так и не смог подняться до его уровня.

То же самое относилось и к новому великому визирю и командующему турок Мехмеду Эмину, назначение которого говорило о неумении султана подбирать руководителей. Будучи по натуре человеком пера, а не меча и, следовательно, лишенным ни одного военного опыта, он весной 1769 года, когда достигли цели, созвал совет своих командиров и привел их в изумление, пытаясь посоветовать, как должна быть спланирована кампания. Различные разногласия привели к переправе через Дунай в Молдавию без какого-либо определенного плана действий. За этим последовал ряд неизбежных задержек, отчасти объяснявшийся нежеланием продолжать, а также обилием комаров и других летучих насекомых в окружающих плавнях. Это привело к отступлению перед захватом русскими Хотина и их продвижению в Молдавию и, в завершение, к отзыву и казни султаном своего великого визиря. Таким был первый из нескольких маятникообразных движений турок между Днестром и Дунаем.

К концу 1769 года императрица Екатерина взялась за самое ее сердце — проект — вторжение в Грецию, направленный на освобождение христианского населения от ига «печального Турка». Такой триумф наверняка вызвал бы радостное одобрение всего христианского мира. Уже довольно долгое время русская православная

церковь через свою агентуру в Греции упорно вела пропаганду, распространяя кресты, Евангелия и изображения Екатерины, которая обещала помочь грекам оружием в случае восстания. Турки в свою простодушную незнанию географии отмахивались от разговоров, угрожая, задавая недоверчивый вопрос: «Как вообще могут русские провести флот из Балтики в Средиземное море?»

Флот был собран в Кронштадте и прилегающих портах под официальным командованием двух русских адмиралов, незнакомых с морем, но под реальным командованием опытного английского адмирала Джона Элфинстона. Русский флот все еще был отсталым. Кораблям не хватало остойчивости; еще предстояло найти подходящий литейщик пушек; команды флота были пополнены повобранцами-крестьянами, оторванными от плуга, выздоравливающими в госпиталей. В ответ на замечание адмирала Элфинстона относительно недостатков, имевшихся у служивших вместе с ним командиров, Екатерина сказала: «Незнание русских происходит от их молодости, а незнание турок — от их старческой немощи». Когда русские корабли встали на стоянку в английских портах, их ожидал теплый прием. По распоряжению адмиралтейства они были оснащены необходимым оборудованием и провиантом и доукомплектованы опытными лоцманами и другими офицерами, так что ни одно русское судно не осталось без поддержки со стороны англичан. Дело в том, что Англия в это время благожелательно относилась к экспансии России в качестве противодействия ее врагу — Франции; и она пока еще не поддерживала политику сохранения целостности Османской империи. Правительство, таким образом, дало понять, что любая попытка Франции или Испании воспрепятствовать вхождению российского флота в Средиземное море будет рассматриваться как недружелюбный акт.

Русским экспедиционным корпусом командовал граф Орлов, брат фаворита Екатерины, который мечтал о собственном троне, чтобы править Грецией. Корпус появился у берегов Морси в начале 1770 года, обладаемый расчетами на массовое восстание христианского населения благодаря секретным соглашениям венецианских агентов с греческими общинными лидерами. Его войска под русским флагом высадились в Мани, жители которого незамедлительно проявили готовность восстать против турецких поработителей. Однако план совместных военных действий отсутствовал, и русским удалось установить систематический контроль над этими дикими горными разбойниками, стремившимися только истреблять турецкого населения.

Губернатор Морен, бывший великий визирь Мухсинзаде, не предпринял решительные ответные меры. Он привлек только албанцев и нанес поражение как греческим инсургентам, так и

иностранным захватчикам, заставив русские войска вернуться на раблы и истребляя восставших христиан на своей территории. В результате русские покинули полуостров, в то время как Мухсин-паша — в годовщину захвата Константинополя — рапортовал о своей победе, получив за это почетное звание «Покорителя Турен».

Но русский корпус остался в Средиземном море и показал себя более удачливым на море, чем в наземных операциях. Он нанес поражение флоту турок в проливе Хиоса, вынудив его искать убежище в небольшой бухте Чешма. Здесь турецкий флот был окружен, а затем сожжен с помощью двух судов-огнеметов, одним из которых командовал английский лейтенант. Благодаря этой «кусной засаде», как доносил барон де Тотт, гавань, «загроможденная кораблями, порохом и артиллерией, вскоре превратилась в капан, который поглотил весь воешно-морской флот турок».

Случилось самое страшное несчастье, которое только обрушилось на турецкий флот со времен сражения у Лепанто. Оно было праздновано Екатериной сооружением триумфальной арки в Царском Селе и чеканкой медали для каждого участника с надписью «1791». Это поражение турок могло иметь решающие долговременные последствия, если бы прислушались к совету английского адмирала. Он доказывал, что русский флот должен немедленно идти в Дарданеллы, оборона которых была слабой, откуда продолжить свой путь в Мраморное море, чтобы подвергнуть обстрелу и покорить Стамбул. Но Орлов, его русский начальник — которому Екатерина вскоре воздаст честь, присвоив титул «Чесменский», — колебался. Усиливая в нерешительности около входа в проливы, Орлов дал туркам время с квалифицированной помощью барона де Тотта и команды французских инженеров установить четыре тяжелых батареи — две на европейском и две на азиатском берегах, — размещенные так, что они могли взять под перекрестный огонь любое судно, которое попыталось бы пройти через проливы.

В результате Эфринстон изолировал проливы вокруг Гелендоса, в то время как Орлов осадил крепость Лемноса. После шестидесяти дней осады турецкий гарнизон был на грани капитуляции, когда Хасан Аджирский, адмирал султана, в героических традициях когда-то предпринял из Стамбула попытку заставить русских снять осаду. Адмирал потребовал всего лишь отряд в четыре тысячи добровольцев, вооруженных пистолетами и саблями, набранный из фанатичной толпы на улицах города. Высадившись незамеченными на восточном берегу острова, турки внезапно атаковали осаждавших, перебив их в рукопашных и вынудив остальные русские войска в панике отказаться от осады и погрузиться на корабли. За это Хасан был вознагражден назначением на пост главного адмирала.

и-беем в союзе с шейхом Акры. Али отобрал у паши Дамаска южную часть Сирии, но все же был разбит — виной послужило недальство — неподалеку от своих владений в сражении, в котором погиб отряд русских численностью четыреста человек. Ова мятежного паши вместе с четырьмя пленными русскими офицерами была отправлена султану в Стамбул.

Тем временем на главном театре военных действий, вдоль русско-турецкого рубежа, судьба войны, продолжавшейся в следующих одна за другой кампаниях, неумолимо складывалась не в пользу турецких войск. В 1770 году русские последовательно прошли Молдавию и Валахию, отбрасывая турок наставляя их в панике бежать через Дунай. Вскоре все турецкие крепости, расположенные к северу от реки, бывшие традиционными оплотами империй, оказались в руках русских. Единственное сопротивление было оказано лишь татарским населением Бендер. После двухмесячной осады, за которой последовала ожесточенная борьба на улицах города, в живых осталась только горстка жителей. Крепость на Днестре, как и крепости на Дунае, пала, таким образом, в руки русских.

В 1771 году наступила очередь Крыма, подвергшегося вторжению двух флангов — через Перекопский перешеек и со стороны Череповского пролива. Территория полуострова была полностью изолирована в условиях крайнего беспорядка, усиленного внутренними фактами между татарами и турками. Турецкий губернатор был убит в панике; хан позорно бежал без попытки к сопротивлению, тем самым лишив татар последнего источника власти. Двум сыновьям хана была обещана независимость полуострова под покровительством России, и они с делегацией других лиц отправились в Санкт-Петербург, чтобы там дать клятву верности императрице Екатерине. В результате Османской империей была утрачена большая часть крымского побережья Черного моря, за исключением Очакова и Феодосии. В то же самое время в районе Кавказа русские изгнали турок из Мингрелии и Грузии.

После Австрия и Пруссия стали проявлять озабоченность по поводу непрекращавшихся завоеваний их могущественного русского соседа и предложили царице свои посреднические услуги в деле умиротворения мира с Портой. Екатерина, однако, ответила, что она будет вести переговоры только с самим султаном, без вмешательства третьих стран. Последовал период сложных дипломатических маневров между данными державами, затрагивавших вопросы «делсжа» в связи с планировавшимся разделом Польши. Порте удалось последовательно заключить союзы с Австрией и Францией, чтобы получить поддержку против России. В завершение, уже в конце кампании 1771 года, Россия и Порта согласились на перемирие,

которое привело, сначала в Фокпанах, а затем в Бухаресте, обсуждению условий мирного договора.

Переговоры потерпели неудачу в значительной степени потому, что муфтий и вся улема воспротивились передаче Крыма как мусульманского государства, находившегося под властью султана халифа, под протекторат христианской державы. Хотя султана с его великим визирем и главными министрами устраивали предложенные условия, он был вынужден отвергнуть их из-за опасений, что улемы поднимут в Стамбуле восстание. В результате после более чем годичного перерыва война была возобновлена. Воспользовавшись преимуществами случившейся передышки, султан восстановил восточную часть великого визиря Мухсинзаде-пашу, освободителя Морси.

Реорганизовав и укрепив армию, он воодушевил ее новым последними возрождениями надежд и в 1773 году предпринял военные действия, театр которых был ограничен южным берегом Дуная и районами Болгарии, от двух крепостей — Силистрии и Рущука — до берегов Черного моря. Сначала турки выдержали осаду русскими Силистрии, сражались на улицах и заставив отступить. За это русский отряд отомстил массовыми убийствами гражданских жителей беззащитного городка Пазарджик. Застигнутые врасплох за этим занятием появившимся подразделением турок, русские поспешно отступили, оставив на кострах котлы с наполовину сваренным обедом. Тем временем другой русский отряд двинулся к Варну, но его наступление было успешно отражено с помощью отряда моряков с турецкой морской эскадры, крейсировавшей в то время вдоль побережья Черного моря.

Вдохновленные этой полосой неожиданного успеха, турки возобновили наступательные действия от своей штаб-квартиры в Шумлы, которая господствовала над долиной Дуная, начинавшейся от подножия Балканского хребта. На этот раз они двинулись вниз по течению в направлении устья реки с целью вытеснить противника из крепости Хыршова. Но русские атаковали первыми, нанеся полное поражение крупной турецкой армии, захватив ее лагерь со всем имуществом, оставив турок с силами, совершенно недостаточными для обороны Шумлы. Были поставлены под угрозу пути сообщения со Стамбулом, так как стремившиеся окружить турок русские двинулись к югу в направлении проходов через Балканы.

Это был конец. Великий визирь направил в лагерь русского офицера с предложением перемирия. Вместо этого визирю предложили прислать лиц, уполномоченных вести переговоры о мире. По согласию Порты переговоры были начаты, и согласованные условия оформлены в виде Кючук-Кайнарджийского трактата, или мирного договора. Договоренность была достигнута в течение семи часов, основанная на базе условий, отвергнутых двумя годами ранее.

Подписание было отложено русскими на четыре дня с тем, чтобы оно совпало с годовщиной подписания Прутского договора и, таким образом, сняло бы горькую память о том поражении.

Сколько унижительным ни был бы новый договор для Османской империи, его условия были менее радикальными, чем могли бы быть. Если царица была теперь готова идти на мировую в связи с тем, что победы русского оружия обходились очень дорого, а также из-за внутренних волнений как дома, так и в Польше. Россия не стала угрожать контроль над Крымом и не позволила это сделать туркам, признав политическую независимость населявших его татар, как и в Аггарбии, вплоть до границ Польши. Крым должен был управляться местным правителем, который должен был избираться и действовать без вмешательства со стороны русских и турок. В религиозных вопросах татары по-прежнему подчинялись османскому султану, что было первым международным признанием прав султана в отношении мусульман за пределами империи.

С другой стороны, удержание Россией двух ключевых крепостей — Керчи и Еникале — и городов Азова и Килбурна создавало для России сильный плацдарм в Крыму и в прилегающих областях и, следовательно, возможность для захвата Крыма в любое время, когда Россия того пожелает. Но самое главное заключалось в том, что договор давал российскому флоту доступ в Черное море, то есть то, что Россия добивалась со времен Петра Великого, почти век тому назад. Никогда больше Черное море уже не будет оставаться исключительно, «чисто и безусловно», турецким озером. Согласно договору, Россия получила право навигации в его водах. На этой основе это право распространялось на прибрежные воды других держав и предполагало русское консульское присутствие в тех портах Османской империи, в которых затрагивались ее интересы. В Средиземном море русский флот должен был покинуть ионийский архипелаг. В Азии под турецкое управление были возвращены Грузия и Менгеслия. Аналогичным образом власть была восстанавливалась в румынских провинциях Валахии и Молдавии. Но в этом случае делалась одна существенная оговорка. Речь не только должна была гарантироваться равная свобода исповедания для христианского населения, но и право русских консулов, аккредитованных в Порте, на вмешательство в случае цензур со стороны христиан. Это подразумевало право защиты, открывавшее путь к злобующим конфликтам в будущем. В то же время русские подданные в роли паломников должны были получить, уплааты подушного налога и под защитой турецких законов, свободный доступ к святым местам Палестины.

Кючук-Кайнарджийский договор еще не преследовал цель расчленения Османской империи. Но он стал отправным пунктом для

серьезной новой политики ее расчленения изнутри. На религиозно-почве этот договор посеял семена того внутреннего раскола, реализации которого русские в дальнейшем показали себя мастерами. Тем временем, реально способствуя этому положению, султан принял решение еще раз открыть резиденцию постоянного русского представителя (министра) в Порте и присвоить русскому суверену статус и титул падишаха.

Мустафа проявил себя правителем доброй воли и конструктивных решений, носившим в себе дух реформаторства. Он опирался в этом плане действительность барона де Тотта, который по его подсказке основал математическую школу и руководил ею. Это побудило офицеров армии и флота вновь погрузиться в забытые таинства тригонометрии.

Султан Мустафа III не дождался времени, когда бы он смог лично увидеть крушение своих смелых намерений и их печальный конец. Все еще веря в свою звезду и в свою судьбу Джиханпир или «Покорителя Мира» (псевдоним, которым он подписывал свои стихотворения), он решил в 1773 году лично отправиться на Дунайский фронт и, отстранив военачальников, взять командование на себя. Его министры остановили его; улемы воспротивились отъезду, главным образом из-за плохого состояния его здоровья. Действительно, в начале года султан скончался от болезни, после нескольких недель страданий от боли. Ему, заслужившему уважения за решимость вдохнуть в Османскую империю новую жизнь, защитить ее от агрессии со стороны России, не хватало не только умения мыслить политически и стойкости характера, но и материальных и людских ресурсов, чтобы добиться возрождения державы — уже не первому в ряду султанов последних поколений, чье стремление превзойти своих более сильных и более ярких предшественников подобным образом срывалось.

Его брат — после сорока трех лет пребывания в «Клетке» вышел оттуда, чтобы унаследовать султанат под именем Абдул-Хамида I. При восхождении на трон он обнаружил казну настолько истощенной, что не смог выдать жыгчарам, как было принято в начале каждого правления, привычное подношение. Он был добрым, но не эффективным монархом, достаточно благородным в своих намерениях, но слабохарактерным человеком. Тем не менее воступив на трон пошло ему на пользу, и он произвел на свет двадцать два ребенка. Большинство из них умерло в раннем детстве. У одного из тех, кто остался в живых и впоследствии стал правителем, недюжинными способностями под именем Махмуда II, возможно, жилах текла французская кровь, поскольку он был, существует предание, ребенком Эми Дюбюк де Ривери, кузины будущей императрицы Жозефины и бесспорной фаворитки в гареме его отца.

Министры султана управляли истощенной войной империей, получившей тринадцатилетнюю передышку. Но это относительное спокойствие было ненадежным, больше видимым, чем реальным. Для императрицы Екатерины это была не более чем временная пауза, лишь для решения внутренних проблем, перед тем как возобновить реализацию ее дерзкого «великого проекта» расчленения Османской империи.

Как сказал о русской императрице ее габсбургский союзник император Иосиф: «Эта женщина обладает своей собственной ключительной волей, которую ничто не может остановить». В 1778 году, когда у Екатерины появился второй внук, ребенку дали императорское имя Константин. Мистер Итон, англичанин при дворе императрицы, писал, что «в качестве кормилиц к нему приставлялись гречанки, и вместе с их молоком он впитывал греческий язык, в котором он в дальнейшем совершенствовался с помощью учителей-греков; короче говоря, все его воспитание было таким, чтобы подготовить его к трону Константинополя, и никто тогда не выражал сомнений в замысле императрицы». Планировалось, что Константин будет править в союзе с Австрией, но независимо от Санкт-Петербурга, над разделенными на части европейскими владениями Византии, в качестве суверена христианской империи, включающей Валахию, Молдавию и республики Афин и Спарты в Греции. Екатерина усилила свою пропаганду по всей Греции, убеждая христиан примкнуть к ней в деле вооруженной борьбы против «неверных».

Воодушевленные подобными призывами, горные племена Эпира поднялись на активное восстание. Когда юный царевич Константин достиг совершеннолетия, депутация греков предприняла поездку в Санкт-Петербург, чтобы вручить царице петицию. В качестве «нации, гений которой не исчерпан, — настаивали они, — мы никогда не просили у вас богатства; не просим мы его и сейчас; мы просим только пороха и снарядов, которые мы не в состоянии иметь, и просим повести нас в бой». Когда помощь была обещана, они стали требовать отдать им внука императрицы в качестве их собственного суверена, и им было разрешено подождать царевича в личных апартаментах как василевса. Когда они засвидетельствовали Константину свое почтение в качестве императора греков, юноша ответил им по-гречески: «Ступайте, и пусть все будет исполнено согласно вашим желаниям».

Между тем Екатерина занималась реализацией своих собственных планов в отношении Крыма, ставшего со времени подписания Букур-Кайнарджийского мира независимым государством. Когда татары избрали своим ханом представителя ханской семьи Девлет-Гирея, русские, не найдя его достаточно стоворчивым, под предлогом

восстановления порядка направили в Крым армию и сместили его, заменив своим собственным ханом-ставленником. Бывший заложник в Санкт-Петербурге, он характеризовался одинаково и татарами и турками как безвольная марионетка, подчиненная русскому диктату. Однако турки, будучи не готовыми к войне, решили в вопросе о Крыме пойти на уступки. В 1779 году они, по наущению французов, подписали с Россией конвенцию, возобновлявшую действие Кючук-Кайнарджийского мира, признававшую избрание нового хана и гарантировавшую ему необходимое признание со стороны мусульман.

Когда татары взбунтовались против хана-сановника как ставленника русских, чьи вызывающие манеры и распутное поведение он усвоил, он направил в Санкт-Петербург делегацию, умоляя императрицу защитить его. И снова в Крым была направлена русская армия и повстанцы были безжалостно истреблены или изгнаны. Императрица и князь Потемкин, ее главнокомандующий, советник и главный фаворит, пришли теперь к выводу, что настало время напрямую взять Крым. Незадачного хана с помощью сочетания угрозы и подкупили к тому, чтобы отказаться от власти в пользу Екатерины, которая в 1783 году провозгласила аннексию Россией Крыма вместе с Кубанью и прилегающими территориями. Хан, таким образом, безжалостно принесенный в жертву, на время был упрятан в тюрьму, где содержался в варварских условиях, а затем вытолкнут за границу в Турцию, где его тотчас же обезглавили.

Западный мир был цинично заверен в том, что Россия выполнила в Крыму великий акт освобождения, спасая татарское население полуострова как от страданий, причиняемых внутривосточной борьбой, так и от опасности внешней войны в ситуации, когда положение на границе России и Турции сделало их открытыми для подобной опасности.

«Любовь к доброму порядку и спокойствию, — доводила Екатерина до всеобщего сведения, — были тем, что привело русских в Крым». Когда наиболее благородные из татар предпочли умереть до конца сражаться за независимость своей страны, генерал Павел Потемкин, кузен князя, устроил им массовую резню, во время которой, как утверждалось, погибло порядка тридцати тысяч татар, тогда как десятки тысяч их бежали в изгнание, вместе с большой группой армянских христиан, погибая от голода и холода, когда толпами шли степями от Азовского моря на восток. За все это генерал был удостоен звания адмирала Черноморского флота, губернатора новой русской провинции Таврия — как стал называться Крым и прилегающие территории, — в то время князь Потемкин поднялся до новых высот славы, получив титул «Таврический»*.

Несколько лет спустя, императрица Екатерина, укрепив к тому времени свои связи с Австрийской империей, добилась триумфального успеха с победоносным Потемкиным и выразительного антуража в этом новом южном владении, где начинался процесс развития и освоения. Император Иосиф присоединился к ним в новой крепости Херсон на Днепре, где на триумфальной арке было написано «Дорога в Византию» и где он вел себя по отношению к Екатерине как учтивый царедворец. Ему показали новый порт Константинополь с русскими босвыми кораблями, стоявшими на якорях, откуда он в компании с Екатериной и Потемкиным пересек степь, «уждая во время поездки детали замышлявшегося ими расчленения Османской империи, отпуская остроты по поводу того, что ждет этих бедолаг турок».

Их самонадеянные планы, доведенные до сведения всего мира и начинавшие по времени с подстрекательствами к восстанию в самой Османской империи, служили преднамеренной цели спровоцировать их объявить войну и заклеймить себя как агрессоров в глазах солигенции Западной Европы, где Россия пользовалась доброй репутацией и престижем. Французские литераторы в особенности видели в Екатерине просвещенного монарха, обещавшего многое дать цивилизации. Для Вольтера война русской императрицы с Мустафой III была войной между разумом и фанатизмом, цивилизацией и жестокостью. Для графа де Вольней турки были «боспорскими диарами», «той несвежественной и дегенеративной нацией, наступавшей на которую русских следует поощрять как несущее новую жизнь цивилизацию».

Итак, Порта объявила войну в 1787 году. А в следующем году император Иосиф, который нарушил свой мир с турками хитрой попыткой внезапного захвата крепости Белграда, поддержал императрицу своим собственным объявлением войны Османской империи. Как и прежде, последовала череда кампаний на обоих фронтах, из которых заканчивалась для турецких войск еще более неблагоприятно, чем предыдущая. Хотя на море они имели уважение командующего в лице ветерана, алжирского паша Хасана, который в качестве беспощадного капудан-паша породил османский флот и который с тех пор восстановил власть паша в мятежных провинциях в Сирии, в Морее, где албанцы, первоначально введенные туда для того, чтобы бороться против русской интервенции, остались там и превратились в не признающих никаких законов бандитов; и недавно выступил против восстания мамлюков в Египте.

Теперь Хасан был отозван из Каира, чтобы принять командование турецкими сухопутными и военно-морскими силами в районе Черного моря для осуществления, с опорой на Очаков, операции по

возвращению крепости Кинбурн и восстановлению контроля устьем Буга и Днестра. Но здесь ему противостоял Суворов — гениальный русский генерал, величайший среди полководцев своего века. Одновременно проницательный стратег и умюющий воодушевлять лидер, он сочетал в себе толкое понимание военной науки, необыкновенной способностью проникать в характеры и способности людей, которыми он командовал. Он общался с русскими солдатами из крестьян в грубой манере солдатского братства, разделяя с ними все трудности и опасности, поднимая их гордость и патриотизм, пробуждая в них боевой дух и верность долгу. Теперь Суворов ожидал высадки войск Хасана, а затем со сравнительно небольшим собственным отрядом стремительно атаковал и уничтожил их, завершение открыв огонь из батарей, поставленных у оконечности дельты реки таким образом, чтобы огнем прикрыть вход в гавань. Флотилии речных судов, прибывших с верховьев реки, он полностью уничтожил, тем самым закрепив за Кинбурном название крепости «суворовской славы».

Зимой следующего года, поддерживая Потемкина, Суворов сжег и захватил основной опорный пункт турок Очаков, потопив устье Днестра еще несколько турецких кораблей и пойдя штурмом на крепость под сильным огнем по льду бухты. Русские войска, преисполненные ненависти и гнева в связи с резней, устроенной турками в соседней русской деревне, теперь перебили почти всех, исключением небольшого числа живших в городе женщин и детей. Так к концу 1788 года Турция фактически проиграла войну на своем восточном фронте.

На австрийском фронте турки получили поддержку благодаря некомпетентности императора, который решил лично покомандовать войсками. После того как многочисленная армия турок перешла через Дунай, чтобы нанести поражение австрийским войскам, Иосиф собрал свою собственную большую армию, чтобы выступить навстречу туркам. Но, не будучи уверенным в победе, испугавшись, император под прикрытием темноты вместо того, чтобы отступить в направлении Темешвара. В наступившей темноте, турки австрийцы приняли запоздавшую собственную часть за преследующих турок, начались замешательство и паника. Происшедшие оборонительные порядки, австрийцы стали вслепую вести огонь во всем направлениям. Только с рассветом обнаружилось, что они стреляли по собственным товарищам, тысячи которых, убитых и раненых, лежали вокруг них. Турки, воспользовавшись этой катастрофической слепотой, решительно атаковали противника и захватили большую часть артиллерии, а затем преследовали отступающих по ужасной местности, где совершенно независимо от потерь на поле боя император потерял десятки тысяч людей из-за болезней и лиха.

К несчастью для турок, император никогда больше не рискнул
на себя командование собственной армией на поле боя.

В 1789 году командование австрийскими имперскими воору-
женными силами было возложено на маршала Лоудона, решительного,
высокого ветерана, с шотландской кровью. Он прошел путь от
простого солдата до маршала, получив это звание за особые заслуги
в Семилетней войне, и пользовался репутацией человека, который
был «таким же джентльменом». Маршал вдохнул в австрийскую армию
новую жизнь и осуществил успешное вторжение в Боснию и
Герцеговину, заняв большую часть территории этих стран. Другая армия,
командуемая принцем Кобургским, соединилась в Молдавии с
русской армией Потемкина, которая в тот момент занимала местность
между Днепром и дельтой Дуная.

Ранее в этом году скончался султан Абдул-Хамид I, и ему
преемствовал его племянник, ставший Селимом III. Селим был юношей,
полным энергии и обладающим даром предвидения, окрыленным
идеями спасения и реформирования своей страны. Он немедленно
провел массовую мобилизацию в войска всех мусульман в
возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет. Затем он отозвал
принца Хасана, командовавшего флотом в Черном море, и назначил
его великим визирем и главнокомандующим задунайской армией.
Принц Хасан был опытным на море, чем на суше, под его
командованием находилась армия, достаточно большая, чтобы одолеть
армию принца Кобургского, стоявшую на границе Молдавии.

Но Хасан, однако, не был соперником Суворову, который после
успешно завершившегося день и ночь перехода по дикой горной местности
своими войсками появился на сцене к спасению
русских. Неизменным девизом Суворова, с которым он обращал-
ся к своим войскам, было: «Вперед и нанеси удар!» Не теряя
времени, смело упреждая атаку Хасана, Суворов повел солдат за два
дня до наступления рассвета на массированный пикет лагеря
турков, захватывая их склады, боеприпасы и осадную артиллерию, и
разбросал противника в следованных одна за другой свирепых
русских атаках. Вот когда для турецкой армии наступило время
почувствовать на себе страшное русское «холодное оружие». Генерал не
только доверял мушкетам; в бою неизменным девизом Суворова,
которым он обращался к своим войскам, было: «Колпиком —
промахнется, а штык никогда... пуля — дура, штык —
мужик!»

Другая, еще более внушительная армия, посланная Селимом, была
разбита Суворовым на реке Рымник, принесла ему от
императрицы победный триумфальный титул «Рымникский». Два
поражения вызвали в Стамбуле панику, которую султан
наконец попытался успокоить казнью старого воина Хасана, столь

преданию служившего своей стране. Тем временем Лаудон после длившейся три недели осады взял Белград и соседнюю крепость Смедерево. Но в 1790 году скончался император Иосиф, которому унаследовал его брат Леопольд, бывший противником союза с Россией против Турции и теперь вышедший из него. В Систове он подписал с турками мирный договор, вернув завоеванное и в принципе возвернувшись к предвоенному статус-кво. В гла Леопольда расчленение Турции было той политикой, которая могла бы принести выгоду его собственной империи.

Расстроенные, но не обескураженные этим шагом австрийцы русские в 1790 году продолжали свое наступление, чтобы изгнать турок из прибрежного района Бессарабии и Болгарии. Препятствием на пути к этому служила крепость Измаил в устье Дуная.

Суворов воодушевил свои войска на штурм крепости и, предпочитая не доводить дело до длительной зимней осады, немедленно отдал приказ штурмовать крепость, в которой находился сильный гарнизон, с напускной беспощадностью добавив: «Братцы, жить без продовольствия мало». Штурм был начат ночью. Понесся тяжёлый бой с большими потерями, русские поднялись на стены: внутри города началась беспорядочная резня, поскольку турки, и солдаты, и гражданские лица, билась каждая улица и каждый дом с энергией, удесятёренной отчаянием. В конце концов, к середине дня турки и татары из гарнизона крепости сосредоточились на рыночной площади, где все было погублено после двухчасовой битвы. Затем в разрушенный город хлынули свежие русские войска, подвергнувшие его трёхдневному разграблению и убийствам всех без разбора. Даже сам Суворов ушёл в свою палатку, плача от ужаса увиденного. Затем он представил своей императрице торжественное донесение, частью написанное самими умелыми стихами.

Ничто больше не могло спасти Османскую империю от падения. Вновь пришло время для посредничества, и на этот раз группировке европейских держав произошёл новый сдвиг. На протяжении всего XVIII века внешняя политика была относительно безразличной к судьбе Османской империи, в качестве благожелательной по отношению к России, главным образом в качестве противовеса ее принципиальному врагу — Франции. Затем, премьер-министр Англии, придерживавшийся мнения, что безопасность Турции была бы не в интересах Англии. Англия оказалась безразличной и тогда, когда Екатерина аннексировала Крым. Джеймс Фокс, министр иностранных дел, проводил политику согласно которой союз с северными державами «всегда был и будет смыслом действий каждого просвещённого англичанина». Эта политика включала Россию, с которой Англия пошла и прочего выгодно торговала. Но теперь, когда Франция...

оказана революцией, структура власти в Европе претерпевала изменения, и исходившая от России угроза становилась более очевидной.

В результате политика Англии была пересмотрена Питтом Младшим с созданием в 1790 году тройственного союза между Англией, Пруссией и Голландией, направленного на сохранение Османской империи. Этим объяснялись выход из войны императора Иосифа и подписание Систовского договора между Австрией и Турцией. Теперь Пруссия и Англия прилагали все усилия, чтобы достичь договора между Россией и Турцией на аналогичной основе прекращения завоеванного. Но когда в 1790 году подобное посредничество было предложено Екатерине, она отреагировала с изумлением, упрекая союзников за столь некорректную попытку помочь независимой державе. Она заносчиво заявила королю России: «Императрица ведет войну и заключает мир тогда, когда она сожалеет». Превыше всего Екатерина хотела утвердить за собой Очаков и земли между Днестром и Бугом. Но союзники, не взиравшие на то, что в защищенном от моря эстуарии потенциальную военную базу, опираясь на которую Россия будет постоянной угрозой Константинополю, настаивали на его возвращении, в обмен на что Англия постаралась бы добиться от турок официального отказа от их претензий на собственно Крым.

Тем временем заинтересованные страны готовились подкрепить свои посреднические начинания силой оружия. Англия намеревалась расширить в Балтийское море флот в количестве тридцати кораблей и большую эскадру — в Черное море; Пруссия готовилась увеличить армию в Ливонию — ни одна из стран не стремилась к территориальным приобретениям, но только к большей безопасности.

Когда Питт собрался получить одобрение этих действий в парламенте, он доказывал, что Османская империя обладает немалым влиянием в масштабах Европы и что разрастание России за счет Крыма будет угрожать Пруссии и остальной Европе. В Палате общин ему решительно противостояли Фокс и Берк. Россия, говорил Фокс, является естественным союзником Англии. Что касается Берка, он возражал против того, чтобы русские строили крепость на Днестре и «полосу бесплодной земли вдоль всего побережья Черного моря?» Для Берка «турки были варварским народом, который полностью изолировал себя от европейских дел» и не мог играть никакой роли в балансе сил. В ходе дебатов оппозиция, осыпая турок бранью как варваров, сравнивала императрицу, сравнивая ее с наиболее великими монархами. Один из ораторов зашел настолько далеко, что заявил, что изгнание Екатериной Константинополя и изгнание турок из Крыма принесли бы человечеству только пользу. Правительство

стремилось рассеять подобные заблуждения, разоблачая жестокость политики русской императрицы в обращении со слабыми странами и доказывая, что, если ее агрессию оставить без последствий, это приведет к неоспоримому превосходству российской военно-морской мощи не только на Черном море, но и, благодаря Босфору, в Средиземном море.

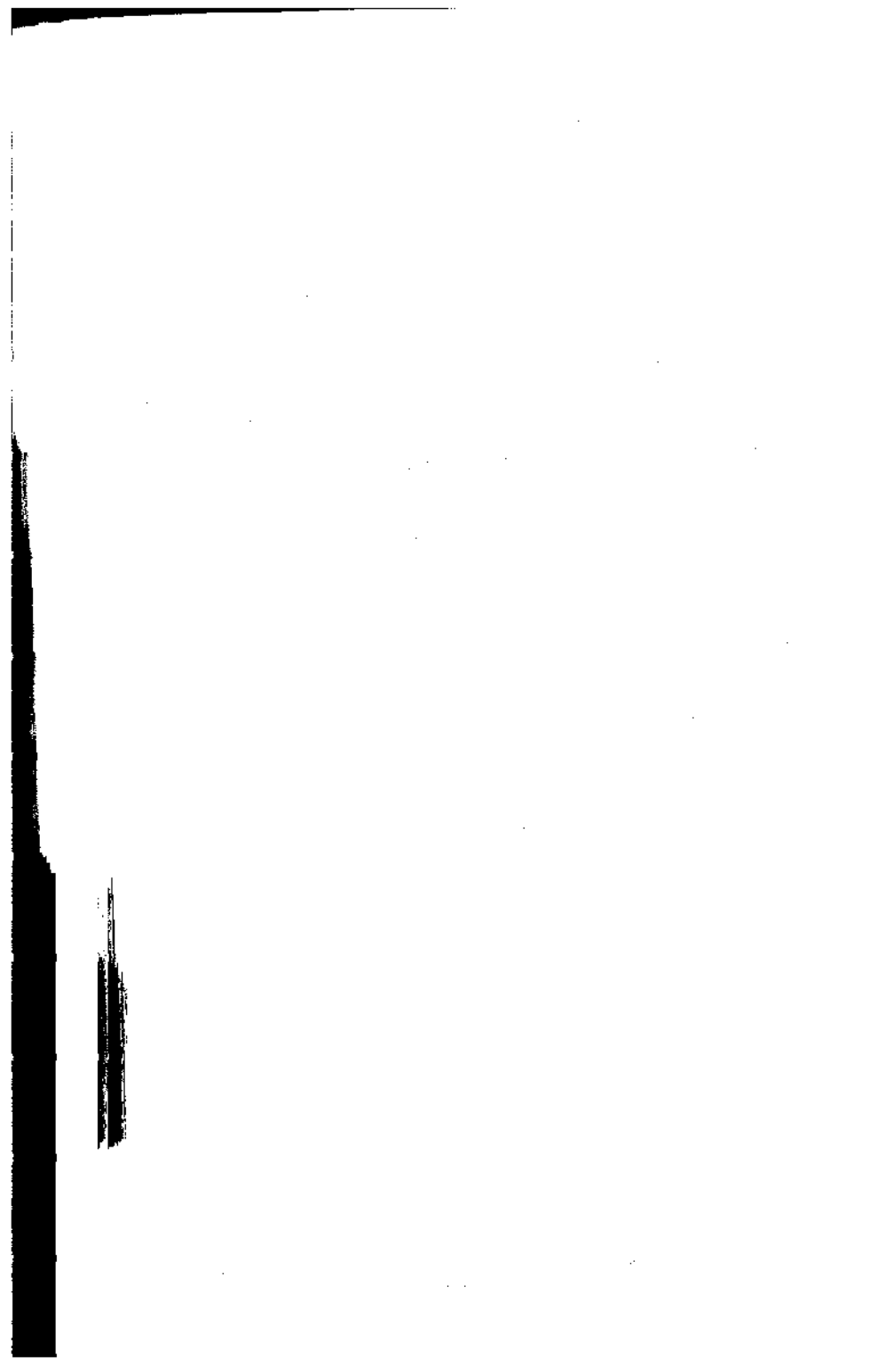
Хотя предложение Питта и прошло незначительным большинством голосов, давление на него со стороны парламента и общественного мнения было таким, что он мудро отказался от своей политической войны, которая фактически не вставала в повестку дня вплоть до начала Крымской войны, двумя поколениями позже. Тем не менее Питту удалось утвердить в сознании людей доктрину сохранения баланса сил в Европе, жизненно важным принципом которой было предотвратить разрастание Российской и уменьшение Османской империи.

После того как турки с их плохо обученными солдатами потерпели еще ряд поражений и понесли потери на обоих фронтах, Порты была готова просить мира. В то же время к мирному договору склонялась и Екатерина, решившаяся на окончательный раздел Польши и установление над ней своего контроля. Переговорах в Яссах в 1791 году императрица отказалась от приобретения к западу от Днестра, ставшего границей Российской Империи. Но она достигла своей главной цели, сохранив за собой Очаков и территорию между Днестром и Бугом. Потемкину пришлось, таким образом, отказаться от давно вынашиваемой мечты править над христианским королевством к северу от Дуныя в составе Молдавии, Валахии и Бессарабии. Так и не осуществив своей мечты, Потемкин умер несколькими днями позже после этого события. И на данный момент не велось больше переговоров с греческой империей под руководством Константинопля, и Греция, таковая, еще раз была отдана на милость ее турецких хозяев.

Но Екатерина могла теперь господствовать над Черным морем морскими путями к Константинополю, имея флот, намного превосходящий своей численностью турецкий. Более того, со стороны России могла выступать против турок с внушительной армией располагавшейся в Польше. Таким был «великий план», который русская императрица была уже почти готова осуществить. В 1796 году она внезапно скончалась от удара, тем самым прекратив Османской империи новую передышку.

Тем временем, благодаря имевшему важное значение во Франции Французской революции, — исторический фон изменился не только для Запада, но и для Востока.

Часть VI
ЭПОХА РЕФОРМ

10 ный Селим III унаследовал султанат в 1789 году, в год Французской революции. Когда турецко-русская война была окончена, он проявил себя как активный, беззаветно преданный делу реформатор, намеренный довести до реального осуществления теоретические реформаторские идеи, которые стали появляться в Турции «свопльпанов» и в последующие за ней 50 лет до правления Махмуда II. Революция во Франции придала этим идеям решающий импульс. Повсеместно рассматривавшаяся изначально как внутренняя, касающаяся только одной Европы, Французская революция в Турции стала восприниматься проникательным меньшинством как начало нового движения идей, с уроками как для Запада, так и для Востока. Ибо, в отличие от прорывов Ренессанса в Западной Европе, это был социальный взрыв, не имевший ничего общего с христианством, нерелигиозный и даже антихристианский по своему характеру. Это было движение гражданского характера, и, как таковое, оно несло в себе уроки с Запада, которые должны были усвоить миру ислама, необязательно при этом вступая в контакт с его собственными религиозными верованиями и традициями.

Селим III взошел на трон Османской империи в период ее упадка, когда, тем не менее, все еще продолжала владеть большей частью территории (потеряв только Венгрию и Трансильванию, Крым и др.). Но Османская империя уже длительное время находилась в состоянии стагнации и в данный момент стала переживать полную дезинтеграцию. Центральная власть султана постоянно боролась с сильными местными руководителями (пашами), злоупотреблявшими своей властью над жизнью, смертью и налогами, а также с непослушным чиновничеством. Более того, многие провинции были восстания или угрозы восстаний — со стороны арабов, обладавших всей полнотой власти в пустынях Аравии; курдов среди холмов Сирии и Палестины; племен сулиотов в Западной Греции; мамлюжских беев в Египте, презиравших своих многочисленных подданных-христиан, мечтающих о независимости.

Всюду в империи существовали и другие источники беспорядков столь же подрывного характера, что и любые подобные им в христианской Европе: благодаря развитию той системы наследования, от которой империя Сулеймана еще была, к счастью, свободна, благодаря увеличению числа владельцев наследственных феодалских мелких местных князьков, известных как дербейи, или «хоты долин», которые захватывали власть и земли, поддерживая их в суверенной и подавляя зависимых от них. Крестьянство и пролетариат пребывали в крайней бедности и нищете, в то время как финансовые вопросы центрального правительства оставались не решенными.

Целью Селима было справиться с ситуацией, по крайней мере в центре, чтобы внедрить реформы по западной модели, насколько будет возможно в рамках традиционных институтов. Оставалось увидеть, насколько сильным препятствием для этого окажутся сами эти институты, требующие модернизации.

Схемы реформирования, предложенные Селимом после падения мира с Россией, стали известны как «низам-и-джедид», «новый порядок». Название было позаимствовано из Франции, которым сопровождалась революция, в которой Людовик XVI написал султану, пробудив его интерес к подготовке планов. Селим ступил на незнакомую для него почву, начав использовать принципы консультаций.

В 1791 году, когда возвращавшаяся армия все еще была на Дунае, султан разослал военачальникам, гражданским и религиозным лицам, включая двух чиновников-христиан, всего 22 письма с указанием представить проекты — «памятные записки» на основе французских записок 1789 года, — которые затем были обсуждены рядом советов и комиссий, сформированных, как никогда ранее, в интересах решения государственных задач. Сфера действия «нового порядка», как это планировалось на последующие два года, была шире, чем все практиковавшееся до сих пор. Она должна была касаться не только военную, но и гражданскую реформу: она предусматривала всеобъемлющий план, который надлежало целенаправленно проводить в ходе общего обсуждения; она отдавала приоритет вооружению экономики.

Основной упор, однако, по-прежнему, делался на необходимость военной реформы. Султан направил двух специальных представителей для сбора информации о состоянии военных дел в Европе, как и в правительствах, обществе, в области политических и военных реформ. В 1792 году Селим получил детальный отчет от военных делегатов европейских государств и особенно Австрийской империи.

Но в вопросах обучения и подготовки своих новых вооруженных сил Селим полагался главным образом на ту часть отчетов,

Султан Селим III (1789—1807), известный туркам как «Хозяин Мира» и «Освободитель», начал проведение основополагающих реформ, что вызвало сопротивление консерваторов, вследствие чего он был отлучен ими от трона и лишен власти. На портрете, оригинал которого, написанный маслом, хранился в Стамбуле, изображен крупным планом и с монограммой, или подписью.

говорилось о Франции. Он выслал в Париж списки тех должностей для офицеров и технических специалистов, которые были необходимы для реорганизации турецкой армии, и одним из первых претендентов на одну из этих должностей был Наполеон Бонапарт.

Компетентные советы французских специалистов требовались по таким вопросам, как артиллерия — предмет, которым Селим был настолько увлечен, что написал на эту тему трактат еще восходящий на трон, — о техническом оснащении вооружений, совершенствовании предприятий по отливке орудий, а также арсеналов. Была существенно расширена созданная ранее инженерная школа. Были открыты новая общевоинская и военно-морские школы для подготовки артиллеристов, специалистов по фортификации, навигации и вспомогательным наукам. Преподавателями были главным образом французские офицеры, которые с помощью и поощрением султана создали для своих нужд крупную библиотеку европейских книг. Книжки были в основном на французском языке, включая рационалистическую энциклопедию Дидро, в то время французский язык был сделан обязательным предметом для обучающихся. В 1795 году этот процесс был расширен с помощью возобновления работы прежней французской типографии в Стамбуле под руководством директора Национальной типографии со штатом французских наборщиков из Парижа. В результате среди молодого поколения возникло определенное просвещенное ядро, которое со своими наставниками и с помощью литературы, имевшейся в библиотеке, стало все больше знакомиться с принципами западной культуры и цивилизации.

Подобного рода влияние постоянно подкреплялось в различных формах поиском политической поддержки со стороны Османской империи, в которой Франция особенно нуждалась в это критическое для нее время. Влиятельная часть французского земледельческого населения в Стамбуле и других местах поддерживала революцию, радуясь, что австрийских и русских дипломатов тем, что носила революционные эмблемы и проводила революционные митинги. В 1793 году поднятие французского республиканского флага было отмечено в это время публичной церемонией салютом двух французских кораблей, мыса Сераля, которые несли также турецкий флаг наряду с флагом Американской Республики и «некоторых других стран, которые объединили свое оружие с нечестивой лигой тиранов». В результате усилий французов в столичном обществе Османской империи наметился сдвиг — прежняя исключительность случаев взаимодействия между европейцами и мусульманами уступила место новой — между говорящими по-турецки французами и говорящими по-французски турками. В ходе этих контактов происходила

загладами относительно современных нужд и идей, и революционный энтузиазм французов распространялся среди небольшой, но влиятельной группы турок, обращавшихся на Запад за советом и вдохновением.

Христианские круги империи, особенно греческая и армянская элиты Стамбула, уже какое-то время сами были тесно связаны с Западом, сохраняя при этом влиятельные позиции в правительственных кругах и играя особую роль в экономике османов. Внедрение в рамках преобразований Селима новой системы просвещения позволило им в возрастающей степени заниматься переводом западной литературы, изучать западные языки и служить переводчиками с турецкого при западных учителях. Но их реакция на Французскую революцию была ближе к негативной, если не враждебной, как это обнаруживалось в случае с наиболее богатыми греками, которым было что терять, произошли смена существующего режима.

Они откликнулись позже, когда французы стали интересоваться национальными устремлениями греков и других христианских меньшинств. Но сейчас их главной задачей было избавить турок от воздействия чрезмерной, прямой связи с Западом как в торговле, так и в дипломатии.

В этой ситуации Порты действительно должна была «прорубить» новое официальное окно в Европу. В числе самых разных предложений, представленных султану Селиму, имелся один, который предусматривал «послать людей в Европу, чтобы изучить и наблюдать обычаи европейцев». Это привело в 1793 году к созданию постоянных дипломатических представительств на взаимной основе в ведущих европейских столицах, первой из которых стал Лондон, где было открыто посольство при дворе Георга III. Турецкие послы получили инструкции изучать институты и страны, в которых они были аккредитованы. Они сопровождалась не только обычными переводчиками-драгоманами, но и молодыми секретарями-турками, в обязанности которых входило совершенствование в языке и изучение развития европейского общества — особенно во Франции. В политическом отношении это новшество на деле, возможно, было не очень важным в тот момент, когда деятельность европейской дипломатии была нарушена влиянием Французской революции и последующими наполеоновскими войнами. Не было оно и скоординировано путем создания официального министерства иностранных дел в качестве источника иностранной политики самой Турции. Но эти назначения по крайней мере добавили к небольшой группе молодых дипломатических представителей молодых турок, которые приобретали некоторый опыт и понимание тенденции западного европейского общества и кто нередко достигал в Порте положения,

при котором их знания могли принести империи пользу. проникновением в Стамбул на взаимной основе растущего числа иностранных резидентов значительно уменьшилось понимание турками европейского образа жизни.

Тем временем введенный «новый порядок» позволил приступить к решению проблем социальной и экономической реформ. В области провинциальной администрации были подготовлены правила, призванные ограничить власти пашей, установив срок пребывания в должности губернатора в три года, и поставить повторное назначение в зависимости от степени удовлетворенности его деятельностью стороны населения. Прочие правила касались налогообложения провинциях. Они отражали стремление упразднить откупное налогообложение в земледелии с помощью указа, по которому государственные доходы должны были собираться имперским казначейством. В самом центральном правительстве власть великого визиря ограничивалась обязательством консультироваться с Диваном по всем важным вопросам. Были предприняты попытки реализовать земельную реформу, охватывающую тимары и другие феодальные земельные владения. Те земли, которые освобождались по причине смерти их владельцев, больше не могли продаваться или обрабатываться — практика, которая внесла свой вклад в рост числа незаконных, наследственных даребаев. Теперь эти земли должны были возвращаться суверену, и доходы от них аналогичным образом собирались имперским казначейством.

Серьезному пересмотру подвергались меры, касающиеся экономического возрождения страны. Имели место попытки реформировать денежную систему и восстановить реальную стоимость денег, поскольку деньги вновь обесценились, с последующей инфляцией, девальвацией под давлением экономического пресса войны против России.

Предполагалось ввести государственный контроль над торговлей зерном. В признание факта, что финансовое благополучие зависит от благоприятного торгового баланса, было предпринято создать торговый флот, финансируемый турками и переданный турецкую коммерцию в руки мусульман за счет христианских подданных. Иностранные займы рассматривались как лекарство от финансового кризиса. Но на деле вопрос об иностранных займах был встречен в штыки на том основании, что для мусульманского правительства было бы унижительно брать займы у христианской страны, а мусульманской страны, способной дать ссуду, не существовало.

Планировалось наложить запрет на экспорт драгоценных металлов и камней и поощрить разработку недр; был даже сделан шаг в сторону создания государственных промышленных предприятий.

нившийся в попытках основать пороховые и бумагоделательные заводы.

Большинство из этих начинаний материализовались. Но в общем, поскольку они исходили от ряда свежих умов, свободно выражавших свое мнение, они взрыхляли новую почву для появления ростков новизны, необходимостью иметь более современную национальную экономику.

Но самым главным в «новом порядке» Селима по-прежнему был военный вопрос. Эффективная реформа, если бы она состоялась, зависела от эффективного правительства, а оно в свою очередь было вынуждено зависеть от эффективной современной армии. Из того военного материала, который теперь готовился в военных школах, предполагалось сформировать новые корпуса регулярной пехоты, обученной и вооруженной по западным образцам. Этот эксперимент финансировался из специального фонда, созданного с этой целью под управлением министра Дивана, источниками средств которого служили доходы от земельных наделов, конфискованных или каким-то иным путем отошедших к короне, а также от налогов на алкоголь, табак, кофе и другие товары.

Благодаря созданию новых вооруженных сил термин «новый порядок», первоначально применимый в целом к реформационной системе, стал применяться конкретно к военной реформе. В это время определялись размеры крупномасштабной военной реформы, и он вызывал негативную реакцию среди некоторых турок. Были консерваторы, стремившиеся возродить военную славу империи путем обращения к прежним военным методам османов. Были сторонники компромиссного решения, те, кто отдавал предпочтение внедрению европейских стандартов, но только на основе старых, отработанных и проверенных методов турецкого военного опыта и мастерства. Были и радикалы, которые считали, что старую армию реформировать невозможно, и убеждали султана создать новую, полностью построенную по европейскому образцу.

Это был именно тот курс, который проводил султан Селим. Он считал, что высокодисциплинированные вооруженные силы жизненно необходимы: с одной стороны, для поддержания порядка внутри страны, а с другой — для претворения в жизнь реформ самого Селима, с тем чтобы — для сохранения единства державы перед лицом внешних врагов. В этом султан был особенно восприимчив к примеру Петра I, который с новой армией, обученной по западным образцам, разбил врагов как дома, так и за рубежом.

Во время последней войны с русскими великий визирь Юсуф-паша взял в плен человека по имени Омар-ага, турка по происхождению, состоявшего на российской службе, с которым великий визирь любил побеседовать о военных системах двух стран.

В качестве эксперимента Юсуф-паша разрешил сформировать небольшой отряд, набранный главным образом из лиц, сменивших веру, который не подлежало вооружить и обучить по европейскому образцу. Когда война окончилась, Омар взял этот отряд с собой, разместил его в деревне, неподалеку от Стамбула. Султан Селм, пожелавший посмотреть на то, «как неверные действуют в бою», отправился на один из парадов этого отряда. На султана сразу произвело впечатление превосходство в огневой мощи по сравнению с его собственными войсками. Больше чем когда-либо Селм осознал полное превосходство своих христианских врагов в вооружении и дисциплине. Отряд был сохранен и стал пополняться за счет других вероотступников, хотя и включил совсем небольшое число турок-мусульман из бедняков, которые весьма неохотно соглашались проходить службу и обучаться приемам владения оружием гяура. Когда Диван по распоряжению султана рассмотрел вопрос о внедрении подобных методов подготовки среди янычар, немедленным результатом был мятеж, и совет не стал больше настаивать на плане султана.

В 1796 году в Стамбул прибыл посол Французской Республики, заслуженный генерал Обер-Дюбайс. Он сразу же получил все ранее принадлежавшее французскому посольству, со всеми прежними правами и привилегиями. Были возобновлены служения во всех католических церквях. В качестве подарков султану французский генерал привез с собой несколько образцов современных артиллерийских орудий с боекомплектами, которые могли послужить туркам в качестве моделей, а также группу французских инженеров и артиллеристов для обучения турок и помощи им в обустройстве и содержании военных arsenалов и артиллерийских заводов.

Их усилия привели к заметным улучшениям в конструкции, оснащении и действии турецких артиллерийских орудий. По прибытии с собой также ряд лиц сержантского состава из французской пехоты и кавалерийских полков для строевой подготовки янычар и сипахов. Был вооружен и стал обучаться по европейским уставам кавалерийский эскадрон. Но янычары оставались непоколебимыми в своем отказе осваивать новое оружие или изучать маневры французской пехоты, и единственная роль, которая осталась сержантам-инструкторам французского посла, заключалась в поддержании дисциплины небольшого отряда Омар-аги, получившего название топуджи.

Когда посол умер и многие из его офицеров покинули Турцию, главный адмирал Хусейн взял некоторых из них к себе на службу и заставил вступить в отряд новых мусульман. Численность отряда тем не менее составляла всего лишь 600 человек.

И все же, несмотря на проделанное, лишь незначительное меньшинство турок откликнулось на прогрессивные идеи французской революции и поддержало «новый порядок» султана. Для реакционного большинства в правительственных кругах революция была не более чем внутренним делом варварского христианского Запада, а потому не касалась этих людей. Характерным для таких консерваторов был комментарий, который дал в своем журнале личный секретарь султана Хамид-эфенди в январе 1792 года: «Пусть Бог сделает так, чтобы состояние во Франции распространилось, подобно сифилису, среди этой империи, свергнув их в долгий конфликт друг с другом и, таким образом, обеспечив результаты, выгодные империи, аминь». Со своей стороны, султан явно надеялся остаться в стороне от этого конфликта, поскольку вовлечение в войну могло бы только причинить ущерб его политике реформирования страны.

Тем не менее война стала неизбежной. Теперь, когда во Франции к власти шел Наполеон, пацифистские настроения Селима едва ли могли быть реализованы. Масштаб имперских претензий Бонапарта был таков, что Османская империя больше не могла избежать их, или, либо напрямую, либо каким-то иным образом. В 1797 году был подписан мир, оформленный договором Кампо-Формио, между Францией и Австрийской империей, предусматривавший ликвидацию и расчленение Венецианской республики. Французской долей стали ионические острова и близлежащие города на материке, что давало Франции общую границу для «свободы и равенства» с Османской империей и возможность, если она сделает подобный выбор, поднять восстание в Греции и на Балканах. Наполеон был теперь свободен в решении переключить свои вооруженные силы против других империй. Но он решил, согласно формулировке Директории революционного правительства, «восстановить власть Франции на Востоке», поскольку это было «одним из необходимых условий войны с Англией».

Но Наполеон в отличие от русского царя Александра на этом этапе не стремился ускорить гибель Османской империи как таковой. В его глазах она уже изжила себя. Как он заявил Директории: «Мы увидим ее падение в наше время». Тем временем, не упуская виду подобный выгодный исход, Наполеон стремился закрепить за Францией границ Османской империи коммерческие и религиозные интересы Франции, но одновременно отделить от турок одну из их провинций — Египет. В этом случае Наполеон находился под влиянием идей Таалсырана относительно преимущества приобретения новых и новых колоний, называвшего в качестве одной из них Египет. Французские купцы, находившиеся в Каире, стремились сделать Египет в ворота для французской торговли с Востоком и помешать британскому господству в Индии.

В результате Наполеон собрал в Тулоне крупную армию и флот, цели и место назначения которых вызывали споры. Сначала говорилось о том, что это левый фланг армии, предназначенной для вторжения в Англию. Но до тех пор, пока она не отправилась в апреле 1798 года на восток, не было ясно, что она предназначалась для вторжения в Египет. Наполеоновские «приказы», исходившие из Директории, которые он, вне сомнения, составлял единолично, были предназначены «изгнать англичан из всех их восточных владений, которых он будет в состоянии достичь, и особенно разрушить все посты в Красном море; пройти Суэцкий перешеек и принять необходимые меры, чтобы обеспечить свободное и исключительное владение этим морем Французской Республикой». Наполеон должен был изучить перспективы прокладки канала, соединяющего Красное и Средиземное моря. Вынашивая честолюбивые планы, пройти с завоеваниями по следам Александра Великого, он с конечной целью ставил вытеснение Британской империи из Индии.

После захвата у остатков рыцарей-иоаннитов и аннексии Малой Азии Наполеон и его армия высадились, почти не встретив сопротивления на побережье вблизи Александрии. Затем он повел свою армию в Египет. Египет был разбужен от долгого сна христианской вооруженной силой, впервые проникшей в самую сердцевину исламского мира со времен крестовых походов. Наполеон не скупился на торжественные заявления о своем уважении к исламу. Напоминая своим войскам: «На нас смотрят сорок веков истории», — он летом 1798 года нанес поражение мамлюкам. Он овладел Каиром и объявил себя «освободителем» от захвативших власть тиранов. Не турки, а мамлюки были его истинными врагами, о чем он неустанно заявлял, подтверждая свои заверения в уважении франко-турецкого союза. Под предлогом Порт-Саид, чья власть в Египте при деспотичном правлении мамлюков превратилась в немногим более чем обыкновенный символ, мамлюки согласились на то, чтобы подавление мамлюков было осуществлено руками французов. Все было далеко не так. Имперские интересы и гордость требовали уважения прав османов на суверенитет над провинцией.

В результате после некоторых колебаний Порта в 1800 году Россия и Англия объявила Франции войну. Французский флот был прерожден в Семибашенный замок, а несколько французских подданных были посажены в другие тюрьмы, в то время как английский флот выступил гарантом ареста мусульманскими властями французских торговых судов в портах Леванта. Русский флот Черного моря вошел в Босфор, где ему были отданы соответствующие почести и лично султан посетил его корабли. Русские затем соединились с турецкой морской эскадрой, чтобы

преследовать в Средиземное море. В первый и последний раз русский стяг рял в воздухе бок о бок с полумесяцем, когда объединенный австро-турецкий флот вырвал у французов Ионические острова, установив над ними русско-турецкий протекторат. Россия и Турция в полном несоответствии со всегда существовавшими взаимоотношениями объединились в помощи папе Римскому против союзников Наполеона на побережьях Италии.

Второе заблуждение Наполеона касалось реальной силы его собственного большого флота. Уверенный в его размерах и мощи, он переоценил его боевые качества и тактическую зрелость. Меньший по размерам, но более высокий по боевым характеристикам флот лорда Нельсона, преследовавший французов от Неаполя, не мог перехватить их — и, вероятно, тем самым предотвратить засаду в Александрии — только из-за злосчастного густого тумана, закрывшего видимость между Критом и африканским материком. Но теперь флот Нельсона вышел на французский флот, стоявший на якорях в заливе Абукира, и уничтожил его, захватив с собой два корабля, которым удалось уйти, но которые все равно вскоре были пленены. В результате армия Наполеона оказалась в Египте в крайне сложном положении, лишившись средств к возвращению на родину.

Повезирая на это, Наполеон в 1799 году повел армию, усиленную египтянами с потопленного флота и рекрутами из мамлюков, сухопутным путем в Сирию. Он надеялся собрать под свои знамена различные недовольные турками азиатские провинции Османской империи, хвастливо заявляя, что его войска будут на Евфрате к середине лета, а осенью будут готовы идти на Индию. Продолжая путь и захватив Газу и Яффу, Наполеон, идя по следам крестоносцев, подошел к крепости Сен-Жан-д'Акр (Акра). Её могущественный командир, прославленный Джезар Ахмед-паша («Мясник»), который в это время со своей собственной армией, состоявшей из албанцев и сербов, сам представлял угрозу для султана, принял на себя вызовование всеми сирийскими силами, готовыми выступить против французов.

Осада крепости Наполеоном длилась два месяца, осложняясь вмешательством англичан на море. Эскадра английского адмирала сэра Фрэнсиса Смита перехватила французскую флотилию, доставлявшую на фронт столь необходимую ему тяжелую артиллерию. Смит высадил на берег собственных артиллеристов и моряков со своими кораблями. Затем он перебросил морем турецкие подкрепления, а также контингент новых войск Селима, вооруженных мушкетерами и пистолетами. Хотя Наполеон нанес поражение крупной армии, посланной из Дамаска на прорыв осады, он не смог одержать верх над английской крепостью. «В этом жалком форте, — признался

Наполеон, — заключена судьба всего Востока». Французы вынуждены были, понеся тяжелые потери, повернуть обратно через пустыню в Египет.

Здесь войска Наполеона столкнулись со второй турецкой армией, которую с Родоса сопровождала эскадра сара Сиднея Смита. Эта армия была быстро разбита в сражении у Абукира. Не выдержав штыковой атаки, турецкая армия была разбита и сброшена в залив, поверхность которого покрылась тюрбанами турок, тысячами утонувших в его водах. Эта победа восстановила престиж Наполеона и глазах мамлюков. Но, главное, из-за явного военно-морского превосходства англичан эфемерная мечта Наполеона об империи на Востоке была похоронена навсегда. Передав командование армией генералу Клеберу, французский главнокомандующий бросил ее, тайно отплыв со своим штабом во Францию. Там, выдавая себя за добившегося триумфа завоевателя, Наполеон переключил собственное внимание на альтернативные имперские мечты на Западе, тем временем свергнув директорию и утвердив себя в качестве первого консула с помощью государственного переворота.

Двумя годами позже в Египте высадилась англо-турецкая экспедиция под руководством генерала сара Ральфа Оберкромби, целью заставить сдаться в плен деморализованную французскую армию и доставить ее обратно, в Европу. Это привело в 1802 году к подписанию Амьенского договора, условия которого были сепаратно согласованы между Англией и Францией и, к выгоде обеих сторон, между Францией и Турцией. Был официально признан суверенитет султана над Египтом и его другими владениями, правление мамлюков было временно заменено правлением паши, назначаемых из Стамбула. Английские войска покинули Египет.

Однако новое предприятие Наполеона вновь подвигло Англию к проведению активной военной опережающей политики в Красном море и далее, за его пределами. С местным султаном Адлем в качестве предлюдии к последующей аннексии был подписан договор. Англия дала понять, что если в Индию будет произведено вторжение из Египта, тогда и в Египет можно будет вторгнуться из Индии. Аналогичные предосторожности были приняты в прибрежных районах других владений османов. В Персидском заливе Индская компания не пустила французов в Оман, на основе, учредила свое представительство в Багдаде и взяла функции британского консула в Басре в качестве «политического агентства в турецкой Аравии». Провал Наполеона подвиг англичан и закрепил их успехи.

Согласно недолговечному Амьенскому договору Франция отказалась от претензий на Ионические острова и близлежащие территории материка, которые оставались под протекторатом России.

Турции, причем русские контролировали острова, а турки — герцога материка и укрепленные пункты. Ряд из них уже был незаконно присвоен грозным Али-пашой из Янины, коварным и безжалостным бандитом, располагавшим собственным крупным отрядом бандитов. Неудобный для хозяев слуха Турция, он истребил большую часть соседних племен, включая мятежных христиан-султанов, чтобы получить с большой степенью автономии над внутренними районами Эпира и Южной Албанией.

Слова в мире с Францией, с двойне подчеркнутой гордостью урок, Порта реабилитировала всех французских пленников и вернула французскую собственность. Было возобновлено действие французских капитуляций в их прежней форме, с дополнительными правами торговли и навигации в черноморском бассейне. Подобное оживление торговой деятельности французов вызвало озабоченность как русских, так и англичан. После трехлетнего перерыва в Стамбуле вновь преобладала Франция, парадоксально повысившая свой статус благодаря быстро достигнутым успехам наполеоновской войны и очевидной терпимости правления Наполеона в Египте. Новые отношения расцвели, как в прежние времена. Новый французский посол упорно трудился, чтобы утвердить в Порте рожденное влияние своей страны. Новому послу Османской империи в Париже было нелегко скрыть свой интерес ко всему французскому.

Улан, который таким образом получил короткую передышку с целью чужеземца, сталкивался в это же время с серьезными внутренними беспорядками в Сербии. Эти беспорядки стали результатом тиранического режима, установленного янычарами, которые присвоили себе полномочия центральной власти в районе Белграда, в многом аналогично тому, что делали мамлюки в Египте. Янычары, не имея официального губернатора города, низвели его преемника до уровня не значащего уровня и поделили страну между четырьмя военачальниками. Они присваивали себе земли сипахов, сокращали феодальную кавалерию; они обирали и подчиняли себе районы христианского вероисповедания, которые обращались к нему с просьбой о защите, направив в Стамбул депутацию с жалобой на старость. «Царь ли ты наш все еще? — звали они его. — Тогда приходи и освободи нас от этих злодеев, а если ты не сможешь нас, тогда хотя бы скажи нам, следует ли нам бежать в горы и леса или же искать в реках конца нашего ужасного угнетения».

Считывая во что бы то ни стало восстановить свою власть, он, тем не менее, не располагал достаточными силами, с которыми бы смог сокрушить своих собственных янычар. После утраты им самым только спровоцировав массовые убийства христиан,

Селим вместе с лишенными собственности местными силами армией паши Боснии и небольшим числом рекрутов из мусульман и турок оказал поддержку восстанию против янычар со стороны самих сербов. Это крестьянское восстание явилось собой побуждением христианского меньшинства, восставшего не против, а именно его мусульманского суверена. Янычары пользовались поддержкой мятежного паши Видина и наиболее фанатичных мусульманских элементов в городах.

Тем не менее янычары были полностью разбиты, и их столица безжалостно разрушена, закончившись гордой демонстрацией передана в руки сербов. Вся Сербия была теперь в руках самих сербов, за исключением Белграда и нескольких других крепостей, занятых гарнизонами султана.

Добившись осуществления своих целей, султан потребовал, чтобы христиане-райаты сложили оружие и вернулись к своим полям и пашням. Но победа пробудила в сербах националистические чувства, которые было невозможно успокоить.

Приобретя военный опыт и пройдя крещение огнем со стороны армии австрийского императора, оккупировавшего Сербию 20 лет раньше, сербы воспитали в себе гордый боевой дух. С удивлением обнаружили турецкие уполномоченные, направленные туда, чтобы восстановить порядок, после того как был заключен мир. Относящийся до тех пор к сербам как «безоружному и покорному стаду», один из уполномоченных пояснил с некоторой озабоченностью австрийскому офицеру: «Соседи, что вы сделали с нашими райатами и сербские полки были немедленно распущены».

Подтвердив свое решение действовать в интересах султана, сербы теперь считали себя имеющими право на определенную степень автономии. Они объединились вокруг избранного правителя, Георгия, или Черного Георгия, сына крестьянина, который до событий торговал свиньями. Презирав знаки отличия и ордена, всегда как пастух, Карагеоргий обосновался в горах, чтобы вести против янычар жестокую партизанскую войну. Вдохновляемый примером, сербы обратились с петицией о поддержке к русским единоверцам православным. Царь, тогда находившийся в войне с турками, посоветовал им предъявить свои претензии Порте и просить им в этом поддержку. В результате сербы направили к Порте депутацию с требованием не только прощения долгов по данку, но и передачи им Белграда и окружающих город крепостей.

Подобные «безапелляционные» требования со стороны православных христиан привели в бешенство добропорядочных министров Дивана и были отвергнуты султаном, который приказал арестовать депутатов в тюрьму. Затем он направил в Сербию одну из

нии, чтобы подавить своих бывших сербских союзников. Но их армии были разбиты без какой-либо иностранной помощи. Им же грозным Карагеоргием, который в конце концов изгнал все гарнизоны из Белграда и других крепостей, с тем чтобы вся обещаний покровительства со стороны России. Он, таким образом, проявил себя как творец истории, добившись для сербов определенное время независимости от господства османов. Они стали первым балканским обществом, добившимся свободы своими силами в век пробуждения национального самосоз-

Стамбуле это время можно было охарактеризовать как период активной дипломатической активности. 1805 год был отмечен напряженным соперничеством между англо-русской коалицией и Францией за поддержку со стороны Турции в войне, между Россией и Францией. Вопреки Амьенскому мирному договору Россия не расставалась с мыслью о переделах на Востоке. Она направила в Левант миссию Франсуа Себастиани, человека, умудренного опытом, который когда-то был священником, а теперь мог похвастаться достижениями и как солдат, и как дипломат. Франсуа Себастиани делал вид, что он лишь стремился восстановить торговые связи Франции. Но в действительности он готовил условия для начала возможной французской кампании в Восточном Средиземноморье.

После провозглашения Наполеона императором Франции, он стал чрезвычайным и полномочным послом Франции в Турции, где делал все возможное, чтобы заставить Турцию предпринять акцию против России. Его влияние усиливалось в Турции, одержанными над Австрией. Кульминацией этих усилий стали Пресбургский мир, заключенный в 1805 году, и уступка территорий Хорватии и Далмации, в результате чего Франция стала теперь граничить с владениями Османской империи. Это позволило Наполеону разместить на этих границах свои силы, готовые, смотря по обстоятельствам, или поддерживать, или же вторгнуться в ее пределы. Покоренный этим французом, султан Селим имперским эдиктом признал Наполеона императором, присвоил ему титул падишаха и направил к нему чрезвычайного посла, «чтобы выразить в возвышенной манере доверия, преданности и восхищения». На это Наполеон ответил через своего собственного посла: «Все, что произойдет, хорошее или несчастливое с османами, будет счастливым или несчастным для Франции». Против признания султаном императора Наполеона решительно выступали оба посла — и России и Франции. Из России поступила просьба о поддержке со стороны России в форме предложения развернутого наступательного и оборо-

нительного союза. Русский царь также настаивал на признании его защитником всех христиан и православной веры в Османской империи с правом вмешательства от имени царя, предоставленного русскому послу. Это настолько уязвило гордость мусульман, что Сулим, не без совета Себастиани, предпринял меры возмездия, пытки двух господарей-фалариотов из приднестровских княжеств Валахии и Молдавии. Оба были известны как царские агенты и считались причастными к подстрекательству беспорядков в Сербии через Карагеоргия. Русские негодовали по поводу этого нарушения договорных обязательств. Их поддержал посол Англии. Туркам намекали, что сухопутные войска одной и морские силы другой страны могли вот-вот «получить новый импульс».

Султан, все еще надеявшийся сохранить мир, был готов пойти на компромисс. Но русская армия без предварительного объявления войны проследовала в Молдавию и Валахию, быстро прошла их, вошла в Бухарест и стала готовиться к переправе через Дунай. Порта, отвечая силой на силу, объявила России войну и отказалась подчиниться угрозам британского посла, потребовавшего возобновления союзнических отношений Турции с Англией и Россией, высылки посла Франции.

В результате в 1807 году в события вмешался английский флот, который под командованием адмирала Декуорта через Дарданеллы вошел в Мраморное море. Он предъявил Порте ультиматум, потребовав сдачи турецкого флота и в случае невыполнения требования угрожал сжечь его и подвергнуть обстрелу Стамбула. Англичане готовы были немедленно перейти от ультиматума к делу, но турки виртуозно выиграли для себя время для передышки, втянув английского посла и адмирала в переговоры и растянув их на десятки дней.

Это дало туркам время, чтобы с помощью Себастиани, раскинувшего свой шатер в садах Серая, установить на позициях артиллерийские орудия и всюду усилить городские укрепления. Султан вывел свой флот за пределы досягаемости, тогда как военные инженеры Себастиани отремонтировали оборонительные сооружения в Дарданеллах.

Адмирал Декуорт упустил свой шанс. Он пришел к неутешительному выводу, что бомбардировка подвергнет его собственный флот слишком большой опасности. Поэтому адмирал поднял якорь и отправился в обратный путь через Дарданеллы. Там суда англичан благодаря спешным работам Себастиани на батареях, подверглись обстрелу из огромной старинной пушки, стрелявшей каменными ядрами, весившими сотни фунтов. Англичане потеряли два корабля, и им повезло, что не было потеряно больше. Тем временем Сулим ввел в действие отряд из почти пятисот французских артиллеристов.

Туркы, или Турки, — один из подготовленных французами артиллеристов султана.

чтобы защитить проливы, тем самым открыто скрепив свой союз с французами.

Сразу же за плохо продуманной морской авантюрой адмирала Декурта последовало другое неудачное предприятие, направленное с Мальты против Египта. Британское правительство опасалось возобновления вторжения французов, и целью его было создание плацдарма путем оккупации Александрии, которая вскоре действительно сдалась, и Росстты, в устье Нила, где небольшой отряд британцев встретил отпор со стороны турецких войск. Англичане вынуждены были искать поддержку со стороны мамлюков против появившейся теперь новой силы, стремившейся восстановить власть в стране. Это был Мехмед Али, албанец из Македонии, родившийся в один год с Наполеоном, который сражался против него в Абукире и который вернулся, чтобы стать хозяином Каира с помощью албанских наемников султана, будучи наконец признанным Портой в качестве пашы Египта.

Мехмед Али изолировал в Александрии отряд англичан и проявил немалую прощительность в ходе переговоров об эвакуации отряда на вполне выгодных условиях. Это позволило ему с выгодой для себя и своей плодородной провинции стать генеральным поставщиком британских военно-морских и сухопутных сил в Средиземноморье. Таким был первый выход на сцену этого неустрашимого правителя, основавшего в Египте свою собственную автономную династию, практически свободную от контроля султана.

Война против России на Дунайском фронте развивалась медленно. Ни турки, ни русские с их оглядкой на Наполеона не разворачивали военных действий в полную силу.

Султан Селим, воспользовавшись тем, что основные силы янычар находились на фронте, продолжал реформы своего военного «нового порядка». Топчу, его обученный французами артиллерийский корпус, был поставлен на ступеньку выше, чем янычары. Небольшой отряд Омар-аги, проявивший себя в Акре, после этого уничтожал шайки бандитов в Болгарии и Румелии и нанес поражение янычарам, которых поднимали против отряда провинциальные губернаторы-расколытники. Султан увеличил численность отряда Омар-аги до двух полков, вооруженных, экипированных и обученных по французским стандартам.

В 1805 году, испытывая нехватку войск, которые можно было бы выставить против России, султан предпринял решительный шаг, объявив общее налогообложение в пользу новых корпусов, что заменило обычную систему добровольного набора. Налог взимали не только с населения как такового, но и с самих янычар, наиболее молодые и лучшие солдаты из рядов которых должны были переводиться в ряды новых войск. Хотя янычары — благодаря

райя — потерпели сокрушительное поражение в Белграде, они по-прежнему зверствовали в других провинциях, а в Андрианополе даже оказали декрету султана открытое сопротивление. Чиновник, который попытался ввести указ в действие, подвергся нападению и был убит. Отряд новых войск из Анатолии, которыми командовал паша Карамана, поддерживавший реформы султана, был атакован крупным отрядом янычар на дунайском театре военных действий и поголову разбит.

Это столкновение усилило повстанческие настроения янычар Стамбула, которые были активно поддержаны реакционерами в Диване и среди улемов. Чтобы избежать восстания и возможного распространения гражданской войны на столицу (в это время имевшегося конфликта с Россией), султан был вынужден приостановить реформы, распустить анатолийские войска, уволить несколько советников по вопросам реформы и доверить должность великого визиря аге янычар.

Но в начале лета 1807 года, вскоре после ухода отряда английского военно-морского флота, ямаки, вспомогательные войска, состоявшие из новобранцев и составлявшие гарнизоны артиллерийских батарей, расположенных в Босфоре, получили приказ надеть новую униформу и начать осваивать боевую технику европейского образца. В ответ на это войско взбунтовалось и отправилось на ипподром в Стамбул, где несколько сотен янычар присоединились к ним, переворачивая по традиции свои походные котлы в знак того, что они больше не примут пищу от султана. Объединившись с вице-губернатором, каймахан-пашой Мусой, чиновником, печально известным своими интригами и склонностью к предательству, и с совсем недавно назначенного главного муфтия восставшие учредили трибунал, чтобы судить тех советников и министров султана, кто поддерживал реформы, и подняли против них толпу стамбульцев. Противники реформ были окружены, и многие из них были убиты либо в собственных домах, либо на Ипподроме, и головы семнадцати реформаторов были с гордостью пронесены перед теми, кто возглавил восстание.

К несчастью для султана Селима, его союзник, предшествующий муфтий, скончался в начале года, а основная часть улемов постоянно сопротивлялась его реформам. Вынужденный в данный моментступить, султан издал указ об отмене своего «нового порядка». Но было уже слишком поздно, чтобы он смог спасти свой трон. В ответе депутации офицеров-янычар великий муфтий заявил, что, поскольку правительство султана «распространило среди мусульман слухи «неверных» и проявило намерение подавить янычар, истинных защитников закона и пророков», султан должен быть смещен в интересах мусульманской религии и дома Османа. Смещение

султана было объявлено в форме фетвы, войска «новой системы» были распущены, а главный зачинщик мятежа получил под свое командование все крепости Босфора. Селим тем временем отправился в «Клетку», где он почтительно поклонился своему юному кузену Мустафе как султану, советуя тому быть более осмотрительным в любых его начинаниях и желая ему более счастливого правления, чем его собственное. Затем Селим попытался припить яд, но Мустафа выбил чашу, уже поднесенную ко рту, из его рук, покаявшись, что сохранит ему жизнь. Селим с покорным достоинством удалился в свои тюремные апартаменты, из которых новый султан вышел, чтобы взойти на трон под именем Мустафы IV.

Но правил Мустафа IV всего лишь несколько месяцев. У Селима оставались друзья и сторонники, в особенности Мустафа Байрактар, или «Знаменосец», независимый паша из Рудука на Дунае. Сторонник программы реформ, он был обязан своей карьерой Селиму и ныне полон решимости осуществить государственный переворот, чтобы вернуть Селима к власти. В это время произошел подписание перемирия с русскими, что высвободило его крупную армию, состоявшую в основном из босняков и албанцев, позволив совершить поход на Стамбул под знаменем пророка.

Целью Мустафы Байрактара в Стамбуле было устранив янычар, захватить дворец, сместить султата Мустафу и восстановить власть Селима. Потребовав возможности увидеть «подающего султана Селима», но не допущенный к нему дворцовой стражей, паша ворвался во дворец вместе со своим войском. Однако советом незначительное промедление оказалось роковым. Опасаясь за свой трон, султан Мустафа приказал немедленно задушить Селима и его брата Махмуда, со смертью которых он остался бы последним из живых представителей дома Османа.

Убийцы Селима натолкнулись на отчаянное сопротивление, но силы были неравными. С криком «Получи султана, которого ты хотел», тело Селима было брошено под ноги Байрактару, когда тот прошел сквозь ворота внутреннего двора. С помощью албанцев он свалил Мустафу с трона, крича в гнев: «Что ты делаешь здесь? Уступи место более достойному!» Убийцы между тем не смогли найти Махмуда, который был спрятан верным слугой султана в топке бани. Победители-албанцы нашли его, и до наступления темноты, под залпы салюта из Серая было оглашено, что Мустафа IV смещен и что трон Османской империи занял Махмуд II.

Мустафа Байрактар стал его энергичным великим визирем. После казни убийц-фаворитов Мустафы и руководителя мятежных ямаков он решительно возобновил начатые Селимом меры по реформированию. Махмуд воссоздал войска «новой системы» с европейскими методами боевой подготовки под давним названием

Семенов. Он дополнил различные касавшиеся реформы указы и приказы в истории созвал консультативную ассамблею всех высших государственных чиновников со всех частей империи. Ассамблея собралась в имперском дворце, где в зажигательной вступительной речи Мустафа Байрактар огласил конкретную программу реформ. Программа включала в себя широкую реорганизацию корпуса янычар, направленную на искоренение застарелых злоупотреблений. В то же самое время он подтвердил привилегии и права родственных аялов и дербеев.

После оживленных дебатов между теми провинциальными правителями, из среды которых вышел сам великий визирь, и центральным правительством было достигнуто соглашение. Их договоренность представляла собой в правовом и политическом отношениях действительно веху в определении соответствующих долей ответственности имевшихся в стране сословий. Усмотрев в этом посягательство на собственную неограниченную власть, султан Махмуд отказался от договоренности с большим нежеланием. Янычары и улемы сыграли свою роль, сделав вид, что согласны, и Байрактар, рассчитывая на поддержку сейменов и других местных сил, опрометчиво отправил по своим албанским и боснийским армиям.

Воспользовавшись ситуацией, янычары вновь подняли восстание. Они атаковали Байракта в его дворце, подожгли здание и убили багню, в которой Байрактар постарался укрыться. В результате пожара Байрактар сгорел заживо. Силы реакции торжествовали победу. Старая расстроенная система со всеми ее злоупотреблениями, казалось, была вновь восстановлена на даже еще более прочной основе.

В результате начатое Селимом III движение в сторону реформ осталось на какое-то время приостановленным. Единственный до того времени среди султанов Османской династии, он полностью отдал себя делу реформирования империи. То, чего двумястами сорок пятью годами раньше Сулейман Законодатель достиг с своим зрением менталитета Востока и традиций ислама, Селим пытался претворить в жизнь, опираясь на опыт Запада и за счет этого духа секуляризации. Султан Селим потерпел неудачу и, испытывая горькое разочарование, отчасти из-за некоторых недостатков характера, которые создавали неверное представление о намерениях. Бесспорно, Селим был правителем просвещенным, интересным о людях и искренним в своем стремлении повернуть имперскую империю на путь развития в направлении западной цивилизации. Но султан был слеп в отношении психологии своей части своего собственного народа, обеспечить благосостояние которого он стремился, но который он не захотел, а скорее смог поднять на борьбу ради этой цели, подобно тому как это

делали его великие предшественники. Поэтому Селим не смог добиться доверия и понимания со стороны народа. Напротив, из-за неосторожности и чрезмерного усердия в своем культивировании западных идей он позволил антиреформаторам среди своих собственных подданных вновь разжечь в людях глубоко укоренившиеся реакционные предрассудки и усилить их сопротивление любому новшеству.

Но по сути своей неудача Селима вытекала из одного бесспорного факта — он взялся за неподъемное дело. На данном этапе истории Османской империи султан был бессилён изменить одну из традиционных систем управления, которая складывалась веками и была еще при всех ее слабостях довольно крепкой. Если бы Селим, будучи радикально настроенным султаном, надеясь преуспеть в политике реформ в собственной империи, он должен был сначала реорганизовать базовую структуру Османских институтов, то есть создать новое государство с новым механизмом исполнения решений и силой, способной провести их в жизнь. Такая реконструкция подразумевала бы прежде всего ограничение подлинной всемогущей и уважаемой султанской власти шейх-уль-ислама и суфийских улемов, сил самого ислама. Селим не был таким сувереном, и в течение времени его правления цель не была еще достижимой. Все, что он мог сделать как правитель, опережающий свое время, это попытаться внедрить определенные новшества в традиционную структуру, а этого сделать султану не удалось.

Политика реформ Селима, на осуществление которой у него, тем не менее, не было сил, отражала взгляды меньшинства окружающих его элиты. Это меньшинство было лишь на порядок больше, чем предшествующую реформаторскую «эпоху тюльпанов». Значительное и всемогущее консервативное большинство состояло из армян, раздутой и становившейся все более коррумпированной бюрократии и улемов, которые, как традиционный голос ислама, были получателями доходов с доверительной собственности согласно реформам самого Сулеймана. Они все еще сохраняли внутренний баланс в чем Сулейман утвердил и закрепил их права.

Но с тех пор управленческая элита лишилась практически всех своих положительных качеств, эксплуатируя бедняков, злоупотребляя властью исключительно в собственных интересах, торгуя должностями, привилегиями и благосклонностью, занимаясь ростовщичеством, откупным налогообложением, незаконным присвоением земель, наделов, незаконным контролем над религиозными учреждениями. На более низком уровне многие паразитировали аналогичным образом, так же, как это делали янычары, втянутые в коммерческие операции. Каждая из этих групп, в которой столь многие могли так легко потерять в результате любого изменения, делала общее дело, что

любой ценой сохранить существующее положение и то влияние, которое принесло им богатство.

Этот класс представлял собой монолитный блок, тем более опасный, что он был свободен от вызывающих раскол классовых интересов. В стране, где промышленность была все еще в зачаточном состоянии, а торговля в основном отдавалась на откуп иностранцам, не существовало такого элемента социального и экономического варьива, что вызвал французскую революцию. Реформаторское меньшинство, не имея за собой подобной «группы опасения», становилось в результате все более изолированным и противостоящим от милости консервативных элементов, попытаться они или изменить себе правителя, или же силой заставить его уйти.

Такой, благодаря его франкофильской политике, оказалась судьба Салима III. Хотя его реформы были отвергнуты, тем не менее этот шаг дал толчок притоку новых идей просвещенного Запада. После Салима эти идеи стали постепенно проникать в оплот ислама, перерождаясь из пересыхающего ручейка в полноводный поток. Французская революция в конечном счете должна была вырастить в этой невожатой почве принципы «свободы», которая в мусульманской среде представляла прежде всего правовую концепцию, но со временем должна была приобрести политическое значение; «равенства», которого не могло быть в обществе с сильной традицией соподчинения, укорененной в исламе, с ее социальными привилегиями; «братства», которое должно было принять форму национального чувства по всей Османской империи с ее христианскими меньшинствами и в целом в мире ислама.

Парадоксально, но тем временем нравственное отступление от принципов ислама, который продолжал оставаться доминирующей общественной и политической силой, оказалось на какое-то короткое время больше объединяющим, чем разъединяющим в своем воздвигании на османский режим последних лет. В стагнации в конечном счете имелась определенная негативная сила. Как позже острил один видный турецкий дипломат: «Наше государство является самым сильным государством. Ибо вы пытаетесь устроить его крах извне, а мы изнутри, но оно все равно не разваливается».

Махмуду II, в то время единственному из оставшихся в живых наследников мужского пола Османской династии, предстояло править в течение долгого и трудного времени и проявить себя решительным султаном-реформатором. В беспокойном веке, в котором ему довелось жить, Махмуд занимает положение достойного преемника Мехмеда Завоевателя и Сулеймана Законодателя. В своей роли проводника внутренних реформ Махмуд любил видеть себя Петром Великим Османской империи. Хотя его мать, возможно, была француженкой, султан Махмуд не знал ни одного европейского языка, в то время как полученное им традиционное исламское образование не дало ему прямого доступа к идеям Запада. Но в юности на него сильное влияние оказал Селим III, его кузен и доверенное лицо, особенно во время короткого перерыва между отстранением Селима от власти и отстранением его брата, Мустафы, когда оба они пребывали в «Клетке». Тем не менее Махмуд хорошо понимал, что если он унаследует мантию Селима, то должен будет дожидаться благоприятного момента, учитывая, что военные и религиозные круги были единодушны в противостоянии переменам. Фактически должны были пройти почти два десятилетия, прежде чем султан Махмуд смог восстановить достаточно сильную власть султаната, чтобы продолжить политику реформ, которую он считал жизненно важной для сохранения империи.

Тем временем он вынужден был заниматься вопросом турецко-русского конфликта. Наполеон, предвидя неизбежное разрушение Османской империи, бросил своих османских союзников, заключив с их спиной союз с русским царем Александром. Подписанный в 1809 году, этот договор был нацелен в ущерб союзной царю Англии на раздел Европы между Россией и Францией. Требуя прекращения военных действий между Турцией и Россией, два могущественных императора вынашивали тайные планы расчленения и раздела Османской империи между собой. Ее территории главным образом должны были ограничиться Азией, к России отошла бы большая часть Восточных Балкан, а Австрия получила бы компенсацию в

наде. Франция получила бы Албанию, Грецию, Крит и другие острова архипелага с перспективой дальнейшей экспансии на Восток. И бы Порты отказалась от посредничества французов, Франция бы объединить свои усилия с Россией, чтобы освободить страну «от ига и притеснения турок». В результате Турция при содействии Франции договорилась с Россией о перемирии, которое должно было действовать в течение двух лет, после чего военные действия могли быть возобновлены с обеих сторон.

Тем временем, после убийства Мустафы IV и восхождения на престол бездетного Махмуда II, царь Александр не исключал возможности прекращения династического наследования по линии Османов и последующего легкого изменения в пользу России. Русский император, следовательно, искал возможность ускорить раздел империи. Но главный момент он предпочел сам требовать Константинополь и Дарданеллы, которые по секретному договору не отходили ни к одной договаривающихся сторон. На такую уступку Наполеон, как в том время пытался убедить его посол в Санкт-Петербурге, не согласился бы ни при каких обстоятельствах. На посла Франции не произвели впечатления притязания царя на то, что провинциальный город Константинополь, стоящий на границах его империи, был не чем иным, как дверью в его собственный дом, ключами от которого он должен был владеть.

Французский посол предложил, чтобы город и берега проливов остались свободными территориями. Но представитель России настаивал на том, чтобы Константинополь в качестве столицы греко-православной империи, следовательно, естественной и исторической империи Востока. Француз настаивал, что если бы город был действительно уступлен, то Франция должна получить Дарданеллы и их берега, ибо это был классический путь крестоносцев в Сирию. Русские, однако, отвергли любые притязания Франции на свободный проход между Черным и Средиземным морями.

Кулик, таким образом, заставил Наполеона отказаться от эфемерной мечты о франко-русском дуумвирате, разделе и управлении османской империей. Чтобы снять вопрос, французский император перешел на курс, оправдывая отсрочку боязнью риска, что богатейшая из стран — Египет — может попасть в руки англичан. Взамен в 1808 году в Эрфурте он пересмотрел свой союз с Россией против Порты, став в качестве услуги за услугу разрыв Порты с Англией и отказ на претензию на Валахию и Молдавию, которые армии Порты уже временно оккупировали. На это французы ожидали реакции англичан.

Обеспокоенная этим подтверждением господства России над балканскими княжествами, Австрийская империя предпринимала посреднические усилия, чтобы обеспечить в качестве противовеса франко-

Мальчик-султан Махмуд II (1808—1839). Оригина́л портре́та, написа́нный маслом, находится в Стамбуле.

скому союзу примирение между Англией и Турцией. Несмотря на союзу со стороны Франции, оно было достигнуто в 1809 году с подписанием договора о Дарданеллах. В результате между Россией и Турцией снова разразилась война. Русские, выступив против плохо организованных и сократившихся в численности турецких вооруженных сил, направились из Валахии через Дунай, чтобы захватить крепости на его правом берегу, включая Силистрию, но встретили сопротивление со стороны армии великого визиря, стоявшего с войсками в укрепленном лагере в Шумле. Русские не смогли перейти через труднодоступный Балканский хребет и, только преодолев продолжавшееся сопротивление боснийской армии, взяли Рущук. К 1811 году, поскольку союзу с Наполеоном пришел конец и русские ожидали его вторжения с Запада, они перешли на дунайском фронте к обороне. Теперь Россия нуждалась в мире с Турцией, и летом 1812 года, всего за несколько недель до похода Великой армии на Москву, в Бухаресте был подписан мир. По этому договору пограничной рекой между Россией и Османской империей стал Прут. Царь вернул султану оставшуюся часть Молдавии и всю Валахию, но сохранил за собой Бессарабию с ее выходом в устье Дуная. Слишком поздно попытался Наполеон вновь в собственных интересах заручиться дружбой турок, упрямивая султана выступить против России на Дунайском фронте, обещая взамен гарантировать безопасность Молдавии и Валахии, а также возвращение Османской империи Крыма. Под нажимом Британии турки твердо решили сохранять мир с Россией, больше не доверяя Наполеону, тем более что им стали полностью известны все его прежние планы расчленения Османской империи.

Большие все от Бухарестского договора пострадали сербы, которым Россия оказывала покровительство. Они действительно получили гарантию амнистии за свои восстания и (только на словах) право на собственное внутреннее управление. Но все это эффективно нейтрализовалось возвращением султану Белграда и других крепостей, в которых должны были стоять турецкие гарнизоны, а также сносом всех других крепостей, которые сами сербы успели построить за этот промежуток времени. На следующий год после окончания Наполеона турки вновь превратили Сербию в вассальное государство.

Империя, которую Наполеон и Александр преждевременно планировали расчленить, пережила их обоих еще на целый век. Но во времена Махмуда Османская империя продолжала уменьшаться в своих размерах, сохраняя, несмотря на упадок, свои «внутренние органы», хотя и теряя «внешние части своего тела». Одной из таких стала Греция. Националистическое движение греков датировано началом XIX века. С самого начала оно приняло неопреде-

ленную форму культурного возрождения. В этом проявился греческий ренессанс классической традиции, исходявший в своей идеологии из либеральной философии Французской революции и общего распространения знаний среди греков, как и среди просвещенных турок, начиная со времен Селима III. Это приняло форму более совершенного образования, которое богатые греки смогли наладить с помощью школ, возобновивших изучение греческой истории, а также осуществляя его с помощью распространения книг, отпечатанных на греческом языке за границей.

Во всем этом присутствовали идеи освобождения и возрождения национального духа греков. Свою роль играли и жившие на Западе эмигранты. Схожим образом уже внутри самой империи действовали греки-фанариоты, состоявшие на турецкой службе; и богатые общины греческих купцов в Стамбуле, Салониках, Смирне и на различных островах греческого архипелага. На некоторых из этих островов, особенно на Хиосе, где турки сохранили разумную систему действовавшей здесь ранее привилегированной генуэзской компании, управлявшейся местными чиновниками и солдатами, по сути дела существовало самоуправление. В схожем положении находились три «мореходных острова» — Гидра, Спеде и Псарра, общины которых состояли из моряков, имевших свои доли в судах и грузах, и которые были своего рода «питомниками» для будущего греческого флота. Таким образом, в прибрежных частях страны имелось немало греков, которые поддерживали тесные и постоянные контакты с Западом.

Внутри материковой части Греции преобладали менее свободомыслие и независимые настроения. Турецкая администрация сохраняла жесткий контроль над населением, направленный не на поддержание благосостояния и обеспечение безопасности, а на сбор налогов, в пользу коррумпированных наместников, эти налоги вводящих. И домогательства со стороны турецких чиновников были менее тяжкими, чем контроль, осуществлявшийся самими греками над теми, кто либо входил в ряды землевладельцев, принявших ислам ради сохранения своей собственности и власти, либо принадлежал сановникам из местной администрации — старшинам и начальникам примасам и коджа-баши (старостам) деревень и поселков. И задачей как помощников турецких чиновников было обеспечение поступления налогов, причитающихся с их соответствующих общин, в качестве откупщиков они усвоили методы своих турецких хозяев. Пользуясь привилегированным положением в поддержании законности и порядка и злоупотребляя им, они нередко были еще более жестокими притеснителями собственных братьев-христиан.

Притесняло простых греков-христиан и христианское духовенство узкое и консервативное в своих воззрениях, которое как часть общественной организации пользовалось покровительством султана.

обладало широкой властью среди греческого населения. Благодаря этому среди духовных лиц, землевладельцев и местных чиновников преобладали собственные «греческие» интересы, ибо они могли слишком многое потерять, окажи они поддержку любому переходу от культурного ренессанса греков к греческой политической революции с требованием независимости. Идея греческой нации в отличие от греческих религии и языка могла поэтому материализоваться в конкретных формах намного медленнее.

Когда с течением времени этот процесс начал активизироваться, реальных действующих источников для национальной идеи среди греческого населения оказалось два. Первыми стали клефты, дикие, не признающие никаких законов банды, которые с давних пор скитались по горам, избегая подчинения туркам и живя за счет грабежей и насилия. Их традиционная профессия разбойников теперь не казалась грекам простой жадной пахизы, а воспринималась как почетное и законное средство борьбы против тирании турок. Тем самым они стали восприниматься как средоточие патриотических проявлений революции в пользу национального дела греков. Клефты действовали в отдельных горных районах материка — в Морее, Эпире и Румелии помимо Крита и других островов — и возглавлялись именитыми наследственными вождями, которым суждено было стать политическими лидерами предстоящей революции. Турки верушили против них христианскую жандармерию, арматолов, которая на деле нередко принимала сторону клефтов.

В морской стихии у клефтов имелись двойники в лице не имеющих страха островных и прибрежных пиратов, которые жили ширпотрогом, так же как и их сухопутные собратья жили грабежом. Присущий тем и другим дух авантюризма черпал примеры из морских и сухопутных операций англичан, которые привели к захвату Ионических островов у Наполеона в 1814 году. Водружение на этих островах британского флага помогло возбудить нетерпение общества свободу, вызвав революцию на материковой части Греции.

Но если восстание рассчитывало на успех, оно должно было систематически планироваться и координироваться. Интегрирующую роль в этом сыграло сообщество греческих купцов с его широко распространенными связями как в Греции, так и за рубежом. Инструментом его организации стала «Филики Этерия», или «Общество друзей», первоначально продукт неудачного восстания греков против турок с помощью русских в 1770 году. Его инициатором в конце XVIII века стал греческий национальный поэт (Константин) Ригас Фереос, написавший для революции свою мирсдельзу. Валах по происхождению, он мечтал более как поэт, нежели реалист, не только об освобождении Греции, но и о многонациональной балканской федерации автономных христианских

государств, Византийской империи в миниатюре, официальным языком и религией которой были бы греческий язык и греческая православная вера, ради которой, как он воображал, сербы, болгары, албанцы и румыны с готовностью обнажат мечи в христианском единстве за дело греческой свободы. Каратеоргий и лидеры первого христианского восстания против султана также поддерживали эту идею. Казнь Ригаса турками привела к упадку его гетерии. Но теперь, в 1814 году, она была возрождена, но не в Греции, а в России, тремя греческими купцами из Одессы. В самих Афинах общество было оформлено как греческое литературное общество, чтобы распространять свои идеи среди образованных греков, не вызывая подозрений со стороны турок.

Тем не менее деятельность общества была слишком смелой и стала общезвестной по мере того, как оно стало открывать свои отделения и посылать агентов по всей европейской Турции и городам Малой Азии. Оно переросло в конспиративное общество франкомасонов со своей собственной изощренной иерархией, секретными знаками, таинственными ритуалами и торжественно клятой верности. Его заговоры и интриги в среде балканских сообществ подстрекали к мятежным действиям группы людей. Среди членов общества франкомасонов были русские офицеры, как уверяли русские консульские агенты, обществу тайно оказывалось покровительство со стороны царя, выражавшееся в готовности поддержать восстание. Греки полностью полагались на эти заверения.

Возглавить гетерию сначала было предложено графу Иоанни Каподистрия, уроженцу Корфу, обладавшему большим влиянием, авторитетом и состоявшему на службе у царя в Санкт-Петербурге. Именно он от имени царя подписал соглашение об английском протекторате над Ионическими островами. Когда Каподистрия отказался от предложения, руководство обществом было возложено на Александра Ипсиланти, грека-фанариота, из семьи которого происходили господа Молдавии и Валахии. Более того, он был личным адъютантом царя, служившим с честью и достоинством в русской армии. В 1820 году общество назначило его «Генеральным уполномоченным высшей власти».

Решив начать свое восстание на севере, Ипсиланти смелее, авантюрно, чем разумно, повел сборное войско через Прут — границу между российской и турецкой империями — в Молдавию и Валахию. Многообещающий в своих заявлениях и изысканно артистичный в выражениях своих чувств, он, тем не менее, не осознавал дела и людей. Ипсиланти искренне рассчитывал на единения между румынскими и греческими христианами, которое в самом деле не существовало. Приветливо встреченный господи

поддавши, «уполномоченный высшей власти» практически не получил поддержки для эллинов в Валахии, где местный повстанец освятил его: «Греция принадлежит грекам, а Румыния — румынам». Царь отрекся от него и уволил из армии. Патриарх всей православной церкви по приказанию султана отлучил его от церкви. Турки направили к Бухаресту армию, которая смела его «свободный батальон», а сам Ипсиланти укрылся на территории Австрии, где император заключил его в тюрьму. Таким, по иронии судьбы, был конец правления в дунайских княжествах греков-фанариотов (ставший началом рождения румынской независимости), править которыми стали по выбору румынские бояре.

В это же время рождалась независимость Греции, достигнутая с помощью ряда скоординированных восстаний, охвативших значительную часть территории страны. Эти восстания были подняты при участии этерии и предусматривали направление в Грецию фанариотов и других лидеров, включая брата Ипсиланти — Дмитрия, который должен был руководить восстанием в Пелопоннесе. Множество людей, вдохновленных идеей независимости, отправлялись туда, устанавливая контакты с руководителями повстанцев прямо на местах. Восстание началось с прокламации митрополита Патраса 25 марта 1821 года.

Для восстания это время было наиболее удачным. Ибо султан Махмуд, Диван которого, казалось, ничего не ведал о возможности подобного опасного поворота событий в Греции, выбрал этот момент именно того, чтобы заняться окончательным подчинением своего номинального вассала в Эпире Али-паши, мятежного «Льва из ионин». Али с помощью своей албанской армии настолько укрепил свою власть и расширил владения, что, в сущности, мог претендовать на роль независимого монарха и был признан в качестве такового наполеоном. В 1819 году он с триумфом овладел важным портом Адриатике — Партой. На следующий год Исмаил, албанец родом личный враг Али, убежал от него под защиту Стамбула, где султан сделал его одним из своих камергеров. Али послал вдогонку двух местных убийц, которые были арестованы при попытке застрелить Исмаила. Это дало султану Махмуду давно искавшийся повод раз и навсегда сокрушить своего врага. Султан официально объявил Али отступником и человеком вне закона, пожаловал его пашалык Исмаилу, его намечавшейся жертве, и под его командованием немедленно начал войну против Али. Поскольку Али, теперь уже «запавший лев», упорно держался на протяжении почти двух лет, султан вызвал своего беспощадного воссначальника в Морея Хурид-пашу и его войска, чтобы завершить кампанию. Они в конце концов нанесли поражение и уничтожили старого мятежника, который нашел убежище в расположенной на озере крепости. Его

голова вместе с головами трех сыновей и внука была отправлена султану в Стамбул.

В результате этих событий крепости в Морее остались без достаточного прикрытия и греческие повстанцы сумели внезапно атаковать и сломить сопротивление большинства оставшихся в них гарнизонов. Действуя согласованно с ними на море, греческие пираты с их смертоносными, маневренными брандерами обеспечили контроль над всеми ключевыми портами побережья. Это ограничило возможности снабжения и переброски турецких подкреплений наземными коммуникациями, пролежавшими по гористой, удерживаемой в руках партизан территории. В числе островов повстанцы удерживали Спеле, расположившись на котором, богатая вдова-гречанка организовала блокаду залива Нафплиона за свой собственный счет, а также Псару и, в зависимости от обстоятельств, Гидру, благодаря капитану судна, который поднял людей против их собственных примасов.

По всему полуострову популярная песня восставших «В Морее не должно остаться ни одного турка» спровоцировала массу кровожадных нападений на мусульман. Восстание перешло через Коринфский залив, где «неверные» горожане Ливадии были жестоко истреблены. Крестьяне преодолели наскоро возведенную стену, чтобы взять Афины, в то время незначительный провинциальный город с десятками тысячами жителей, который был лигной собственности султана. Но афинский Акрополь, дополнительно укрепленный с времен его осады венецианцами, держался еще больше года. На западе решительно восстал Мессолонгион. На севере восстание вспыхнуло среди «овчаров Пелеона» и на тройке македонских полуостровов Халкидики, где монахи Афонского монастыря готовностью вооружились ради одновременно религиозного и национального дела. На Крите, острове с преобладающим мусульманским населением, отряд критских янычар, фанатичных мусульман греческого происхождения, совершил ряд зверств в отношении христиан, зайдя настолько далеко, что убил митрополита Кандии и пятерых епископов на алтаре кафедрального собора города. Это спровоцировало в порядке возмездия восстание воинственных горцев-сфакнийцев, которые смогли на некоторое время блокировать порт Канин.

Султан Махмуд не принадлежал к числу тех, кто готов беззащитно терпеть демонстративное неповиновение своей власти. Когда его армии оправались от первого шока неожиданности восстания, с столь же варварски отомстил грекам за массовое убийство турок в Морее. В Стамбуле он казнил греческого Драгомана Порты и других видных фанариотов. В ответ на зверства греков в Триполи он повесил греческого патриарха — уроженца Морей — на воротах собственного дворца в первый день Пасхи, оставив тело д

обозрения на протяжении трех дней и лишь после этого разрешив
посети его презренным евреем и выбросить в море. Когда перед
ходом бригадир из мятежного греческого флота уничтожил турец-
кий флагман вместе с адмиралом и командой, турки отомстили
разрушением всего процветающего острова, продав в рабство или
отдав население численностью почти в сто тысяч христиан. Турки
в целом добились успеха в подавлении восстания к северу от
Боринфского залива, но не смогли добиться желаемых результатов
в своем главном вторжении в Морю.

Греки же, вместо того чтобы закрепить свои военные успехи и
преимущества, слишком поспешно позволили втянуть себя в полити-
ческие проблемы местного конституционного правительства. В
каждом занятом ими районе они созывали собрание — сенат в
Мессении, «Центральное правительство» — в Пелопонессе, другие
выборные институты управления в восточных и западных частях
Пелопоннеса. Эти органы объединяли соперников в борьбе за власть,
преследовавших противоположные интересы и цели, — примасов,
землевладельцев, верховную церковь, фанариотов, купцов с островов и
скупщиков. Единство среди них было напрасной надеждой, поскольку
они пока еще не ощущали себя греками в национальном смысле
этого слова.

Первая попытка объединить их интересы в рамках центрального
правительства Греции была предпринята после падения Триполиса,
когда вблизи Эпидавра Дмитрий Ипсиланти созвал Национальное
собрание. Затем в первый день нового, 1822, года была провозгла-
шена конституция, включавшая в себя полный объем законодатель-
ных и исполнительных уложений, основанных на республиканских
принципах. Она была составлена главным образом Александром
Мирокордато, способным фанариотским лидером повстанческой ас-
самблеи в Месолонгионе, на западе Мореи, которого избрали
президентом. Ипсиланти между тем отошел на второй план. Но для
того, чтобы теперь освобождавшегося от веками продолжавшегося
восточного деспотизма, более того, связанного с традициями нейт-
рального отношения к соперничающим группам внутри собственных
границ, подобный эксперимент — введение либеральных конституци-
онных совершенств Запада — оказался явно преждевременным.

Позднее, в 1822 году, основной порт Восточного Пелопоннеса и
естественная столица Нафплион (древняя Навплия) пал перед
турскими повстанцами в лице лидера клефтов Колокотрониса. Он
решил разрешить провести заседание Национального собрания в
Нафплионе, и когда оно собралось в другом месте и попыталось
ликвидировать его власть, ответом стало похищение четырех членов
правительства. Остатки правительства вынуждены были перебраться
в отдаленный мыс, прикрываемый островами Идра и Спеце, и

избрали своим президентом богатого жителя острова Гидра Кондуриотиса, албанца по происхождению, но оставив Колокотрониса действующим правителем Морей. Совсем скоро стало очевидным, что ни один грек не подчинится власти другого грека. Из этого следовало, что решение необходимо искать в приглашении суверенного правителя с Запада.

С самого начала греки слишком полагались на поддержку Запада. В отношении военной помощи они очень скоро были разочарованы. Ибо после поражения Наполеона западные державы вместе с Россией нуждались в мирной передышке. Как антиреволюционные «лига суверенов» они должны были поддерживать подобие мирного единства на предстоящее десятилетие. Следовательно, ни Британия, ни Австрия, ни, к ее облегчению, Россия (несмотря на все ее обещания Греции) не собирались сражаться за независимость греческого народа. Когда восстание началось, эти державы дружно осудили его, а в 1822 году на объединенной конференции в Вероне отказались принять греческих депутатов как революционеров.

Но среди их подданных парастал новый романтический дух филэллинизма, представлявший греков не просто находящимися под христианами, но храбрыми потомками героев классического века. Эпитузиазм в отношении Эллады подогревался в них поездками по Европе греков в целях завершения образования, коллекционерами древностей, учеными-классиками, интеллектуалами, писателями и поэтами. Они раскрывали глаза цивилизованного мира на эту родину культуры, все еще населенную (чтобы там ни говорили ученые-скептики) греками прошлого, мечтающими о возрождении Эллады.

В деловом мире «эллинский призыв» распространялся колонизацией греков-купцов в столицах западных государств и России. Усилия этих греков-купцов привели к формированию филэллинских комитетов для сбора средств на нужды революции. Богатые экспатрианты, особенно в России, вложили значительные средства, в то время как идущая приключений молодежь, не только из Европы, но и Америки, вливалась, нередко вопреки желанию собственных правительств, в ряды добровольцев, чтобы сражаться за дело греков. Ярко заметил Уильям Коббет, греческая революция была «войной устроенной поэтами и биржевыми маклерами в пользу России».

Выдающимся среди этих поэтов был лорд Байрон, кто впервые посетил Грецию в 1809 году и вскоре обессмертил в стихах. Он перевел революционную военную песню Ригаса и был сошелся в Италии с Маврокордато. В 1823 году по пути в Грецию он остановился на острове Кефалинии, где пробыл пять месяцев. «Не верьте европейцам в отношении свободы», — предупреждал греков, когда они просили о военной помощи. Теперь он приби

ним как финансовый агент ряда организаций, выдсливших помощь в виде шестизначного займа от греческого комитета в Лондоне.

Разобщенность среди повстанцев к этому времени угрожающе росла. Когда Байрон вступил на греческий материк в Мессолонгионе в 1824 году, то обнаружил, что грек сражался с греком в новой Пелопонесской войне. Она велась между сторонниками Колокотрониса и Кондуриотиса, причем их соперничающие правительственные ассамблеи были и на материке, и на побережье, и на островах. Это едва ли удивило или лишило лорда Байрона привязанности к Греции. Романтик идеи возрождения Эллады, он был реалистом в оценке всего происходящего в данный период. Те, кого видел поэт здесь вокруг себя, были людьми, лишь частично освободившимися от деморализующей тирании и теперь ссорившимися друг с другом из-за выбора наилучшего средства, чтобы окончательно освободиться от нее, более того, слишком склонными следовать либеральной теории в ущерб работающей практике.

Непосредственной задачей для Байрона стало положить конец этим спорам, и в этом он сразу же преуспел. Согласно его указаниям расходование английских фондов могло быть доверено только Кондуриотису. Чтобы спасти свою долю, Колокотронис сдал Нафплион. Но через несколько месяцев гражданская война разразилась вновь. Колокотронис выступил против Кондуриотиса, но был схвачен и заключен в тюрьму на о. Гидра. Манрокордато с помощью неохотой сошел со сцены. Английский заем, собранный для борьбы от турок, был, таким образом, растрачен на внутреннюю ссору грека с греком. Лорд Байрон, предоставивший заем, был избавлен от изнурения подобного исхода своих усилий: он умер от малярийной лихорадки в болотах Мессолонгиона. Поэт умер как боец, павший за независимость греков, и навсегда остался среди них героем. Его смерть сохранила и усилила в Европе пламя филэллинизма, тем самым помогая верить, что наступит день, когда греческая нация будет признана и поддержана цивилизованным миром.

На этой первой стадии война за независимость Греции в целом, со всех сопровождавших ее внутренних спорах, оказалась успешной. Греки греков были настолько впечатляющи, что в 1825 году султан объявил недостаточность собственных сил, чтобы победить их без чуждой поддержки. Более того, он не смог собрать подкрепления в своих азиатских провинциях. Тогда султан воззвал к помощи своего душевного вассала Мехмеда Али, пашы Египта албанского происхождения*. Со времен Наполеона его армия готовилась и сражалась по европейским образцам. Эта армия уже послужила паше Махмуду, подавив восстание в Аравии. Теперь султан воззвал Мехмеда Али помочь ему разгромить восстание греков. В ответ султан обещал сделать его пашой Крита и Пелопонесса —

тогда как сам Мехмед Али выпасивал далеко идущие планы — получить нашилык Сирии.

Сын Мехмеда, Ибрагим-паша, был в результате направлен в Александрию во главе флота, сильнейшего из всех до сих пор спускавшихся на воду неевропейской державой в Средиземноморье. Флот прошел мимо Крита к укрепленному порту Модон на самой западной оконечности Мореи. Здесь Ибрагим разместил свою штаб-квартиру, тем самым положив начало второму этапу в войне греков за независимость. За три года его отлично дисциплинированные войска постепенно стали господствовать в Пелопоннесе, распространяя вокруг себя страх и опустошение, по мере того как они отвоёвывали для турок то, что те уступили грекам, и в результате восстановили контроль турок над большей частью страны. Такое развитие событий подтолкнуло греков к некоторому единству. Колокотронис был освобожден и восстановлен в звании главнокомандующего вооруженными силами в Морее, где он потерпел одно за другим два поражения от Ибрагима.

Затем, в 1826 году, Ибрагим перебросил свои войска на операцию в континентальной Греции, с тем чтобы поддержать турецкого военачальника Решид-пашу в его осаде Мессолонгиона. Здесь его военно-морские силы полностью изменили ситуацию, не допустив входа в гавань греческого флота, спешившего деблокировать город, заставив греческий гарнизон вместе с большим количеством гражданского населения отчаянно сопротивляться и, тем не менее, потерпеть неудачу.

Падение Мессолонгиона привело к падению правительства Кондуриотиса и к следующему периоду внутренней вражды между двумя соперничающими ассамблеями и президентами. До этого, одиозный Кондуриотис официально пригласил двух способных британских офицеров, сара Ричарда Черча, ирландца по происхождению, и лорда Кохрейна, шотландца, командовать соответственно греческими армией и флотом. В качестве условий своей службы они настаивали на примирении между двумя соперничающими фракциями. В результате новое заседание Национального собрания, имея новую конституцию, избрало на должность президента Каподистрия, человека аристократического происхождения и воспитания. Тем временем Решид-паша предпринял длительную осаду Афин, Акрополь которых после безуспешной попытки лорда Кохрейна освободить его попал в руки турок в июне 1827 года. Этот этап, завершая собой покорение континентальной Греции, казалось, подал сигнал к окончанию войны за независимость.

Но это не был конец, поскольку после шести лет кровопролития настало наконец время для вмешательства европейских держав. Среди них в своем давлении на турок русские проявляли наи-

но активность. Австрийцы при Меттернихе, как компаньоны-периалисты, склонялись к тому, чтобы подавить восставших. Турки и французы опасались последствий новой русско-турецкой войны. С другой стороны, Франция начиная с 1824 года в лице короля Х имела либерального суверена. Военно-морские силы Франции и Великобритании видели в греках гарантию против России.

С падением лорда Кастлери и замной его на этом посту Джорджем Каннингом правокопсервативная политика тори уступила место более либеральной политике Джорджа Каннинга, двоюродный родственник которого Стретфорд Каннинг был назначен послом в Португалию. Сознание англичан было возмущено рассказами о жестокостях Ибрагима-паши, пользовавшегося дурной славой человека, который вознамерился поработить греков, имея в виду заселить Египет бизнес египтянами. Общественное мнение было больше всего возмущено героическим самопожертвованием лорда Байрона в столь бесплодном деле.

Первой задачей европейских держав было определить будущие границы и статус Греции. Предварительное решение было достигнуто в июле 1826 года с подписанием в Санкт-Петербурге протокола между Британией и Россией, призванного положить конец анархии и обеспечить примирение турок и греков. Стороны согласились с принципом обретения Грецией не независимости, а права на автономное ведение своих внутренних дел в обмен на ежегодную дань султану.

В начале того же года греки обратились с просьбой включить ионические острова в число стран, подписавших договор. По инициативе Каннинга, который вскоре после этого скончался, такой договор был подписан в Лондоне в июле 1827 года, месяц спустя после падения Миссис. Опираясь на договор, три державы предложили Турции свое посредничество. В случае отказа Порты от этих услуг они взяли за собой право установить с греками дипломатические отношения, включая обмен консулами и признание восставших ионийцев в качестве независимого государства. Это было принято в Лондоне, но безоговорочно отвергнуто султаном. Категорически отказавшись считаться со всеми предложениями Махмуд отвергнул все как вопиющее нарушение иностранными его всеобъемлющих законных прав суверена. Отказываться от этих прав или изменять их он не согласился ни на каких условиях.

Договор предусматривал перемирие, которое должно было быть обеспечено объединенным флотом, «не принимающим, однако, какого-либо участия в боевых действиях». В Средиземное море был послан русский флот, и адмиралам трех стран пришлось искать выход из тупика, в который их поставила как двусмысленность

данных им инструкций, так и трудность установления контактов Ибрагимом, который, ссылаясь на продолжающуюся агрессию со стороны греков, отказывался от перемирия без приказа султана. Наконец, после блокады адмиралы ввели флот в залив Наваринию и стали настаивать на демонстрации силы — но договорившись между собой не стрелять, если турки не выстрелят первыми, — чтобы побудить Ибрагима принять условия перемирия и заставить отойти обратно в Александрию.

К несчастью, египетский корабль обстрелял беспалубное судно, доставлявшее делегатов. Флагман французов немедленно ответил ружейным огнем, за чем последовал решительный морской бой, в котором флот Ибрагима был почти полностью уничтожен. С времен сражения при Лепанто это было одно из самых тяжелых поражений морского флота Османской империи. Русские и французы были удовлетворены. Для Меттерниха это был «ужасная катастрофа». Для герцога Веллингтона, вскоре ставшего премьер-министром, это было «неуместным событием», за которое герцог Кларенс (в скором времени король Вильгельм IV), тем не менее, наградил британского адмирала Эдварда Кодрингтона рыцарским орденом Бани — позже, под другим предлогом, отстранив его от командования флотом. Греки чувствовали себя триумфаторами. Теперь, после долгих лет, это действительно была свобода.

Каподистрия, новый президент Национального собрания, с момента своего избрания путешествовал по европейским столицам, чтобы заручиться поддержкой. В начале 1828 года он прибыл в Нафплион, чтобы приступить к исполнению своих обязанностей и восстановить мир. Первым делом он направил войска, чтобы освободить Ибрагима те территории, которые он намеревался потребовать для нового государства. В этом он добился лишь частичного успеха. Затем президент утвердил свою личную власть с помощью назначения нового правящего органа Панхеллона под своим собственным контролем. Он дал обещание в свое время созвать новое Национальное собрание, согласно новой конституции, а сам тем временем «правил» с помощью секретариата, игравшего роль кабинета министров.

Англичане добились, чтобы Мехмед Али принял меры к ликвидации вояглавлявшихся Ибрагимом войск. Те их подразделения, которые все еще оставались на местах, были в конце концов изгнаны отрядом французской армии, после того как они сравняли с землей столицу Морей Триполис. Затем, отсрочив окончательное урегулирование между Россией и Турцией вспыхнула новая война.

Уже на протяжении нескольких лет русские оказывали на турецкое дипломатическое давление. В 1826 году они навязали Пас

важную Аккерманскую конвенцию, которая подтверждала положения Бухарестского договора и дополняла их, к выгоде России, упущенной некоторыми турецкими крепостями в Азии. Конвенция предоставляла молдаванам и валахам полный объем привилегий и новые политические права сербам. Теперь, когда турки потеряли в Наварро весь свой флот, уступив России морское превосходство в Черном море, воинственный царь Николай I стремился не к примирению, а к вооруженной конфронтации со «старым лукавым врагом Московии». Когда стало ясно, что он планирует вторжение в Турцию весной 1828 года, султан упреждал его объявлением войны России в декабре 1827 года.

Весной следующего года царь Николай лично повел свою армию через Прут. После захвата дунайских княжеств армия до июня перемещалась через Дунай, затем осадил ряд крепостей, чтобы открыть себе путь к Балканским горам и за ними, в направлении столицы султана. Турки, более грозные за крепостными стенами, чем в открытой местности, обороняли их чуть ли не с прежней яростью. Варна пала после отважной обороны, отчасти из-за предательства одного из турецких командиров, перешедшего на сторону врага с несколькими тысячами солдат, но главным образом потому, что Россия господствовала на Черном море. Выстояли Силистрия, а также Шумла, ключевые крепости на пути к горным перевалам.

Русские несли тяжелые потери и на следующий год направили в район боевых действий более внушительные силы под командованием генерала-фельдмаршала Дибича, пользовавшегося (по выражению князя Г.Мольтке) «репутацией человека несокрушимого успеха». Он получил имя Забалканского, «перешедшего Балканы». В то время как небольшой отряд осаждал Силистрию, на этот раз добившись успеха, русская главная армия выиграла генеральное сражение на поле Кулевче перед Шумлой. В этом сражении большая армия турок потерпела поражение от меньшей по численности армии русских и была обращена в бегство, потеряв всю свою артиллерию.

Дибич после этого принял твердое решение перейти через Балканские горы, не занимаясь больше обязательным подавлением восстания в Шумле, которая все еще удерживалась ее гарнизоном, вместе с теми, кто спасся после Кулевче. Пока Решид-паша, турецкий командующий, готовился к обороне крепости, Дибич оставил небольшой отряд, чтобы сдерживать турок, а затем повел основные силы пятнадцатидневный форсированный марш по глубоким ущельям и труднодоступным перевалам горной цепи. Удивительно, но он смог совершить этот подвиг, практически не встретив сопротивления, благодаря Решид-паше, продемонстрировав полное отсутствие пред-

видения, снял все отряды, оборонявшие перевалы, чтобы они помогли отразить ожидавшуюся атаку на Шумлу.

Преодолев подобным образом почти непродолимый до тех пор барьер, русская армия открыла путь для своего материального и технического снабжения, обеспечив русскому черноморскому флоту доступ к порту Бургас. Затем, ликвидировав несколько очагов турецкого сопротивления и взяв под защиту крестьянство христианского происхождения, тепло встретившее русские войска, русские появились на равнинах, лежащих под стенами Адрианополя, столицы Турции в Европе. Гарнизон города сдался, не произведя ни единого выстрела, лишь удивленно взирая на какую-то армию, внезапно появившуюся со стороны горного барьера, который никогда до этого никто не преодолевал. В действительности за время этого столь жестокого перехода русская армия сократилась до небольшой части своего личного состава, неся потери от эпидемий дизентерии и чумы общего истощения. У русских не было перспектив на получение подкреплений или безопасный отход. Турки, — не преувеличив настолько численность этой армии, — могли бы теперь попытаться уничтожить ее, имея немалые шансы на успех. Полностью осознав эту опасность и полагаясь на решительную демонстрацию силы и на поддержку со стороны черноморского флота, прикрывавшего фланг, Дибич готовился предпринять поход на Стамбул и выйти в Босфору. Он немедленно перебросил свои войска на сотни миль вперед.

Паника и страх воцарились в столице, будоража скрытые очаги беспорядка и восстания. Султан вначале не терял самообладания, уверенный в силе своего гарнизона и призывая турок добровольно встать на защиту города. Он развернул священное знамя пророка и заявил о своем намерении лично взять командование войсками на себя. Готовясь сделать это, султан появился перед народом, по совету опрометчивому совету, не верхом на коне, подобно защитникам родины прошлых времен, а в экипаже, «неслыханной и некрасивой новинке», что погасило общественный энтузиазм. Главные министры Дивана уговаривали его требовать мира. То же самое делали и Англия и Франция, в равной мере не осведомленные о реальной слабости русских войск. В ответ на это давление султан, хотя по характеру он был не столь малодушным, уступил. Он попался на блеф русских, чем спас Дибича от неминуемой катастрофы, и осенью 1829 года направил в его лагерь делегацию, чтобы продолжить переговоры об Адрианопольском мирном договоре.

Благополучно избежавший смертного приговора русский генерал-фельдмаршал согласился на условия, которые казались обманчиво умеренными. Именем царя Россия отказывалась от расширения своих территориальных владений и возвращала большинство в

ных в ходе войны территорий. Но она получила часть Молдавии и выход в дельту Дуная в районе Сулина, что давало ей эффективный контроль над рекой. Со сносом ряда крепостей река составляла быть передней линией обороны Османской империи. Молдавия и Валахия, хотя формально и возвращались под суверенитет султана, были фактически освобождены от него предоставлением автономии. Они получили право содержать свои собственные армии и назначать пожизненных господарей без вмешательства Порты в их дела. Большая часть мусульманского населения подлежала выселению. Аналогичным образом, за исключением крепостей Белграда и Срем, была подтверждена независимость Сербии. В Азии, где русский выдающийся генерал — Паскевич одержал не менее значительные победы, туркам были возвращены Карс, Эрзурум и Мидия. Но русские оставили за собой другие крепости и на этой постоянной основе аннексировали Грузию наряду с некоторыми другими частями Кавказа.

Когда наступила очередь Греции, откуда турецкие войска к этому времени были уже выведены, султан был вынужден принять ранее предложенные им условия Лондонского договора наряду с любым другим урегулированием, предложенным тремя державами. Это означало признание греческого государства как не подлежащего больше суверенитету султана, полностью независимого. После длительных споров с греками относительно границ новая Греция была учреждена в 1830 году как будущее королевство. Она получила значительную часть материковой Греции и многие из островов, за исключением Крита. Султану были оставлены Фессалия и Эпир в качестве его пограничных провинций.

Новое государство должно было управляться наследственной монархией, монарх должен был титуловаться суверенным принцем Греции; избранным со стороны, из правящих фамилий Великобритании, Франции и России. Первый выбор на должность монарха выпал на долю принца Леопольда Саксонского-Кобургского, зятя короля Виктора IV. Настойчиво отговариваемый от этого Каподистрией, который хотел бы править сам, соблюдая интересы России, в качестве почетного президента, Леопольд принял свою кандидатуру — с тем, чтобы позднее подтвердить масштабность своей личности в качестве короля бельгийцев. Только после утраты власти и гибели Каподистрии в 1831 году от рук гордых противников-маниотов, ненавидевших его натуру диктатора, греческая королева была пожалована принцу Луи, сыну филланиста короля Людвига Баварского. Официально назначенный султаном, он должен был править эллинами в качестве первого короля на протяжении жизни целого поколения.

Желые потери, понесенные менее чем за десятилетие, стали для Османской империи невосполнимой утратой. Отчасти они были

следствием кардинальной ошибки султана, заключающейся в том, что он не смог добиться от трех европейских держав более почетных условий. Это в свою очередь стоило ему потери флота, потери Греции и фактической утраты других разбросанных на огромных пространствах владений османов. Эта трагическая ситуация обрушилась на него в тот момент, когда внутри страны султан энергично и целенаправленно взялся за реализацию далеко идущих реформ, призванных коренным образом изменить политическую структуру и социальные концепции турецкого государства.

Махмуд Реформатор счел политически разумным терпеливо выждать целых семнадцать лет, прежде чем воплотить на практике свою программу радикальных перемен. Ибо эта программа предполагала трансформацию Турции из средневековой империи, организованной в соответствии с принципами ислама, в современное государство, с собственной конституцией и основанное на принципах гражданского общества Запада. То, что он планировал, было новым с прошлым в форме новых институтов и более гибких методов управления наподобие тех, которые в данный момент существовали в Европе.

Но подобно реформам прошлых лет — тех, которые проводили Мехмед Завоеватель и Сулейман Законодатель, она могла быть реализована только с помощью жестких мер. В глазах Махмуда необходимым условием реформирования было утверждение суверенитета султана перед лицом права на ту высшую власть, посредством которой воля султана, будь то в его столице или провинциях империи, являлась единственным и абсолютным источником власти. С годами Махмуду II удалось добиться этого своего права. Лишенный доступа к ссылок или казней таких советников, какие помогли Селиму III, Махмуд достиг этого фактически сам, благодаря присущим ему выдающимся качествам — решительности, настойчивости и предвзятости; благодаря масштабному мышлению и сосредоточенной работе, рационального и реалистичного в восприятии сути сложных проблем, способного систематизировать подходы к их решению. Но больше всего Махмуда выделяли сильный характер и непоколебимая верность, с какой он подавлял тех противников внутри государства, которые тормозили реформы его предшественника.

Во-первых, чтобы гарантировать полноту власти своего собственного центрального правительства, султан должен был ликвидировать любую автономию провинций, которая могла бы эту власть ограничить. В империи, уменьшившейся в размерах из-за притязаний иностранных государств, Махмуд должен был по меньшей мере поддерживать силы внутреннего разрушения, восстановив сплоченность

того уменьшавшегося целого, которое сие сохранилось. Медленными и терпеливыми шагами султан избавился от собственных мятежных шапшей. Затем поставил себе целью преодолеть вызывающие распри претензии и урезать ведущие к злоупотреблениям привилегии «хозяев долины» и других не считающихся с законом влиятельных лиц на местах. В своем стремлении к централизации Махмуд занялся работой по искоренению всех местных промежуточных источников власти между правительством и народом, имеющих своей первопричиной наследование, традиции, привилегии или общественное согласие. В результате он вернул под контроль своей суверенной власти значительные районы Анатолии и Румелии. Кульминацией этих действий стала безжалостная расправа с Али-пашой в Янии.

Таким образом, теперь был расчищен путь к уничтожению наиболее могущественного врага внутри Османской империи — корпуса янычар. Некогда ее несокрушимые защитники, янычары теперь представляли собой главный источник разрушения империи. Никакого реформирования нельзя было проводить, пока янычары не были ликвидированы — раз и навсегда. Султан Махмуд выбрал момент для решающего удара летом 1826 года, сразу же после того как греческая крепость Месолонгион пала перед войсками Ибрагима-паши. Время было выбрано достаточно удачно. Современная армия его вассала явилась предметным уроком, показывающим, что султан данным-давно следовало выучить такой урок, исходя из собственной потребности империи в современной армии — чему войска Ибрагима-паши действительно могли бы стать прототипом. Его вассал после ликвидации мамлюков в Египте опережал любого султана в доказательстве того, что европейские стандарты военной дисциплины и обучения могли быть столь же эффективно достигнуты мусульманскими, как и христианскими войсками, и в целом проводил политику реформ, принесшую ему уважение и поддержку Запада.

Для того чтобы осуществить свой заговор против янычар Махмуд заранее подготовил собственные войска, предвидя жестокую борьбу на улицах города. Он сконцентрировал свое внимание на увеличении и усовершенствовании артиллерийских частей, которые только и могли обеспечить разгром янычар. Султан доверил командование офицерам, отобранным по принципу личной преданности: под началом генерала настолько беспощадного, что в последовавшем кровопролитии он получил прозвище «Черный дьявол». Готовый любой момент прийти на помощь, за Босфором расположились азиатские войска. Теперь султан Махмуд, постепенно передавший высшие посты в государстве людям с государственным мышлением, разделявший его взгляды, объявил в фетве*, официально подписавший всеми ими, о создании новых воинских соединений, которые должны были готовиться и оснащаться по европейским образцам.

Хотя все эти решения основывались на «новой системе» Селима III, султан благоразумно представил их не как продукт политики реформ, а как прямое возрождение военного порядка Сулеймана, призванное вернуть Османскую империю к высшей точке ее расцвета. Махмуд подчеркнул, что новые войска должны обучаться не христианами и иностранцами, а имеющими современную подготовку офицерами-мусульманами. Тем самым он обеспечил поддержку идеи создания новых войск со стороны главного муртия и улемов в составе совета как крайне необходимых для священной войны против «неверных». Корпус янычар должен был быть сохранен, но из каждого батальона, размещенного в столице, в новые войска выделялось по 150 человек для прохождения обучения новейшим приемам военного дела.

Как и предвидел султан, янычары отказались принять эти условия. Они вновь по традиции перевернули свои походные котлы, демонстрируя неповиновение. Как и во время мятежа 1807 года, янычары толпами устремились на Ипподром, готовые устроить массовую резню, а затем двинулись на дворец султана, шумно требуя голов его главных министров и тем самым повторяя уже им хорошо знакомый прием. Но на этот раз султан основательно подготовился к встрече. Его войска и артиллерия были готовы действовать: основная масса народа объединилась в поддержку трона. Махмуд поднял священное знамя пророка и призвал всех верующих объединиться вокруг знамени. В момент, когда толпы янычар заполнили узкие улицы, ведущие к Сераю, друidia открыли огонь со стен дворца, выкашивая целые ряды в их колоннах, гибнущих под разрывами крупной картечи. Артиллерийский огонь заставил янычар повернуть вспять, обратно к Ипподрому, откуда после отказа прекратить сопротивление они разошлись по своим казармам и забаррикадировались за их стенами, ожидая атаки.

Но атаки не последовало. Махмуд не мог позволить себе так рисковать своими войсками. Вместо этого его тяжелая артиллерия обрушила на бараки град снарядов, вызвав пожары, и в скором времени казармы были превращены в руины. Погибли четыре тысячи мятежников. Так всего за полчаса с небольшой с помощью современного оружия было уничтожено основное ядро военной силы, существовавшей на протяжении пяти веков, сначала как силы, терроризировавшей Европу, а затем собственных султанов угасающей Османской империи. Уничтожение янычар было завершено с неслыханной жестокостью в провинциях, где были убиты еще тысячи человек. В тот же день, издав прокламацию, султан приказал корпус янычар. Само их название было объявлено вне закона, а их знамена уничтожены.

Месяцем позже вне закона было объявлено братство дервишей Бекташи, которое на протяжении веков опекало янычар и нередко подстрекало их. Запрет сопровождался разрушением обителей братства, публичными казнями его главных руководителей и ссылкой сторонников. Таково было «Счастливое событие», как реформатор называли его, которое наконец освободило султана Махмуда от всевооруженной оппозиции в пределах империи. Султан лично теперь провозгласил создание современной турецкой армии, получившей название «Победоносное исламское войско Мухаммеда».

После долгих лет исполненной терпения решимости, кульминации которых стал всего лишь час беспощадных действий, сильный и мудрый султан восстановил автократию, существовавшую при султанах османов первых поколений. Но он возродил прошлое лишь для того, чтобы создать новое будущее. Махмуд II не преследовал деспотических целей. Скорее он использовал деспотические средства ради достижения цели, которая по своей сути была прогрессивной. После совершенной им государственной реформации наступил период просвещенного развития, в ходе которого султан все силы отдавал на создание более гибкого и либерального общества. Махмуд заложил для своих преемников главные направления широкой программы преобразований, которая была предназначена с течением времени взрастить новую Турцию в тесной близости с западной цивилизацией. Находясь на почве реальностей, хотя и с сожалением воспринимая утрату давних территорий османов, Махмуд должен был создать для меньшей по размерам империи, доставшейся ему в наследство, радикально новую структуру управления, устроенную так, чтобы придать империи новый импульс роста и остановить упадок.

Владения султана, как в Европе, так и в Азии, должны были превратиться в Османское содружество наций, сильное и единое, чтобы противостоять новым внешним угрозам, и вместе с тем достаточно гибкое внутри себя, чтобы гарантировать интересы верности друг другу различных народов и религий. Суть его внутренней политики, обеспечивавшей дальнейшее существование империи в XIX—XX веках, заключалась в упреждении новых принципов гражданского управления, нацеленного на постепенное разграничение между институтами государства и религии.

Когда Махмуд избавился от янычар, основной целью его деятельности стала военная реформа. Султан стремительно продвигался вперед в деле создания своей новой армии. Вместо должности аги янычар он учредил должность сераскера, возродив звание, присуждавшееся в прошлом армейским военачальникам. Сераскер должен был теперь соединять в одном лице обязанности главнокомандующего и военного министра, неся особую ответственность за новые вооруженные силы. На сераскере, так же как и на аги, лежало

ответственность за общественную безопасность, включая полицейские функции в Стамбуле. Поддержание и расширение полицейской системы стало одной из его основных обязанностей. Новый свод законов предусматривал численность основного ядра армии в количестве двенадцати тысяч человек, размещаемых в столице, тогда как остальные подразделения формировались в провинциях. Все призываемые в армию должны были служить двенадцать лет.

Чтобы завершить свои военные реформы, целью которых было создание новой армии, более дисциплинированной и мобильной, Махмуд пуждался в передышке от войн примерно на десятилетний срок. Об этой необходимости султана, увидев в нем твердого правителя, обладающего силой и энергией, столь долго недостававшая его предшественникам, русские были осведомлены очень рано. В значительной мере в надежде помешать проведению военных реформ и разгромить армию турок, прежде чем она превратится в закаляющую силу, и спровоцировал царь недавнюю войну, приведшую к крушению планов султана в виде Адрианопольского договора.

Теперь, когда договор был подписан, Махмуд самым активным образом занялся боевой подготовкой и вооружением новой армии, тем более необходимыми, что он имел основание опасаться стычки с Мехмедом Али, пашой Египта, собственные модернизированные вооруженные силы которого являли ему столь яркий пример. Действительно, именно своему вассалу в 1826 году султан Махмуд направил свою первую просьбу прислать двенадцать опытных инструкторов. Когда Мехмед Али отказал ему, султан обратился свои мечты к Европе. Но Франция была скомпрометирована в глазах турок ее симпатиями к греческим инсургентам, а позже — ее поддержкой Мехмеда Али. Британия также не внушала доверия из-за ее филлаллинических симпатий, и в 1834 году султан отклонил предложение лорда Пальмерстона прислать группу офицеров для обучения его войск. Но позже, когда несколько турецких кадетов прибыли в Вулвич, три британских офицера были посланы в Стамбул в качестве советников по вопросам реорганизации армии. В 1838-м году последовала военно-морская миссия. Но добились они немногого, в основном из-за собственных обид на небрежительное отношение к ним со стороны турок.

В конце концов теми, кто отвечал требованиям султана, оказались русские. Юный лейтенант Гельмут фон Мольтке произвел на султана очень приятное впечатление, и он назначил молодого немецкого лейтенанта советником по вопросам обороны империи, а также боевой подготовке и организации войск. Между Турцией, Россией и Австрией существовал опыт обмена кадетами и офицерами, что положило начало германской традиции в турецких

вооруженных силах, которая преобладала, не всегда приносил удачу. XX веке. Но на самого Мольтке Махмуд II не произвел особенного сильного впечатления. Он нашел, что султан уступает Петру Великому и недостаточно уважаем турецкими офицерами из-за использования иностранных военных советников. «Полковники, писал он, — уступают нам старшинство, офицеры еще остаются достаточно вежливыми, но обычные люди уже не проявляют почтения, а женщины и дети время от времени осыпают нас бранью. Солдат подчиняется, но не отдает честь». Среди турок всех сословий презрение к гяурам отмирало очень медленно. Тем временем управление сараскира, или главнокомандующего, превращалось из могущественного военного министерства, поддерживавшее сильный централизованный контроль над вооруженными силами Османской империи. Военное министерство сохраняло этот контроль и в следующем веке.

Серьезным шагом Махмуда было ограничение власти улемов-стражей и хранителей религиозного устройства страны, подобно тому как янычары были стражами и хранителями ее старого военного устройства. В них коренился второй потенциальный источник оппозиции высшей власти султана. Будучи вместе с янычарами фактически высшей властью, улемы уничтожили Селима III с его планами нового устройства. Если Махмуд действительно хотел создать новую структуру управления, следовало постепенно разрушить этот второй столп традиционного государства. Основным направлением в политике реформ Махмуда было отделение религиозной власти от гражданской. В данный момент над всеми другими обладателями постов, будь то светские или религиозные, возвышались два высших сановника. Они представляли собой суверенную двойную власть султана и халифа. Одним из них был великий визирь, функции которого были исполнительными, охватывая административную и правовую сферы; другим был шейх-уль-ислам, иначе великий муфтий, функции которого носили консультативно-интерпретативный характер. Оба они возглавляли могущественные организации, занятые в которых люди — приверженцы консервативного уклада угрожали высшей власти и престижу султаната. То, что сейчас задумал Махмуд, было ослабление их власти с помощью системы управления, в которой власть вручается не отдельным личностям, а консультативным группам, каждая из которых со своей сферой ответственности.

Сначала управление шейх-уль-ислама было выведено из сферы, охватываемой светской властью, с тем чтобы он занимался только религиозными вопросами. Но внутри религиозной сферы, переставши быть только консультантом и интерпретатором, великий муфтий обретал новые полномочия в области права, забирая у управления

никого визиря его прежнюю юрисдикцию, относящуюся к религии. Теперь великий муфтий осуществлял эту юрисдикцию над всеми сульманскими подданными султана. Тем временем должна была начать развитие новая юрисдикция в гражданской сфере.

Вплоть до этого времени великий муфтий давал свои юридические заключения и издавал свои постановления (часто с политическими последствиями) из своей собственной резиденции. Теперь он должен был возглавлять государственное управление, размещившееся в помещениях бывшей резиденции аги янычар. Его новый статус ограничивал ту автономию, в соответствии с которой его доходы, его вассалы и их учреждения раньше всегда были независимыми от султана. В рамках государства это вело к ослаблению автономной части сословия улемов, что естественно сразу же лишало их возможности активно сопротивляться переменам. Лишив это сословие как финансовой, так и административной независимости, суверен постепенно понижал их статус и сокращал сферу ответственности. Школы перешли в ведение министерства образования, вся юриспруденция была передана министерству юстиции, даже составление фетв стало поручено правовому комитету, с комиссией, находящейся под его эффективным контролем. Статус великого муфтия, ныне обладателя почетнейшего поста, стал меньше зависеть от его традиционных полномочий, нежели от личных деловых качеств.

Наконец, Махмуд поставил под контроль государства старинный шариатский институт вакфа, или благотворительного учреждений, основанного на принципе неотчуждаемости земли и безусловном праве собственности на другую недвижимость, находящуюся по меньшей части в городах и использующуюся в религиозных целях. Эти вакфы с их немалыми доходами обычно находились под контролем улемов, занимавших посты администраторов и сборщиков налогов. Великий муфтий и другие муфтии, а также кады контролировали различные группы этих учреждений, служивших главным источником экономической мощи религиозных институтов.

Реализовав внутри страны свое преимущество за счет военной и религиозной организаций, Махмуд занялся развитием собственной гражданской администрации, которая в ее номинальной и организационной формах должна была выглядеть европейской системой государственного управления. Сулейман рассчитывал таким образом произвести впечатление на людей с Запада современностью нового турецкого государства. В первую очередь Махмуд упразднил управление великого визиря (или садразама), которое на протяжении почти двух столетий было фактическим местом заседаний правительства Османской империи. Полномочия великого визиря, ранее «абсолютного викария» султана, были теперь поделены между двумя министрами — министром иностранных дел и министром граждан-

ских дел (впоследствии министерство внутренних дел), в то время как традиционное управление дефтердара (или казначей) было переименовано в министерство финансов. Над ними, являясь связующим звеном между султаном и правительством, стал великий визирь, называвшийся теперь премьер-министром. Впрочем, впоследствии прежний титул великого визиря был снова восстановлен.

Другие министерства взяли на себя его обязанности и прерогативы, одновременно определив новое распределение функций. Собираясь вместе на Тайном Совете, или Общем совете министров, премьер-министром в качестве председательствующего на заседаниях, являясь представителями департаментов правительства, несли ответственность за конкретно определенные государственные дела. В своем составе совещательные советы для разработки планов и отчетов, а также для принятия решений на рассмотрение султана. Среди них наиболее важными были Совет по военным делам, Высший совет юстиции. Первоначально четыре министерства — образования, торговли, сельского хозяйства и промышленности — совместно управлялись консультативным советом, называвшимся Советом полезных дел. Эта новая система бюрократии разрушила старые традиции институциональных прав и привилегий, чтобы заменить их новыми институтами в модифицированной форме. Стали становиться все более реальными инструментами управления, по мере того как старое чиновничество Порты стало сменяться новым поколением гражданских чиновников, отличавшихся от них образом жизни, социальным происхождением и общей культурой.

В провинциях реформированные Махмудом органы управления были поставлены в полную зависимость от центрального правительства. Разного рода промежуточные источники власти были полностью сведены на нет, оставив власть только за высшим лицом — султаном. Решению данной проблемы способствовало осуществление двух мероприятий. Одним из них стало проведение переписи мужского населения Румелии и Анатолии (за исключением провинций, населенных арабами). Другим — опись земель в целях регистрации всех земельных владений. Цель заключалась в обязательном обложении условий призыва в новую армию и создания более точной и действенной системы налогообложения, чтобы финансировать ее. В заключение Махмуд раз и навсегда отменил систему тимаров — земель, передававшихся в дар, — в прошлом служивших основой для вербовки сипахов. С конца шестнадцатого столетия, когда феодальная кавалерия стала приходить в упадок, в мере роста численности получающих жалованье регулярных войск тимары возвращались в земельный государственный фонд, а сдавались в аренду крестьянам. Но в отдельных местах — Анатолии и Румелии — старая система все еще продолжала существо-

Ликвидировав янычар, Махмуд ликвидировал также и остатки этой феодальной кавалерии. Теперь султан ликвидировал все еще сохранившиеся тимары, которые также стали сдаваться в аренду как земли короны. Таким образом султан Махмуд уничтожил последний остаток феодализма, благодаря чему еще больше усилил централизованный контроль над провинциями Османской империи.

Султан Махмуд ввел фундаментальные новшества в области законодательства. Законы его государства состояли из шариата, священного божественного закона, который находился вне пределов деятельности человека, и канунов, которые были указами султана. Оба вида законов были изложением средневекового права, которое отдавало каждому человеку по заслугам в интересах порядка. Но они лишали его в современном понимании равенства перед законом. Новая дополнительная концепция — адалет, или правосудие, была введена Махмудом, который поэтому получил прозвище Адли, «справедливый». Это был свод законов, отделенный и от Бога, и от человека. В рамках гражданской сферы, независимо и от шариата, и от канунов, Махмуд сформировал совет для разработки сводов законов на основе нового гражданского права. Эти своды законов определяли критерий ответственности судей и их права в отношении государственных чиновников. В данных законах закладывались основы правовых процедур, которые должны были применяться к последним в случае служебных проступков, включая суровые штрафы за взяточничество, подкуп и другие формы коррупции. Тем самым впервые вводилась незнакомая ранее концепция, согласно которой чиновники являются государственными служащими, подпадающими не под собственную волю султана, как было до этого, но под строгую ответственность каждого служащего согласно закону. Данное законодательство отражало решимость Махмуда создать для своей администрации новую традицию государственной службы помимо непосредственных полномочий правительства. По мере продвижения этой работы вперед решение о наказании больше уже не оставалось на усмотрение одного лишь судьи, как это было до сих пор, но должно было устанавливаться соответственно принятым законам, с четким различием между уголовным и гражданским, публичным и религиозным, частным и публичным правами.

Тем не менее в личной жизни людей, в рамках их социального и семейного обустройства, священный закон ислама и связанные с ним традиции по-прежнему оставались неоспоримыми. Никаких изменений не произошло в законах, касающихся брака и разводов, собственности и прав наследования, статуса женщин и рабов. В этих вопросах религия оставалась основой закона, которую султан был по-прежнему бессилеи затронуть. В домашнем кругу люди по-прежнему жили в средневековые.

Но в более широком контексте жизни государства османские средневековые традиции стали разрушаться. Опередив на Востоке свое время, Махмуд стремился найти новый фундамент для суверенитета османов. Суверенитет должен был принадлежать народу. Его новая централизованная бюрократия двигалась в направлении общественного прогресса. Отходя от традиционного порядка и освобождаясь от чрезмерного пресса священной власти, султан переходил из состояния защитника правоверных в состояние просветителя граждан. В рамках вынужденного деспотизма Махмуд меньше думал о том, чтобы сохранить свои собственные абсолютные права, чем о том, чтобы гарантировать права своих подданных, жизненные условия которых он стремился изменить и улучшить.

В свете всех этих изменений возникла потребность в новой концепции образования. Турки в процессе обучения должны были знакомиться с неизвестными им вещами, следовательно, ставя под сомнение бесспорность знаний улемов, которым все было заранее известно. Кладези традиционных знаний — медресе (религиозные школы) — сохраняли фактическую монополию. Знания, получаемые в них, были ограничены священным законом ислама и обязанностями человека по отношению к Богу и своим соплеменникам. Более того, эти знания распространялись главным образом в устной форме. В результате чего была широко распространенная неграмотность. В 1824 году Махмуд сделал начальное образование обязательным. Но оно по-прежнему оставалось в религиозных рамках, поскольку передачей шейх-уль-исламу всей ответственности за соблюдение священного закона султан был вынужден исключить эту функцию образования из гражданской сферы.

Потребность в высшем образовании как средстве прогресса султан видел в рамках обучения техническим навыкам, и такое образование было главным образом сосредоточено в военной области в связи с созданием новой армии. В этот период высшее образование было по своей сути военным образованием. Армия остро нуждалась в новом, образованном, коммиссионном офицерском корпусе, если не считать небольшого количества перешедших из турецкую службу западных специалистов.

Две школы, морских и армейских инженеров, созданные в конце восемнадцатого столетия, были обновлены и поставлены на современную, прочную основу. В 1827 году, несмотря на серьезные возражения, султан предпринял твердый шаг, направив в Париж небольшие группы студентов, тем самым последовав более раннему примеру Мехмеда Али. Наряду с морскими и армейскими кадетами, распределенными между различными европейскими столицами, они составляли авангард последующих поколений турецких студентов, направлявшихся в Европу, чтобы по возвращении сыграть важную

... в жизни своей страны. Между тем впредь до создания постоянно действующей школы для подготовки офицеров Махмуд учредил в высших корпусах учебные части, занимающиеся формированием офицерских кадров. В свою очередь те, кто проходил в них подготовку, сами могли становиться инструкторами для новобранцев.

В итоге, порывая с традициями ялычар и связи между религиозными и военными кругами, Махмуд основал Школу военных наук, фразой для которой стала военная академия Сен-Сир, созданная Наполеоном. Хотя многие из преподавателей Школы военных наук были французами или немцами, она отражала новые армейские традиции, пустившие в турецком обществе свои собственные корни, и имела свою собственную прогрессивную систему обучения — интеллектуальную, социальную и политическую, вносящую позитивный вклад в воспитание будущих поколений турок. В это же время в целях подготовки музыкантов (барабанщиков и трубачей) для военных оркестров Махмуд учредил императорскую музыкальную школу, в которой работал Доницетти-паша, брат великого итальянского композитора.

Наиболее важным во всем происходившем было открытие государственной школы по подготовке врачей, а затем и хирургов для новой армии. Для гражданского населения врачи по-прежнему готовились на базе религиозных учреждений, в медресе мечети Масекия, по программам, отчасти опиравшимся на классическую греческую медицину и отчасти — на труды Галена и Авиценны.

Медицинское училище Махмуда было первой в Турции школой, которая предлагала эквивалент начального и среднего светского образования. В 1838 году после реорганизации она была переведена в Галатасарай, расположенный в Пера, в то время место размещения царинной дворцовой школы пажей. На ее открытии султан лично обратился к студентам. Объясняя, что арабский язык как язык медицины устарел, он сказал им: «Вы будете изучать научную медицину на французском языке... моя цель не в том, чтобы, обучая вас на французском, научить вас владеть французским языком, она в том, чтобы научить вас научной медицине и постепенно изложить ее на нашем собственном языке». Таким образом, изучение медицины на французском рассматривалось Махмудом как временная мера, и действительно, уже через поколение турецкий язык заменил французский в качестве основного языка учебных программ, после того как турецкие ученые перевели иностранные учебные пособия по медицине и другие работы на родной язык. Такими были конец традиционной и начало современной медицины в Турции. Медицинское училище в Галатасарас бросило вызов средневековой исламской традиции, введя в курс обучения занятия

по вскрытию трупов и анатомированию. До этого времени по настоянию улемов изучение анатомии разрешалось только на восковых муляжах. Теперь же студенты начали изучать анатомию на человеческих трупах — обычно это были трупы рабов-нубийцев, которые можно было приобрести за небольшую плату.

С течением времени училище расширило сферу своих научных, культурных и интеллектуальных исследований. Французский язык — чего раньше для турецких студентов-мусульман вообще не было — широко использовался для изучения европейской истории и литературы, причем французская литература стала замещать традиционно изучавшуюся персидскую литературу. В неменьшей мере, чем военным, султан Махмуд был озабочен развитием светского образования. Имелась острая потребность в компетентных гражданских служащих, чтобы управлять его новыми государственными структурами. В этом отношении новое направление в образовании, напрямую обусловленное конкретным влиянием Запада, было отражено в 1838 году в замечательно прогрессивном и нетрадиционном докладе Совета полезных дел:

«Религиозное знание (так это трактуют) служит спасению грядущему миру, но наука служит совершенствованию человека в этом мире. Например, астрономия служит прогрессу навигации и развитию торговли. Математические науки необходимы для успешного ведения военных действий и военного управления... Обсуждая любой из проектов возрождения сельского хозяйства, торговли или промышленности, Совет обнаружил, что ничего нельзя сделать без привлечения науки и что средства приобретения научных знаний и совершенствования образования заключаются во внедрении в школах нового порядка».

Школами, о которых шла речь, были начальные школы, реформу которых совет намеревался осуществить. Рекомендации совета были категорически отвергнуты управлением шейх-уль-ислама, в результате чего гражданское начальное образование вплоть до XX века продолжало быть функцией религиозной составляющей турецкого общества. Смирившись с этим запретом, совет решил применить свою идею к школам для подростков (школы рюшдие), заполнив разрыв между религиозным обучением в начальных и «мирским» — в средней школе. Прогресс в этой области давался с трудом, но во время правления Махмуда две новых школы грамматики, приданные мечетям султана Ахмеда и Сулеймании, были все же учреждены при поддержке общественных фондов. Их учебные программы охватывали главным образом грамматику и литературу, и их целью была подготовка кандидатов на заполнение гражданских должностей.

На пути всех этих нововведений оставалось одно серьезное препятствие — языковой барьер. Махмуд пытался привить западную

управленческую и социальную системы мусульманскому обществу, которое практически не знало ни одного западного языка. В живых оставались единицы из тех молодых людей или их последователей, кого Селим III в свое время убедил заниматься лингвистикой. Греки как лица, занимавшие официальные посты, были дискредитированы в глазах турок со времен их войны за независимость, когда последний грек-драгоман Порты был уволен, чтобы его место занял мусульманин. Найти подходящего человека на этот пост оказалось нелегко, и в конце концов он был доверен преподавателю математической школы, христианину по происхождению, которого затем сменил один из его коллег. Наконец султан лично решил проблему языка, учредив «отделы переводчиков» в министерстве иностранных дел, которые впоследствии превратились в школу иностранных языков.

Начиная с 1834 года, возрождая незавершенные планы Селима III, Махмуд стал учреждать посольства Турции в главных европейских столицах. Дипломатический состав посольств, в основном состоящий из турок-мусульман и совершенно исключавший греков-фанариотов, получил возможность не только изучать западные языки, но и воспринимать определенное влияние западной цивилизации. Для мусульман постепенно стали недоступны все высшие дипломатические посты. Это вело к развитию заграничной службы, в последние пятьдесят лет обеспечившей Османской империи наиболее просвещенных лидеров и государственных деятелей.

Тем временем, понимая всю важность средств информации для своего централизованного государства, Махмуд открыл в Стамбуле первую газету на турецком языке с версией на французском, основанной «*Moniteur Ottoman*». Ее появление потребовало чтения газеты государственными чиновниками в качестве источника информации о политике и деятельности султана. В 1834 году за этим шагом последовало введение почтовой службы, подчиненной ответственному чиновнику, который в свою очередь назначал своих собственных чиновников в соответствующих местах империи для регистрации и доставки всей корреспонденции, «так, чтобы впредь, — как пояснил султан, — ни одному человеку не приходилось заниматься об отправлении писем самому». Султан лично открыл первую почтовую линию связи из Ускюдара (Скутари) в Адрианополис — предшественницу всех других, которым еще предстояло появиться.

Так были заложены основы в области армейского строительства, судебного права и государственного управления для постепенного становления современного Турецкого государства, сочетающего в себе элементы западной и восточной цивилизаций. В его внешних социальных проявлениях турецкий образ жизни также должен был

подвергнуться вестернизации, причем сам султан выступил в роли первопроходца. Он больше следовал не османскому, но европейскому протоколу. Он устраивал приемы, на которых находился в гуще своих гостей, беседуя с ними и даже проявляя почтительные отношения к их дамам. Не будучи больше отстоящей на удаленной недостижимой фигурой, султан появлялся перед своим народом участвуя в публичных церемониях и лично адресуясь к аудитории. Теперь министры должны были сидеть, а не стоять в присутствии султана. Их кабинеты были обставлены мебелью в европейском стиле, в них больше не стояли одни только низкие диваны и кушетки, а находились конторки и столы вместе с прямыми стульями. Нередко полирая запреты ислама, на стенах их кабинетов висели портреты султана.

Махмуд не поощрял ношение длинных бород и внес существенные коррективы в костюм. Для своей новой армии он ввел европейское покроя мундиры, бриджи и ботинки. Двадцатью годами раньше подобный разрыв с традициями портняжного искусства привел к мятежу янычар, который сместил Селима III. Теперь же это было принято, хотя и не всегда с охотой. Привыкший к свободным туфлям, широким шароварам и рубаше, которые на самом деле затрудняли движение, турецкий солдат видел в этих плотно облегающих фигуру униформах следы чего-то «неверного» и считал такую форму неприличной.

Турецкому солдату в особенности было трудно принять смену головного убора. Потому что с этим могли быть связаны последствия религиозного характера. Высказывания пророка по поводу тюрбана сделали этот головной убор особым символом мусульманской веры. Заменяв тюрбан, Махмуд сначала ввел субару — подбитую ватином шапку с полуцилиндрическим верхом, которую носили новые войска Селима. Но в 1828 году она была заменена более практичной феской, североафриканский фетровый берет красного цвета, который на самом деле был европейского происхождения. Феска до ее принятия в качестве стандартного военного головного убора должна была быть проверена и одобрена улемами. Одобрение было дано после некоторых колебаний, является или нет феска истинно исламской, после чего пришлось принять решительные меры, чтобы заставить носить ее. Однако предложение Махмуда приписать к феске кожаные поля, тем самым защитив глаза солдат от солнца, было встречено улемой решительным отказом на том основании, что поля будут мешать им касаться лбом земли во время молитвы, как это должны делать все истинные мусульмане. Как и солдаты, гражданские лица стали носить феску вслед за указом 1828 года, определявшим и уточнявшим детали костюма, который полагалось носить чиновникам различных категорий. Средневековые одея-

и тюрбан остались «униформой» церковников из рядов улемы. Признаком принадлежности к цивильному обществу стали брюки европейского покроя, заменившие широкие, ниспадающие шаровары турецкого образца, в то время как консервативный наряд турок — в крайней мере в городах — был дополнен сюртуком и черными кожаными ботинками.

Махмуду II, решительно действовавшему в самых разных областях, после подавления янычар оставалось всего тринадцать лет жизни, чтобы заложить основы давно обещанных радикальных реформ и запустить в действие их механизм — и все равно ограничиться лишь отдельными преобразованиями. Это были трудные годы, поставившие Махмуда, человека непоколебимой воли, перед лицом новых проблем, которые требовали полной отдачи сил. То, чего султан стремился достичь, заключалось в попытке навязать Османской империи, так сказать, за одну ночь, новый порядок вместо старого, перевести своих подданных из одного, глубоко укоренившегося за века образа жизни в другой, еще неизведанный и неизвестный никому. Неизбежно люди прошлого в среде духовенства оставались непримиримыми противниками перемен, которые они уже были не в силах повернуть вспять. Тем не менее в результате преобразований в чиновничьей среде появились люди нового типа, пришедшие к более цивилизованному, западному образу жизни и начавшие работать по западным образцам внутри чуждых им и еще далеко несовершенных институтов. Им не хватало той привычной системы тесных личных связей и отношений, которая была органически присуща старой правящей иерархии. Будучи бюрократизированными гражданскими служащими с новым образом жизни и мышления, эти новые правители поначалу были более чем когда-либо далеки от образа жизни тех, кем они управляли. Более того, в качестве «государственных служащих», еще не имевших определенной общественной морали, они могли быть столь же коррумпированными, что и чиновники прежних времен.

На протяжении первой половины этого периода Махмуд был по крайней мере свободен от угрозы войны за пределами границ империи. Но эта передышка была не более чем сроком, который потребовался Мехмеду Али, его опасному вассалу, на то, чтобы вновь построить на судовой верфи флот, который он потерял в Наварино, и укрепить свою армию, офицерский корпус которой состоял преимущественно из французов. В награду за вторжение в Морю Мехмед Али был пожалован пашалыком Крита, но не Сирии, как он ожидал. К 1832 году он был готов к тому, чтобы отомстить за это нарушение султаном своего обещания, как Мехмед Али истолковал случившееся. Используя в качестве предлога личную ссору с

пашой Акры, бывшую ключом к провинции, он направил своего сына Ибрагима во главе большой армии, чтобы силой овладеть Сирией.

Овладев без проблем Газой и Иерусалимом, а затем успешно с помощью флота осадив Акру, Ибрагим предпринял поход на Алеппо и Дамаск, последовательно выиграв сражения против новых войск Махмуда, которые еще не были равноценным соперником для столь умудренного опытом врага. Ибрагим перешел через горы Тавра, чтобы захватить Конью, в самом центре Анатолии, и пошел дальше. Вскоре он достиг Бурсы и нацелился непосредственно на Стамбул, подогреваемый мечтой Мехмеда Али утвердить свой собственный суверенитет над остатками империи, которая, как он полагал, была обречена.

Тревога захлестнула столицу, когда Махмуд обратился со срочной просьбой о помощи к британскому правительству. Эта просьба была решительно поддержана Стретфордом Каннингом, британским послом, но отвергнута лордом Пальмерстоном, в тот момент склонявшимся к политике сокращения расходов на собственные вооруженные силы. Таким образом, у Махмуда не было выбора, кроме как обратиться за помощью к своим старым врагам, русским. Всегда державшие войска и транспорт наготове, они без промедления откликнулись. В самом начале 1833 года русская эскадра из Севастополя высадила вблизи входа в Босфор отряд в количестве шести тысяч человек для обороны города. Шесть недель спустя из Одессы прибыл еще один, вдвое больший отряд. Царские войска прикрыли Стамбул, расположившись на горе Гигантов в Скутари. Русские, единственные среди иностранцев, имели теперь доступ к султану. Солдаты и моряки разгуливали по улицам Стамбула. Русские офицеры были приглашены помочь в подготовке и командовании турецкими войсками. Армия Ибрагима была исполнена решимости продолжить свое продвижение к Босфору. Однако, столкнувшись с вооруженным присутствием русских, Ибрагим благоразумно решил вместо этого вступить в переговоры от имени своего отца. Тем временем британские и французские правительства с запозданием отреагировали на опасность со стороны русских.

Возглавляемое на этот раз Пальмерстоном, на султана было оказано сильное дипломатическое давление с требованием вывода русских войск в обмен на уступки Мехмеду Али и англичанам французскую гарантию предотвращения нового вторжения с его стороны. После этого султаном был издан фирман, утвердивший Мехмеда Али не только в пашалыках Египта и Крита, но и Сирии, Дамаска, Триполи, Алеппо и Аданы. Он пожизненно сохранял за собой эти пашалыки без гарантий в случае его смерти перехода к Ибрагиму или другим преемникам. В отдельном соглашении, Упкяр-Искелесийском договоре, султан обязался вступить с Россией в

Султан Махмуд II (1808—1839) в наряде императора (падишаха).
Портрет, написанный маслом, работы Ипполита Берта.

наступательно-оборонительный союз, предполагающий уход России из Стамбула, но в то же самое время предоставляющий России секретной статьёй договора право на свободный проход в любое время ее военных кораблей через проливы. Это была привилегия, по которой было отказано другим иностранным державам без согласия на то России. За Россией оставалось право, в случае, если это признавалось необходимым, высаживать русские войска на берег Босфора.

Но Махмуд не мог согласиться с уступкой мятежному вассалу столь значительной части своих владений на длительный срок. Тем более что в намерения последнего входило превратить эти владения в наследственный пашалык, фактически независимый от Турции. В 1838 году Мехмед Али сделал то, что было равносильно провозглашению независимости, — отказался в дальнейшем выплачивать Порте дань. Исполненный на этот раз решимости, сокрушив Мехмеда Али, Махмуд собрал в районе Евфрата армию для вторжения в Сирию, где значительная часть населения была очень недовольна режимом более тираническим, чем режим султана, и в 1839 году объявил Мехмеду Али войну. Он предусмотрел также посылку флота для взаимодействия на побережье Сирии с наземными войсками. Обе экспедиции закончились катастрофой. Армия султана была полностью разбита, в значительной мере из-за массового дезертирства в войсках, подкупленных на египетское золото. Судьба флота Махмуда была еще более печальной, поскольку командующий флотом оказался изменником, привел флот прямо в Александрию и сдал его Мехмеду Али.

Опасаясь повторного вмешательства России, западные державы этот раз тайно встретились, чтобы выработать план по урегулированию турецко-египетской проблемы. Франция отказалась сотрудничать, поддерживая претензии Мехмеда Али к султану, поскольку некоторые из них отвечали ее собственным интересам. Но Россия сама предпочла примирение, решила ради достижения урегулирования отказаться от своих исключительных прав на проход через Дарданеллы. Лорд Пальмерстон председательствовал на конференции в Лондоне, на которой между Британией, Россией и Австрией согласована конвенция. Согласно ее условиям Мехмед Али уведомил, что, если он выведет свои войска из Сирии и Турции со флот, он будет признан наследуемым пашой Египта пожизненным пашой Сирии. Если он откажется, флоты трех держав заблокируют Египет и Сирию.

Когда Мехмед Али отверг ультиматум, британский флот появился у берегов Сирии. В последовавших одна за другой операциях подверг обстрелу и разрушил форты Бейрута и Акры, затем высадил войска, которые с помощью арабов, восставших против жестокого

Мехмеда Али, разбили египетские оккупационные армии. Это вызвало бурное негодование французов, которые зашли настолько далеко, что стали угрожать англичанам войной. Но, как тонко считал Луи-Филипп, между угрозой войны и самой войной имеется большая разница. Британский флот под командованием адмирала сэра приплыл в Александрию, угрожая подвергнуть город бомбардировке. На это Мехмед Али, опасаясь повторения судьбы Акры, согласился начать переговоры. Он вернул флот султана и получил официальное подтверждение своего поста наследуемого в Египте, возобновив выплату дани султану и согласившись ограничить размеры своей армии. Мехмед Али ушел из Сирии, которая вместе с Критом была возвращена под прямое правление Турции.

В 1841 году в Лондоне была подписана конвенция, согласно которой державы, на этот раз включая Францию, официально признали Дарданеллы и Босфор турецкими водами, которые в любое время должны быть закрыты для прохода иностранных военных кораблей. Как ни выгодно было это соглашение для Турции, оно по-прежнему противоречило ее предыдущим преференциальным обязательствам в отношении России, принятым в 1833 году, — последствия которых обнаружили свое важное значение уже через двенадцать лет.

Но султану Махмуду не было суждено увидеть ни унизительного поражения от рук собственного паша, ни последующего, благополучного исхода. Он скончался 1 июля 1839 года. Султан Махмуд должен занимать свое место среди величайших султанов. В отличие от предшественников он не был военным лидером. Не был особенно умел и в искусстве дипломатии. Османская империя при Махмуде непрерывно сокращалась. Но внутри самой империи благодаря его способностям правителя и дару предвидения политика, планировавшего будущее, произошли изменения, которые могли империи постепенно начать выходить из состояния упадка, обживая основы жесткого, реакционного порядка с тем, чтобы можно было двинуться вперед в направлении более цивилизованного и прогрессивного общества.

Тем временем трон Махмуда наследовал его шестнадцатилетний сын Абдул-Меджид.

Если султан Абдул-Меджид и не унаследовал от своего деда Махмуда редкие деловые качества, он по крайней мере обнаружил наличие собственных добрых намерений. Будучи юным Абдул-Меджид искренне стремился следовать примеру Махмуда, оставаясь верным его начинаниям и довести дело реформирования до конца. Обладая удивительно мягкой манерой обращения, хрупкой внешностью, Абдул-Меджид приобрел славу «самого красивого из султанов». Он, тем не менее, был думающим и серьезным юношей. По словам Стретфорда Каннинга, посла Британии, который с самого начала увидел в юном султানে столь похожего на «ученика» из королевской семьи, Абдул-Меджид имел «приятную внешность, трезвость суждений, четкое понимание долга, чувство собственного достоинства без горделивости и чувство человеческого настолько редкое, если вообще когда-либо проявлявшееся лучше из его предков. Его наклонности побуждали его к проведению реформ, основываясь на умеренных и либеральных принципах. У него не было достаточно энергии, чтобы давать начало мероприятиям такого рода, но он был рад санкционировать их и способствовать внедрению». Стретфорд Каннинг установил с Абдул-Меджидом близкие личные отношения, необычные для посла и суверена, самого начала обладал высочайшей степенью влияния на проводимую им политику.

Начиная с юношеских лет сильное влияние на Абдул-Меджида, следовательно, на дела империи оказывала его мать, султанша-мать черкешенка по происхождению, женщина с характером. Не умея, как отец, действовать постоянно в одиночку, Абдул-Меджид нуждался в поддержке хороших, пользующихся доверием советчиков. Он признавался Стретфорду, «если бы он смог найти десять людей, чтобы сотрудничать, он был бы уверен в успехе». В результате султан склонился то к одному, то к другому пути под влиянием череды соперничавших друг с другом визирей. В начале правления выдающейся личностью среди них был Мустафа Ресид-паша, дипломат, необычайно тонко работающий в качестве п

орты в Париже и на других постах. В момент смерти Махмуда Ринид-паша находился со специальной миссией в Лондоне в качестве министра иностранных дел. Сразу же вернувшись в Стамбул, Решид поставил себе задачей доказать европейским державам, где вновь начали бродить идеи революции и реформ, что Османская империя сама может создать современную систему управления.

Ринид-паша подготовил реформаторский декрет, не упуская из виду мнение европейцев, который по существу был завещанием Махмуда II. 3 ноября 1839 года в павильоне Большого Серая, где использовавшегося главным кондитером для приготовления кофейной эссенции и потому известного под названием «Дом роз», декрет был в эмоциональной форме оглашен в присутствии Абдул-Миджида, перед собранием иностранных дипломатов (ранее никогда приглашавшихся на подобную церемонию) и турецких официальных лиц. Известный с тех пор как Гюльханейский хат-и-шериф*, или, «Гюльханейский священный указ», он был первым из серии подобных реформаторских документов, ставших известными под общим названием танзимата.

Самый первый из основополагающих документов такого рода для исламского мира вообще, хатти-шериф в сущности был декларацией юридических, социальных и политических прав. «Великой декларацией вольностей» для подданных империи, чьи фундаментальные принципы и следующие из них решения Султан клятвенно обязался соблюдать. В документе, четко продуманные и изложенные в лаконичной форме, содержались те планы и идеи, которые начали приобретать очертания в последние годы правления Махмуда и которые теперь должны были служить основой планируемого нового устройства османского государства. Это с отступлением назад и неизбежными неудачами, но должно было превратиться в реальность в протяжении последующих двух десятилетий. Танзимат гарантировал свободу и неприкосновенность жизни, чести и достоинства, а также собственности; регулярную систему оценки налогооблагаемого имущества и взимания налогов и отмену откупного налогообложения; в равной мере упорядоченную систему определения числа призываемых новобранцев и набора в вооруженные силы, а также установление твердого срока службы в армии; наконец, честное и беспристрастное разбирательство на основе закона, недопустимость наказаний приговора суда.

Созданные при султанах советы для обсуждения всех подобных вопросов получили квазизаконодательные полномочия и были расширены, чтобы включить министров и других видных сановников империи. Главным среди них был Высший совет юстиции, организованный и расширенный в 1840 году, которому отводилась цент-

ральная роль на весь период действия танзимата. Члены совета могли свободно излагать свое мнение, и султан связал себя обязательством одобрить принимаемые большинством голосов решения. В своих указах он должен был следовать духу и букве Гюльханейского манифеста и воздерживаться от отмены действия законов, сформулированных в соответствии с хартией. Это подразумевало ограничение абсолютной власти суверена, превращая его в исполнителя, обязанного подчиняться законам, подготовленным другими людьми, и, следовательно, ограничение прерогативы, присущей средневековой концепции самодержавной власти. Но хартия не была документом конституционной реформы, закладывающим новую систему отношений между правителем и управляемыми. Ее положения не распространялись настолько далеко, чтобы предусматривать народное представительство. Члены совета не избирались, но отбирались и назначались самим султаном, и их законотворческая деятельность зависела от окончательной воли, реализуемой посредством правовой санкции через ратификацию, в результате чего абсолютная власть суверена осталась практически нетронутой.

Наиболее радикальные и наиболее важные для западных европейцев принципы танзимата заключались в равном применении прав ко всем подданным империи, независимо от национальности и вероисповедания. Это устраняло все различия между мусульманами и христианами или другими немусульманами. Танзиматский рескрипт гарантировал независимость и свободу всем — в рамках закона — налогообложения и имущества; обучения в военных или гражданских училищах; набора в армию и работы в государственных учреждениях в любой области гражданской службы.

Декрет Гюльхане, в котором российский представитель в Константинополе усмотрел «театральный прием», вызвал удивление и острые дискуссии на Западе. В нем, как виделось в век нараставших реформ в Европе, были предзнаменования либеральной метаморфозы утасованной империи османов, хотя еще в рамках ее традиционной системы управления. Суверен-мусульманин широко открыл двери государственных учреждений для своих подданных христиан. Для Альфреда Пальмерстона это было «важнейшим политическим шагом», который оказал «огромное влияние на общественные настроения как здесь, так и во Франции». Но Меттернихом и другими, слишком хорошо осведомленными о наиболее мрачных аспектах османской сцене, поэтому скептически настроенными относительно практических перспектив реформы, все это было категорически отвергнуто как пример образцов в оформлении витрины.

В Османскую империю начался новый приток европейцев, искавших выгоды в новых возможностях и, как они надеялись, новых постоянных преимуществ. С другой стороны, немусульманин

элементы внутри самой империи, страстно желавшие любого улучшения в своем положении, были крайне осторожны в своей реакции на новую хартию. Ее усиленно расхваливаемые привилегии уравновешивались новыми обязательствами, накладываемыми на немусульман как на полноценных граждан. Они теперь становились военноподлежными, от чего до этого времени могли откупиться, уплатив подушный налог. Это ставило их перед малопривлекательной перспективой сражаться против других христиан, точно так же, как мусульмане были поставлены перед перспективой сражаться бок о бок с ними в одних рядах и, возможно, под началом офицеров-христиан. Не обладая общего чувства османского патриотизма, христиане боялись потерять свои особые привилегии, которые давали им возможность получать образование и способствовали экономическому развитию, тогда как их церковные лидеры опасались за свои собственные материальные интересы. Не веря в искренность намерений турецкого правительства, христиане все еще предпочитали искать иностранной поддержки — особенно России — в своих поисках автономии в конечном счете независимости.

Что касается большинства мусульманского населения, то оно было возмущено этой эмансипацией «неверных», которая ударила по основам их традиционного представления об абсолютном превосходстве ислама и уцербности всех остальных религий. Терпимость и широкое распространение действительно распространялись на райю, наряду с элементами свободы в отношении их общинных дел. Но они рассматривались им как особым людям. Они были низшими существами, и, ввиду их в корне отличных верований, никогда не могли рассматриваться как равный или восприниматься как таковые в юридическом или социальном плане, в таком светском обществе, какое предусматривал таузимат. Появление хартии спровоцировало теперь по всей империи всеобщее недовольство, которому в отсутствие влиятельного султана было не так-то легко противостоять.

Эти настроения достигли своего пика в 1841 году, когда Решид-паша, намеревавшийся развивать внешнюю торговлю, создал новый суд вновь возникшем министерстве торговли для слушания дел по коммерческим спорам. К тому же им была подготовлена новая торговый кодекс, за основу которого был взят французский образец, вышедший дело с такими вопросами, как партнерство, банкротство и разводные векселя. В этом юристы-мусульмане усмотрели пренебрежение к шариату. Когда Решид-паша представил кодекс Высшему совету, ему задали вопрос, соответствует ли он священному закону. Он ответил: «Священный закон не имеет никакого отношения к этим вопросам». На это представители улемы закричали: «Позор!» Кодекс был отклонен, к большому неудовольствию иностранных торговцев, и Решид-паша, уступая улему, уволил Решиду, который был отправлен обратно

в свое бывшее посольство в Париже. Проводившиеся им реформы были прерваны и подверглись пересмотру, после того как к власти вместо него пришли реакционер Риза-папа — беспринципный любовник султанши-пдовы, и великий визирь Извет Мехмед, известный своей ненавистью к иноземцам и западным идеям.

Риза, однако, в качестве сераскера, или главнокомандующего, провел столь остро необходимую реорганизацию армии, которая была призвана поддерживать империю в хорошем состоянии. Он разделил турецкую армию на два вида войск: войска активной службы — пизам, — в которых служили пять лет; и резервные войска редиф, — в которых служили в своих соответствующих округах семь лет после возвращения домой. Набор в армию проводился в форме воинской повинности; подготовка, вооружение, оснащение организации осуществлялись по европейским образцам. В результате возникла новая армия численностью в четверть миллиона человек, солдаты которой демонстрировали многое из прежнего турецкого мужества и дисциплины, а офицеры, как ожидалось, должны были повысить свою квалификацию с развитием военной мысли. Это была мусульманско-турецкая армия, в ряды которой вопреки недавнему указу, христиане фактически не набирались. Любое такое смещение приравнивалось к попытке смешать масло и воду, или, как выражался лорд Пальмерстон, было «более похоже то, как если бы захлопнуть кошку и собаку в одном ящике».

В конце концов немусульмане были освобождены от привычного поступления на военную службу с помощью уплаты налога, заменившего прежний подушевой налог. Но христиан, как и в прошлом, брали на флот. Военно-морские силы были реорганизованы доктором Ризы, британским военно-морским офицером Адольфом Слей, который набрал десять тысяч моряков, но не смог увеличить количество боевых кораблей. Создание новой армии было единственной полезной услугой Ризы своей стране на протяжении четырехлетнего периода общей несправедливости, отсутствия безопасности и реакции, когда имя Гюльхане, или «Дом роз», динично точно было превращено в Гюльхан, означающее «пыльная дыра».

Тем временем Стретфорд Каннинг узнал, что в этой коррумпированной атмосфере Риза при попустительстве министра финансов с помощью двух капиталистов христианского происхождения втянут в крупномасштабную растрату денег за счет турецкого казначейства. Считая политичным воздержаться от предупреждения юного султана об этом случае, он, тем не менее, пристально следил за Ризой, притворяясь молчаливо соглашающимся с его реакционной политикой. Между тем он без излишнего шума продолжал разрабатывать свои личные отношения с Абдул-Меджидом, признаваясь, что нашел в нем «больше доброты, чем силы», но все еще выр-

наставду, «что многое может быть достигнуто с помощью европейского влияния и примера, в достаточной мере оказываемых и направляемых образом направляемых».

Опыты и навсегда Стретфорд Каннинг, высоко принципиальный и непоколебимый в своих протестантских убеждениях, проявил себя беспримесным сторонником и защитником христиан, зачастую на деле переходившим в своих действиях за пределы конкретной политики государственного правительства. Он настойчиво протестовал, когда мюхмедийцы и молодой грек, ранее принявшие ислам, вернулись в христианство и были один за другим казнены, согласно кораническому праву за свое вероотступничество. Он в конце концов склонил султана лично «сказать свое царственное слово, что отныне христианство не должно терпеть оскорбления в его владениях и христиане не должны тем или иным образом преследоваться за их религию». Подобное заверение было распространено по провинциям империи в форме публичной декларации. Для султана это обернулось поздравительным письмом от его современницы королевы Виктории. Сам Стретфорд Каннинг, к тому времени уже снискавший у турок уважение за свое исполненное достоинства пребывание в их стране искренностью убеждений, завоевал прочный авторитет благодаря своему позитивному проявлению своего влияния. Начиная с этого времени он стал для них новообращенным. Для христиан он был папашом-падишахом. Он постыженно добился падения Ризы, который был уволен султаном в 1845 году.

К удовольствию Каннинга, Риза был заменен Ршидом, который вернулся, чтобы стать великим визирем. И политика реформ была возобновлена. Выступая с инициативой осуществления ее будущей фазы, султан заявил, что, не касаясь реформы, все предложения насчет выгод для его подданных были неправильно поняты и применены его министрами. Приписывая это общему невежеству, он декретами утвердил создание новых школ и училищ, чтобы распространять знания и ускорить внедрение в других ведомствах тех усовершенствований, которые были введены в военном министерстве. Созданная с этой целью комиссия предлагала не только разветвленную сеть начальных и средних школ, но и Османский государственный университет. Столь амбициозный проект можно было реализовать, учитывая многочисленные препятствия, только в течение длительного периода времени. Фундамент под новое училище был действительно заложен и даже отчеканена медаль с изображением законченного здания. Но из-за отсутствия средств строительство не было завершено и работы были приостановлены, когда стены здания поднялись всего на несколько футов. В области начального образования небольшое продвижение вперед было сделано только в отношении ограничения исключитель-

ных прав улемов. Однако в области среднего образования число школ медленно росло, причем на словах комиссия подчеркивала верность религии в качестве источника образования, но на деле в рамках системы светского образования стремилась вывести ее из-под юрисдикции духовенства. С течением времени выпускники этих школ должны были «снабдить» различные ответвления бюрократической кадрами чиновников из элиты нового среднего класса.

Опираясь на свой новый указ, султан пошел на смелый эксперимент в области управления провинциями, направленный против всевластия пашей и основанный на принципе консультаций с населением. Из каждой провинции он вызывал по два представителя, избранных из числа видных граждан, обладавших знанием местных условий и данными для решения государственных вопросов. Они должны были сотрудничать с его Высшим советом в качестве Ассамблеи провинциальных представителей, предлагающей свои предложения на текущие условия и потребности реформирования.

Когда этот призыв не нашел отклика, султан направил в провинции выездных комиссаров, чтобы те докладывали Высшему совету о том, как движутся реформы. При каждом губернаторе, паше, он учредил меджлис, члены которого должны были избираться из различных местных общин. Разумное по своим намерениям новшество, целью которого было создать более ответственное представительное руководство, на практике потерпело провал из-за присущей туркам тенденции одновременно придерживаться буквы и нарушать закон. Немусульмане действительно получили представительство. Но турки-мусульмане, в преобладающей своей массе реакционно настроенные, оставались в большинстве. Они могли саботажировать и игнорировать меньшинство, которое, как подразумевалось, должно было бы защищать, чинить препятствия хорошему губернатору и помогать плохому, который мог свалить вину на себя и в результате редко когда привлекался к ответственности. В целом это была система, которая не только потерпела неудачу в обуздании произвола, но, абсолютно исказившись, придала произволу фальшивую схожесть с законностью.

В двух случаях Стретфорд Каннинг, неустанно следивший за ходом реформ, официально осудил идею меджлисов в присутствии самого султана. В самом деле, иностранные консулы, статус которых благодаря танзимату повысился, теперь оказались в состоянии эффективно действовать против коррумпированных пашей, а также выступить от имени христианских меньшинств. Иногда им удавалось добиться улучшения их положения. Лично Каннинг, благодаря своему влиянию на султана, мог сказать ему о еще достигнутых: о запрете использовать турецкие суда для перевозки рабов и о гарантии того, что земельный налог будет вл

ниматься не с индивидуальных лиц, как с явными злоупотреблениями, а с глав общины, как это делалось раньше.

В области правосудия в 1847 году были созданы смешанные гражданско-уголовные суды, в которых заседали равное число турецких и европейских судей, с процедурами, исходившими больше из европейской, чем исламской практики. В 1851 году был введен в действие обновленный уголовный кодекс. За год до этого Решид уже обнародовал свой торговый кодекс, попытка введения которого десятью годами раньше привела к его первой отставке. Применяемый в коммерческих судах, кодекс определял, защищал и благоприятствовал коммерческим сделкам иностранцев — не только райатов, но и европейцев, которые в течение длительного времени вели торговлю на территории империи, но до сих пор никогда не имели возможности урегулировать свои коммерческие претензии в турецком суде. Хотя капитуляции с их правом прибегать к разбирательству в консульских судах своих стран защищали иностранцев в гражданском и уголовном смысле, они все равно еще не имели равноценной защиты в коммерческой области.

Теперь это было предоставлено иностранным купцам с помощью формирования коммерческого суда в форме смешанных судов, состоявших в равных долях из турецких и европейских членов, функцией которых было урегулирование коммерческих споров между турками и европейцами. Обнародованный в 1850 году торговый кодекс представлял собой первое официальное признание в Турции — так это уже произошло в ряде других мусульманских государств — правовой системы, независимой от улемы, которая имела дело с вопросами, выходящими за пределы священного закона. Кодекс означал собой выдающийся шаг вперед в деле распространения в последнее десятилетие нового экономического либерализма, более широкое открытие ворот турецкой экономики для Запада в рамках более свободных и тесных торговых связей.

Незадолго до провозглашения танзимата это обрело форму новой англо-турецкой торговой конвенции. Основанная на принципах свободы торговли с фиксированием через регулярные промежутки времени экспортных и импортных тарифов и на отказе от практики уступлений, она должна была принести выгоду как британским, так и турецким купцам. Англо-турецкая торговая конвенция знаменует появление Британии в ущерб Франции в качестве ведущей торговой нации в ближневосточных водах. Но условия торгового кодекса, предусматривающие полный пересмотр и модернизацию ранее существовавшей коммерческой системы, позволили участвовать ей и другим европейским державам, что немедленно привело к пересмотру торговых соглашений с французами и голландцами.

Иностранные коммерсанты были таким образом освобождены мешавших им пут. Торговля заметно возросла, открыв новую экономическую роста и процветания торговли. Территории империи стали приобретать большее значение в качестве рынков сбыта продукции европейской промышленности и в качестве источников экспортной продукции сельского хозяйства и другого сырья. Турция переживала период создания торговых компаний, банков, страховых компаний и других подобного рода институтов современной экономики. За счет ремесленников, уходивших из старых средневековых городов и деревень, в которых традиционные ремесла и отрасли промышленности приходили в упадок, общей миграции новых и расширяющихся городов росло городское население. В течение жизни одного поколения главные города страны увеличились в три, а иногда и четыре раза, включая в свой состав значительные прослойки европейского и азиатского населения. Стремившиеся вытеснить турецких предпринимателей, тем самым увеличивая разрыв между немусульманами и мусульманами. Такие были плоды свободного экономического проникновения европейцев.

Турки-мусульмане становились скорее управляющими, солдатами, земледельцами, но не торговцами, бизнесменами и финансистами. Полная казна и твердая валюта были чуждыми, неизвестными значительному числу султанов, чей механизм управления государством в результате делался бесполезным, а обслуживавшие его аппараты коррумпированными. Их привычкой было покрывать очередной дефицит обесценением денег. Во время правления Махмуда II форма турецкой монеты часто менялась, а ее курс настолько упал, что породил хроническую инфляцию, наносящую огромный ущерб укладу жизни и отсюда честности чиновников, получавших твердые оклады. В 1840 году султан Абдул-Меджид издал указ о создании Османского банка, устроенного по европейскому образцу, с гарантированным субсидированием со стороны правительства. За этим последовало введение бумажных денег в форме долгосрочных казначейских обязательств с колеблющимся размером процентов. В 1844 году совместно с новым банком правительство ввело новую систему мер для защиты денежного обращения. Старые металлические деньги были изъяты и вместо них отчеканены новые, европейского образца, с обеспечением в виде золотого фунта. Это некоторое время стабилизировало ситуацию.

Но в капиталистическом контексте девятнадцатого столетия управление финансами оказалось не по силам любому из турецких правительств. Начиная с 1858 года одно за другим отныне большие полагались на иностранные займы, попадая в зависимость, которая вела их к финансовому краху. Тем, кто в империи получал выгоду от банковского дела и промышленного развития

или не турки-мусульмане. И ими больше не были немусульманские меньшинства, проживающие здесь греки, армяне и евреи, те, кто в протяжении столь долгого времени накапливал богатства в качестве посредников. Теперь это были европейские капиталистические предприятия, которые пришли, чтобы господствовать в турецкой экономике. Столь тесные финансовые отношения позволяли послам европейских держав серьезно влиять на политический климат в Османской империи.

С середины XIX века реформа начинает утрачивать свой критичный характер. Влияние Стретфорда Каннинга при всех его успехах не смогло привести к реформе тюрем, улучшению дорожного сообщения, подавлению коррупции, улучшению финансового положения империи. Не смог он при всем внимании к проблемам религии преуспеть и в достижении хоть сколько-нибудь одинаковой степени равенства между христианами и мусульманами. Его благородные намерения породили больше уступок на словах, чем на деле. Религиозная-то страстный реформатор, терял уверенность в моральной силе и падал духом, обескураженный силой реакционной части общества. Он погряз в долгах и втянулся в коррупцию. Сам султан, отказавшись от реформы, стал проявлять все большую апатию к государственным делам, занимаясь исключительно испытанием терпения «Великого Эли» (посла Каннинга) своими учтивыми отговорками и пассивной тактикой проволочек.

Все более уходящий в жизнь гарема, этот султан поразил английского путешественника и исследователя Чарльза Макферлейна своими способностями производить потомство. «Ему не было и двадцати, а этот щедеушный юнец уже являлся отцом восьми детей, которых ему родили разные женщины из имперского гарема за срок многим более трех лет». Позднее Макферлейн делает краткую запись в своем дневнике: «Ранним утром мы были разбужены радостным салютом. У султана появился еще один сын. Только в прошлой неделе у него родилась еще одна дочь!»

Не обращавший внимания на дефициты казначейства и злоешие предупреждения Стретфорда Каннинга относительно надвигающегося финансового кризиса, султан, которому наскучил старый Сераль, начал свою экстравагантность возведением современного огромного мраморного дворца Долмабахче на европейском побережье Босфора к северу от бухты Золотой Рог. Это стоило ему целого имения. Построенный в европейском стиле неоренессанса, дворец начался изысканным орнаментом в стиле рококо, поражал мраморными залами, сверкавшими позолотой, хрусталем, гилсом и порфиром; комнатами, расписанными французскими и итальянскими художниками; гранитным залом, украшенным крупнейшими в мире зеркалами. Постель султана в его спальне была изготовлена из чистого серебра.

Начиная с этого времени Долмабахче заменил старый Серай в качестве постоянной резиденции всех будущих султанов, отделен от места пребывания правительства. Здесь Абдул-Меджид устраивал приемы европейского типа, отличавшиеся показной роскошью и богатством. Будучи наделенным изысканным музыкальным вкусом, он содержал турецкий оркестр, обученный немецкими и итальянскими мастерами, который был способен исполнять лучшие современные произведения, сменившие более примитивную военную музыку в шлово. Султан приглашал также европейских артистов, танцовщиц балета и других исполнителей, построив примыкавший ко дворцу театр, где они давали свои представления. Тем временем финансы империи стремительно таяли, угрожая породить хаос.

Пришло время, когда «Великий Элич» стал все больше тяготеть к провалу тех надежд, которые вначале связывались им с юными реформами. Он понял, что фатальной слабостью и султана, и великого визиря была нерешительность. Пальмерстон равно как и другие европейские дипломаты, опасаясь, что империя была обречена на падение из-за робости, слабости и нерешительности ее суверена и его министров, Он посоветовал своему послу больше не настаивать на радикальных реформах. Значит, как отметил Каннинг, «большая игра в улучшение Турции полностью закончена и... мне невозможно скрывать, главная цель моего пребывания здесь исчерпала себя».

Решив действительно потерпеть неудачу в своей основной задаче реформирования. Не полностью, конечно, из-за собственной слабости, но из-за неспособности турецкого общественного мнения идти в ногу с реформами, а также из-за отсутствия прослойки общества, привыкшей к светскому образованию, которая могла бы поддерживать реформы. Ибо даже некоторые из этих радикальных сил, противостоявшие реакции, опасались слишком решительных действий при внедрении западных идей в цивилизацию, по-прежнему фундаментально основанную на своих воззрениях. Они прекрасно понимали, что слишком активная попытка, подобная попытке Стретфорда Каннинга, унизит религиозные и расовые различия, могла бы обернуться невыгодой для турок, ничего при этом не давая христианам.

В результате Стретфорд Каннинг ушел в отставку со своего поста и вернулся в Англию летом 1852 года. Он чувствовал, что добился не очень многого, но накануне своего отъезда был заверен в обратном пото выражений благодарности за его труды от армян-протестантов, греческих и американских миссионеров и торговых кругов Стамбула и Смирны. Он ожидал, что «пожалуй, никогда больше не вернется». Однако не прошло и года, как резкий поворот событий вернул его назад, теперь уже уже с титулом лорда Стретфорда Редклиффа. Десятилетие мира, на протяжении которого он «правил», теперь резко оборвалось, поскольку Османская империя вновь пошла на серьезное столкновение с Россией.

Русский царь Николай I, автократ в своем правлении и безжалостный в достижении своих целей, как любой восточный potentat, с самого начала своего царствования рассчитывал на неизбежающееся падение Османской империи и оказывал на влиятельные державы постоянное дипломатическое давление с целью ее окончательного расчленения. Во время официального визита в Лондон в 1844 году он впервые затронул «предмет», но встретил лишь категоричный отказ обсуждать подобного рода тему. Теперь, в 1853 году в Санкт-Петербурге, царь вновь вернулся к данной теме в серии формальных, но имевших историческое значение бесед с сэром Джеймсом Сеймуром, послом Британии.

Касаясь состояния дезорганизации, в котором пребывала Османская империя как государство и ее возможного падения, русский царь считал важным, чтобы Англия и Россия пришли к взаимопониманию в отношении Турции и чтобы ни одна из стран не предпринимала каких-либо решительных шагов, о которых другая страна не была бы информирована. Николай I закончил словами: «В наших руках лежит больной человек. Этот человек серьезно болен. Было бы серьезной неудачей, если в один из этих дней он упадет из наших рук, особенно до того, как будут завершены все необходимые приготовления».

В своем ответе Сеймур высказал предположение, что в таком случае нужен врач, а не хирург: с больным следует бережно обращаться, чтобы помочь ему поправиться. Канцлер царя Нессельроде согласился, что рассчитывать на продолжительную жизнь больного сомнительно. Но она, однако, должна быть продлена как можно дольше. Это была точка зрения, которую разделял премьер-министр Британии лорд Абердин.

Несколькими днями позже русский царь коснулся этой темы еще определенно и более подробно, заверяя посла, что он больше поддерживает «мечты и планы» императрицы Екатерины с ее стремлениями в отношении Константинополя, поскольку его страна только велика и «столь благополучно расположена», что никакой

новой территории не требуется. Нечего теперь опасаться и с стороны турок. С другой стороны, он озабочен положением нескольких миллионов христиан империи, защита которых, возложенная на него договором, остается долгом, который он обязан выполнять. Если империя падет, она никогда больше не поднимется и было бы наверняка лучше заранее предвидеть неожиданности, чем подвергаться опасностям хаоса и вероятности европейской войны, которая может сопровождать подобную катастрофу.

Обращаясь к послу «как к другу и джентльмену», царь Николай I откровенно говорил о будущем Константинополя, который он не мог уступить Англии. Что касалось его лично, он добавил: «Я в равной мере готов обещать не утверждать себя там в качестве владельца. Но я не говорю, что я не мог бы стать его временным владельцем. Французская экспедиция в Турцию, например, могла бы привести к переходу через ее границы русских войск. В последующей беседе царь коснулся дунайских княжеств Валахии и Молдавии в качестве будущих независимых государств под его протекторатом. Аналогичный протекторат мог бы быть установлен для Сербии и Болгарии. Что касается Египта, а также острова Крита, то он не стал бы возражать против их оккупации Британией. На это Сеймур заметил, что виды Британии на Египет не идут дальше необходимости иметь «безопасную и подготовленную транспортную артерию между Британской Индией и метрополией».

В ответ на этот зондаж секретарь по иностранным делам лорд Джон Рассел напомнил в качестве прецедента начала восемнадцатого столетия, договор об испанском наследстве между Англией и Францией, заранее поделивших империю, правитель которой был «бездетен, слаб телом и умом и прямо на глазах сходил в могилу». Турецкий «больной», с другой стороны, может долго умирать... может оставаться в живых двадцать, пятьдесят или еще сто лет. Поэтому турецкие провинции в отличие от испанских не могут быть разделены заранее. Если о существовании любого такого секретного соглашения, какое предусматривает царь, станет известно, это «выстрелит и отдавит султана... и подтолкнет всех его врагов к усилению насилия и к более труднопреодолимым конфликтам». По поводу Константинополя лорд Джон выразил опасение относительно юрисдикции любого русского владения городом, намекая, что оно может обернуться аннексией. От имени Англии он дал обязательство, что его страна «отказалась от любых намерений или желания владеть Константинополем».

Таким, изложенным твердо, но вскользь, было отношение Британии к Турции и России в связи с так называемым «восточным вопросом», как все это стало огыне именоваться. Когда после этого лорд Кларендон сменил лорда Джона на посту секретаря

иностранным делам, тот в оптимистических тонах повторил мнение своего последнем сообщении сэру Гамильтону Сеймуру: «Турция не только лишь требовала выдержки со стороны союзников и решимости настаивать на их требованиях в манере, унижительной для суверенитета и независимости султана — той дружеской поддержки, которую, говоря, какой среди государств, как и среди отдельных личностей, слабые имеют право ожидать от сильных — ради того, чтобы не только продлить их существование, но и устранить всякие причины для тревоги, касающиеся ее расчленения».

Послу было ясно, что царь, заявляя о наличии общих интересов с Англией, стремился добиться дружбы Англии, чтобы изолировать Францию. Французы были определенно его явными врагами в спорах с Портой, которые достигли высшей точки, в особенности в вопросе о покровительстве святым местам в Палестине и в вопросе о защите христиан в Османской империи.

В этом между царем Николаем I и императором Наполеоном III возник конфликт, в котором обе стороны выступали как покровители и защитники христиан в Османской империи. Этот конфликт был по своей сути дипломатическим, но в нем были скрыты религиозные мотивы и в котором ни одна из великих держав не могла легко прийти к компромиссу. Более того, в данном конфликте война становилась неизбежным риском. Освященные места, святыни Иерусалима и Вифлеема и вся Земля под ними и вокруг них, по которой ступал Христос, вдохновляли христианское рыцарство крестоносцев, и с течением времени стали центром паломничества из каждого уголка христианского мира. Хозяевами этих мест сейчас были турки, сами перенявшие традиции паломничества и со своими собственными святынями Мекки и Медины. Поэтому они с уважением относились к христианским святыням и монастырям, более того, они считали из паломничества солидный ежегодный доход. Турецкие власти несли ответственность за распределение между соперничающими христианскими церквями части этого дохода и осуществляли контроль за его использованием. Это распределение стало причиной постоянной борьбы.

В 1740 году Франция с помощью своего договора о капитуляциях получила от султана документ, подтверждающий и расширяющий привилегии католической церкви в Палестине. Но по мере усиления религиозного рвения французов и роста российской императорской власти эти привилегии были узурпированы греческой православной церковью. Ее последователи были в любом случае более фанатичны, чем католики-латиняне, к практике паломничества, и ее интересы имели твердую поддержку русских, постоянно добивавшихся преимуществ за счет французов.

В Вифлееме к концу восемнадцатого столетия католические монахи сетовали на то, что место рождения Спасителя находилось под властью греков на протяжении последних сорока—пятидесяти лет. Благодаря фирману, который исключал латинян. Греческое влияние устойчиво росло в течение XIX века, сопровождаясь существенными приобретениями собственности в святых местах за счет латинян, развитием сети благотворительных учреждений и школ, подчинением патриарху православной церкви. Благодаря давлению русских избрание было перенесено из Константинополя в Иерусалим, самым покровителем с давнейшей веками зависимостью. В Палестину потоком пошла финансовая помощь русского правительства. То же самое делал бесконечный поток паломников, совершавших трудные путешествия из самых отдаленных уголков России в Европу и Азию. Их золото стало главным источником богатства для храма Пророка Господня. Вместе с другими святыми местами Вифлеема, Гефсиманским садом — Святая Земля стала для русского народа источником несущего радость религиозного опыта. Для их же правителей был удобный канал политического влияния.

Лишь с середины века французы решили всерьез восстановить свои привилегии в Палестине, полученные тогда, когда русские были еще слабы, и которые французы опрометчиво позволили себе растерять, когда русские стали сильными. Теперь Франция наконец-то предпринимала шаг к изменению сложившегося статус-кво. В 1850 году принц Луи-Наполеон, французский президент, претендовавший на то, что стать императором, и нуждавшийся в политической поддержке со стороны католической партии, дал своему послу указание потребовать от Порты строгого соблюдения гарантий католической церкви, как это было предусмотрено договором 1740 года. Это повлекло бы за собой аннулирование конфликтующих гарантий, данных с тех пор фирманами греческой церкви. Требование тем самым предвещало конфликт со скрытыми угрозами вооруженного вмешательства между Россией и Турцией — именно в этом месте, где, как выразился британский секретарь по иностранным делам, «силы небесные провозгласили миру и добрую волю в отношении людей».

В более простом практическом смысле спор кипел вокруг вопроса, должны ли католические монахи для того, чтобы проходить через церковь в Вифлееме в их пещеру, получить ключ от ее главного входа вместе с одним ключом от каждой из двух дверей, ведущих непосредственно в ясли; должны ли они получить право на то, что поместить в церкви рождения Христова серебряную звезду с гербом Франции, которая в действительности была выломана из скалы внутри ясель и украдена греками во время последней стычки; наконец, должны ли они сохранить в Гефсиманском саду свое право на «чашу и светильник у могилы Богородицы».

Таковы были вопросы, которые теперь привели в замешательство османских дипломатов и от которых могли зависеть война или мир. Был ли ключ просто ключом-символом или же это был инструмент того, чтобы открывать или закрывать двери? Дипломатичный ответ на вопрос, как казалось, заключался в том, что этот ключ, хотя и действительно и был настоящим ключом, был дьявольским инструментом в том смысле, что цель, для которой он предназначался, заключалась не в том, чтобы держать греков за дверь, а чтобы позволить латинянам войти в нее.

После длительного периода уклончивых ответов Порты русский, антирусски настроенный великий визирь сделал символическую уступку грекам и существенные уступки французам. Эти уступки включали торжественную замену серебряной звезды, присланной из Франции, а затем вручение католическому патриарху новых ключей к святыне. Ключи были вручены на Рождество, во время публичной церемонии официальной передачи, подразумевая, что верховенство перешло от одной церкви к другой. Таково было финальное крушение планов греков и русских.

Случившееся привело к резкому обострению дипломатического конфликта между двумя великими державами. В конце 1852 года царь Николай, высокомерно отказавшись признать Наполеона III, недавно провозгласившего себя императором, мобилизовал два армейских корпуса на Дунае, в Бессарабии, готовые, если необходимо, перейти турецкую границу. В то же самое время он привел в готовность свой флот в Севастополе. Затем в феврале 1853 года он принял в Порту чрезвычайного и полномочного посла с «примирительной» миссией в лице князя Меншикова. Надменный генерал, известный своим презрением к туркам и не любовью ко всему османскому, он был грубым, задиристым человеком, привнесшим в дипломатию грубую тактику поля боя.

Прибыв на военном корабле с угрожающим названием «Громовержец», предшествуемый и сопровождаемый большой свитой военных и командующим черноморским флотом, Меншиков вскоре понял, что он прибыл сюда не убеждать, а принуждать турок к духе «вездешной угрозы». Его миссия вышла далеко за рамки простого урегулирования религиозного спора, предназначенного решить права греков в святых местах путем подтверждения османского фирмана. Она расширилась до требования, исключительно политического по своему характеру и основанного на интерпретации Кючук-Кайнарджийского договора, издать второй фирман, который гарантировал бы России протекторат над всеми православными подданными Османской империи. Это должно было быть облечено в форму конвенции, имеющей силу договора,

между Россией и Портой, что могло бы приравняться секретному оборонительному союзу.

На эту угрозу иностранной державы ее внутренней независимости доведенной до нее в «смешении объятий и пистолетных выстрелов» Порта отреагировала с тревогой и страхом. Реакцией Франции было направить флот, но не в Босфор, а к Саламису в Эгейском море. Позиция Британии была более сдержанной. Она отвергла требование своего поверенного в делах о посылке флота с Мальтой. Вместо этого Британия вновь направила лорда Стретфорда Редклифа послом в Ближневосточную Порта.

Ранним чудесным утром в апреле 1853 года, когда дымка окутывала высшие купола и минареты, можно было видеть, как по Мраморному морю скользил военный корабль, и султан и его министры «знали, кем был тот, кто находился на борту». К полудню (как Александр Уильям Кинглейк описывал это событие) «во внешнем мире не было заметно никаких изменений. И в то же время все изменилось. Лорд Стретфорд Редклифф вновь вошел во дворец британского посольства. Это событие вслило чувство безопасности вместе с благоговейным страхом». Князь Меншиков встретился теперь с грозным соперником.

Стретфорд сразу же проявил себя искусным тактиком, разделив два требования, о которых шла речь: спор по поводу святых мест и замаскированное предложение о протекторате. Первое было практически урегулировано во время Рождества путем превращения требований католической церкви в признанные привилегии. Тем не менее оставалось только разобраться с несколькими спорными положениями, важными для чувства достоинства проигравших.

Действуя в качестве посредника между двумя спорящими сторонами, «Великий Эли» деликатно обошелся с надменным князем, разоружив его неожиданным почтительным обращением и готовностью признать справедливость претензий русских на святые места. В отношении «французского чувства достоинства» лорд Стретфорд продемонстрировал аналогичное уважение, убеждая своего французского коллегу придерживаться политики умеренности ввиду того, что будут затронуты международные вопросы.

Наконец, несогласованным остался только вопрос о том, католиком или православным следует брать на себя бремя и расходы на ремонт храмов и, в частности, купола храма Гроба Господня. Католики решительно оспаривали у православных право делать это, и только тогда, когда турки вмешались в спор и заявили, что возмездие дело на себя от имени султана, греки согласились на компромисс, согласно которому это будет делаться под наблюдением греческого патриарха. Всего лишь за семнадцать дней с момента приезда

Безликого Элича» был, таким образом, разрешен трудный дипломатический спор, который досаждал державам почти целых три года.

Но князю Меншикову еще предстояло достичь своей главной дипломатической цели. Он не терял времени в изложении туркам своего категорического требования о дополнительной конвенции. Под именем обеспечения православной религии и ее духовенству их конституционных прав и иммунитета это фактически подразумевало установление постоянного российского протектората над православными греками. Ибо было дано ясно понять, что это право должно распространяться не только на священников, но и на мирян, то есть население, составлявшее порядка двенадцати миллионов православных раи. Французы — на что ссылались как на прецедент — действительно имели права на покровительство священникам, принадлежавшим к римско-католической церкви, и над католиками-французами. Но они никогда не претендовали на то, чтобы распространять свое покровительство на католиков в целом, число которых в любом случае никогда не выражалось в миллионах, а лишь в тысячах. Требования Меншикова насчет покровительства были поэтому очевидно политического, а не религиозного характера.

Целью России было господство в Константинополе. Поскольку главная цель требовала «гарантий на будущее», их вступление в силу, как писал об этом Стретфорд, могло «в конечном счете оказаться решающим для независимости Порты». Конвенция с ее последствиями «секретного союза» была несовместима с «желанием поддерживать единство и независимость Османской империи в качестве обеспечения мира в Европе». Признавая этот факт как обязательный, Россия в 1840 году подписала с Англией, Австрией и Пруссией соглашение, а уже в 1841 году сама вместе с Францией торжественно обещала не нарушать суверенных прав султана.

Князь Меншиков, хорошо зная не терпящую возражений натуру султана, избрал грубую, диктаторскую тактику, чтобы убедить Порту пойти на принятие требований своего «августейшего монарха». Он изложил их в вызывающем тоне ультиматума, отводя на ответ крайне сжатые сроки, угрожая разрывом дипломатических отношений и отъездом своего посольства в случае задержки или неприятия. Но со стороны турецких министров вновь был вернувшийся Элич. Бодрый, пользующийся доверием советник оказал турецкому правительству помощь, посоветовав занять позицию, сочетающую в себе неуступчивую сдержанность с твердой защитой «суверенного достоинства и независимости» султана. Он стремился пробудить в них дух гражданского, а не военного сопротивления даже в случае оккупации ионийских княжеств.

Тем временем при встрече с султаном в приватной обстановке Элич рассекретил директивы, отданные им командующему британским

военно-морским флотом в Средиземном море держать флот в состоянии готовности, но использовать его только в случае такой «непосредственной опасности», как прямая угроза Константинополю. В то же самое время царь Николай I негодовал по поводу «дьявольской диктатуры этого Редклиффа», в чьем имени политическом влиянии в Порте персонифицировался для него все «восточный вопрос».

После обмена русской и турецкой нотами князь Меншиков проигнорировал великого визиря и тем самым спровоцировал бы внутренний переворот, после которого визирю полагалось уйти в отставку. Он называл неуверенному в себе султану новый кабинет министров, который служил бы его собственным целям, с Репидом на челе, которого он представлял себе человеком с прорусскими симпатиями, в роли министра иностранных дел. На аудиенции у султана Меншиков в угрожающей манере настаивал на необходимости прямого союза между Турцией и Россией, независимо от европейских держав. Он покинул султана, уверенный в успехе.

Теперь Репид был обязан ответить на последнюю, угрожающую ноту князя. Его старый союзник лорд Стретфорд помог ему подготовить уклончивый ответ с просьбой подождать еще несколько дней. Ответ был вручен князю, который вплоть до этого времени рассчитывал на Репида как на послушного слугу. Князь неохотно отказался рассмотреть ответ Репида и прервал отношения, пока ему не будут принесены извинения, еще раз злоебно сославшись на возможность непредсказуемых последствий в случае, если Порта не достигнет согласия. Он отложил свой отъезд еще на три дня. Тем временем собрался на заседание вновь сформированный Высший совет султана, чтобы обсудить сложившуюся чрезвычайную ситуацию. И там из сорока пяти членов проголосовали за договор с Россией.

На следующий день Репид изложил Меншикову предложение, которое он в деталях согласовал со Стретфордом. Предложение предусматривало конвенцию, в которой фактически делались уступки всем требованиям России в отношении святых мест. Но турецкое правительство твердо отвергало любую форму протектората со стороны православными греками — подданными Османской империи. Такое «возникающее в силу договора обязательство», которое затрагивало бы независимость султана. Князь, введенный, таким образом, в заблуждение его новым «союзником» Репидом, потерпев поражение от своего старого противника Стретфорда, официально разорвал отношения, прекратил работу своей миссии, отбыл раз и навсегда со всем дипломатическим штатом на корабль, который тут же развел пары, чтобы возвестить о немедленном отплытии. Но еще на протяжении четырех дней надежде на капитуляцию в последнюю минуту он продолжал

ставаться на месте. «Пелегко, — писал с иронией Стретфорд, — гадаться почему».

Лорд Стретфорд срочно созвал совещание представителей других европейских держав — Австрии, Франции и Пруссии, — тем самым поставив «восточный вопрос» на надежную основу совместного европейского решения. Когда было достигнуто единодушное согласие насчет необходимости противостоять чрезмерным требованиям России, австрийский поверенный в делах посетил князя Меншикова с совместной нотой, стремящейся предотвратить разрыв между двумя державами. Меншиков подготовил измененную формулировку и отдельного соглашения с Портой, принятие которого могло бы побудить его отложить отъезд. Хотя и произошел отказ от ратификации и от договора в пользу дипломатической ноты, она отличалась от них только формой, но не по существу, оставаясь идентичной предыдущим предложениям князя.

Султан, самолюбие которого и так уже было задето, возвысил свой голос, чтобы объявить требования русских «недопустимыми». Князь отказался изменить их и наконец-то в середине дня 1 мая 1853 года отплыл вверх по Босфору, в Черное море. В то самое время царский герб с его имперским орлом был снят с дверей здания русской дипломатической миссии. Высадившись в Адессе, князь был обязан депешей доложить своему «августейшему монарху» о провале своей миссии. Вину за это крушение планов миссии он возложил, по словам Кинглейка, «на дьявольское искусство этого антихриста, в высокомерной английской манере, которому небеса позволили третировать царя и его церковь».

Фактически миру был положен конец, но еще не было и начала войны. Русские войска, не встречая сопротивления, форсировали Дунай, чтобы оккупировать дунайские княжества Молдавии и Валахии, над которыми царь уже требовал установить определенную форму протектората. Боевые корабли Британии вместе с небольшой французской эскадрой двинулись к входу в Дарданеллы, но не вошли в проливы как закрытые для других стран по договору 1841 года. Главный британский флот вел, таким образом, наблюдение за сильной русской сухопутной армией. По соответствующая роль каждой из сторон сводилась в данный момент к мерам предосторожности. Обе стороны предпринимали демонстрацию силы, целью которой была безопасность, а не военная акция. Русские все еще надеялись переизменить турок к некоторым уступкам, хотя бы ради спасения престижа царя. Англичане, сдерживая свой флот, все еще держались на мирное разрешение в «концерте» четырех держав.

Главные шаги, предпринимавшиеся в ходе этого дипломатического танго, состояли из двух частей. Первым, последовавшим за неожиданным отклонением угрожающей ноты из Санкт-Петербурга, в

которой повторялись те же требования русской стороны, была не со стороны Порты, которую сфабриковал лорд Стретфорд и перед совету четырех держав в Вене для вручения Санкт-Петербургу. Вводя в заблуждение своим названием — «Турецкий ультиматум», она препровождала копии фирманов, только что дарованных султаном его религиозным меньшинствам, в которых подтверждалось бессрочное действие всех привилегий, предоставленных греческой церкви, содержались в форме обязательства их гарантии, чему свидетельствовали четыре других державы.

Но нота не была передана русскому царю. В Вене ее удалось перехватить по приказу представителей четырех собравшихся держав, которые отклонили ее в пользу собственной «Венской ноты». При этом в ходе подготовки ноты с лордом Стретфордом не советовались.

Подготовка этой ноты была осуществлена по ходатайству Австрии, заинтересованной «соседки» княжеств, в которые вошли русские войска. Нота была принята царем и не принята султаном. «Турецкий ультиматум» был засвидетельствован и гарантирован четырьмя державами только как шаг в сторону России, предпринятый турецкой стороной по собственной инициативе. «Венская нота» предусматривала гарантии со стороны самой России и Франции, предварительное согласие требовалось на любое изменение Порт-Ультиматума. В этом, как понимали это в Турции и англичане Стретфорд, заключалось откровенное указание на неравенство между Турцией и Россией. Условия подчеркивали зависимость Турции как и в прошлом, оставляли дверь открытой для вмешательства русских в отношения между султаном и его христианскими подданными. В результате Высший совет султана, который согласился на «Турецкий ультиматум», теперь единогласно отверг «Венскую ноту».

В том, что нота была отвергнута, британское правительство обвинило Стретфорда, причем дело дошло чуть ли не до расследования требования об его отставке. Тем временем общий баланс теперь неизбежно сместился в сторону войны. В сентябре в Стамбуле вспыхнули беспорядки и прошли демонстрации. Шейх-уль-ислам, поощряемый военным министром, дал согласие на то, чтобы вывесить в одной из мечетей прокламацию, требовавшую объявить России войну, в то время как несколько сотен ультиматумов поддержанные большой толпой студентов, изучавших богословие, составили манифест, который призывал султана и его совет начать в качестве религиозного долга «священную войну». Министры в тревоге обратились к послам иностранных государств помочь поддержать общественный порядок.

С самого начала Франция, поскольку император Наполеон стремился решить свои внутренние проблемы с помощью внешних

антюр, заняла в отношении «восточного вопроса» воинственную позицию. Теперь, все еще продолжая эту политику, посол Франции Порта выражал озабоченность безопасностью иностранных резидентов, настаивая на согласии Стретфорда подтянуть к городу англо-французский флот. В этом его поддерживал австрийский коллега. Стретфорд, отвергая требования как того, так и другого, отказался уступить конвенцию о проливах 1841 года и провести по этим проливам корабли. Ибо он знал, что это могло привести к войне. Формулировки конвенции допускали исключения в виде курсирования между флотом и столицей других судов. Он в результате достиг согласия на прибытие четырех пароходов — двух английских и двух французских, — которые присоединились бы к тем судам, которые уже находились в Золотом Роге. Их прибытие произвело подавляющий эффект: революционный подъем сразу утих, и виновные стороны были высланы.

Но мирному решению Эли не суждено было возобладать. Прежде чем новости об этом достигли Лондона, в середине сентября поступило известие об отказе царя принять поправки, предложенные французами к «Венской ноте». Одновременно секретарь по иностранным делам лорд Кларендон получил информацию о собственной интерпретации ноты российским канцлером Нессельроде, сведения о которой распространились в германскую прессу. Касаясь привилегий греческой церкви, Нессельроде заявил, что согласно положениям ноты турки обязаны не только сохранять в неприкосновенности ее иммунитет, но и привлечь во внимание активную озабоченность России положением христианского населения в Турции. Это откровение раз и навсегда сорвало маску миролюбивости агрессивных намерений России в отношении Османской империи, которые британское правительство осознавало с самого начала. Кларендон осудил это заявление как насильственное. Хотя он признал то, что Стретфорд понимал с самого начала, а именно, что турки были правы, когда отвергли «Венскую ноту». Британская пресса резко выступила против царя и потребовала принять строгие меры. Британское и французское правительства отказались от «Венской ноты», осудив Россию. Произошла резкая смена британской политики, которая теперь от состояния равновесия перешла к войне.

Посол Наполеона в Лондоне усилил давление французской дипломатии полными трескотней сообщениями о мятежах в Стамбуле и заявил, что его правительство считает «настоятельно необходимым» немедленно отдать приказ флотам. Не дожидаясь отчета Стретфорда о положении дел, британское правительство отдало ему приказ, по его собственным словам, «перейти Рубикон». Премьер-министр Абердин усмотрительно подчеркнул протекционистский характер своего решения и отверг наличие каких-либо враждебных намерений в

отношении России. Но позже Кларендон подчеркнул, что решение было принято «не по требованию французского императора (которое до этого было дважды отвергнуто), но потому, что из-за действий России дальнейший шаг сделался неизбежным». У него почти не оставалось иллюзий относительно сохранения в дальнейшем мирных отношений.

Единственной остававшейся надеждой на мир, прежде чем появились флоты, была надежда на согласительную конференцию между австрийским и русским императорами в Ольмюце. Царь был настроен более примирительно, очевидно озабоченный нависшей угрозой войны и готовый в последний момент сделать уступки в пользу мира. Они заключались в новом предложении, включавшем заверения со стороны царя, что долг защиты христиан должен оставаться за султаном. Даже император французов одобрительно отнесся к тому, чтобы принять эту инициативу. Однако недоверие Британии к намерениям русских к этому времени зашло настолько далеко, что теперь его было нелегко рассеять. Поэтому Стретфорд было дано окончательное категорическое распоряжение ввести в действие флот. Это отражало сильные антирусские настроения общественности в Англии.

В Порте настроения против России также усиливались. Партия войны была на подъеме, и султан не нашел в себе достаточно сил, чтобы ей противостоять. Он обратился к своим министрам воинственной речью и, опоясавшись мечом пророка, созвал заседание Высшего совета. После исполненного фанатизма заседания состоялся единодушный вердикт: «Объявление войны было признано неизбежным». Это было подтверждено султаном, шейх-уль-ислам издал требующуюся по случаю фетву. И 4 октября 1853 года России была официально объявлена война, в тот самый день, когда Стретфорд получил инструкции вызвать флот. Опасаясь, что прибытие флота подожмет масла в огонь воинственных настроений, все еще пытаясь если и не предотвратить войну, то хотя бы оттянуть ее начало, он напечатал средство отсрочить начало акции еще на две недели. Но наступил момент, когда инструкции из Парижа в адрес его французского коллеги не позволили ему продлить отсрочку. В результате 20 октября, в годовщину сражения при Наваринно, он отдал необходимый приказ британскому адмиралу. Англо-французские эскадры под развевающимися флагами направились вверх по Дарданеллам в сторону Золотого Рога.

День спустя после их прибытия турецкие вооруженные силы форсировали Дунай под командованием генерала Омера-паши, который двумя неделями раньше уже предъявлял противостоявшему русскому командующему ультиматум с требованием вывести войска из дунайских княжеств. Турецкие войска вначале быстро одержали

шту за другой четыре победы, прежде чем зима положила конец военным действиям. Царь отдал приказ расположенному в Севастополе русскому флоту быть готовым к выступлению. Такова была подготовительная фаза Крымской войны, основными участниками которой стали Российская и Османская империи.

Несмотря на то что ситуация все больше осложнялась, четыре европейские державы по-прежнему искали мирного выхода и лорд Грейвуд Редклифф продолжал работать на дело мира. Принимая во внимание декларацию царя о том, что Россия будет действовать в оборону и «ожидать нападения турок», он предотвратил отправку провокационным курсированием вдоль черноморских берегов ядра турецких кораблей, во время которого те надеялись «войти в толкновение с эскадрой противника». С другой стороны, ни английский, ни французский адмиралы не препятствовали отправке турецкой флотилии в турецкий порт Синоп, настаивая лишь на том, чтобы цели ее пребывания там были миролюбивыми, а не агрессивными. В это время русский флот из Севастополя уже начал демонстрировать свою силу в центре Черного моря. Сам Севастополь находился всего лишь в сотне миль от Синопа, форты которого были не в состоянии противостоять превосходящей силе.

Войдя в Синопскую бухту, командующий турецкой флотилией направил в Стамбул сообщение о том, что неподалеку от порта курсируют шесть русских кораблей, и потребовал подкреплений. Из-за нежелательности и нерешительности союзнических советов Англии и Франции — дипломатического и военно-морских сил — посылку подкреплений не разрешили. Турки, хотя у них не было ни одного линейного корабля и вследствие этого неспособные к успешному противостоянию, отказались сдаться и на самом деле первыми произвели выстрел. В последовавшей ожесточенной бомбардировке все их корабли, кроме одного, были потоплены и около трех тысяч турок перебиты.

Эта «синопская бойня», как атака русских на вражескую эскадру, была, по сути дела, законным актом войны, последовавшим за турецким наземным наступлением за Дунаем. Она была отмечена в Санкт-Петербурге сопровождаемым музыкой театральным представлением «Синопский бой» и изобилием увеселений и иллюминаций. В Лондоне в ней увидели насильственное и кровавое зверство, породившее страстный взрыв военных настроений против России. Император французов настаивал на военном вмешательстве. Заявив, что Черное море должно быть очищено от русского флота, он настаивал, чтобы объединенный английский и французский флот полностью господствовал в его водах. Неизбежный момент, когда действие должно было занять место дипломатии, в самом деле наступил. В самом начале 1854 года, вслед за

предупредительной депешей Кларендона, объединенный флот по приказу из Лондона вошел в Черное море.

Английские послы все еще заверяли русских, что это была демонстрация, а не акт войны. Царь некоторое время выжидал, ускорив свои приготовления к войне и направив делегата в Вену контрпредложениями по возможному мирному урегулированию. Предложения были единогласно отвергнуты четырьмя державами. В середине февраля, отозвав своих дипломатических представителей из Лондона и Парижа, царь приказал, чтобы сэру Гамильтону Сейму и его французскому коллеге были вручены их паспорта. Одновременно он получил из Англии и Франции, менее активно поддерживаемых Австрией и Пруссией, ультимативные требования вывести свои войска из дунайских княжеств. Если этого не будет сделано, будет рассматриваться как объявление войны. Царь оставил ноты без ответа.

27 февраля император Франции объявил Сенату о состоявшейся войне с Россией, будучи движимым не духом завоеваний, как в прошлом, но солидарный с Британией в том, что необходим «сопротивляться опасным посягательствам». Одновременно в послании королевы Виктории, «чувствующей себя обязанной оказать активную поддержку султану», парламенту было объявлено о прекращении переговоров с Россией, и на следующий день последовало объявление войны. Двумя неделями позже войну объявил и Царь, призвав сражаться «не за блага этого мира», но за «святыни» за православную веру, против которой англичане и французы объединились с врагами христианства.

Русские войска переправились через Нижний Дунай, вторгнувшись в Турцию, которую Англия и Франция по новому договору взяли на себя обязательство защищать. Они подписали также англо-французский договор, направленный на освобождение владений султана и безопасность в Европе. Этот договор, по выражению Кинглейка, должен был стать «могучим мотором» Крымской войны. Так, благодаря чрезмерным амбициям царя и грубым методам личной дипломатии, Россия обнаружила себя в состоянии войны, союзников, против объединенных стран Европы и Османской империи.

Весной 1854 года крупная русская армия переправилась через Дунай на турецкую территорию и приступила к осаде ключевой крепости Силистрии. Тем временем экспедиционный корпус Великобритании и Франции, поддержанный их флотами, сосредоточился в Варне, в Болгарии, наиболее важном порту европейской части Турции на Черном море, господствовавшем над путями, ведущими на Балканы. Неколебимое сопротивление турок вторжению русских стало репительным доказательством надежности

ции турецкого модернизированного вооружения. Хотя они все же уступали западным стандартам в своей организации и испытывали удручающую нехватку квалифицированного командного состава, войска турок вели себя в бою с возрожденным чувством уверенности и собственного достоинства. Их боеспособность в сражениях с русскими вновь подняла в них дух, достойный святых воинов веры далекого прошлого.

Гарнизон Силистрии стойко выдерживал осаду, которая велась, несмотря на потери. Когда комендант крепости был убит, оставшимся в живых турецким командирам пришли на помощь два молодых британских офицера. Добровольцы, ранее служившие в индийской армии, они поддерживали свободолюбивый дух турецких солдат. Они активно организовали работы по обороне, противодействуя подкопам русских саперов, отражая атаки с тяжелыми потерями для нападающих и вызывая восхищение вновь прибывшего английского офицера «холодным безразличием турок к опасности». Забыв все мысли о капитуляции, молодые офицеры заключили пари относительно даты, когда Силистрия будет освобождена.

Омер-паша, пополняя и укрепляя турецкие армии в Шумле, слишком осторожничал, чтобы пойти на вырубку Силистрии и в итоге вынудить осаждающих крепость русских принять бой на открытой местности. Союзные войска, испытывая нехватку транспортных средств, еще не были готовы к операции по деблокированию крепости, хотя они могли слышать из своего лагеря непрерывный шум ее орудий. Но однажды утром в конце июня, после канонады, продолжавшей всю ночь, наступила внезапная, полная тишина. Они думали, что Силистрия пала. Но все вышло иначе. Русские после пяти недель артобстрела сняли осаду. Дорога для вторжения царя в владения султана в Европе была, таким образом, перекрыта.

Тем временем выше по течению Дуная, из Рудука на правом берегу Дуная напротив Гюртсво, расположенном на левом берегу реки, большое подразделение турок противостояло такому же большому подразделению русских. В данное время противники, казалось, искали столкновения. Но группа молодых британских офицеров изменила положение. В количестве всего семи человек они прибыли, предложив свои услуги, в лагерь турецкого командира Хасана-паши. В начале июля на противоположном берегу Дуная командир русского отряда снял лагерь, отведя большую часть своих войск. Хасан-паша отдал приказ произвести разведку. Генерал Кэннон, офицер индийской армии, служивший у турок под именем Берам-паша, форсировал реку с турецким батальоном. Не встретив сопротивления, турки начали закрепляться на противоположном берегу. Внезапно из земляного укрепления появилась отряд русских, чтобы атаковать их, но был отброшен, понеся большие потери. Один

из молодых офицеров-англичан с группой стрелков задержал противника до того, пока через реку не переправились подкрепления и десант основательно окопался.

Тем временем выше по течению реки, другой, более крупный десант с пятью британскими офицерами форсировал реку отдельными группами и продолжил, несмотря на потери от артобстрела и русских атак, вести сражение вдоль берега реки. Десант наладил связь с первым отрядом, который тем временем получил подкрепление, так что теперь общая численность турецкого отряда, переправившегося через Дунай, достигла примерно пяти тысяч человек. В течение нескольких дней, не встречая сопротивления, они расширяли и укрепляли плацдарм. Затем на высотах появился русский генерал князь Горчаков со значительным по размерам войсковым соединением, высвободившимся после прекращения осады Силистрии, и занял позиции с целью сбросить турок в Дунай на следующий день. Ближе к ночи совершенно неожиданно снизу подошла флотия брандеров и вскоре встала на якорь в заливе между двумя армиями. Пока Горчаков колебался, возможно, переоценивая силу своего морского отряда, англичане и турки навели через Дунай понтонный мост из лодок и в результате поставили его перед перспективой столкновения со всеми силами турок, сосредоточенными в Руце.

Это обстоятельство вынудило русского генерала отдать приказ об отступлении всей армии к Бухаресту, и в руках турок осталось нижнее течение Дуная. Весь следующий месяц русские солдаты переправлялись в обратном направлении, через Прут. Угроза войны со стороны австрийцев, недавно подписавших соглашение с Портой, заставила русских эвакуировать свои армии и администрации княжеств Молдавии и Валахии. Вместо них в княжества вошла австрийская оккупационная армия, преградив путь любому возможному вторжению русских в Европу.

Цель первого британского ультиматума была, таким образом, достигнута. Одна скоротечная бесславная кампания принесла поражение царской армии и привела к быстрому провалу планов царя в отношении турецких владений в Европе. Унижение его гордости и удар по его престижу было тем труднее вынести, что они были нанесены не европейскими армиями, но благодаря доблестным и возрожденным боевым качествам давно презираемых турецких солдат, которым помогали несколько английских офицеров.

Для Османской империи война сыграла свою главную оборонительную роль. Все цели турок, связанные с изгнанием русских с турецкой территории и с успешным отражением любой угрозы,

жения русских на Балканы, были достигнуты. Султан и его
ния добились в Европе триумфа. Какие еще действия против
ени требовались? Со стороны Турции фактически никаких. Что
ается западных держав, цели которых были также достигнуты,
вершенно определенно наступил момент для подписания почетного
ра. Для России, столкнувшейся на суше с объединившейся — как
ко случалось в истории — Европой, а на море — с
посходящими военно-морскими силами Британии и Франции,
лось, не было никакой альтернативы.

Но император Наполеон нуждался в войне как средстве
единения своей, цовой династии, тогда как британцы жаждали
ключений из патриотических побуждений. Их взгляды были
щены к Севастополю, который царь Николай I за последние
одать пять лет превратил в могучую крепость с бесчисленными, по
рству неприступными, арсеналами и фортификациями. I Предназ
нный для окончательной и сокрушительной атаки расположенного
о бухте российского флота на Османскую империю, Севастополь
ташное время являл собой явный вызов имперским целям
тании. В результате британский кабинет министров, уступая
нению народных масс и отбросив профессиональную осторож
но, отдал главнокомандующему лорду Раглану распоряжение «осу
шить согласованные меры по осаде Севастополя». Без особого
ания лорд Раглан выполнил это распоряжение, в чем его
держал, также не без внутреннего сопротивления, французский
покомандующий Сент-Арно. В итоге объединенные армии
шли из Варны на восток, чтобы занять, не встретив сопротив
ления, русский порт Евпаторию, к северу от крепости. Дунайская война
ла выиграна. Теперь начиналась Крымская война.

Это была война, которую против России вели Британия и
ранция, а Турции, которая дала повод для нее и могла бы в итоге
ыиграть от нее, была отведена лишь незначительная военная роль.
месте с британской и французской армиями примерно в шестьдесят
ть тысяч человек высадился один-единственный турецкий дивизи
и. Для командовавшего турками лорда Лукана эти люди были не
мне чем башибузуками, не имевшими единой униформы, чьи боевы
чества, несмотря на их последние успехи и подтвержденную
пность подчиняться командованию союзников, и он не торопился
нить их по достоинству. В консервативной манере английских
инных он высокомерно смотрел на всех турок как на бандитов.
Отчасти ведшаяся как война ради войны, но в долгосрочной
спективе как новый акт в борьбе за власть между Россией и
индом, Крымская кампания была первой в истории войн, которую
множество освещали корреспонденты газет. Поэтому на предстоящий
взоры всех англичан был обращен драматическую сагу

осады Севастополя с предшествовавшими ей сражениями на Алупке под Балаклавой и Инкерманом и завершающими штурмами полуострова укрепления и Малахова кургана. Все происходило в поисках героических масштабов, с играющими оркестрами и развевающими знаменами, в пределах этого маленького компактного полуострова, окруженной суши военно-морской базой, охраняющей водные входы в царскую Российскую Империю. Патриотизм нарастал мере того, как простой люд все больше проникался героическим происхождением, склоня головы перед его трагедиями, приходил в слезы из-за путаницы и слепоты неспособного договариваться англичан и французского командования. Сердца наполнялись гордостью, когда гремели орудия и легкая пехотная бригада бросалась в атаку. Дошли смерти; трепетали от ужаса при агонии людей и животных во время жестокой и тяжелой зимы, сопровождавшейся вспышкой эпидемии чумы; начинали биться спокойнее при милосердном появлении сиделки, когда она стремилась унять взмахи крыльев ангела смерти в палатах госпиталя в Скутари.

Турецкий отряд, руководимый некомпетентными офицерами, предположительно перешедшими со стороны противника, принял участие в обороне Балаклавы. В самом начале следующего года в Евпаторию было направлено еще одно подразделение, где под командованием Омсра-паши турецкие солдаты мужественно сражались, защищая земляные укрепления. Они отбили присоединившиеся русские и тем самым нанесли последнее унижение роду Николаю I. Он скончался двумя неделями позже, и ему наследовал его сын Александр II, который вскоре был готов пойти на мирные переговоры. Тем временем на восточных границах Малой Азии турецкие войска под командованием британских офицеров стойко обороняли крепость Карс, которая пала перед русскими только из-за голода, ставшего результатом небрежного отношения турецких властей к вопросам снабжения.

Только на следующей стадии войны союзники решили направить в Крым турецкие войска численностью примерно в двадцать тысяч человек под командованием британских офицеров. По их приказу пришлось воевать, так как в сентябре 1855 года французы окончательно овладели Малаховым курганом, что привело к падению Севастополя и окончанию крымской кампании — к неудовольствию англичан, которые надеялись продолжить борьбу, но к удовлетворению французов, цели которых были достигнуты, и удовлетворению императора Наполеона III.

Результатом окончания Крымской войны явилось подписание в марте 1856 года Парижского договора. Договор и дополняющая его конвенция разрешали взаимное восстановление прав на территории России в Азии и союзниками — в Европе. Договор

дусматривал территориальных изменений сверх того, что русский возвратил Молдавию Южную Бессарабию и дельту Дуная, оккупированные в 1812 году. Тем временем оба дунайских княжества были изъяты из-под исключительного протектората России и переданы под совместное покровительство великих держав с признанием суверенитета султана. Жители княжеств получили право независимую национальную администрацию, свободу вероисповедания и коммерции и право на создание своих собственных вооружен-

сти положения договора открыли путь свободе судоходства по Дунаю, соблюдение условий которого было поручено международной комиссии. Равным образом было нейтрализовано Черное море, его бухты и порты стали открыты для всех торговых судов, но закрыты для военных кораблей, причем размещение военно-морских арсеналов на берегах Черного моря запрещалось. Проливы Босфора и Дарданеллы вновь были закрыты для военных кораблей путем утверждения конвенции 1841 года.

По общему согласию договор обязал все христианские державы уважать независимость и территориальную целостность Османской империи с помощью механизма посредничества и, если необходимо, вооруженной интервенции. На деле в длительной перспективе, предвидя победа союзников по Крымской войне ее огромную стоимость в виде человеческих жизней и финансовых затрат или же в соответствии с Парижским договором, подписанный западными державами и Россией, по крайней мере на два следующих десятилетия приглушил факты, присутствующие «восточному вопросу». Этот вопрос стал постепенно приобретать другой оттенок. В то же время внутри Османской империи султаном был предпринят новый шаг к наиболее полной защите подданных-христиан, спорный статус которых в первую очередь послужил причиной войны.

На протяжении всего этого интервала между окончанием Крымской войны и подписанием Парижского договора Лорд Стретфорд упорно работал с Портой над новой «Хартией реформ для Османской империи». В начале 1856 года она была провозглашена в имперском рескрипте, хатт-и-гумакине. Целью разработки хартии была демонстрация многочисленных начинаний империи, давало право ей как цивилизованному государству рассчитывать на уважение Запада. Хартия подтверждала принципы и расширяла сферу действия реформ танзимата, чтобы завершить эту турецкую «Великую хартию вольностей» девятнадцатого столетия.

В более конкретных, чем раньше, формулировках «Хартия реформ для Османской империи» подчеркивала свободный равный статус всех османских подданных, независимо от религии, национальности или языка в отношении таких вопросов, как налогообложение, образование, правосудие, владение собственностью, право занимать государственные должности, иметь выборную администрацию и «равное поощрение добропорядочного гражданства, предубеждения сословного или возретенческого характера». Дополнительно она предусматривала конкретные меры реформирования финансовой и денежной систем страны; позитивные меры поощрения торговли и сельского хозяйства, строительство дорог и каналов. Она венчала собой карьеру лорда Стретфорда-реформатора, давая высокую оценку его трудам по возрождению Османской империи — тем более что это было достигнуто при лицом широко распространенной враждебности со стороны мусульман и безразличия европейцев.

Но его оптимизму была суждена недолгая жизнь. Чудом произошло. Хартия действительно была включена в статьи Парижского договора. Это подразумевало признание (договором) «намерений султана в отношении христианского населения его империи». Но все это сводилось к нулю буквально следующей фразой: отказом предусмотреть меры для реализации этого положения. державы отказались от «вмешательства коллективно или индиви-

но в отношении султана с его подданными или во внутреннее унижение империей».

Данная оговорка была широко воспринята как предательство или Франции, стремившейся к миру, и к умиротворению России. Частности, любой ценой. В этом, с точки зрения Стретфорда, мог заключаться смертельный удар по реформе в империи. Предоставляя самой себе, без иностранного нажима, будь то со стороны Франции или Франции, или совместного усилия союзных держав, права «уступить своей прирожденной лени и оставит фирму о реформе... безжизненной бумагой, ценной только как изложение чужих принципов».

Отсюда его замечание по поводу подписания Парижского договора: «Я скорее отрубил бы себе правую руку, чем подписал этот договор». Союзнические державы пребывали в конфликте с начала переговоров, словно во время последней стадии войны; повысившие требования французов и их возобновившееся влияние по Порту, как видел Стретфорд, могли вполне работать против всех высоких стремлений, которым он посвятил свою карьеру в Турции.

О Стретфорде было бы справедливо сказать, что он сблизил Восток и Запад и их образцы жизни больше, чем можно было предположить в первые десятилетия девятнадцатого столетия. Миссия лорда Стретфорда вскоре должна была закончиться. Прежде чем это свершилось, он исполнил церемонию с историческими, если одновременно и не с ироническими последствиями. От имени своего императора, королевы Виктории, лорд Стретфорд торжественно вручил султану Абдул-Меджиду орден рыцаря Подвязки. С голубой лентой ордена Георга вокруг шеи, он был формально обязан, будучи мусульманином, следовать примеру мученика и воина Христа. Великий Эмчи покинул навсегда Турцию в октябре 1858 года и был назначен на посту посла сэром Генри Булвером, который считал, что Стретфорд при всем его стремлении сделать как можно больше, «все же осознавал, что его действия способны вызвать противодействие, что от всех его достижений в дальнейшем могут отказаться».

По мере развития событий не внутренняя реформа, а проблема султана стала отныне и навсегда занимать все внимание правителей Османской империи и обусловила ее отношения с Западом. Турция, фирматоры которой никогда не блистали как финансисты, медленно, но верно погружалась в состояние неплатежеспособности. Постоянно возрастало превышение импорта над экспортом и столь же постоянно — неспособность развивать внутренние производительные ресурсы. Имперская казна была практически пуста, выплаты жалования военным превратились в задолженность, стоимость жизни росла, и бедствующее население становилось все более враждебным как в отношении реформаторов, так и по отношению к

иностранцам. Чтобы оплатить стоимость Крымской войны, Порта заняла значительные суммы у своих британских и французских союзников. Теперь, два десятилетия спустя после войны и в отсутствие умелого управления национальной экономикой, коварная привычка брать в долг в Европе «укоренилась» в виде сотен миллионов фунтов стерлингов все нарастающего и нарастающего национального долга. Этот долг складывался из накопления неслучайных займов и текущей задолженности по не имеющим покрытия долговым обязательствам при высоких комиссионных и взятках напам, способствовавшим прохождению дел.

Султан Абдул-Меджид скончался в 1861 году в возрасте тридцати восьми лет. Будучи умеренным, гуманным правителем, симпатизировавшим к Западу и добрыми либеральными намерениями, он не обладал необходимыми решимостью и энергией, чтобы воплотить их в жизнь. Неактивный по натуре, склонный к потаканию собственным желаниям, безответственный в смысле расходов, становился все более слабым как реформатор, не удовлетворявший своих мусульманских, ни своих христианских подданных, не умеющий поддерживать большинство прогрессивных мер танзимата своего отца.

Ему наследовал его брат Абдул-Азиз. Пребывая в достаточно хороших отношениях с Абдул-Меджидом, он еще при жизни активно занимался политическими интригами вместе с сильными реакциями. Абдул-Азиз был красивым, физически развитым и крепким здоровьем султаном, но человеком малообразованным, непостоянным и взрывным характером. В начале своего правления, следуя примеру двух своих предшественников, он объявил о реформистских намерениях, предпринял попытку установить контроль над расходами двора и наладить надлежащее использование ресурсов государства. Но вскоре султан Абдул-Азиз отложил подвиги начинания. Во дворце, отправив на пенсию бесчисленных любимцев своего покойного брата, он превзошел его в экстравагантности, со своим собственным гарем, настолько большой, что потребовалось тысячи свнухов. В проводимой политике он ставил своим мастерам палки в колеса во всех их реформистских планах, тем самым устраивая реакционеров, в то время как иностранные державы вначале слишком усердствовали в своем неуважении к Парижскому договору в том плане, что они воздерживались от индивидуального давления на Порту. Они лишь вмешались в 1867 году, когда французское правительство при поддержке Британии и Австрии направило ноту, содержавшую призыв к более активной политике реформы. Вызвавшая резко отрицательное отношение и противодействие султана, нота приветствовалась двумя его прогрессивными министрами — Али и Фуад-пашой, которые, несмотря на их

ган в последующие три года реорганизовать Высший совет и придать ряд новшеств в области правосудия и просвещения.

Но уже стало зарождаться совершенно иное движение реформ. Оно брало свое начало не от тех, кто правит, а от тех, кем правят, и делало при этом основной упор не только на социальные, но и на конституционные изменения. Махмуд Реформатор на старте XIX века был султаном патерналистского толка, охранявшим интересы и выступавшим во благо своего народа в духе благодетельного патернализма. С самого начала Махмуд был приверженцем парадоксальной идеи, заключающейся в том, что он сможет добиться успеха, провозглашая взятую на себя обязательство осуществить либерализацию лишь посредством терпеливого устранения всех тех препятствий на пути абсолютной власти султана, которые в последние века уменьшали ее. В результате султан присвоил себе власть даже более демократичную, чем та, которой располагали его более ранние предшественники. Применение на практике своих безграничных полномочий привело султана, обладающего сильной волей и решительным характером, по меньшей мере к начальной стадии прогресса. Махмуд II попытался устранить некоторые из врожденных несовместимостей между вестернизированным обществом и «встроенными» традиционными традициями мусульманства.

Но продолжение начатой им работы зависело от наличия в той мере волевого преемника, а таким человеком при всех его агрессивных намерениях Абдул-Меджид явно не был. Его отец, стремясь искоренению всех альтернативных его суверенности источников власти, оставил после себя потенциальный вакуум, причем вакуум, который никто, кроме него самого или равного ему суверена, не мог бы заполнить. Поскольку реформы таиизмата приняли неопределенные очертания, пустота, имевшаяся вместо необходимой функциональной структуры, становилась слишком очевидной. Чтобы таиизм можно было эффективно применить к правам и интересам вассальных султана, процесс реформ не мог зависеть ни от каких конкретных, ответственных за управление промежуточных институтов. И даже, какие могли бы предложить улема и различные источники власти в провинции. Весь механизм консультаций и гарантий на этом уровне, касающихся таиизмата, зависел от исключительного авторитета указов султана, на содержание которых нередко оказывали влияние безответственные министры.

Фактически, если не по сути, Абдул-Меджид осуществлял авторитарное правление, которое его отец Махмуд завещал ему. К концу этого промежуточного периода растущая власть неограниченной монархии достигла своего пика в правление султана Абдул-Меджида. Реакционер по своим взглядам, не ограниченный какими-либо либеральными принципами, он правил как абсолютный деспот с

помощью строго централизованного правительства и тесно сплоченной бюрократии, послушных его упрямой воле. Так, во второй половине XIX века османский режим от ответственной власти перешел к безответственной автократии.

Это породило резкую ответную реакцию на происходящую трансформацию реформы, более основательную, думанной и рассчитанной на будущее. Эта фаза реформы основывалась на конституционных принципах демократии. Махмуд II, а за ним Абдул-Меджид, стремились достичь просвещенности прогресса в рамках существующей системы посредством вестернизации в таких областях, как наука, законодательство, просвещение государственного механизма. Но теперь среди элиты, которую султан ввел в администрацию, имелась молодая, принадлежащая к среднему классу интеллигенция, обладавшая знанием иностранных языков, зарубежными идеями, имевшая опыт жизни на Западе, которая не рассматривала проблему реформ идеологически, в свете политических решений. Ибо Запад у них на глазах претворял принципы либеральной демократии в практику конституционного и парламентского правления. Поскольку правление Абдул-Азиза продолжалось, целью стало ни в коем случае не воплощать в жизнь реформу ограниченной вестернизации, составляющую танзимат, но идти дальше и находить в западном контексте фундаментальные способы средства ограничения автократической власти османского государства.

В поиске идеала свободы через национализм, к которому европейские народы активно стремились после революционного 1848 года, в Турции пребывала оппозиционная группа, сложившаяся из молодых турок, большей части получивших светское образование, из тех, кто решительно настроен идти в новом направлении. Их девизом была «Свобода» («Хурриет»), тогда как девизом танзимата была «Справедливость» («Адалет»), и они вышли за прежние рамки реформ, следуя по пути, который мог привести к революции. Для молодых реформаторов было создание в Турции конституционного правительства. Отстаивая западные либеральные концепции, касавшиеся этого вопроса, они все же стремились синтезировать все лучшее, что было в идеях и традициях ислама.

Со своими индивидуалистскими идеями они в идеологическом плане оставались постоянно расколотыми в отношении формы, которой должны были реализоваться их цели. Но в 1865 году небольшая предпринимательская группа образовала на историческом пикнике в Белградском лесу, что лежит вверх по Босфору к Стамбулу, «Патриотический альянс», который фактически стал первой политической партией в истории Турции. Они известны как «новые османы» и вскоре насчитывали в своих

около 250 сторонников. Тайное общество, организационно повторяя опыт итальянских карбонариев и польских конфедератов, члены которого действовали в ряде не связанных друг с другом польских групп, по сути дела, сформировало то, что являлось революционным комитетом. Новые реформаторы не были политиками, навязывавшими изменения, заимствованные извне, но интеллектуалами, требовавшими изменений снизу. Они осуществляли свою деятельность с помощью книг и, сверх всего, с помощью такого искусства, как журналистика. Ибо одним из результатов Крымской войны стало широкое распространение и рост влияния турецкой прессы.

Двое из «новых османов» были протекже Решид-паши, скончавшись в 1858 году. Один из них, Ибрагим Шинаси, бывший студентом в Париже во время революции 1848 года, редактировал в Стамбуле влиятельную газету и одновременно выступал как поэт и драматург. Вторым был Зия-паша, который служил в личном штате султана, а затем занимал другие невысокие посты. В 1867 году он удалился в добровольное изгнание, живя поочередно в Париже, Лондоне и Женеве, где стал искренним сторонником конституционной формы правления и созыва султаном национальной ассамблеи османов, с постоянным совершенствованием полномочий парламента.

Более молодым и более стойким в своих либеральных убеждениях был Намык Кемаль. Будучи по происхождению выходцем из рядов высшего турецкого чиновничества, он работал политическим журналистом и эссеистом, выступая в роли апостола двух близких принципов, свободы и отечества. Его идея основывалась на уважении политических прав граждан в сочетании со свободой и самоуправлением, подчиненным исключительно закону. В числе его революционных, революционных идей был суверенитет народа, идея о том, что властные полномочия правительства должны быть получены единым от тех, кем оно управляет. Это затрагивало принцип результатов — то, благодаря чему «законодательная власть изыскана у правительства».

Как истинный мусульманин, Намык Кемаль не жалел труда, чтобы включить в своей программе новые принципы управления с принципами ислама, ища прецеденты в прошлом ислама, ухитряясь найти в Коране оправдание принцип консультативного и представительного правительства и стремясь показать, что некая форма принципа практиковалась в Османской империи еще до дней, когда появилось реформаторское движение, хотя это было трудно подтвердить статьями в мусульманском праве и теологии. Нынешнее реформаторское движение апеллировало к новому, образованному поколению, отдающему предпочтение западным нововведениям и не

удовлетворенному традиционным исламом. Поскольку это предлагало форму представительного правительства, которая в ис-
крайне редко распространена, Намык Кемаль использовал либер-
ную парламентскую конституцию Англии, предпочтя ее француз-
скую, которую при Наполеоне III он нашел слишком авторитар-
ной. Лондон же с его «неукротимой силой общественного мнения про-
власти» виделся ему, что касалось политического устройства, «м-
льбо мира».

Весь опыт как в Лондоне, так и в Париже был почер-
пнут Намыком Кемалем во время изгнания. Его покровителем и
влиятельным союзником «новых османов», богатым и амбици-
озным египетским принцем Мустафой Фазилем. Он был наслед-
ником правящей в Египте династии до тех пор, пока его брат Исмаил-паша,
который был старше Мустафы на сорок дней, не получил от сул-
тана титул хедива с изменением в египетском законе о наследовании
пользу его собственного сына. Стремлением Фазила было про-
вести не в качестве хедива Египта, то тогда в качестве пре-
мьера министра конституционной Турецкой империи. Из Парижа
прислал султану открытое письмо на французском языке, де-
лательно критикующее состояние империи и в заключение требующее кон-
ституции. Этот документ был переведен на турецкий Намыком Кемалем
с его коллегами и распространен через газету, редактором которо-
й к этому времени стал.

Реакция правительства на эту публикацию была весьма ос-
тудительной. В данном случае имело место нарушение недавно принятого за-
кона о печати, заложившего основы строгого регламентирования дей-
ствия газет и предусматривавшего создание комитета по на-
дзору, чтобы обеспечить за нарушения преследование газет в полице-
ских судах. Кемаль и Зия-паша, будучи государственными чиновни-
ками, были в результате переведены в провинцию. Но вместо этого
приглашения принца Фазила, они тайно бежали в Париж, где
свел их с французскими политическими и официальными кру-
гами, разрешая им использовать свой дом в качестве штаб-квартиры
«новых османов». Здесь вместе с редактором другой оппозицион-
ной газеты Али Суави, который бежал из ссылки в Анатолию,
издавали, используя шрифты, приобретенные в Стамбуле, газету
на турецком языке, называвшуюся «Хурриет» («Свобода»).

Летом 1867 года султан Абдул-Азиз нанес государственный
визит сначала в Париж, а затем в Лондон. Он был не
суверенным османом, совершившим выезд за границы своей империи,
не считая случаев, когда это делалось во главе армии. По веж-
ливой просьбе французского правительства, подсказанной послом Ту-
рции, Намык Кемаль и его группа отбыли в Лондон, где принц Фазил
взял на себя расходы, связанные с их деятельностью, на неск-

т вперед. Когда султан прибыл в Лондон, они смешались с толпой
прямая официальная феерверк-представления в Кристал-Палас,
их красные фески привлекли внимание султана. На вопрос о том,
они такие, он получил лаконичный ответ своего министра
иностранных дел: «Они — оплотнения Вашему Высочеству».

После визита в Вену Намык Кемаль, который в это время
учил право и экономику и занимался переводом работ французских
писателей на турецкий язык, вернулся в Турцию в конце 1870 года.
Здесь он написал патристическую драму под названием «Батан»
(«Отечество»), которая была сыграна в Стамбуле перед восторжен-
ной аудиторией и с немалым энтузиазмом восхвалялась на
страницах влиятельной газеты «Ибрет», редактором которой стал
Кемаль. Живописная героическая оборона Силистрии во время
русско-турецкой войны, пьеса развивала тему лояльности, проявляемую не
отношении султана или исламского общества, но в отношении
своей знакомой концепции «нации». Комментарии прессы по этому
случаю были, по официальному мнению, равносильны призыву к бунту.
После демонстративной последней редакционной статьи газета была
закрыта, а сам Намык Кемаль выслан под надзор полиции на Кипр.
Здесь он вынужден был находиться в течение трех лет.

Тем временем в 1871 году умер Али-паша, последний из
великих государственных деятелей эпохи танзимата, партнер
Мехмеда, Фуад-паша, скончался двумя годами раньше. Только Али-
паша из всех его визирей был в состоянии оказывать некоторое
оказывающее воздействие на султана Абдул-Азиза, который в
конце с его кончиной заметил, что он стал «наконец-то свободным
человеком». Он действительно был свободен утверждать свою
ограниченную власть, подминая власть Порты, чтобы проводить
свой курс на исламскую реакцию, антиевропейский шовинизм и
абсолютизм с его преимуществами необузданных финансово-
расходов. Благодаря поражению Наполеона III во франко-
турецкой войне и ставшего его результатом падению престижа
Порты, Абдул-Азиз вскоре освободил себя и от сдерживающего
действия французского либерализма. Реформы танзимата и после-
дующая хартия теперь оказались утратившими свое значение, тем самым
подтверждая мрачные предсказания лорда Стредфорда Редклиффа.
С 1871 года Османская империя прочно утвердилась в
роли ведущей к глубинам реакции и ставящей страну на грань
финансовой катастрофы.

В образовавшемся политическом вакууме центр власти опять
переместился от Порты ко дворцу, поскольку султан объявил о
намерении править подобно русскому царю, когда каждый из его
министров ответствен не перед великим визирем, а только лишь перед
ним. В качестве великого визиря он для начала назначил

честолюбивого и беспринципного Махмуда Недима, заметив о нем, что тот является первым из министров, кто делает именно то, что хочет он, султан. Недим вскоре усилил царивший административный хаос, отправляя в ссылку бывших министров и держа чиновников в состоянии «непрерывной сменяемости», поскольку он массами увольнял их или перебрасывал с места на место, исходя из твердого убеждения, что никто не должен оспаривать его собственное влияние или подрывать абсолютное личное правление его хозяина, султана.

Сняв Недима с его поста в 1872 году, Абдул-Азиз назначил одного за другим шестерых великих визирей на протяжении трех лет, обращаясь с ними как с номинальными фигурами, требуя от них полного подчинения собственной воле и отказываясь консультироваться с ними по поводу назначения других министров. Первым наиболее выдающимся из них был Мидхат-паша, надежная опора конституционной реформы, который предрек смещение Недима. Своим служением Порте он поднялся до уровня незаурядного провинциального администратора, обеспечивая тем провинциям, которыми он управлял в условиях реформированной административной системы, такую степень безопасности и благополучия, которой они обладали на протяжении длительного периода времени. Но Мидхат достаточно скоро проявил себя как слишком сильный и независимый человек, и в условиях многочисленных и сложных интриг во дворец его личности продержался на этом посту всего-навсего три месяца. В результате великим визирем вновь стал Недим.

Прихоти султана стали настолько изощренными, что все предположения о наличии у него мегаломании и порождали сомнение относительно его умственного и эмоционального состояния. Становился все более деспотичным, настаивая, чтобы министры падали перед ним ниц и целовали ноги его сына, требуя, чтобы каждый чиновник, пославший, как и он, имя Азиз, подписывался на официальных документах другим именем; играл в солдатики живыми людьми, которым он приказывал устраивать потешные бои; поедал огромное количество яиц; был настолько поглощен своими любимыми боевыми петухами, что надевал ордена и украшения на тех из них, кто побеждал, и отправлял в ссылку тех, кто проиграл.

По возвращении из турне по столицам Европы Абдул-Азиз царским размахом решил превзойти увиденную там роскошь, которая произвела на него весьма сильное впечатление. Платя гостеприимным иностранным гостям королевских кровей, он ставил растительные спектакли во дворце Долмабахче, выстроенном, как у нас, в европейском стиле. Вскоре дворец стал обходиться два миллиона фунтов в год. Находясь под впечатлением увиденного во время поездки чудеса европейской цивилизации, султан выложил громадную сумму на постройку бронированных боевых кораблей.

докладку по империи железных дорог. Поскольку финансовый кризис в государстве нарастал, Абдул-Азиз с вызовом заявил, что построит железную дорогу до Багдада за собственный счет.

Гражданский лист султана действительно вырос до почти 15 процентов общих расходов имперского казначейства. Заимствование денег у западных банкиров оставалось по-прежнему нетрудным делом. Европейских инвесторов подбадривали оптимистичные отчеты об огромных запасах Турции в полезных ископаемых, заставляя их закрывать глаза на факты неспособности страны разрабатывать их и на ее неумение проводить экономическую политику. Процент по займам турецкого казначейства вдвое превышал доходность любых английских капиталовложений. Инвестора особенно не беспокоило, что процент по мере его нарастания погашался турками не из увеличившихся доходов государства, а за счет новых иностранных займов и выпуска ценных бумаг, в результате чего, как определил Ричард Кобден, Турция «никогда вообще не выплачивала процент, потому что все деньги она занимала ради того, чтобы платить процент».

В результате этого процесса, напоминавшего скатывание снежного кома, долг османов за двадцать лет возрос с четырех миллионов до двухсот миллионов фунтов стерлингов, не имея никакого соответствующего прироста государственных доходов от торговых операций, и расходы по нему стали поглощать более 50 процентов ежегодных обычных ресурсов государства. Экономическая катастрофа грозила принять угрожающие размеры.

Засуха в Анатолии в 1873 году повлекла за собой страшный голод, приведший к распространению нищеты и недовольства. Кульминацией же стала зима, настолько жестокая, что в пригородах Стамбула появились волки, пожиравшие случайных прохожих. Катастрофически сократилось поголовье крупного рогатого скота и овец, люди умирали в деревнях от голода, оставаясь лежать непохороненными на улицах. Нехватка сельскохозяйственных продуктов достигла таких размеров, что исключила возможность сбора необходимых налогов. Наступил момент, когда имперская казна оказалась настолько опустошенной, что не было денег, нужных для функционирования правительства.

Результатом стал абсолютный финансовый обвал. В октябре 1875 года турецкое правительство объявило через газеты, что из-за огромного дефицита бюджета кредиторы Порты будут впредь получать наличными только половину той процентной ставки, которая предполагалась. Оставшаяся часть будет замещена на следующие пять лет облигациями, дающими 5-процентный доход. Невыполнение финансовых обязательств пошатнуло кредит доверия и позиции турецкого правительства за рубежом. Внутри страны оно вызвало

возмущение султаном и правительством помимо армян и греков стороны турок, принадлежавших к высшим слоям общества, которые вкладывали деньги в государственные ценные бумаги. После случившегося стали шутить, что пассажиры босфорского парома предлагали наличные деньги лишь за половину стоимости билета, пятилетние долговые обязательства — за все остальное.

Проблемы правительства, связанные с финансовой несостоятельностью, осложнились начавшимся внутри страны восстанием. Вызванное плохим урожаем и последовавшими требованиями крестьян, работавших на принципах откупа на землях короны, восстание против местных властей вспыхнуло в Герцеговине. Оно распространилось на Боснию, где вскоре разразилась гражданская война между мусульманами и христианами. Черногория и Сербия — хотя как фактически независимое государство последняя больше имела серьезных оснований для жалоб на Порту, — вмешались в эту войну, направив вооруженные отряды. Летом 1876 года это восстание перекинулось при подстрекательстве остальных в Болгарию. В этом фактически заключалось начало революционного движения на Балканах, которому было суждено привести к тому, что, протяжении жизни следующего поколения одна война следовала другой, и в конечном счете полностью изменить облик всего Балканского полуострова.

В Болгарии мятежный лидер, возмнивший себя славяно-Наполеоном, вовлек своих последователей в борьбу террористическими методами. Славяне свирепо обрушились на турок-мусульман, прибегнув к массовым убийствам. Но через десять дней их восстание было подавлено с жестокостью, еще более ужасной, турецкими нерегулярными войсками, которых никто не сдерживал в возмездии. Они совершили зверства, заклеянные британским комиссионером из Стамбула как «пожалуй, самое гнусное преступление этого века». Дотла спалив множество деревень, турки различали ни возраста, ни пола, убив за один лишь месяц не менее двенадцати тысяч христиан. Их оргия убийств, поджогов и насилия достигла своего пика в горном селении Батак. Здесь тысячи христиан искала убежища в церкви, которую турки подожгли факелами, смоченными нефтью, уничтожив всех находившихся в церкви, кроме одной-единственной старухи. Всего, как сообщалось, руки турецких солдат погибли пять из семи тысяч жителей Батака.

Первым об этой истории, как и о сражениях Крымской войны, поведал корреспондент английской газеты «Дейли Ньюс», описав своим читателям двор церкви, который на три фута и выше был завален «разлагавшимися телами мертвых, лежавших в самых ужасных позах — руки, ноги, предплечья, головы, все вывернутое и лишь частично прикрытыми, тогда как пол церкви был т

себя ничем не прикрытыми, разлагающимися трупами». Подобные средневековые преступления были слишком хорошо известны на протяжении веков «священных войн» турок. Увековеченные ныне в более цивилизованном XIX веке примитивной и фанатической солдатней из нерегулярных войск, состоявших главным образом из татар, и впервые обнародованные перед всем миром вездесущей прессой, они вызвали всеобщее чувство ужаса и возмущения. Либерал г-н Гладстон поднял вопрос об этом в шедшем нарасхват памфлете «Болгарские ужасы», в котором он потребовал: «Пусть турки унесут с собой свои злоупотребления единственно возможным способом, а именно, добровольно уйдя... со всеми пожитками... из провинции, которую они опустошили и осквернили».

Совстав по времени с масштабным невыполнением турецким изпачейством его финансовых обязательств, эти зверства в Болгарии придали туркам новый, внушающий ужас облик, вызвав по всей Британии настроения туркофобии. Хотя эти настроения не оказались большим сюрпризом для сэра Генри Эллиота, британского посла в Стамбуле, который пояснял: «Мы поддерживали то, что, как нам было известно, было лишь полудивилизированной нацией», — они оказали на британскую публику сильное и продолжительное воздействие. Англичане резко изменили то дружественное отношение к туркам, которое обеспечило народную поддержку Крымской войне. Они подтолкнули министра иностранных дел кабинета тори лорда Дерби к утверждению, что теперь «даже если бы Россия собралась объявить Порте войну, правительство ее величества сочтет практически невозможным вмешаться». Действительно, вслед за опубликованием памфлета Гладстона царь был информирован генералом Игнатьевым, русским послом в Порте: «Массовые убийства в Болгарии принесли России то, чего она никогда не имела раньше — поддержку британского общественного мнения».

С 1820 года Россия последовательно проводила свою политику поощрения восстаний среди христиан славянского происхождения в балканских провинциях. Параллельно она с усердием поддерживала русские интересы в самой Порте. Генерал Игнатьев нашел готового к сотрудничеству турка в лице великого визиря Махмуда Недима, который испытывал враждебность к любой политике реформ, ведущей к усилению западного влияния. Когда на короткое время к власти пришел реформатор Мидхат-паша, Игнатьев стал умело действовать против него. В том, что Мидхата уволили, была, вне всякого сомнения, и заслуга Игнатьева, убеждавшего Абдул-Азиза, что формой правительства должна быть та, которая существует в России, где суверен является абсолютным правителем.

Теперь, когда Недим вновь занял свой пост, Игнатьев бурно добивался своему влиянию «как хозяин положения в Константино-

поле, где (как доносил русский коллега) великий визирь, преданный России, и султан, враждебный Западу, были более склонны следовать его предложениям, чем прислушиваться к слову наших противников. Приветствуя крушение планов английских и французских держав, Игнатьев вновь ликовав по поводу неудач Турции получить заем, которую, как повсеместно подозревали, имел он и спровоцировал. Но в этом случае русский генерал и переоценил свои возможности. Ибо теперь смещенным оказался Махмуд Недим, а вскоре после этого — и сам султан Абдул-Азиз.

В начале лета 1876 года около шести тысяч софтов, студентов, изучающих теологию, оставили занятия в медресе и главных мечетей Стамбула, чтобы собраться на массовую демонстрацию перед зданием Блистательной Порты. Они требовали отставки великого визиря Махмуда Недима и главного муфтия. Говорят, что некоторые из них измеряли высоту ограды перед зданием, определяя, достаточно ли она высока, чтобы на ней можно было повесить великого визиря. Хотя волнения студентов-теологов начиная с XVI века были традиционной практикой в общественной политической истории Турции, нынешние волнения отличались от предыдущих тем, что они были сознательно подготовлены, заблаговременно организованы с целью добиться перемен в министерстве. Они тем самым ввели в Турции традицию, давно существовавшую в некоторых частях Европы, которая здесь созидала злобедный прецедент на будущее. Предполагалось, что они были организованы и профинансированы Мидхатом-пашой, который возглавлял конституционное движение «новых османов».

Султан уступил студентам, уволив главного муфтия и Махмуда Недима, которого он заменил на Рюштия-пашу, тогда как Мидхат вернулся в правительство в качестве председателя Государственного совета. Но это было лишь начало. С данного момента и впредь, докладывая британский посол, «слово «конституция» было у всех устах». То, что Мидхат подразумевал под этим словом, — учреждение в духе принципов свободы, равенства и министерской ответственности, подлинно всенародный консультативный ассамблея представляющей без различия все сословия, все национальности и все вероисповедания, имеющиеся в империи. Впредь султан и министры должны были нести ответственность перед консультативными ассамблеями. Абсолютная власть была бы таким образом ограничена подчинением совету и воле нации, подобно модели английской системы правления.

Чтобы оправдать такой институт управления, особый упор был сделан на наиболее демократичных предписаниях Корана. Интерпретировали таким образом, что абсолютная власть султана в нынешней форме узурпировала права его народа и тем со-

рушала священный закон. Ибо согласно его принципам послушание народа не полагалось суверену, который игнорировал интересы государства. Предложения Мидхата отражали позицию принца Мустафы Фазила, — недавно скончавшегося, — изложенную им в его письме султану в 1867 году, в котором он умолял султана произвести именно такого рода перемены. Теперь, однако, подразумевалось, что перемены больше не ожидались сверху, а угрожали прийти снизу. План преобразований был изложен в манифесте, подписанном «мусульманскими патриотами» и распространенном за границей среди государственных деятелей Европы, чтобы тем самым продемонстрировать прогрессивные намерения османов. Но на этом этапе на родине манифест еще держался в секрете, поскольку в нем предлагалось смещение султана, который характеризовался в нем как жалкий сумасшедший».

Подобный шаг входил в ближайшие планы его министров. Сначала они заручились поддержкой нового великого муфтия, давшего разрешение на смещение султана. Затем, перед рассветом, 30 мая 1876 года дворец Долмабахче был окружен двумя батальонами со стороны суши и военными кораблями со стороны Босфора, тогда как еще один корабль стал напротив летней резиденции русского посольства выше по побережью, чтобы предотвратить любое вмешательство Игнатьева. Затем Мидхат и его коллеги-министры встретились в военном министерстве, где великий муфтий зачитал фетву о смещении султана на основании «умственного расстройтва, уклонения от решения политических вопросов, использования доходов государства на личные цели и поведение, в целом опасное для государства и общества». Министры принесли клятву верности его вассалу и наследнику Мураду V, который был заранее вызван из своих апартаментов.

На рассвете залп 101 орудия военных кораблей возвестил о свержении султанов. Абдул-Азиз не оказал никакого сопротивления, написав письмо об отречении и согласившись на заключение в старом дворце за Босфором. Население Стамбула с энтузиазмом приветствовало этот бескровный государственный переворот, а один из министров назвал его «благоприятным событием», по своей значимости равным уничтожению янычар. Спустя полвека в лице Мухамедов в государстве появился источник силы, на этот раз направленный против тирании, а не как ее инструмент.

Восхождение султана Мурада на трон стало долгожданным событием для тех либералов, которым были пожалованы некоторые новые должности, особенно для Намыка Кемала, вернувшегося из Парижа, чтобы занять пост личного секретаря султана. Как один из соратников дела с самого начала движения, Мурад, казалось, внушал в себе реальную надежду на конституционную реформу.

Но, к несчастью, эти надежды не сбылись. Будучи молодым человеком, Мурад V обнаруживал недюжинный интеллект. Прекрасно образованный и с острым интересом воспринимавший как западную, так и восточную культуры, он произвел на иностранцев весьма благоприятное впечатление во время поездки Абдул-Азиза в Европу, которого он сопровождал. Но султан отнесся к Мураду с подозрением, когда по возвращении тот стал устанавливать тайные связи с либералами на родине и в изгнании. Абдул-Азиз в результате обрек своего племянника на жизнь под строгим наблюдением, практически в изоляции. Это наложило сильнейший отпечаток на его в высшей степени возбудимую натуру, на что Мурад к несчастью, отреагировал привязанностью к алкоголю.

Он стал подвержен умственным расстройствам и отреагировал страхом и трепетом на неожиданное ночное приглашение наследника трона. Еще большее потрясение нервная система Мурада испытала несколькими днями спустя, когда Абдул-Азиз, находясь в крайнем возбужденном состоянии, покончил жизнь самоубийством. Поразившись, он вскрыл артерию. Абдул-Азиз совершил самоубийство помощью небольших ножниц, которые он попросил якобы для того, чтобы постричь бороду. Удар от случившегося оказался слишком тяжелым для психики нового султана. Положение осложнялось самоубийством, произошедшим прямо во время заседания кабинета министров. Были убиты военный министр и министр иностранных дел. Это убийство было совершено избитым армейским офицером из черкесов, отомстившим за насильственную смерть, как считал, Абдул-Азиза.

Мурад, которому еще только предстояло быть опоясанным мечом Османа, стал неспособен появиться на публике или заниматься официальными делами. Он подвергся медицинскому обследованию, в котором участвовали как турецкие, так и иностранные врачи. Диагнозом стало острое нервное расстройство, излечимое только течением времени. Ввиду остроты политического кризиса, как в стране, так и за рубежом, министры султана сочли себя обязанными, хотя и с некоторыми колебаниями, поставить вопрос о смещении пользы более активного и дееспособного суверена. Следующим наследственной линии был младший брат Мурада Абдул-Хамид, человек еще неизвестных достоинств, который, подобно многим своим предшественникам, содержался в фактической изоляции.

Мидхат был делегирован своими министрами, чтобы повестить Абдул-Хамида и выяснить, не согласится ли тот действовать в качестве регента вплоть до выздоровления Мурада — ситуация которой в истории османов не было прецедентов. Абдул-Хамид категорически отказался. Он желал трона, но на крайне определенных условиях, настаивая прежде всего на официальном докумен-

великого, подтверждающем, что Мурад действительно не способен править. Чтобы добиться исполнения этого, он был готов взять на себя некоторые обязательства. Мидхат вновь посетил его с проектом новой конституции, составленной в начале этого года под наблюдением комитета, в работе которого приняли участие ряд государственных деятелей и представителей улемы по образцам бельгийской и прусской конституций девятнадцатого столетия. Абдул-Хамид пожелал оставаться верным трем условиям: он обнародует конституцию; он будет править только через ответственных советников; он вновь назначит на эти посты дворцовых секретарей своего брата.

Намык Кемаль, который был одним из них, со слезами на глазах просил о том, чтобы отсрочить смещение Мурада. Но его молебны были напрасны. От великого муфтия была получена фетва, сместившая султана, после трех месяцев правления, по причине умственного расстройства. Клятва была принесена, и Абдул-Хамид II был провозглашен султаном вместо него. Мурад был переведен во дворец, расположенный вверх по Босфору, где он, находясь в неволе, прожил до начала века.

Новая конституция Османской империи была наконец обнародована в декабре 1876 года новым султаном, который до этого назначил Мидхата-пашу своим великим визирем. Заключительный документ не полностью совпадал с тем, к чему стремился Мидхат. Султан всесторонне изучил исходный вариант, подчеркивая необходимость строгого соблюдения священного закона, защищая свои существующие привилегии, избегая некоторых положений, низводя до неопределенных общих мест конкретные определения Мидхата и в завершение не проявив намерения положительно отнестись к быстрому утверждению конституционного правительства. Эти отступления породили в будущем довольно большие проблемы.

Тем не менее принятие и обнародование султаном конституции выглядело достойной кульминацией столетия, основным содержанием которого были реформы. Конституция по крайней мере стала инструментом будущего политического развития, основанного на фундаментальном принципе права народа Османской империи на то, чтобы с ним считались и чтобы его выслушивали. Звенящим отголоском голоса Мидхат-паша, благодаря султана, провозгласил отступление «новой эры устойчивого процветания». На следующий день он посетил греческого и армянского патриархов — обычно казалось, что они сами посетят великого визиря — с заверением, что в этом конституционном режиме люди всех вероисповеданий будут считаться как равные. Греческий патриарх в ответ заявил: «Мы знаем, что Вы воскресили Османскую империю». Тем временем султан объявил народным массам Стамбула, как мусульманам, так и христианам, о новых свободах, предназначенных для них.

Грохот салюта в честь конституции был точно приурочен новому султаном, чтобы обезоружить европейских делегатов, к открытию заседаний конгресса шести держав в Стамбуле. Ибо первое пленарное заседание конгресса совпало по времени с указом обнародования конституции. По инициативе англичан идея созыва конгресса родилась из ситуации на Балканах и необходимости согласовать с Россией предложение султану по лучшей защите помощи определенных административных изменений, его подданных-христиан в Европе.

В 1876 году восстание на Балканах вылилось в открытое объявление войны Турции со стороны Сербии и Черногории, подталкиваемых и поддерживаемых русскими. За три месяца турки разбили сербов, и от победоносного марша на Белград турки удержало лишь прямое вмешательство России, настаивавшей на перемирии. Русский и австрийский императоры, поддержанные Германией, подготовили затем Берлинский меморандум, призванный навязать Порте реформы, и не очень вежливо пригласили к сотрудничеству Британию.

Это приглашение было столь же резко отвергнуто Британией, которой, как и с Францией и Италией, предварительно не посоветовались и которые — по словам Дизраэли, тогда премьер-министр — увидели в этих предложениях «как бы просьбу к нам санкционировать их, приставив нож к горлу Турции». Меморандум поднимал в конечном счете совместную военную оккупацию территории османов, несовместимую с независимостью и единством страны, поддерживать которые Британия была обязана. Чтобы вынудить Порту в поддержке со стороны Британии, эскадре крейсеров и кораблей военно-морского флота было приказано направиться к входу в Дарданеллы. Затем, продолжая поиск возможности предотвратить войну, к которой открыто готовилась Россия, Британия вместо созыва «Константинопольской конференции»*

Провозглашение конституции сделало проведение конференции бессмысленным. Ведь тем самым заявлялась претензия на то,

Турция, имея свой собственный, исчерпывающий план конституционной реформы, могла покончить с вмешательством и помощью иностранных государств. Не принимая в расчет в свете предшествующего опыта ее искренность, они отбросили это провозглашение лишь как некую слишком хорошо знакомую политическую уловку, демонстрацию обновленной витрины, как они ошибочно восприняли и предшествующих декрета танзимата, предназначенных просто-напросто обеспечить Турции в условиях кризиса доброе отношение и поддержку Запада перед лицом приближающейся угрозы со стороны России. Но теперь, несмотря на эту угрозу, они мало что могли или, скорее, не могли ничего сделать, чтобы достичь своих настоящих целей. В результате в январе 1877 года, после попытки инициировать переговоры, конгресс предусмотрительно закрылся, тогда же вскоре после него Порты и Сербия подписали сепаратный мир на основе существовавшего статус-кво. Лорд Солсбери, британский министр, покинул Стамбул, считая войну неизбежной.

Действительно, его задача избежать войны только усложнялась после массовых зверств в Болгарии в связи с расхождением во мнениях между британскими министрами и действиями Гладстона, который после своего памфлета усилил кампанию против турецкого правительства, выступая с впечатляющими зажигательными речами на митингах в разных местах страны. Он обвинял турок в плохом управлении и жестокостях по отношению к своим подданным-христианам, добивался принятия единодушных решений, чтобы турки были лишены права отправлять исполнительную власть в Болгарии, направлял общественное мнение резко против «отвратительного турка». Сам лорд Стретфорд Редклифф, выражая согласие с Гладстоном, высказался в пользу расширения английского покровительственного влияния за пределы Болгарии, чтобы взять под свою защиту всех угнетенных османами подданных империи во всех частях Балкан.

Ветеран, государственный деятель от либеральной партии, он инициировал движение, выходящее за рамки партийной политики, вызвав разногласия в кабинете. От имени правительства лорд Дерби, министр иностранных дел, хотя он решительно протестовал против инициативы Гладстона организовать крестовый поход, чтобы выбросить турок из Европы, информировал султана о том, что эти преступления вызвали справедливое возмущение английского народа, и потребовал наказания виновных и оказания помощи пострадавшим. Подобный подход в высшей степени устраивал Россию, замышлявшую против Турции войну и потому рассчитывавшую на вмешательство англичан. Лорд Дерби представил дополнительные доказательства на этот счет, предупредив русское правительство, что Британия в случае войны не потерпит никаких угроз Стамбулу и

Босфору или Египту и Суэцкому каналу. Для русского царя было сигналом, что Британия не станет вмешиваться в действия русских против Порты, и посол Британии был заверен в миролюбивых намерениях. В британском кабинете действительно сложилось большинство, которое было против войны с Россией в интересах турок.

С другой стороны, премьер-министр, которому вскоре предстояло быть избранным в верхнюю палату в качестве лорда Бесконсильи, открыто выражал в отношении России более воинственные взгляды. Дальнейшего расширения которой он страшился и заверен которой он упорно не доверял. Как империалист с видением далекой перспективы, Дизраэли по-прежнему активно реагировал на острую необходимость сохранения единства и независимости Османской империи в том виде, как это было первоначально озвучено Пальмерстоном, а ныне гарантировалось Парижским договором. Этот традиционный подход к «восточному вопросу» становился жизненно важным для единства Британской империи со времени открытия Суэцкого канала и последовавшей за этим необходимости охраны имперских коммуникаций против любого нападения с фланга русской экспансии в целом.

На зверства в Болгарии он первоначально отреагировал некоторым скептицизмом, справедливо предполагая, что первоначально неподтвержденные сообщения о них в оппозиционной газете были преувеличением. Он отнесся к ним как «к сплетням в кафе» в любом случае как к чему-то побочному в более широкой перспективе «восточного вопроса» в целом. Ужасы, имевшие место там, были вне вопроса — хотя проверки, проведенные на консульском уровне, показали, что число жертв составляло половину первоначально названной цифры. Но было ли это достаточной причиной для Британской империи, чтобы денонсировать ее договоры и изменить ее традиционную политику? Что по-прежнему более всего другое отражало интересы Британской империи, так это защита Турции в любых обстоятельствах от вторжения России, как и в случае Крымской войны.

Выступая с политической речью от имени партии в Айлсбери своем бывшем избирательном округе, он осудил агитацию Гладстона как «непатриотическую», одновременно наносящую ущерб долгим, общим интересам Англии и фатальную для судеб мира в Европе. Он писал леди Брэдфорд, что Гладстон «отомстит за зверства в Болгарии мировой мясорубкой». Наконец, в день вступления в должность лорд-мэра Лондона в городской ратуше он произнес впечатляющую речь в пользу независимости Турции и против «ужасных призывов к войне», которые действительно исходили из России.

Скорее эта сильная речь лорда Беконсфилда, чем более профессиональные заявления лордов Дерби и Солсбери, была истолкована султаном Абдул-Хамидом как выражающая официальную политику Великобритании, тем самым убедив его в поддержке со стороны англичан любой посылке против России и окончательно укрепив его в намерении отвергнуть любые варианты урегулирования, предложенные конференцией. Тем временем царь Александр II не оставил никаких сомнений относительно враждебных намерений своим публичным выступлением в Москве, которое прозвучало на всю Европу. Если Россия, заявил царь, не сможет получить от Порты соответствующие уступки, тогда он будет намерен твердо предпринять независимые ни от кого шаги, уверенный в том, что русский народ откликнется на его призыв.

Русский царь стремился теперь добиться тактических преимуществ и выиграть время в последней попытке достичь компромисса в урегулировании между двумя странами. Но его предложения были отвергнуты Портой как несовместимые с Парижским договором. Тогда Россия объявила Османской империи войну, достигнув в то же время соглашения, подтвержденного секретным договором, с Австрией. Соглашение определяло соответствующие сферы влияния двух стран на Балканах и делало уступку Австрии в обмен на ее нейтралитет в виде обусловленного права Австрии на оккупацию Боснии и Герцеговины, тем самым обеспечивая собственные безопасные фланги против нападения с запада в ходе вторжения России, которое теперь должно было воплотиться в реальность.

Султан Абдул-Хамид вскоре убедился в том, что он заблуждается относительно британской поддержки. Лорд Беконсфилд, председательствуя на заседаниях расколотого кабинета министров, должен был прокладывать серединный курс между давлением со стороны Гладстона и его «либеральных крестоносцев», готовых примкнуть к России против Турции, и позицией королевы Виктории, грозившей скорее отказаться от короны, чем «оставаться вверенном страны, которая позволяет себе унижаться перед величайшими варварами, тормозящими всякую свободу и цивилизацию». Правительство Англии, заключил он, должно выразить свое неодобрение действий России, но не должно вмешиваться, как это было в Крымской войне, потому что общественное мнение в стране стало враждебным в отношении турок. Политика кабинета Англии должна быть политикой бдительного нейтралитета. В результате султан Абдул-Хамид был вынужден воевать с Россией, не имея союзников.

В последнюю неделю апреля 1877 года две русские армии вторглись в пределы Османской империи — одна в Европе — через

Прут, и другая в Азии — со стороны Кавказа, с продвижением Карс, Ардаган и Эрзурум. Поскольку турки все еще господствовали на Черном море — подкрепленные бронепосадками султана Абдул-Азиза, — необходимо было вторжение на суше в Европу. К югу от него была Румыния — два княжества, Валахии и Молдавия, теперь объединенные в одно в качестве самоуправляемого, уплачивающего дань государству. Совет царя Александра одобрил вступление русских войск в Румынию. Турки ответили обстрелом одной румынских крепостей на Дунае. Румыния (как это раньше сделала Сербия) объявила Турции войну и провозгласила себя независимым государством. Ее территория и вооруженные силы стали источником эффективной поддержки русских в последовавшем вторжении в Болгарию.

При вступлении в Болгарию лично во главе своей армии царь Александр был восторженно встречен как освободитель. По мере того как русские войска продвигались вглубь территории, власть турок заменялась новой гражданской администрацией, участвовать в которой приглашались болгары по приказу «Слушайтесь русских властей», — повелевал в заключение русский царь.

Из штаб-квартиры русских в Тырново русский генерал, авантюрист по характеру, повел легчайший отряд через Балканский хребет, расположенную за ним Фракийскую равнину. Затем он повернул назад, к главному горному перевалу через Шипку, где нанес поражение занимавшему оборонительные позиции подразделению турецких войск. К русским войскам присоединились болгары-христиане, предпринимавшие затем рейды против турок, расположившихся в долине реки Марица, создав угрозу Адрианополю и вызвав панику в самой Стамбуле.

Однако положение изменилось, что не так часто случалось в последнее время в военных действиях турок, с заповедным назначением султаном двух компетентных генералов. Мехмед Абдул перешедший на службу к туркам пруссак, до этого губернатор Крыма, стал командующим турецкими вооруженными силами в Европе, и он нанес поражение русским войскам и их болгарским союзникам, отбросив их с тяжелыми потерями к Балканскому хребту. К северу от него главные силы русских натолкнулись на прочную преграду для дальнейшего продвижения, после того как на дунайский фронт были переброшены турецкие войска под командованием Османа-паша, грозного ветерана Крыма.

Он расположил свои войска в земляных укреплениях на Плевней и вокруг нее, городке посреди виноградников, в глубокой каменистой долине примерно в двадцати милях к югу от Никополя. Здесь, на местности, до того защищенной тол-

природными бастиями, он быстро воздвиг с помощью опытных инженеров сильно укрепленный пункт обороны, усилив земляные укрепления редутами, углубив траншеи и устроив каменные укрепления для артиллерийских орудий. В результате, опираясь на позиции в Плевне, турецкая армия вскоре стала господствовать над главными стратегическими путями сообщения в самом центре Болгарии.

По итогам первой атаки, предпринятой в июле, когда русские, воспринявшие своего противника всерьез и думая, исходя из своего огромного превосходства в живой силе, что проблема осады не составит для них труда, были удивлены поразительной стойкостью, умело организованной обороной турок и особенно их временными, с магазинами ружьями, которые султан Абдуллазиз приобрел в Америке. Ружья эти по всем показателям превосходили более медленные, заряжавшиеся с дула мушкетеры. В результате к концу первого дня осады Плевны русские войска были отбиты.

Осман-паша получил передышку в шесть недель, чтобы укрепить оборону и возвести больше редутов, в то время как русские стремились получить и получали подкрепления из армии князя Карла Румынского, который поставил условием, что ему будет передано командование объединенными силами, ведущими осаду. Следующая атака была предпринята с трех сторон, со всеобщим ожиданием русско-румынского триумфа. Действительно, в первые два дня жестокой осады русские и румынские знамена некоторое время виднелись над редутами. Но на третий день после отчаянной контратаки турок румыны отвели свои войска и полумсяц сменил русского орла над Плевной. После этого второго поражения русские признали невозможность взять Плевну штурмом и под руководством умелого инженера из императорской гвардии совместно с румынами разработали план окружения крепости, чтобы обречь гарнизон на голод.

Вполне разумно, что, выиграв два основных сражения против армии, вдвое превосходившей его собственную, Осман, во избежание трагической развязки решил эвакуировать жителей Плевны. Героическая оборона города, ставшая широко известной благодаря прессе, в умах Европы поменяла варварский образ Турка на образ храброго, стойкого воина и вновь склонила весы общественного мнения в пользу Османской империи. Стремясь нажить политический капитал на этом возрождении престижа на Западе, Абдул-Хамид приказал Осману оставаться в Плевне любой ценой — обещая ему огромную новую армию, которая придет, чтобы вывезти осажденных. Осман стойко держался до тех пор, пока последняя лазейка не была перекрыта русскими и крепость не была

полностью окружена. Когда силы деблокирования, посланные Абдул-Хамидом, наконец-то появились, оказалось, что это не боевая, а обыкновенная толпа, которая вскоре была обращена русскими в бегство.

Оставленные теперь, в разгар зимы, на милость балканских снегов, без надежды на помощь, с постоянно уменьшающимся количеством боеприпасов и катастрофически убывающей едой солдаты охотились на кошек, собак, крыс и мышей, тогда русские офицеры ели икру. Осман понял, что его единственный шанс кроется во внезапном прорыве из крепости основными силами гарнизона. В результате в начале декабря турки беспрестанно поднимались глухой полночью и пошли на запад. Они перебрались в долину через реку Вид, затем развернулись в боевые порядки и пошли на изумленные русские аванпосты. Преодолев перешеек траншей, турки потоком пошли на главную линию русских. Здесь они бились в рукопашной, рука с рукой и штык со штыком практически без преимущества с той и другой стороны. Осман-паша был ранен в ногу шальной пулей, убившей под ним лошадей. Слухи о его гибели породили панику. Считая, что армия осталась без руководителя, доблестные, но полуживые войска турок дрогнули и побежали, позволив русским занять редуты крепости.

Над Плевной взвился белый флаг, русский царь въехал в город во главе своих войск, и Осман-паша подписал условия сдачи. Русские обошлись с ним милостиво, но его войска погибли в снегах тысячами шедшие сдаваться в плен. В полевых лазаретах отступившие турки оставили тяжелораненых, которые были жестоко убиты болгарскими войсками.

Сдача Плевны, пришедшаяся на конец 1877 года, высвободила несколько сотен тысяч русских войск, стоявших без дела на протяжении пятимесячной осады. Одна армия направилась через Балканский хребет, чтобы захватить Софию. Другая заставила сдаться крупную турецкую армию на шипкинском перевале, чтобы вступить в Адрианополь и, следовательно, напрямую угрожать Стамбулу. Османская империя вновь объявила войну с целью захвата Ниша. Черногорцы добились территориальных приобретений в Герцеговине. Славянские армии одерживали победы во всех частях Балкан. Греки угрожали войной и поддерживали восстания в населенных греками провинциях империи, включая Крит. В Азии русские захватили крепость Карс уже в третий раз в ее истории наряду с Ардаганом и Эрзурумом, в результате заняв большую часть Восточной Армении.

Из Адрианополя русская армия великого князя Николая, не встречая достойного отпора оставшихся турецких войск, двинулась маршем в направлении Стамбула, порождая в самом городе

нику и серьезные опасения в Лондоне. Турки безуспешно прибывали со ссылкой на договор 1871 года к вмешательству правя, которое блокировалось в основном Пруссией. Порту отказал отказ в поддержке со стороны Британии, и контролируемый дворцом пресса карикатурно изображала англичан как «руссов».

Как и прежде, британский кабинет был расколот на партию «мира» и партию «войны», притом что лорд Беконсфилд был исполнен решимости любой ценой предотвратить русскую оккупацию Стамбула. Город заполнили сотни тысяч беженцев с запада. Мужчины, женщины, дети, больные, обмороженные, умирающие от голода, бежали через снега от русских. Пять тысяч из них укрылись у мечети Айя Софии. Софты (студенты-теологи) стали устраивать беспорядки, и султан попросил посла Британии об умиротворении, если в этом возникнет необходимость. Абдул-Хамид лично по телеграфу обратился к королеве Виктории, прося ее посредничества в достижении перемирия, и его обращение было передано русскому царю, который ничего не ответил, отослав вопрос своим полевым командирам.

На месте событий великий князь Николай отказывался обсуждать перемирие без предварительного принятия турками определенных условий. Он продолжал свое движение к деревне Сан-Стефано, на берегу Мраморного моря, всего в десяти милях от городских стен. Чтобы противостоять ему, лорд Беконсфилд наконец-то преодолел министерскую оппозицию и отдал приказ пяти боевым кораблям британского флота войти в Мраморное море, где с официальной целью защиты жизней и имущества англичан они должны были якорь в пределах досягаемости русских под прикрытием Принцевых островов.

Русские и турки к этому моменту уже достигли соглашения о перемирии, которое Беконсфилд справедливо отклонил как пустую комедию». Великий князь с достаточной уверенностью продолжал свое продвижение, угрожая столице настолько непосредственно, что вызвал почти паническое состояние на лондонской биржевой бирже. Это облегчило задачу лорда Беконсфилда по убеждению от парламента согласия на кредит в шесть миллионов фунтов стерлингов, чтобы привести вооруженные силы Британии в боевую готовность и в сочетании с начавшимся маневрированием морских сил осуществить необходимые приготовления для осады войск в Галлиполи, если того потребует развитие событий.

Посреди всеобщего возбуждения премьер-министра приветствовали патристически настроенные толпы, заполнявшие площадь перед парламентом. И на самом деле общественное мнение в Англии,

подогретое этой новой угрозой со стороны русских и не реакцией на угрозу, вновь качнулось в сторону турок в возродившемся духе времен Крымской войны. В Лондоне сформировалась имперская концепция, в то время как в музыкальных салонах звучала песня:

Мы не хотим воевать;
Но, черт возьми, если мы станем,
Мы соберем людей, мы соберем корабли
И к тому же мы соберем деньги.

Ура-патриотизм был удовлетворен, поскольку в ответ на угрозу со стороны Британии русские воздержались от вступления в Стамбул, а царь телеграфом передал султану заверение в том, что у него нет намерения непременно занять город. В результате Россия не смогла исполнить волю провидения, на осуществление которой она так надеялась в качестве «законного преемника тех, кто правит в Босфоре», продиктовав туркам договор в Константинополе. В то, что этого не произошло, Россия должна была винить Британию, в частности, — как это виделось русским, — ее коварного министра Генри Лайярда, которого они с тех пор предпочитали называть мистером Ли-Хардом.

3 марта 1878 года между Россией и Турцией в Сан-Стефано был подписан двусторонний договор. По условиям договора, первоначально не раскрывавшимся другим странам, русские планировали фактическое расчленение европейской части Османской империи. Это был план, составленный исключительно в интересах ее славянских народов и вопреки интересам населения других национальностей, как христиан, так и мусульман. Этот план предусматривал создание нескольких крупных балканских государств, преобладающе славянского характера, каждое из которых объявлялось полностью независимым и освобожденным от роли данника султана. Одним из них была Черногория, которая должна была увеличиться в размерах втрое и стать вдвое больше по населению за счет своих соседей. Другим, с увеличенной территорией и новыми границами, которые были почти общей границей с Черногорией, становилась Сербия. Босния и Герцеговина должны были остаться под властью султана, но наделенными автономными органами управления. Был подтвержден статус полной независимости Румынии, но, как латинская страна, она была «вознаграждена» за свою поддержку во время войны тем, что потеряла Бессарабию и была обязана обменяться территориями с восточной Россией.

Главные выгоды достались ее славянскому соседу, Болгарии, которая должна была увеличиться в размерах настолько, что по-

бым фактически воссоздавалось Болгарское царство средних веков. Болгарское царство должно было распространиться к югу от Дуная — от Черного до Эгейского морей, — контролируя порты, расположенные на каждом из них, включая за счет греческих претензий значительные части Фракии и Македонии и простираясь на запад, почти до Албании. В качестве автономного государства, все же номинально подчиненного суверенитету султана, новая Болгария будет находиться под управлением князя, выбранного Россией, и с сертифицированной администрацией — большой русский анклав в центре Балкан, с восточной частью, по-прежнему служащей в качестве моста для навадения на Стамбул. То, что осталось от Турции в Европе, было бы, следовательно, разделено на две отдельные части при наличии болгарского барьера между ее двумя главными частями.

Сан-Стефанский договор воспринимался Европой и на Балканах вопиющее нарушение всех этнологических принципов, поликультурных и законных исторических прав, религиозные принципы и растущее национальное самосознание различных неславянских народов Балкан. Виделось это лорду Беконсфилду: «Султан Турции ограничен царством, находящимся в абсолютном подчинении России... Мы поэтому протестуем против договоренности, которая практически оставит под команду России и только России те не имеющие себе равных ситуации и ресурсы, которые европейские державы доверили на попечение правительства Порты».

Лорд Беконсфилд с самого начала настаивал на том, что Россия не должна представлять на суд Европы условия любого договора с Турцией. Европейские державы контролировали договоры 1856 и 1871 годов, которые не могли подвергаться модификации без их согласия. Россия в принципе уже согласилась на созыв с этой целью конгресса, но с оговоркой, что она сама может выбрать, какие статьи договора должны стать предметом дискуссии. Османское правительство категорически заявляло, что должен быть обсужден весь договор. Когда Россия отказалась от этого, лорд Беконсфилд прибег к решительному действию, отдав приказ о разделении индийских войск отправиться на Мальту через Суэцкий канал.

Эта демонстрация силы Британии совпала в связи с защитой ее собственных территориальных интересов на Балканах с мобилизацией Австро-Венгрии, которая инициировала идею созыва конгресса. Кроме того, Британия поддерживала дело греков и румын и возбуждение их требований на конгрессе. Грекам английское правительство заявило, что оно было «готово употребить все свое влияние, чтобы предотвратить поглощение славянским государством любого греческого населения». В поисках справедливости к королеве

Викторин как императрице сотен миллионов подданных-мусульман обратились мусульмане Балкан. Албанцы создали лигу «противодействия до конца» любой попытке покуситься на их земли. В этой атмосфере русский царь изменил свое решение. В секретном соглашении между британским и русским правительствами, составленном известным, его посол в Лондоне поменял первоначальные планы относительно «Великой Болгарии». В результате расчищен путь для европейского конгресса, который открылся в Берлине летом 1878 года. Председательствовал на конгрессе Бисмарк.

Берлинский договор, подписанный в течение месяца шестью державами, с успехом свел на нет договор Сан-Стефано. Русским пришлось отказаться от плана создания «Великой Болгарии». Вместо этого Болгария была разделена на две провинции. Из них только северная, ограниченная рубежами Дуная, Черного моря (с портом Варна), границами с Сербией и Македонией, а также Балканским хребтом, без выхода к Эгейскому морю, имела право на политическую автономию под суверенитетом султана. Правящий князь не выбирался из ведущей династии. Его избрание должно было подтверждаться не одной только Россией, но и Портой, с согласия в принципе со стороны других держав — участниц конгресса. Вторая автономная болгарская провинция под названием Восточная Румелия должна была быть создана к югу от Балканского хребта, как образующая европейскую границу Османской империи, должна была быть поставлена «под прямое политическое и военное правление султана».

Против всего этого Россия первоначально возражала. Но в конце концов она уступила настояниям лорда Беконсфилда, и, заметил Бисмарк, «в Европе опять есть Турция». Работа по организации Восточной Румелии была затем возложена на европейскую комиссию. Этому заслону русским посягательствам в восточной части Балкан на западе соответствовала усилившаяся мощь Австро-Венгрии после оккупации и введения своей администрации в Боснии и Герцеговине. Все это было сделано в соответствии с положениями секретного договора, подписанного еще перед войной между Россией и Австрией и бывшего платой за ее нейтралитет. Две отдаленные провинции, в которых проживали лишь немногочисленные турки, а смешанное население состояло из мусульман, славян и других христиан, могли, по мнению конгресса, лучше управляться сильной иностранной державой, особенно такой, как Австрийская империя, имевшая в числе своих подданных хорватов и сербов. Более того, подобная уловка расколола предполагавшийся блок славянских государств на Балканах путем выделения Боснии и Герцеговинских территорий, обещанных по Сан-Стефанскому договору Черногории.

ритория которой в результате не утраивалась, а только удваивалась. В результате Сербия получала компенсацию не за счет Румынии, а за счет Болгарии. В качестве буферной территории между славянскими государствами конгресс сохранил турецкий аджак Нови-Пазар, в котором Австро-Венгрии были также предоставлены некоторые права с потенциальным выходом в Албанию и Македонию.

В Берлине, как и в Сан-Стефано, главной пострадавшей стороной была Румыния, которая ушла с конгресса как вечная жертва русской несправедливости. В этом случае Россия, склонная продвигать свои границы на весь прутский рубеж, с успехом настояла в качестве условия за предоставление Румынии независимости на своем требовании Южной Бессарабии — земель к северу от Дуная, которые исторически и этнически были румынскими. В обмен Россия уступила, за счет Болгарии, Добруджу, пустынные земли за Дунаем, населенные турками и болгарями.

Наконец Греция была вознаграждена в Берлине не столько значительным приращением территории, сколько, благодаря посредничеству англичан, определенными выгодными уточнениями ее границы с турецкими провинциями Эпира и Фессалии, тогда как провинция Македония, оставшаяся за Турцией, была по крайней мере избавлена от угрозы управления болгарями. С другой стороны Крит, который Греция рассчитывала присоединить, остался, несмотря на protests его жителей христианского вероисповедания, под властью Турции. Никакой особой новой системы управления не предусматривалось для таких сохранившихся частей Турецкой империи в Европе, как Македония, Фракия, Албания и большая часть Эпира. На христианское население, как и на Кипре, должно было вольствоваться организацией специальных представительных комиссий, подобных тем, которые были созданы десять лет назад, но которые еще оставались на бумаге и, похоже, должны были оставаться таковыми и впредь.

Окончательный Берлинский договор, помогший избежать большой войны с помощью дипломатии, приветствовался лордом Беконсфилдом как «мир без почета». Это был мир, на который в равной мере влиял Бисмарк, претворявший в жизнь интересы Пруссии в противовес интересам России, усиливая позиции Австро-Венгрии в западной части Балкан. Более того, это был район, где турки теперь не могли поддерживать эффективный порядок и где австрийцы вполне могли бы улучшить условия жизни его смешанного населения — как христиан, так и мусульман. На Берлинском конгрессе европейские державы по крайней мере снабдили Балканы хотя и ненадежным, но все-таки уставом, обеспечивающим определенное мирное состояние, несмотря на постоянные нарушения, для жизни

целого грядущего поколения. В последний момент Османская империя была спасена от неминуемого исчезновения ее европейской части, чтобы дать ей последний, хотя и сокращавшийся шанс существования. Но важнее всего то, что европейские державы наконец-то сдержали амбиции русских, поначалу поощряемых невмешательством. С этого времени степень русского влияния на Балканах могла быть действительно превалирующей. Но русское правление — нет.

Растущей силой, начавшей проявлять себя с этого времени, скорее балканский национализм, чем русский империализм. Тот национальный сознание, который начал проявлять себя с начала этого века, породив последовавшие одно за другим восстания сербов и греков, должен был привести, в подражание нарастающим националистическим настроениям в Западной Европе, к борьбе сохранившихся здесь национальных меньшинств за свою свободу. При этом Берлинского договора было «Балканы для балканских народов». Договор наложил отпечаток на эволюцию группы независимых балканских государств в качестве барьера на пути русского империализма, менее уязвимого, чем слабевшие провинции Османской империи. Став однажды свободными, эти миллеты, превращаясь в «нации», вряд ли могли вновь пассивно подчиниться господству имперской власти.

Надеждой Беконсфилда было то, что новая Болгария станет оплотом Турции против России, чем России против Турции. Как позднее заметил Бисмарк: «Все эти народности с радостью приняли помощь России в освобождении от турок; но как только они обрели свободу, они не проявили желания принять царя в качестве наследника султана». В результате в этой кульминационной попытке разрешить «восточный вопрос» вслед за последней русско-турецкой войной Берлинский конгресс изобрел для Восточной Европы такую политическую модель, которая по своей сути отличалась от любой другой из числа возникавших в результате предыдущих конфликтов.

В Азии согласно договору Сан-Стефано русские вернули туркам Эрзурум, но удержали Карс, Ардаган, Баязид и Батум, тем самым передвинув на запад азиатскую границу Турции до линии проведенной через горы между Эрзурумом и Черным морем в районе Трапезунда (Трабзона). Теперь же, главным образом благодаря усилиям Беконсфилда, турки вернули себе Баязет как ключевой пограничный оборонительный пункт дальше к восточному транзитному пути в Персию, в то время как Батум должен был стать под гарантию царя свободным, не имеющим укрепления торговым портом. В обмен на эту уступку Британия дала согласие на восстановление довоенного статуса-кво Дарданелл. Турки о

ли провести реформы и усовершенствования, какие требовались мянам — жителям оставшихся за Турцией территорий Восточной Армении, и дали гарантии их безопасности от черкесов и ослов.

В этой охранительной функции особая ответственность отводилась Британии, поскольку еще до открытия конгресса британское правительство в качестве гарантии против предполагавшегося удара России этих различных завоеванных территорий секретно говорило с Портой о конвенции, уравнивающей в Азии то, что было согласовано в Европе с послом России о разделе Балгарии. Согласно этой конвенции Британия, чтобы иметь возможность присоединиться к султану в обороне остающихся у него восточных владений против дальнейшего наступления русских, должна была оккупировать остров Кипр и управлять им, в обмен выплачивая султану ежегодную дань за счет излишков доходов и заручившись обещанием провести при содействии англичан требуемые реформы.

В результате здесь возник «новый Гибралтар», призванный не допустить присутствия России в восточной части Средиземного моря. Это была база, предназначенная для охраны не только сухопутной территории Османской империи в Азии, но и путей сообщения Англии с ее собственной исламской империей в Индии. Она предназначалась для того, чтобы восстановить престиж Британии на Востоке, помогая нейтрализовать другие уступки России. С этого момента в качестве противовесов на восточном, как и на западном фланге Османской империи теперь стояли часовыми в ее защите от русского империализма соответствующие имперские силы Британии и Австро-Венгрии.

Тем временем в центре правления османов, Стамбуле, европейские державы лишний раз смогли убедиться в обоснованности — если не в полной правоте — своих опасений по поводу перспектив новой конституции. При всем их скептицизме в отношении мотивов, которыми руководствовались турки, убеждения, на которые опиралась конституция, были со стороны Мидхата-паши и подраставшего поколения конституционных реформаторов, совершенно искренними. Действительно, возможно, что, если бы психическое состояние султана V оказалось таким, что он мог выдерживать груз ответственности султаната, он был бы упорен в своей юношеской поддержке реформ, оставаясь на троне, чтобы председательствовать над эволюционирующим конституционным режимом.

Но его брат Абдул-Хамид не имел подобных намерений. При склонностях и убеждениях автократа его мотивы в принятии конституции были мотивами пронырливого оппортуниста, и поправки, внесенные им в первоначальный проект, показали решимость

скорее сохранить права суверена, чем права народа. Он воспользовался конституцией на константинопольской конференции в качестве фасада, за которым можно было предупредить и предотвратить разделение власти. Как только конференция закончилась, султан же уволил Мидхата-пашу, вдохновителя разработки и составления конституции. Мидхат-паша был немедленно препровожден на постылу султана и отправлен в изгнание в Италию. По иронии судьбы, действие было совершено в рамках самой конституции, в соответствии с включенной в последнюю минуту статьёй, на которой настаивал султан, направленной против сильной оппозиции, уполномочивая её «изгонять с территории империи тех лиц, которые в результате получения достоверной информации, собранной органами полиции признаны в качестве опасных для безопасности государства». Три года спустя Мидхат, возвращенный из изгнания, подвергся пыткам и был приговорен к смерти. Приговор был заменен на пожизненное заключение в одной из арабских крепостей, где он был убит в 1884 году.

Таким был смертельный удар, нанесенный по свободе личности, предусмотренной программой танзимата. В будущем Турецком государстве, как его замышлял молодой напористый султан, не было места для столь популярного государственного деятеля, как Мидхат. Проникнутая силой независимость его действий и принципов представляла угрозу прерогативам султана и подразумевала ограничение высшей власти. Как видел это Абдул-Хамид, народ был ответственен перед султаном, а не султан перед народом. Только он в качестве его единственного господина мог пожаловать народу конституцию. Только он имел право распоряжаться и управлять государственным аппаратом.

В соответствии с положениями конституции, пока еще исполнявшей эту декорацию, Абдул-Хамид распорядился провести всеобщие выборы в парламент — первые из когда-либо проводившихся в мусульманском государстве. Первый в истории османов парламент приступил к работе в марте 1877 года — сенат, составленный двадцати пяти назначенных чиновников, и палата депутатов в составе 120 человек, избранных под нажимом властей и откровенно неконституционным путем. Парламент включал, тем не менее, как и было задумано Мидхатом, христиан и евреев, турок и арабов, предоставляло право голоса всем слоям общества, даже если это было и не совсем пропорционально их численности. Абдул-Хамид видел в сенате парламентское собрание кукол-марионеток, изготовленных для того, чтобы придать видимость правового обоснования и народного одобрения таких мер, какие он выбирал.

Тем не менее парламент вскоре развился в свою собственную форму как разнообразие представителей из всех провинций широкой

скинувшейся Османской империи, встретившихся друг с другом в первый раз, обмениваясь идеями и опытом, обнаруживая общие проблемы и причины для недовольства. В речах, ставших результатом этих контактов, делегаты допускали нападки, никогда не слышавшиеся султана, но часто сго министров и других высокопоставленных лиц, обвиняя их в коррупции и различных злоупотреблениях, называя, чего не было никогда раньше, на необходимость радикальной реформы управления по всей стране. Среди депутатов были представители интеллигенции с широким кругозором и независимыми взглядами. Их критические рассуждения могли бы обогатить настроенного на реформы султана ценными мыслями для формулирования конструктивной программы внутренних преобразований. Если не по опыту, то по своему духу палата депутатов тем самым поддарила конституцию. Ее общезвестная враждебность к господству нашей достигла высшей точки, когда раздались требования, чтобы некоторые министры пришли в палату и ответили на конкретные обвинения.

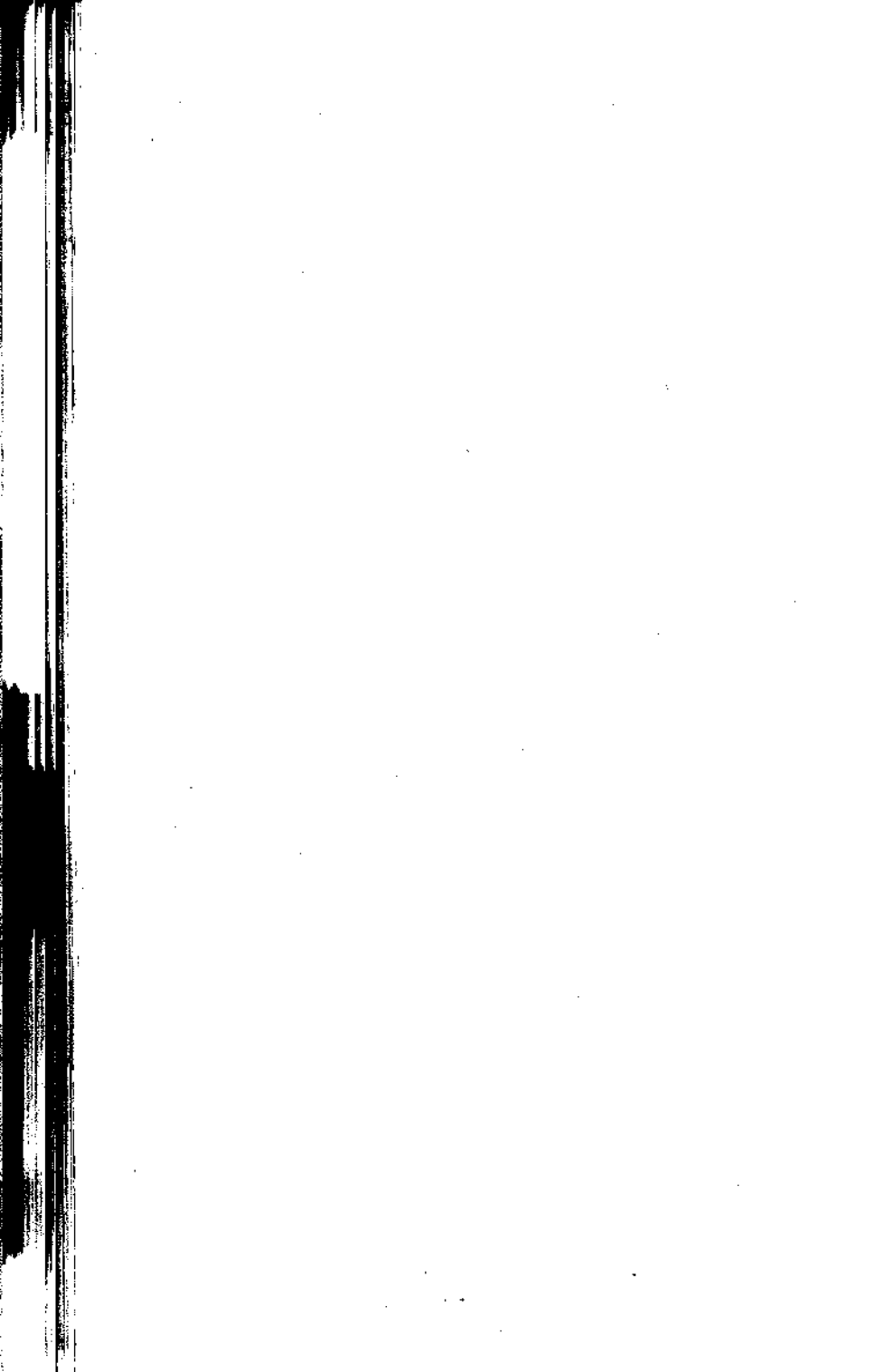
В ответ на этот вызов султан распустил парламент после трех месяцев работы. Шесть месяцев спустя, 13 декабря 1877 года, парламент был созван вновь. Критическое состояние войны с Россией сделало его более управляемым. В своей речи при открытии парламента султан апеллировал к «представителям нации», призывая к «сотрудничеству и патриотизму моих подданных с тем, чтобы защитить вместе со мной наши законные права... Да благословит Аллах наши усилия». Затем наступило перемирие, переговоры о котором правительство — как об этом была сформирована палата депутатов — вело из-за того, что страна осталась без союзников. Перемирие было подписано 31 января 1878 года. Теперь враждебно настроенные депутаты заговорили по-другому. На этот раз они называли трех министров, выдвинув против них конкретные обвинения и требуя, чтобы те предстали перед палатой и ответили им. Султан объявил перерыв в работе парламента на неопределенное время. Парламентарии больше не зывались на протяжении тридцати лет.

Комиссии из сенаторов и депутатов Абдул-Хамид с иронией вспоминал пример своего деда, султана Махмуда Реформатора, поставив его со своим отцом, Абдул-Меджидом, который стремился осуществлять реформы путем реформ и с помощью либеральных институтов. «Я теперь понимаю, — заявил он, — что только сила способна привести в движение народ, защищать который Господь поверил мне». Позже, общаясь с европейским корреспондентом, султан настаивал, что он не был противником реформы; «но избыток свободы, к которой человек непривычен, столь же опасен, как и ее отсутствие».

С этого времени и впредь абсолютная власть султана заменила только что появившуюся конституцию. «Новые османы», последние апостолы просвещенной эпохи танзимата, вскоре перестали существовать, рассеянные запретами и преследованиями. Против «арми-шпионов» на родине — как характеризовал их Намык Кемаль, сам оказавшийся в изгнании, — они стали за рубежом «армией эмигрантов, превратившихся в революционеров». Говоря словами его разочарованного друга Зия:

Ничто, кроме страданий, не ждет перикла
этой империи;
Преданность этому народу и этой стране
есть совершеннейшее безумие.

Часть VII
ПОСЛЕДНИЙ
СУЛТАН

Абдул-Хамид был несчастным человеком и бесчеловечным султаном. После того как он в возрасте семи лет потерял свою каемую мать-черкешенку, о нем стали говорить, что «он никогда не любил и меньше всего себя». С ранних лет Абдул-Хамид своим внутренним миром, избегая общества сверстников и того окружения, выросшая не совсем в «Клетке» своих предшественников — поскольку юношей он посетил Европу вместе со своим дядей султаном Абдул-Азизом.

Его особенность обрела конкретную форму, когда Абдул-Хамид, взойдя на трон, предпочел жить и править, находясь за высокими, неприступными стенами парка своего дворца Иллыз, расположенного на склонах гор над Босфором. Замкнувшись в себе, Абдул-Хамид отвернулся от дворца Долмабахче, творения его отца, что демонстрировавшего свое величие в плещущихся у его павильона водах. Вместо этого вновь избранный султан расширил своего собственного, уединенного пребывания Звездный дворец, что возведенный для фаворита султана. Он снес стоявшие тут жилые здания и приспособил освободившуюся землю — создание хаотичного, изолированного комплекса различных зданий — павильонов, шале, помещений секретариатов и государственных учреждений, казарм и помещений для охраны. Все было призвано быть имперским дворцом, новым центром власти, из которого султан отныне правил, находясь в полной изоляции, Османской империей — абсолютный автократ, какого едва ли можно было встретить в истории.

Дворец был похож на центр страха — иррационального страха Абдул-Хамида за свою собственную безопасность, вызываемого рожденным недоверием ко всем людям, чувством опасности в будущем, кто соприкасался с ним. Еще в начале правления нервное устройство султана стало хроническим после случившегося в Константинополе восстания либералов, поднятого Али Суави, лидером «молодых османов», незадолго до этого вернувшимся из ссылки. Его

целью было сместить Абдул-Хамида, освободить и вновь возвести на трон вместо него смещенного брата и предпослественника — Мурада V.

С большим отрядом вооруженных сторонников Али Суави ворвался во дворец на Босфоре, в котором содержался Мурад, и при содействии его матери стал просить его опоясаться мечом и следовать за ним. Но перепуганный принц отказался от подобной перспективы и кинулся в гарем. Случившейся заминки оказалось достаточно, чтобы прибыл отряд полиции. Командир отряда сблизился с принцем и ударом дубинки убил Али Суави. Его ближайшие товарищи были также убиты или ранены, тогда как остальных восстательно-политических суд приговорил к депортации. Тем временем сам Мурад был переведен в более надежное место содержания в одном из зданий на территории дворца Йилдыз.

Неудавшийся государственный переворот Али Суави, который дворцовые соглядатаи поспешили преподнести султану как широко масштабный заговор, настолько повлиял на разум султана, что, когда британский посол Лайярд попросил об аудиенции по дипломатическим вопросам, Абдул-Хамид впал в бредовое состояние, воображая, что его должны увести в море на британском военном корабле и там от него избавиться, а Мурад в это время сможет взойти на трон. Сэр Генри Лайярд, как он впоследствии вспоминал, обнаружил султана в углу огромного зала с взглядом, полным ужаса, расположившимися вокруг вооруженными телохранителями.

С этого времени подозрительность и страх Абдул-Хамида стали невротической obsessions, Йилдыз был вскоре превращен фактически в крепость. С воротами, запирающимися изнутри, султан приказал возвести вокруг него вторую сплошную стену напротив нее — огромные казармы для своей албанской императорской гвардии, численность которой измерялась тысячами человек. Внутри стен каждое подходящее место увенчивали наблюдательные пункты, оборудованные сильными телескопами, чтобы контролировать весь прилегающий район Босфора и Золотого Рога, тем самым защищая дворец с любого направления. Вскоре Абдул-Хамид дошел до той степени изоляции, когда он крайне редко мог осмелиться выглянуть за стены Йилдыза. Чтобы не ездить в мечети города, мечеть была возведена у ворот дворца, где султан молился каждую пятницу.

Бледный, молчаливый и меланхолический, со «зловещим и пронзительным» взглядом, не вязавшимся с его обходительными манерами, Абдул-Хамид каждую минуту на каждом шагу подозревал всех, кто окружал его. Он окружил себя армией шпионов, агентов-провокаторов, секретной полицией и осведомителями, ежедневно снабжавшими его своими сведениями. Дошло до того, что стали говорить, что

одна половина населения Стамбула занималась тем, что шпионила за другой.

Абдул-Хамид был правителем, который держал все государственные дела под своим болезненным контролем. Он неутомимо работал с утра до вечера. Умеренный в еде из-за хронической диспепсии султан делал небольшие перерывы только для коротких приемов пищи и чтобы выпить глоток воды. Из суеверия воду брали только из одного и того же святого источника, который предсказатель считал свободным от опасности заражения холерой или чумой. Абдул-Хамид сам вел всю свою корреспонденцию, интересуясь мельчайшими деталями, ведя контроль торговых отчетов и петиций и лично принимая всех, с кем предстояло иметь деловые отношения.

Не доверяя ни одному из своих министров и чиновников «как анцимерам и паразитам», он использовал в своих целях взаимную неприязнь, назначая одного в пику другому, настраивая всех против всех, чтобы не возникало никаких подозрений. Монополизировав власть только в собственных руках, Абдул-Хамид отдавал приказы и распоряжения лично и напрямую, с помощью штата собственных секретарей. Эти директивы нередко противоречили указаниям, данным великому визирю, и в результате снижали традиционный статус последнего, ибо тот больше не стоял, как в прошлом, между султаном и министрами в качестве главного звена.

Таким был характер правления абсолютного деспота, правившего, как он верил, на основании Божественного права. Его государство в действительности было полицейским государством, бюрократией, фиксированной внутри дворца Йилдыз и, более того, подкрепленной в конце его современным инструментом автократии, более могущественным, чем те, которыми обладали его предшественники. Это был телеграф. Первоначально внедренный союзниками во время Крымской войны, а затем развернутый по всей империи французской оккупацией, он был максимально использован Абдул-Хамидом по линии вновь сформированного министерства почт и телеграфа, создавшего в школах курсы по подготовке телеграфистов-операторов. Сеть телеграфных линий и кабелей вскоре протянулась по всем частям империи, общей длиной около двадцати тысяч миль, связав столицу со всеми ее провинциальными центрами и тем самым дав Абдул-Хамиду возможность напрямую контролировать всю чиновничью бюрократию, чего не мог сделать ни один из предшествующих султанов. Губернатор больше не посылался править по собственному усмотрению и на собственный риск. Теперь, имея телеграф, султан мог «поручить ему что-то конкретно, выяснить, что тот сделал, дать ответ, отозвать, дать указание его подчиненным сообщать султану о проступках губернатора и в целом лишить его какой-либо реальной власти». Тотальный автократ, каким он в результате стал,

не сдерживаемый хоть каким-то подобием политической оппозиции или конституционными ограничениями своей абсолютной власти, Абдул-Хамид ненавидел любые формы либерального правления. Это из-за него, как это в своем презрении видел он, правители Запады позволяли себе быть управляемыми собственными подданными.

Тем не менее, отвлекаясь от политики, он не был слепым реакционером, в своем следовании по пути модернизации он по-прежнему продолжал заимствовать опыт Запада, как это делали его предшественники по танзимату, не только в своих собственных целях в области техники, но и в области правовой и образовательной реформ. Действуя автократическими методами, Абдул-Хамид расширил и довел до осуществления на практике многое из того, что предшествующие реформаторы планировали, но лишь частично смогли осуществить. Острее всего в данное время империя нуждалась в более развернутой государственной службе, достаточно компетентной, чтобы вести ее публичные дела и отправлять ее законы и финансы в соответствии с волей султана, следовательно, гарантируя упорядоченное и прогрессивное развитие.

Чтобы идти в ногу с Западом, султану нужны были реформы усовершенствования в системе народного образования. Султан мечтал иметь вокруг себя надежное, образованное сословие чиновников, чтобы заменить тех, чья репутация была запятнана, и тех, кто находился в изгнании. Султану необходимо было увеличить число тех, на кого он мог бы положиться в будущем в выполнении предписаний и в служении его государству. С этой целью Абдул-Хамид реорганизовал Мюлькийе*, первый в империи центр высшего гражданского образования, увеличив в двенадцать раз число обучающихся в нем.

В военной области аналогичным образом был расширен военный колледж Харбийе наряду с военно-морским, общевоинским инженерным и медицинским училищами, как военными, так и гражданскими. Абдул-Хамид увеличил сеть образовательных учреждений восемнадцать новых высших учебных заведений и профессиональных школ, в которых преподавались такие предметы, как финансы, изящные искусства. Учебные заведения занимались также подготовкой инженеров-строителей, полицейских и таможенников. Наконец, он основал Стамбульский университет, материализовав таким образом проект, задуманный полвека тому назад. Чтобы заполнить эти новые учебные заведения студентами и преподавательским составом, было повсеместно осуществлено расширение сети начальных и средних школ и колледжей по подготовке преподавателей. В столице преобразование среднего образования стало расширением и туркификацией франко-турецкого училища в Галатасарае. Ныне превратившийся в имперский османский лицей, он стал элитарным средним

учебным заведением для семей из турецкого правящего класса, с преподавателями, подобранными из числа ведущих турецких ученых и литераторов.

Таким, благодаря завидному трудолюбию Абдул-Хамида, было воплощение в конкретных практических формах долго не реализовавшихся идеалов танзимата. Наконец-то возникло ядро реального, нового образованного слоя общества, элиты профессионально подготовленных гражданских служащих, чтобы укомплектовать громадную бюрократическую машину хамидовского режима — и, по иронии судьбы, антихамидовского режима, который должен будет сменить его.

В области правовой реформы Абдул-Хамид вначале добился большего успеха. Под началом министерства юстиции он планировал так сформировать османское гражданское судопроизводство, чтобы обеспечить его признание иностранными комиссиями, ограничив тем самым правовые привилегии, которые давали им капитуляции. Но иностранные миссии отказались применять в смешанных судах относящиеся к ним новые законы по гражданскому судопроизводству и исполнению приговоров. Так что их экстерриториальные привилегии остались прежними. В области информации дальнейшим явлением в развитии Турции стало распространение печатного слова посредством газет, периодических изданий и книг. Все они подвергались строгой цензуре, часто вплоть до полного выхолащивания — «кастрированные газеты» (как назвал их один из иностранных наблюдателей), не дававшие никаких политически значимых сообщений. Тем не менее они распространялись все шире. По всем не относящимся к политике темам, таким, как литература, наука и другие области знания, новая читающая публика могла расширять свой кругозор.

В области финансов Османская империя теперь более чем когда-либо зависела от милости Европы. На конгрессе в Берлине заинтересованные страны впервые столкнулись с проблемой невыполнения обязательств по турецкой задолженности. В официальном протоколе они предусмотрели учреждение в Стамбуле международной финансовой комиссии, чтобы найти средства для удовлетворения требований держателей облигаций. В этом вслед за территориальными потерями турок в Европе проявилась унижительная перспектива ограничения Европой суверенных прав османов внутри страны. Для Абдул-Хамида это был удар по его национальной гордости турка, который он поначалу просто не мог снести. Но его казна остро нуждалась в средствах, и он вынужден был признать необходимость поступить подобным образом и восстановить определенный уровень престижа Турции за рубежом.

В 1881 году он издал Мухарремский указ, которым в согласии с европейскими держателями облигаций учреждалась Администрация

османского публичного долга. Составленный из турецких и иностранных представителей, руководящий совет администрации был призван гарантировать возобновление обслуживания государственного долга. Указ был составлен султаном с таким расчетом, что восстановить по отношению к Турции доверие Европы, но при этом своим появлением не ослабить ее суверенные права.

В отличие от того что первоначально предусматривалось в Берлине, совет не был официальной международной комиссией состоящей из представителей иностранных государств. Он был приемлемым для султана продуктом двустороннего соглашения между Портой и ее кредиторами, полуофициальным по своему характеру органом, свободно согласованным обеими сторонами в дипломатическом вмешательстве.

Условия, выдвинутые советом турецкому казначейству, были по меру лояльны. Сумма долга была списана наполовину, до немногим более ста миллионов фунтов стерлингов при ставке процента не более 4 процентов годовых, а обычно совсем низкой — 1 процент. В свою очередь, казначейство уступило совету значительную часть ежегодных доходов государства для выплаты процентов погашения облигаций. Эти доходы включали поступления от соли и табачной монополий, дань, уплачиваемую Болгарией и Восточной Румелией, денежный излишек от доходов кипрской администрации и ряд косвенных налогов и десятин. Но любой излишек этих ежегодных доходов, остававшийся после выплаты процентов и погашения, должен был возвращаться казначейству. Совет по государственному долгу, хотя и возложил на Турцию тяжелое бремя, стал институтом, благодаря которому турки с их традиционным уважением к учреждениям стали постепенно рассчитываться с долгами. Должны были пройти еще сорок долгих и беспокойных рядов причин лет, прежде чем турецкое правительство предприняло попытку освободиться от обязательств, вытекавших из Мухарремского указа Абдул-Хамида.

Урегулирование долга Османской империи фактически означало, что впредь экономическое развитие страны будет финансироваться в основном европейскими инвесторами через Администрацию публичного долга. Турция стала быстро продвигаться к процветанию, выгоде и для иностранцев, и для турок-мусульман в смысле растущей занятости и расширения сферы услуг. Ранее заброшенные сельскохозяйственные и природные ресурсы разрабатывались иностранными концессионерами. Государственный долг оживил производство шелка в Бурсе. Французский капитал эксплуатировал угольные шахты Зонгулдак на берегу Черного моря. Выращивание табака стало монополией франко-австрийской компании, обеспечивавшей работой десятки тысяч турок-мусульман от Македонии до Ливана.

и Северной Анатолии. Но больше всего, благодаря толчку, данному Советом по государственному долгу, империя была охвачена строительством железных дорог, впервые начатым Абдул-Азизом и теперь получившим пироккий размах и делавшим ее более открытой внешнему миру. При Абдул-Хамиде главные города империи были один за другим связаны между собой железными дорогами протяженностью в несколько тысяч миль, часто в местах, где всего-навсего имелось несколько дорог, к выгоде расположенных в них отраслей промышленности и прилегающих сельских районов. В 1888 году Турция впервые была соединена железной дорогой с Западной Европой, что сопровождалось прибытием под звуки оркестра первого поезда прямого сообщения «Вена—Стамбул» — предшественника Восточного экспресса.

Для султана Абдул-Хамида этот прорыв сквозь барьеры между Востоком и Западом не был во всем желателен. По своему характеру Абдул-Хамид был сторонником изоляции как во внешней политике своей империи, так и в своей собственной личной жизни. Он постепенно отворачивался от западных держав, которые оставили его один на один в последней войне с Россией и мотивации которых бывали у него категорическое недоверие. Султан был особенно роен против Британии, которая, как это виделось ему, предала его, завшись поддержать во время войны, которая низвела Турцию до уровня государства-банкрота, а его собственный экономический рейтинг свела практически к нулю. Британские консулы постоянно вмешивались во внутренние дела турецкой империи, настаивая нежелательных для султана реформах в провинции. Он в сущности испытывал «чувство ужаса перед мистером Гладстоном», который вернулся к власти в 1880 году и в свою очередь видел в султани и его правительстве «зияющую бездну мошенничества и фальши».

В 1885 году, когда торн вернулись к власти, посол Британии сэръ Альфред Уайт доложил лорду Солсбери о полной утрате влияния в Порте правительствами Лондона, Парижа и Вены: «Раньше с ними постоянно советовались. Теперь же их совет остается без внимания и даже выслушивается в дурном настроении, если не с пренебрежением. Их ноты и заявления получают уклончивые ответы или на них не отвечают вообще». Абдул-Хамид отвернулся от своих традиционных союзников и обратился к России, своему традиционному врагу, с тактика обольщения за счет искусного опережения других и принесла ей возросшее расположение Порты. Более серьезным было то, что султан обратился также к новому источнику поддержки в лице растущей мощи Германии, в которой все еще продолжал господствовать Бисмарк, ставший ныне, как и Австрия, активным союзником России в рамках тройственного союза «Трех императо-

ров». Влияние Германии в Турции вскоре подтвердилось прибытием германских офицеров для подготовки и совершенствования турецкой армии.

В отношении необходимости выполнять условия договора берлинского конгресса Абдул-Хамид прибег к политике отсрочек и затяжек своих действий, напоминая арьергардные бон. Первая задержка такого рода случилась в 1880 году в Черногории, которую договор признал в качестве независимого государства, с портом Антивари на Адриатике. Чтобы Антивари не превратился в русскую военно-морскую базу, он был уступлен на условиях, что порт не должен использоваться черногорскими или иных стран военными кораблями. Теперь же Абдул-Хамид решительно отказался отдать порт. Его отказ спровоцировал морскую демонстрацию европейских держав напротив порта, которую султан по-прежнему протипурировал. В конце концов Британия через посла Гладстона виконта Ганга стала угрожать, что, если султан не уступит, британские корабли оккупируют другой важный турецкий порт — каковым, как выяснилось позже, была Смирна. Султан все еще отказывался, позволив себе в тот вечер в приступе бешенства заявить, что он был бы счастлив увидеть Лондон лежащим в развалинах. Но когда британский флот был готов к отплытию, в последний момент появилась шлюпка, спешившая от берега с чиновником на борту, отчаянно размахивающим бумагой. Султан уступил.

Схожие затяжки решений, исходившие из дворца Йилдыз, практиковались и при урегулировании пограничных вопросов с Грецией, которое было отложено конгрессом, поскольку греки не участвовали в войне. В этом случае тактика Абдул-Хамида использовала отсутствие единства среди держав оказалась более эффективной. Отвергнув предложение уступить Греции всю Фессалию и Эпир. При продолжительных переговорах, во время которых была отобрана греческая армия, он добился урегулирования с уступкой в Фессалии, но только одной трети Эпира, исключая районы, заселенные мусульманами. Но Греция все равно не получила Крит, как она надеялась.

Обратив взоры к Болгарии, своему ближайшему европейскому соседу, султан оказался менее самоуверенным. Здесь после подписания Берлинского договора сложилась ситуация, благодаря которой он имел не один повод для вмешательства, одновременно исходя из условий договора и интересов своей империи. Но Абдул-Хамид упрямства предпочитал не делать ничего. В автономном княжестве Северной Болгарии, за Балканским хребтом, на первый взгляд казалось, что влияние «России-освободительницы» как будто действительно преобладает. Болгарским князем был Александр Баттенберг, конституционным путем избранный Болгарским собранием

он, которое он позже распустил. В первое время он пользовался поддержкой русских, действовавших как сила за его трон и одобравших политическую тактику противопоставления князя народу — имя царя. Но Александр испытывал к русским презрение и презира и отвергал их господство, жалуясь, что «вся пакиль России пришла здесь прибежище и наложила отпечаток на всю страну». Но и болгары долго не могли терпеть этих чужеземных надсмотрщиков, их бестактной, подавляющей манеры поведения и их имперского вмешательства в дела страны. Не смешили ли они одну форму рабства на другую, освобожденные от подчинения туркам, как раба, только ради того, чтобы третироваться русскими как низшего сорта раба? Они вскоре стали предпочитать Баттенберга, Александра Сербободителя, вешая его портрет у себя в домах, в то время как по стране стал звучать националистический призыв «Болгария — для болгар!».

Эти настроения оформились в движение за союз между двумя болгарскими государствами, северным и южным, решение о которых было принято в Берлине. К югу от Балканского хребта лежала плодородная территория Восточной Румелии, автономной болгарской провинции, все еще находившейся под протекторатом султана. Русские войска оставались там только до момента принятия конституции. Затем султан назначил в качестве ее христианского губернатора некоего Гавриила-пашу, известного туркам как «президент учителей» в их смешанных судах. По прибытии в Филиппополь он сменил официальную турецкую феску на болгарский колпак. Националистически настроенные жители терпели его только из опасения, что в ином случае султан может направить в Румелию войска, к чему его обязывал договор, и нанести поражение существовавшему там болгарскому ополчению.

Тем не менее им не терпелось объединиться, и Порта ускорила движение требований единства тем, что настаивала на праве турок накладывать вето на законодательство Румелии*. Между тем султан издал провокационное распоряжение, запрещавшее вывешивать болгарский флаг. Бросая вызов, люди продолжали поднимать его в Филиппополе, столице, а болгарские войска, не встречая противодействия, осуществили «бескровную революцию» под националистические призывы «Да здравствует союз». Несколькими днями позже князь Александр, по настоянию Стамбулова, вождя повстанцев, вошел в Филиппополь, чтобы под радостное одобрение быть объявленным правителем Восточной Румелии, между тем как собрание с энтузиазмом одобрило союз. Тем временем Гавриила**, турецкого губернатора, протащили на посмешище по улицам города с вынутой из ножен саблей у него на боку, чтобы затем препроводить его обратно через границу в Турцию, где он снова смог надеть свою феску.

В этом был откровенный вызов Османской империи. Но, следовательно, это было и возмутительным нарушением Берлинского договора. Болгары приготовились к обороне в уверенности, что султан, продемонстрировав свое неприятие союза, теперь начнет утверждать права, имеющиеся у него по договору, то есть имея на то мандат держав-участниц, путем посылки турецких войск. Но никакие войска не пришли. Абдул-Хамид, как он дал понять, опасался повторения массовой резни болгар его необузданными солдатами, что так возмутило западные державы. Вместо этого он признал совершившийся факт, назначив князя Александра губернатором Восточной Румелии на пятилетний срок. Вдобавок к этому теперь национальные собрания двух государств заседали как единый орган в Софии.

Подобное разрастание Болгарии в столь большое государство разожгло завистливое возмущение ее соседки Сербии, правитель которой князь Милан потребовал территориальной компенсации, затем предпринял наступление с запада, перейдя границу Болгарии. Болгары оказались в невыгодном положении, поскольку русские, возмущенные успехом Александра, отозвали всех своих офицеров-инструкторов из болгарской армии. Тем не менее подогретами националистическим угаром и ведомые князем Александром болгары упорно сопротивлялись более опытным войскам сербов. За три дня боев на перевале Сливница по дороге на Софию они отеснили сербов за пограничную линию и оказались в состоянии начать наступление по дороге на Белград. В этой ситуации Австрия в качестве покровительницы Сербии вмешалась, чтобы восстановить мир, и статус-кво был восстановлен. Таким, спасшим ее от поражения со стороны сербов, которое могло бы привести к навязыванию ей австро-венгерского протектората, было победоносное крещение болгарской нации огнем.

Во второй раз Абдул-Хамид допустил, чтобы его суверенное право на вторжение оказалось неиспользованным. Он ограничился протестами и принятием мер по обороне внутри страны. Это было бесполезно, каким бы бесславным оно ни было, теперь устранили западные державы, включая Британию. Лорд Солсбери выступил в пользу единой, националистической Болгарии в качестве более эффективного барьера против России на Балканах, чем граница, которую турки оставляют незащищенной, с неохотой обнажая саблю, поскольку их военная сила, как это представлялось послу Британии, «потихоньку усыхала».

Царь был разгневан дерзким государственным переворотом, совершенным князем Александром. В качестве меры возмездия, поддержанной военным атташе царя в Софии, русские офицеры

¹ В действительности это были болгарские офицеры, возглавляемые майором Груевым. — Прим. науч. ред.

анию организовали против Александра заговор*. Они похитили князя, заставили его подписать документ об отречении и переправили его через русскую границу. Но в результате возникшего политического замешательства мятежный Стамбулов настолько возбудил возмущение болгарского народа, что добился возвращения Александра. Участвовавшие в заговоре против него были арестованы и заключены в тюрьму. Александр, однако, проявил слабость. Устав от опасностей своего друсмыслешного положения, опасаясь убийства политическим мятежником или военной оккупацией страны Россией в случае, если он останется у власти, он подтвердил свое отречение, приведя болгарское общественное мнение в замешательство своим изданием царю: «Поскольку Россия вручила мне мою корону, я готов передать ее в руки ее суверена». Затем он назвал имена трех регентов, которым предстояло замешать его, и покинул Болгарию, чтобы никогда больше не возвращаться.

Последовал период неустойчивого «междоусобия», когда три регента, возглавляемые Стамбуловым, ожидали избрания Национальным собранием нового князя-правителя. Русские направили флот в Варну и усердно плели интриги, чтобы восстановить свое влияние и предотвратить выборы. Несмотря на активность русских, Абдул-Хамид упорствовал в своей политике невмешательства. Тем временем в Софии в качестве «советника болгар» был направлен армянский генерал по фамилии Каудьбарс. Его совет сводился к тому, чтобы освободить заговорщиков и отложить выборы. Но осуществляя поездку по стране, агитируя против выборов, он вскоре приобрел всяких симпатий даже со стороны упрямого болгарского крестьянства, лишь укрепляя воинственный националистический дух болгар. Когда выборы были подготовлены и быстро проведены, генерал объявил, что русское правительство отказалось признать их законными. Царь разорвал с Болгарией дипломатические отношения, изгнав генерала и всех русских консулов. В результате Россия потерпела на Балканах решительное поражение от рук болгарских националистов.

Тем временем регентство продемонстрировало свою полную способность управлять Болгарией без иностранной помощи — великое дело, которое западные державы не замедлили отметить. Это было на пользу Стамбулову, который, по сути, стал диктатором. Защитник единства и свободы Болгарии и болгар, он был принципиальным человеком, понимающим свой собственный народ и посвятивший его делу свою жизнь. Находясь на пороге создания самостоятельной государственности, но будучи неискушенными в политических тонкостях, болгары в этот исторический момент пуждались в авторитарном лидере, которому можно было доверять и за которым можно было идти. Тем, что он смог дать русскому недругу «от ворот

поворот», Стамбулов разбудил в болгарях еще большую национальную гордость и неистовый дух болгарского патриотизма.

Теперь оставалось избрать для новой нации нового правящего князя. В 1887 году единодушный выбор собрания пал на принца Фердинанда Кобурга. Россия отказалась признать его избрание законным, но он взошел на трон с молчаливого согласия других европейских стран, подписавших Берлинский договор. Новые выборы в 1887 году подтвердили статус Фердинанда. Во время посадки Фердинанда на трон население приветствовало его с восторженным достоинством, а героического Стамбулова с нескрываемым восторгом. Его восхождение на трон, не признанное Россией и Турцией, было поддержано лордом Солсбери, поскольку принц «Кобургский» был в конце концов родственником королевы Виктории. В течение еще семи лет его премьер-министр Стамбулов продолжал отказываться от союза с Россией, вызывая восхищение Британии, называвшей его «болгарским Бисмарком».

Абдул-Хамид в качестве последнего средства не смог воздержаться от ловкого скрытого удара по Болгарии, введя импортный сбор на ввоз на турецкую территорию любой продукции болгарского производства. В этой ситуации он проявился отнюдь не как султан-воин, готовый, если необходимо, сражаться за еще сохраняющиеся остатки своей империи, которая сократилась еще больше после подписания мирного договора в результате нового акта войны. Вместо этого Абдул-Хамид предпочел отказаться от суверенных прав на свои последние владения в Болгарии. Его османские предшественники рассматривали Восточную Румелию в качестве первой ступеньки на пути к созданию своей империи в Европе. Абдул-Хамид воздержался даже от того, чтобы использовать ее в качестве последнего окна в обороне империи. «Польной человек» присущим ему духом фатализма теперь отворачивался от Европы.

Все в том же стиле пассивной, уклончивой дипломатии султан уже начал утрачивать интерес и к африканскому континенту. Близь ему предстояло потерять Тунис, протекторат над которым взяла на себя Франция, но прежде всего Египет — «ярчайший драгоценный камень в короне султана». Правящим хедивом Египта, все еще выходящегося под номинальным суверенитетом султана, был Исмаил-паша, династия которого, основанная Мехмедом Али, правила страной в течение полувека. Исмаил, подобно самим султанам последнего времени, ведя расточительный образ жизни и игнорируя финансовый контроль над расходами, глубоко увяз в долгах, набрав кимов на сумму, равную почти ста миллионам фунтов стерлингов. В 1876 году — дате, когда правительство Турции само приостановило выполнение своих финансовых обязательств, он фактически был банкротом и согласно плану, подготовленному международной комиссией по государственному долгу Египта, был обязан поставить управление своими финансами под контроль британского и французского генеральных контролеров. По их настоянию был сформирован новый кабинет, в котором министром финансов стал англичанин, а министром общественных работ — француз. Когда в 1879 году Исмаил уволил этих двух министров в попытке сформировать кабинет, состоящий только из египтян, британское и французское правительства официально посоветовали ему «отречься и покинуть Египет». В этом их поддерживали и другие европейские державы.

В случае, если бы Исмаил отказался отречься, два правительства были бы вынуждены обратиться непосредственно к султану. Надеясь выиграть время, Исмаил лично — через агента, давшего щедрые обещания, — представил дело султану как попытку двух иностранных держав посягнуть на его суверенные права. Абдул-Хамиду и в голову не пришло, что эти державы могут решиться осуществить свержение с престола без его согласия как суверена. Крайне встревоженный возможной угрозой своей власти и престижу как внутри страны, так и за рубежом, он созвал совет министров, согласившийся с тем, что этого шага, если возможно, следует

избежать. Как обычно, затягивая время, Абдул-Хамид предложил отложить переговоры.

Однако один из его министров, грек-христианин по имени Каратеодори, который в качестве министра иностранных дел присутствовал в Берлине, настаивал на том, что в этот чрезвычайный момент любая попытка добиться отсрочки будет роковой, заставив державам действовать без согласия султана. Наступил момент принятия твердого решения, и султана в конце концов склонили к тому, чтобы он издал фирман, объявляющий о смещении Исмаила и избрании его сына Тевфика вместо него. Так, в последний момент, султан избежал интервенции двух держав и тем самым спас себя как суверена.

Двумя годами позже разразился новый кризис, опять поставивший вопрос о его суверенитете. Недовольство условиями службы среди офицеров-египтян спровоцировало националистический государственный переворот, который возглавил Ахмед Ораби, полковник феллах по происхождению. Этот переворот был направлен против нового правителя, хедива Тевфика. Результатом стали увольнение премьер-министра и подрыв авторитета самого хедива. Наблюдая за восстанием, Гладстон и его министры, не склонные к вмешательству, вначале не были готовы к чему-либо большему, чем дипломатический демарш, настаивая, что любое военное вмешательство в Египет было ответственностью лишь его суверена — султана. В начале 1882 года, несмотря на сопротивление Гладстона и в ответ на давление со стороны французов, чьи собственные интересы не совпадали с интересами султана, британское и французское правительства подтвердили хедиву, что поддерживают его и хотели бы сохранить действующую систему финансового контроля.

Это спровоцировало в Египте новый взрыв, в ходе которого Ораби с его призывом «Египет — для египтян» заставил хедива сформировать новое правительство, в котором Ораби занял пост военного министра. На этот раз Британия и Франция ради поддержания порядка и восстановления власти хедива направили в Александрию военные корабли. Но их намерения закончились провалом, и военная партия лишь усилила свои позиции, развязав руки новым силам общественного беспорядка. Считалось, что Ораби намеревается изгнать всех христиан. Армейские офицеры настаивали на смещении хедива. Продолжающееся присутствие иностранных военных кораблей разожгло ксенофобию толпы. В Александрии, где нашло убежище немало европейцев, бежавших из внутренних районов охваченной волнениями страны, озлобленные мусульманы устраивали ссоры с ними и драки. Некий пейх кричал на улицах: «Мусульмане, помогайте мне убивать христиан!» Настоящая буря против европейцев разразилась в один из дней, когда были зверски убиты около пятидесяти европейцев.

Совершенно очевидно пришло время употребить против Ораби силу. Поскольку Франция — подозреваемая в том, что вела тайные переговоры насчет соглашения с националистами, — отказалась в этом участвовать, решение задачи выпало на долю одной Британии. Данное обстоятельство заставило Гладстона изменить политику, поскольку более могущественные силы в кабинете министров склоняли его к вмешательству более решительным образом. Британский адмирал Сеймур получил указание потребовать прекращения Ораби работ по возведению укреплений вокруг Александрии, которые предназначались против двух флотов. После того как требования адмирала были отвергнуты, Сеймур, превысив свои полномочия, подверг город артиллерийскому обстрелу. Французы отказались участвовать в бомбардировке и вскоре после этого увели свою эскадру. Абдул-Хамид не скрывал своего удовольствия, убежденный в том, что его империя будет всегда существовать благодаря подобным разногласиям между главными христианскими державами. Между тем хедив объявил Ораби мятежником и провозгласил против него священную войну.

До этого британское и французское правительства созвали конференцию держав в Стамбуле, чтобы попытаться найти решение египетского кризиса при содействии султана. Султан отказался участвовать в конференции и избежал обсуждения вопроса, направив в Египет двух уполномоченных с противоречивыми инструкциями, в результате чего ни один из них не смог чего-либо добиться. Без участия султана конференция обсудила вопрос о необходимости вооруженного вмешательства для наведения в Египте порядка и предложила султану направить с этой целью войска. Когда после трех недель «бессмысленных и таинственных замыслов» он в конце концов согласился назначить представителя, было слишком поздно, чтобы отложить намеченную бомбардировку Александрии — курс действий, который, как он опять-таки не мог себе представить, Британия могла предпринять без его согласия.

Теперь только Британии без поддержки французов предстояло «попытаться рискнуть, — по словам Гладстона, — вернуть нынешнее государство Египта из состояния анархии и конфликта в состояние мира и порядка». Британское правительство планировало только временную оккупацию Египта, чтобы обеспечить стране достойное правительство в будущем. Пока в течение двух последующих месяцев шли военные приготовления, лорд Дьюфферин, посол Британии в Порте, изо всех сил пытался убедить султана предпринять совместную оккупацию и послать вместе с британскими войсками подразделение турецких войск. Это участие должно было подтвердить его суверенные права на Египет и в то же самое время подтвердить уважение Британией единства и независимости его

империи. Военная конвенция на этот счет была обсуждена и передана на подпись султану. Но Абдул-Хамид, очевидно, предположив, что Британия не рискнет действовать без него, фактически похоронила это соглашение с помощью постоянно возникавших возражений и изменений в тексте, продолжая волокиту вплоть до наступления решающего момента, когда лорд Гренвиль, британский министр иностранных дел, смог в депеше, направленной послу, высказать предположение, что «чрезвычайная обстановка сходит на нет, и поэтому ее Величество не считает необходимым в данный момент направлять войска в Египет».

Но именно в этот день, 13 сентября 1882 года, генерал сэр Гарри Уолсли, предварительно достигнув Александрии, начал переброску британского экспедиционного корпуса по Суэцкому каналу к Исманию, откуда он направился в глубь страны, с тем чтобы полностью уничтожить египетскую армию Ораби в битве при Тель-эль-Кебира. На следующий день британская кавалерия вошла в Каир. И вновь султан Абдул-Хамид не использовал свой шанс, собственному унижению и гневу в адрес Британии, но к облегчению хедива, который теперь с триумфом вернулся в свою столицу. Султан все еще должен был приспосабливаться к бросающимся в глаза различиям в темпах между восточной и западной дипломатиями.

С самого начала намерением Британии было вывести войска из Египта, как только станет возможным создать устойчивую местную администрацию, по-прежнему под суверенитетом Турции. Пока Абдул-Хамид через своих агентов в Каире интриговал против правления англичан, лорд Дьюферин составил план введения в страну полусамостоятельного египетского правительства. Военные же власти Британии обсуждали план эвакуации войск в течение двух или трех лет. Когда к власти в 1885 году пришло правительство консерваторов, лорд Солсбери в качестве премьер-министра направил специальную миссию в Стамбул сэра Генри Друммонда-Вольфа. Его задачей было попытаться достичь между двумя странами, по-прежнему в духе англо-турецкой дружбы, соглашения, отвечающего их взаимным интересам, которое подтверждало бы права султана на Египет и в то же самое время сохраняло британское влияние.

Вскоре было достигнуто предварительное соглашение о посылке в Египет британского и турецкого уполномоченных для наблюдения за ходом реформирования египетских армии и администрации. Но должно было пройти некоторое время до начала серьезных переговоров. Эти переговоры привели в 1887 году к подписанию

англо-турецкой конвенции, подлежащей ратификации двумя соответствующими суверенами. Согласно конвенции стороны договорились, что, если не возникнет какой-либо серьезной внутренней или внешней угрозы Египту, британское правительство выведет свои войска в течение трех лет с правом вновь ввести их в случае, если Египту будут угрожать вторжение или внутренние беспорядки. Вывод войск должен был сопровождаться международными гарантиями нейтралитета Египта и поэтому зависел от одобрения европейскими державами согласованных условий конвенции.

Ввиду того что конвенция подразумевала особый статус Британии в Египте, против нее решительно выступила Франция, посол которой оказал на султана давление, угрожая вместе со своим русским коллегой не дать своего согласия. Подвергшийся такому давлению Абдул-Хамид отказался — опять-таки в последний момент — ратифицировать конвенцию от имени Турции. Друммонд-Вольф отбыл в Англию, не выполнив поставленной перед ним задачи, и британская оккупация Египта продолжалась.

Абдул-Хамид, который вначале, казалось, гордился дипломатической победой над Британией, вскоре стал осознавать, что на самом деле серьезно ошибся. В результате он направил лорду Солсбери просьбу о возобновлении переговоров. Премьер-министр нежливо, но твердо отклонил ее. Попытки добиться ухода англичан со стороны Турции, Франции и России, предпринимавшиеся в течение последующих пяти лет, ничего не дали, а проблемы, связанные с англо-египетским управлением Египтом, стали такими, что исключали этот шаг.

Контроль над страной с военно-морской базой, расположенной в Александрии, становился все более необходимым, поскольку «восточный вопрос» изменил свое направление. Ось международной борьбы и господство сместилась из Турции в Египет, из Босфора — в Суэцкий канал, с Ближнего — на Дальний Восток. Прямая угроза Османской империи со стороны русских и вытекавшая из этого угроза (превалировавшая век тому назад) их проникновения через Балканы или проливы в Средиземное море теперь стала меньшей, поскольку русские в своих имперских планах обратили взоры далеко на восток Азии. Это в свою очередь сместило опасности англо-русской конфронтации к границам Индии, тем самым придав большее значение морским путям, которые теперь контролировались Египтом. В реальности Египет теперь управлялся Британией. На протяжении 270 лет он был частью Османской империи. Но теперь султан Абдул-Хамид отказался от последнего подобия власти турок в этой стране.

В своей деспотической изоляции султан, находившийся во власти соблазнов и искушений собственной непогрешимости в деле «одурачивания иностранца», упорно лишал себя преимуществ умного, заслу-

живающего доверия совета. Благодаря сочетанию вероломства неуклюжей дипломатии он терял одну за другой возможности разумного ведения внешней политики. Египет стал наиболее ярким примером подобного положения дел. В этом случае, несмотря на благожелательное отношение и поддержку со стороны Британии, Абдул-Хамид оставался непоколебимым в своем отказе служить собственным интересам и интересам собственной империи. В его отречения от прав на Болгарию, служившую воротами к сохранявшимся владениям на Балканах, султан с его неизменной политикой пассивности исходил из заключения, что его империя на Западе была обречена и что ее окончательная утрата была лишь вопросом времени. Но его отказ от Египта был одновременно и ненужным и неразумным.

Хотя его суверенитет над Египтом в смысле секуляризма был теперь не более чем формальным и в основном символическим, в религиозном смысле Египет был символом решающей значимости для общей политики, которую Абдул-Хамид теперь стремился проводить. Ибо, отвернувшись от остатков империи в христианской Европе, султан обратился с надеждами на возрождение или в крайней мере на выживание к мусульманской части империи в Азии широко раскинувшиеся владения которой все еще оставались нетронутыми. Он переносил свой центр притяжения дальше на восток, в направлении мира ислама. Азия была колыбелью не только его нации и его династии, но и его религии и основной массы его народа. Султан был для них защитником не только их земель и их жизни, но и их веры.

Отсюда значимость Египта. Ибо Каир уже больше тысячелетия был великим духовным центром ислама, а за несколько веков до захвата турками — столицей халифата. Существовала легенда, что после въезда в Каир в 1517 году османский завоеватель Селим I был якобы официально признан в качестве халифа последним наследником халифата Аббасидов, а позднее получил почетную должность шерифа Мекки, чтобы стать хранителем святых мест ислама. Для дома Османов это подразумевало духовное руководство всем мусульманским миром. Стамбул стал широко признанным местом нахождения халифата и городом ислама, или «Ислам-болом». Каждый султан османов с тех пор носил двойной титул и мирской и религиозный — султан-халиф. Признание правомочности этой претензии было среди мусульманских стран далеко не всеобщим. Но именно через инструмент халифата Абдул-Хамид теперь стремился вновь утвердить власть и престиж дома Османов, не только в своих владениях в Азии, но и в целом в мусульманском мире. Это был, следовательно, неудачно выбранный момент, чтобы безвозмездно пожертвовать своим светским суверенитетом.

нигетом над Египтом, тем самым источником духовной суверенности, которую он получал от халифата.

Переориентация Абдул-Хамидом его политики отражала общую реакцию исламского мира на западный и русский империализм с его нарастающим господством на территориях мусульман — от Северной Африки до Центральной Азии и Индии. Турция стала как бы сборным пунктом для его жертв, которые глубоко чтили Абдул-Хамида как правителя, который освободился от засилья Запада. Кроме того, они видели, что его империя все еще была, по словам Арнольда Тойнби, «намного более богатым и наиболее могущественным, аффективным и просвещенным из всех существовавших мусульманских государств». Помня о неудачной попытке реформаторов танзимата разрешить конфликт, связанный с дуализмом государства и религии, Абдул-Хамид просто отложил его в сторону, заменив собственным неслышим, абсолютным правлением. Подкрепляя собственную власть теми инструментами, которые обеспечивала современная технология, он хотел сформировать «конституционный абсолютизм», разрабатывая реформы по собственному выбору, хотя и по-прежнему в традициях танзимата, проводя их главным образом в центре и к выгоде все более бюрократизировавшейся элиты.

В глазах своих подданных Абдул-Хамид восстановил сильный, традиционный исламский режим, свободный от иностранного вмешательства и влияния. В своем султано-халифе турецкий народ ценил такие личные качества, как аскетизм, трезвость, пiousность, что как мусульмане, вдохновляемые духом с традиционно присущим им шиританством, они не могли не уважать. Султан пользовался весьма сильной поддержкой не только со стороны своих собственных министров и правящей верхушки в целом, но и такими силами, как улемы. Лояльной по отношению к нему была также широкая прослойка «людей религии» различных уровней, уважавшихся во имя исламского единства независимо от того, были ли они потомками пророка или же нет; а также учеными и мистиками менс ортодоксальных колледжей и монастырей дервишей, ряд орденов которых пользовался особым расположением во владениях султана.

Изолируя свою столицу, Абдул-Хамид полностью отвернулся от Запада как далекого и враждебного мира. Политические взгляды, институты и действия Запада упорно игнорировались его подвергнувшейся цензуре прессой как вводящие в заблуждение. Турецкой интеллигенции внушалась вера в превосходство культуры средневекового исламского прошлого. Молодые османы, привязывая свои планы реформы и модернизации к институтам мусульманской веры, отмечали, что в действительности они были заимствованы на Западе.

Ипподром в Стамбуле, оставшийся в наследство от Византийской империи. В начале XIX века сохранилось свидетельство его первоначального предназначения: «Площадь», образующая неравносторонний четырехугольник примерно в 260 ардов длины и 150 ширины, была превращена в неофициальный рынок. Обратите внимание на красивую мечеть Ахмедие (слева), колонну Константина (или Феодосия) и сфинксовый обелиск, а также на причудливую османскую архитектуру зданий, расположенных справа.

Меллион, «Путешествие по Константинополю в картинках».

Абдул-Хамид не хотел видеть ничего подобного. Линия Хамида сводилась к тому, что арабская цивилизация была источником европейской, заимствовавшей из ислама не только свою конституционную систему, но и арабские науку и технологию — алгебру, химию

и физику; такие современные изобретения, как компас и черный порох; литературу и мастерство исторического повествования — в действительности все то, чем восторгались на Западе. Что же тогда мусульманам нужно было от Европы, если не считать нескольких их собственных изобретений, которые с тех пор Европа пыталась усовершенствовать? Книга, повторявшая этот тезис, открывалась словами: «Основами современной цивилизации являются не что иное, как поступки и традиции Мухаммеда».

Таким было послание, с которым апеллировали к исламскому миру в целом, — послание, излагающее основные концепции панисламизма. Вот здесь, в Османской империи, во все еще нетронутых азиатских владениях, находился центр притяжения, к которому мусульмане могли обратиться в своих поисках помощи, вдохновения

и руководства. С самых первых дней своего правления Абдул-Хамид предусматривал подобную роль для себя и для своей империи. Теперь, намереваясь вернуться назад, на анатолийскую родину, откуда турки впервые перебрались в Европу, он стал старательно готовить свою страну к этой роли, расширяя связи теми различными исламскими сообществами, которые располагались внутри и вне ее далеко раскинувшихся границ.

Абдул-Хамид впервые раскрыл цели своей исламской политики путем назначения одним из первых своих великих визирей не турка, что было обычной практикой, или одного из своих собственных ближайших подданных, а генерала Хаир эд-Дина, государственного деятеля из черкесов, который многого добился в качестве главного министра бия Туниса. Султан объяснил свой отход от принятой практики в соответствующем фирмане, решительно провозгласив свое право халифа прибегать к услугам всех мусульман-суннитов, живущих в мире ислама. В этом решении он взял на себя дополнительные хлопоты, отдавая предпочтение в своей администрации и судебной системе не только мусульманам перед христианами, но и мусульманам других национальностей из числа живших в империи перед турками. Особым почетом пользовались арабские шейхи из отдаленных мест, получавшие собственное жилье в имперском Серале. Все больше и больше стремился султан добиться лояльности мусульман, беря на себя заботу о проблемах арабов, курдов, албанцев и других мусульман, живших на христианских границах его империи и за рубежом, проявляя постоянный интерес к мусульманским народам далеких стран. Бывший «больной человек Европы», вернувшись в свои азиатские пределы, теперь стремился стать «сильным человеком Азии». Но, поступая подобным образом, султан неизбежно должен был вызывать антагонизм со стороны Европы и цивилизованного мира Запада. Ибо внутри этих границ все еще процветало значительное христианское меньшинство, которому Абдул-Хамид все больше не доверял и рассматривал как помеху своим планам, — армянский народ.

Армения, географически расположенная между Востоком и Западом, на стыке враждующих империалистических устремлений, утратив свою национальную независимость пятью веками раньше. Теперь же большинство ее христианского населения было разделено между Турцией, Россией и Персией, не имея армянского государства, к которому оно могло бы обратиться за защитой. Армянское население Османской империи равнялось примерно двум с половиной миллионам человек, из которых более полутора миллионов владели землями в ее шести восточных провинциях, или вилайетах. Но ни в одном из них армяне не составляли большинства. В собственном отечестве они повсюду жили как религиозное меньшинство среди

мусульман. Вплоть до второй половины девятнадцатого столетия крестьянские массы армянского населения оставались политически безучастными, пользуясь уважением за свою трезвость и трудолюбие, как и их братья из деловых кругов в городах.

Тем не менее как народ арийского происхождения, верный своей религии, языку и культуре, они были людьми, обладающими ярко выраженным чувством национальной гордости. Армяне с течением времени стали извлекать пользу из западного образования, не только в католической Европе, но и здесь, на Востоке, с помощью американских протестантских миссионеров. Исполненные чувства национального самосознания, армяне решили послать на Берлинский конгресс армянскую делегацию, потребовавшую назначения христианского генерал-губернатора — как в Ливане после получения тем автономии в 1861 году, — чтобы христианин-губернатор служил их интересам в этих восточных провинциях. Хотя данное требование и не встретило отклика, европейские державы признали потребность армян в местных усовершенствованиях и реформах в их провинциях, а также в гарантиях их безопасности со стороны черкесов и курдов. В соответствии с условиями Берлинского договора, Порта была обязана претворить эти условия в жизнь и периодически отчетываться перед державами, которые будут следить за их исполнением, о шагах, предпринимаемых в этом направлении.

Но Абдул-Хамид был несклонен в своем отказе выполнять подобные обещания. Его единственной уступкой было назначить в каждую провинцию с армянским населением христианского вице-губернатора, который на деле был не больше чем марионеткой султана, подчиняющейся его распоряжениям, подлежащей немедленному увольнению в случае, если он осмелится предпринять хотя бы один шаг по собственной инициативе. Такие губернаторы стали с иронией называться Эвет Эфенди, иначе «Господин «Да», за их смиренное согласие с желаниями своего господина. Вскоре стало ясно, что при любых обстоятельствах у Абдул-Хамида никогда не будет никакого желания претворять в жизнь предписанные Берлинским конгрессом реформы. Султан и не думал подчиняться повелениям послов иностранных государств, которые стремились подобным образом нарушить его суверенные права. Меньше всего Абдул-Хамид мечтал изменить к лучшему судьбу армян, которые в результате стали для него каким-то наваждением, вызывающим страх и раздражение. Всякий раз, когда представители какого-либо иностранного государства добивались увольнения чиновника за плохое обращение с армянами, султан неизменно выдвигал его на более высокий и более доходный пост.

Согласно условиям кипрской конвенции британское правительство направило в различные восточные провинции консулов, чьи сообще-

ния подтвердили грубую дискриминацию, чинимую армянам турецких судах, и несправедливость в отношении армян при оценке и сборе налогов и десятин со стороны продажных турецких провинциальных властей. Более того, в тех отдаленных районах, где власть турок была менее действенной, армяне страдали от безжалостных вымогательств со стороны могущественных предводителей курдских племен и опустошительных набегов их занимавшего мародерством соплеменников. Подобный беспорядок требовал сдерживания курдов с помощью реорганизованной полиции и жандармерии. Но протесты британского правительства были встречены Портой не более чем пустой завесой многословия. Необходимые меры, как лицемерно утверждалось, принимались путем направления в Курдистан компетентных чиновников, тем самым обеспечивая безопасность этим и другим «верным подданным султана». Но при этом добавлялось, что «где бы в Армении ни случались мелкие преступления, — которые, естественно, случаются в любой стране мира, — всегда находятся сверхусердные люди, похожие, берущие на себя выдумывание воображаемых преступлений в дополнение к реальным и представляющие их в глазах Европы и консулов в местах в качестве действительно имеющих место».

Этот неконструктивный ответ спровоцировал в 1880 году коллективную ноту послов шести стран-участниц договора, подвергавшую критике и потребовавшую конкретных реформ, «чтобы обеспечить безопасность жизни и собственности армян».

На это Порта вновь дала двусмысленный ответ, даже не снизойдя до упоминания конкретно поставленных вопросов. Султан Абдул-Хамид в своей безжалостной неприязни к иностранцам теперь мстил за поражения на полях сражений. Он и не старался скрыть свой отказ поощрять внутри своих собственных границ иностранную помощь этим оставшимся христианским подданным. Как стало ясно, не существовало никакого эффективного шага, кроме разве что вооруженной интервенции, который западные державы могли бы предпринять от своего имени. Лорд Солсбери, вынужденный отметить провал намерений держав в деле выполнения данной ими гарантии, выразил сожаление, что он «не может переправить флот через горы Тавра».

Гладстон, вернувшись к власти, не придумал ничего лучшего, сначала понизив особый статус своих военных консулов, а затем полностью отменив их. Меры реформирования, якобы предпринимавшиеся турками, были описаны в консульском отчете как «превосходный фарс», поскольку многие из их местных чиновников не могли ни читать, ни писать.

В 1882 году западными державами были предприняты дальнейшие усилия, чтобы добиться принятия плана реформы. Но на этот

раз они были сорваны в их собственных рядах Бисмарком, который выразил готовность сотрудничать с англичанами по любому вопросу, кроме оказания давления на султана в вопросе о реформах для армян. Это был отказ, с которым Гладстону пришлось считаться. Сами армяне тщетно пытались добиться проведения реформ ненасильственными методами, давая туркам ясно понять, что они не добиваются политической автономии, а только личной безопасности. Они заявили, что у них нет желания перейти под власть русских, которые в любом случае не воодушевляли их на подобный шаг, поскольку они стремились навязать русскую православную веру своим собственным подданным армянского происхождения и тем самым нейтрализовать их национальное сознание. В результате условия, в которых находились армяне, продолжали ухудшаться усилиями их хищнических мусульманских соседей и враждебно настроенного правительства султана.

Для турецких армян явно наступило время политической борьбы. Они начали создавать местные националистические группы и секретные общества, получая поддержку от своих соплеменников-армян в России, главным образом на Кавказе, чьи концепции революции, одновременно социалистические и анархические, значительно опережали их собственные. Вскоре они стали распространяться через границу в такие центры, как Эрзурум и Ван, с целью поднять турецких армян на защиту их естественной родины.

В результате в 1881 году в Эрзуруме была создана организация, называвшаяся «Защитники отечества». Ее целью была защита армянского населения от курдов и турок, ее революционным лозунгом стал — «Свобода или смерть!». Первой действующей армянской политической партией, основанной в Ване в 1885 году, была Арменакан, идеи которой распространялись по либеральным каналам за рубежом, приведя к созданию в Лондоне «Армянского патриотического общества Европы». Ясно выраженной целью членов общества было «завоевать для армян право править самими собою путем революции». Но их взгляды были чрезмерными, и они все еще полагались в продвижении своих целей на великие державы.

В 1887 году армянскими эмигрантами в Женеве была основана более решительно настроенная организация марксистского типа. Развившись в первую в Османской империи революционную социалистическую партию, она провозгласила своими целями создание путем революции единого армянского социалистического государства, выделенного из турецкой территории. Рупором партии стал журнал, издававшийся за рубежом и называвшийся «Инчак», или «Колокол», который дал партии свое звучное имя.

Гнчакисты были международным движением с широкими связями в столицах Европы, имеющими своих агентов даже в Америке. Но именно на родине, на Кавказе, мятежно настроенные группы проявляли свою наибольшую активность, организуя вылазки на турецкую территорию и отрицая права турок на власть, причем не только в Эрзуруме, «столице турецкой Армении», но и далеко на западу, вплоть до Стамбула и других городских центров Турции. Эти действия достигли своей высшей точки в 1890 году, когда в Тифлисе была создана Армянская революционная федерация, или Дашнакцутюн, приверженцы которой стали известны как дашнаки. В первое время они объединяли в своих рядах различные радикальные группы. Вскоре, однако, дашнаки, будучи в своих убеждениях больше националистами, чем социалистами, разошлись с гнчакистами. «Армянин, — стали они теперь заявлять, — больше не жалуется. Он теперь требует с оружием в руках». Будучи не в силах больше ждать помощи от западных держав, которая никак не могла материализоваться, армяне взяли свою судьбу в собственные руки.

Встревоженный подобным неподчинением своих армянских подданных, чья активность уже давно вызывала у него раздражение, Абдул-Хамид ответил коварной политикой игры на различиях между мусульманами и христианами. Используя курдов в качестве орудия для проведения политики «разделяй и властвуй», султан санкционировал их нападения на армян, начав с 1891 года формировать нерегулярные войска из курдских племен. Получившие наименование «хамидие», «люди султана», они были собраны в кавалерийские полки, которые к концу 1892 года насчитывали около пятнадцати тысяч человек и продолжали увеличиваться из года в год. В своих алаяповатых униформах эти дикари с востока вскоре привлекли к себе тревожное внимание, когда они стали вызывающе вести себя в христианских кварталах Стамбула. В Армении они сеяли страх, открыто давая понять, что их официальным заданием является подавление армян и что им гарантирована правовая защита в любых проявлениях вражды в отношении христианского населения.

Тем временем в 1893 году армянские революционеры перешли от одних только вылазок к заговору с целью разжечь восстание в Центральной и Западной Анатолии. Они подняли его, расклеивая подстрекательские листовки на городских стенах и призывая к мусульман выступить против деспотического правления султана. Единственным результатом столь наивного заговора стали арест и заключение в тюрьмы значительного числа армян по всей Анатолии. После этого в организованном сопротивлении армян наступил серьезный спад. Но подобные угрозы беспорядков послужили в 1894 году предлогом для зверской кампании массовых убийств, развязанной по указке султана.

В районе Сасуна, к югу от Муша, домогательства курдских пождей превратились в организованную систему обложения данью с помощью шантажа, при которой армянское население принуждало платить «за защиту». Со своей стороны турецкие власти потребовали погашения задолженности по государственным налогам, которые до этого момента на протяжении нескольких лет молчаливо прощали, считывая обстоятельства. Когда армяне отказались пойти на эти двойные поборы, в район были вызваны турецкие войска, тесно взаимодействовавшие с курдскими племенами. Вскоре они принялись без разбора убивать беззащитных армян. Солдаты преследовали армян по всему району, охотясь на них «как на диких зверей» в долинах и горах, не беря в плен, закалывали штыками мужчин, насиловали женщин, разбивая о камни их детей, сжигая дотла деревни, из которых они бежали. За эту операцию турецкий командир Зеки-паша получил от султана соответствующие награды.

Утечка новостей об этих массовых убийствах армян, внимания к которым как к незначительному инциденту Порты надеялась избежать, вызвала волну протестов по всей Европе, немедленно оставив три державы — Британию, Францию и Россию — потребовать создания комиссии по расследованию. Комиссия была назначена султаном в 1895 году, «чтобы расследовать преступное поведение армянских бандитов», — следовательно, с расчетом упродить дальнейшее расследование и подтвердить турецкую версию событий. Вслед за этой насмешкой над справедливостью Англия и Франция, действия которых подкреплялись массовыми митингами в Лондоне и Париже, предложили схему проведения реформы в пользу армян, которую султан принял, хотя и в измененном варианте, сопроводив рядом выполнимых только на бумаге обещаний.

Между тем сами армяне, ведомые гичакистами, устроили демонстрацию, пройдя маршем по Стамбулу, чтобы вручить правительству Порты петицию, в которой выражался протест и содержались требования реформы. Несмотря на советы патриарха армян проявлять сдержанность, демонстранты вышли из повиновения, когда один из них (из Сасуна) выкрикнул: «Свобода или смерть!» Этот клич был поддержан остальными, крики перешли в революционную песню, спровоцировав вмешательство полиции, которая дубинками забила многих из них прямо на месте. Одновременно помимо вмешательства полиции по улицам стали сновать мусульмане-фанатики, выискивая и палками убивая армян. Последовали десять дней террора и насилия, от которых армяне массами укрывались в своих церквях, выйти из которых соглашались только под гарантии безопасности со стороны посольств иностранных государств, при условии, что они сложат оружие.

Эти события совпали по времени с сообщением о массовых убийствах в Трабзоне, поступившим от капитана иностранного судна. Не в силах что-либо предпринять, он наблюдал, как турецкие лодочники ударами по голове или же удерживая головы под водой топили беженцев-армян, пытавшихся выплыть добраться до его судна. В городе были убиты около тысячи человек, многие из них сожжены в своих домах, когда военный отряд турок вместе местными горными племенами лавов ворвался в армянский квартал и на протяжении пяти часов вел смертельный ружейный обстрел, разграбив, а затем предав огню лавки и магазины армян на рынке.

Это событие стало провозвестником серии организованных массовых убийств по всей Восточной Турции. Оно совпало с притворным принятием султаном нового плана реформ в пользу армян, предложенного группой держав. Чертой, выдающей единый характер всех этих актов насилия, было то, что все они начинались и заканчивались с сигнала на горне, как и любая запланированная военная операция. Ибо они на самом деле были таковыми. Это не были какие-то случайные полицейские мероприятия, к которым власти были вынуждены прибегнуть из-за волнений среди подданных султана — армян. Напротив, в данном случае имела место официальная кампания с применением оружия против армян — против иностранного врага, рассчитанная и проведенная в ответ на его приказы, скоординированная между вооруженными силами, распорядившимися в армянских центрах шести восточных провинций.

Их тактика основывалась на принципе султана разжигать религиозный фанатизм среди мусульманского населения. Абдул-Хамид снабдил агентов, направленных в Армению, конкретными инструкциями относительно того, как они должны действовать. Их практикой стало сначала собирать мусульманское население в самой крупной мечети города, затем объявлять от имени султана, что армяне подняли всеобщее восстание с целью нанести удар по исламу. Их султан обязывал их как добропорядочных мусульман защитить свою веру против «неверных» мятежников. Султан предлагал обсудить закон, ведь святого закона, согласно которому присвоение верующим имущества мятежников не является грабежом, тем самым поощряя мусульман обогащаться во имя своей веры за счет собственности соседей-христиан и в случае сопротивления убивать их. В результате по всей Армении развернулось «нападение все увеличивающегося стаи волков на овцу».

Абдул-Хамид настолько извратил мусульманские принципы, что заставил своих противников силой оружия делать выбор между смертью и обращением в ислам — практику, от которой под давлением англичан ранее отказался султан Абдул-Меджид. Это была альтернатива, которую предприняли те семьи в деревнях, кто и

имел мужества сопротивляться, несмотря на вытекающую из этой жертвы утрату независимости как членов христианского сообщества.

Проведение этих операций было сосредоточено в руках Шакира-паши, одного из наиболее зловещих советников султана, который одно время был послом султана в Санкт-Петербурге. Официально он занимал должность «инспектора отдельных округов в провинциях Азиатской Турции». В действительности его роль сводилась к планированию и исполнению массовых убийств в каждом конкретном взятом округе. Целью Шакира-паши было безжалостное сокращение численности с перспективой полного уничтожения армянских христиан и экспроприация их земель в пользу турок-мусульман.

Каждая операция между сигналами горна проходила по одинаковому сценарию. Сначала в город вводились турецкие войска с целью организации резни; затем приходили нерегулярные части курдов и курдские племена с целью грабежа. В заключение начиналась резня с огнем и разрушениями, которая распространялась по всем направлениям, с преследованием беглецов и прочесыванием местности на прилегающих землях и в деревнях провинции. Эта кровавая зима 1895 года имела своим результатом уничтожение значительной части армянского населения и расхищение и уничтожение его собственности примерно в двадцати различных районах Восточной Турции. Нередко массовые убийства приурочивались к пятницам, когда мусульмане находились в мечетях и властям можно было пустить слух, что армяне замышляют убить их во время молитвы. Вместо этого убивали самих армян, когда мусульмане выeshали на улицы, чтобы сорвать замыслы армян. Общее число жертв составило от пятидесяти до ста тысяч человек, включая тех, кто впоследствии скончался от ран, болезней, холода и голода.

В каждом из тринадцати крупных городов число умерших исчислялось четырехзначными цифрами. В Эрзуруме мусульманами был опустошен и разрушен базар, насчитывавший тысячу лавок и магазинов, а на следующий день в общей могиле были захоронены около трехсот христиан.

Наиболее жестокой и варварской из всех была резня в Урфе, где численность армянских христиан составляла треть всего населения. Здесь в декабре 1895 года, после продолжавшейся два месяца осады их квартала, наиболее видные армяне собрались в кафедральном соборе, где они составили заявление, требующее официальной защиты со стороны турецких властей. Обещая такую защиту, турецкий офицер, командовавший войсками, окружил собор. Затем большой отряд вместе с сопровождавшей его толпой прошёл через армянский квартал, где они грабили все дома подряд и убивали всех мужчин старше определенного возраста. Когда большая группа молодых армян была доставлена к шейху, тот приказал бросить их на землю

лицом вверх и держать за руки и за ноги, а затем, по слову очевидца, он прочитал стихи из Корана и «перерезал им всем горло подобно тому, как в Мекке осуществлялся обряд принесения жертву овцы».

Когда звук горна возвестил окончание операций на этот день около трех тысяч беженцев устремились в кафедральный собор надеясь найти в нем защиту. Но на следующее утро, в воскресенье фанатичная толпа ворвалась в собор, разграбив и разрушив алтарь криками: «Зовите Христа, пусть он докажет, что он больше пророком Мухаммед».

Затем толпа приволокла груды соломенных циновок, разложила их на носилках для трупов и подожгла, использовав тридцать канистр с нефтью. Деревянные детали галереи, где стены от ужаса тесно прижавшись друг к другу, стояло множество женщин, детей, загорелись — и все они погибли в языках пламени. Тогда в три тридцать пополудни вновь прозвучал горн и чиновники мусульмане пошли по армянскому кварталу, оповещая, что убийство больше не будет. Они полностью вырезали 126 семейств, оставив в живых ни женщин, ни детей, и общее число жертв в городе, включая убитых в кафедральном соборе, составило восемь тысяч человек.

Только в одном месте армяне сами выступили в роли нападающей стороны. Это случилось в расположенной в горах цитадели Зейтун, в бывшей провинции Киликии, где отряд армян, из которого составляли гичакисты, предпринял наступательные действия. Отряд нанес поражение турецкому отряду, изгнал из крепости турецкий гарнизон, захватил четыреста пленных и, переодевшись в турецкую военную форму, разграбил и сжег близлежащий турецкий городок, после чего стал практически контролировать округ. В конечном счете турки выдвинули к Зейтуну крупный отряд, подбили цитадель обстрелу после того, как армяне ушли из нее, а затем сожгли. Тем временем в Стамбуле армянская община обратилась просьбой о посредничестве послов иностранных государств, и властями была достигнута договоренность о том, что все находящиеся в округе — и турки и армяне — должны сложить оружие, тогда будут амнистированы.

В августе 1896 года массовые убийства армян достигли своего кульминации в самом Стамбуле. И вновь, как и в прошлом — турецкие власти в качестве предлога использовали действия армянской революционной группы. Небольшая группа дашнаки была настолько дерзкой, что в обеденное время под предлогом обмена денег вошла в Османский банк, оплот европейского капиталистического предпринимательства. Сопровождавшие группу носильщики несли сумки, в которых якобы находились золотые

серебряные монеты. Затем, по сигналу свистка, двадцать пять вооруженных людей ворвались вслед за ними в банк, подняли пальбу и показали, что сумки у них на самом деле были полны бомб, патронов и динамита. Вошедшие заявили, что они не грабители банков, а армянские патриоты, и что мотивом их поступка является желание предъявить жалобы и требования, изложенные ими в двух документах с целью привлечь внимание шести европейских посольств. В документах выдвигались требования политической реформы и делалось заявление, что, если в течение ближайших сорока восемью часов не произойдет иностранного вмешательства, они «не остановятся перед жертвами» и взорвут банк.

В этот момент генеральный директор банка сэр Эдгар Винсент благоразумно покинул банк через люк в застекленной крыше и перебрался в соседнее здание. Пока его коллеги удерживались в качестве заложников, он отправился в министерство иностранных дел. Там он добился гарантии, что полиция не предпримет против дашнаков никаких действий, пока те находятся в помещении банка. Тем самым он дал им возможность вступить в переговоры. Лицом, ведшим переговоры, был первый переводчик русского посольства. Получив для них помилование от султана и разрешение покинуть страну, он затем обратился к ним с пространной речью, не лишенной ораторского искусства. Наконец после заверения в том, что переговоры состоятся, он убедил дашнаков покинуть банк. Сохранив при себе оружие, но оставив бомбы, армяне спокойно проследовали на борт лхты сэра Эдгара Винсента, чтобы позже быть высланными во Францию.

Будучи молодыми идеалистами, не искушенными в тонкостях политической агитации, бунтовщики не принесли пользы своим друзьям и сыграли на руку своим врагам. В течение двух дней улицы города были залиты кровью, когда банды необузданных халиганов, религиозных фанатиков и дикие нерегулярные войска начинались бесчинствовать в армянском квартале столицы, орудуя дубинами, ножами и железными прутьями. При невмешательстве полиции или солдат, а на деле при их очевидном попустительстве и поддержке озверевшие турки забивали до смерти любого армянина, попадавшего им на пути, врываясь в дома, чтобы убивать всех армянских там. Они оставили после себя около шести тысяч трупов. На второй день этой бойни представители шести держав заявили Турции свои протесты. Сначала на них не обратили внимания. Но к вечеру сообщение о том, что англичане начали отбавку военных моряков, чтобы защитить своих людей, привело к тому, что были отданы распоряжения прекратить убийства. Наконец послы прямо у порогов собственных резиденций могли собственными глазами увидеть весь тот ужас беззакония, который давно

царил по всей Армении и который двуличный султан, пользуясь уловками своей официальной цензуры, пытался скрыть от всего мира. Теперь представителями всех шести держав султану была направлена открытая телеграмма, содержавшая требование немедленно положить конец резне и угрозу, что «ее продолжение означало бы угрозу трону и династии».

Когда убийства были прекращены, представители иностранных государств направили в министерство иностранных дел Турции первую из серии коллективных нот. В детально изложенном свидетельстве они установили факт, что «беспорядки в Стамбуле» не были спонтанно возникшим взрывом чувств фанатиков, а являлись результатом действия особой силы, «поднявшейся под присмотром властей и в сотрудничестве с определенными агентами последней». В этом они видели «чрезвычайно опасное оружие», которое в любое время может быть использовано против любой из колоний иностранцев, или на практике «повернуто против тех, кто с терпимостью отнесся к его появлению». Представители великих держав таким образом потребовали от Порты, «чтобы было установлено происхождение организации случившегося и чтобы вдохновители и главные исполнители были найдены и наказаны со всей решимостью». Они предложили свое содействие такому расследованию путем предоставления свидетельств очевидцев. На дипломатическом языке подражалось, что Абдул-Хамид был автором или по крайней мере вдохновителем массовых убийств в Стамбуле. На их ноты последовали уклончивые ответы, ссылавшиеся на нападения армян на мусульман и обещавшие, что и те, и другие будут судимы специальным трибуналом. Данные заверения стремились умиротворить державы посредством арестов среди этих «отбросов общества», которые послушно служили целям султана.

Тем временем общественное мнение Британии было доведено до состояния лихорадки, требуя смещения султана. Господин Гладстон, которому было уже восемьдесят шесть лет, вернулся из отставки, чтобы выступить в Ливерпуле с последней великой речью против «непредсказуемого Турка», империя которого заслуживала, чтобы «быть стертой с карты мира» как «позор цивилизации» и «проклятие человечества». Он заклеймил султана как «Абл Великого Убийцу», тогда как французы приговоздили его к позорному столбу как «Кровавого султана». Гладстон настаивал как на долге Британии в соответствии с Кипрской конвенцией на интервенции в пределы Порты, если нужно, то даже Британии в одиночку. Хотя вначале разговор шел о том, чтобы применить силу, ввести в Дарданеллы британский флот, вскоре стало очевидным, что ни одна из держав не была готова применить силу от имени армян или даже угрожать ее применением сверх предостерегающего намека лорда

Солсбери Абдул-Хамиду насчет «конечной судьбы плохо управляемых стран».

Хотя Солсбери добивался русской поддержки идеи смещения султана, он не стал бы идти ради этого на уступки в отношении проливов. Но и Россию не привлекала идея создания независимой Армении, которая в Малой Азии стала бы играть роль новой Болгарии в Европе. Австро-Венгрия была слишком сильно вовлечена на Балканах, чтобы идти на какой-либо риск. Франция с ее вложениями в Османской империи предпочитала сохранять статус-кво. Германия в надежде на концессии в Малой Азии сохраняла роль покровителя султана. Идеи раздела Османской империи или некоей формы международного контроля над ее территорией в результате ни к чему не привели. После провала заключительной конференции 1897 года с ее попыткой договориться о навязывании Турции завершающей схемы реформ больше ничего не было сделано, чтобы помочь несчастным армянам.

Вновь отсутствие единства и нерешительность европейских держав дали угасающей Османской империи дополнительный небольшой срок жизни. Непримируемое упрямство Абдул-Хамида принесло ему победу над Западом. Но холодная бесчеловечность его действий принесла ему вечный позор в глазах цивилизованного мира.

Среди европейских держав у султана теперь оставался только один твердый союзник. Это была Германия. Хотя Бисмарк на протяжении почти двадцати прошедших лет пристально присматривался к Османской империи, за этим не стояли какие-либо позитивные планы экспансии Германии за счет Турции. Сколь угодно целью Германии было взять на себя часть угасающего политического влияния Британии. Сыграв роль «честного брокера» на конгрессе в Берлине, Бисмарк видел роль Германской империи в том, чтобы быть арбитром Европы, ведущим партнером в союзе с Австро-Венгерской империей и балканскими государствами. Здесь ее главный интерес заключался в сохранении баланса сил с Россией. В подобной концепции Османская империя не играла заметной роли. «Восточный вопрос», как видел его Бисмарк, «не стоил костей хотя бы одного-единственного гренадера из Померании».

Однако кайзер Вильгельм II, унаследовавший имперский трон в 1888 году, имел более значительные амбиции и мечты. Вдохновленный маршалом фон дер Гольцем, который с группой германских офицеров на протяжении пяти последних лет готовил турецкую армию и модернизировал ее с помощью нового, современного оружия и снаряжения, изготовленных в Германии, кайзер планировал дальнейшее проникновение на широкой основе. Азиатская Турция должна была стать главной сферой германского влияния не только в стратегической, но и в экономической, торговой и технической областях. Вскоре, отправив Бисмарка в отставку, — а тот считал предосудительными любые пангерманские шаги за пределами европейских границ, — кайзер Вильгельм развязал амбициозную политику «Дранг нах Остен». Основным инструментом Германии в ее продвижении должна была стать Багдадская железная дорога — линия, которая в конечном счете соединила бы Берлин с Персидским заливом. Это в целом совпадало с собственными планами Абдул-Хамида построить эту и другие железные дороги наряду с обычными дорогами и линиями телеграфной связи, соединив вместе свои разрозненные владения в Азии, и в результате содейство-

министративному контролю над ними и их экономическому развитию.

Чтобы построить железную дорогу в несколько приемов, султан предоставил концессию Дойче банк групп. Это должно было привести в течение последнего десятилетия XIX века к притоку в Османскую империю немецких финансистов, торговцев, инженеров и экспертов во всех этих областях. Тем временем, несмотря на отражения Бисмарка, контакты с Турцией привели к тому, что на следующий год после восшествия на трон кайзер Вильгельм II нанес официальный визит султану Абдул-Хамиду II в Стамбул. Султан, который на протяжении уже некоторого времени переводил принадлежавшие ему долгосрочные казначейские обязательства в германские банки с надежной безопасностью, имел все основания радоваться за германский народ. Теперь он принимал его императора и императрицу с истинно имперским гостеприимством. Чтобы разместить их, внутри Ийыдыза был возведен большой декоративный банильон, который в действительности был небольшим дворцом. Он принимал их на роскошном государственном банкете, где европейские блюда подавались на украшенных драгоценными камнями золотых подносах из Парижа. Когда султан преподнес императрице букет цветов из дворцового сада, она обнаружила среди лепестков цветов немалого размера бриллиант.

Девять лет спустя кайзер Вильгельм нанес второй официальный визит во владения султана, когда Багдадская железная дорога уже достигла Коньи, в центре Анатолии; германская пароходная служба уже действовала между Гамбургом и Стамбулом, и переживали бум экспорт из Германии в Турцию, и турецкий экспорт в Германию, к выгоде всех слоев населения Анатолии. Для Абдул-Хамида кайзер был теперь вдвойне желателен, поскольку Германия, единственная среди держав, воздержалась от протестов по поводу устроенной им резни армян.

На этот раз кайзер продолжил свой визит, посетив другие части Османской империи. В одеждах христианского пилигрима и рыцаря крестоносца он совершил впечатляющий въезд в Иерусалим, где после коленипреклоненной молитвы в пыли перед святым городом он открыл лютеранскую церковь. Затем, искусно сменив парад, он въехал в мусульманский город Дамаск, где, наряженный в тюрбан, поклонился могиле Саладина и пообещал всем тремстам миллионам мусульман вечное покровительство германского императора. В результате Вильгельм легко получил концессию на следующую стадию строительства Багдадской железной дороги от Коньи в направлении гор Тавра и в конечном итоге до Персидского залива.

Британское правительство, спокойное за свой контроль над Суэцким каналом, до этого времени не проявляло особой озабоченности

в связи со строительством железной дороги в Анатолии. Неперспектива ее возможного продления до Месопотамии и залива теперь побудила лорда Керзона провести в качестве вице-короля переговоры о соглашении между индийским правительством и шейхом Кувейта, расположенного в верховьях залива. В соответствии с договоренностью шейх согласился не уступать территории и не принимать никакого иностранного представителя без согласия Британии, в то время как подобные ограничения были наложены на султана Омана. Британские интересы, таким образом, заранее эффективно блокировали завершение строительства Багдадской железной дороги, когда бы оно ни предполагалось. Тем временем Россия проявила озабоченность, как бы железная дорога не стала служить туркам в качестве орудия против нас на Кавказе. Дорога, таким образом, обязывала русских принять Черноморское соглашение, исходя из которого концессии на строительство железных дорог в Северной Анатолии должны были предоставляться только под русские интересы и синдикатам, приемлемым для царя.

К желательному для Абдул-Хамидя руководству над мусульманским миром вел другой подобный скрытый проект, а именно проект железной дороги в Хиджаз. Начинаясь от Дамаска дорога предназначалась для обслуживания всех пилигримов, направлявшихся к святыням Мекки и Медины. Тем самым она превращала простили султана в конкретную реальность как на своих собственных территориях, так и за их пределами — и в то же самое время усиливала его политическое влияние на арабский народ в Йемене и других странах. Поскольку дорога, по своей сути, была священна, она должна была финансироваться исключительно из пожертвований мусульманского мира и построена трудом мусульман, включая турецкую армию, — но под наблюдением и при консультации иностранных технических специалистов. Начатая в 1901 году, железная дорога в Хиджаз была построена в течение восьми лет, дойдя до Медины, рождая глубокое уважение к халифу в глазах мусульман из ближних и дальних мест.

Германия, действуя вразрез с другими державами в своем ревностном преследовании своих собственных интересов, старательно избегала осуждения султана, когда тот возмутительным образом не стал распространять предписания договора на своих христианских подданных. Она отказалась оказать поддержку армянам. Теперь она отказывалась поддерживать сначала Крит, а затем Македонию, ради которых остальная Европа стремилась претворить обещанные реформы в жизнь. Остров Крит настойчиво сопротивлялся гнету со стороны турок, периодически поднимаясь на восстания, начиная со времени войны Греции за независимость. Поскольку преобладающим большинством населения острова состояло из грекоязычных христиан,

он вполне мог бы быть включен в состав Греции в соответствии с Берлинским договором. Ибо остров управлялся в интересах мусульманского меньшинства, которое составляло менее 10 процентов населения.

Султан готов был к тому, чтобы усмирить это христианское большинство критян так же, как это было сделано в отношении армянских христианских меньшинств. Но мужественный народ Крита упорно сопротивлялся ему. Поэтому султан считал более политичным усмирить их путем назначения губернатора из христиан. Но пребывание христианина у власти было, как всегда, кратковременным, и вскоре его сменил мусульманин. Большинство критян, мечтавших, чтобы их возглавляло правительство, состоящее из христиан, теперь настаивало на аннексии острова Грецией. Греческое правительство, опасаясь войны с Турцией, сдержанно относилось к этим требованиям. Но когда вспыхнувшее в 1889 году восстание вызвало поток беженцев-христиан в Афины, ситуация вынудила греческое правительство предъявить Турции ряд требований в отношении необходимости иметь на Крите более совершенное управление. Султан фирманом подтвердил ранее дававшиеся невыполненные обещания и объявил о проведении некоторых реформ, которые не удовлетворяли критян, но на некоторое время сбили революционный накал. После вновь случившихся волнений султан придумал план опустошения острова с помощью мусульманских нерегулярных войск так же, как он сделал это двадцать лет назад в Болгарии.

В результате в 1896 году критяне вновь подняли восстание, которое оказалось для них последним. Вслед за устроенной мусульманами резней в Кане и разрушением ими большей части христианского квартала восстание переросло в гражданскую войну между критянами-христианами и критянами-мусульманами, которых теперь поддерживали мусульманские войска. Христиане апеллировали к европейским державам и провозгласили союз с Грецией. В ответ на это греки направили на Крит свои войска, сначала флотилию торпедных катеров, чтобы перехватывать посылаемые турками подкрепления, а затем и сухопутные подразделения с приказом занять остров. Адмиралы пяти держав, чьи корабли находились в критских водах, заняли порт Канею. К востоку от них немцы вместе с русскими настаивали на международной блокаде, чтобы заставить греков уйти. Однако нажим Британии помог удовлетворить требования пяти держав относительно автономии Крита, вступающей в силу сразу после ухода греков и большей части турецких войск. В конце концов султан был вынужден принять эти условия.

Между тем в самой Греции все настойчивее звучали призывы к войне с Турцией. Ни король, ни султан не хотели войны, но греческое правительство принудили сделать это эллинские национа-

листические элементы. Группировки националистов переходили через границу, проникая в Македонию и Фессалию, и весной 1897 года Турция объявила Греции войну. Продолжавшаяся всего тридцатидней война обернулась для греков катастрофой. Греческий флот, хотя и превосходил турецкий, достиг немногого — пожалуй, из-за давления, оказывавшегося великими державами. На суше греческие войска бежали в беспорядке из Эпира и Фессалии. Паника нарастала в Афинах по мере быстрого продвижения турок. Однако посредством вмешательства иностранных держав было навязано перемирие. Шесть месяцев спустя в Стамбуле был подписан мирный договор. По договору Греция была обязана выплатить существенную денежную контрибуцию. Но турки ушли из Фессалии и Эпира, и их владения ограничились здесь уступленной им узкой полосой прилегающей территории. Одновременно была спасена греческая династия и после многих лет поражений поднят престиж султана благодаря военному триумфу на полях сражений, которым, по сути дела, он был обязан германцам.

Борьба непосредственно на Крите тянулась в течение еще одного года. Германия и Австрия, все еще продолжая поддерживать султана, вышли из «концерта» держав в знак протеста против проазиатской политики последних и вывели с острова свои оккупационные войска.

Оставшиеся державы вели поиск подходящего губернатора автономного Крита под суверенитетом султана. Вслед за волнениями мусульман, которые привели к смерти британского вице-консула, державы уведомили султана, что все турецкие войска должны были эвакуированы с острова, и в конце концов это было сделано. И должность губернатора вступил греческий принц Георгий. Абдул Хамид практически потерял Крит. Афины ликовали по поводу восстановления свободы Крита впервые после завоевания острова Римом девятнадцать веков тому назад.

Теперь от Турции в Европе осталась только одна крупная провинция Османской империи. Это была Македония, самый центр Балкан. Соседние с ней государства Болгарии и Сербии достигли после освобождения от господства турок заметного порядка и прогресса в развитии. Далекая от того, чтобы следовать их примеру, провинция Македония устойчиво регрессировала под правительством, становившимся все более грабительским, продажным и некомпетентным, повторявшим все те вопиющие злоупотребления властью, которые уже привели к утрате тех бывших провинций. Турецкие войска, не получавшие денежного содержания, превращались в бремя для населения тех мест, где они были расквартированы; справедливость в судебных заседаниях для подданных христианского происхождения была весьма относительна, а незаконные вымогательства мусульман были обычным делом. Они присваивали себе земли

христиан, которым было отказано во всех средствах возвращения в родные места. Абдул-Хамид мало что или ничего не делал для того, чтобы положить конец этим злоупотреблениям. Результатом стала постоянная эмиграция христиан в прилегающие свободные государства, особенно в Болгарию, где вскоре около половины населения стали составлять беженцы из-за границы.

Македония, в миниатюре воспроизводившая саму Османскую империю, представляла собой смешение самых разных национальностей, языков и религий без наличия четких географических границ между ними, что обрекало их на непрерывные конфликты как между собой, так и с турецкими провинциальными властями. За третьей границей Македонии лежала Греция, культура которой в прошлом была доминирующей. Но это преобладание, еще более ослабленное недавней греко-турецкой войной, теперь оспаривалось преобладанием славян, которые представляли собой наиболее крупной элемент христианского населения. В последние годы в Македонии, признавая национальные религиозные чувства болгар, чтобы уравновесить авторитет греческого патриархата, был открыт болгарский епархат. Порта стала использовать данное обстоятельство в своих целях, поощряя болгар за счет влияния греков, и в течение девятидесятых годов девятнадцатого столетия болгарам было разрешено создать семь епархий. Тем временем сербы впервые добились епархии, представлявшей их собственную церковь. Вот такими были составные части конфликта в Македонии между греками и славянами, который усиливался почти без перспективы на примирение, по мере того как XIX век приближался к своему концу. Конфликт обострился из-за той поддержки, которую Абдул-Хамид оказывал албанским мусульманам в их посягательствах как на земли греков, так и на земли славян.

В Салониках возникла македонская революционная организация*, которая призвала к автономии провинции; соперничающий комитет в Софии призвал к ее аннексии Болгарией и в 1895 году организовал масштабный рейд в Македонию. Шайки болгарских разбойников бродили по горам, нападая на турецкие деревни и в свою очередь подвергаясь нападением со стороны греческих банд, в то время как турецкие нерегулярные войска сражались, когда это их устраивало, на стороне то одних, то других, нанося огромный ущерб жителям сельских местностей Македонии. В результате провинция медленно погружалась в хаос и анархию. В 1903 году череда актов насилия в Салониках привела к организованному восстанию**, которое было подавлено с помощью турецких подкреплений из Стамбула.

Это событие привлекло внимание европейских держав, так как славянские повстанцы и подняли восстание в надежде на то, что турецкому владычеству будет положен конец. Имело место также

мнение, одинаково мусульман и христиан, «что провинциям Турции в Европе нельзя позволять оставаться в их нынешнем плачевном состоянии», и султан назначил генерального инспектора, чтобы разобраться с проблемой законности и порядка. Но великие державы были далеко не едины. Ни Германия, ни Австрия не относились с одобрением к перспективе появления независимой Македонии за счет их союзника султана. Австрия вместе с Россией уже внесли предложение насчет умеренной, консервативной программы административной реформы в провинции, которая почти не ставила под угрозу статус-кво.

С другой стороны, Британия заняла более либеральную позицию, предлагая реформы, которые дали бы христианской общине, возглавляемой губернатором-христианином, больше прав и которые включали вывод турецких нерегулярных войск. На конференции в Мюрдстеге, под Веной, царь и австрийский император в итоге согласились с версией предложений англичан, согласно которой турецкому губернатору должны были помогать, исключительно в роли советников, два «гражданских агента», один русский и один австрийский. Жандармерией должен был командовать европеец, и каждая держава должна была отвечать за поддержание законности и порядка в определенной части провинции, осуществляя ревизию границ и примерных «национальных линий» и поддерживая стремление местной автономии. В небольших городах решения о мерах по местному реформированию должны были принимать смешанные комиссии мусульман и христиан. Но вывод турецких войск был отклонен всеми шестью державами, за исключением Британии. Но всем другим они согласились, поддержав предложения, и дали своим консулам указания подготовиться к их исполнению.

Ввиду подобного единодушия султан едва ли мог поступить иначе, чем заставить себя принять Мюрдстегскую программу. Но применение постоянно откладывалось и блокировалось турками вечной ссылкой на якобы необходимость соблюдать суверенные права султана. Нововведения нередко трактовались Портой таким образом, чтобы превратить их или в неприемлемые, или же в неработоспособные. Подобным образом прошли два года переговоров и поиска компромиссов, во время которых мало что эффективное было достигнуто. В самом деле Германия и Австрия почти не прилагали усилий, чтобы сдвинуть дело с места. Они и не думали, исходя из своих собственных интересов, оказывать давление на Порту или покушаться на драгоценные суверенные права султана. Становилось слишком уж очевидно, что Германия и Австрия на деле противились любому изменению ситуации в Македонии. Обе эти страны устраивало продолжение существования Македонии в качестве отсталой провинции на долгое, насколько это было возможно. Зарождался план распростра-

ления влияния Австрии в конечном счете на район Эгейского моря и далее на восток. Свидетельством этому стал аловецкий признак, когда в 1908 году австрийцы потребовали от Порты экономических уступок в Македонии и в свою очередь обещали поддержку против давления европейцев в отношении реформы «во всех проблемах, касающихся Балканского полуострова».

Британское правительство было позитивно настроено в своем желании улучшить положение в Македонии. В 1905 году, в то время, когда Мюрцстегская программа все еще не осуществлялась, Британия предложила султану международную комиссию, назначенную ведущими европейскими державами, но под председательством турецкого генерального инспектора и со специальным отбором иностранных представителей, которая составила бы схему проведения финансовой реформы в провинции. Султан сначала отказался от любого подобного иностранного вмешательства, требуя вместо этого повышения таможенных пошлин. Но когда державы — за исключением Германии — объединились в демонстрации своей военно-морской мощи, захватив при этом таможи Митилена и Лемноса, он уступил, согласившись признать четверых европейских финансовых экспертов, присланных для сотрудничества с русским и австрийским гражданскими агентами в Салониках. Но эта международная комиссия не имела исполнительных полномочий. В 1908 году Британия внесла предложение, чтобы губернатор Македонии, хотя он был турецким подданным, назначался только с согласия держав и чтобы при нем состояла группа европейских чиновников, оплачиваемая из доходов провинции. Это предложение было принято как Францией, так и Россией и скреплено соглашением между царем и королем Эдуардом VII в Ревеле, тогда как условия, предусматривавшиеся Мюрцстегской программой, теперь уже выполнявшейся в отведенных для нее пределах, были продлены еще на шесть лет.

Тем временем не только христианское, но и мусульманское население Македонии, выражая недовольство, стало оказывать на султана давление по поводу принятия мер, обеспечивавших безопасность жизни и имущества. Генеральный инспектор султана, Хилми-паша, подготовил проект коренной реформы, способный одинаково удовлетворить и христиан и мусульман. Но Абдул-Хамид проигнорировал их столь же упрямо, как и предложения держав. В утраченной провинции Крит он по крайней мере попытался способствовать интересам своего мусульманского меньшинства. В Македонии, из-за полного безразличия султана к их тяготам жизни, он настроил против себя не только своих христианских, но и мусульманских подданных.

Македония в данный момент своей бурной истории взывала о помощи ради ропшущей перемены в таких элементах прогресса,

которые помогали бы ей в интересах османов встать ровень с ее развивавшимися соседями. Но Абдул-Хамид, непреклонный в своем пассивном сопротивлении иностранцам и бесчеловечный в своем пренебрежении мусульманским населением в пределах собственного государства, упорствовал в сохранении реакционного режима и был не просто ни на что неспособен, но к тому же недалековиден. Приспокоенный твердой решимости отвернуться от Европы, Абдул-Хамид невольно накапливал в этой европейской провинции среди своих братьев-мусульман горючий материал для взрыва, который должен был последовать в ответ на его собственные губительные действия.

Парадоксальным образом это должно было случиться благодаря его самому ценному достижению — реформе и расширению турецкой системы образования, как военного, так и гражданского, которая привела к росту значительного нового среднего класса. Именно среди студентов усовершенствованных школ султана стали прорастать, вопреки его абсолютному владычеству, семена политической свободы. В 1889 году, в столетнюю годовщину Французской революции, четыре студента-медика из военно-медицинского училища в Стамбуле основали в условиях секретности первую организованную оппозиционную группу. Оформившись в виде нескольких ячеек наподобие итальянских карбонариев, как это до них делали «новые османы», группа быстро обрела сторонников среди слушателей в гражданском, военном, военно-морском, медицинском и других высших учебных заведениях Стамбула. Она установила связь с первой организованной группой политических эмигрантов в Париже, где и проживали со времен разгона Абдул-Хамидом парламента и где позднее к ним примкнул Ахмед-Риза, видный руководитель системы образования в Бурсе, который отныне посвятил себя служению этой политической цели.

Один из группы политических эмигрантов, бывший член парламента, стал издавать журнал под названием «Молодая Турция», давая конспираторам имя младотурок. Риза вместе с другими эмигрантами стал издавать и нелегально переправлять в Турцию через иностранные почтовые службы журнал, названный «Мешверет» (означавший «Дебаты»). Подзаголовком журнала были слова «Порядок и Прогресс», к которым группа добавила слово «Единение», как бы предусматривая, что все народы и вероисповедания образуют Комитет единения и прогресса.

Неудавшаяся попытка государственного переворота, целью которого было смещение султана, в 1896 году привела к ссылке в отдаленные провинции ряда заговорщиков и других лиц, заподозренных в ведении политической агитации. Тем временем находившиеся в эмиграции оппозиционные группы стали перебираться из Парижа

в Каир, Женеву и в меньшей мере в Лондон. Нередко одни из них стояли особняком по отношению к другим по идеологическим и даже по личным причинам. В отсутствие единства некоторые из членов групп поддавались лживым заигрываниям султана относительно их возвращения в Стамбул.

Но среди самих стамбульских студентов продолжали нарастать настроения в пользу ниспровержения существующей власти, даже в самом имперском лицее Галатасарая. Здесь сыновья правящей элиты, приученные к тому, чтобы во время торжеств провозглашать «Да здравствует падишах!», к 1906 году стали выкрикивать «Долой падишаха!» Радикальные настроения, пожалуй, еще ярче проявлялись в провинциальных школах, находившихся вне непосредственного влияния дворца. Так что революция могла зародиться в Македонии. В Салониках члены Комитета единения и прогресса, заручившиеся тайной поддержкой организованных групп свободных масонов, евреев и донме (евреев, обращенных в мусульманство), были в своих действиях более решительными, чем члены организации в Париже, с которой Комитет единения слыл в 1907 году. То, чего султан не смог предусмотреть, так это возможности распространения мятежных настроений среди офицерского состава военных подразделений, элиты турецкой армии, оплота его власти. Высокий интеллектуальный потенциал и проснувшееся политическое сознание превращали их в потенциальный передовой отряд любого революционного движения. Недовольство офицеров росло также из-за задержки жалованья, дефицита оружия и боевой техники.

В начале 1908 года среди военнослужащих третьего армейского корпуса в Македонии начались волнения. Летом того же года в Ревеле произошла встреча царя и короля Эдуарда VII, которая была истолкована как иностранная угроза с целью навязать провинции автономию, следовательно, как угроза империи извне, которой уже угрожали изнутри. Это спровоцировало в армии восстание против деспотичного правления. Восставшие провозгласили политические принципы свободы и отчизны, конституции и нации. Абдул-Хамид, недооценив сообщения своих бесчисленных агентов и слишком долго проявляя бездействие, теперь оказался перед свершившимся фактом.

Знамя свободы было поднято на холмах Ресны, за Салониками, двумя молодыми майорами турецкой армии. Одним из них был Энвер-бей, немногословный человек с репутацией бесстрашного солдата. Другим был Ниязи-бей, один из первых, кто примкнул к Комитету единения и прогресса, в ряды которого он, разъезжая по Анатолии и постоянно меняя свой внешний вид в целях маскировки, вербовал сторонников из числа противников безграничной власти султана. Сейчас он увлек за собой на эти холмы преданные ему войска вместе с оружием, боеприпасами и деньгами из казны его

собственного батальона. Здесь два офицера подняли восстание, которое было поддержано Комитетом единения и прогресса, вновь обосновавшимся в Салониках, сформулировавшим открытое политическое требование восстановления конституции 1876 года, созданной трудами Мидхата-паши.

Когда Абдул-Хамид направил в Монастир воинское подразделение, чтобы противостоять восставшим, командир части генерал Шемси-паша был застрелен среди бела дня одним из его собственных офицеров. Такая же участь постигла других реакционных офицеров. Тем временем албанцы, на которых султан полагался как на союзников, выступили в поддержку второго армейского корпуса, расквартированного во Фракии. 21 июля 1908 года султану от имени комитета была отправлена телеграмма, содержащая требование восстановления конституционного правления. В случае невыполнения этого требования восставшие угрожали султану заменить его наследником и предпринять поход на Стамбул.

Абдул-Хамид, следуя традиционной практике мусульман, обратился к суду шейх-уль-ислама за решением, является ли справедливой война восставших мусульманских солдат против власти падишаха. После детального изучения фактов великий муфтий вынес решение, что призывы войск провести реформы и устранить причины для недовольства не противоречат предписаниям священного закона. Абдул-Хамид провел заседание Совета министров, которое длилось три дня. Большинство членов совета симпатизировало требованиям армии, и, озабоченные тем, что невыполнение требований восставших спровоцирует гражданскую войну, они единодушно проголосовали за восстановление конституции. Незавидная миссия сообщить султану о решении совета была поручена его главному астрологу, который заверил султана, что этому решению благоприятствовало расположение звезд. В результате султан уступил, подтвердив телеграммой в Македонию, что конституция вновь вступила в силу, и поклялся в том на Коране. Распущенный в 1877 году парламент должен был вновь собраться вслед за всеобщими выборами. Абдул-Хамид сохранил свой трон.

После капитуляции султана Энвер-бей, находившийся в Македонию, провозгласил лозунг, основой которого были идея единения и устранение деспотичного правления: «Впредь мы все братья. Болгары, греки, румыны, евреи, мусульмане; под одним для всех голубым небом мы все равны, мы родимся быть османами». В одном городе председатель болгарского комитета объявил о полном перемирии с греческим архиепископом; в другом — революционные офицеры заключили в тюрьму турка за оскорбление христианства. Единая конгрегация турок и армян на христианском кладбище повторяла молитвы своих священников во время службы помини-

вения жертв массовой резни армян. Эйфория охватила город Стамбул, на улицах которого толпы жителей кричали: «Да здравствует Конституция!» и «Долой шпионов!» — тех самых наводивших ужас шпионов полицейского государства, которых вскоре должны будут распустить. Газеты заинавались победными песнями, поскольку цензоры были изгнаны из их кабинетов. Несколько дней продолжались торжества, во время которых были организованы поездки в экипажах, в которых турецкие муллы, еврейские раввины и прелаты несогласных друг с другом христианских церквей сидели рядом, демонстрируя братство. Останавливаясь перед толпами по пути следования, мусульманин и христианин могли один за другим воздеть руки к небу в молитве, прося Бога сберечь конституцию и вознося ему хвалу за то, что он благословил свободу.

Но они молили о благословении и самого султана. В самом деле, здесь, в его собственной столице, повсюду слышался призыв «Да здравствует султан!», который звучал чаще всех других. Хитрец Абдул-Хамид умудрился и в этом случае позаимствовать «немного грозны» у самих младотурок, представив себя в глазах собственного народа в качестве великодушного конституционного монарха, который даровал османам свободу. Бурно выражая свой восторг и требую, чтобы султан предстал перед воротами дворца Йилдыз, из которых он столь редко выходил, собралась огромная толпа. На следующий день Абдул-Хамид так и поступил, проследовав под приветственные крики по улицам на пятничную молитву в величественную мечеть Айя София, в которую он не входил уже на протяжении четверти века. В примыкающей к мечети палате, закрытой с 1877 года, он открыл свой вновь избранный парламент, составленный из представителей всех народов и вероисповеданий. В этом для Турции было, несомненно, начало нового благословенного золотого века.

Тем не менее происходило все это достаточно медленно. Младотурки на этой стадии, даже имея Комитет единения и прогресса, были не в состоянии взять на себя управление страной, сформировав правительство. Патристически настроенные молодые офицеры, имея лишь немногочисленных сторонников среди гражданских лиц, осуществили свой переворот ради того, чтобы ограничить полномочия деспотичного и некомпетентного султана, заменив их полномочиями конституционного правительства, более способного противостоять опасности, угрожающей империи. Консервативные по самой своей сути, они не стремились к социальным переменам революционного характера. Целью восставших было всего лишь эффективное возобновление реформистского движения девятнадцатого столетия.

«Новые османы» вышли из правящей элиты, считая себя способными взять власть и управлять в соответствии с положениями

конституции. Младотурки не могли бы претендовать на подобную способность править. Будучи продуктом реформирования в области образования, военного дела и гражданских реформ, осуществленный самим султаном, они вышли из рядов зарождавшейся «профессиональной» буржуазии, проявившей свои способности в различных областях, но все еще остававшийся незрелой и не имеющей необходимого опыта управления. Поэтому на данной стадии их деятельность сводилась к роли силы, стоящей за трон и бдительно следящей за всем в качестве стражей конституции, в то время как власть отправляли умудренные опытом турки из либеральных кругов. Власть в результате оставалась в руках действовавшего правительства Порты, тесно сотрудничавшего с комитетом за счет дворца султана.

В скором времени возник конфликт, связанный с попыткой от имени султана утвердить его конституционное право назначать не только великого визиря и шейх-уль-ислама, но и двух негражданских членов правительства — военного и морского министров. Выполнение подобного требования подрывало авторитет комитета и его молодых офицеров, поскольку в руки султана переходил контроль над всеми вооруженными силами. Комитет отверг идею как неконституционную, настоял на отставке великого визиря и замене его Кяmileм-пашой, опытным государственным деятелем старшего поколения, не являвшимся приверженцем дворца, который назначил военного министра, устраивающего комитет. В ожидании выборов в парламент в конце года он присоединился к партии Архар (либералы), чтобы инициировать программу реформ.

Первоначально младотурки стремились утвердить принципы османизма с их свободной интеграцией всех народов и религий в рамках многонационального государства. Но мечты об этом были внезапно разбиты сразу с треск, не связанным друг с другом направленными Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, тем самым предупредив возможные требования жителей этих стран в отношении конституционных привилегий. Болгария объявила о своей полной независимости, провозгласив принца Фердинанда «царем болгар», как это было в средневековой болгарской империи. Крит объявил о своем решении объединиться с Грецией.

17 декабря 1908 года султан Абдул-Хамид проехал по улицам города. Взору горожан предстала согбенная, сжавшаяся в комок фигура в пальто с мертвенно-бледным лицом. Султан ехал на открытие заседания нового турецкого парламента, собравшегося там же где это было раньше, у Фонтана знаний, на месте старого здания сената Византии. Депутаты парламента делились примерно поровну между турками (по национальности) и другими подданными султана, причем комитет располагал большинством мест. Председателем Пала-

ты депутатов стал Ахмед-Риза, самый первый председатель Комитета в Париже. В своей речи по случаю открытия султан говорил о том, что он прервал работу предыдущего собрания по совету, что его народ еще не созрел для конституционного правления. Теперь же, когда более совершенное образование привело к рождению всеобщего желания восстановить это правление, он без колебаний возобновил действие конституции, «несмотря на тех, кто придерживался противоположных взглядов и мнил на этот счет». Султан торжественно подтвердил «абсолютное и неизменное решение править в соответствии с конституцией». С благодарной лаской он пригласил всех депутатов парламента на банкет во дворце Иилдыз, выпив вместе с Ахмедом-Ризой воды из своего собственного святого источника. После этого Ахмед-Риза был практически убежден, что султан честно намеревается править как конституционный монарх.

Но очень скоро он лишился иллюзий. Силы реакции проводили мобилизацию. Их политическим центром было «Общество единения мусульман», которое твердо стояло на том, чтобы правила священный закон и клерикальные доктрины ислама. Выступая против любых либеральных реформ, «Общество единения мусульман» апеллировало со страниц своего печатного органа, называвшегося «Вулкан», к наиболее консервативным, религиозным элементам в парламенте и к рядовому составу вооруженных сил, в то время как в поддержку общества выступила масса недовольных — легионы уволенных шпионов, должностных лиц и дворцовых слуг.

В начале апреля 1909 года войска первого армейского корпуса подняли в Стамбуле мятеж, изгнали своих офицеров и строем ушли на площадь перед зданием палаты депутатов, где они потребовали восстановления действия священного закона. Их ряды были пополнены большой толпой религиозных экстремистов, повторявших требования солдат и кричавших «Долой конституцию!», «Долой комитет!». И это действительно было их целью. Войска и демонстранты толпой хлынули в Палату. Депутаты-юнионисты¹ бежали, великий визирь подал в отставку, а его преемник сформировал новый кабинет министров, из которого были исключены члены комитета. Абдул-Хамид милостиво простил мятежников и присоединился к их просьбам. Одновременно, как бы подводя итог его правлению, беспорядки в Адане и других частях Киликии вновь привели к массовому убийству нескольких тысяч армян.

Это была контрреволюция. Как только известие о ней достигло Салоник, комитет предпринял решительные и быстрые действия в защиту конституции. В качестве «армии освобождения» в Стамбул

¹ Юнионисты — перевод слова «иттихадисты», т.е. младотурки. — Прим. науч. ред.

было направлено крупное подразделение третьей армии под командованием энергичного генерала Махмуда Шевкета-паши с Ниязи и Энвером в числе сопровождающих его офицеров и с молодым, многообещающим офицером по имени Мустафа Кемаль в качестве начальника его штаба. По мере того как войска Шевкета-паши начали окружать столицу, депутаты от обеих палат парламента прибыли в Сан-Стефано, где в качестве Национальной ассамблеи они придали силу закона приказам, составленным лично генералом. Генерал объявил о введении военно-полевого суда, чтобы наказать мятежников, и о сокращении численности стамбульского гарнизона.

25 апреля его войска вошли в столицу. Две основные казармы города удерживались солдатами из Салоник, которые ранее сменили албанскую гвардию султана, но были подкуплены реакционерами. Войска освобождения упорно сражались, но благодаря поддержке артиллерии были разбиты в течение пяти часов. Вскоре в руки армии освобождения перешел дворец Инлдыз, и люди могли видеть, что ночью дворец погрузился в полную темноту. На следующее утро освободители из дворца прошли маршем по улицам города, веди перед собой в длинной процессии евнухов, шпионов и рабов султана.

Теперь Национальная ассамблея собралась при закрытых дверях, чтобы принять решение о судьбе самого султана. Абдул-Хамид ловко избегал демонстрации поддержки контрреволюционеров. Никто не сомневался в том, что он распределил большие суммы денег среди тех, кто инспирировал контрреволюцию; и общественное мнение пришло к пониманию того, что султан был прямым соучастником случившегося. В результате парламент принял решение сместить султана. В строгом соответствии со священным законом парламент запросил шейх-уль-ислама о том, что делать с предводителем правоверных, который действовал в нарушение предписаний Корана и святого закона, который использовал деньги общества в корыстных целях; который, не имея на это прав, убивал, бросал в тюрьму и подвергал пыткам своих подданных; который «после того как связал себя обещанием исправиться, нарушает клятвы и упорствует в распространении несогласия, чем нарушает гражданский мир, вызывая кровопролитие». А раз все обстоит именно так, не является ли это смещение допустимым? Ответ, данный великим муфтием на каждый из вопросов, был «да».

Вслед за единодушным голосованием парламентская комиссия стала ждать появления султана. Комиссия вошла в большую комнату во дворце, которую занимали секретари султана и тридцать черных евнухов. Минуту спустя из-за шторы вышел Абдул-Хамид, держа за руку своего маленького двенадцатилетнего сына. Глава делегации приветствовал султана и обратился к нему с подобающим уважением. Он зачитал сулану фетву, которая объявляла, что тот был единодуш

Султан Абдул-Хамид II (1876—1909). Известен туркам как Бедрос («Петр» по-армянски) из-за армянских черт его лица, поскольку его мать могла быть армянка.

но и законно смеялся и что его брат Реннад будет немедленно объявлен султаном вместо него. Султан гордо ответил: «Эта судьба». Затем султан спросил, будет ли ему сохранена жизнь. Депутаты ответили, что вопрос об этом является делом парламента действующего во имя справедливости и турецкого народа; но что они являются великодушными людьми. После литании самооправдания Абдул-Хамид дал выход крику отчаяния: «Пусть Бог накажет творящих зло!» На что один из членов комиссии шепотом ответил: «Пусть он сделает это!» Маленький принц разразился слезами.

Жизнь султану была сохранена. Поздно ночью он был препровожден на железнодорожную станцию — на которой он никогда до этого не бывал — и затем отправлен в Салоники, где вместе двумя малолетними наследными принцами и несколькими избранными фаворитами из своего домашнего круга и гарема он был интернирован на Вилле Аллатини, в доме еврея.

Так был изложен этот современный тиран османов. Сначала уступив бескровной революции, а затем потерпев неудачу в предательской контрреволюции, Абдул-Хамид предопределил судьбу того авторитарного режима, который он навязал Османской империи вопреки ее великому демократическому реформатору Мидхата-паше. Столь реакционное правление оказалось несовместимым с той тенденцией либерального прогресса, которая при всех ее недостатках все же медленно укоренялась начиная с первой четверти девятнадцатого столетия и видимым примером которой теперь становились соседние национальные государства Балкан. По иронии судьбы Абдул-Хамид, не считая, что же все это будет стоить в конце концов собственному режиму, следовал этой тенденции, обеспечив империи плоды просвещения в результате реформирования этой, также административной систем.

При всей бесчеловечности своего правления Абдул-Хамид вполне может рассматриваться в исторической перспективе как достойный наследник — в этом последнем контексте — своих более ранних османских предшественников. Он выступает — если рассматривать его как противоположность — как равный им, но не в качестве завоевателя, подобного Махмеду II и Сулейману I, а в качестве пазарбашиса. Там, где они были знатоками действия, он был знатоком бездействия. Он посвятил себя делу сохранения оставшейся части своей империи путем уклонения от войны и таких международных осложнений, которые могли бы привести к ней. Приверженец идеи полной изоляции, Абдул-Хамид больше не хотел противостоять чужеземцам посредством военного действия. Он делал это посредством ухищрений негативной дипломатии. Целью султана было сохранить мир любой ценой, и он добивался этого всю свою жизнь.

Подобная политика включала в себя последовательный отказ от согласия на иностранное вмешательство от имени его христианских меньшинств. Но от имени своих подданных-мусульман реакционер Абдул-Хамид не был противником модернизации. Напротив, во многом он был истинным наследником тапзимата и султанов-реформаторов XIX века. Сам великий реформатор Махмуд II всегда считал, что его демократические начинания могут быть достигнуты только с помощью авторитарных средств. Включая реформаторского движения на протяжении этого столетия с его конфликтом идеологий и его чередованием сильных и слабых султанов подтвердили, что это был наиболее верный путь. Эти конфликты прекратились после восхождения на трон деспота Абдул-Хамида, который считал, что реформа — конечно, с ограничениями — должна навязываться сверху, а не предлагаться снизу.

Находясь на самом вершине власти монолитного режима и не встречая помех со стороны исламской либеральной оппозиции, султан способствовал расцвету многого из того, что пытались осуществить его предшественники. Он явно игнорировал благосостояние нижних слоев своего общества, держа основную часть турок в состоянии невежества, нищеты и общей отсталости. Но на верхних уровнях Абдул-Хамид реально, благодаря своим реформам в области образования, создал новый средний класс. Турция наконец приобрела систему государственной службы, в которой она, как стремящаяся к развитию, современное государство, так долго нуждалась. Абдул-Хамид использовал данную систему в качестве инструмента для восхваления собственного могущества как султана и халифа, оставаясь в то же время слепым к реальным нуждам своего народа. Но одновременно протекавший процесс распространения просвещения создал возможность для возмужания нового типа людей, который включал не только солдат и государственных служащих, но и такие профессиональные группы, как врачи, учителя, журналисты, коммерсанты и промышленники, умы которых волеями неволей развивались как реакция на реакцию, охватывая новые, более прогрессивные горизонты. Из этого родилась революция младотурок.

Таким был парадокс поколения, выросшего под деспотическим правлением Хамида. Жестокий и совсем не либеральный в своих методах Абдул-Хамид, тем не менее, открыл путь к более либеральному будущему Турции. На протяжении всего периода он систематически заполнял вакуум, который необходимо было заполнить. При правлении Абдул-Хамида получали поддержку такие стороны технического прогресса, как телеграф, железные дороги, типографии. Эти нововведения помогали Турции теперь строиться по собственному усмотрению. Фундамент был заложен, подмости установлены, исполнители подготовлены. Оставалось только разыграть — в следующем поколении — сцену трансформации.

Комитет единения и прогресса был теперь хозяином империи, надскино поддерживаемый авторитетом Шевкет-паши, главнокомандующего армией. Введя осадное положение, которое должно было сохраняться на протяжении двух последующих лет одновременно с действием закона военного времени, он фактически правил как военный диктатор. Он осуществлял власть над всеми вооруженными силами, которая была выше, чем власть министра и кабинета и на практике распространялась на сферу финансов и экономику. Но он этой властью не злоупотреблял. Как патриот, верящий в идеалы конституции, Шевкет тесно сотрудничал с гражданскими членами комитета, которые занимались разработкой новой законодательной программы для империи.

Впервые политические перемены Турции были легализованы с помощью новых статей, внесенных в конституцию 1876 года. Подтверждая высшую власть палаты депутатов, эти статьи знаменовали полное прекращение действия традиционных прав и прерогатив султана. Суверенность Абдул-Хамида стала условной, приняв форму клятвы перед парламентом уважать священный закон и конституцию и оставаться верным стране и народу. Султан больше не пользовался правом назначения или увольнения министров, а в назначении на другие высокие должности должен был действовать в соответствии со специальными законами. По-прежнему в компетенцию султана входило назначение великого визиря и шейх-уль-ислама. Но теперь ответственностью самого великого визиря было делать другие назначения в кабинет, представляя список султану для простого формального одобрения. Теперь депутаты сами, но с последующим одобрением султаном избирали председателя и вице-председателя палаты. Прожнее право султана заключать договоры подлежало теперь одобрению парламентом. Наконец, право султана отправлять в ссылку в качестве меры обеспечения государственной безопасности — использовавшееся Абдул-Хамидом, чтобы оправдать ссылку Минхата-паши и бесчисленное множество других лиц — было изменено таким образом, что стало практически равнозначным его аннулированию.

В результате функции султана в управлении были сведены к полному согласованию любых действий с парламентом. Как конституционный монарх, он продолжал царствовать, но он больше не правил. Полномочия самого правительства теперь определялись ответственностью министерств перед палатой, которая в случае несогласия могла обязать кабинет подать в отставку. Это последнее слово зависело, следовательно, от доброй воли депутатов. По крайней мере на бумаге это были те изменения в конституции, которые, к лучшему или худшему, но усиливали законодательную власть за счет исполнительной.

В то же самое время палата принимала другие законы, чтобы усилить свои собственные позиции. Их целью было сдерживание оппозиции и ограничение такого избытка свободы, который привел к контрреволюции. Это повлекло за собой не то чтобы настоящую цензуру, но определенное ограничение свободы печати. В интересах единства и центрального контроля новый закон запрещал сепаратистские ассоциации, в основе которых были этнические или национальные группы. Были закрыты клубы и общества греческих, болгарских и других меньшинств на Балканах. Другая мера заключалась в формировании «батальонов преследования» из армейских частей, чтобы разоружать и подавлять вооруженные банды, подобные балканским разбойникам. Наконец, во имя равенства людей всех национальностей и вероисповеданий впервые были приняты меры к тому, чтобы призывать в турецкие вооруженные силы немусульман.

Однако концепция национализма к этому времени уже достигла стадии зрелого развития. При всей риторике Энвера было слишком поздно, чтобы реализовать и воплотить в текст конституции мечту османов о многонациональной, многомерной империи. Талаат, наиболее реалистично мыслящий из лидеров юнионистской партии, отметил на секретной встрече ее комитета в Салониках, что теперь это был «нереализуемый идеал... Мы предпринимали безуспешные попытки обратить гяуров в лояльных османов, и все подобные им усилия должны неизбежно провалиться, пока небольшие независимые государства Балканского полуострова будут иметь возможность вести пропаганду идеи отделения среди жителей Македонии». Османизация, следовательно, должна была принять новую форму. Для комитета, как писал британский посол своему министру иностранных дел сэру Эдварду Грейу, «осман неизбежно означает «турок», и их теперешняя политика «османизации» является политикой измешивания нетурецких элементов в турецкой ступке». На деле это означало преднамеренное навязывание турецкого языка арабам, албанцам и другим нетурецким мусульманам. В момент поражения османов и упадка панисламизма имел место рост нового национального само-

сознания турок, схожий с процессами такого рода в Европе в своих расовых и народных корнях, которые теперь постепенно находили свое выражение в политическом и культурном движении пантюркизма.

Режимы, проводившие реформы в XIX веке, опирались на поддержку немногочисленной правящей элиты, впитавшей просвещенные идеи вместе с западным образованием и испытывавшей чувство уважения к западной цивилизации. Благоприятное влияние либерализации, которое она испытала на себе за рубежом и на родине, выражалось в обретении ею широкого, космополитического взгляда на мир. Но теперь политические акценты коренным образом изменились. По существу юнионисты были сугубо местным движением, не османами, а именно турками, не космополитами, а националистами, не элитарной, а популистской ориентации, которые в качестве источника собственной силы опирались на широкую социальную базу и на представителей различных слоев общества. Они должны были править не с помощью отдельных представителей элиты, но, хотя бы для видимости, с помощью парламента и значительной по размерам, новой, профессиональной государственной службы, которая становилась все более осязаемым продуктом реформ Абдул-Хамида. Хотя юнионисты и дослали внедрение военных элементов в политику опорой своего режима, они установили в нем достаточно надежно работающее равновесие между военным и гражданским начальниками.

Внутри страны действенная поддержка юнионистам исходила главным образом от нового среднего класса, который в годы хамидовского режима также увеличил свои ряды. Более того, она подкреплялась теми массами турецкого населения, в которых юнионисты породили чувство причастности к политике. Их правительство было гражданским правительством, обратившим серьезное внимание на человека с улицы — как это в прошлом делала религиозная власть, — мобилизуя население городов на массовые митинги и организованные демонстрации в поддержку своей политики.

Но во всем этом не было ни малейшего намека на перемены в смысле прямой выгоды для самих масс. Ибо революционеры-маадотурки, однажды обзаведясь волшебным талисманом конституции, не думали ни о каком новом социальном порядке, ни о каком устранении прежних институтов, а, скорее, стремились к адаптации и сохранению тех из них, которые служили источником их собственной политической власти. В отличие от «новых османов» и реформистов танзимата в политике и методах действия они были больше эмпириками, чем идеологами. По существу люди действия, имея в своих рядах лишь немногих политиков или интеллектуалов, они мало заботились о фундаментальных принципах и конечных целях. Их

интересовала вытекавшая из реальной действительности задача спасения любой ценой того, что оставалось от империи.

По-прежнему без ответа оставался вопрос — какая идея стоит за спасением Османской империи? Что именно она сейчас представляет собой? К какому характеру цивилизации собрался принадлежать Турок — к исламу или к Западу, или к какому-то синтезу того и другого? Концепция османизма, этого союза элементов национальности, языка и вероисповедания, на основе которых Османская империя процветала на протяжении пяти веков, была теперь устаревшей и — за исключением отдаленных провинций в Азии — обреченной. Она уступила место европейской концепции национализма. Концепция панисламизма, возникнув из попытки Абдул-Хамида достичь единства Азии, была недолговечным ростком — немногим более чем абстракцией, которая в реальности не смогла материализоваться. Что теперь должно было стать центром средоточия верности Турка?

Ответ должен был лежать в новой концепции турецкой нации, отличной от османского государства и исламской религии, составной частью которых она, тем не менее, должна была оставаться. По мере того как народы Балкан стали складываться в нации, турки сами как народ в момент пробуждения выработали свое собственное ощущение нации, ища единство в выражении своей исторической и культурной идентичности как народа. Этому процессу посвятил все свое творчество турецкий поэт конца девятнадцатого столетия Мехмед Эмин. Сочиняя стихи в манере разговорной речи и пользуясь народным языком, он придал имени «турок», до того в широком употреблении вызывавшем смысловые ассоциации с грубым, невежественным существом из среды крестьян или кочевников, новое чувство достоинства и гордости. Мехмед Эмин ныне с гордостью провозглашал: «Я — турок, моя вера и моя нация могущественны». И вновь: «Мы — турки, мы живем с этим именем и с этой кровью в наших жилах».

Подобные поэтические откровения сочетались с открытиями в области новой европейской науки — тюркологии, пробуждая в турках осознание собственной роли в истории человечества с момента их доисламских миграций сквозь азиатские степи. Эти открытия подчеркивали туранские, или «туро-арийские», корни происхождения их народа. Через воображаемую концепцию пантуранизма подобные представления уводили слишком далеко в область инстинкта абстракции, подпитывая мечты о единстве благодаря этническому родству. В конечном политическом смысле — о единении всех тюркоговорящих народов не только в Центральной Азии, вплоть до Монголии и Китая, но и в России и в Европе, опираясь на Венгрию и родственные государства.

Что действительно укоренилось в сознании младотурок, так это более реалистичная и ограниченная концепция пантюркизма, или просто тюркизма. Эта концепция настаивала на фактическом «тюркизме» всего того, что еще сохранилось от Османской империи. Ограниченная первоначально культурными и социальными, но раздвигающимися в сторону политических вопросов рамками, данная концепция внедрялась посредством влиятельных периодических изданий турецких обществ и путем основания в 1912 году ряда неполитических клубов, именовавшихся «Турецкие очаги», целью которых было «развитие национального просвещения и повышение научного, общественного и экономического уровня турок, которые являются самым передовым из народов ислама; стремление улучшить турецкую нацию и язык».

С течением времени, однако, в рядах доминирующей группы Комитета единения и прогресса стали нарастать разногласия. Но только к 1911 году серьезная оппозиционная группировка стала представлять угрозу для него. Названная «Новой группой», эта фракция была консервативна по своей сути. Она открыто критиковала конституционные процедуры комитета, его социальную политику и политические решения. «Группа» выдвинула требования, в которых настаивала на сохранении в конституционных рамках «исторических османских традиций»; на внесении поправок в некоторые статьи конституции с тем, чтобы усилить «священные права халифата и султаната». Одновременно, хотя и консервируя «религиозную и национальную этику и мораль», «Новая группа» требовала увеличить использование «достижений и продуктов западной цивилизации». В стране, как утверждал один из ее лидеров, существовали три тенденции: склонность к реакционному фанатизму, надежда на сверхбыстрый прогресс и внимание к культурному прогрессу в сочетании с существующими обычаями и традициями. Вопросы, касающиеся этих проблем, были обсуждены различными группировками на партийном съезде — последнем из проведенных в Салониках. Его резолюции свелись к малоэффективному компромиссу.

Вскоре после этого на сцену вышла партия «Свободы и согласия» под руководством Дамада Ферид-паши, чтобы объединить в своих рядах большинство оппозиционно настроенных в отношении Комитета единения и прогресса людей. На дополнительных выборах — первом такого рода электоральном состязании в Турции между двумя противоборствующими кандидатами — ее кандидат-либерал был избран подавляющим большинством голосов избирателей. В ответ на это Комитет настоял на роспуске парламента, что привело весной 1912 года к всеобщим выборам. Первые выборы, которые предстояло провести под нажимом

правлящей партии, оказались объектом абсолютно бессовестной манипуляции. В ход были пущены взятки, уступки и ограничения на митингах оппозиционеров. Все это гарантировало правящей партии победу с подавляющим большинством голосов. Только шести кандидатам от оппозиции удалось одержать победу на этих выборах. Печально известные в истории Турции как «выборы большой дубинки», они породили нелегальное движение оппозиции против Комитета, безусловно, более опасное, чем легальное движение, которое Комитет столь решительно подавил.

Воспроизводя, по иронии судьбы, прошлый македонский образ комитета как освободителя от подавления, это оппозиционное движение было продуктом военного заговора, в ходе которого группа молодых офицеров ушла в горы, чтобы поддержать восстание в Албании. Они были выходцами из организации «Офицеры-спасители» в Стамбуле, намеревавшейся положить конец власти Комитета единения и прогресса, который теперь стал таким же душителем, что и правительство султана. Целью организации «Офицеры-спасители» было восстановить конституционное правительство с помощью свободных и легальных выборов. В то же время они настаивали на уходе армии из политики, как только та достигнет своих целей; ни один армейский офицер в этот промежуток времени не должен занимать никакой государственный пост.

В связи с вопросом об Албании с поста военного министра ушел Махмуд Шевкет-паша. Последовало почти единодушное голосование в палате депутатов по вопросу о доверии, которое совершенно не удовлетворило оппозиционеров. В дело вмешались «Офицеры-спасители». Манифест в печати и декларация, обращенные к султану, сопровождались очевидными военными маневрами. Кабинет подал в отставку. «Спасители» продиктовали свои условия, а именно: о назначении двух министров по их выбору под руководством великого визиря, которого должен выбрать султан. Выбор султана остановился на Ахмеди Мухтаре-паше, человеке, известном тем, что он стоял вне политики, а также своим послужным списком военного с хорошей репутацией. Позже он вновь уступил пост его прежнему обладателю — либералу Камилло-паше. Состояние осадного положения было снято — хотя вскоре введено вновь. Все состоявшие на службе офицеры принесли клятву не присоединяться ни к одной из политических партий и не вмешиваться в дела государства. Парламент был вновь распущен, и султан поставил вопрос о новых выборах.

В этот напряженный момент внутренних партийных разногласий империя опять оказалась в состоянии войны с чужеземцами. Новым претендентом на ее расчленение выступила Италия, а театром

военных действий стала Северная Африка. Здесь османская территория Тунис уже отошла к французам как протекторат. Теперь итальянцы, страстно желавшие получить свою долю имперского добра, потребовали в порядке «комиссии» территорию Ливии. Две ее исторические римские провинции — Триполитания и Киренаика — были последними землями, оставшимися во владении турок в качестве составных частей империи. За небольшой промежуток времени итальянцы проникали в Триполи, исходя из торговых интересов, заявляя о мирных намерениях. Но, согласно распространившимся в стамбульской прессе догадкам, Италия уже рассматривала Триполи как «землю обетованную», которая в силу неспособности турок защитить ее могла в любой момент «упасть под собственным весом подобно перезревшему плоду».

Этот момент наступил 28 сентября 1911 года, когда итальянским правительством был предъявлен резкий ультиматум. В нем объявлялось о намерении Италии оккупировать эту провинцию, «состоящую из беспорядка и небрежения» в которой под властью турок угрожало ее собственным итальянским подданным. На это в течение двадцати четырех часов должно было последовать согласие Порты. Турки постарались затянуть время, дав примирительный ответ, заявляя о готовности обсудить претензии итальянцев и предоставить экономические привилегии в пределах принадлежащего им суверенитета, который до этого времени итальянское правительство публично уважало.

Но теперь в Италии разгорелись — со стоявшими за ними финансовыми интересами — националистические притязания. И на следующий день Италия объявила Османской империи войну. У турок не было возможности защитить провинцию, практически недоступную для их войск и снабжения по причине недостатков военно-морских сил. Раньше турецкий флот не допустил бы высадки итальянцев. Но теперь, из-за того упадка, в который турецкой флот пришел при Абдул-Хамиде, итальянский флот господствовал в Адриатике и поэтому свободно переправил в Триполи армию, насчитывавшую порядка пятидесяти тысяч человек. Поскольку Египет, заявляя устами англичан о своем нейтралитете, не разрешил турецким войскам пройти по суше, все, что Порты смогла сделать, так это усилить свои гарнизоны направлением в Триполи группы турецких офицеров, включая Энвера и Мустафу Кемаль, недавно ставшего начальником штаба армии освобождения Стамбуле.

Итальянцы в скором времени заняли побережье и порты, из которых их было не так-то просто вытеснить. Но и турки заручились поддержкой обитавших в пустыне арабских племен, которых турецкие офицеры объединили в военные формирования.

Эти формирования были обучены тактике партизанской войны, изматывая противника набегами на аванпосты и пути сообщения и лишая его возможности продвижения в глубь безводной территории. Через два месяца ситуация стала тупиковой.

В результате весной 1912 года итальянцы вынуждены были повернуть свой флот в другие места, чтобы подвергнуть обстрелу такие турецкие порты Леванта, как Бейрут и Измир. Итальянцы оккупировали Родос, Кос и другие острова, не трогая острова, принадлежавшие грекам и находившиеся под протекцией Австро-Венгрии; они подвергли обстрелу два порта, прикрывавшие вход в Дарданеллы. Это вынудило турок закрыть проливы, дабы избежать проникновения русских в Босфор. Тем не менее к осени итальянцы решительно выиграли свою войну, и 18 октября 1912 года турки подписали мирный договор в Уши, близ Лозанны, уступив Италии Триполитанию. Также Италии во «временное» владение достались Додеканесские острова.

Установление мира в Африке стало для турок острой необходимостью, поскольку буквально на следующий день Османская империя оказалась в состоянии войны с Грецией, Сербией и Болгарией на Балканах. Объединившись в первый и последний раз в своей истории, эти государства сформировали — с примкнувшей к ним Черногорией — Балканский союз в целях вооруженного вмешательства в Македонию, в которой условия при младотурках продолжали оставаться немногим лучше, чем прежде. Целью лиги было освобождение христианского населения от турецкого владычества и удовлетворение своих собственных территориальных притязаний за счет Турции. В этот хорошо рассчитанный момент вовлеченности турецких вооруженных сил за рубежом и политической смуты внутри страны эти страны построили свой союз на двух договорах, соответственно между Болгарией и Сербией и между Грецией и Болгарией. Они потребовали от Порты назначения нейтрального генерал-губернатора провинции, христианина. Местные законодательные ассамблеи, местная жандармерия и проработанные в деталях реформы должны были быть переданы под наблюдение и контроль великих держав. Порта в принципе согласилась, но отказалась дать гарантии до тех пор, пока недавно распущенный парламент не соберется вновь и не санкционирует это решение.

Как было видно из турецкой печати, общественное мнение склонялось в пользу войны, которую оно предпочитало унижению подобной уступкой. Великие державы стремились не допустить войны, помня о возможности возобновить действие предложений по реформе, содержащейся в Берлинском трактате. Однако правительства балканских стран, ныне скептически воспринимавшие любые обещания реформ, не поддались оказанному на них давлению. Среди

населения этих стран построения в пользу войны были настолько сильны, что их можно было игнорировать, только пойдя на риск революции. Так что войны было не избежать.

Для Османской империи эта ситуация обернулась катастрофой. Турецкая армия в Европе слишком уступала в численности армиям балканских государств, у которых, как утверждалось, было под ружьем до семисот тысяч человек. Более того, турки были застигнуты на этом театре военных действий врасплох. Им требовалось время для мобилизации. Вовлеченность армии в политические дела не способствовала укреплению ее военной организации. Руководство армией было ослаблено отчислением офицеров по политическим мотивам и в данный момент отсутствием Энвера и других высокопоставленных офицеров, находившихся в Северной Африке.

Турецкая армия была в изобилии снабжена немцами современным вооружением, но ей не хватало компетентных кадров, чтобы в совершенстве овладеть им. Армия практически не снабжалась продовольствием. У солдат не было обмундирования, подходящего для зимних условий Балкан. Наконец, имелись дивизии, рядовой состав которых после недавнего призыва в армию христиан симпатизировал делу противника. Балканские же армии готовились поразить Европу своим прогрессом в военном деле, достигнутым за несколько последних лет, и подъемом от вновь обретенной национальной независимости. Старый миф о непобедимости турка должен был быть раз и навсегда повергнут уже не европейскими державами, но его бывшими собственными презренными подданными.

Первая Балканская война была блицкригом, осуществлявшимся по трем направлениям, в ходе которого турецкие армии, терпя одно поражение за другим, продержались всего лишь шесть недель. Греки наступая с юга под командованием своего имевшего немскую выучку кронпринца Константина, разбили сильное турецкое соединение, которое они затем заманили в западную в ущелье и у которого захватили всю артиллерию и транспорт. Когда турки, получив подкрепление, заняли более сильную позицию, артиллерия греков выбила их оттуда, заставив бежать, подобно беспорядочной толпе. Затем греки преследовали остальную часть турецкой армии и перешли границу, чтобы освободить Салоники. Они вошли в город в день его святого патрона Димитрия. Освободители были засыпаны розами, которые бросали им обезумевшие от радости толпы выскочивших на улицы греков. После почти пятисот лет турецкого владычества бело-голубой национальный флаг греков вновь взвился на крышах домов, а звезда и полумесяц исчезли навсегда.

Тем временем с севера, вдоль долины Вардара, пришли сербы, чтобы нанести поражение крупной армии турок под Куманово и затем под Монастирем. Остатки турецкой армии, потерявшей плен-

ными десять тысяч человек, бежали через границу в Албанию. На востоке болгары крупными силами вторглись во Фракию, чтобы нанести поражение туркам в двухдневном сражении при Кырккилисе, а затем столкнуться с главными силами турок под Люлебургазом и отбросить их к линии Чатаджи между Черным и Мраморным морями. Эта линия укрепления была последним рубежом обороны перед Стамбулом. Здесь с помощью орудий Крупна и подкреплений, полученных из Азии, турки, всегда упорные, когда речь шла об осаде, смогли сохранить уверенность и остановить продвижение, как только болгары стали испытывать трудности из-за растянувшихся путей подвоза. В результате 3 декабря 1912 года с сербами и болгарами, но еще не с греками, было подписано перемирие.

Это привело к созыву в Лондоне конференции, на которой великие державы попытались подтвердить свое влияние в противовес любой попытке балканских стран заключить мир по собственному усмотрению. На этой конференции 1 января 1913 года Порту внесла свои мирные предложения. Они касались статуса Адрианополя, бывшей столицы империи, единственного города, который в отличие от Скутари в Албании, Янины в Эпире все еще противостоял осаждающим. Будучи готовы уступить территории во Фракии к западу от города, турецкие делегаты настаивали на том, что вилайет Адрианополя после ратифицированного определения границ должен оставаться владением османов в качестве автономного государства-данника. Это предложение было отвергнуто всеми великими державами, потребовавшими в своей ноте уступки Адрианополя Болгарии.

Чтобы предупредить подобные позорные случаи капитуляции со стороны либерального режима Камиял-пашы, младотурки из Комитета, которые с самого начала войны тесно добивались его сотрудничества на общенациональной, внепартийной основе, 23 января 1913 года совершили против него революционный государственный переворот. Возглавляемая Энвером, к этому времени вернувшимся из Северной Африки, небольшая группа офицеров осуществила несколько театральное нападение на здание, в котором заседало правительство — Блистательную Порту. Ворвавшись в позолоченный зал заседаний Совета министров офицеры застрелили воевшего министра Назыма-пашу, которого они считали виновником поражения Турции. Под дулом пистолета мятежники добились отставки Камиял-пашы и с триумфом получили согласие султана на восстановление в должности великого визиря Махмуда Шевкета-пашы. Вернувшись к власти, Комитет отверг требования великих держав, балканские страны депонировали соглашение о перемирии, и война разразилась с новой силой.

После продолжительного, упорного сопротивления Адрианополь в конце концов пал в результате совместного сербо-болгарского

штурма. Тем временем в руки греков перешла Янина, а чуть позже в руки черногорцев перешли Скутари. Лондонская конференция собралась вновь, и по договору, ставшему ее результатом, у империи не осталось ничего из ее европейских владений далее стен Стамбула и оборонительного рубежа Чатаджи, кроме небольшой части Фракии в пределах линии, проведенной по карте между Черным и Мраморным морями. Решение вопроса о будущем Албании и турецких островов в Эгейском море было отложено до следующего обсуждения вопросов урегулирования. Казалось, объединенные силы европейского национализма уничтожили Турцию как европейскую державу.

Но союзники оставались таковыми недолго. Когда пришло время делить добычу их молниеносных, непредвиденных побед, соперничающие балканские государства вновь вернулись к ревнивым обвинениям друг друга и конфликтам. Успехи болгар за счет турок пробудили в них самонадеянность, идущие из прошлого мечты о более крупной Болгарии. Русские пытались сдержать их, предупреждая, что любое возобновление войны на Балканах может спровоцировать вмешательство Румынии и вновь поднять турок. Но их воинственное правительство, будучи сверхуверенным в силе собственного оружия и с презрением относящееся к войскам греков и сербов, отбросило все советы искать компромисс. Болгары были убеждены, что их вооруженные силы способны одновременно противостоять двум бывшим союзникам и нанести им поражение.

Болгария с самого начала не делала секрета из своего недовольства по поводу захвата греками Салоник. Она действительно пыталась предупредить это событие, направив туда собственные войска, которые, однако, прибыли слишком поздно, но остались, чтобы составить с греками общий гарнизон города. С тех пор, даже до подписания Лондонского договора, две страны находились в конфликте по поводу города и береговой линии Македонии. В лежащей дальше долине реки Струмы между ними даже имели место военные стычки. Греция, силой оружия заполучив Салоники вместе с южной частью Македонии, была исполнена решимости удержать их любой ценой.

Со своей стороны Сербия, чьи войска в долине реки Вардар без помощи со стороны болгар столь многое сделали, чтобы нанести туркам поражение, была крайне недовольна доставшейся ей меньшей долей Македонии. Эта доля была согласована ранее в предвоенном сербо-болгарском договоре. Несбалансированность сил на Балканах угрожала ей тем более, что Болгария помимо ее собственной большей части Македонии приобрела с помощью сербов Восточную Фракию вместе с Адрианополем. Более того, теперь Сербия могла лишиться выхода к Адриатике вследствие предполагавшейся неза-

висимости Албании. В результате Греция и Югославия составили альянс. Каждая из стран согласилась поддержать другую путем взаимной военной помощи против возможного нападения со стороны Болгарии. Союзники определили новые границы, которых они потребуют в случае успешной войны, и провели зондаж в отношении поддержки со стороны Турции. Но Болгария в своей неукротимой воинственности отвергла посредничество русских, выступив с угрозой оккупировать всю Македонию. В полночь 30 июня 1913 года без объявления войны Болгария предприняла двойное нападение из Македонии с начальной целью расчленить союзные войска греков и сербов. Так началась вторая Балканская война.

Характеризуемая как «кратчайшая и наиболее кровопролитная кампания из всех зарегистрированных», эта война продолжалась всего месяц, спутав все ожидания и полностью изменив соотношение сил между балканскими странами. Сербь и греки, застигнутые врасплох, вскоре сплотились, чтобы одержать оглушительные победы в речных долинах к северу и в горах к востоку от Салоник. Греки под командованием короля Константина, которому салютовали в византийском стиле как новому «Василию Болгаробойцу», стали наступать в восточном направлении через Серрес. Организуя массовые погромы и поджоги, они погнали болгар перед собой в опустошающем все отступлении по принципу выжженной земли. Пока греческий флот брал порты Кавала в Македонии и Дедеага в Восточной Фракии, наземные силы греков опустошили фракийское побережье вплоть до реки Марица, традиционной границы. Румыния, как и предсказывали русские, включилась в конфликт. Недовольная своими скудными приобретениями по Лондонскому договору и гегемонией болгар на Балканах, Румыния направила за Дунай армию, которая захватила крепость Силистрию и пошла походом в западном направлении к Плевне, не встречая (как это отложилось в памяти храбрых румын) никакого сопротивления, чтобы остановиться всего в двенадцати милях от самой Софии. С запада болгарскую границу перешли сербы, угрожая Видину, крепости на Дунае. Наконец, турки сами отомстили за договор, когда армия младотурок под командованием Энвера перешла в наступление из-за оборонительных линий Чаталджи, чтобы вернуть Адрианополь и вновь утвердить господство турок в Восточной Фракии.

Окруженная победоносными врагами, Болгария была вынуждена просить мира при посредничестве России. По Бухарестскому мирному договору ее претензии были посрамлены тем, что каждому из противников Болгария была вынуждена уступить часть территории. Из своих завоеваний в предыдущую войну она удержала только долину реки Струмы и участок фракийского побережья. Сербия получила за ее счет значительную часть Македонии, Греция — еще

большую часть Македонии вместе с береговой линией, включавшей порт Кавала в Западной Фракии. Наградой Румынии стала Добруджа с ее стратегически важной границей между Дунаем и Черным морем. Турция, по отдельному договору, вернула себе Адрианополь вместе с Кырккилисе, местом ее прежнего поражения, и часть Восточной Фракии, которая включала Димотику и, следовательно, перерезала железную дорогу на Софию. В считанные дни Болгария практически утратила свое господствующее положение на Балканах, которое, благодаря Берлинскому трактату, она занимала на протяжении последних тридцати пяти лет.

Османская империя вступила в последнюю, роковую фазу своей истории, кульминация которой пришла на первую мировую войну. В июне 1913 года был убит Махмуд Шевкет-паша, великий визирь, активно поддерживавший юнионистов. Это было возмездие за убийство Назыма-паши во время ранее случившегося революционного заговора в Блистательной Порта. Отныне младотурки из Комитета единения и прогресса обладали верховной властью в империи, установив власть в действительности столь же абсолютную, какой была власть Абдул-Хамида. Они правили, не имея оппозиции, с помощью деятельного и безжалостного триумvirата, составленного из наиболее радикальных элементов в Партии единения и прогресса.

Во главе его стоял Энвер, самый молодой из той троицы. Популярный герой революции, которому шел всего лишь третий десяток, он по-прежнему оставался живым символом свободы молодой Турции. Он видел себя человеком с наполеоновской судьбой. Сейчас он был военным министром, генералом и пашой и собирался вскоре скрепить свои амбиции женитьбой на османской принцессе, получив благодаря этому почетный титул дамада. По мере того как его престиж возрастал, о нем стали говорить, имея в виду его чрезмерное тщеславие: «Энвер-паша убил Энвер-бей». Сын, может быть, носильщика на железной дороге, может быть, железнодорожного чиновника, Энвер окончил школу военных наук, приобщившись к новому среднему классу в армии. Среди подчиненных солдат он вызывал преданное обожание. Холодный и невозмутимый, с мягкими, красивыми чертами лица, Энвер был неосторожен в своих решениях, импульсивен в действиях и бесстрашен в бою. Исполняя должностные обязанности, он отдал всю свою энергию реформе и прежде всего омоложению турецкой армии.

Вторым из триумvirов — на девять лет старше Энвера — был Джемаль-паша, выходец из семьи турецких военных и сам высококомпетентный профессиональный воин. Чернобородый и коренастый, невероятно энергичный, он взглядом своих темных, пронизывающих пазухов глаз вызывал в окружающих его людях желание начать

действовать с немедленной решимостью. Будучи военным губернатором Стамбула, которым он стал после государственного переворота Джемаль-паша обнаружил умение в организации полицейских сил и в их неумолимом использовании в интересах своей партии. Позже он последовательно занимал посты министра военно-морского флота, командующего армией в Сирии, где правил в авторитарном стиле династического принца. Обладая вежливыми манерами, властным чувством руководителя, он был человеком холодного ума, нередко беспощадным, вплоть до жестокости, при исполнении своих должностных обязанностей и в преследовании своих интересов.

Наиболее способным из трех триумвиров был Талаат-паша, гражданское лицо, человек из народа из района Адрианополя, который гордился своими крестьянскими корнями и, как считалось, имел в своих венах цыганскую кровь. После получения образования в местной школе он стал служащим почты, затем — оператором-телеграфистом, после чего поднялся до поста в директорате почты и телеграфа в Салониках. Это позволило Талаату-паше оказать практическую помощь тому политическому делу, которому он служил, а именно Комитету единения и прогресса. После революции он играл доминирующую роль в организации и управлении партийной машиной, быстро поднявшись в ее советах до поста министра внутренних дел и сохраняя сильный контроль над провинциальной администрацией. Талаат был мужчиной с сильным характером и вкусом к жизни, плотного телосложения, с чувством юмора, теплым и сердечным в обращении, с грубоватой откровенной простотой, которая маскировала умеющий все быстро схватывать ум и реалистично и безошибочно оценивать. Волевой в действии, он был патриотом на грани шовинизма, преданным делу своей страны, который пришел, чтобы стать известным, благодаря своей выдержке, как «Дантон турецкой революции».

Вне триумvirата, но пользуясь влиянием в его советах, был Джавид, хитрый донме, еврей по происхождению, но мусульманин по вероисповеданию, с быстрым умом финансиста. Джавид стал квалифицированным министром финансов. Великим визирем был принц Саид Халим из династии египетских хедивов, который сменил Махмуда Шевкета. Фигура из прежнего либерального режима и правоверный мусульманин, он был вполне готов стать заложником дела юнионистов, служа Комитету в качестве необходимого контактного лица одновременно с мусульманскими народами и с иностранными послами при Порте.

В одном важном назначении, а именно шейх-уль-ислама, юнионисты решительным образом отошли от прецедента. По традиции этот могущественный сановник, высший религиозный авторитет в силу его совершенного владения исламской теологией и законом позна-

чался непосредственно султаном и находился вне парламентской иерархии. До сих пор он был выходцем из самого узкого круга улемов. Естественно, будучи совершенным консерватором, он периодически становился помехой либеральной реформе. Исполненные решимости избавиться от этого препятствия, юнионисты выбрали на этот пост Мустафу Хейри-бея, человека, который больше не отождествлял себя с этой религиозной элитой и который перестал носить ее символ-тюрбан, поскольку он был намерен играть отныне политическую роль. Мустафа стал членом парламента. Он участвовал в гражданских судах в качестве министра юстиции и по делам религиозных фондов. Юнионисты, таким образом, используя традиционный религиозный институт для претворения своих социальных и политических идей, назначили его шейх-уль-исламом. Назначение было благосклонно воспринято не только улемами, но и консервативными элементами. Такое назначение было равнозначно новому, неизвестному ранее, элементу потенциального светского контроля над религиозной ветвью власти.

Подобный контроль был распространен и на дворец султана. В период контрреволюции он служил сборным пунктом для сил, противостоявших юнионистам, и главный евнух имперского двора был среди султанских чиновников, преданных военно-полевому суду и повешенных после мятежа. Со своими дамами и принцами крови двор с тех пор продолжал играть оппозиционную роль. С января 1914 года двор был полностью лишен своего влияния. Члены семьи султана были отстранены от какого-либо участия в политике и от членства в любой политической партии. К тому же свобода передвижения членов семьи султана была ограничена. В то же самое время многие лица из окружения султана были заменены приверженцами комитета, который в результате теперь держал двор под своим постоянным контролем.

В отношении административных вопросов триумвират юнионистов при всех его жестоких репрессивных методах стал заниматься такими конструктивными проектами, какие требовались стране. Юнионисты ввели новую систему провинциальной и местной администрации. Они модернизировали систему управления в самом Стамбуле с помощью новой муниципальной организации с действенной программой общественных работ, снабдив город такими удобствами, как пожарные бригады и службы городского транспорта. Они реорганизовали полицию города, как и полицию провинций, где жандармерия нового типа, введенная в Македонии при Абдул-Хамиде, была распространена на другие части империи. Во многих из этих дел юнионисты воспользовались опытом иностранных советников. Они занимались правовой реформой. Было расширено публичное образование на всех уровнях. Впервые школы и

Стамбульский университет стали доступными для женщин. Этот шаг, связанный с вопросом женской эмансипации, должен был привести в грядущие годы к их вступлению в профессиональную жизнь и к новому законодательству, касающемуся прав женщин.

Наконец как символ уважения к конституции в течение зимы 1913 года по всей империи были проведены выборы. И третий турецкий парламент собрался весной 1914 года. Посол Британии отрицательно отзывался о нем как о «полностью послушной машине» «более или менее разумного деспотизма». На деле, хотя парламент представлял только одну организованную политическую партию, он был составлен на основе согласия различных элементов, в основном представлявших прогрессивное общественное мнение и не всегда беспрекословно подчинявшихся партийному контролю. В парламенте все еще сохранялось, хотя и в значительно меньшей степени, представительство диссидентских христианских общин. Но теперь, после потери владений в Европе, турки-мусульмане намного превосходили численностью все остальные народы империи. Теперь депутаты турецкого происхождения в парламенте представляли широкую основу для патриотической озабоченности будущим в сочетании с общим пониманием необходимости радикальных перемен ради ее спасения.

Особо острая нужда в реформе существовала в армии. Это была область деятельности Энвера. Прошедший подготовку в качестве молодого офицера при немецкой военной миссии, он после революции отправился в Берлин как турецкий военный атташе, где его военный министр, Иззет-паша, сам прошел военную подготовку. Энвер вскоре попал под прямое германское влияние, приходя в восторг от силы и эффективности германской военной системы, и теперь пытался внедрить ее методы у себя на родине, где турецкая армия пребывала в упадке после двух балканских войн.

Энвер особенно стремился к омоложению турецкой армии. Младшие армейские офицеры находились в конфликте со старшими, но большей части консервативными представителями прежнего режима, которые в этих двух войнах продемонстрировали нерешительные и даже пораженческие настроения. Именно молодые офицеры, не припавшие во внимание советам более взрослых, отвоевали под руководством Энвера Адрианополь. Военный министр Иззет-паша теперь признал необходимость проведения чистки старого офицерского корпуса, но сам отказался проводить ее, поскольку «все те, кого надо освобождать, являются моими друзьями». В результате Энвер, что внешне носило временный характер, сменил его на посту военного министра в самом начале января 1914 года. Султан сам впервые узнал о его назначении из газеты, замечав по этому поводу: «Это невозможно, он еще слишком молод».

В возрасте тридцати двух лет Энвер несколькими часами позже получил аудиенцию, и чистка была немедленно объявлена имперским указом. В списки на увольнение попали сотни офицеров, включая «командиров, ответственных за мрачную серию поражений в Македонии, наряду с большинством генералов старше пятидесяти пяти лет». Излагая суть чистки, Энвер напомнил, что в прошлом османская армия состояла из офицеров, пригодных для деятельности в мирное время, и из офицеров, пригодных для войны. Теперь и на будущее эти последние только и будут оставлены на службе.

Более важным шагом было прибытие из Германии, по просьбе турецкого правительства, новой и многочисленной военной миссии со значительно расширенными полномочиями. В состав военной миссии входили сорок человек. Ее возглавлял германский генерал-майор Лимап фон Сандерс. Это вызвало немедленный дипломатический кризис, поскольку Германия поставила условие, что Лимапу фон Сандерсу поручат командование первым армейским корпусом турок, который выделял гарнизон для Стамбула и его пригородов. Какими бы ни были намерения германского правительства, сам фон Сандерс, солдат по своей сути, не держал в уме каких-либо политических мотивов. Просто он был поглощен соображениями чисто военного характера, а именно, что при подготовке турецкой армии ему было бы легче здесь, в столице, преодолеть сопротивление требуемым реформам. Но для России это означало, что германский генерал будет распоряжаться судьбой проливов, тем самым поставив Германию в положение, дающее ей политическое преобладание в Стамбуле.

Сазонов, министр иностранных дел России, резко протестовал. Германское правительство ответило, что эффективная защита проливов турками была бы наверняка в интересах России. Но Сазонов, намекая на репрессалии против турок и на возможность войны с немцами, потребовал, чтобы фон Сандерс и его миссия были переведены на стратегически менее значимую позицию. Английское и французское правительства, хотя и нашли его возражения не особенно существенными, сочли себя обязанными поддержать русского министра в совместной ноте протеста. В результате фон Сандерс был повышен до звания полного генерала германской армии, следовательно, автоматически фельдмаршала — в турецкой армии. Это сделало его звание слишком значительным, чтобы командовать просто армейским корпусом. В результате фон Сандерс был выдвинут на должность генерального инспектора турецкой армии.

В обстановке нарастающего антагонизма между германцами и славянами предчувствия русских имели достаточно реалистичную основу. Этому способствовали длительные осложнения в отношениях между Россией и Германией. Преследуемый навязчивой идеей германского господства в Стамбуле, подобно такому же господству

Британии в Каире, Сазонов упорно трудился над тем, чтобы начиная с этого момента достичь определенного соглашения о проливах, которое одинаково отвечало бы интересам России и Турции.

Британия, однако, в данном вопросе, придерживалась политики осторожности. На протяжении нескольких десятилетий она оставалась основной среди держав в своих усилиях по поддержанию жизни «больного человека Европы», по большей части путем поощрения внутренних реформ и поддержки меньшинств в его европейских провинциях. Во время македонского кризиса это привело в 1907 году к «дипломатической революции» в форме той англо-русской Антанты, которая была подтверждена между царем и королем Эдуардом VII в Ревеле. Хотя это касалось главным образом англо-русских интересов в Персии, она дополняла англо-французскую Антанту 1904 года, породив Тройственное согласие, направленное на сохранение равновесия сил в Европе, которое подвергалось риску распада из-за растущего влияния центральных держав с их Тройственным союзом. Новые взаимоотношения Британии с Россией были в глазах ее министра иностранных дел сэра Эдуарда Грея настолько выжкими, что привели к модификации ее традиционной политики поддержки единства Османской империи. Ибо все это было задумано главным образом как гарантия безопасности против русской экспансии в направлении Стамбула и проливов. Грей в 1908 году так прокомментировал записку своего посла в Стамбуле: «Мы не можем возвращаться к старой политике лорда Беконсфилда; мы теперь должны быть за турок без того, чтобы давать повод для каких-либо подозрений, что мы против русских».

Но Грей первоначально активно поддерживал конституционную революцию младотурок. И это несмотря на свои собственные оговорки относительно ее возможного примера для британских подданных-мусульман как из Египта, так и из Индии. С другой стороны, скорее чтобы не вызывать антагонизма у своих двух союзников с их турецкими интересами: России — в проливах, Франции — в Сирии и Леванте. Грей заботился о том, чтобы избегать любого вмешательства Британии на основе «наиболее благоприятствуемой нации». Как результат его политики новый режим стал отчетливо пробританским, упоминая Британию в статьях конституции как «мать парламентов» и откликаясь на советы англичан.

Британская политика, однако, все еще оставалась политикой доброжелательного, но отчужденного нейтралитета. В ноябре 1908 года младотурки направили в Лондон двух высокопоставленных эмиссаров, чтобы предложить англо-турецкий союз, к которому, как они надеялись, присоединится Франция. Грей ответил пожеланиями удачи новому правительству и предложением направить английских

советников, которые на практике должны были работать в ряде министерств. Но он настаивал, чтобы политикой Британии оставался принцип держать руки свободными в смысле союзов.

Аналогичная попытка была предпринята в июле 1909 года, после контрреволюции, через турецкую парламентскую делегацию, озабоченную тем, чтобы уравновесить германское влияние. После поражения Турции в первой Балканской войне «больной человек Европы» был, очевидно, мертв и, как таковой, не подлежал спасению. На Лондонской конференции Грей довел до сведения турецкой делегации суровый факт: если младотурки не смогли сохранить Турцию в Европе, никакая другая страна не имеет достаточных мотивов, чтобы сохранять ее для турок.

Взоры западных держав были теперь обращены на саму Европу, на тот новый балканский блок, который сменил европейскую Турцию и должен был сам по себе поддерживаться в турецких интересах, чтобы сдерживать любую угрозу со стороны центральных держав. Младотурки в результате увидели, что они больше не могут ждать западного вмешательства для своего спасения, если они не в силах спасти себя сами. В то же время ослабленные и неплатежеспособные, каковыми они являлись на самом деле, изолированные и зависящие от милости желающих поживиться за их счет соседей, турки увидели, что их выживание зависело, как никогда раньше, от протекции и поддержки со стороны великой державы.

В июне 1913 года великий визирь Тевфик-паша вновь вернулся к обсуждению с Греком вопроса об англо-турецком союзе. И вновь этот вопрос был отклонен под предлогом, что, по словам нового британского посла, сэра Льюиса Маллета, «союз с Турцией в нынешних обстоятельствах объединил бы против нас Европу и стал источником слабости и опасности для нас и Турции». Случись так, как предлагал Тевфик, что Тройственное согласие ответило хоть какой-то поддержкой туркам, это интерпретировалось бы Германией, Австрией и Италией как вызов со стороны Тройственного согласия их Тройственному союзу. «Мы одни, — отмечал Грей, — определенно не сможем поставить Турцию на ноги: когда ее страхи улягутся, она станет сопротивляться усилиям в деле реформирования и противопоставлять одну страну другой, если мы все не будем едины».

Турция, как это виделось Грею, была теперь «больным человеком Азии», и европейские державы должны были, как ранее в Европе, объединять свои усилия в азиатских владениях Турции ради своих взаимных интересов. На протяжении 1913 года Британия, Германия, Австрия, Франция и Италия, без России, провели переговоры с турками и друг с другом, которые по своему значению равнялись установлению в азиатской Турции зон экономического влияния и

могли, в сущности — если бы эти намерения материализовались подобным образом, — оказаться равнозначными программе конечного раздела (как ранее это уже произошло с европейской) азиатской части Турции. По мере приближения августа 1914 года наиболее значительным результатом происходившего стало подписание англо-германского соглашения, касавшегося Багдадской железной дороги. Германия сохранила право эксплуатировать дорогу со всеми вытекающими из этого коммерческими последствиями на анатолийском и киликийском участках. Но было согласовано, что дорога не пойдет дальше запланированного терминала в Басре. Это защищало имперские интересы Британии в долинах рек Месопотамии и Персидском заливе.

Но пока что никакого подобного соглашения не обсуждалось в отношении канала между Азией и Европой. Россия, со своей стороны, была озабочена угрозой проливов в случае войны, поскольку те стали более важными для Британии и России, ныне союзников, чем в прошлом, когда они были враждебными странами. Именно здесь, как это виделось русским, заключалась самая большая угроза, исходившая от Германии. Но это была опасность, в отношении которой Британия, помимо того что она вынашивала надежды на турецкий нейтралитет, мало что или вообще ничего не предпринимала, чтобы предотвратить ее.

В Стамбуле Германия открыто афишировала свою силу и престиж устами посла барона фон Вангенгейма, который теперь главенствовал на дипломатической сцене, подобно тому как фон Сандерс пришел, чтобы доминировать на военной сцене. Его новый ранг фельдмаршала и генерального инспектора давал ему, в сущности, более широкие полномочия, чем раньше, и поощрял его претендовать, подобно самому послу, на роль «личного представителя» кайзера. Становилось все более очевидным, что Германия планировала в конечном счете установить контроль над проливами, которые все еще, как и в прошлом, были фактическим ключом к Востоку. Возникла ситуация, которая звала к более смелой дипломатической конфронтации с Германией в интересах Турции, чем с Британией, сверххотрожной в своей дипломатии и сверхуверенной в турецком нейтралитете.

Но если действия англичан склонялись к негативным, действия русских были явно позитивными. Весной 1914 года русский посол в Стамбуле, твердо поддержанный Сазоновым в Петербурге, обсудил с турецкими министрами предложения насчет соглашения между Россией и Турцией, которое разрешило бы проблему проливов в интересах обеих стран. Россия обеспечила бы Турции требующуюся той защиту. В случае войны Турция, как союзник России, закрывала проливы для всех вражеских государств. В случае победы (как это

должно было быть уточнено позднее) Турция получила бы германские концессии в Азии и гарантию ее собственных границ.

Предложения русских с готовностью поддержал Талаат, отправившийся в Петербург в мае 1914 года, чтобы предложить официальный турецко-русский альянс. На следующий месяц Джемаль поехал в Париж, где он предложил, как более эффективный, союз с державами Тройственного соглашения. Он получил завуалированный ответ — который был равнозначен вежливому отказу, — что это должно зависеть от согласия между ними и что Франция не может брать на себя инициативу по собственному почину. На деле никакого соглашения не состоялось. Французы отвергли какие бы то ни было территориальные гарантии, требующиеся туркам за счет балканских государств. Англичане согласились с ними, все же продолжая настаивать на политике турецкого нейтралитета и оставаясь оптимистами в своей надежде, что это будет воспринято как отвечающее собственным интересам турок.

В шестой и последний раз окончилась неудачей попытка Турции предложить западным державам союз. Талаат и Джемаль вернулись в Стамбул с пустыми руками и мрачными мыслями относительно будущего своей страны. Вскоре они против желания обратились к последнему средству воинственного воевшего министра триумвирата Энвера-паши. Это была рискованная игра вокруг союза с Германией. Это была ситуация, которая служила дурным предзнаменованием для судеб как Российской, так и Османской империй. Ибо европейская война становилась фактически неизбежной.

28 июня 1914 года наследник австрийского трона эрцгерцог Франц-Фердинанд был убит вместе со своей супругой во время поездки по улицам Сараево в Боснии. Его убийцей был студент из тайной террористической организации в Сербии, которая протестовала против австрийской аннексии Боснии и Герцеговины и в настоящий момент ставила своей целью создание, в ущерб Австрии, пансербского, южнославянского национального государства. По горячим следам центральные державы вынашивали надежду на локализацию конфликта, который должен был произойти вслед за случившимся. Австрия, получив от Германии свободу действий, предъявила Сербии ультиматум, потребовав роспуска южнославянских обществ, зайдя при этом настолько далеко, что предложила свое посредничество с этой целью на сербской территории. Потрясенный характером ультиматума, сэр Эдвард Грей заявил решительный протест против него как «наиболее страшного документа, который я когда-либо видел направленным одним государством другому независимому государству». Он увидел в этом угрозу миру в Европе и предсказал, что «большая европейская война в современных условиях станет катастрофой, которой в прежних войнах не было прецедента». Но Австрия

отвергла примирительный ответ из Белграда и 28 июля объявила Сербии войну.

Германия первоначально не предвидела, что в дело вмешается Россия, которая не была на данной стадии готова к войне. Кайзер не сразу сообразил, пока еще не было поздно, что ему надо сдерживать Австрию и что любое посягательство на Сербию центральными державами неизбежно вызовет сопротивление со стороны России. Для Германии теперь уже было бесполезным настаивать, в ответ на дальнейшие усилия Грея в роли посредника, что «ссора Австрии с Сербией была чисто австрийским делом, к которому Россия не имеет никакого отношения». 31 июля Россия после предварительного уведомления Германии объявила всеобщую мобилизацию. 1 августа Германия объявила войну России. Франция отвергла требования Германии о ее нейтралитете и вступила в войну 3 августа. Германская армия вторглась в Бельгию. Британия, связанная обязательством защищать бельгийский нейтралитет, 4 августа объявила войну Германии. Так началась, по определению Грея, «одна из величайших катастроф, которые когда-либо обрушивались на человечество».

Двумя днями раньше, в основном по инициативе Энвера, был заключен секретный союз между Турцией и Германией. По его условиям турецкое правительство брало на себя обязательство вступить в войну на стороне стран Тройственного союза в случае, если Россия вмешается в австро-сербский конфликт. 4 августа, все еще не зная об этом соглашении, но уже имея сведения, что в Турции началась мобилизация, Грей дал указание своему поверенному в делах в Стамбуле оказать на Турцию давление с требованием соблюдать нейтралитет. «Вы должны, однако, — добавил он, — быть осторожны, чтобы придать вашему сообщению характер доброго совета от старейшего друга Турции и избежать впечатления, что мы угрожаем».

Тем не менее Грей, с запозданием осведомленный о степени германского влияния в Стамбуле, пришел к пониманию, «что Энвер-паша хотел поставить Турцию на сторону Германии и что ничто, кроме убийства Энвера, не удержит Турцию от присоединения к Германии». Два других члена триумвирата выступили в поддержку Энвера. После того как Германия предложила союз, Талаат спросил у Джемала: «Ты сам видишь, что нам нечего ждать от Франции. Поскольку Франция отклонила, отклонишь ли ты предложение Германии?» На это Джемаль ответил: «Я не стану колебаться принять любой союз, который вызовет Турцию из ее нынешнего состояния изоляции». С другой стороны, он предпочел бы отсрочить ее вступление в войну настолько, насколько это было возможно, чтобы выиграть время для завершения длительного процесса

мобилизации. «Немцы согласились с этим, и турецкое правительство, союзнические обязательства которого по-прежнему оставались в тайне, объявило о нейтралитете, который подкрепит всеобщая мобилизация».

Общественное мнение Турции было возмущено Британией, когда правительство последней накануне европейской войны реквизировало два военных корабля, «Султан Осман» и «Решадие», которые строились или перестраивались для Турции на британских судостроительных верфях. Британия, уже вступившая в войну, могла предъявить все права на то, чтобы распоряжаться кораблями, которые в руках турок становились угрозой в равновесии военно-морских сил в Черном море и за которые была обещана солидная компенсация в семь с половиной миллионов фунтов стерлингов. Их выкуп во многом помогли публичные пожертвования в ходе общенациональной кампании стимулирования поддержки турецкого флота. Чиновники, одержимые патриотической идеей, отдавали часть жалованья. Порта обвинила Британию в нарушении международного права, общественность обвинила Британию в элементарном воровстве, а прогерманская газета вылила на нее «тысячу проклятий».

Инцидент облегчил задачу триумвирата в переключении симпатий общественности с Британии на Германию и в примирении турецкого народа с мыслью о мобилизации. Их задача еще более облегчилась, когда 10 августа два германских военных корабля, «Гебен» и «Бреслау», крейсировавшие в Средиземном море накануне войны, оторвались от британской эскадры, преследовавшей их, и появились вблизи входа в Дарданеллы, запрашивая разрешение на вход. Под нажимом со стороны германской военной миссии Энвером было дано разрешение, и два корабля нашли убежище в проливах. Он далее согласился, чтобы форты открыли огонь, если британские военные корабли попытаются продолжить преследование. Объявляя об этой новости своим коллегам, Энвер воскликнул: «У нас родился ребенок!»

Послы стран Тройственного согласия заявили протест по поводу этого нарушения международных договоров Турции. Но на следующий день было объявлено, что корабли были «проданы» Турции, и Джемаль информировал печать, что они займут место двух кораблей, которые вероломная Британия украла у Турции. Условием «продажи» было то, что командовавший кораблями адмирал Сушон должен был сменить британского адмирала Лимпуса в качестве командующего турецким флотом. Так два германских корабля, переименованные в «Явуз» и «Миндили», с экипажами, надевшими турецкие фески, отправились в Мраморное море с турецкими вымпелами на верхушках мачт, чтобы бросить якоря напротив Стамбула. Несколькими днями позже корабли были торжественно

осмотрены султаном вместе с остальным турецким флотом, за чем последовала регата у Принцевых островов, вызвавшая энтузиазм толп жителей Стамбула.

Не имея полномочий противостоять подобному политическому давлению со стороны министерства морского флота, британский адмирал Лимпс покинул флагманский корабль, и вскоре на борту всех без исключения турецких кораблей не осталось ни одного британского офицера. Адмирал Супон был официально объявлен командующим военно-морским флотом. Германия добилась впечатляющего успеха в качестве явного друга турецкого народа. В последовавшие недели иностранные послы не имели успеха в требовании интернирования и репатриации экипажей германских кораблей, которые фактически вошли теперь в состав турецкого флота, тогда как британская военно-морская миссия несколькими неделями позже прекратила свою деятельность. Когда Джавид-бей сообщил своему высокопоставленному другу из Бельгии о том, что германцы вошли в Брюссель, бельгиец, указав на два стоявших на рейде корабля, отпарировал столь же плохой вестью: «Германцы захватили Турцию».

Предвидя, что турки теперь недолго будут оставаться в бездействии, Уинстон Черчилль, первый лорд Адмиралтейства, хотел, чтобы британская эскадра огнем проложила свой путь через проливы и потопила два германских корабля в Мраморном море. Но коллеги переубедили его. Тогда, после консультаций с лордом Китчером (новым военным министром), он предложил план захвата Галлипольского полуострова с помощью войск, обещанных греками, и уговаривал Грея получить такую же помощь от русских. Но у них не было свободных войск. Король Константин был убежден советниками, что морская атака без сухопутных войск должна потерпеть неудачу. В результате на какое-то время проект был отложен.

Последовало неопределенное время, которое не было ни войной, ни миром. Турки находились теперь в выгодном положении возможностей дипломатического флирта с обеими сторонами, противопоставляя страны Тройственного союза странам Тройственного соглашения. 16 августа Россия, опасаясь закрытия проливов в случае враждебной позиции Турции, присоединилась к Британии и Франции в предложении гарантий турецкого нейтралитета и территориальной целостности. Но это ничего не дало, поскольку осмелевшие турки потребовали в обмен на нейтралитет таких гарантий и уступок, какие союзники не могли принять — полную отмену капитуляций, возвращение Британией реквизированных турецких военных кораблей, возвращения островов в Эгейском море и территорий в Западной Фракии. Когда две недели спустя было внесено пересмотренное

предложение, сообщения о решающей германской победе во Франции исключили любое подобное урегулирование.

Несомненно, большинство турецкого кабинета и, наверняка, палата депутатов все еще были благосклонны или же не совсем верно оценивали или недооценивали воинственное меньшинство с его прогерманской политикой. Но в два последующих месяца начал проявлять себя дрейф в направлении войны. Это было достаточно очевидным для сэра Эдварда Грея, дипломатия которого теперь свелась к двусторонней ограниченной цели. Во-первых, вступление Турции в войну, независимо от того, можно или нельзя его в конце концов предотвратить, должно быть любой ценой отсрочено на как можно более продолжительный срок. Лорд Китченер настаивал, что Турцию следует удерживать нейтральной или в крайнем случае все еще в состоянии мира с Британией, пока имперские войска из Индии не будут безопасно доставлены по Суэцкому каналу. Во-вторых, Грей стремился сделать так, чтобы, если худшее все-таки произойдет, оно произошло в виде неспровоцированной агрессии Турции, без какого-либо повода со стороны Британии. Обе его цели были достигнуты. Войска из Индии достигли Египта и Средиземного моря, по пути во Францию, в безопасности.

27 сентября британская морская эскадра, стоявшая у устья Дарданелл, приказала турецкому торпедному катеру повернуть назад. Это действие дало немцам желанный предлог, чтобы настаивать на закрытии пролива для иностранного судоходства. Энвер отдал распоряжение об установке мин. К этому времени в столице находилось несколько тысяч немцев. Послы Германии и Австрии стали решительно настаивать на выступлении Турции против стран Антанты. 11 октября Энвер и Талаат дали обещание вооруженного вмешательства в обмен на значительный заем из Германии. Бывшие «Гебен» и «Бреслау» под командованием адмирала Сушона предприняли под видом «маневров» вылазку в Черное море, как бы стремясь спровоцировать русских на начало военных действий.

Наконец, 28 октября германский адмирал повел мощную турецкую эскадру в Черное море по секретному приказу Энвера, который тот скрыл от своих коллег-министров: «Турецкий флот должен силой обеспечить свое господство в Черном море. Найдите русский флот и атакуйте его на месте, без объявления войны». Без предупреждения турецкий флот подверг бомбардировке русские порты Одессы, Севастополя и Новороссийска и потопил ряд русских судов. «Никогда, — был приговор Грея, — не имело места более безответственное, необоснованное и неспровоцированное нападение одной страны на другую». К 5 ноября Британия, Россия и Франция объявили войну Османской империи.

Катастрофический исход случившегося теперь становился неизбежным. На начальной стадии Британия еще могла убедить Турцию

проводить политику нейтралитета, используя она более решительную дипломатию. Логически такая политика была, безусловно, в интересах Турции, как и в интересах всех союзников. После катастрофических поражений в недавних балканских войнах Турция больше всего нуждалась в периоде мира, во время которого можно было восстановить и увеличить военную мощь, поддержать равновесие в отношениях со странами Антанты и странами Центральной Европы. Турции необходимо было прежде, чем что-то решить, понаблюдать за событиями. Таков был довод, который Мустафа Кемаль тчетно пытался изложить Энверу в середине июля. Вместо этого Энвер направил Мустафу Кемаль в Болгарию в качестве военного атташе. Он решительно возражал против любого союза с Германией на том основании, что, если Германия выиграет войну, она сделает из Турции сателлита. Если же она войну проиграет — а он был уверен, что она проиграет, — Турция потеряет все. Подобные взгляды разделяли и другие лица в рядах юнионистов. Но настроение турок в целом, которое прекрасно понимал Энвер и недооценивал британский посол, все еще веривший в умеренность, больше не было склонно внимать разуму.

С ущемленной последними поражениями гордостью, опасаясь собственной слабости Турция испытывала психологический страх перед изоляцией. Более того, она верила, что политика нейтралитета могла привести только к окончательному разделу ее территорий между великими державами. Покинутый, как это теперь казалось очевидным, прежними западными союзниками турецкий народ был готов с покорностью, если не со всеобщим воодушевлением, обратиться к новому союзу с Германией.

Таков был климат общественных настроений, в котором Энвер-паша приступил к своей безрассудной игре. Узнав об этом, Джавид-бей, всегда умеренный, выпел из правительства младотурок, сказав на прощание: «Если даже мы победим, мы окажемся на развалинах».

Именно в этом — по прошествии шести веков существования — заключалось значение последней роковой фазы упадка и гибели Османской империи. Война для турок началась неудачно. Во-первых, в 1914 году импульсивный Энвер-паша потерял почти всю турецкую армию во время неудачливой зимней кампании против русских на Кавказе. Затем Джемаль-паша, губернатор Сирии, склонявшийся к тому, чтобы завоевать Египет, направил экспедиционный корпус через безводную Синайскую пустыню к Суэцкому каналу. Остановленный на берегах канала заранее предупрежденными войсками англичан, корпус был вынужден повернуть в обратный путь через пустыню, к своей штаб-квартире в Беэр-Шева.

В начале 1915 года русские, испытывавшие нехватку боеприпасов и к этому времени отрезанные от путей снабжения по Средиземно-

морью турецким контролем над Босфором, через великого князя Николая обратились к Британии за помощью в форме освобождения от давления турок. Это привело к возрождению ранее выдвигавшегося Уинстоном Черчиллем плана организации экспедиции к Дарданеллам. Чтобы обеспечить боеспособность русских, было предложено силой продолжить путь по проливам в Мраморное море и к Стамбулу. Черчилль планировал это как чисто морскую операцию, с сухопутными войсками, находящимися в резерве. Эта перспектива вызвала у турок, хорошо знающих морскую мощь англичан, состояние ужаса. Им грозила реальная опасность третьего и окончательного поражения, могущего столь же быстро последовать за поражениями на Кавказе и Суэце.

Но из-за разногласий в штабе и благодаря главным образом лорду Китченеру центр кампании сместился с морского на сухопутный вариант — наземное вторжение на Галлиполийский полуостров. К концу 1915 года операция дважды оканчивалась дорогостоящими неудачами, приведя к уходу Британии и обеспечив туркам решительную и непредвиденную победу. Заслуга в этом принадлежала умелому руководству Мустафы Кемаля, который теперь показал себя командиром, способным встать на один уровень с полководцами из имперского прошлого османов.

Неудача Британии в Галлиполи дала триумvirату младотурок время на передышку, предоставив возможность без иностранного вмешательства проводить продуманную внутреннюю политику полного уничтожения армянского народа. Близость их расселения к кавказскому фронту русских давала удобный предлог для преследований армян путем депортации и убийств в масштабах, намного превосходящих зверства Абдул-Хамида. Из миллиона армян более половины погибли или бежали.

В 1916 году русские вернулись к наступлению на кавказском фронте, захватив крепость Эрзурум и использовав ее в качестве базы для вторжения в Анатолию и в направлении порта Трабзон с его господством над морскими путями в Черном море. Но наступление было внезапно прекращено. В марте 1917 года произошел взрыв русской революции. Это спасло турок от поражения в Азии и неожиданно предоставило им дополнительную отсрочку от окончательного приведения приговора в исполнение. Но турецкие армии опустошало дезертирство, доходившее до сотен тысяч человек, тогда как источники снабжения были близки к полному развалу.

Багдад пал перед союзниками, и британские войска продвигались вперед по долине Тигра во внутренние районы Ирака. Тем временем среди рядового состава турецких войск объявился внутренний враг в лице арабов, которые подняли революцию в Хиджазе во имя арабской независимости против турецкого господства. Революция

распространилась на все арабские земли и оказала глубокое влияние на исход войны и ее последствия.

Теперь, осенью 1918 года, наступил последний час, когда войска союзников, захватившие Иерусалим, готовились к своему заключительному необременительному наступлению на палестинском фронте под командованием генерала Алленби. Этот поход, по выражению арабского историка, должен был выместить турок из Сирии, «подобно чертополоху под напором ветра». И вновь турецким героем кампании был Мустафа Кемаль, который после мастерски проведенного стратегического отступления с высот вокруг Адельно, был назначен на пост командира остатков турецких войск, теперь оборонявших землю самой Турции, естественным рубежом которой был этот район. Турки все еще оставались непобежденными, когда пришло сообщение о подписании 30 октября 1918 года перемирия между Англией и Турцией. Мустафа Кемаль, таким образом, остался единственным турецким командиром, не испытывавшим горечи поражения. За его спиной лежали земли Анатолии, колыбели турецкого народа, где ждала его самого и его народ будущая судьба.

Лидеры младотурецкого триумвирата оказались в изгнании, где все они умерли насильственной смертью. Союзники, вскоре занявшие Стамбул, разработали на Парижской мирной конференции планы не только расчленения Османской империи, но и раздela ее анатолийской родины между Францией, Италией и Грецией.

Стремящийся к борьбе за права своей страны, Мустафа Кемаль сумел получить в Анатолии официальный пост. Здесь при поддержке командиров двух турецких армий он организовал движение национального сопротивления союзникам и условиям мира, которые те стремились продиктовать. В течение трех лет, победоносных вначале в гражданской войне против войск султана, а затем в войне за независимость с целью изгнания греков, Мустафа Кемаль освободил отчизну турок от иностранной оккупации. Он созвал свой собственный националистический парламент в Ангоре. Наконец, на новой мирной конференции в Лозанне он добился от союзников установления таких новых границ, каких он требовал для Турции, тем самым сохранив в неприкосновенности Анатолийскую колыбель и полосу турецкой земли в Европе, которая включала Адрианополь (теперь Эдирне).

Упразднив султанат и отправив последнего султана Мехмеда VI в ссылку, Мустафа Кемаль провозгласил 29 октября 1923 года Турецкую Республику. Турция после ее гибели в качестве мировой империи должна была теперь выжить и действительно процветать как национальное государство.

Так, придя на смену старой и вытекающей из нее, наступила новая фаза в истории турецкого народа.

Эпилог

Турки были в числе создателей великих имперских держав. Их империя была последней по времени и самой большой по размерам из четырех средневосточных империй, — вслед за персами, римлянами и арабами, — которой удалось на протяжении длительного периода времени сохранять единство этого обширного эпицентра, в котором моря встречались друг с другом, а континенты переходили один в другой. В качестве новой жизненной силы с Востока их вклад в историю был двойким. Сначала, благодаря своим первым, сменявшим друг друга султанатам, турки возродили и воссоединили мир ислама на его азиатских территориях; затем, благодаря имперской династии Османов, они возродили к жизни европейские земли восточно-христианского мира. Объединяя Восток с Западом, турки заполнили вакуум, образовавшийся после распада империи арабов в Азии и Византийской империи в Европе, чтобы развиваться внутри этого пространства в виде новой османской цивилизации.

Османская империя в своей структуре имела три четко различных аспекта. Во-первых, это было в своей сущности Турецкое государство. Его лояльность была лояльностью по отношению к турецкой фамильной династии; его язык был турецким; его корни исходили из племенных сообществ Туркестана с их духом этнической солидарности и их собственными символами и обычаями. Турецкое государство представляло собой монолит благодаря врожденному чувству власти, четкому представлению о порядке и дисциплине, мастерству и приспособливанию в организации управления, которые отражали внутренние ресурсы турок как кочевого сообщества.

Но их государство столь же сущностно было исламским государством, зависимым не от национальных различий, а от чувства общности между мусульманами и уважения к их общим институтам. Султан османов правил в рамках священного закона и с глубоким уважением к принципам ислама с помощью официальной иерархии улемов, обязанности и ответственность которых были определены со строгим турецким чувством порядка и ясности.

Но при всей его турецкой солидарности и мусульманской структуре государство османов превыше всего прочего было еще и универсальной империей. Широкое разнообразие форм управления было настолько всеобъемлющим, что охватывало, в ее полных контрастах городах и на равнинах, в долинах рек, горах и пустынях, бесчисленное количество несравнимых между собой национальных, социальных и в особенности религиозных сообществ. Издавна Византийскую империю фатально раздирала вражда между католиками и православными, латинянами и греками, папой и императором.

С падением Константинополя именно осман-завоеватель, при всей чуждости его веры и культуры, восстановил мир и порядок в царстве православия, выступая не только в качестве его господина, но и в качестве его общепризнанного и активного защитника, приведшего поборников христианства к тому, что они стали предпочитать правление мусульманского падишаха «рабству католического папы». Ибо население, составлявшее меньшинства, было собрано путем делегирования центральной властью определенных полномочий в обособленные этнические, социальные и религиозные сообщества.

Благодаря просвещенной системе правления османов, захватчиков, именно в этом был ключ к давно искомому восстановлению христианского православного общества. Именно при османах греческий экуменический патриарх с его подразумеваемым верховенством над другими православными церквями подошел к всемирной власти ближе, чем даже при Византийской империи. Здесь в рамках отношений между мусульманами и христианами раскинулся Пакс Османника, принципы устройства которого обнаруживали сходство между османской и римской империями. Во имя Пакс Романа внутри своих собственных границ римляне практиковали схожую терпимость по отношению к иностранцам, нередко давал им римское гражданство и поощрял их использовать свои способности во имя империи и собственного блага.

Именно такая традиция, преобладавшая в исламском мире, была обращена на практические цели родом Османов. Его империя ни в каком смысле не была национальной, но являлась динамичной и многонациональной империей, различные национальности которой, будь то турки, либо какие-то иные, мусульмане или христиане, или евреи, были помимо всего прочего османами, частичками единого гибкого образования, которое выходило за рамки таких понятий, как нация, религия и национальность. Единственная в свое время, Османская империя признавала все три монотеистические религии.

Чтобы более эффективно использовать физический и духовный потенциал покоренного ими христианского населения, османы развили

уникальную систему государственной службы, основанную на использовании рабов, бывших личной собственностью султана и входивших в его домовладение. Отражая те принципы рабства, которым турки в частности и турки в целом сами подчинялись в других краях на разных этапах своей истории, Турецкое государство сумело создать ведущий институт, состоявший из рабов славянского происхождения. Захваченные в плен в бою, приобретенные путем вербовки, купленные на рынке, подаренные султану или добровольно поступившие к нему на службу, они подлежали обращению в ислам, принимали обет безбрачия, разлучались с семьями и отказывались от любой собственности. Их вознаграждением за это был содержательный курс обучения и подготовки в спартанском духе в дворцовой школе для пажей. Обучение приводило к осознанному выбору такой карьеры на государственной службе, которая наилучшим образом отвечала их талантам, открывая возможности для продвижения на высшие посты в государстве. В сущности, это означало правление с помощью завоеванных в пользу завоевателя. Каким бы противоестественным ни выглядело такое порабощение в глазах Запада, оно в своем собственном контексте подтвердило свою просвещенную и практичную формулу для полного использования личных качеств и мастерства молодых христианских подданных султана к выгоде империи и, даже, возможно, самих рабов. Ибо они вскоре стали не ненавидеть, а ценить свой принудительный статус за привилегии, которые он принес им и которые не полагались рожденным мусульманами. Лишенные своих семей, чтобы стать частью «семьи» султана, они развились в ненаследственный правящий класс, приводимый в движение принципами одной только меритократии.

Это была элита, которая на протяжении первых веков империи помогала обеспечить власть и гарантировать стабильность династии Османов, освобождая государство от подрывающей его вражды и сил nepотизма любой наследственной аристократии мусульманского происхождения. Более того, сами султаны перестали заключать династические браки, вместо этого воспроизводя свое потомство с помощью женщин из этого рабского домовладения, содержащихся в гареме, и в результате, к лучшему или к худшему, вводя в вены османской династии смешанную кровь.

На более ранних стадиях применения этой рабской силы османы ограничивались военной областью. Они занимались отбором юных христианских племянников в корпус янычар. Тщательно отбираемые по своим физическим данным, юные христиане готовились и воспитывались как сила, служащая лично султану сначала в качестве личной охраны, затем, после увеличения рядов, в качестве пехоты, которая стала ядром османских армий и основой ее стойкости в бою. Она дополнила кавалерийские части, состоявшие из мусульман по проис-

хождению, сипахов, набравшихся на феодальных принципах из землевладельцев с их отрядами, которые использовались в качестве головного отряда в наступлении во время сражения. Все это войско замыкала артиллерия, стрелявшая с помощью дымного пороха, как никогда до этого на Востоке. Также в османскую армию входили отряды нерегулярных новобранцев.

Вместе эти части превращали армию османов в крупную современную военную силу, хорошо обученную, хорошо вооруженную, хорошо организованную и с жесткой дисциплиной, которая намного превосходила любую европейскую армию своего времени сплоченностью своего командования, силой своего оружия и стойкостью своего боевого духа.

Всегда лично руководимая султаном с врожденными качествами воина, командовавшим и воодушевлявшим свои войска на поле боя, она продолжала свои завоевания на протяжении двух с половиной веков, приведя к возникновению на двух направлениях и на трех континентах империи, которая протянулась на восток через Азию вплоть до Персидского залива; на юг, в Африку, через Египет, к Красному морю и за его пределы; на Запад через Балканы и Дунай на большую часть Восточной Европы, чтобы быть остановленной только на рубежах самой Центральной Европы. Наконец, на море Османская империя стала господствовать над всем Средиземным морем и протяженной полосой североафриканского побережья, в результате соединив своими морскими путями Атлантику с Индийским океаном.

Впервые в истории Восток с его институтами глубоко проник на Запад, чтобы оказать на него реальное воздействие в качестве объединяющей силы важной части Европы. Там, где до них потерпели неудачу Персия и арабы, османы были триумфаторами, поднявшись благодаря совершенству своих вооружений и своим врожденным качествам порядка и организации до уровня имперской державы высокого статуса в мире их времени. Уважаемые и ценимые еще больше за свое искусство дипломатии, они стали интегральной силой в балансе сил имперской Европы эпохи Ренессанса. Будучи в реальности единым целым — Османская империя в совершенстве владела искусством манипулирования расколотыми силами Запада. Такой была Османская империя в расцвете своих сил при Сулеймане Великолепном-Законодателе — последнем и вслчайшем в ряду десяти великих правивших султанов.

Но вершина, достигнутая империей, очень скоро превратилась в водораздел. Двадцать пять султанов, сменяя друга друга, правили после Сулеймана, и все они были людьми иного масштаба. Под их неустойчивым правлением Османская империя вынуждена была существовать на протяжении трех с половиной столетий. Но это

была империя, пребывавшая в состоянии постоянных судорог упадка, который, несмотря на периоды передышек и проблесков временного восстановления, был необратимым. В прошлом она зависела, по существу, от абсолютной суверенной власти султана при наличии у того желания и способности править. Теперь султаны в основном этими качествами не обладали, склонные скорее к развлечениям гарема, женщины которого, султанши, нередко становились реальной правящей силой за их спинами.

Наследник трона больше уже не посылался в качестве губернатора в провинцию, чтобы набраться там опыта ведения государственных дел. За редкими исключениями, никогда больше султан не командовал своими войсками на поле боя. Крайне редко покидал он стены дворца, а его наследники, как правило, из поколения в поколение лишались контактов с внешним миром путем заключения в «Клетку», что в итоге делало их неспособными к управлению государством. Эта плачевная традиция совпала с тем временем, когда маятник истории качнулся в сторону ослабления военной мощи османов.

Армия османов после периода войны на два фронта против врагов, которым она могла нанести поражение, но которых уже не в состоянии была покорить, достигла пределов расширения империи, практически больше не имея областей для завоеваний. Три века спустя военная волна вновь повернула с Запада на Восток благодаря растущей промышленной и экономической мощи, а также техническому прогрессу Запада в области военного дела. В этой ситуации Восток с его фатальной консервативностью традиций, к тому же не имеющий теперь надлежащего руководства, не смог соревноваться, сменив наступательную роль на обороняющуюся.

Более того, Османская империя, с казной, опустошенной сверхрасходами на приобретение вооружений как для наземных, так и морских сил, уже вскоре после смерти Сулеймана была поражена сильным экономическим кризисом, который затронул большинство средиземноморских стран. В результате притока через Атлантику испано-американского золота серебряная турецкая монета была обесценена, что вызвало высокий уровень инфляции. В свою очередь инфляция привела к резкому скачку цен и повышению уровня налогообложения.

За истекшее столетие империя удвоила свое население, что привело в отсутствие новых завоеваний к нехватке земли для расселения и к широкомасштабной безработице; также к появлению бесправного безземельного крестьянства и к взрыву недовольства среди нерегулярных войск, не получавших жалованья в мирное время, которым теперь, чтобы прожить, приходилось нередко прибегать к разбою. Волна недовольства коснулась и сипахов, наделенных

земельными наделами кавалеристов. Постепенно сипахи стали уставшим видом войск в связи с появлением технических средств современного способа ведения военных действий и возросшей потребностью в вооруженной пехоте. Часто лишаемые своих земель, они готовы были объединяться с различными лишенными землей мятежниками для участия в восстаниях в Анатолии, возглавляемых местными племенными вождями.

В отсутствие сильной центральной власти в эти восстания втягивалась значительная часть крестьянства, которая бросала необработанными обширные участки земли. В то же время значительная часть оставшихся земель присваивалась новой прослойкой наследственных землевладельцев, зачастую из лиц, проживающих в городах. Развитие подобных латифундий вызвало радикальные изменения в традиционной системе распределения земель у османов. Оно породило угрожающее неравновесие в социальной и административной структурах империи и повлекло за собой смещение власти от центра к группам землевладельцев и к таким силам на местах, как «хозяева долин» и племенные шейхи в горах. Это был процесс, изменить который не смог никто из немалого числа султанов.

Более фундаментальные изменения произошли в правящих институтах в самом центре. До этого состоявшее из рабов домовладение султана было наглухо закрыто для всех подданных мусульманского происхождения, оставаясь в результате свободным от инфекции наследуемых привилегий. Но время шло, империя увеличивалась в размерах, росло ее население, и подобная исключительная система неизбежно стала вызывать возмущение мусульманского по происхождению дворянства. Как полноправные граждане, преданные сторонники государства и неутомимые борцы за веру, они требовали права относиться к себе как к привилегированной общности, претендующей на свою долю в управлении путем допуска ко двору.

Результатом нажима на череду нерешительных султанов стала доступность официальных должностей в службе султана для всех свободных мусульман с правом наследования их постов их собственными сыновьями. Это привело к постепенному размышу и окончательному исчезновению домовладения султана, состоявшего из рабов, которое на протяжении веков обеспечивало империю администрацией, состоявшей из преданных ему государственных служащих. Но ведь отсчет, как это и было, от средних веков, эта система с ее врожденной жесткостью пережила свое время. Если бы среди преемников Сулеймана нашелся более сильный и более провидательный султан, он вполне бы мог адаптировать эту исключительную систему к зарождающемуся процессу изменений, тем самым попытавшись сохранить ее наиболее ценные качества. В результате сфера

управления вскоре превратилась в раздутую, неповоротливую и жесткую бюрократию, занимающуюся лишь интригами и коррупцией.

Не менее важное значение имел процесс разбавления и раздувания корпуса янычар. Урожденные мусульмане теперь были допущены в его ряды, получив разрешение жениться и право на зачисление в корпус их сыновей. На протяжении последней четверти XVI века корпус увеличился в своих размерах с двенадцати до более чем ста тысяч человек. Многие из янычар теперь зарабатывали себе на жизнь, занимаясь коммерцией, подобно гражданскому ремесленническому люду, дополняя жалование доходами от торговли готовыми изделиями.

Эта перемена в их исключительном ранее составе подорвала их дух командной, групповой солидарности и самодисциплины. В периоды мира, которые теперь случались более часто, янычары стали превращаться в государстве в подрывающую государственный устои и мятежную силу, которую правительство подчас было не в состоянии поставить под контроль. Помимо этого они превратились в постоянную угрозу для крестьянского населения, исповедующего христианство, защита которого была их обязанностью, но которое янычары теперь часто подвергали граббжам. На протяжении двух последующих веков они становились все более и более необузданными, подрывая своими мятежами и восстаниями внутреннюю безопасность страны, тогда как на поле боя их боевые качества резко снижались вследствие отсутствия сплоченности и дисциплины.

Во второй половине XVII века, когда Европа находилась в состоянии междоусобной войны, Османская империя переживала период восстановления при правлении рода Кеprюлю — «династии» великих визирей, албанцев по происхождению, которым три султана подряд передавали значительную часть своей власти. Это позволило им искоренить коррупцию и несправедливость и восстановить платежеспособность казны, подавить восстания в Анатолии и других местах и попытаться обеспечить восстановление боеспособности вооруженных сил. Хотя периодов подобного непрерывного правления, как у рода Кеprюлю, больше не повторилось, периодическое появление отдельных великих визирей их уровня, обычно при более ответственном султоне и при поддержке высшего эшелона бюрократии, все еще поддерживало власть правящего учреждения. Точно так же, через религиозные институты, мудрый великий муфтий вполне эффективно мог поддержать авторитет ислама. Таким образом, сохраняя в какой бы то ни было форме эти две традиционные опоры, структура государства османов, какими бы ни были условия, в которых оно приходило в упадок, продолжала существовать. Даже усиление коррупции способствовало появлению активной заинтересованности в продолжении существования.

Тем временем в конце XVII века в глазах Европы по престижу империи как военной державы был нанесен тяжелый удар, выражавшийся в унижительном провале турецкой армии во время второй осады Вены и последовавших за ней кампаниях. Осада, предпринятая тщеславным и некомпетентным великим визирем, который был зятем безответственного султана и который в своем тщеславии стремился превзойти Сулеймана, закончилась провалом из-за множества военных ошибок, которые покрыли позором многолетнюю военную славу османов. После разгрома янычар турецкая армия не устояла перед армией более дисциплинированного противника, распавшись на совершенно беспорядочно бегущие толпы. Эта ситуация напоминала времена крестовых походов прошлого, но тогда так бежали от турок христиане.

Европа ликовала по поводу этого очевидного поворота событий, восприняв случившееся как погребальный звон по мусульманам-туркам — угрозе народам христианского мира. Раз и навсегда «всемогущие» были свергнуты с пьедестала. Это падение ознаменовало для Османской империи первую из серии территориальных утрат. Поражения сопровождались унижительными договорами, которые через регулярные промежутки времени продолжались вплоть до XX века.

В это время, с начала XVIII века и впредь, и Востоку, и Западу стала угрожать новая имперская держава. Это была Россия Петра Великого. Столь же абсолютный суверен, что и султаны в годы расцвета Османской империи, царь благодаря своим личным усилиям создал — что им в данный момент не удавалось уже сделать — современную профессиональную армию, оснащенную западным оружием, с помощью которой русский царь стремился завоевать едва ли не весь мир. Парадоксально, но эта новая угроза продлила существование Османской империи.

Как и в расцвете времени своего могущества, Османская империя обеспечивала равновесие сил внутри самой Европы. В настоящее время ее слабость стала жизненно важной для равновесия сил между европейскими державами и Россией. Империя султана должна была любой ценой поддерживаться в качестве буфера против царя. Это соображение вело к глубоким переменам, по мере того как османы, не зависевшие больше от силы оружия, а от переговоров за столом конференций и конгрессов, сблизились с теми западными державами, в чьей поддержке Турция теперь нуждалась. В результате Османская империя стала ключевым элементом в дипломатии — как когда-то в войне.

Несмотря на традицию абстрагированности в отношении к иностранцам, турки теперь обязаны были организовать иностранную службу, составленную из чиновников, владеющих искусством дипло-

матии. В то время немногие турки, будь они мусульманского или христианского происхождения, обладали знанием европейских языков или действительно сколько-нибудь значимыми познаниями внешнего мира. Следовательно, султан был обязан привлечь своих подданных греков-христиан, по большей части фанариотов. Лишь они имели, благодаря торговле и мореплаванию, опыт общения с западным миром, знали его языки, обычаи и привычки. Теперь наиболее способные из них были назначены султаном на высшие государственные посты, тем самым приобретя часть политической власти в управлении и контроле над империей.

Первым среди них был драгоман, или переводчик при Порте, который фактически действовал как министр иностранных дел. Другие греки-христиане стали послами или губернаторами автономных провинций, заменяя более ранних христиан-обращенцев из султанского окружения. На эти и другие посты администрация теперь назначала свободных христиан, работавших на началах партнерства со свободными мусульманами. Так попытались османы приспособиться к новой системе, используя те гибкие принципы, с помощью которых служение всех подданных независимо от национальностей или религий могло быть обращено на пользу государства.

К концу XVIII века империя пережила второе унижающее поражение на поле боя, на этот раз во время продолжительной войны с русскими, в ходе которой те пропикли со своим флотом в Восточное Средиземноморье, чтобы высадиться в Греции и Бейруте. Затем последовали вторжение в Египет Наполеона и союз Турции с Англией и Россией, целью которого было изгнание войск Наполеона из этой богатой провинции. С конца XVIII века европейское влияние на Порту становится активным и первостепенным. В первую очередь оно помогло задержать распад империи; во-вторых, оказало давление на турецкое правительство в плане его собственного реформирования и улучшения положения его христианских подданных.

Итак, XIX век стал веком реформ. Первым султаном-реформатором, имевшим перед собою пример Французской революции, был Селим III, экспериментировавший с армией нового образца, вооруженной по западным стандартам и обученной западными офицерами. Но он был свергнут и отстранен от власти из-за угрозы материальным интересам янычар и в конце концов лишился жизни. Двадцать лет спустя корпус янычар был сам уничтожен в ходе безжалостно спланированного действия со стороны Махмуда II, ставшего в конечном счете наследником дела Селима и великим реформатором в современной истории османов.

Целями деятельности Махмуда II и его сподвижников по реформе были создание современной армии (чтобы тем самым

восстановить в провинциях власть центрального правительства); создание новых органов администрации и гражданской правовой сферы; гарантирование равных прав и выгоды от новейшей вестернизированной «цивилизации», одновременно рациональной и прогрессивной, всем подданным султана. Плодами этой работы стала великая хартия преобразований, танзимат, которая должна была служить моделью для всех внутренних реформ на протяжении XIX века.

Задача великой хартии реорганизации заключалась в том, чтобы менее чем за половину века государство османов из средневекового общества с пятисотлетней историей было превращено в современное либеральное государство, построенное на принципах конституционного Запада. Стремившееся смягчить абсолютизм регулированием правосудия, ограничениями полномочий ответственной бюрократии, внедрение танзимата сопровождалось множеством злоключений. Они вызывались тем, что у одного султана намерения могли быть добрыми, у другого — недобрыми, а танзимат стремился найти равновесие между религиозными институтами с узким кругозором их улемов и прогрессивными нецерковными устремлениями растущей интеллигентной элиты.

Но за 500 лет танзимат, тем не менее, привел к очевидным изменениям в системе управления и правосудия, в характере реформ во многих провинциях, а также к некоторым улучшениям в положении немусульманских меньшинств. В 1870-х годах танзимат достиг своей высшей точки, когда наступил краткосрочный период конституционного правления на парламентской основе. Затем наступил откат к абсолютному деспотизму при султани Абдул-Хамиде. Тем не менее в заслугу этому автократу надо поставить то, что он намного расширил и усовершенствовал сферу образования, дав возможность укорениться новым идеям и новым социальным концепциям к выгоде будущих поколений и, по иронии судьбы, к несчастью для самого султана, который был смещен революционными младотурками.

Тем временем империя все быстрее раскалывалась под давлением нараставших сил европейского национализма. Это была концепция, враждебная принципам династической многонациональной империи и угрожавшая владениям султана, начиная с войны греков за независимость. Поощряемая Западом по либеральным мотивам и использовавшаяся в своих интересах русскими, она имела своим апогеем балканские войны начала XX века и последующую утрату фактически всей территории Турции в Европе с превращением турецких провинций в независимые национальные государства.

До этого времени османы, особенно на конгрессе в Берлине, поддерживались западными державами в ущерб русским как «боль-

ной человек Европы». Но после этого — нет. Отсюда заключение турками союза с Германией в Первой мировой войне.

Но Турция, исчезнув как империя, должна была выжить как страна. Величайшим из всех националистических лидеров Среднего Востока был Кемаль Ататюрк, который, опережая своих современников-младотурок, с юных лет придерживался убеждения, что дни империй сочтены и что наступали дни национальных государств. Теперь, когда его соотечественники-турки вновь показали себя готовыми сражаться под его руководством за спасение своей нации на земле своих предков, он оказался способным найти для Османской империи государство-преемника в форме Турецкой Республики. Его целью было возрождение сильного, здорового тела путем отсечения от него внешних частей и полного отказа от имперской экспансии. Занимая район Малой Азии, сопоставимый с тем, который занимали родственные туркам сельджуки, пышущая Турция показала себя за прошедшую с тех пор половину противоречивого века наиболее стабильным из всех подобным образом возникших государств-наследников последней средневосточной империи.

Внутри ее более компактных границ на самом деле сохраняется степень преемственности между республикой и империей, которая породила ее. Ни в коей мере не исламское и не универсальное, по-турецки в своей сути государство, оно построено на тех принципах либеральных и конституционных перемен, которые были порождены танзиматом, по которым ныне доведены до их логического завершения посредством секуляризации, которую все новые поколения турок стремились включить в жизнь, начиная с XIX века.

Ее современные правители являются живыми продуктами этого века реформ, достигшими зрелости благодаря эволюции правящей элиты, вышедшей из среднего класса военных и профессионалов, с их импульсом в виде возродившейся гордости за свое национальное наследие.

Турецкая нация объединяет в себе, в своей новой светской идентичности, традиционные культуры как Востока, так и Запада, чтобы поддерживать элемент относительной стабильности и равновесия в этом беспокойном районе Среднего Востока. Создав ее, новый «Отец турок» Кемаль Ататюрк, справедливо удостоенный титула «гази», был достойным наследником первого и благочестивого воителя, прародителя турок султана Османа.

Примечания

стр. 31 — В истории Сельджукидов Малой Азии известны три султана, носившие имя Алаеддин: Алаеддин Кейкубад I (правил в 1220—1237 годах и умер до появления монгола в Анатолии); Алаеддин Кейкубад II, младший из трех сыновей Гияседдина Кейхосрова II (1237—1245), в момент смерти отца ему было 7 лет, вместе с братьями он был обвинен в соправительстве, но реально принимать участие в управлении страной не мог, ибо отличался слабоумием, в 1254 году он был отправлен во время посадки к монгольскому хану; один из последних Сельджукидов Алаеддин Кейкубад III (1292—1302) был современником Осман-бея. Поэтому более правдоподобно выглядит легенда, рассказывающая о помощи Эртогрула Алаеддину Кейкубаду I в ходе сражения с византийцами в 1231 году.

стр. 40 — 1) Историкам известны шесть сыновей Османа (Орхан, Чобан, Мелек, Хамид, Назарлу и Алаеддин). Имена первых пяти значатся в царственной грамоте 1324 года. Личность Алаеддина в других версиях Али вызывает серьезные сомнения и различные предположения. Высказывается идея, что Али мог быть преемником Османа, а Орхан был его сыном и наследником.

2) На самом деле первым визирем в Османском бейлике был другой человек — Ходжи Камаладдиноглу Алаеддин-паша.

стр. 46 — 1) Речь идет о старшем сыне Гияседдина Кейхосрова II Иззеддине Кейкавусе II, чьей матерью была гречанка. После поражения от монгольских войск в 1261 году он был вынужден бежать в Константинополь и умер в Крыму в 1279/80 году.

2) Такие войны у византийцев назывались «туркопалы».

стр. 47 — 1) Речь идет об отряде в 1300 всадников и 800 пеших воинов под водительством некоего Хаалила (в турецких источниках — Хаали Эдаке, т.е. Хаали Старший), который в 1311 году нанес поражение византийскому императору Михаилу IX Палологу, но в 1313 году был разбит сербами.

2) Имяются в виду деятели участников Священной лиги (папа Римский, Венеция, орден Госпитальеров на о. Родос), организовавших в 1343—1344 годах экспедицию против правителя эмирата Айдын Гази Умур-бея с целью отвоевания г. Смирны (тур. — Измир).

стр. 52 — Точная дата смерти Орхана неизвестна, но, по мнению современных исследователей, это произошло в марте 1362 года. Сулейман же погиб в 1357 году, второй сын Орхана, Хаали, был захвачен корсарами летом 1356 году и выпущен из плена лишь через десять лет. Сложившаяся ситуация открыла путь к власти третьему сыну Орхана — Мураду.

стр. 57 — 1) Янычарский корпус при Мураде играл роль дворцовой гвардии, его небольшая численность (около одной тысячи человек) не позволяла использовать его войско для контроля завоеванных территорий.

2) Основатель ордена (тариката) бекташей Халжи Бекташ был последователем известного религиозного деятеля сельджукской эпохи Баба Ильяса и участником антиправительственных выступлений туркмен в 1239—1240 годах. Он умер в 1271 году.

стр. 64 — В тексте, несомненно, опечатка. Первые контакты властей Дубровника с османскими военачальниками относятся к 1388 году.

стр. 80 — Тимур (1336—1405) происходил из отуреченного монгольского племени барлас, занимавшего небольшую территорию по р. Кашка-Дарье и входившего в состав Чагатайского государства, образовавшегося в результате распада улуса Джэгатая (Чагатая), второго сына Чингиз-хана.

стр. 81 — Понятия «татарин», «татары» автор употребляет в ином значении, чем оно обычно используется в России. Опираясь на исторические источники, В.В. Бартольд установил, что первоначально народы монгольского происхождения, говорившие на монгольском языке, называли себя татарами. Затем это слово было вытеснено словом «монгол», официально введенным Чингиз-ханом.

стр. 83 — Кара Юсуф — правитель туркменского племенного союза Кара Коюнулу (чернобараных), владения которого находились в Восточной Анатолии в районе оз. Ван.

стр. 104 — Ситт Ханум (ум. 1467) была дочерью правителя бейлика Зулъкадир, возникшего в Северной Месопотамии в конце XIV века и вошедшего в состав Османской империи в начале XIV века.

стр. 156 — Уриф — система обычного, а не государственного права. Сушпа — теория и практика мусульманского права, основанная на прецедентах в деяниях и высказываниях Мухаммеда.

стр. 167 — В отличие от европейских феодальных владений служебные пожалования в Османской империи предполагали передачу владельцам земелетов и тимаров не земельных поместий, но доходов с них, состоявших из налогов, которые должны были платить обрабатывавшие эти земли крестьяне.

стр. 222 — Переговоры с представителями Франциска I Лефоретом были проведены, а проект договора составлен в феврале 1536 года, но сам договор, вероятнее всего, не был утвержден султаном, ибо в марте 1536 года Ибрагим-паша был казнен.

стр. 224 — Современными исследованиями позволяют утверждать, что к концу правления Сулеймана численность населения его державы достигла 20—25 миллионов человек, в том числе в азиатских провинциях проживало около 40 процентов, несколько больше — в европейских провинциях и, вероятно, 10—15 процентов жило в Египте в североафриканских владениях султана.

стр. 225 — Термином «райя», или «реайя», в XVI веке обозначали все податное население империи, как мусульманское, так и немусульманское. С конца XVIII века этот термин стал применяться только к немусульманам.

стр. 256 — Здесь автор ошибается. Первую фаворитку Сулеймана и мать его сына Мустафы звали Махидевран.

стр. 273 — Его венгерское имя — Миклош Зриньи.

стр. 280 — Самого младшего сына Сулеймана звали Джихангир.

стр. 283 — 1) Речь идет о нескольких экспедициях русских воевод (Чулков, Ржевский, Д. Вишневецкий, Д. Адашев) против Крымского ханства в 1556—1560

годы. К этому же времени (1559—1560) относятся три рейда донских казаков и отряда Д. Вишневецкого при поддержке кабардинцев против Азова.

2) Осада Астрахани была снята в конце сентября 1569 года.

стр. 297 — Автор, как и многие его предшественники, ошибочно приписывает венецианское происхождение фаворитки Мурада III Сафийе. На самом деле венегианкой (Децилией Веньер-Баффо) была мать Мурада III — Нурбану. Сафийе же была взята в гарем из одной из албанских деревень.

стр. 307 — Запрет на женитьбу янычар был снят еще во времена Селима I. В данном случае речь идет об официальном решении на зачисление сыновей янычар в янычарский корпус, что произошло, вероятно, после смерти великого визиря Мехмеда Соколу в 1574 году.

стр. 338 — Речь идет об «Азовском сидении». В 1637 году город был захвачен донскими казаками, которые удерживали его до 1642 года.

стр. 342 — Автор источен. Первой династией следует считать всяких визирей из семьи Чандарлы, занимавших этот пост со второй половины XIV до середины XV века.

стр. 344 — Ранее уже отмечалось, что договор 1536 года не был утвержден Сулейманом. Первая капитуляция была представлена Франции в 1569 году султаном Селимом II на односторонней основе. Англичанам капитуляционные привилегии были выданы в 1580 году, что вынудило Францию добиваться не только возобновления договора 1569 года, но и расширения прав французов на территории Османской империи. Этого им удалось добиться в 1581 году.

стр. 364 — 1) Отношения между двумя государствами резко обострились после заявления гетмана запорожских казаков Дорошенко в 1669 году о принятии им турецкого подданства и его обращении к султану за помощью против Польши.

2) Речь идет об Андрусовском перемирии России и Польши (1667), согласно которому левобережная Украина вместе с Киевом отошла к России, а правобережная — осталась под властью поляков.

3) Бучачский мирный договор предполагал передачу правобережной Украины и Подолья под власть Османской империи и уплату дани в размере 22 тыс. золотых, но он не был утвержден польским сеймом, и война продолжалась до 1676 года.

4) Журавненский мирный договор 1676 года возвращал Польше две трети правобережной Украины, Польша освобождалась от уплаты дани, но вынуждена была оставить туркам Подолье вместе с крепостью Камениц-Подольск.

стр. 367 — Речь идет о Бахчисарайском мирном договоре 1681 года, завершившем русско-турецкую войну 1676—1681 годов.

стр. 397 — Крепость Еникале была сооружена на Крымской территории у Керченского пролива. На противоположном берегу пролива в устье р. Кубань была построена другая турецкая крепость — Аджи.

стр. 401 — Во время переговоров с великим визирем обсуждалась не условия сдачи, а принципы заключения мира между воюющими сторонами, которые легли в основу Прутского мирного трактата 1711 года.

стр. 410 — 1) Первая типография была основана в 1727 году на основе разрешающей фетвы шейх-уль-ислама и особого султанского фермана, позволявшего «вести книгопечатание».

2) Речь идет о трактате, составленном Ибрагимом Мютефферика для великого визиря Дамада Ибрагима-паши в 1725 году и напечатанном в 1731 году под названием «Основы мудрости в устройстве народов».

стр. 414 — Вопросами внешних сношений ведал реис-эфенди, управляющий канцелярией султанского правительства, его помощником и советником был главный драгоман (переводчик).

стр. 416 — Имеется в виду российская императрица Анна Исаяновна, правившая в 1730—1740 годах.

стр. 440 — Трудно установить, о каких событиях идет речь. Возможно, автор имеет в виду ситуацию, сложившуюся в 1783 году в связи с присоединением Крыма к России. Известно, что П.С. Потемкин вел в это время переговоры о заключении Георгиевского трактата с грузинским королем Ираклием и одновременно убеждал ногайских мурз на Кубани присоединиться к России. Однако нет никаких подтверждений тому, что он получил чин адмирала и пост губернатора Таврической губернии.

стр. 483 — Речь идет о том, что в первые десятилетия XIX века антиосманские выступления ваххабитов под водительством Абдаллаха ибн Сауда приобрели порокий размах. Это вынудило Махмуда II обратиться за помощью к Мехмеду Али. К 1818 году египетские войска смогли не только вытеснить ваххабитов из Хиджаза во внутренние районы Аравии, но и разгромить основные их силы, взяв в плен Абдаллаха ибн Сауда и других ваххабитских вождей.

стр. 494 — Фетва — разъяснение, даваемое главным духовным авторитетом (в Османской империи — шейх-уль-ислам) о соответствии нормам шариата того или иного действия или решения на основе запроса судьи или частного лица.

стр. 513 — Автор неправомерно отождествляет хат-и шериф с конституционным законом. Первое представляет собой султанский указ, действие которого ограничено временем, нормами ислама и принципом самодержавия, тогда как конституция утверждает важнейшие нормы жизнедеятельности общества и государства, обязательные для всех.

стр. 560 — По русским дипломатическим архивам, согласно Абдул-Хамида II на созыв Константинопольской конференции 1876 года было обеспечено демаршем российского посла П.П. Игнатьева, потребовавшего от султана в двухдневный срок подписать перемирие с сербами.

стр. 582 — Школа гражданских чиновников (мектеб-и мюлькийе) была основана в 1859 году для подготовки кадров провинциальной администрации.

стр. 587 — 1) Речь идет об Ограниченном статусе, определявшем основы управления Восточной Румелией и утвержденном Абдул-Хамидом II в 1879 году.

2) Первым генерал-губернатором был назначен христианин Богориди (Алекопаша), через пять лет его сменил Крестович (Гавриил-паша).

стр. 589 — Заговор был организован в августе 1886 года группой болгарских офицеров-русифилов во главе с начальником военного училища в Софии майором Груевым.

стр. 617 — 1) Речь идет о «Внутренней Македонско-Одрийской революционной организации» (ВМОРО), основанной в Салониках в 1893 году, и о «Внешнем Македонском революционном комитете» (ВМРК), созданном в Софии в ходе работы Македонского конгресса (1895).

2) Автор имеет в виду Илинденское восстание в августе-сентябре 1903 года, организованное ВМОРО.

М. С. Мейер

Предметно-именной указатель

- Абаза, 358
Абаза Мехмед-паша, 320
Аббас, шах, 309
Абдул-Азиз, султан, 544—585
 восстания на Балканах, 552
 государственный визит в Европу, 548
 зверства в Болгарии, 553
 национальный финансовый кризис, 551
 «новые османы», 547, 575
 отречение, 589
 реакционное правление, 585—587
Абдул-Меджид, султан, 511—575, 606
 Долмабахче, дворец, 521, 550, 555
 Калинг, 512, 517, 518, 521, 522, 528
 Крымская война, 534
 оценка правления, 574, 575
 проблема национального долга, 543
 реформы, 512, 513
 Россия, 515, 523—526
 соглашение о торговле с европейскими странами, 528
 султанша-вдова, 512, 516
 «Турецкий ультиматум», 532
 Хартия реформ, 513
 христиане, 514, 516, 517
Абдул-Хамид I, султан, 443
 Австрийская кампания, 441—443
 Екатерина Великая, 444—446
Абдул-Хамид II, султан, 559—611
 Армения, 566, 572, 600, 602, 603
 Берлинский меморандум, 560
 Берлинский трактат, 569, 570
 возрождение интересов европейских инвесторов, 584
 война с Грецией («Тридцатидневная война»), 615
 Германия, 560, 585
 деспотизм, 645
 Египет, 591—595
 Константинопольская конференция, 561
 Крит, 566
 Македония, 568—571
 «младотурки», 623
 Муххаремский указ (декрет), 583
 национальный финансовый кризис, 551
 низложизис, 627—628
 новая конституция, 559
 «новые османы», 575
 оценка правления, 610, 611
 подъем балканского национализма, 571
 первые всеобщие выборы, 574
 реформа в области образования, 581
 Россия, 560—575, 588—590
 Сан-Стефано, договор, 568
 строительство железных дорог, 585
 телеграф, 568, 581
 уступки требованиям конституционной монархии, 559
Абердин, лорд, 523, 533
Абиссиния, 264
Абу Ханифа, 248
Август III, король, 427
Авиденна, 503
Австрийское наследство, война, 424
Австрия
 Абдул-Хамид I, 443
 Кеprюлю-заде Мустафа-паша, 378

Махмуд I, 411
 Мехмед IV, 367
 См. также: Империя Габсбургов
 Адрианопольский мирный договор, 497
 Адрианопольское перемирие, 254
 Азия
 Мехмед II, 147, 148
 Мурад I, 64, 65
 Мурад IV, 324—336
 Салым I, 184—186
 Азия Малая, Баязид I, 70—80
 Айя София (Хagia София), 127, 231, 340
 Аккерманская конвенция, 486
 Акриты, 28, 36
 Алаеддин, визирь, 40, 42
 Алаеддин, конийский султан, 31, 33
 Албания, 63, 67, 80, 103, 104, 136, 146—150, 178, 240, 336, 357, 376, 405, 427, 461, 473, 489, 568, 571, 635, 639—641
 Александр I, царь, 457, 473—475
 Александр II, царь, 540, 563
 Александр Баттенберг, принц, 586—589
 Александр Великий, 192, 283
 Али (сводный брат Мехмеда II), 97
 Али Суави, 548
 Али-бей, 435
 Али-паша, великий визирь (Абдул-Лазиз), 544
 Али-паша, великий визирь (Баязид I), 75
 Али-паша, великий визирь (Мурада IV), 323
 Али-паша, великий визирь (Сулейман I), 266
 Али-паша из Явизы, 461
 Алленби, генерал Эдмунд Генри, 658
 Али Арслан, султан, 26
 Аль-Мутаваккил, халиф, 185
 Амедео Савойский, 54
 Амирути, Георгий, 130
 Амьенский мирный договор, 460
 Андроник II, император, 46, 55, 62
 Андроник III, император, 41
 Анна, царица, 416
 Ашафи Трансильванский, принц, 361

Арабы исламского халифата, 24
 Аристотель, 412
 Арматылы, жандармерия из христиан, 477
 Армения, 566
 Абдул-Хамид II, 613
 Берлинский трактат, 637
 Великобритания, 483
 массовая резня, 607
 «младотурки», 623
 организация народа, 603
 Армия султана
 в сравнении с вооруженными силами Западной Европы, 193, 206, 210, 360, 390
 организация и развитие, 166—167
 применение мин при осаде и обороне крепостей, 194, 211
 реформы, 450, 455, 466, 497, 515, 646
 тяжелая артиллерия, 194, 211
 упадок, 427
 См. также: янычары; сипахи
 «Армянское патриотическое общество Европы», 603
 Атилла, 59
 Ахмед (сын Баязида II), 183
 Ахмед (сын Мехмеда II), 97
 Ахмед (сын Мурада II), 105
 Ахмед I, султан, 306
 развращающее влияние гарема, 312
 янычары, 312
 Ахмед II, султан, 380
 Ахмед III, султан, 399, 406
 Белградская кампания, 422
 великоопеие жизни двора, 406
 достижения в области культуры, 406
 Ибрагим Мютеферрика, 410
 организация печатного дела, 410
 отречение, 411
 Петр Великий, 399
 Пожарскаякой (Пассаровицкий) мирный договор, 405
 реформа и вестернизация, 406
 русская кампания, 400
 «Эпоха тюльпанов», 408, 409
 янычары, 411
 Ахмед Курани, 98

Ахмед Мухтар-паша, великий визирь, 635

Ахмед Ораби, 592

Ахмед Риза, 620

Ахмед-паша (губернатор Египта), 197

Ахмед-паша, великий визирь, 259

Багдадская железная дорога, 613

Байрон, лорд, 482, 483

Баку, 275

Балканы

Абдул-Азиз, 551

войны, 639—642

подъем национализма, 560, 571, 587

Балтаджи, Мехмед-паша, великий визирь, 401

Барбаро (венецианский министр), 223

Барбарико (венецианский флотоводец), 290

Барбаросса, Орудж, 235, 237

Барбаросса, Хайреддин, 235, 237—244

Бартон, Эдвард, 352, 353

Бахадур, шах Гуджарата, 261, 262

Баязид (сын Сулеймана I), 250, 257

Баязид I, султан, 65, 67, 70—80, 98, 106, 147, 366

братоубийство среди наследников престола, 70, 97

осада Константинополя, 83, 84

оценка правления, 84—89

поход европейских крестоносцев, 76

Тимур Татарин (Тамсрлан), 80—89

экспансия в Европе, 71—80

экспансия в Малой Азии, 73

Баязид II, султан, 104, 146, 147, 172, 257

отречение и смерть, 183

принц Джем, 177

Республика Венеция, 179

янычары, 178, 179

Беконсфилд, лорд, см.: Дизраэли Бенджамин

Белград

Ахмед III, 406—412

Сулейман I, 228

Белградский договор, 422, 427

Беллини, Джентиле, 172

Белые евнухи, начальник, 161

Берам-паша (генерал Каннон), 537

Бергли, лорд, 349

Берк, Эдмунд, 445

Берлинский мемуаризм, 560

Берлинский трактат, 569, 585, 601, 637, 642

Бессарабия, 446, 475, 569

Бисмарк, князь Отто фон, 570, 571, 603, 612

Болгария, 45, 49, 54, 60—66, 74, 77, 97, 311, 524, 562, 568, 572, 584, 590, 596, 617, 624, 637—642

Абдул-Азиз, 550, 551

Бонневаль, граф, де, 419, 424

Босния, 66, 67, 104, 145, 421, 552, 563, 568, 624

Брагадино, Марк Антонио, 286

Брагадино, Пьетро, 219

Бракович, Вук, 68

Бранкович, Георгий, 95, 96, 102, 136, 140

Братоубийство среди наследников

трона султана, 105

инициированное Баязидом I, 70

Мехмед III, 309

Селим I, 183—188

узаконенное Мехмедом II, 153

Брев, Савари де, 352, 353

«Гресслау» (военный корабль), 653, 655

Брокер, Вертран де Ла, 43

Брадфорд, леди, 562

Булвер, сэр Генри, 543

Будундский, герцог, 76

Бусбек, Ожье Джиселин де, 219—222, 258, 272, 408

Бусико, маршал, 80

Бухарестский договор, 475, 487

Валлахия, 73, 95, 102, 144, 360, 418, 427, 429, 435, 437, 446, 464, 475, 524, 531, 564

Вашвар, договор, 362, 368

Валиде Барфо, султанша, 310, 316, 324
Ибрагим, 340

Мурад IV, 323

Мустафа I, 319, 322

Валиде Кесем, султанша, 356

Валиде, султанша, 256

Валиде, султанша, Абдул-Меджид, 512

- Балиде Турхан, султанша, 356
 Вангейнгейм, барон фон, 650
 «Ватан» (Намык Кемаль), 549
 Великий Эли, см.: Каннинг Стретфорд
 Великобритания
 Армения, 602, 609
 в качестве защитника против
 России, 573
 вторжение, 464
 Египет, 591—597
 капитуляции, 344, 354
 конституционная монархия, 648—
 655
 Крымская война, 539—541
 Мехмед III, 353
 Мурат III, 348
 Первая мировая война, 650
 туркофобия, 656
 Франция, 460
 Веллингтон, герцог, 486
 Вена
 Сулейман I, 204—209
 См. также: Империя Габсбургов
 Венгрия, 54, 62, 66, 95, 192, 311, 360,
 377—382, 399, 449
 Мурат II, 95, 102
 Сулейман I, 197—275
 См. также: Империя Габсбургов
 Верже, посол де, 428
 Византийская империя, 25, 26, 33—35,
 45, 93, 94
 Орхан, 37, 40—43
 Осада и падение Константинополя,
 74—80, 93, 107, 110, 112, 117, 123
 Осман, 31—44
 Виктория, королева, 517, 536, 543, 563,
 567, 570, 590
 Вильгельм II, кайзер, 612, 613
 Вильгельм III, король, 384
 Вильгельм IV, король, 486
 Вильгельм Оранский, 378
 Вильшев, Марк, Луи Савьер де, 407,
 415—423
 Винсент, сэр Эдгар, 609
 Виттек, Пауль, 26, 124
 Владислав III, король, 96, 100
 Вольтер, 441
 Вормс, сейм, 202
 Восточная Румелия, 570, 584, 587, 588,
 590
 Вратислав, барон Венцеслав, 164
 «Вулкан» (журнал), 625
 Вукович, Стефан, 71
 Гаврил-паша, 587
 Газн, 26, 37, 44
 Галеп, 503
 Галилей, 412
 Гама, Васко да, 184
 Гарсия из Толедо, доп, 270
 «Гебен» (военный корабль), 653
 Годиак Ахмед-паша, 150
 «Гектор» (судно), 353
 Гешадий, 126
 Генрих III, король, 347
 Генрих IV, король, 353, 354
 Генрих VIII, король, 189, 214
 Гвинея-Бисау, 64, 71, 80
 Георг III, король, 453
 Георг IV, король, 489
 Георгий Греческий, принц, 616
 Германия
 Абдул-Хамид II, 579—590, 613—
 630
 конституционная монархия, 646
 Первая мировая война, 651
 Герцеговина, 67, 552, 563, 568, 570, 624
 Гиббон, Эдвард, 48, 60, 70, 82, 83, 88,
 106, 119
 Гиббонс, Герберт Адамс, 33
 Гладстон, Уильям Эверт, 553, 561, 585,
 593, 602, 610
 «Гичак» (журнал), 603
 Гичакисты, 604
 Гольц, маршал фон дер, 612
 Горчаков, князь, 538
 Гоше, виконт, 586
 Грей, сэр Эдвард, 631, 648, 649, 652—
 655
 Грезвилл, лорд, 594
 Греция, 85, 113, 147, 473, 586, 637, 641
 Абдул-Хамид II, 616
 Байрон, 482, 483
 балканские войны, 638, 641
 Берлин, трактат, 569
 война за независимость, 479

- европейский филаэлинизм, 481
 Крит, 614—619
 Лондон, договор, 489
 Махмуд II, 472—490
 националистическое движение, 475—478
 Россия, 429
 «Громомосец» (корабль), 527
 Гуишад, Ян Кловин (Хуишад), 96, 100, 106, 137, 144, 145
 Гунны, 23
 Гюльбахар (мать Баязида II), 104
 Гюльбахар (фаворитка Сулеймана I), 256, 257
 Давид Комнин, император, 142, 143
 Дамад Али-паша, великий визирь, 402—404
 Дамад Ибрагим-паша, великий визирь, 407, 410
 Дамад Ферид-паша, 634
 Дарданельский договор, 475
 Дауд-паша, великий визирь, 320
 Дашнакцутюн (Армянская революционная федерация), 604
 Де Курси, лорд, 78
 Де Лиль-Алам, Вильер, 193
 Девлет-Гирей, хан, 283
 «Дейли ньюс» (английская газета), 552
 Декарт, Рене, 412
 Декворт, адмирал, 464
 Дели Хасан, 309
 Деллем, Томас, 352
 Дерби, лорд, 553, 561
 Деспина, 71, 87
 Джавид-бей, 644, 654, 656
 Джанфеда, 297
 Джезар Ахмед-паша, 459
 Джеймс VI, король, 292
 Джелали, 308, 309
 Джем, князь
 Баязид II, 177, 183
 рыцари ордена св. Иоанна Иерусалимского, 178
 Джемаль-паша, 643, 651—657
 Джикишпир, 257, 259
 Джустиниани, Джованни, 112, 113, 116
 Дибич, генерал-фельдмаршал, 487, 488
 Диван, 208, 307, 312, 325—327, 336, 339, 395, 427, 454, 479, 488
 Мехмед II, 153
 Дидро, Дени, 452
 Дизраэли, Бенджамин, 560, 562
 Дилавер-паша, 316
 Димитрий Палеолог, император, 141, 142
 Долмабахче, дворец, 522, 550, 555, 579
 Дон Кихот (Сервантес), 291
 Дошицетти-паша, 503
 Дориа, Андреа, 236—243, 264, 270
 Дориа, Хуан Андреа, 292
 Досифей, 395
 Драгоман Перты, 414
 Драгут (Гургут), 265—267
 Дракул, Влад (Дракула), 102, 144
 Дракул, Раду, 144
 Дрейк, сэр Френсис, 351
 Друммонд-Вольф, сэр Генри, 594, 595
 Дука, Михаил, 121
 Душан, Стефан, 48, 62
 Дьюфферин, лорд, 593
 Евгений Савойский, принц, 382, 402, 403, 413, 419, 420
 Евнухи
 белые, 161
 использованис, 161
 черные, 161, 266, 313, 330, 397
 Египет, 524, 636
 Абдул-Хамид, 591—613
 Великобритания, 592—601
 вторжение, 464
 Наполсон, 457—459
 Селим I, 183
 Сулейман I, 177
 Екатерина Великая, императрица, 426, 435, 440—446, 523
 Абдул-Хамид I, 443
 Империя Габсбургов, 441
 Мустафа III, 426—438
 Селим III, 443—457
 турецко-русская война, 445
 Екатерина, царица (жена Петра Великого), 400
 Елена Кантакузин, 48, 79
 Елизавета I, королева, 347—354
 Мехмед III, 354

Жерманы, барон де, 347, 349, 351, 352
Жюзефина, императрица, 438

Загапос-паша, великий визирь, 131
Закон о внесении налога детьми, 161
Запольяи, Иоани Сигизмунд, 250
Запольяи, Янош (Ян, Иосиф I), 199, 202, 369

«Защитники Отечества», 603

Зекки-паша, 605

Зия-паша, 547

Зриньи, граф Николай (Миклош), 273, 274

Ибн Баттута, 40

Ибрагим Алеппский, мулла, 224

Ибрагим Мюхтебериха, 410

Ахмед III, 411

Махмуд I, 411

Ибрагим, султан, 336—342, 356

Крит, 339

развращающее влияние гарема, 336, 337

сипахи, 340, 341

султанша валиде, 340, 341

дареубийство, 341

яньчары, 340

Ибрагим Шинаси, 547

Ибрагим-бей, пелазий эмир (юная), 143

Ибрагим-паша, великий визирь, 197—222, 247—249, 256

Ибрагим-паша (паша Буды), 369, 375, 396

Ибрагим-паша (сын Мехмеда Али), 484—486, 508

«Ибрег» (газета), 549

Иван III, царь, 281

Иван Грозный, царь, 281, 284

Игнатъев, генерал, 553, 554

Изабелла (дочь короля Польши), 250—254

Изабелла, королева, 235

Иззеддин, султан, 46

Извест Мехмед-паша, великий визирь, 516

Извест-паша, 646

Императорский Османский лицей Галатасарай, 582, 621

Империя Габсбургов, 189—191

Белград, договор, 422

битва у Сен-Готарда, 361

Вазвар, договор, 360, 368

Дамада Али, кампания против, 402—405

Екатерина Великая, 440—446

Кампоформийский договор, 457

Карловицы, договор, 383

Кепрюлю, кампания против, 379, 380

Пожаревац, договор, 405

Систов, договор, 445

Сигваторок, договор, 343

Сулеймана I, кампания против, 191—201, 249—275, 279

Имперская Остендская Кампания, 416

Иоанн IV Комнин, император, 142

Иоанн V Палеолог, император, 47—52, 54, 61—63, 74

Иоанн VI Кантакузин, император, 47—52

Иоанн VIII Палеолог, император, 75, 95

Иосиф, император, 377, 439, 441—445

Испиланти, Александр, 478

Испиланти, Дмитрий, 479

Иса, 89

Искандер Челеби, 249

Исмаил, 479

Исмаил (Великий Суфи), 182—183

Исмаил, шах, 247

Исмаил-паша, 548, 591—592

Испанское наследство, война, 399

Исхак-паша, визирь, 105

Италия

конституционная монархия, 635

Ливия, 636

Итон, м-р, 439

Йылдыз, дворец, 579—581, 586, 625—626

Кайтбай, султан, 178

Кампоформийский договор, 457

Каннинг, Джордж, 485

Каннинг Стретфорд, 485, 508, 543, 549, 561

Абдул-Меджид, 512, 516, 522

Кансу аль Гури, султан, 184

Капун-и Райя (Свод законов о райя), 225

Капистрано (монах), 137, 140
Капитуляции, 222, 344, 349, 351, 461, 519, 525
Калодистрия, граф Иван (Ижидис), 478, 484, 486, 489
Кара Мустафа-паша, великий визирь, 337, 396
Мехмед IV, 367—374
Кара Юсуф, принц, 83
Карагеоргий, 462—464, 478
Караманлы Мехмед-паша, великий визирь, 177
Каратеодори, министр иностранных дел, 592
Кара-Языджи, 309
Карл V, император, 204, 219, 243—246, 261, 264, 265
Сулейман, 189, 205, 234—240
Франциск I, 189—191, 199, 214
Карл VI, император, 402, 405, 418, 424
Карл VI, король, 76
Карл IX, король, 292, 294
Карл X, король, 485
Карл XII, король, 399—401
Карл Лоррейнский, герцог, 369, 370, 372, 375, 377, 378
Карл Румынский, князь, 565
Карловицы, договор, 384, 385, 393, 395, 396, 413
Кастьери, лорд, 485
Кастриоти, Георг (Скандербег), 103
Каульбарс, генерал, 589
Казн, Клод, 58
Кемаль Ататюрк, см.: Мустафа Кемаль
Кемальпаша-заде, 201
Кепрюлю Ахмед-паша (II), великий визирь, 357—362, 378, 383
военные действия в Европе, 360—362
значение как великого визиря, 358
Крит, 362
Мехмед IV, 356
смерть, 365
Украина, 365
Кепрюлю Мехмед-паша, великий визирь, 357, 358, 361, 383, 404
значение как великого визиря, 357, 361
Мехмед IV, 356, 357

Кепрюлю Хуссейн-паша, великий визирь, 383, 393, 397
Мустафа II, 398
реформы, 393
смерть, 397
Кепрюлю-заде Мустафа-паша (III), великий визирь, 356, 361
Австрийская кампания, 379, 380
значение как великого визиря, 378
Сулейман II, 378, 379
Керзон, лорд, 614
Кинглейк, Александр Уильям, 528, 531, 536
Кипр, 285—288
Кипрская конвенция, 602
Кипченер, лорд, 654, 655, 657
Клавдий (Галаудеос), 265
Кларендон, лорд, 524, 533, 534, 536
Клебер, генерал, 460
Касфты, 477, 481
«Книга Александра», 215
Киполес, Рихард, 313, 314
Коббет, Уильям, 482
Кобден, Ричард, 551
Кобург, принц, 443
Кодрингтон, Эдвард, 486
Колокотронис (руководитель греческих повстанцев), 483, 484
Кольер, Якоб, 383
Комитет «Единение и прогресс», 620, 644
Кондурлотис с о-ва Гидра, 482—484
Константин, император, 106—119, 141, 143
Константин, князь, 439, 446
Константин, король, 638, 641, 654
Константин Порфирогенный, император, 157
Константинополь
Баязид I, 73—80
Мехмед II, 104, 107—122
Мурад II, 93
осада и падение, 74—89, 95, 105, 107—123
Константинопольская конференция, 560, 573
Констанцо из Феррары, 172

Османская империя

- балканские войны, 638, 639
- Великобритания, 648—650
- внутрипартийные конфликты, 631—635
- выборы в парламент, 644, 645
- Германия, 646—656
- Италия, 636
- Лондонский договор, 489, 640, 641
- младотурки, 643—655
- образование Турецкой Республики, 658
- Парижская мирная конференция, 658
- полномочия правительства, 630
- Россия, 647, 650—652, 654
- функции султана, 630
- См. также: комитет «Единение и прогресс»
- Контарини, Бартоломео, 191
- Контрреформация, 342
- Коран, 31, 70, 83, 97, 99, 156, 165, 189, 267, 274, 290, 320, 327, 341, 411, 554, 622
- Королева Елизавета, 352
- Кофе, начало употребления, 353
- Кохрейн, лорд, 484
- Крестоносцы, 27
- Криг, 571
- Абдул-Хамид II, 614—617, 619—630
- Греция, 614—617, 624
- Ибрагим, 338
- Кеиролоу Ахмед-паша, 362—366
- Критовул, 160
- Крым, 449, 475
- Крым-Гирей, 429
- Крымская война, 536, 539—541, 562
- Кючук-Кайнарджский договор, 436, 437, 439
- Кямил-паша, великий визирь, 624, 635, 639
- Ла Валетт, Жан де, 267
- Лазаревич, Стефан, 86
- Лазарь Сербский, князь, 62, 64, 66—68
- Лала Мустафа-паша, 285—287, 298
- Ланкоси, Савари де, 352, 353

- Лоудон, маршал, 443, 444
- Левантская компания, 350
- Лелло, Генри, 354
- Леопольд, император, 369, 371, 377, 444
- Леопольд Саксонский-Кобургский, князь, 489
- Лепанто, битва при, 289
- Ливия, 636
- Лимпус, адмирал, 653
- Лондон, договор, 489, 640, 641
- Лун-Филипп, 511
- Лукаш, лорд, 539
- Лайрд, сэр Генри, 568, 580
- Людвиг Баварский, король, 586
- Людвиг Баварский, принц, 476, 477
- Людвиг II, король, 199, 202, 204
- Людвиг XIV, король, 360, 367—369, 378, 384, 399
- Людвиг XV, король, 415—420
- Людвиг XVI, король, 450
- Лютер, Мартин, 206
- Лале джери (эпоха Тюльпанов), 408
- Манрокордато, Александр, 481—483
- Македония, 45, 47, 54, 60—62, 65, 74, 311, 568, 637, 640
- Максимилиан II, король, 272
- Макферлейн, Чарльз, 521
- Маллет, сэр Аليكс, 649
- Малхатун (Малхун), 32
- Мамла, 237, 266—272
- Мануил II Палеолог, император, 62, 63, 71, 74, 75, 80, 95
- Манцикерт, битва при, 26
- Мара, леди, 126
- Мария-Терезия, 424
- Маркозюлы, семейство, 34
- Мартиностро (итальянский специалист-минер), 104
- Мартинуцци (моллах), 250—254
- Матфей, император, 49
- Магнш Корвин, король, 144, 204
- Махмуд (брат Мустафы IV), 468
- Махмуд (сын Мехмеда III), 310
- Махмуд I, султан, 411—425
- Австрийская кампания, 418, 419
- Белград, договор, 422
- Ибрагим Мюстедеррика, 412

- русская кампания, 417
 Франция, 415—418, 423
 Швеция, 423
 Махмуд II, султан, 438, 468, 472—512,
 520, 545, 629, 667
 Адрианополь, договор, 497
 Греция, 475—481, 483—490
 Лондон, договор, 489
 Мехмед Али, 508—511
 Наполеон, 475
 оценка правления, 511
 первая турецкая газета, 505
 реформы
 военная, 496, 506
 высших исполнительных органов
 власти, 499
 образовании, 502
 правосудия, 501
 религиозная, 499
 социальная, 503
 Россия, 472, 473, 486—490
 сипахи, 500
 Ункяр-Искелеси, договор, 508
 янычары, 494
 Махмуд Недим-паша, великий визирь,
 550, 553
 Махмуд Шехвет-паша, 626, 635, 639,
 643, 644
 Махмуд-паша, великий визирь, 143, 146,
 148
 Мезе-Керестеш, битва при, 360
 Менишков, князь, 528—531
 Мере Хусейн-паша, великий визирь, 319
 Месих-паша, 151, 152
 Меттерних, князь Клеменс фон, 485,
 486, 514
 Мехмед Али-паша, 466, 484, 486, 502,
 507—511, 564, 591
 Махмуд II, 491—511
 Мехмед I, султан, 86, 89, 93
 янычары, 86, 87
 Мехмед II, султан (Завоеватель), 53, 70,
 89, 97—177, 189, 192, 223, 230—234,
 389, 472
 братоубийство по линии наследова-
 ния трона султана, 153
 военные кампании в Азии, 147
 военные кампании в Европе, 136—147
 возрождение Стамбула, 131
 дворец Пушечных ворот, 160
 детство, 97
 Диван, 153
 западная и восточная культуры, 171
 изменения в правительстве, 153—
 159
 источники доходов империи, 169—
 171
 меры принятия для правящей элиты,
 164
 Мурад II, 97, 98, 100, 103
 обучение, 98
 оценка правления, 174
 падение Константинополя, 107—121,
 123
 Петр Великий в сравнении, 389, 390
 производство вооружений, 110
 смерть, 174
 христиане, 125—130
 янычары, 100, 105, 111
 Мехмед III, султан, 297, 309—311, 353,
 354
 англо-французские отношения во
 время правления, 353
 братоубийство по линии наследова-
 ния трона султана, 310, 311
 кампании в Европе, 311
 смерть, 311
 установление дипломатических
 отношений с Голландией, 354
 Мехмед IV, султан, 339, 356—377, 381,
 408
 Австрия, 368—378
 ссылка, 378
 Кара Мустафа, 367—375
 Кепрюлю Ахмед-паша, 358—366
 Кепрюлю Мехмед-паша, 357—359
 охотничьи «кампании», 359
 Польша, 376
 Республика Венеция, 356
 янычары, 356
 Мехмед VI, султан, 658
 Мехмед Чюлюк, 290
 Мехмед Эмин, 633
 Мехмед Эмин-паша, великий визирь,
 429
 «Мешверет» (журнал), 620

- Мадхат-паша, великий визирь, 550, 553, 558, 559, 573, 574, 622, 628, 630
- Мидан, князь, 588
- Минавское герцогство, 76
- Минасты, 125, 126, 343, 572
- Михаил VIII Палеолог, император, 46
- Михаил IX Палеолог, император, 47
- Михалоглы, семейство, 34
- Михримак, 256, 266
- Младотурки, 620, 632, 637
в качестве правителей империи, 643, 645
изгнание, 658
массовые убийства армян, 605—607
начало деятельности, 623
- Молдавия, 308, 365, 418, 427, 429, 435, 437, 439, 446, 464, 475, 524, 531, 564
- «Молодая Турция» (журнал на фр. яз.), 620
- Мольке, барон Гельмут фон, 487, 497
- Монголы, 23, 28, 31—35
- «Монитор Осман» (газета), 505
- Морозов, Франческо, 223, 350, 362, 375, 380
- Мохач, битва при, 202, 203, 361
- Мулай Хасан, 238, 239
- Мурад I, султан, 37, 52—70, 73—76, 156
оценка правления, 69
христиане, 54, 55
экспансия в Азии, 64, 65
экспансия в Европе, 53, 66
- Мурад II, султан, 93—105, 126, 146, 164, 178
Венгрия, 95, 96
возвращение на трон, 103
достижения в области культуры, 102, 103
Мехмед II, 97—99, 103—105
осада Константинополя, 93
Республика Венеция, 95
сипахи, 97
централизованное управление, 97
янычары, 97
- Мурад III, султан, 295—310, 348
дипломатические отношения с Великобританией, 348—352
дипломатические отношения с Францией, 344
ослабление власти султана, 300—307
персидская кампания, 298
смерть, 310
Соколу-паша, 295
янычары, 306, 307
- Мурад IV, султан, 307, 323—336, 358
кампания в Азии, 334
правление с помощью террора, 323—326
сипахи, 325—327
смерть, 336
султанша-валиде, 324
физическая одаренность, 324
янычары, 326, 327, 334
- Мурад V, султан, 555—559, 573, 580
- Мурад-бей, 263
- Муса, 89
- Мустафа (брат Ахмеда I), 311
- Мустафа (брат Мурада II), 95
- Мустафа (сын Мехмеда II), 140
- Мустафа (сын Сулеймана I), 280
- Мустафа I, султан, 313, 317
султанша-валиде, 317, 319
- Мустафа II, султан, 379—398, 403
кампания в Европе, 380—382
Карловицы, договор, 384—385
Кепрюлю Хусейн-паша, 383, 384, 393, 397
Петр Великий, 395
улучшившиеся отношения с Западной Европой, 395, 396
янычары, 398
- Мустафа III, султан, 425—438, 441
Екатерина Великая, 427—435
Кючук-Кайнарджи, договор, 436
Рагиб-паша, 425
смерть, 438
- Мустафа IV, султан, 468, 472
- Мустафа Байрактар, 468
- Мустафа Кемаль, 626, 636, 656—658, 669
- Мустафа Ренид-паша, 513, 515—517
- Мустафа Фазиль, приц, 548, 555
- Мустафа Хейри-бей, 645
- Мустафа-паша, 266—269
- Мухарремский указ (секрет), 383
- Мухсинзаде Али-паша, 289—292

Мухсиниаде-паша, великий визирь, 427, 436

Мультека-уль-усер («Славные морей»), 224

Надир Хан (Надир-шах), 411

Назым-паша, 639, 643

Намык Кемаль, 547—549, 555, 576

Наполеон I, 452, 466, 477, 482, 667

Египет, 458

Махмуд II, 475

Россия, 472—474

Селим III, 463

Наполеон III, 525, 527, 532, 535, 539, 540, 548, 549

Наси, Иосиф, 285

Начальник черных евнухов, 161, 266, 313, 338, 397

Неаполитанское королевство, 76

Неверский, граф, 76, 79

Недзы, 409

Нейшперг, генерал фон, 421, 422

Нельсон, лорд, 459

Непир, адмирал Чарльз, 511

Нессельроде, граф Карл Роберт, 523, 533

Нижние земли, Республика Соединенных Провинций, 354

Низам-и-джедид («Новый порядок»), 450

Николай, великий князь, 567, 657

Николай I, царь, 487, 523—527, 530—540

Николай V, папа римский, 127

Николай фон Салым, граф, 206

Ниязи-бей, 621

Ноайль, дюк де, 363

Новая группа, 634

«Новые османы», 597, 620, 623

Абдул-Азиз, 545—550

Мурад V, 555

начало деятельности, 545—550

«Патристический альянс», 546 разгон, 575

Нотара, Лука, 130, 131

Ньютон, сэр Исаак, 425

Обер-Дробайс, генерал, 456

Оберкромби, генерал, сэр Ральф, 460

Обилич, Милош, 68

Обресков (русский посланник), 428

Обшесоз, Пьер д', 151, 178

Огузские племена, 24

Омар-ага, 456, 466

Омер-паша, 534, 537, 540

Орлов, граф, 432—434

Орхан (претендент), 106

Орхан, султан, 37—44, 52, 57

Византийская империя, 45—52

Осборн, сэр Эдвард, 348, 350

Осман, Пере, 340

Осман, султан, 28, 31—41, 57, 102, 669

Византийская империя, 35—37

касаясь его легенды, 31—33

Осман II, султан, 314—317

кампания в Европе, 314—317

сипахи, 315

царсубийство, 316

янычары, 314—317

Осман III, султан, 425

«Османское зеркало для принцев» (Синан-паша), 135

Османлы

развитие, 32—34

христиане, 34, 42, 49—51

Отто, принц, 489

Павел III, папа римский, 252

Павия, битва при, 199

Пальмерстон, лорд, 497, 508, 510, 514, 516, 562

Парижская мирная конференция, 658

Парижский мирный договор (1856), 540—545, 562

Партия «Свобода и согласие», 547

Паскевич, генерал, 489

Пейджет, лорд, 385, 396

Первая мировая война, 633, 651—658

Персия

Мурад III, 298

Сулейман I, 247—249, 252—260

Пертев-паша, 289

Петр Великий, царь, 381, 383, 385, 389—395, 399—402, 417, 498, 666

Ахмед III, 399

Карловицы, договор, 385, 396

Мустафа II, 396
 русская экспансия, 380, 381, 395, 397, 399
 сравнение с Мехмедом II, 389—391
 Петр III, царь, 426
 Петрарка, 54
 Печатное дело, 411
 Пиалас-паша, 266, 267, 270, 271, 293
 Пий II, папа римский, 127
 Пий V, папа римский, 288, 292
 Пирри Рейс, 263
 Питт, Уильямс (младший), 445, 446
 Победоносные войны Мухаммеда, 593, 594
 Пожарсвад, договор, 405, 413, 416, 421
 Польское наследство, война, 417
 Польша, 96, 365, 422, 427, 428
 Мехмед IV, 378
 Потемкин, генерал Павел, 440, 442, 443
 Потемкин, князь Григорий, 440, 441, 446
 Пресбург, договор, 463
 Пушечные ворота, Дворец, 160—161
 Рагиб-паша, великий визирь, 426
 Договор с Пруссией, 425
 Мустафа III, 425—427
 реформы, 425—427
 Раглан, лорд, 539
 Райя, 125, 134, 168, 169, 225, 462, 467, 529
 Сулейман I, 214—240
 Рассел, лорд Джон, 524
 «Ла Реаль» (флагманский корабль), 291
 Реджеб-паша, великий визирь, 326
 Редклифф, лорд Стретфорд,
 см.: Каннинг Стретфорд
 Республика Венеции, 64, 80, 95, 147, 150, 174, 221
 Ахмед III, 399
 Баязид II, 179
 в качестве осведомителя османов, 214, 228
 Кампо-Формио, договор, 457
 Карловицы, договор, 384
 Мехмед IV, 365, 378
 Мурад II, 93—98
 Сулейман I, 236, 247
 Республика Турция, создание, 668—669

Решад (брат Абдул-Хамида II), 628
 «Решадие» (военный корабль), 653
 Решид-паша, 484, 487, 530, 547
 Ривери, Эмил Дюбюк де, 438
 Ригас, Ференс, 477, 482
 Риза-паша, 516, 517
 Рико, Поль, 359, 362
 Род Келдроло, 342, 665
 Родос, 193—196
 Рой, сэр Томас, 313, 318, 319, 352
 Роксолана, 249, 256—259, 266, 271, 280
 Роман IV Диоген, император, 27
 Россия
 Абдул-Меджид, 523—538
 Абдул-Хамид II, 565—567, 585—590
 Адрианополь, договор, 497
 Ахмед III, 399
 Белград, договор, 422
 Берлин, договор, 569, 570
 Великобритания в качестве защитника, 572
 Греция, 432
 конституционная монархия, 647, 648, 652—657
 Кючук-Кайнарджи, договор, 436
 Махмуд I, 424
 Махмуд II, 472, 473, 498
 Наполеон, 472—475
 начальная экспансия, 281—284, 338—340
 поражение султанского флота, 432
 Сан-Стефано, договор, 568
 Селим III, 464—469
 Франция, 458, 459
 экспансия при Петре Великом, 381, 395, 396, 399
 Румыния, 360, 564, 568, 570
 Русская революция, 657
 Рустан-паша, великий визирь, 256, 259, 266, 279
 Рыцари ордена св. Иоанна Иерусалимского, 53, 76—79, 88, 106, 151, 152, 288—292
 Мальта, 237
 осада Родоса, 192—196
 принц Джем, 177
 Рюшту-паша, 554

- Саадабад (дворец), 406
 Саадеддин, 54
 Савджи (сын Мурада I), 62
 Сазонов, Сергей Дмитриевич, 647, 650
 Саид Мехмед, 410
 Саид Халил, принц, 644
 Сакс, Ганс, 209, 239
 Саладин, 59
 Салверс, генерал-майор Лимш фон, 647, 650
 Сан-Стефано, договор, 568, 569, 572
 Сара, принцесса, 143
 Салтон, сэр Роберт, 396, 401
 Сафийе Баффо, султанша, 297
 «Священная лига» (1684), 376, 384
 Себастьян, Франсуа, 463
 Себастьян Португальский, король, 295
 Сеймур, адмирал Фредерик, 593
 Сеймур, сэр Гамильтон, 523, 525, 536
 Секбанлы, 308
 Селевк Никатор, 283
 Селим I, султан, 167, 183—188, 192, 247, 257, 596
 братоубийство по имперской линии, 183
 вторжение в Египет, 185
 кампании в Азии, 184
 оценка правления, 188
 религиозный фанатизм, 183
 смерть, 185
 Селим II, султан, 257, 259, 260, 274, 280—295, 307
 вторжение на Кипр, 285—288
 смерть, 295
 Соколу-паша, 279—285
 сражение при Лепанто, 289—291
 Селим III, султан, 443, 449—471, 477, 491, 495, 505, 506, 667
 Екатерина Великая, 441—446
 открытие дипломатических представительств европейских стран, 452
 Наполеон, 463
 новый порядок, 450—456, 466, 467
 отречение, 467, 468
 оценка правления, 469
 Россия, 466
 Сербия, 461—463
 Систов, договор, 444, 445
 Турецко-русская война, 440—446, 449
 Франция
 влияние, 450—452, 456, 461
 война, 458—460
 янычары, 462, 466, 467
 Селим-Гирей, хан, 370
 Сельджуки, клан, 24—27, 32, 33, 88
 Семибашинный замок, 209, 296
 Семилетняя война, 424
 Сен-Готард, битва при, 361
 Сен-Симон, граф, 410
 Сент-Арно, маршал, 539
 Сербия, 45, 48, 54, 55, 63—67, 71, 95, 97, 136—140, 395, 421, 427, 524, 552, 561, 568, 570, 588, 617, 637, 662
 балканские войны, 638, 641
 Бухарест, договор, 475
 Селим III, 462, 463
 Сервантес, Мигель, 292
 Сигизмунд Венгерский, король, 75—79, 95, 96
 Сиди Али Релис, 263
 Синам, Минмар, 231
 Синан-паша, 135
 Синоп, массовые убийства, 535
 «Синопская баталия» (музыкальная пьеса), 535
 Сипахи, 167, 168, 199, 225, 301, 306, 307, 312, 323, 325, 404, 461
 Ибрагим, 339—341
 Махмуд II, 491—500
 Мурад II, 97
 Мурад IV, 325—331, 333
 Осман II, 315—317
 Систов, договор, 444, 445
 Сиваиторок, договор, 343, 354, 362
 Ситт Халум, 104
 Слейд, Адольф, 516
 Смит, сэр Сидней, 460
 Соколу Мехмед-паша, великий визирь, 254, 273, 279, 281—300
 Мурад III, 295
 Селим II, 280, 284, 293
 Солсбери, лорд, 561, 563, 585, 590, 594, 602, 611
 София, императрица, 281

Стамбул
 Мехмед II, 131—135
 Сулейман I, 230—234
 Стамбулов (лидер повстанцев), 587—590
 Стейсер, Ричард, 348
 Стефан Боснийский, король, 145
 Столетняя война, 76
 Суворов, генералиссимус, 442—444
 Сулейман, великий визирь, 377
 Сулейман Евнух, 149, 261—263
 Сулейман, принц, 27
 Сулейман, султан, 84, 86—89
 Сулейман I, султан (Великолепный), 68, 177, 189—195, 279—281, 300—309, 343, 344, 355, 360, 369, 375, 404, 470, 472, 495, 628
 Абиссинская кампания, 264
 Барбаросса, 235—246
 военные действия в Европе
 Белград, 192
 Вена, 205
 Венгрия, 198—205, 250—255, 272
 Драгут, 265—268
 Египет, 197
 ежедневная жизнь двора, 215—221
 Ибрагим-паша, 198—213
 Капуши Райя (Свод законов о райя), 225
 Карл V, 189, 205, 209—211, 214, 238, 239, 248
 морские сражения и операции, 234—236
 Родос, 192—196
 мусульманский мир при правлении, 224
 пародные развлечения, 218
 обучение, 191
 персидская кампания, 247—249, 254
 разногласия между сынсэвьями, 256—260
 райя, 226
 расцвет архитектуры в Стамбуле, 230
 Республика Венеция, 240—243
 реформы
 налоговая, 226
 правовая, 223
 Роксолана, 256—259

физические данные, 191
 Франциск I, 190, 221, 237, 240—246
 христиане, 224—227
 янычары, 197
 Сулейман II, султан, 377
 Сулейман-паша (сын Орхана), 49—51
 Сулеймание, 231, 259
 Сулиоты (христианские повстанцы), 461
 «Султан Осман» (военный корабль), 653
 Султанзаде-паша, великий визирь, 338
 «Султанша» (военный корабль), 289—291
 Сушон, адмирал, 653
 «Сюзан из Лондона» (корабль), 350
 Табак, внедрение, 354
 Талаат-паша, 631, 644, 651
 Талсйран, Шарль-Морис де, 459
 Танзимат (реорганизация, перестройка), 513, 542—545, 549, 560, 574, 628
 Тахмасп, шах, 259, 298
 Тевфик, хедив, 592
 Текелн, граф Эммерих, 368, 370, 378, 380, 385
 Тимаров система, 167, 225, 454, 500
 Тимур Татарин (Тамерлан), 80—89, 147
 Баязид I, 82—88
 Тогрул, султан, 26
 Тойибн, Арлод, 59, 69, 343
 Толстой, граф Петр Андреевич, 397, 400
 Тюльпанов эпоха, 408—412
 Топал Осман-паша, великий визирь, 416
 Тотт, барон де, 428, 429, 433, 438
 Трапизувашия, 254, 311, 360, 377, 449
 Трапезундская кампания, 142, 143
 Трапезундский, Георгий, 124
 Тридцатилетняя война, 343, 361
 Тройственная антанта, 648, 651, 654
 Тройственный союз, 648, 654
 Тури, 64
 Ту-кюэ (Ту-Гю), 23
 Туман-бей, султан, 185
 Турак, 238, 239, 295, 591
 «Турецкие очаги», 654
 Турецкий ультиматум, 532
 Турецко-русская война, 441—446, 449

Турция, республика, создание, 658
Тюркские кочевники, 182

Уайт, сэр Уильям, 585
Узун Хасан, князь, 142, 143, 147, 148, 182
Украина, 364, 365
Улама, 224, 227
Улудж Али, 266, 284, 290—293, 351—353

Улудж-бей, 410
Уникяр-Искелеси, договор, 508
Уолси, кардинал, 214
Уолсингхем, сэр Френсис, 350
Уолсли, генерал сэр Гарнет, 594
Урбан (ленгерский инженер), 110, 120
Урбан V, папа римский, 54

Феодора, 48, 51
Фердинанд Болгарский, князь, 624
Фердинанд Габсбург, король, 205—212, 214, 221
Фердинанд Кобургский, принц, 590
Фердинанд, король Венгрии, 249—254, 272
Ферриоль, посол, 399
Ферхад-паша, 312
«Филики Этерия» (Общество друзей), 477, 479

Филипп II, король, 265, 284, 288, 295, 303, 347, 352

Филлельфо, Франческо, 127

Фирдоуси, 173, 231

Флери, кардинал, 417, 419

Флор, Рокер де, 46

Фокс, Чарльз Джеймс, 444, 445

Фома Палеолог, император, 141

Фракит, 47, 49, 54, 60, 62, 65, 74, 111, 113, 568

Франко-турецкий союз (1535), 222

Франциск I, король, 205, 221, 347, 415, 417

Карл V, 189, 190, 199, 219

Сулейман I, 190, 191, 221, 237, 240—245

Франция

Великобритания, 458

Калигулла, 344, 349, 462, 519, 525

Крымская война, 539—541

Махмуд I, 507

Мехмед III, 353

Мурал III, 348

Первая мировая война, 651—658

Россия, 458—460

Селим III

взятие, 449—451, 456

война, 458—460

Франко-турецкий союз, 222

Французская революция (1789), 449, 450

Франц-Фердинанд, эрцгерцог, 651

Фридрих Великий, прусский король, 424

Фруассар, Жан, 77

Фуад-паша, 544

Фьюлад, дюк де ла, 361

Хаджи Бекташ, 57

Ханр ад-Дин, генерал, 600

Халил, 47, 51

Халил Чандарлы-паша, великий визирь, 97, 99, 100, 103—105, 111, 118, 131

Хамза-паша, великий визирь, 428

Харборн, Уильям, 348—353

Хас Мурад-паша, 148

Хасан Алкирский, 433, 441—443

Хасан (анатолийский гигант), 120

Хасаа (Мещорморто), 380

Хасан-паша, 537

Хатт-и шериф, Гюльханейский («Гюльханейский священный указ»), 513—515

Хафиз Ахмед-паша, великий визирь, 324

Хафиз Персидский, 173

Хиджазская железная дорога, 614

Хилим-паша, 619

Христиане (османы)

Абдул-Меджид, 512—513

Мехмед II, 124—130

миллеты, 125, 126, 344, 572

Мурад I, 54—56, 68, 69

османы, 34, 42, 49—51

падение Константинополя, 123

райи, 125, 134, 168, 169, 225, 462

Сулейман I, 224—226

Хуан Австрийский, дон, 288—293

Хулагу, 27

Хумаюн, император, 261

«Хурриет» (газета), 548

Хуршид-паша, 479
Хусейн, адмирал, 456
Хусейн, великий визирь, 317

Челеби Мехмед, 410
Черч, сэр Ричард, 484
«Черная Смерть», 53, 55
Черногория, 472, 552, 560, 568, 570, 586
Черчилль, Уинстон, 654, 657
Чингиз-хан, 27, 80
Чатем, лорд, 444

Шакир-паша, 607
Шариат (Священные законы), 224
Шауверс, герцог Этьенн Франсуа де, 428
Шведия, 423
Шевкет-паша, 630
Шемси-паша, 298
Шемси-паша, генерал, 622
Шерефеддин, 83
Шихабеддин-паша, 100
Шипман, князь, 66, 74
Шпейер, сейм, 202, 206
Штаремберг, граф, 370, 374
Штефан Молдавский, господарь, 145

Эвлия Челеби, 323—325
Эвренос, 36
Эдебали, шейх, 32, 33
Эдуард VII, король, 619, 621, 648
Элмот, сэр Генри, 553
Элринстон, Джон, 432, 433
Элю, граф д', 78
Энвер-бей, 621, 622, 626, 631, 636—641, 643, 646, 647, 651—656
Эгипетский, герцог, 244

Энциклопедия (Дидро), 452
Эртогрул, 31, 33, 42

Юлиан, кардинал, 96, 102
Юрисич, Николай, 211
Юсуф-паша, великий визирь, 456

Якуб (сын Мураза I), 67, 70
Якуб-паша (Якопо де Гаете), 173
Ян Собеский, король, 365, 369, 371—377, 380, 383

Янычары, 57—67, 69, 83, 86—93, 97, 100, 102—105, 111—121, 137—143, 152, 156, 164—169, 178, 183, 185, 192—194, 208, 235—238, 242, 257—262, 306—340, 356, 362, 374, 382, 390—393

Ахмед I, 311—314

Ахмед II, 412

Баязид II, 177, 178, 183

Ибрагим, 340—342

Махмуд II, 491—495

Мехмед, 99—122

Мехмед I, 89

Мехмед IV, 356

Мурад II, 97

Мурад III, 306—308

Мурад IV, 326—328, 333

Мустафа II, 398

мятежи, 314—317, 397, 455, 469, 491

Осман II, 314, 315

растущее влияние, 197, 198, 313

Селим III, 462—468

Сулейман I, 197, 198

формирование, 57—60

См. также: Армия султана

Яхья Кемаль, 409

Список карт

Османская империя в период наивысшего могущества	180—181
Османь в Средиземном море	244—245
Восточные владения империи	251
Завоевания османов в Европе	372
Соперничество России	434

Содержание

Предисловие к русскому изданию	5
Пролог	23
Часть I. ЗАРЯ ИМПЕРИИ	31
Часть II. НОВАЯ ВИЗАНТИЯ	93
Часть III. РАСЦВЕТ ИМПЕРИИ	177
Часть IV. СЕМЕНА УПАДКА	279
Часть V. СОПЕРНИЧЕСТВО РОССИИ	389
Часть VI. ЭПОХА РЕФОРМ	449
Часть VII. ПОСЛЕДНИЙ СУЛТАН	579
Эпизод	659
Библиография	670
Примечания М. С. Мейера	674
Предметно-именной указатель	678
Список карт	694